

— Р. Г. Кузеев —

Народы Среднего Поволжья и Южного Урала

**ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЙ
ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

БАШКИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

Институт истории, языка и литературы

Р. Г. Кузеев
**Народы
Среднего Поволжья
и Южного Урала**

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Москва
"Наука"
1992

ББК 63 5(2)
К 89

Ответственный редактор:
доктор исторических наук **В. А. Тишков**

Рецензенты:
доктора исторических наук **Х. А. Аргынбаев,**
Б. Х. Кармышева, М. С. Муканов, Р. З. Янгузин,
Г. П. Васильева,
кандидат исторических наук **М. Д. Киекбаев,**
заслуженный деятель науки
профессор **Н. А. Баскаков,**
И. М. Габдрафиков, И. Г. Петров

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ

АЗБ	Археология и этнография Башкирии
баш	башкиры
ВГУ	Башкирский государственный университет
БСЭ	Большая Советская Энциклопедия
ВФАН СССР	Башкирский филиал Академии наук СССР
ВИ	Вопросы истории
ГАОО	Государственный архив Оренбургской области
ИЗО	Историко-этнографическая область
ИИЯЛ БНЦ УрО	Институт истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР
ИЯЛИ	Институт языка, литературы и истории (Казань)
каз	казахи
калм	калмыки
крш	кряшены
КЭГ	крупная этническая группа
мар	марийцы
ниш	нишари
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МИБ	Материалы по истории Башкирии
МКАЭН	Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МКФУ	Международный конгресс финно-угроведения
норд	нордва
и п	мужского пола
МЭГ	малая этническая группа
НГ	национальная группа
ПГУ	Пернский Государственный университет
РАН	Российская Академия наук
РГО	Русское географическое общество
рус	русские
СИЭ	Советская историческая энциклопедия
СА	Советская археология
СЭ	Советская этнография
тепт	тептяри
ТИЭ	Труды Института этнографии
УЗ	Ученые записки
удм	удмурты
Удм НИИЯЛИ	Удмуртский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
укр	украинцы
ЦГАДА	Центральный государственный архив древних актов
чув	чуваши
Чув НИИЯЛИЭ	Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
ЭГ	этнографическая группа
Этн Г	этническая группа

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

На этнографической карте России в самом ее центре можно увидеть пестрое многоцветье обширной территории от Оки на западе до западно-сибирского Зауралья на востоке. Это территория Среднего Поволжья и Южного Урала, населенная разными по языку и культуре народами — финно-угорскими (мордвой, марийцами, удмуртами), тюркскими (чувашами, татарами, башкирами), восточнославянскими (русскими, украинцами, белорусами), а также латышами, эстонцами, немцами, евреями, казахами. Многонациональность региона складывалась постепенно, в течение столетий. История Среднего Поволжья и Южного Урала тесно взаимосвязана. В I — II тысячелетиях н.э. здесь, на границе Европы и Азии, происходили крупные события, которые неизменно сопровождались контактами многих этносов и этнических групп. Эти контакты имели различный характер. Преимущественно они были мирными, проявлялись во взаимодействии в области хозяйства, материальной культуры, затрагивая нередко и сферы языка, духовной культуры. Порой они обретали конфликтный характер, выливаясь в национальные и социально-национальные движения или в открытые восстания. Ненасильственные контакты проходили не бесследно для этнокультурных процессов, в том числе в случаях, когда культурные (или культурно-конфессиональные) воздействия приобретали целенаправленный агрессивный характер.

Процессы многовековых взаимосвязей народов Среднего Поволжья и Южного Урала привели к формированию у них общего, регионального слоя культуры, который в разной степени захватил хозяйство, сферы материальной и духовной жизни. В то же время этот процесс не привел к разрушению этносов и особенностей их национальных культур. Сложился, таким образом, регион населенный различными народами с глубоко специфичными национальными культурами, языками, одновременно связанными некой общностью пройденного исторического пути и сближающим их общими слоями культуры. Это и дало основание выделить Среднее Поволжье и Южный Урал в особую историко-этнографическую область (ИЭО), исследование происхождения и исторического развития которой — задача настоящей книги.

В этнологической литературе все чаще подчеркиваются актуальность и перспективность изучения историко-этнографических областей, характеризуемых как локализованные в пространстве и во времени части ойкумены, у населения которых в процессе длительного взаимодействия и взаимовлияния разных народов (этносов) формируются общие особенности в хозяйстве, социальном строе, культуре и быте¹. Всестороннее изучение историко-этнографических областей открывает новые исследовательские перспективы, позволяет существенно повысить доказательность сравнительно-исторических сопоставлений при изучении различных сфер культуры, более глубоко изучить и понять развитие отдельного этноса в системе исторически связанных с ним народов. Комплексное (междисциплинарное) исследование истории формирования и современного состояния ИЭО позволяет иначе взглянуть на ставшие традиционными решения некоторых этногенетических и этнокультурных проблем.

Такой подход, например, создает основу для реконструкции структуры ИЭО в динамике, когда она в разное время включала в свой состав этни-

ческие (этносы, субэтносы, этнографические группы...) и историко-культурные (историко-этнографические подобласти, районы). В общности различных таксономических уровней Установлению генезиса и особенностей функционирования указанных общностей в составе ИЗО неизбежно должно предшествовать развернутое исследование характера, направления и механизма этнических и этнокультурных процессов в регионе. Важно подчеркнуть при этом, что разработка этих процессов с учетом более широких диахронных и синхронных связей изучаемой ИЗО с другими, как правило, с контактными историко-культурными провинциями и историко-этнографическими областями, а также в связи со структурными изменениями в социально-экономическом строе открывает дополнительные возможности в исследовании проблем этногенеза и этнической истории отдельных этносов, повышает уровень достоверности таких исследований, позволяет избежать крайних, иногда гипертрофированных до этноцентризма выводов и заключений.

Изучение в указанных аспектах Волго-Уральской ИЗО^{*} представляет особый интерес, так как тюркские и финно-угорские народы, расселяясь на огромных лесных, лесостепных и степных пространствах Евразии, именно здесь, на территории Восточной Европы, от р. Оки до Урала, по крайней мере на протяжении двенадцати столетий имели постоянные и тесные контакты. В свете периодически возобновляющихся дискуссий вокруг гипотез об урало-алтайском генетическом родстве или о древних контактах уральских и алтайских народов разработка истории этнокультурного взаимодействия финно-угорских и тюркских народов в Волго-Уральском регионе может явиться полезным вкладом в традиционные проблемы алтаистики и уралоистики.

Высказанные выше общие положения нуждаются в конкретизации, которая возможна, однако, в той степени, в какой тема об историко-этнографических областях разработана в историографии. Наиболее изученной является Прибалтийская историко-культурная область. Детальная археологическая, этнографическая и лингвистическая изученность Прибалтики позволила проследить процесс формирования и развития характерных культурных черт для этой области на протяжении длительного периода: от неолита до рубежа XIX - XX вв.⁴ Если иметь в виду разнообразие природно-географических и исторических условий на всей территории СССР, то результаты даже комплексной (междисциплинарной) изученности только одной области не могут создать необходимую основу для теоретических обобщений. В то же время актуальность проблемы требует постулирования ряда общих предпосылок, объясняющих условия формирования, развития и функционирования историко-этнографических областей.

Основная проблема в формировании и развитии ИЗО сводится, с одной

^{*} В литературе данная ИЗО обозначается по-разному: "Среднее Поволжье" (Коляева К.И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. С.5); "Среднее Поволжье, или Волго-Камский край" (Толкарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. С.147); "Область Прикамья" - Der Kama-Bund (Densu Gy. Die Linguistische Struktur Europas. Wiesbaden. 1975. S.123); "Урало-Поволжская ИЗО" (Павлов В.В. Урало-Поволжская историко-этнографическая область. К проблеме изучения // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С.39 и др.). Наиболее адекватно отражает историю формирования истории этнографической области и особенности расселения ее народов название "Волго-Уральская". В литературе это название использовалось еще в 1920-е годы. А.Н.Самойлович в 1927 г. писал о "Волжско-Уральском", или "Окско-волжско-камско-тобольском" "культурно-географическом районе" (Самойлович А.Н. К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае // Новый Восток. Журнал научной ассоциации востоковедов Союза ССР. М., 1927. Кн. 18. С.210-211).

стороны, к роли территории и ее природно-географической среды, с другой — к взаимодействию и взаимовлиянию культур в процессе исторических контактов. Культурные комплексы, возникшие в определенных экологических нишах (на одной или разных территориях), в советской этнографической науке принято называть хозяйственно-культурными типами (ХКТ), комплексы культуры, возникшие в результате их исторического взаимодействия на единой территории, — историко-этнографическими областями. По определению В. П. Алексеева, "первый принцип группировки опирается на очевидный факт возникновения сходного хозяйства и, следовательно типологически близких явлений культуры в сходных условиях географической среды, второй — на общую историю культурных элементов. В первом случае явления существуют в пространстве как непосредственный ответ на географическую среду, во втором — вследствие общей исторической судьбы и как результат этого — единой территории распространения..."⁶

В основе ИЗО лежит, таким образом, понятие территории с примерно одинаковыми природно-географическими условиями, на которой совместно расселяются и реально взаимодействуют народы с различающимися расовыми языковыми, хозяйственно-культурными, конфессиональными характеристиками, а также находящиеся на разных уровнях социально-экономического и социально-политического развития. Интенсивность взаимодействия обуславливается социальными факторами, значение которых возрастает по мере поступательного развития и смены социально-экономических формаций. Исторические контакты и взаимодействие разных этносов на смежных территориях выступают мощным фактором культурной интеграции. При длительном историческом развитии в ИЗО могут формироваться смешанные антропологические группы, ареальные языковые союзы, региональные особенности в хозяйстве и культуре. В то же время интеграционные процессы в ИЗО имеют предел, обусловленный воспроизводством этнических традиций и стабильным воздействием природно-географической среды обитания конкретной этнической группы. Следовательно, в рамках ИЗО процессы культурной интеграции сочетаются с сохранением и развитием этнических свойств культуры. Возникновение ареального слоя культуры и расширение его социальных функций и формирует ИЗО в некую иерархическую и подвижную целостность, которая, как правило, выступает в историческом аспекте более важным признаком, чем расовые, языковые и культурные признаки составляющих это историческое единство этносов и этнических групп.

Возникновение и развитие ИЗО — длительный процесс, уходящий истоками в глубокую древность. В ходе исторического развития структура ИЗО и границы культурных явлений, естественно, менялись. Следовательно мы можем говорить об историко-этнографических областях и провинциях эпохи древности, средневековья и нового времени. При этом в каждую эпоху границы ИЗО, особенности ее функционирования складывались на пересечениях различных и реально вступающих во взаимодействие факторов расовых, лингвистических, хозяйственно-культурных, социально-экономических, социально-политических, духовно-идеологических, особенно конфессиональных. Однако в основе указанных изменений, как показывает изучение Волго-Уральской ИЗО, лежало поступательное развитие наиболее динамичной сферы жизнедеятельности общества — хозяйства и соответст-

* Этот "предел" отодвигается или неосуществляется, если разрушается механизм воспроизводства этнических традиций вследствие глубокого экологического кризиса и вызванных им структурных перестроек в системе жизнеобеспечения этноса. Середина и вторая половина XX в. характеризовались проявлениями подобного типа, когда естественные процессы аккультурации приближались к опасной черте ассимиляции или перерастали в нее.

вующих форм культуры. Следовательно, если историко-этнографическая область формировалась на базе двух или более ХКТ, то неизбежно интеграция происходила на основе одного из них (наиболее производительного в данных природно-географических условиях). В то же время остальные ХКТ длительное время сохранялись как сопутствующие или же в рудиментарной форме вплетаются в систему ставшего доминирующим ХКТ. Надо также учитывать вероятность расширения зоны функционирования производительного ХКТ в ходе этногенетических процессов, когда в результате глубокой взаимной этнической интерференции ХКТ одного из компонентов становится господствующим. В этих случаях имеется возможность говорить о единой основе происхождения этносов, входящих в историко-этнографическую область, которая одновременно выступает и как "этногенетическая общность".⁹ Применительно к Волго-Уральской ИЗО — зоны, как указано, длительного контакта финно-угорских и тюркских этносов — это положение представляется особенно важным. Известно, что по установившейся в научной литературе традиции, народы группируются по признаку языкового родства; тем самым историко-этнографическая классификация в существенной степени подменялась лингвистической или, по крайней мере, отодвигалась на второй план. Долгое время считалось также, что этнические, языковые и культурные границы более или менее совпадают или находятся в довольно жестких коррелятивных связях между собой.¹⁰ В соответствии с этим представлением народы, говорившие на родственных языках, например финно-угорских или тюркских, группировали в этнокультурные образования, которым придавали самостоятельное значение. Между тем о тюркском этническом мире академик А. Н. Саноилович еще в 1927 г. писал, что "наряду с культурными фактами и их отражением в языке, принадлежащими всем или большинству из турецких (т.е. тюркских — Р.К.) племен, существуют в настоящем или в истории культурные факты, характерные для ограниченных в большей или меньшей степени районов тюркского мира и обычно общие для различных этнических элементов населения одного и того же географического района".¹¹ В настоящее время когда продолжается историко-этнографическое районирование территории страны и всей ойкумены, а также получены определенные результаты в изучении специфических закономерностей в развитии и динамическом соотношении этносов, языков и культур¹², становится ясным, что выделение историко-этнографических областей является "более перспективным путем объединения народов в родственные группы, который отражает глубинную специфику этнических процессов".¹³ В то же время изучение историко-этнографических областей открывает новые перспективы в исследовании этногенеза и этнической истории отдельных народов. Ареальный подход к проблеме позволяет понять генезис этноса и его культуры в системе исторически взаимосвязанных этносов, более глубоко выявить тенденции этнокультурного развития в многоэтнической среде, полнее использовать возможности сравнительно-исторического метода, установить факторы формирования культурного единства группы этносов. Немаловажное значение имеет и то, что изучение этнической истории отдельных народов в системе историко-этнографических образований создает более прочную основу для объективной оценки истоков и древних этапов истории национальной культуры того или иного народа, роли местных и пришлых компонентов в сложении ее структуры. При региональном подходе характеристика отдельного этноса, специфика развития его культуры, динамика численности в различные эпохи просматривается более отчетливо, так как этнос рассматривается не изолированно, а в системе народов, живущих на протяжении многих

столетий в тесном взаимодействии на смежной или общей территории

Изучение историко-этнографических областей актуально не только при разработке этногенеза, этнической истории и истории культуры населяющих ее народов в древности и средневековье, но и для установления тенденций этнического и культурного развития в новое и новейшее время. Многие языковые и культурные процессы (например, проникновение восточнославянских лексем в финно-угорские и тюркские языки, явлений материальной культуры) имеют длительную традицию, восходящую к историческому прошлому. Это само по себе важно в дискуссии со сторонниками концепции о якобы тотальной русификации, "денационализации" нерусских народов страны в недавние десятилетия. Из исследований этнологов известно, что восточнославянский суперстрат, оказав воздействие на все или многие сферы жизни местных народов, сам испытав определенное влияние их культуры, не дестабилизировал этносы и их национальные культуры. Для Волго-Уральского региона этот тезис очевиден в силу сохранения и функционирования здесь финно-угорских и тюркских этносов, достоверно известных нам по крайней мере с конца I тысячелетия н.э., т.е. более чем за полтысячелетия до присоединения к Русскому государству. Известные случаи дестабилизации этносов в XX в. явились следствием политического воздействия тоталитарной системы (депортации ряда народов Поволжья, Северного Кавказа и Крыма; коренного переустройства хозяйства и образа жизни малых народов Севера и Сибири без учета этнокультурных традиций и глубокой адаптированности их занятий к экологической нише).

Изучение истории развития ИЗО в новое время создает основу для более глубокого понимания особенностей современного функционирования историко-культурного региона. В феодальной или капиталистической России интенсивность воспроизводства в рамках ИЗО производительных сил и социокультурной инфраструктуры (в том числе национальных традиций) зависела от уровня социально-экономического развития и социально-классовой структуры этносов. Народы ИЗО находились на различных ступенях развития, как правило, более низких, чем социально-экономическое развитие жителей Центральной России. Так, в Волго-Уральском регионе на рубеже XIX-XX вв. ни одна народность в полной мере не достигла уровня буржуазного развития русской нации, оставаясь многоукладным обществом с различным удельным весом капиталистических, феодальных и патриархально-общинных структур. Это, естественно, не могло не отразиться на степени национальной консолидации этносов региона, на плотности внешних и внутренних культурных и иных связей.

После Октябрьской революции, по мере развертывания промышленного строительства и урбанизации, взаимодействие во всех сферах культуры между народами усиливалось. В городах, рабочих поселках, многочисленных совхозных поселениях проявляется тенденция к формированию одинаковых культурных стандартов. Предпосылкой и условием этого выступает складывание однотипных социально-классовых компонентов в структуре этносов (хотя этот процесс у народов региона протекал разными темпами и с разными особенностями). Другими словами, историко-этнографические области остаются в жизнедеятельности региона единицами самовоспроизводства производительных сил и культурной инфраструктуры, но на постоянно обновляющейся социально-политической основе¹². Главнейшим фактором функционирования ИЗО по-прежнему выступает природно-географическая среда, значение которой в силу обострения проблем экологии и минерально-сырьевых ресурсов возрастает.

Сказанное позволяет полагать, что историко-этнографические области, в которых конкретно проявляется механизм взаимодействия культур народов России, широких и растущих связей народов региона с другими регио-

нами страны и в которых одновременно в той или иной форме обнажаются и проявляются противоречия в национальных отношениях, становятся важными звеньями в общих процессах развития центробежных или интеграционных тенденций. Все это означает, что при исследовании функционирования ИЗО в новое время и тем более в условиях современности необходимо выдвинуть на первый план разработку социально-политических и социально-экономических факторов развития региона. В рамках избранного для исследования хронологического периода (II тысячелетие н.э. — до начала XX в.) автор стремился реализовать поставленные цели с учетом этого положения.

Представленный обзор свидетельствует, что изучение ИЗО одинаково актуально на всех этапах ее развития. Возвращаясь к Волго-Уральской ИЗО, надо подчеркнуть, что ее история представляет особенный интерес. Обуславливается он многими факторами: местоположением региона в самом центре Евразии, особенностями природно-географических условий в зоне соприкосновения таежных лесов, лесостепей и степей, а также гор и равнин, исторической ролью территории Среднего Поволжья и Южного Урала как контактного ареала в разные исторические эпохи финно-угорских, индо-иранских, тюркских и тюрко-монгольских, восточнославянских этносов.

Границы ИЗО всегда лабильны, что отражает постоянную активность и подвижность исторических контактов как внутри региона, так и с соседствующими этнокультурными областями. Это окружение Волго-Уральской ИЗО было сложным: с запада и с юго-запада регион сныкался с Днепровско-Волжской, с севера и северо-запада — с Беломоро-Печорской ИЗО Восточноевропейской историко-этнографической провинции (см. схематическую карту, рис. 1). С юга народы Среднего Поволжья и Южного Урала имели

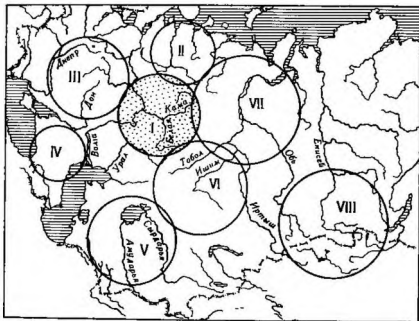

Рис. 1. Историко-этнографические провинции и области. Европейская часть — Волго-Уральская (I), Беломоро-Печорская (II), Днепровско-Волжская (III) ИЗО; Кавказ — Северо-Казахстанская ИЗО (IV); Средняя Азия и Казахстан — ИЗО Дуручья (V), Казахстанская ИЗО (VI); Сибирь — Западносибирская ИЗО (VII), Южносибирская ИЗО (VIII).

длительные контакты (с I тысячелетия н.э. до XVI — XVIII вв.) с Северо-Кавказской ИЗО Кавказской историко-этнографической провинции. На востоке этнические и культурные контакты с эпохи древности до XIX в. не прерывались с населением Западно-Сибирской ИЗО, а в исторической ретроспективе (со второй половины I тысячелетия н.э. до XIII — XIV вв.) — с Южносибирской (Алтае-Саянской) ИЗО Сибирской историко-этнографической провинции. Особенно глубоки, но остающиеся малоизученными были древние и средневековые связи с ИЗО Двуречья и Казахстано-Среднеазиатской провинции. В новое время эти связи не прерывались и оказали заметное влияние на формирование этнического состава и культуры населения восточной части Волго-Уральской ИЗО. Как видно, Волго-Уральская ИЗО расположена в зоне соприкосновения всех четырех крупных историко-этнографических провинций на востоке Европы и на западе Азии, что оставило тот или иной след на этническом и культурном облике его населения, обусловив формирование на территории региона многокомпонентного культурного континуума.

¹ Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: (К постановке вопроса) // СЭ. 1955. № 4. С. 3–17; Чебоксаров Н.Н., Чебоксаров И.Н. Народы, расы, культуры. М., 1971. С.215; Чебоксаров Н.Н. Этногенез и этническая история как предмет этнографической науки // СЭ. 1980. № 2. С.144–145. Идея об "этнографических зонах", объединяющих разные народы "по географическому распространению", в советской науке была сформулирована еще в начале 1920-х годов (Широкотроп С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922. С.22).

² Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории. М., 1981. С.46–50.

³ Моора Х.А., Моора А.Х. К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики // СЭ. 1960. № 3. С.21–51.

⁴ Тарентьев Л.Н., Шлыгина Н.В. К вопросу о формировании этнографических границ Прибалтийского региона // Проблемы типологии в этнографии. С.27.

⁵ Характеристику этнографических общностей см.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М. 1983. С.84–86.

⁶ Алексеев В.П. Историческая антропология. М., 1979. С.201–202.

⁷ Алексеев В.П. Человек: Эволюция и таксономия. М., 1985. С.87.

⁸ См. об этом: Вилкуля К. Языковая граница, этническая граница, культурная граница // Проблемы финно-угроведения: Материалы к IV МКФУ (Будапешт. 1975). М., 1975. С.13–16; Кузеев Р.Г. К вопросу о соотношении этноса и культуры // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа. 1976. С.103–106.

⁹ Самойлович А.Н. К истории культурных и этнических отношений... С.210 (разрядка моя. — Р.К.).

¹⁰ Чебоксаров Н.Н., Чебоксаров И.Н. Народы, расы, культуры. С.215–221; Азроян В.А. К проблеме взаимоотношений между языком и культурой // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. С.22.

¹¹ Алексеев В.П. Историческая антропология. С.203.

¹² Карлов В.В. Региональный аспект изучения советского народа как новой исторической общности людей // Вестник МГУ. Сер.8: История. 1985. № 3. С.46.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ ИЗО

Этнический состав и численность

В настоящее время на территории Среднего Поволжья и Приуралья расположены 6 республик (общая площадь 321,4 тыс. кв. км), в том числе 3 республики (Мордовская, Марийская—Марий Эл, Удмуртская—Удмурт Шер) с финноязычным и 3 (Башкирская—Башкортостан, Татарская—Татарстан, Чувашская—Чувашьень) — с тюркоязычным коренным населением. В шести перечисленных республиках проживает около 12 млн человек (табл. 1), в том числе (рис. 2) татар — 2,8 млн, башкир — 941 тыс (в том

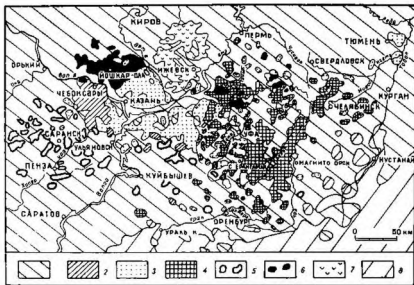

Рис.2 Этнический состав населения Среднего Поволжья и Южного Урала (серо дiana XXв)
1 — русские, 2 — чувашы 3 — татары 4 — башкиры, 5 — мордва, 6 — марийцы, 7 — удмурты, 8 — казаки

числе в Башк ССР — 936 тыс *), чувашей — 1,17 млн, марийцев — 442 тыс .

* По переписи 1989 г. численность башкир в Башк ССР сохранилась и составила 8639 тыс. человек (См.: Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Башкирской АССР // Сов. Башкирия. 1990. 21 марта). О причине сокращения численности башкир см.: Кузев Р.Г. Межнациональные отношения: История, теория, пути демократического обновления. Уфа, 1990. С.49—51. В связи с тем, что сводные данные переписи 1989 г. по численности и национальному составу населения РСФСР еще не опубликованы, табл.1 составлена по переписи 1979 г.

Таблица 1* Численность и национальный состав населения Восток Уральской ИЗО, тыс.

Республики и области	Территория (тысяч км ²)**	Татары	Башкиры	Чуваши	Мордвы	Марийцы	Удмурты	Русские	Украинцы	Прочие население	Всего население
Башкирская	143,6	940	936	122	41***	107	28***	1 548	76	46	3 844***
Татарская	68,0	1642	3***	147	30	17	25	1 516	29	36	3 445
Чувашская	18,3	38	—	888	20	2***	—	338	5***	8	1 299
Мордовская	26,2	46	—	—	339	—	—	591	6***	8	990
Марийская	23,2	41	—	8	2***	307	3***	335	5***	3	704
Удмуртская	42,1	99	2***	3***	—	9	480	870	11	18	1 492
Итого:	321,4	2806	941	1168	432	442	536	5 198	132	119	11 774
Горьковская (Нижегородская)	74,8	69	—	6***	45	9***	—	3 514	29	40	3 712
Кировская (Вятская)	120,8	45	—	—	—	48	22	1 518	16***	18	1 667
Пермская	160,6	158	49	14***	5***	6***	32	2 508	44	192	3 008
Оренбургская	124,0	151	43	23	81	—	—	1 513	105	92	2 008
Кулешовская (Самарская)	53,6	104	6***	116	117	—	—	2 587	79	85	3 094
Пензенская	43,2	78	—	7***	96	—	—	1 306	12***	11	1 510
Ульяновская	37,3	135	—	92	64	—	—	949	13	15	1 268
Итого:	453,7	740	98	258	408	63	54	13 895	298	533	16 347
Всего по ИЗО	775,1	3546	1039	1426	840	505	590	19 093	459	623	28 121

Всего тюркского населения — 6011 финно-угорского — 1935 восточнославянского — 19 552

* Таблица составлена по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. См. Всесоюзная перепись населения Национальный состав населения СССР // Вест статистики. 1980 N 7. С.41—63.

** Народное хозяйство СССР в 1980 году: Статистический ежегодник. М., 1981. С.12—14.

*** Данные приводятся по Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1973. Т.4: Национальный состав населения СССР союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. С.84, 94—95, 110—111, 131, 140—141, 144, 146, 149.

**** Численность населения Башкирской республики на 1 января 1988 г. составила 3916,6 тыс. человек — Сов. Башкирия. 1988. 31 янв.

мордвы—432 тыс., удмуртов—536 тыс человек. Всего в указанных республиках тюркское население составляет 4,9 млн, финно-угорское—1,4 млн человек. От 35 до 60% населения в республиках региона—русские. В среднем по региону русских 44%, исключением является Чувашская республика, где коренное чувашское население составляет около 70%. Значительные группы тюркоязычного и финноязычного населения проживают в соседних областях—Нижегородской, Вятской, Самарской, Оренбургской, Пензенской, Пермской и Ульяновской, территории которых исторически входили в зону формирования ИЗО. В них в сложных территориальных сочетаниях проживает татар—740 тыс., чувашей—258 тыс., башкир—98 тыс., марийцев—63 тыс., мордвы—408 тыс., удмуртов—54 тыс человек. Такий образон, с учетом указанных областей Волго-Уральский регион населяют более 6 млн человек тюркского (татар, башкир и чувашей) и 1,9 млн финноязычного (марийцев, мордвы и удмуртов) населения.

Русское и украинское население в регионе составляет 19,6 млн человек, из них в республиках—5,3 млн, в областях—14,2 млн человек¹.

Территория и природно-географические условия

Огромная площадь Волго-Уральской ИЗО (более 775 тыс кв км) характеризуется многообразием физико-географических условий рельефа региона повышается от равнин Верхнего Поволжья к Приволжской возвышенности, к высокому Заволжью (к Бугульминско-Белебеевской возвышенности и северо-западным склонам Общего Сырта) и далее к горам Южного Урала и Западно-Сибирской низменности. Остальная территория представляет собой обширную равнину со спокойным рельефом, широкими речными долинами и террасами.

Едва ли возможно определить точные границы Волго-Уральской ИЗО на протяжении длительного исторического времени. На рубеже XIX—XX вв. территория региона очерчивалась границами расселения в Среднем Поволжье и Южном Урале мордовского, чувашского, марийского, удмуртского, татарского, башкирского народов (см. рис. 2). Географически это территория от Оки на западе до левых притоков Тобола на востоке, от средних течений Вятки и Камы на севере до Волжских и Южноуральских степей на юге. На "Этнографической карте СССР" территория ИЗО четко выделяется многозвучным (на цветных картах—многоцветным) пятном². Однако в исторической ретроспективе, особенно далекой, границы региона, естественно, были другими; они менялись в соответствии с изменениями исторических, этногеографических, хозяйственно-культурных и других факторов развития. В то же время, несмотря на лабильность границ ИЗО, основная зона соприкосновения, контактов и взаимодействия различных по происхождению этнических образований сформировалась в лесостепной полосе Среднего Поволжья и Приуралья с глубокой древности и в основных очертаниях сохранялась, внутренне усложняясь и развиваясь до современной эпохи.

В ходе дискуссии о темпах этнонациональных процессов в Среднем Поволжье и на Южном Урале была высказана мысль о том, что башкиры (и Башкирия) не входили в состав Волго-Уральской области. В качестве аргументов выдвигались доводы о принадлежности в настоящее время Башкирской республики к Уральскому экономическому району, что не может быть принято во внимание с точки зрения исторической ретроспективы, а также принадлежность башкир в прошлом к ХХТ кочевых или полукочевых скотоводов, что якобы резко отличало их от остального населения

Волго-Уральской ИЗО³. В плане политической истории XVI—XVIII вв. последний тезис, действительно, имеет некоторые основания и на него, правда, в несколько преувеличенной форме, обращалось внимание и в зарубежной историографии. Например, А. Каппелер не включает башкир в число "первых национальностей" России в Среднем Поволжье, так как "кочевой образ жизни определяет другой круг проблем: столкновение России со степными народами"⁴. Аналогичную точку зрения высказал А. Доннели. Однако, если рассматривать вопрос в аспекте этнокультурной истории и в масштабах длительного времени, выявляются существенные обстоятельства, заставляющие включать башкирский этнос и территорию его расселения в систему Волго-Уральских народов. С одной стороны, предки казанских татар, мишарей, чувашей или, по крайней мере, этнические компоненты, влившиеся в состав этих народов, также были кочевниками, и это отразилось на особенностях этнографического слоя их культуры. С другой — этногенез и средневековые этапы этнического развития башкир протекали, как и у других народов региона, в этнополитических системах Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского, Сибирского ханства, Ногайской Орды. С присоединением края к Русскому государству обширная территория Башкирии, особенно ее западная и северная части, от рек Чусовой и Исети на севере до яицких и зауральских степей на юге, заселяются крупными группами всех народов Среднего Поволжья и становятся как бы продолжением этнической территории средневожских этносов на востоке. При этом этнические и культурные связи башкир со степным миром (казахами, каракалпаками, калмыками) устойчиво сохранялись до середины XVIII в., когда они в силу ряда факторов (см. в гл. IV) начали ослабевать. В равной степени этносы Волго-Уральской ИЗО на западе (особенно мордва) или на севере (удмурты) находились в контактах и взаимодействии с народами соседствующих ИЗО (русскими, коми-пермяками, коми-зырянскими — см. рис. 1). Историко-культурная общность населения региона выявляется на археологических, лингвистических и этнографических материалах. В научных исследованиях это нашло отражение в разработке многотомной серии "Археология Поволжья и Приуралья" (готовится к изданию), в идеях Волго-Уральского языкового союза, Урало-Поволжского историко-этнографического атласа и в соответствующих разработках по этой проблематике.

Преобладающая часть территории Волго-Уральской ИЗО входит в бассейн Средней Волги. Население региона, проживающее по ее крупным, средним и мелким притокам (Святка, Ока, Сура, Кама, Белая, Уфа, Быстрый Таныш, Большой Ик, Самара и др.), не только издавна имело выход к Каспийскому морю и далее в восточные страны, к Северному Кавказу, но и было связано между собой внутренними речными путями. Южная и юго-восточная Башкирия входит в Уральскую речную систему. Главным правым притоком р. Урал, также впадающей в Каспийское море, является Сакмара. Р. Урал в верхнем и среднем течении была естественной границей между Башкортостаном и Казахстаном также как р. Тобол в Западной Сибири отделяла земли казахов и башкир. Речная система средневожского бассейна в значительной степени предопределяла направления миграций населения в древности и в более позднее время с востока на запад и с запада на восток (на севере региона по Каме, Чусовой; в центре — по Каме, Белой, Уфе; на юге — по Волге, Самаре и их притокам).

Важно подчеркнуть, что территория Волго-Уральского региона является переходной в природно-географическом отношении с севера на юг здесь сменялись таежно-лесная, лесостепная и степная зоны. Лесная зона от лесостепной отграничивалась средним течением Волги (примерно от устья Оки до устья Камы), нижним течением Камы и северной излучиной р. Белой.

Граница лесостепной и степной зон, которая на протяжении II тысячелетия и э была, видимо, подвижной, в XVIII—XIX вв проходила южнее широты Самарской излучины Волги. Соответственно с севера на юг сменяется на территории региона почвенный покров: на севере преобладали подзолистые почвы, в центральной полосе — плодородные серые лесные почвы, на юге — богатые черноземы. В период активных миграций крестьянского населения в XVI—XIX вв речные системы и качество почв сыграли существенную роль в особенностях расселения населения.

Климат Волго-Уральской ИЗО умеренно континентальный. Территория ИЗО является окраинной частью Восточно-Европейской равнины, поэтому она, как и вся равнина, подвержена беспрепятственному воздействию холодных воздушных масс с севера, влажных — с запада, теплых и сухих — с юга. Количество выпадающих осадков составляет в среднем 400—600 мм в год. Средние показатели летней температуры колеблются от $+17^{\circ}$ — $+19^{\circ}$ в северных районах, до $+20^{\circ}$ и выше в более южных. Для всей территории Волго-Уральской ИЗО характерны холодные зимы. Число морозных дней на севере достигает 150—160, а на юге 135—140. В Татарстане, Чувашии и Мари Эл зимняя температура опускается до -35° — -40° . Несколько выше она на юге Самарской и Саратовской областей, но и здесь она нередко доходит до -32° .

Животный мир Волго-Уральского региона богат и разнообразен. В северных районах типичной является таежная фауна. Здесь много ценных промысловых зверей: лосей, зайцев, белок, лисиц, медведей. В хвойных лесах живут глухари, рябчики на лесных опушках и вырубках — тетерева, куропатки. В прошлом эти области славились пушным промысловым зверем, а реки и озера — рыбой и дичью.

В лесостепной зоне животный мир делится на фауну открытых пространств и фауну лесов. В лесах лесостепи встречаются лоси, зайцы, лисицы, куницы, белки. На распаханых участках и в степях обитают сурки, суслики, тушканчики, полевки, пеструшки.

Разнообразные и благоприятные природные условия способствовали возникновению и длительному сосуществованию здесь различных типов хозяйства — охоты, бортничества, рыболовства, скотоводства, земледелия, лесных промыслов.

Несмотря на многообразие природно-географических условий, Волго-Уральская ИЗО в экологическом отношении представляет собой некую целостность, в которой основную хозяйственную роль играли лесостепные районы. В этноисторических процессах они сыграли роль важного пространственного фактора, так как здесь имелись благоприятные условия для обитания и жизнеобеспечения племен с различным хозяйственным укладом: оседлых или полuosедлых земледельцев, кочевых или полукочевых скотоводов. В лесостепных районах Среднего Поволжья и Приуралья имели место наиболее тесные контакты и активные взаимодействия различных этнических образований эпохи древности и средневековья. Эта центральная лесостепная зона региона была как бы отграничена с севера таежными лесами, с юга — степями, с востока — хребтами Южного Урала, с запада — верховьями Волжского бассейна.

Даже самая общая характеристика природно-географических условий и этнического состава населения региона показывает, что Волго-Уральская область является сравнительно автономной зоной активных этнокультурных контактов и взаимодействий населяющих ее народов. Чрезвычайная смешанность в расселении тюркских, финно-угорских и восточнославянских народов Среднего Поволжья и Южного Урала — главным образом результат социально-демографических процессов XV—XIX вв. В этот период наряду с развитием основных этносов в зонах интенсивных контактов образовался

целью ряд новых этнографических групп со сложным этническим составом, с разнородной структурой культуры, нередко — с раздвоенным этническим самосознанием. Сам факт образования переходных или явно смешанных (тюрко-финно-угорских или тюрко-русских) этнических групп в регионе свидетельствовал о длительном характере происходивших здесь консолидационных и ассимиляционных процессов. В эпохи древности и средневековья здесь имели место частые сдвиги и даже смены населения. Однако реконструировать все этапы этнокультурных процессов в регионе направления и силу миграционных потоков в различные исторические периоды — задача сложная и комплексная. Решить ее возможно лишь при условии последовательно исторического подхода к разработке темы, восстановив все этапы истории ИЗО и ее населения.

О целях исследования

Недавняя традиция в историческом и историко-этнографическом изучении волго-уральских народов ограничивалась преимущественно рамками тех или иных этносов или населением, расселявшимся ныне в границах соответствующих республик. В последние два-три десятилетия опубликован ряд монографических исследований, содержащий богатый материал и сравнительно-исторические и типологические экспертизы по этнической истории народов региона или по историческому развитию отдельных сфер их культуры. В результате и в контексте этих исследований появилась возможность сформулировать идею о необходимости осмысления Волго-Уральской области как некоей социокультурной динамичной целостности и сделать первые весьма удачные шаги в разработке тех или иных аспектов этой проблемы. Общая характеристика ИЗО как исторически сложившейся общности, обзор основных этапов ее развития и современного функционирования представлены в недавно изданной коллективной монографии, в подготовке которой приняли участие как ученые Москвы (Института этнографии АН СССР, МГУ) так и республик Поволжья и Приуралья.¹⁰ Книга включает также историко-этнографические очерки по всем этносам региона, в которых на основе новейшей литературы дается достаточно полное представление об этногенезе и этнической истории соответствующего народа, материальной и духовной культуре семейно-бытовых традициях а также о современных этнокультурных процессах. В последнее десятилетие проблеме Волго-Уральской ИЗО истории ее формирования, характеристике региона как зоны соприкосновения и контактов народов различных лингвистических, хозяйственно-культурных и социальных систем посвящен ряд специальных статей, а также докладов на международных, всесоюзных и региональных конгрессах конференциях и совещаниях.¹¹

Указанные работы напевают новые направления исследований, конечной целью которых является возможно более полная характеристика Волго-Уральской ИЗО на междисциплинарном уровне. Она должна включать детальное изучение истории формирования ИЗО и установление на этой основе главных ареалообразующих факторов, сыгравших детерминирующую роль в этнокультурных процессах интеграции; выявление закономерностей возникновения и распространения общеареальных культурных явлений на фоне этноконсолидационных процессов и развития этнических культурных комплексов; установление в исторической динамике соотношения этнических культурных и языковых границ в рамках региона; реконструкцию на достигаемый для источников период внутренней историко-культурной структуры (иерархии) ИЗО; выяснение основных направлений этнических и

культурно-языковых процессов, приведших к образованию смешанных или трансформированных в этническом и культурном отношении этнографических групп Скрышенов, тептярей, ногойбаков, терюхан, каратаев, бесеряи и др.) а также уточнение хронологии этих процессов, изучение этнокультурных процессов в рамках всей ИЗО в новейшее время в условиях становления и развития современных наций. Исследование всех этих процессов должно опираться на анализ реальных особенностей социально-экономического строя, социально-политической истории и социально-классовой структуры народов ИЗО, особенно в эпохи феодализма и капитализма, с учетом того, что генезис, развитие и смена общественного строя у каждого народа протекают самобытно, в этноспецифичной форме¹². Региональный подход, следовательно, открывает возможность изучения этнических и социально-экономических факторов во взаимосвязи и взаимодействии. Реализация этой возможности в исторической ретроспективе может расширить научную основу для понимания современных национальных процессов, для изучения и прогнозирования диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности социально-экономических, социально-политических и этнических факторов в исторической перспективе. Синтез разноаспектного изучения Волго-Уральской ИЗО создаст также предпосылки для системного взаимоувязанного подхода к разработке вопросов этнической и культурной истории народов региона на протяжении длительного времени, уменьшит или вовсе исключит возможность этноцентристского подхода к трактовке генезиса того или иного народа и его культуры, позволит внести коррективы в традиционные представления о направлениях этнических процессов в регионе и о глубине "этнической специфичности" тех или иных элементов и комплексов культуры; возведет фундамент для нового подхода к изучению хронологии и характера этнического и культурного взаимодействия финно-угорских, тюркских и восточнославянских народов края. Все эти задачи могут быть реализованы постепенно многими исследованиями историков, этнографов, антропологов, археологов, лингвистов и других специалистов с последующим обобщением полученных результатов.

Наилучшей источниковой основой для разработки поставленных задач явились бы историко-этнографические атласы, подобные тем, которые составлены и опубликованы по русским народам Сибири, Прибалтики¹³. Известно, что завершается подготовка историко-этнографических атласов по народам Средней Азии и Казахстана, а также по народам Северного Кавказа. Идет публикация материалов к историко-этнографическим атласам¹⁴. Атласы, когда они будут изданы, сыграют важную источниковую роль в изучении распространения и развития культурных явлений в Волго-Уральской ИЗО, так как исторически, как упоминалось, население Среднего Поволжья и Южного Урала формировалось и развивалось, будучи в непосредственных этнокультурных контактах с историко-культурными провинциями и областями Западной и Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана. Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, Верхнего Поволжья и Русского Севера. Однако реализация этих возможностей зависит от составления и публикации собственно Волго-Уральского историко-этнографического атласа. Между тем эти исследования ведутся не так быстро, как хотелось бы. В ряде республик региона (в Татарстане, Мордовии, Башкортостане) успешно разрабатываются историко-этнографические карты, показывающие распространение тех или иных форм материальной культуры в рамках соответствующих этносов¹⁵. Они открывают возможности для более тесного сотрудничества с целью составить региональные карты по народам Среднего Поволжья и Южного Урала, посвященные на первых порах наиболее изученным видам материальной культуры (женская одежда и украшения, сельскохозяйственные орудия, традиционные поселения и жилища). Однако

выполнение этой задачи требует значительной работы по унификации методов и приемов картографирования во всем регионе, координации усилий и, следовательно, времени. Поэтому на нынешнем уровне состояния источников общие проблемы истории Волго-Уральской ИЗО целесообразно исследовать не дожидаясь завершения регионального картографирования на основе обобщения опубликованных источников и литературы, которые охватывают достаточно обширную область знаний о народах Среднего Поволжья и Южного Урала. При этом в последнее десятилетие стали появляться работы, содержащие систематизированный фактический материал по региону в целом не только по истории и этнографии¹⁶, но и по лингвистике, фольклору и др.¹⁷ При интерпретации материала достаточно обстоятельно использованы и статьи теоретического характера, опубликованные в последние десятилетия по межэтническим и межъязыковым контактам тюркских и финно-угорских народов.

В одной, даже монографической работе невозможно решить всю совокупность задач, связанных с генезисом и историческим развитием ИЗО. Реализация этих целей явится, как говорилось, итогом многих и комплексных исследований. В настоящее время таким исследованиям кроме состояния картографированных по всему региону источников, препятствует недостаточная разработанность теории ИЗО как исторически сложившихся межэтнических систем и контактных зон. В этой книге ставятся конкретные и поддающиеся решению задачи реконструировать историю формирования Волго-Уральской ИЗО и на этой основе выявить наиболее существенные характеристики в хозяйственной, социально-экономической и культурно-бытовой сферах, которые лежат в основе возникшей общности и которые стали в те или иные периоды ареалообразующими факторами. Кроме того, делается попытка выяснить, как реагируют этнические характеристики народов ИЗО на социально-экономические, политические и культурные изменения в условиях различных формаций или на исторических этапах одной и той же формации. Поэтому задача в ходе исследования заключалась не столько в поиске и накоплении новых источников, сколько в переосмыслении известных фактов и явлений в разрезе этнической истории в масштабах региона. Уместно добавить, что благодаря публикациям последних десятилетий в науку введен огромный корпус источников по истории Среднего Поволжья и Южного Урала в XVII—XIX вв., однако в этническом аспекте как период в целом, так и указанные источники изучены крайне недостаточно. Автор выражает признательность всем ученым, на труды которых он опирался, работая над этой книгой.

Таблица 2 Численность коренных народов Волго-Уральской ИЗО в СССР, РСФСР и вне границ региона

Народы	В СССР	В РСФСР	В ИЗО	Вне границ ИЗО
Татары	6 317	5 011	3 546	2 771
Башкиры	1 371	1 291	1 039	332
Чуваши	1 751	1 690	1 426	325
Мордва	1 192	1 111	840	352
Марийцы	622	600	505	117
Удмурты	714	686	590	124
Всего	11 967	10 389	7 946	4 021

¹ Значительная часть татар, башкир, чувашей, мордвы, мары и удмуртов в настоящее время расселится вне очерченных границ Волго-Уральской ИЗО (табл.2. Здесь и ниже приводятся данные переписи 1979 г. См.: Брук С.И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981. С.207–209; Вестник статистики. 1980. N 7. С.41–63; Звездочки обозначены данные по переписи населения 1970 г. См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1973. Т.4).

За пределами Волго-Уральской ИЗО татары проживают в Западной Сибири (около 100 тыс. человек)*, в среднеазиатских республиках (более 1 млн.)*, в бассейне Дюньбаса и других промышленных районах Украины (около 100 тыс.)*, а также в Москве и Ленинграде (свыше 300 тыс.)*. Башкиры компактными группами расселены в Челябинской (более 134 тыс.), Свердловской (30 тыс.) и Курганской (17,7 тыс.) областях; чувашы – в Свердловской (17,5 тыс.), Саратовской (17 тыс.) и Челябинской (около 12 тыс.)* областях; марийцы – в Свердловской (24 тыс.)*, Волгоградской (7,2 тыс.)*, Саратовской (2,9 тыс.)* областях; мордва – в Москве и Московской области (33,8 тыс.)*, Саратовской (23,3 тыс.) и Свердловской (17 тыс.)* областях; удмурты – в Свердловской (около 20 тыс.)* и небольшими группами – в Волгоградской (3,5 тыс.)* и Курганской (3,4 тыс.)* областях.

² См.: Страны и народы. Советский Союз. Общий обзор. Российская Федерация. М., 1983. С.94–95.

³ См.: Кузев Р.Г. Социальное и этническое в современных этнонациональных процессах. Уфа. 1988. С.28.

⁴ Cappelletti A. Russlands Erste Nationalitäten: Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga. Vom 16 bis 19. Jahrhundert. Köln; Wien, 1982. S.4.

⁵ Donnelly A. The Russian conquest of Bashkirtia. 1552–1740. A case study in imperialism. New Haven; L., 1968. S.2–4.

⁶ Народы мира: Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т.2; Тахаев Х.Я. Башкирия: Экономико-географическая характеристика. М., 1950. С.10–70.

⁷ Народы мира: Народы Европейской части СССР. Т.2. С.407–746; Чуваши. Этнографическое исследование. Чебоксары, 1956. Ч.1: Материальная культура. 1970. Ч.2: Духовная культура; Этногенез мордовского народа: Материалы науч. сес. 8–10 декабря 1964 г. Саранск, 1965; Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (Середина XIX – начало XX в.). Казань, 1966; Татары Среднего Поволжья в Приуралья. М., 1967; Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978; Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир: Вторая половина XIX – первая четверть XX в. М., 1984; и др.

⁸ Кузев Р.Г. Современное состояние и задачи этнографических исследований в Среднем Поволжье и Приуралья // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание. Казань, 1974. С.55–58. Он же. Этнографическая наука в Поволжье и Приуралья и перспективы ее развития // Историко-этнографический атлас Урала и Поволжья. Уфа, 1976. С.3–7.

⁹ Пименов В.В. Урало-Поволжская историко-этнографическая область. С.39–48.

¹⁰ Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М., 1985. С.3–16, 297–298.

¹¹ Кузев Р.Г., Гарилов Т.М. Основные этапы формирования Волго-Уральской историко-этнографической области (Культурные и языковые границы) // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 1980. P.II. S.232; Кузев Р.Г., Гарилов Т.М., Иванов В.И. Волго-Уральская историко-этнографическая область // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. 1978–1979 гг. Уфа. 1980. С.10–12; Серебрянников Б.А. О некоторых отличительных признаках Волго-Камского языкового союза // Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972. С.7–17; Мухамедьяров Ш.Ф. Изучение в СССР этнокультурных связей тюркоязычных и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья // Altaica. Proceedings of the 19th annual meeting of the FIAC. Helsinki, 1977. С.181–188; Кузев Р.Г., Гарилов Т.М., Иванов В.А., Можеева Н.Н. Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье // Вопросы этнической истории Южного Урала. 1982. С.3–17; Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Межнациональные связи в национальных республиках Среднего Поволжья. IX МКЭАН: Докл. сов. делегации. М., 1973; Кузев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V–XVI века и проблемы происхождения чувашского этноса // Болгары и чувашы. Чебоксары, 1984. С.3–22; Кузев Р.Г. О некоторых тенденциях в этническом развитии башкир в составе Волго-Уральской историко-этнографической области в XIX в. // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С.3–8; Гарилов Т.М., Кузев Р.Г. Волго-Уральский регион культурно-языковой связи модальности уральских и алтайских этносов // Урало-Алтайстика. Археология. Этнография. Языки. М., 1985. С.107–112; Гарилов Т.М., Кузев Р.Г. Преемственность и сменяемость этнических культур: (Иранско-тюркские историко-лингвистические связи в Урало-Поволжье) // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке. III Всесоюз. конф. востоковедов. М., 1988. Т.2. С.14–16; Кузев Р.Г. Этнические процессы и ступени консолидации (на примере тюркских и финно-угорских народов Волго-Уральского региона) // Тюркология-88: Теа. докл. и сообщ. V Всесоюз. тюркологической конф. Фрунзе, 1988. С.36–39.

¹² Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы. Теория, история, современность. М., 1987. С.3.

¹³ Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961; Русские: Историко-этнографический атлас. Земледельче Крестьянские жилища. Крестьянская одежда (Середина XIX – начало XX века). М., 1967; Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибайкалья: Сб. статей. М., 1975.

¹⁴ Жилища казаков на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу Алма-Ата, 1980. Жилища народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982; и др.

¹⁵ Историко-этнографический атлас Урала и Поволжья. Второе Поволжское археолого-этнографическое совещание. Уфа, 1976; Амиханская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузнецов Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; Шитов С.Н. Народная одежда башкир // АЭБ. Уфа, 1968. Т.3. С.125-227; Хозяйство и культура башкир в XIX-начале XX в.: Сб. статей. М., 1979; Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья. Материалы к этногенезу. Чебоксары, 1960. Наиболее продвинулась в последние годы работа над историко-этнографическим атласом татар. См.: Мухаметшина Ю.Г. Картографирование сельских жилищ татар Среднего Поволжья и Приуралья (Конец XIX-начало XX в.) // Новые археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С.85-94; Хажиев Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX-начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1981; Шитов С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX-первая четверть XX в. М., 1984.

¹⁶ Ионенко И.М., Вульфсон Г.Н., Усманов М.А. История народов Поволжья и Приуралья с древнейших времен до наших дней: Проблематика и задачи изучения // Страницы истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1984. С.3-17; Козлов К.И. Проблема изучения этнокультурных контактных зон Среднего Поволжья // Вопросы этнографии Удмуртии. Удм. НИИЯЛИ. Ижевск, 1976. С.39-48.

¹⁷ Ахметьянов Р.Г. Общая ляска культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981; Китиков А.Е. Адаптивные поселения финно-угорских и тюркских народов Поволжья // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1984. Вып.4. С.15-26; Надиров И.Н. Взаимосвязи песенного фольклора народов Среднего Поволжья и Урала. Казань, 1983. С.49-55; Замалетдинов Л.Ш. Общность в сказках народов Среднего Поволжья и Приуралья // Вопросы марийского фольклора и искусства. С.91-99.

ФОРМИРОВАНИЕ ФИННО-УГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ИНДОИРАНСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ ЛЕСОСТЕПНОГО ЮГА

В истории генезиса и развития Волго-Уральской ИЗО выделяются несколько крупных этапов, каждый из которых характеризуется специфическим сочетанием хозяйственной и культурной деятельности населения соответствующей эпохи. Предлагаемая в этой и последующих главах периодизация, как и любая другая, в какой-то мере условная, она главным образом является инструментом познания, хотя и отражает историческую реальность. Выделенные этапы опираются на опыт отечественной историографии в изучении поступательного развития истории человечества. Именно эти факторы наряду с крупными социально-политическими событиями послужили основой для построения общей схемы историко-этнического развития в регионе.

Волго-Уральский регион в эпоху распада уральской общности и расселения финно-угорских племен

Основным событием этапа, который датируется IV—III тысячелетиями до н.э., является распад древнеуральского единства, который связывается с ухудшением климата в Западной Сибири, что послужило одним из главных толчков миграции части древних финно-угров в западном направлении...¹ Иные же предположения, согласно которым уральская общность распадается на две части еще в середине IV тысячелетия до н.э., когда пришельцы с юга Свидино неолитические племена кельтеминарской культуры разделяют уральцев на их прародине надвое: восточные группы — предполагаемые предки самодийцев — отходят к Енисею, западные группы, оставаясь на прежних местах обитания и отодвигаясь в III тысячелетии до н.э. к западу смешиваются с пришельцами и образуют поздненеолитическую финно-угорскую общность на территориях Волго-Канья, Урала и Зауралья.²

Неолитическая культура гребенчатой керамики в лесной полосе Восточной Европы в III тысячелетии до н.э. не была однородной; в восточной части ее выделялись волго-окская и урало-канская культурные области. Уже в это время (как полагают некоторые археологи, даже несколько раньше — с конца IV тысячелетия до н.э.) отдельные группы финно-угров могли, оторвавшись от урало-канского массива, мигрировать далеко на север, к берегам Белого моря. Однако массовое продвижение финно-угров на запад и север относится к более позднему периоду. На рубеже III—II тысячелетий до н.э. в результате главным образом увеличения численности населения лесных районов наблюдается значительный сдвиг финно-угорского населения из Приканья и Приуралья в бассейн Оки. Отсюда распространение финно-угров на запад и север длительное время шло как по Волге, так и по северным рекам до Белого моря.

В Зауралье в ту же эпоху продолжался процесс дифференциации уральской общности: здесь формировалась угорская ветвь финно-угорской общности, которая окончательно сложилась в начале II тысячелетия до н.э. Это означало распад древнейшей финно-угорской общности на угорскую и финно-пермскую ветви. Продвигаясь на Кану и Среднюю Волгу, предки

финно-пернских народов образовали здесь неолитическую общность, которая идентифицируется с носителями урало-канской культуры гребенчатой керамики. Среди множества взглядов и гипотез о распаде уральской общности и расселении древних финно-угров большинство исследователей в настоящее время наиболее аргументированной считают изложенную концепцию образования финно-пернской общности в разоборке которой большая заслуга принадлежит отечественной археологической науке. Согласно этой концепции, переселившиеся на Каму и среднее течение Волги племена надолго сохраняют тесные связи с западносибирской частью финно-угорской прародины. По мнению ряда исследователей в эпоху позднего неолита, в середине III тысячелетия до н.э. финно-угорские племена лесной полосы Волго-Камья, Урала и Зауралья входили в культурную общность именуемую Канско-Уральской или Волго-Канско-Уральской⁴. Для населения этой обширной территории были характерны общие черты в культуре: прямоугольные жилища, керамика с гребенчатым штампом и яночным рядом по горлу.

Поздненеолитические племена лесной полосы Восточной Европы, продолжавшие культурные традиции неолитического населения Канско-Уральской области, известны как носители волосовской культуры. Волосовские племена в начале II тысячелетия до н.э. не только расселяются в бассейне Оки, но продвигаются дальше на запад в Верхнее Поволжье и достигают Прибалтики. По мере продвижения на запад прафинны впитывали в себя палеоевропейские⁵ аборигенные группы, сыгравшие впоследствии заметную роль в формировании западных прибалтийских финнов. Волосовская культура, развиваясь на основе канско-уральской в процессе распространения на новые территории усложняется и обогащается: появляются плоскдонные сосуды, более сложные формы гребенчатого орнамента на керамике, изображения птиц на глиняных сосудах, становится известным литье неди, встречаются первые изделия из металла. Одновременно формируются различия между восточными и западными областями волосовской культуры, которые в конечном итоге выливаются в образование самостоятельных, хотя и родственных в силу единой основы культур — поздняяковской и приказанской.

Поздняяковское население во II — I тысячелетиях до н.э. концентрируется на Оке, Клязьме, Костроме и Верхней Волге. Позднее на основе поздняяковской культуры с участием мигрантов с востока и юга формируются финно-угорские в этническом отношении дьяковская и городецкая культуры раннего железного века, прямыми предшественниками которых являются волжские финно-угры исторического времени (марийцы, мордва, муромляне)⁶. Из упомянутых территорий поздняяковские племена продолжали широкую экспансию на запад, в районы Прибалтики. Приказанская культура заняла на рубеже II — I тысячелетий до н.э. районы среднего Поволжья, бассейн Камы, распространившись постепенно на юг в бассейн р. Белой. Приказанская культура явилась основой формирования (через ряд промежуточных культурных образований) пернских народов (коми и удмуртов), о чем ниже будет сказано подробнее. Здесь важно подчеркнуть, что волосовцы и их исторические потомки — поздняяковские приказанские племена, в которых О.Н. Бадер и А.Х. Халиков видят ранних финнов⁶, продвигаясь от Урала и Волги на новые земли на западе и севере, к рубежу II — I тысячелетий до н.э. изменили точнее расширили очертания прежних этнических границ и пределы историко-культурных регионов. Финно-угорские племена образовали одну обширную историко-культурную провинцию, включившую территорию между Уралом и Балтийским морем. В результате экспансий финно-угров, подтверждает эту мысль П. Хайду, "путем слияния местных культур с культурой продвигавшихся на

запад пришельцев, создалось этническое родство населения лесной полосы между Восточной Прибалтикой и Уралом — то есть той территории, которая была занята финно-угорскими народами и позднее⁹. Волго-Канско-Уральская область была составной частью этой провинции. На нынешнем уровне наших знаний невозможно аргументировать ее обособленность в самостоятельную историко-этнографическую область. К востоку от Урала на огромной территории Западной Сибири продолжали расселяться угорские и угро-самодийские племена — восточная ветвь уральцев. В этом смысле население северной лесной и частью лесостепной полосы Евразии — от Западной Сибири до Прибалтики — представляло собой этнолингвистическое единство, которое, однако, уже тогда переживало медленный процесс культурной дифференциации.

В эпоху неолита в результате взаимодействия неолитоидных и европеоидных групп населения формируется характерный для восточных финнов субуральский антропологический тип¹⁰. Эта ставшая традиционной точка зрения в последнее время разрабатывается в новом направлении. В П. Алексеев выделяет на территории Евразии очаги расообразования, "в пределах которых расообразовательные процессы отличаются определенной интенсивностью и направлением"¹¹. В указанных очагах, кроме фактора метисации, существенная роль в процессах расообразования принадлежала природно-географическим, хозяйственно-культурным и социальным факторам. Очаги расообразования в эпоху древности были относительно разобщены, что создавало "труднопреодолимые генетические барьеры между отдельными группами человечества"¹². Очаг расообразования субуральского типа В. П. Алексеев располагает в зоне уральской прародины, в основном на Среднем Урале и обширной территории Западного Приуралья¹³. Об особенностях формирования субуральского антропологического типа в определенной мере можно судить по разработанной В. П. Алексеевым таксономической схеме, в которой субуральская группа популяций находится на относительно близком расстоянии с сублапоноидными и лапоноидными группами популяций, а также с восточнобалтийскими и центрально-восточноевропейскими группами популяций¹⁴. Это означает, что на обширной территории — от Урала до Балтики — в процессе расселения финно-угорских племен образовались различные расово-антропологические группы, которые, с одной стороны, по определенным признакам входили в некую общность, с другой — распадались на довольно различающиеся между собой компоненты. Главный признак выделения этих компонентов финно-угорской общности — ослабление неолитоидности с востока на запад. Естественно, что наиболее дифференцированными в этом отношении оказались крайние восточные (волго-уральские) и крайние западные (балтийские) группы, однако в районе Среднего Поволжья и Прикамья в расовой характеристике финно-угорского населения наблюдаются как прибалтийско-финские, так и европеоидные черты южного происхождения. Впоследствии это нашло отражение в особенностях антропологической характеристики удмуртов, марийцев и мордвы.

Формирование финно-угорского населения в Волго-Уральском регионе Этнокультурные контакты с ранними кочевниками лесостепного юга

Последующая эпоха, датируемая II тысячелетием до н. э. — серединой I тысячелетия н. э., сама по себе чрезвычайно сложная, характеризуется дальнейшим развитием в регионе финно-угорской общности с преобладанием процессов этнической дифференциации. С конца I тысячелетия до н. э. исследователи фиксируют нарастание этноконсолидационных тенденций. На

втором этапе на формирование этнокультурного облика населения Волго-Уральской области заметное влияние оказали угорские (или угро-самодийские) миграции из Западной Сибири и индоиранское продвижение с юга.

Западносибирско-угорское проникновение в Прикамье и Приуралье не прекращалось с момента распада уральской общности и в конечном итоге вылилось в широкий процесс Великого переселения народов в I тысячелетии н.э. Детальное изучение и всесторонняя интерпретация исторической роли этих миграций в этническом и культурном развитии народов Волго-Уральской области — комплексная задача еще предстоящих исследований. Сегодня эти сложные события можно представить довольно схематично.

В середине II тысячелетия до н.э. отмечается распространение орудий турбино-сейминского типа из Западной Сибири вплоть до Финляндии. В последней четверти II тысячелетия до н.э. по обеим сторонам Южного Урала расселяются племена черкаскульцев — одна из групп андроновцев или угорское население с сильным наслонением андронидной культуры¹³. Ряд исследователей относит черкаскульцев к протомадярской группе угорской общности¹⁴. В XI — IX вв. до н.э. к западу от Урала появляются новые потоки черкаскульцев — занараевские и межевско-березовские племена. В VIII — VI вв. до н.э. ананьинцы в Прикамье, видимо контактировали с племенами гаганской культуры — также западносибирскими уграми. В IV — III вв. до н.э. на Южный Урал и в Приуралье проникают гафурийско-убаларские группы, которые по мнению исследователей этих памятников¹⁵, были западносибирскими уграми, хотя их происхождение не вполне ясно. В пьяноборское время, во II в. до н.э. — III в. н.э. наблюдается проникновение в Прикамье элементов усть-полуйской культуры, принадлежавшей, очевидно, предкам северных (собских) угров. Эта миграция, видимо, имела продолжение, так как в более позднее время угорское население достигает верховьев р. Камы и более западных земель. И наконец, около рубежа нашей эры саргатские племена угорского происхождения на юге Западной Сибири, иневшие к этому времени сильные кочевнические традиции, вошли в контакт с гуннами и постепенно включились в их мощное движение в Восточную Европу, прежде всего на Южный Урал и Северный Кавказ¹⁶. В литературе часто высказывается мнение о том, что саргатские племена явились непосредственными предками мадярской группы угров перед их движением в начале второй половины I тысячелетия н.э. на запад и юго-запад¹⁷. В целом, очевидно, можно считать установленным, что лесостепная часть Западной Сибири была зоной формирования древнемадярской группы угорских племен.

Важно подчеркнуть, угорские, а также, по определению В.Ф. Генинга¹⁸, самодийские миграционные волны в Приуралье и Волго-Канскую область на протяжении многих столетий постоянно питали и поддерживали финно-угорскую этнокультурную основу волго-уральского населения.

В хозяйственном и культурном отношениях существенные последствия для населения Волго-Уральской области имели контакты с южными и юго-западными индоевропейскими племенами. В первой половине II тысячелетия до н.э. заметное влияние на финно-угорский мир особенно в западной

* Относительно этнической принадлежности населения турбино-сейминской культуры нет полной ясности. Согласно взгляду, ставшему в археологии традиционным, турбино-сейминские племена были западносибирскими уграми (Халиков А.Х. Проблема этногенеза пермских финнов // VI МКФУ. Казань, 1985. С.12). Существует, однако, точка зрения, которая отрицает принадлежность турбино-сейминских племен "к урало-язычным группам", ссылаясь на их южные связи (Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С.195. Примеч. П.М.Кожина). Трудности этнической интерпретации связаны с тем, что в XVI—XV вв. до н.э. турбино-сейминская культура перестает существовать.

части его расселения, оказали земледельческо-скотоводческие племена культуры боевых топоров, балановское и фатьяновское население Бала-новские и фатьяновские племена были родственными и, видимо, принадлежали к кругу палеоевропейского населения. Вытупшие в литературе взгляды об их принадлежности к индоиранским этносам в связи с отсутствием культурных контактов балановцев и фатьяновцев с населением Средней Азии остаются недоказанными. Во второй половине II тысячелетия до н.э. расширяются контакты финно-угорского населения региона с ираноязычными племенами срубно-андроновского этнокультурного круга — с носителями абашевской, раннесрубной, раннеандроновской культур. Многие лингвисты относят иранские заимствования, фиксируемые в нордовском, марийском и отчасти удмуртском языках, к этой эпохе.¹⁹

Позднее с середины I тысячелетия до н.э., в степной полосе Евразии устанавливается господство скифо-сарматско-сакских кочевников. То или иное воздействие южных скифо-сарматских племен испытывает все финно-угорское население от р. Оки до Южного Урала, хотя о масштабах и характере их контактов среди исследователей имеются разные точки зрения.²⁰ Можно считать установленным, что этнокультурное влияние ираноязычного степного населения на финно-угров возрастало с востока на запад. А П. Смирновым даже было высказано мнение об ассимиляции сарматского (или другого палеоевропейского) компонента в пранордовской среде, что находит подтверждение в антропологической характеристике нордов (особенно нордов-мокш), существенно более европеоидной, чем другие финно-угры региона.²¹ В конце I тысячелетия до н.э. — начале новой эры центр активности финно-угорско-иранского взаимодействия переносится в Приуралье, где по течению р. Белой формируется на ананьинской (финно-угорской) основе кара-абызская культура с сильными сарматскими включениями.²²

Одним из значительных последствий описываемых этногенетических процессов является распад во II тысячелетии до н.э. финно-угорского (прафинно-пермского) этнолингвистического единства.²³ Ряд исследователей относит начало этого распада к первой половине — середине II тысячелетия до н.э., когда обнаруживаются некоторые отличия волосословской культуры от культуры оставшихся на Средней и Верхней Каме родственников и турбинских племен.²⁴ Важнейший момент этнической дифференциации прапермской группы от прафинно-пермской общности связывается в эпоху бронзы (вторая половина II тысячелетия до н.э.) с воздействием срубных племен, когда волосословская культура была разорвана, как упоминалось, на две части — восточнофинскую или пермскую (приказанская культура) и западнофинскую или финно-волжскую (поздняковская культура).

Общепермский период или, как считают лингвисты и археологи, пермское языковое и культурное единство существовало длительное время, примерно 1,5 — 2 тысячелетия со II тысячелетия до н.э. по I тысячелетие н.э.²⁵ Пермская ветвь финнов в эту эпоху расселялась к северу и северу-востоку от излучины Волги, в низинном и среднем течениих Вятки, Камы и, видимо, севернее. За многовековое существование пермской этнолингвистической общности лексика и грамматическая система праязыка приобрели характерные особенности, благодаря которым близкое родство современных коми и удмуртского языков может быть легко замечено даже неспециалистом.²⁶

Финно-волжская общность просуществовала, напротив, сравнительно недолго. В течение I тысячелетия до н.э. она разделилась на прибалтийских и собственно волжских финнов. Прибалтийско-финская группа этносов постепенно углубилась дальше на запад и север, обособившись от волжско-финской группы, которая осталась на волжском правобережье, занимая

также земли несколько западнее современного расселения, по Оке Клязьме и Верхней Волге. На основе Прибалтийско-финской общности позднее, в I тысячелетии н.э., образовались эстонский, финский, карельский, вепский, ижорский, водский, ливский этносы и саамы, этногенез которых имел специфику, несколько отличавшую их от прибалтийских финнов.

Разделение западнофинской общности на прибалтийскую и волжскую группы финских этносов развивалось длительное время. Об этом свидетельствуют многочисленные лексические и фонетические параллели в мордовском языке с прибалтийско-финскими, а также сохранившиеся в мордовском языке следы контактов с балтийскими народами (предками литовцев, латышей и исчезнувших ныне пруссов)²⁷. Напротив, такие параллели, а также заимствования из балтийских языков отсутствуют в нарийском языке. Объяснялось это тем, что контакты между прибалтийскими и волжскими финнами в процессе их дифференциации перенестились сначала в периферийные, соответственно в восточные и западные группы, затем они стали эпизодическими и, наконец, к середине I тысячелетия н.э. почти прекратились. Очевидно, предки нарийцев расселялись за пределами языкового и культурного воздействия прибалтийско-финских языков. В то же время волжские финны — предки мордовцев, особенно нарийцев, обнаруживают тенденцию к языковым и культурным связям и взаимодействию с перскими финнами (предками удмуртов), что еще больше углубляет расстояние между западными и восточными финнами.

Уже на ранних этапах процесса разделения западнофинских и восточнофинских групп, в последней четверти II — начале I тысячелетия до н.э. в Волго-Канье преобладающим населением становятся финские племена с заветными угорскими традициями в материальной и духовной культуре (в Приуралье и Среднем Прикамье — носители нежовской культуры, на Средней Волге — носители атабаевского этапа приказанской культуры). Это указывало не только на процесс разделения прафинно-перской общности на западнофинскую (Прибалтийскую) и восточнофинскую (Волго-Канскую) ветви, но и на формирование новых и самостоятельных путей их этнокультурного развития со специфичными для каждого из регионов этническим окружением и культурными контактами.

В Волго-Канской области в эпоху железа развивается на основе местных племен эпохи поздней бронзы яркая культура племен ананьинской общности (VIII — III вв. до н.э.). Кроме Средней Волги, бассейна Камы, она охватывает территорию по Печоре и Северной Двине. С середины I тысячелетия до н.э., и особенно во второй его половине, в результате скифо-сарматских продвижений и внутренних процессов в пределах самой ананьинской общности, связанных с ростом численности населения и распадом родового строя, ананьинская культура переживает процесс культурной дифференциации, в ходе которого формируются гляденовская (III в. до н.э. — III — IV вв. н.э.), пьяноборская (III в. до н.э. — IV в. н.э.), кара-абызская (IV в. до н.э. — III в. н.э.) культуры в Прикамье и в Приуралье, а также сохраняется ряд локальных вариантов с позднеананьинскими чертами. К рубежу нашей эры и в первой половине I тысячелетия н.э. финноязычные общности всего региона, образовавшиеся на правобережье Волги на поздняяковской основе (Городецкая, дьяковская культуры раннего железного века), в Прикамье и Приуралье на ананьинской основе (Гляденовская, пьяноборская, кара-абызская культуры) явились реальной основой для консолидации финно-угорских народов и этнографических групп Волго-Канско-Уральской области (мордвы нарийцев, меря, муromы, удмуртов, коми-зырян, коми-пермяков...). В то же время было бы неверно считать, что между перскими и волжскими финнами установились четкие этнические и языковые границы. Напротив, ананьинская

культура в заметной степени стала общей этнической основой финно-угорских народов Волго-Канско-Уральского региона, а не только пернской общности "...Археологически установлено, — пишет А.Х.Халиков, тщательно исследовавший эту проблему, — что племена ананьинской культурной общности участвовали в формировании не только пернских, но и волжских финнов и в какой-то степени мордвы", что "пьяноборские племена через азелинское население приняли участие в формировании нарийских племен а также выявлена роль позднеананьинского населения в формировании и других волжских финнов — меря, муромы, отчасти мордвы".²⁸ Можно полагать, что ананьинская культура принадлежала финноязычной общности, более широкой, чем пернские группы племен, и эта особенность в этнической характеристике ананьинцев восходила еще к предшествующей эпохе. Указанная особенность была замечена и другими исследователями. Так, по заключению К.И.Козловой еще "в среде предананьинского населения с чертами поздней приказанской культуры резонно искать прапернян и прапьяноборцев, находившихся друг с другом в этнокультурных контактах".²⁹ Очевидно это важная мысль для понимания древних этапов в формировании общности Волго-Канско-Уральского историко-культурного региона. При этом надо подчеркнуть, что группы населения в городецких чертах культуры также проникали достаточно далеко к востоку от Волги, достигая приуральских районов. Здесь они, видимо, приняли участие в формировании финно-пернских этносов, хотя эта проблема остается в числе дискуссионных. Однако не вызывает сомнения сложное взаимодействие в зонах активного контакта городецких и пьяноборско-азелинских племен, которое было настолько сильным, что позволило П.Хайду сделать следующий вывод: "Между двумя современными волжскими финно-угорскими языками — нарийским и мордовским — нет такого количества общих черт, как, например, между двумя пернскими языками".³⁰ Более того, добавляет венгерский исследователь, "явлений, общих только для двух относившихся сюда языков, так мало, что в последнее время вера в существование их непосредственного предшественника, волжского праязыка, сильно пошатнулась".³¹ Таким образом, на территории Среднего Поволжья и Прикамья где впоследствии сформировались волжско-финские этносы и удмурты, с ананьинской эпохи до середины I тысячелетия н.э. складывалась этническая основа, дифференцированная в культурно-языковом отношении, однако находящаяся в состоянии постоянного взаимодействия и взаимопроникновения.

Указанные направления этноконсолидационных процессов получили дальнейшее развитие и к середине I тысячелетия н.э. основные компоненты финно-угорских народов Волго-Уральской ИЗО сложились. Препринципиально на основе населения с различными вариантами городецкой культуры, испытавшего воздействие поздних ананьинско-пьяноборских (по определению ряда археологов — ренинценских) культурных черт, сформировались мордовско-эзянский и мордовско-нохманский племенные союзы, сохранившие следы взаимосвязи с прибалтийско-финскими языками и прибалтийскими народами. В результате взаимодействий городецких племен и племен азелинской культуры (III — VII вв.) сложились древнемарийские племена, причем у горных марийцев ярче выступали городецкие черты, у луговых — азелинские. На гляденовской и пьяноборско-азелинской основе шел процесс консолидации древнеудмуртских племен.³² Более детальная трактовка удмуртского этногенеза в настоящее время затруднена в связи с незавершенностью дискуссии об этнической (спернской или тюрко-угорской) принадлежности полонской (III — IX вв.) и лоноватовской (V — IX вв.) культур и их роли в этническом сложении удмуртов.³³ Не вторгаясь в давнюю дискуссию археологов, заметим все же, что представленные

лингвистами доказательства близости коми языков с удмуртским (словарный состав коми и удмуртского языков совпадает на 70%, "грамматическая система имеет единую основу"³⁴) свидетельствуют о формировании обоих народов на смежной и, видимо, достаточно ограниченной территории, о сравнительно поздней дифференциации коми и удмуртского языков, об активных языковых взаимодействиях в момент формирования предков коми и удмуртов с предками нарийцев и, видимо, чувашей. Это в свою очередь заставляет более внимательно отнестись к гипотезе этногенеза пермских финнов, в частности удмуртов, в Камско-Вятской области с участием носителей полонской и лоноватовской культур, которые несмотря на угорскую инфильтрацию в их состав, продолжали развиваться как составная часть финно-пермской этнолингвистической общности³⁵.

Как видно, пути этнического становления мордвы, нари и удмуртов различались уже на ранних ступенях их генезиса, хотя эти процессы происходили на фоне общности древней пралермско-финской этнолингвистической основы. В последующем различия не только не стерлись, но и получили новое развитие. Марийцы, как говорилось, включили в себя как "пранордовские", так и "праудмуртские" компоненты. Это обстоятельство наряду с различиями в культуре мордовского и нарийского народов позволило некоторым советским этнографам выразить сомнение в обоснованности отнесения мордвы и нарийцев к единой волжской ветви восточных финно-угорских языков³⁶. В нашей систематизации они также самостоятельны, однако, исходя из вышеизложенного, мы постоянно имеем в виду относительную этнокультурную близость мордвы и нарийцев как между собой, так и с удмуртами, принадлежавшими к пермской ветви финно-угорских народов.

Такой образ, первые века нашей эры для Волго-Уральского региона характеризуются этнической и культурной активизацией, а также процессами взаимодействия финно-угорских племен. Объяснить это, видимо можно заметным ослаблением военной угрозы финно-уграм со стороны сарматских кочевников и уходом части сарматских племен с Южного Приуралья и Среднего Поволжья на юг, в приаральские и предкавказские степи³⁷, где развернулись крупные события, связанные с передвижением разноразличных племен (в первую очередь тюркских), входивших в гуннскую конфедерацию. Следовательно, имеются, кажется, все основания считать, что до середины I тысячелетия н.э., а возможно, и несколько позже в Волго-Уральском регионе финно-угорский этнос оставался доминирующим.

В развитии финно-угорской общности на протяжении рассматриваемого нами этапа в истории ИЗО выделяется насыщенностью событиями период с конца I тысячелетия до н.э. до середины I тысячелетия н.э. В эти столетия в определившейся по всему региону финно-угорской общности очерчиваются контуры отдельных областей и районов, в которых этногенетические и этнокультурные процессы протекали особенно интенсивно и своеобразно. Так, в лесостепном Приуралье складываются, как упоминалось, яркие и этнически родственные пьяноборская (чегандинская) и кара-абьская культуры. Обе культуры в пьяноборское время (II в. до н.э. — III в. н.э.) развивались под сильным влиянием западносибирских угров (носителей усть-полудской и саргатской культур)³⁸ и южных индоиранских племен. Особенно ошутимый след от взаимодействия с сарматским югом остался в культуре кара-абьцев. При этом, однако, важно подчеркнуть, что и здесь, на восточной периферии Волго-Уральского региона, ведущей этнообразующей силой продолжали быть восточные финны — потомки ананьинских племен Волго-Канья. Тени же признаками характеризовалась назунинская культура, которая в III в. н.э. сформировалась в низовьях р. Белой и в Среднем Прикамье как продукт

взаимодействия пьяноборской и кара-абызской культур Мазунинская культура была новым локальным свидетельством дальнейшего и непрерывного развития местного Волго-Уральского восточнофинского этноса

Хозяйство и культура финно-угров

Сложение финно-угорской этнолингвистической общности сопровождалось воздействием окружающих природно-географических факторов и развитием специфических форм хозяйства и культуры населения региона

Палеоархеология и палеолингвистика предприняли успешные попытки в реконструировании хозяйства прауральцев на древнейшей их родине: это были рыболовство и охота (лингвисты отмечают уральское происхождение существительных 'лук', 'стрела', 'тетива', 'заяц', 'куропатка', 'река', 'озеро', 'рыба', 'лыжи', 'сани', глаголов 'гresti', 'плавать', и т.д.³⁹). Питались древние уральцы рыбой, дичью, жилище было легкое, переносное, так как занятия охотой требовали подвижности. На стоянках строили и полуземлянки. Ни животноводства, ни земледелия уральцы не знали.

Изменения в занятиях в последующие финно-угорскую и финно-пермскую эпохи, когда древнее население продвинулось в Волго-Канье и западнее, произошли в следующих направлениях. Дальнейшее развитие получают охота и рыболовство, совершенствуются охотничьи и рыболовные снаряды, приспособления. В финно-угорской лексике появляются слова *норда*, *запор* (для лова рыбы), *поплавок* (сетей), *крючок*, названия ряда рыб, *стрелять*, *убивать*, *лиса*, *тетерев*, *куница*, *горностай* и др.⁴⁰ Расширяется набор орудий труда, усложняется конструкция жилища. В то же время, в финно-угорскую эпоху, по мнению археологов, рыболовско-охотничье хозяйство в Западной Сибири (в частности, в Приоболье, Среднем Зауралье) находилось на более высокой ступени культурного развития, чем у населения Волго-Канья. Однако в финно-пермскую, а также финно-волжскую и пермскую эпохи занятия охотой получают новое развитие. По мере социального развития общества, становления и расширения торговых и культурных связей с югом заметно возрастает значение добывания пушны и соответственно совершенствуются охотничьи снаряды, орудия обработки и изготовления шкур, выделки мехов. Из письменных источников известно, что хозяйственная и экономическая роль охоты за пушным среди финно-угорских народов Среднего Поволжья и бассейна Камы сохранялась еще в XVIII в.

Наряду с охотой и рыболовством в лесной полосе Восточной Европы развивается собирательство (ягод, трав), продукты которого становятся одним из компонентов в питании. На уровне собирательства возникает и развивается примитивное лесное пчеловодство, при котором пищевой рацион финно-угров дополнялся медом, найденным в дуплах деревьев. Лингвисты устанавливают появление слов *'мед'*, *'пчела'* еще в финно-угорскую эпоху.⁴²

В лесной полосе Восточной Европы на территории расселения финно-угров образовались два очага первобытного бортничества: один в районе Волги и Камы, другой в Прибалтике — на юге современных Эстонии и Латвии.⁴³ Особенно благоприятным районом для бортничества были Среднее Поволжье и Приканье — древнейшая зона распространения липы и дикой медоносной пчелы. Финский исследователь истории пчеловодства А. Хане-лайнен, подчеркивая древнейшие традиции бортничества финно-угров, замечает, что "область занятия бортничеством в бассейнах Волги и Камы совпадает с границами, в которые географически можно поместить древнюю

территорию, на которой совместно проживали финно-угры в периское и волжско-финское время"⁴⁴ Бортничество в Волго-Камье развивается постепенно в самостоятельную и в экономическом отношении важную отрасль хозяйства. Очевидно, здесь, среди финно-угорских племен впервые возникло и получило широкое распространение бортовое пчеловодство, воспринятое позже и соседними народами.

О времени и формах развития земледелия и животноводства в Волго-Камье в финно-угорскую эпоху и после ее дифференциации на волжскую и пермскую существуют разные точки зрения. Существенно продвинули разработку проблемы исследования Ю. А. Краснова.⁴⁵ Представляют интерес также многочисленные экскурсии в историю хозяйства региона, имеющиеся в работах археологов и лингвистов.

В указанных работах конец III — первая половина II тысячелетий до н. э. характеризуется как время становления земледелия в Волго-Камье в качестве одной из отраслей хозяйства. В эту эпоху Волго-Канское население познакомилось с культурными растениями в частности, с пшеницей, рожью, овсом, ячменем.⁴⁶ Последний среди зерновых культур занимал господствующее положение. Впрочем находки остатков культурных растений на территории ИЗО крайне немногочисленны. Это обстоятельство исследователи склонны связывать со слабой изученностью поселений эпох бронзы и раннего железа.⁴⁷

Есть и другая точка зрения, которая, ссылаясь на заимствованное происхождение названий основных земледельческих орудий и процессов в финно-угорских языках"⁴⁸ полагает, что в характеризуемую эпоху финно-угры не знали земледелия, хотя "через своих соседей финно-угры познакомились с какими-то видами зерновых культур, но сами не научились их выращивать".⁴⁹ Однако суть нашего исследования состоит в целостном подходе к региону, в попытках обобщенно взглянуть на хозяйственное и культурное развитие этносов на определенной территории в процессе их неэтнического взаимодействия. С этой точки зрения земледельческо-скотоводческое влияние южных палеоевропейских и индоиранских (фатьяновских, абашевских срубных) племен на финно-угров Волго-Камья совершенно очевидно и отмечено многими археологами, так же как замечено и замеченное восприятие земледельческих, скотоводческих навыков финно-угорскими охотниками и рыболовами — давними жителями лесов. В этом свете происходившие процессы правомерно оценивать как начальный этап формирования комплексного земледельческо-скотоводческо-охотническо-рыболовецкого хозяйства, которое впоследствии на многие столетия стало доминирующим в Волго-Канском регионе. Оппоненты этой точки зрения ссылаются на чрезвычайно малое число, почти отсутствие почвообрабатывающих мотыжных орудий в изученных археологических комплексах. Однако согласно важному выводу Ю. А. Краснова, при подсечно-огневом земледелии — древнейшем в лесной полосе Волго-Камья — основным средством первичной обработки земли являлся огонь, а не мотыга, которая вообще не была основным орудием на ранних стадиях земледельческого хозяйства. На этом этапе для рыхления и уравнивания земли после сжигания леса использовались самые разнообразные примитивные орудия — заостренные или обожженные на концах палки, лопатообразные, царапающие орудия и др.⁵⁰ Ручные почвообрабатывающие орудия указанного типа хорошо известны в Волго-Камье по раскопкам археологов.⁵¹

Такой образ, конец III — II тысячелетия до н. э. в Волго-Камье был этапом доплужного (или бесплужного) земледелия, начальным периодом формирования комплексного хозяйства, в котором, однако, земледелие долгое время занимало незначительное место.

С конца II тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия до н. э.

земледелие в Волго-Камье получает новое развитие. Масштабы и формы распространения земледелия в регионе определялись факторами внутреннего социально-экономического развития финно-угорских обществ, интенсивностью влияния южных земледельческо-скотоводческих племен и изменениями в природно-географической среде. В рассматриваемое время действие этих факторов было разнонаправленным. Обнаруженные археологами злаки (сконопля, полба, ячмень, овес, горох) главным образом в памятниках Прикамья первой половины I тысячелетия н.э. свидетельствуют о расширении зоны земледелия к северу, появлении новых зерновых, бобовых и технических культур.

Вероятно, в последней четверти II тысячелетия до н.э. здесь, среди финно-угорского населения возникает пашенное земледелие с использованием упряжных пахотных орудий. Правда, материальных остатков упряжных пахотных орудий (железных наральников) не найдено, однако Ю.А. Краснов показал, что древнейшие упряжные почвообрабатывающие орудия изготовлялись целиком из дерева и поэтому не сохранились. Лишь бронзовые или, позднее, железные серпы, которые Ю.А. Красновым рассматриваются как обязательная составная часть комплексов сельскохозяйственных орудий, как пахотных, так и уборочных, свойственных пашенному земледелию, свидетельствуют об указанном прогрессе в земледельческих занятиях.⁵² Исследователи Прикамья указывают в связи с этим на находки бронзовых серпов на памятниках срубной и абашевской культур, а также на развитие среди абашевцев, и особенно срубников, металлургии, скотоводства (с применением в качестве тягловой силы лошадей и крупного рогатого скота), на крупные и долго существовавшие поселения.⁵³ Все это как будто подтверждает факт развития в регионе земледелия с использованием упряжных пахотных орудий.

Однако на обширной территории Среднего Поволжья и Прикамья обнаружено очень небольшое число материальных свидетельств пашенного земледелия, и практически вовсе отсутствуют остатки почвообрабатывающих орудий. На этом основании Ю.А. Краснов сделал вывод об исчезновении в I тысячелетии до н.э. в Прикамье пашенного земледелия, которое вновь здесь появляется не ранее середины I тысячелетия н.э.⁵⁴ Для объяснения этого феномена пока мало источников. Сам исследователь ссылается на ухудшение климата (усыхание и наступление степей) в I тысячелетии до н.э., которое могло неблагоприятно сказаться на вегетационном периоде зерновых культур, а также на ослаблении интенсивности влияния южных земледельческо-скотоводческих племен.

Последнее обстоятельство может оказаться особенно интересным. Демографическая ситуация в Волго-Камье в I тысячелетии до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. неясна и может быть обрисована сугубо гипотетически. Продолжающееся развитие и укрепление комплексного хозяйства в регионе с постоянным повышением удельного веса земледелия (с применением ручных почвообрабатывающих орудий, возможно, и упряжных, пахотных) вело к повышению производительности труда финно-угорского хозяйства, к углублению его производящего характера. Это должно было привести в I тысячелетии до н.э. и в первой половине I тысячелетия н.э. к росту численности населения. В Среднем Прикамье это подтверждается заметным ростом выявленных поселений назунинской (III — VII вв.) культуры (91 городище, 228 селищ) по сравнению с аналогичными показателями предшествующей эпохи: 38 городищ и 82 селища пьяноборской и 14 городищ и 4 селища кара-абызской культур.⁵⁵ Численность финно-угорского населения в Приуралье, Среднем Поволжье и Прикамье в I тысячелетии до н.э. постоянно возрастала также за счет упомянутых непрерывных волн угорской миграции из Западной Сибири и Зауралья. В то же время археологи

отмечают уменьшение численности населения в I тысячелетии до н.э. в средней части Волго-Яицкого междуречья за счет откочевки части индоиранского населения на юг, в Приаралье и Среднюю Азию, на Северный Кавказ. Таким образом, рост финно-угорского населения от Оки до Урала и, напротив, сокращение численности земледельческо-скотоводческого населения на лесостепном и степном юге изменили не только демографический баланс в регионе, но и вместе с ним направление и интенсивность культурного взаимодействия. Численно преобладающее финно-угорское население Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья, осваивая и развивая воспринятое от южных соседей земледелие и скотоводство, в то же время оставляет глубоко традиционных занятий охотой и рыболовством, расширяет бортничество. Другими словами, в I тысячелетии до н.э. и в первые века новой эры укрепляется, становится господствующим среди финно-угров комплексное хозяйство, в котором земледелие повышает свой удельный вес, обогащается новыми культурами, но ведется, особенно в лесных зонах, способом подсеки и сжигания леса с применением ручных почвообрабатывающих орудий.

В археолого-этнографической литературе нередко можно встретить высказывания о древнейших истоках в Волго-Камье плужного земледелия, о непрерывности пахотного земледелия со II тысячелетия до н.э. до II тысячелетия н.э.⁵⁶ Однако приводимые в подтверждение этого тезиса находки серпов крайне немногочисленны, хронологически слишком отдалены, а в отношении плужных орудий факты отсутствуют вовсе.

Для понимания происходивших в Волго-Камье в I тысячелетии до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. изменений существенное значение имеет характеристика хозяйственного аспекта упомянутого выше процесса почти непрерывной угорской инфильтрации на западную сторону Урала из Сибири. После разделения финно-угров, оставшиеся на сибирской территории угорские племена продолжали заниматься охотой и рыболовством. Однако два фактора сыграли важную роль в изменении их образа жизни. Первый из них — изменение с начала II тысячелетия до н.э. климата: вместо влажного наступает сухой и теплый период; в результате тайга отступает, границы степей подвигаются до течения Среднего Иртыша. Это заставляет угорские племена переселиться южнее, где вступает в действие второй фактор — активная связь и взаимодействие угров с индоиранскими скотоводческо-земледельческими племенами. В результате угры осваивают новые для них формы хозяйства — земледелие и животноводство, а в целом переходят к производящему комплексному земледельческо-животноводческо-охотничье-рыболовческому хозяйству. На протяжении первой половины II тысячелетия до н.э. производящие отрасли этого комплекса — земледелие и животноводство — начинают заметно преобладать над охотой и рыболовством. От южных соседей угры перенимают способы разведения лошадей, рогатого скота, овец, а в общегорской лексике, ныне отраженной в венгерском, хантыйском и мансийском языках, появляются слова "лошадь", "седло", "узда" и др.⁵⁷ В археологических памятниках, принадлежащих, по мнению специалистов, западносибирским уграм, обнаружены также находки зерен пшеницы, бронзовых серпов, каменных жерновов.⁵⁸ Волны мигрантов, переселившиеся к западу от Урала в этот период, принесли на новую родину комплексное хозяйство, которое облегчило контакты, взаимодействие и слияние местного и пришлого финно-угорского населения в Приуралье и Прикамье.

Продолжающиеся климатические изменения на рубеже II и I тысячелетий до н.э. достигли максимума, превратив область расселения угров в Сибири в засушливую полупустыню, непригодную для ведения комплексного земледельческо-животноводческого хозяйства. По некоторым данным,

граница тайги отодвигается к северу примерно на 300 км⁵⁰. В этих условиях часть угров переселилась на север, в лесостепные районы среднего и нижнего течения Оби, пригодные для ведения комплексного хозяйства. Другая, вероятно численно более значительная часть угорских племен, и среди них предки венгров оставшихся на местах расселения, была вынуждена (снова под воздействием южных соседей) изменить способ ведения хозяйства и перейти к выпасному животноводству, требующему подвижного, кочевого образа жизни. Соответственно земледелие у них исчезло или существенно сократилось, южная часть угров стала кочевниками.

Через несколько столетий, во второй половине I тысячелетия до н.э., климат в Западной Сибири снова сменился, на этот раз на субатлантический холодный и влажный. Тайга вновь отодвинула степь к прежним южным границам. Эти события заставляют угорских кочевников постепенно отодвигаться на юг, где они продолжали контактировать с индоиранскими племенами, все в большей степени перенимая их кочевнический образ жизни. От угорских племенных образований в эту эпоху отделяются все новые и новые группы и откочевывают в Западное Приуралье, на территорию современной Башкирии, откуда они достигают берегов Камы и Волги⁵⁰. В первых веках нашей эры, в связи с гуннскими походами, значительные массы угорских кочевников движутся на запад и юг, став новыми жителями Среднего Поволжья, Южного Приуралья и степей Северного Кавказа⁶¹. Угорские группы, оказавшиеся в центральной и южной части Волго-Уральского региона, были кочевниками степными кочевниками и привнесли на новую родину соответствующее хозяйство и образ жизни. Заметим, что эти события также, видимо, явились одним из факторов, способствовавших исчезновению на время пашенного земледелия или, по крайней мере, занеданию его развития. Безусловно, при этом имело значение то, что кочевое население нуждалось в больших территориях. Зато угорские пришельцы, впитавшие в Западной Сибири многие атрибуты культуры южных индоиранских соседей, привнесли и распространили в Волго-Камье новые формы орнаментации, декорирования (например, конского снаряжения, предметов быта), новые типы украшений⁶².

Угорские группы, которые проникли к западу от Северного Урала, оторвавшись от северных обских угров, поселившись в Прикамье, оставили здесь памятники ломоватовской (V — IX вв.) и полонской (III — IX вв.) культур, принесли на новую родину комплексное хозяйство⁶³.

Подводя итоги обзору истории хозяйства и культуры Волго-Уральского региона подчеркнем, что к концу рассматриваемого этапа, к середине I тысячелетия н.э. здесь складывается своеобразная хозяйственно-культурная ситуация. Возрастающей тенденцией хозяйственного развития было распространение земледелия и животноводства, но очаги их размещения в силу множества факторов распределились крайне неравномерно. Главным результатом хозяйственного развития следует считать формирование доминирующего значения комплексного хозяйства, включающего как земледелие и скотоводство, так и традиционные занятия финно-угорских племен — охоту, рыболовство, а также бортничество и другие лесные занятия⁶⁴. Этот тип хозяйства был и остался известен повсюду в регионе. Комплексное хозяйство в условиях природной среды Волго-Камья создало более производительную основу для жизнедеятельности общества, повысило продуктивность традиционных занятий — охоты и рыболовства — и стимулировало торговые связи с южными областями, нередко довольно отдаленными. В степи и далее на юг вывозились продукты комплексного хозяйства — пушнина, выделанные шкуры, сушеная рыба, мед, воск, а возвращались оттуда в Волго-Камье серебро, кораллы, бусы, каури, сосуда, ткани, украшения. Торговля с южными и восточными областями

питала и поддерживала развитие финно-угорского искусства, в частности — специфичного женского костюма и украшений. Благодаря привозным вещам и предметам финно-угры Волго-Канья познакомились с декоративным искусством и орнаментами южных областей Евразии⁶⁵.

Для комплексного хозяйства были характерны применение ручных почвообрабатывающих орудий, широкий набор охотничьих и рыболовных снарядов, приспособлений для бортничества навыки животноводства. К концу рассматриваемой эпохи, к III — V вв н.э., относятся первые достоверные находки железных плужных орудий. Наконечники рал и железные серпы найдены на памятниках иньковской культуры (III — VII вв.) в низовьях Кань⁶⁶. Железный серп — на Тураевском могильнике (III — V вв н.э.) в Нижнем Прикамье⁶⁷, железный наконечник рады — в погребении кузнеца на Азелинском могильнике (III — V вв н.э.)⁶⁸ и т.д. В Нижнем Прикамье и прилегающих районах Среднего Поволжья получило также развитие домашнее скотоводство что создавало условия для применения на новом этапе упряжных пахотных орудий. Все это приводит к возникновению в III — V вв и развитию очага пашенного земледелия с использованием железных пахотных и уборочных орудий в Нижнем Прикамье и прилегающих районах Поволжья. В последние века Канско-Волжский очаг пашенного земледелия сыграл крупную роль в истории региона, в частности в образовании и усилении Волжско-Булгарского государства.

В целом к середине I тысячелетия н.э. в Волго-Уральской области видим сложную и пеструю картину хозяйственно-культурной деятельности населения, которая включала: 1) пашенное земледелие с применением упряжных железных почвообрабатывающих орудий, 2) комплексное земледельческо-скотоводческо-охотничье-рыболовческое хозяйство с применением ручных почвообрабатывающих орудий и с различным удельным весом и соотношением тех или иных занятий, 3) самостоятельное существование в лесной зоне традиционного типа хозяйства охотников и рыболовов, 4) кочевое скотоводство в степных районах. Исторические процессы развития этих форм хозяйства обусловили также крайне неравномерное их распределение на территории региона. Весьма схематично картину можно представить так: вокруг сравнительно небольшого очага пашенного земледелия в Нижнем Прикамье и прилегающих районах концентрировались обширные зоны господства комплексного хозяйства, на северной, северо-восточной и северо-западной периферии население продолжало заниматься охотой и рыболовством, южные поволжские и приуральские степи освоили кочевники. Однако реальность была значительно сложнее: все типы хозяйства могли сосуществовать территориально перемежаясь, образуя очаги одного типа хозяйства в районах господства или преобладания других. Разнообразие природно-географических условий региона, обширность территории, сравнительно небольшая плотность расселения, многовековое и постоянно растущее влияние мигрирующих с юга, юго-востока и из Западной Сибири разнотипных групп населения способствовали длительному сохранению описанной ситуации во всей ее сложности и разнообразии.

В материальной культуре насельников Волго-Канья также наблюдалось большое разнообразие. Исторические процессы I тысячелетия до н.э. — первой половины I тысячелетия н.э., активные связи с югом, неугасающие контакты с Западной Сибирью способствовали не нивелировке культуры, а, напротив, усложнению этнического состава населения региона и возрастанию разнообразия культурных явлений. В то же время на фоне этой сложности и пестроты сохраняется от прошлого и постоянно углубляется некое культурное единство, которое характеризует преимущественно финно-угорское население Волго-Канья. Еще в ананьинской среде оформляются

основные черты восточнофинского женского костюма, в частности каркасные головные уборы с налобной основой из бересты или кожи, богатые шейные, нагрудные, поясные украшения⁶⁰. В лесах Прикамья и Поволжья складывается богатый набор охотничьего и рыболовческого снаряжения — луки, разнообразные стрелы, ловушки, капканы, морды, заборные (для рыбы) устройства и т.д. Дальнейшие исследования покажут, что истоки многих ареальных явлений материальной и духовной культуры восходят к этой эпохе. Многие из сформировавшихся в то время хозяйственных и культурных навыков (стаежные способы охоты и соответствующие охотничьи снаряды, приемы заборного рыболовства, навыки и орудия бортничества, женские головные уборы и украшения, комплексы орнаментальных мотивов и др.) впоследствии становятся общим культурным достоянием всех народов Волго-Уральской ИЗО.

Об общественном строе населения региона

Попытки обобщенно характеризовать общественный строй населения Волго-Камья до середины I тысячелетия н.э. в свете представленного нами разнообразия в хозяйстве и, следовательно, в уровне развития производительных сил, едва ли можно считать правомерными. С другой стороны, в настоящее время этот, по существу, дописанный период истории народов региона не обеспечен сколько-нибудь фундаментальной историко-этнографической базой для реконструкции реалий их социального устройства. Богатый археологический материал, фольклорно-этнографические и лингвистические источники пока не подготовлены методически к такому анализу. Поэтому приходится, пользуясь главным образом аналогиями из других регионов, высказывать самые общие соображения об общественном устройстве населения Волго-Камья в первой половине I тысячелетия н.э. Если говорить в целом, это была эпоха разложения родовой общины и становления раннеклассовых отношений на всей территории региона. Повсюду шел процесс индустриальной дифференциации, социальной стратификации, занетно проявлялись военно-демократические черты общественного быта⁷⁰. Однако интенсивность и результаты этих процессов различались в разных хозяйственных и этнических группах. В главном очаге пашенного земледелия, в многоэтнической области Нижнего Прикамья, родовой общины в классическом понятии этого термина не существовало даже в пережиточной форме. Здесь, видимо, шли процессы становления соседско-земляческих связей и образования соседской общины. Основой социальных отношений становилась семейная собственность. Политическое управление обществ (на уровне общин, локальных групп) находилось в руках социальной верхушки, власть которой формировалась в силу реального значения и действия сложного переплетения богатства, наследственности, узурпации и общинной выборности. На нижних этапах общественной структуры огромную роль как производственные и социальные ячейки играли большие патриархальные семьи. В связи с этим невозможно считать аргументированными утверждения, часто встречающиеся в литературе, о расцвете в аналогичных обществах патриархально-родового строя.

У кочевников процессы классообразования могли продвинуться еще глубже, хотя в социально-политической организации кочевого общества традиционная родовая организация сохраняла прежнее и весьма существенное значение. Однако подвижный образ жизни, потребности в обороне или, напротив, в нападении, свойственные для нормально функционирующего кочевого общества, выдвинули наверх социальной структуры военных предводителей, родоплеменных вождей, в руках которых концентрирова-

лась власть. В родоплеменной иерархии и социальной жизни кочевников большая роль также принадлежала низшим звеньям родоплеменной структуры — родовым подразделениям, семейно-родственным группам, которые могли в зависимости от ситуации быть и производственной, и военной ячейкой.

Неизученным и во многом неясным остается вопрос о тенденциях к политическому объединению племен в очагах пашенного земледелия или в районах кочевого скотоводства. Однако едва ли исчерпывающими являются представления об исключительно родоплеменном гомогенном характере возникавших к середине I тысячелетия н.э. объединений. Этнополитическая ситуация, развивавшаяся в степных и лесостепных зонах Евразии в этот период подсказывает возможность и вероятность возникновения многоэтнических по составу союзов и объединений племен, которые правомерно рассматривать как протогосударственные образования.

На обширных просторах, где господствовало комплексное хозяйство, социальное устройство общества уместно характеризовать как патриархально-общинное. В них, однако, сохранились и действовали с различной интенсивностью родовые институты и кровнородственные связи. Интенсивность этих связей, а также сила традиций родового устройства была выше в обществах, которые занимались исключительно или преимущественно охотой и рыболовством.

О Волго-Уральско-Северо-Кавказской историко-культурной провинции

Таким образом, со II тысячелетия до н.э. и до середины I тысячелетия н.э. (в результате обособления от финно-угорской общности восточной финской ветви, последующего ее разделения на волжскую и пернскую и формирования на основе их взаимодействия основных племенных компонентов современных финно-угорских народов) складывается финно-угорская этническая основа Волго-Уральской ИЗО со специфическими хозяйственно-культурными чертами. Еще раз подчеркивая сложность и продолжительность связей финно-угров Волго-Уральской области с Западной Сибирью, необходимо обратить особое внимание на возрастающее значение с I тысячелетия до н.э. южных этнических, культурных и торговых связей финно-угров. Еще в I тысячелетии до н.э. в культуре ананьинского населения археологи прослеживают заметное влияние культуры скифо-киммерийского мира, а также кобано-колхидской культуры Северного Кавказа⁷⁴. В последующее время, в конце I тысячелетия до н.э. — начале I тысячелетия н.э., в сарматско-аланскую эпоху, связи с югом становятся постоянными; они то возрастают, то несколько угасают в зависимости от общен исторической ситуации в евразийских степях, не прерывались вплоть до конца рассматриваемой эпохи⁷⁵.

Обобщение материала, накопленного за последние десятилетия, позволяет сформулировать следующую гипотезу. С середины I тысячелетия до н.э., а также в первые века н.э. произошли определенные изменения в направлениях этнокультурных взаимодействий, которые создали предпосылки для формирования на огромной территории Среднего Поволжья, Приуралья, Нижнего Поволжья, Прикаспия и Северного Кавказа единой (Волго-Уральско-Северо-Кавказской) историко-этнографической провинции как зоны не только сближения, но и контактов, взаимного влияния различных этносов и культур Евразии. Многочисленные наблюдения археологов и лингвистов, касающиеся индоиранского культурного и языкового влияния на финно-угорские народы Волго-Камья в эпоху древности и раннего

средневековья, нуждаются в свете сказанного в монографическом обобщении. При этом важно установить причины и основные территориальные направления в активизации этих контактов; вероятно, они были связаны с формированием меридионального кочевания, когда еще ранние кочевники в засушливые летние сезоны переносили свои стада на север, в прохладные и богатые травой средневольтские и приуральские степи и лесостепи. Заслуживают также внимания упомянутые теории об активизации миграций населения в первые века н.э. в связи с усыханием евразийских степей. Имеются серьезные основания полагать, что меридиональные сезонные перекочевки на большие расстояния, сложившиеся в эту эпоху, сыграли выдающуюся роль в установлении хозяйственно-торговых, этнических и культурных связей Среднего Поволжья и Южного Урала с регионами Приаралья, Нижней Волги и Северного Кавказа. Существование на протяжении нескольких столетий этого этнокультурного континуума оставило глубокий след на этнической, культурной и языковой характеристике народов лесной и лесостепной полосы Евразии — от Оки и Волги на западе до Ишана на востоке.

К сходному заключению пришла Л.С. Толстова, которая рассматривает историко-культурные связи приаральского и прикаспийского населения с северными областями Евразии. Она выделяет "ареальный этноконтинуум", который включает Нижнее и Среднее Поволжье, Южное Приуралье, Прикаспий, Приаралье, Северный Кавказ и другие прилегающие области. В указанных границах культурные связи были более активными и тесными, чем за его пределами, что и дает основание для выделения этноконтинуума. На тесные связи ранних кочевников Южного Урала с сако-массагетским миром Приаралья, а также с другими южными и юго-восточными районами исследователи не раз обращали внимание. Южные параллели саваннатских и раннесарматских памятников Южного Урала рассматривает А.Х. Пшеничный, который пишет: Многие элементы погребального обряда, такие, как каменная обкладка насыпи кургана, прямоугольные и шатровые деревянные надгробные сооружения, дроносы, огненный ритуал, находят почти тождество в таких могильниках сакской культуры Приаралья, как Тагискен и Уйгарак.⁷⁴

Инерция этнокультурного взаимодействия в обрисованном центре Евразийского континента продолжалась длительное время.⁷⁵ "Регион как историко-культурная провинция, — пишет Л.С. Толстова, — частично сохранял свое значение еще в первые века нашей эры, во времена широкого расселения аланов от Северного Кавказа до северо-западного Приаралья"⁷⁶ и, добавив, до Урала, включая южную и центральную части современной территории Башкирии, где обнаружены алаиские памятники.⁷⁷

Исследователи не раз подчеркивали крупную роль в истории степной полосы Евразии территории Волго-Уральского междуречья, которая уже с эпохи бронзы являлась "подлинным связующим звеном между двумя континентами. Открытые степные пространства связывали ее с Северным Причерноморьем и Кавказским культурным очагом, древнейшей земледельческой ойкуменой Средней Азии и бескрайними, уходящими в пределы Центральной Азии просторами Южной Сибири. Она находилась как бы в центре великого и древнего пути многосторонних культурных связей, активных контактов и влияний и, наконец, грандиозных переселений человеческих групп".⁷⁸ Волго-Уральские степные пространства, удобные как для широтного, так и для меридионального сезонного кочевания, объединялись в единый этнокультурный мир — Волго-Уральско-Северо-Кавказско-Прикаспийско-Приаральскую провинцию. Позднее, начиная с эпохи гуннского вторжения, на этой территории происходили процессы сложного взаиморазвития различных по происхождению и культуре племенных групп, завершившиеся в середине

II тысячелетия н.э. формированием целого ряда народов, главным образом на периферии этой огромной историко-культурной провинции.

Следовательно, проникновение тюрков во второй половине I тысячелетия н.э. в Среднее Поволжье, по существу, было естественным продолжением и развитием ранее установившихся миграционных традиций, хозяйственных, этнокультурных и торговых связей. Можно предполагать, что позднее, в эпоху подъема и расцвета Великой Болгарии и Хазарского каганата, процесс формирования упомянутой историко-культурной провинции достиг апогея, превратив районы Среднего Поволжья и Приуралья в северную периферию этих раннесредневековых государств. Как будет показано, исторические события последующей эпохи, а также монгольские походы прервали этот процесс. Однако важно заметить, что лесное и лесостепное Волго-Камье с его финно-угорским в основном населением являясь некой природно-географической альтернативой по отношению к южным степям, уже тогда приобрело тенденцию к обособлению в самостоятельную историко-этнографическую область.

¹ Вереш П. К вопросу о финно-угорской прародине и этногенезе венгров в свете новейших палинологических данных // Studia Hungarica. VI МКУ. Сыктывкар. 1985. С.13

² Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. С.376–390; Он же. Преемственность в развитии археологических культур Волго-Камья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск. 1983. С.15–18; Хайду П. Уральские языки и народы / Пер. с венгер. М. 1985. С.160–161

³ Хайду П. Уральские языки и народы. С.161–163, 172.

⁴ Обзор истории разработки проблемы и литературу см.: Козлов К.И. Очерки этнической истории марийского народа М., 1978. С.9–16; Хайду П. Уральские языки и народы. С.143–164; Халиков А.Х. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Казань, 1966. С.11.

⁵ История Сибири с древнейших времен до наших дней Л. 1968 Т.1 С.117–118

⁶ Хайду П. Уральские языки и народы. С.163.

⁷ Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древнейших финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С.29; Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. С.379.

⁸ Хайду П. Уральские языки и народы. С.163–164.

⁹ Алексеев В.П. Происхождение народов восточной Европы: Крайноэтнографическое исследование. М. 1969. С.153–158

¹⁰ Алексеев В.П. Человек. Эволюция и таксономия. М., 1985. С.136

¹¹ Там же. С.139.

¹² Там же. Рис.21.

¹³ Там же. С.155–156.

¹⁴ Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С.371

¹⁵ Вереш П. Этногенез и этническая история венгерского народа до 896 года. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1979. С.6–7

¹⁶ Пшеничников А.Х. Шаповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С.126–127; Генкин В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение: (По археологическим материалам I тысячелетия н.э.) // АЭБ. Уфа, 1971. Т.4. С.45.

¹⁷ Артамонов М.И. История казар. Л., 1962. С.40. Гадля А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. Л. 1979. С.118.

¹⁸ Чернецов В.Н. Усть-полудное время в Приурье // Материалы по истории и археологии. 1953. N 35. С.238; Матвеев А.К. О древнейших местах расселения угорских народков (По данным языка) // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Пермь. 1968. N 191. С.138–139; Могильников В.А. К состоянию вопроса об этнической интерпретации культур Зынданной Сибири эпохи далаи // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С.38.

¹⁹ Генкин В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э.: Проблема этноса и его происхождения // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С.274, 294.

²⁰ Серебрянников Б.А. История мордовского народа по данным языка // Этногенез мордовского народа. Саранск. 1965. С.242–243; Гарипов Т.М. Процессы языкового взаимодействия в Башкирии // Языковые контакты в Башкирии. Уфа. 1972. С.21; Гордеев Ф.И. О происхождении этнонима "башкир" // АЭБ. Уфа, 1971. Т.4. С.315

²¹ Пшеничников А.Х. Направление и характер связей племен кара-абзаской культуры // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Кавказом в эпоху железа. Уфа, 1976; Иванов В.А. Анимизм

- кая общность в скифо-сарматский мир: К вопросу о культурно-исторических контактах // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства» Кемерово, 1979; Магомедов А.Х. Этнические и культурно-исторические связи иранских племен (скифо-сарматов и алан) с народами Волго-Камья и Приуралья // Всесоюз. сес. по итогам полевым этнографич. и антропологич. исследований 1978–1979 гг.: Тезисы. Уфа, 1980.
- ²¹ Смирнов А.П. Вступление: Материалы по истории мордвы VIII–XI вв.: (Дневник археол. раскопок П.П.Иванова). Моршанск, 1952. С.8; см. также: Марк К. Этногенез мордовского народа по данным антропологии // Этногенез мордовского народа. С.32, 33, 35; Алексеев В.П. Происхождение народов... С.157
- ²² Пшеничных А.Х. Кара-абаская культура: Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры // АЭБ Уфа, 1973. Т.5. С.231–232.
- ²³ Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. С.148–149.
- ²⁴ Халиков А.Х. Преемственность в развитии археологических культур... С.18
- ²⁵ Халиков А.Х. Проблема этногенеза пермских финнов. Казань, 1985. С.2
- ²⁶ Хайду П. Уральские языки и народы. С.200
- ²⁷ Там же. С.74, 201.
- ²⁸ Халиков А.Х. Проблема этногенеза пермских финнов. С.4, 11
- ²⁹ Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. С.34
- ³⁰ Хайду П. Уральские языки и народы. С.201
- ³¹ Там же. С.65.
- ³² Халиков А.Х. Преемственность в развитии археологических культур... С.18; Геннинг В.Ф. Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н.э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1974. С.14. Племена, родственные глеченовским, сыграли решающую роль в формировании коми-пермичи и коми-зырян, которых, однако, в связи с особенностями их хозяйственного и культурного развития правомерно относить вместе с карелами, лопарями, а также с инцями и венцами к Северной или Ладожско-Печорской ИЗО (см.: Пименов В.В. Урало-Поволжская историко-этнографическая область. К проблеме изучения // Проблемы типологии и этнографии. М., 1979. С.39–40
- ³³ Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья // VI МКФУ. Сыктывкар, 1985. С.6.
- ³⁴ Хайду П. Уральские языки и народы. С.49
- ³⁵ Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор... С.12–13 17–18 28–29
- ³⁶ Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. С.45–46
- ³⁷ Смирнов К.Ф. Ранние кочевники Южного Урала // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1974. Т.4. С.73
- ³⁸ Чернецов В.Н. Усть-полудское время в Прикамье // МИА М., 1953. N 35. С.238
- ³⁹ Хайду П. Уральские языки и народы. С.177
- ⁴⁰ Там же. С.179.
- ⁴¹ Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарьомского Приобья. М. 1974. С.165. Вереш П. К вопросу о финно-угорской прародине... С.7.
- ⁴² Хайду П. Уральские языки и народы. С.179
- ⁴³ Hamalainen A. Beiträge zur Geschichte der primitiven Viehzucht bei den finnisch-ugrischen Völkern // Journal de la Société Finno-Ougrienne. XLVII. Helsinki, 1933–1935. S.32.
- ⁴⁴ Там же. S.32–33.
- ⁴⁵ Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н.э. – первая половина I тысячелетия н.э. // МИА М., 1971. N 174.
- ⁴⁶ Там же. С.14–15; Краснов Ю.А. Ранняя история культуры пшеницы в свете археологических данных // Древности Восточной Европы. М., 1969. С.104.
- ⁴⁷ Прокопов А.В. Ранняя история земледелия в Прикамье // Этнические процессы на Урале и в Сибири в пермоболтскую эпоху. Ижевск, 1983. С.97.
- ⁴⁸ Хайду П. Уральские языки и народы. С.185
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство... С.22–24
- ⁵¹ Прокопов А.В. Ранняя история земледелия в Прикамье. С.98.
- ⁵² Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство... С.35–36
- ⁵³ Прокопов А.В. Ранняя история земледелия в Прикамье. С.99.
- ⁵⁴ Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство... С.44–45.
- ⁵⁵ Кузев Р.Г., Иванов В.А. Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья (V–XIV вв.). Уфа, 1983. С.3.
- ⁵⁶ См.: Прокопов А.В. Ранняя история земледелия в Прикамье. С.99–100
- ⁵⁷ Хайду П. Уральские языки и народы. С.192.
- ⁵⁸ Там же. С.193

- ⁵⁹ Там же С.196
- ⁶⁰ Там же
- ⁶¹ Артамонов М.М. История казар. Гл.II
- ⁶² Rasz I. Finno-Ugric folk art. Helsinki, 1979. P.13.
- ⁶³ Мурыгина А.М., Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор... С.15.
- ⁶⁴ Смирнов А.П. Возникновение производящего хозяйства и финно-угры // Проблемы финно-угроведения: Материалы к IV МКФУ. Budapest, 1975. С.77–82; Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство... С.165
- ⁶⁵ Rasz I. Finno-Ugric folk art. P.12.
- ⁶⁶ Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры: Археология СССР // Свод археол. источников. М. 1967. Вып.Д1–32. С.26. Табл.13, 3, 8, 13, 15.
- ⁶⁷ Геннинг В.Ф. Туровский курганный могильник в Нижнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Свердловск 1962. Вып.2. С.72. Рис.29, 8.
- ⁶⁸ Геннинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края эпоху молчаливого переселения народов. Ижевск, 1963. С.26. Табл. XXIV, 5.
- ⁶⁹ Збруева А.В. История населения Прикамья в вянтинскую эпоху // МИА. М., 1952. N 30. С.75–87.
- ⁷⁰ Козлов К.И. Очерки этнической истории марийского народа. С.78, 87; Геннинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Свердловск; Ижевск, 1967. Вып.7. С.37–43.
- ⁷¹ Збруева А.В. История населения Прикамья в вянтинскую эпоху. Гл.IX; Халиков А.Х. Волги. Камье в начале эпохи раннего железа. М., 1977. С.257; Патрушев В.С. Культурные связи ананьинцев с ираноязычным миром в VIII–VI вв. до н.э. // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. С.6; Кузьминский С.В. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье. Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 1977. С.18.
- ⁷² Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав и история расселения. М., 1974. С.388.
- ⁷³ Пшеничников А.Х. Направление и характер связей племен кара-абызской культуры; Мухамедьяров Ш.Ф. К истории ранних этнических контактов Среднего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири в связи с проблемой тюрнизации // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С.104
- ⁷⁴ Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прокопьевской) культуры. М., 1974. С.39–46; Вишневская О.А. Итима М.А. Ранние саки Приуралья // Материалы по истории и археологии. М., 1971. N 177. С.200–203
- ⁷⁵ Пшеничников А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1982. С.128
- ⁷⁶ Там же. С.129–132.
- ⁷⁷ Толстов Л.С. Исторические предания Южного Приуралья. К истории ранних культурных связей народов Арало-Каспийского региона. М., 1984. С.43.
- ⁷⁸ Ахмеров Р.Б. Могильник близ г.Стерлитамака // СА. 1955. N XXII. С.166–176.
- ⁷⁹ Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. С.16

**СЛОЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ ИЗО
С СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э. ДО XVI В
ФИННО-УГОРСКО-ТЮРКСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ**

Основные тенденции хозяйственно-культурного развития в регионе

История финно-угорско-тюркского взаимодействия в Волго-Уральском регионе охватывает период с последних столетий I тысячелетия н.э. до XVI в. и распадается на два этапа. Первый этап датируется второй половиной I тысячелетия н.э. — XIII в. (до начала монгольского нашествия). Этот период был узловым в формировании Волго-Уральской историко-этнографической области. Основным содержанием этого этапа была миграция в Среднее Поволжье тюркоязычных групп населения с юга и востока и активное их этнокультурное взаимодействие и сращивание с местным, преимущественно финно-угорским населением. Экономическое, политическое и культурное влияние Волжской Булгарии распространилось на мордву, марийцев, буртасов, муром, мерю, мешеру, а также на удмуртов, пермь и другие племена края. Имеющиеся данные пока не дают основания достоверно судить о численном соотношении финно-угорских аборигенов и тюркских мигрантов, однако демографическая ситуация более позднего времени (существенное количественное преобладание в ИЗО тюркского населения) не позволяет, кажется, сомневаться в ассимиляции булгарским и другим тюркским населением многих местных финно-угорских групп. Такая направленность этнических процессов объяснялась рядом причин, в том числе более высоким уровнем политической, военной и социальной организации волжских булгар и кочевых тюркских групп, пришедших вместе или вслед за ними. В течение VIII—XII вв. миграция булгар и других тюркских родоплеменных образований, возникновение и развитие феодального Булгарского государства, подчинившего себе население на довольно обширной территории, существенно изменили этнокультурную ситуацию в Волго-Канской области и в ряде соседствующих районов.

В хозяйственном отношении местные финские племена и тюркские мигранты в первое время заметно различались. Угорские племена, заселившие Приуралье и достигавшие Волги, были кочевниками и по образу жизни мало отличались от тюркских пришельцев. Для булгар, а также для многих других тюркских пришельцев переселение на Волгу было связано с перестройкой хозяйства, с переходом от кочевого скотоводства к оседлому земледельческому хозяйству. Формирующийся Канско-Волжский очаг пахенного земледелия и ремесленного производства в определенном смысле стал хозяйственной основой растущей политической организации булгар. Этот процесс в какой-то степени стимулировался оседлостью и навыками земледелия местного финского населения. Однако булгарская эпоха характеризуется новым и качественным подъемом в развитии земледельческого хозяйства плужного типа, которое у все более значительной части населения становилось основным занятием². Заметно прогрессируют способы ведения земледелия, земледельческие орудия и связанные с их производством ремесла. Политическое господство Булгарского феодального государства и его хозяйственно-культурная экспансия на соседние территории обуславливает распространение плужного земледелия на новые

районы. Одновременно становятся общими достоянием многие элементы культуры, сложившиеся на базе ХКТ плужных земледельцев Среднего Поволжья. Несмотря, однако, на эти изменения, разнообразие и сложное сочетание хозяйственных занятий, которое сформировалось в Волго-Канье к середине I тысячелетия н.э., сохранилось. Даже в пределах булгарского государства, границы которого едва ли возможно на всех этапах его истории очертить достаточно строго, были районы кочевого скотоводства, комплексного хозяйства, охоты и рыболовства. Тем более на периферии булгарии продолжали бытовать и развиваться самые различные формы хозяйства: на южных и юго-восточных, степных и лесостепных территориях — кочевое или полукочевое скотоводство иногда с незначительным удельным весом земледелия, по берегам рек — комплексное хозяйство с той или иной ролью охоты и рыболовства, севернее, в лесной зоне — традиционные охотничье-рыболовческие занятия. Существование различных типов хозяйства составляло постоянную специфику Волго-Уральского региона на течение длительного времени и в тех или иных признаках сохранялось вплоть до начала XX в., выступая важнейшим фактором, обусловившим сложную и многослойную культуру населявших его народов. На начальных этапах развития Волго-Уральской ИЗО выделяются, таким образом, три подобласти, отличающиеся преобладанием той или иной хозяйственно-культурной традиции: 1) сравнительно легко локализованный район Нижнего Приканья и Среднего Поволжья с булгарским или булгаризованным населением и с развивавшейся культурой плужного земледелия и развитого комплексного хозяйства; 2) северо-западные и северные лесные и отчасти лесостепные районы с финно-угорским населением с комплексным земледельческо-скотоводческим хозяйством, со значительной ролью охоты, рыболовства и бортничества, с характерными чертами культуры жителей лесной зоны, проявления которых усиливались в направлении с юга на север; 3) южные и юго-восточные степные и лесостепные районы с полукочевым скотоводческо-земледельческим и кочевым скотоводческим бытом преимущественно угорского и тюркского (или угро-тюркского) населения в северной части этой подобласти (по среднему и нижнему течению р. Белой) фиксируется комплексное хозяйство, однако с заметным удельным весом скотоводства.

В то же время подчеркнем, что главная тенденция в хозяйственно-культурном развитии населения ИЗО характеризовалась в эту и последующие эпохи постепенно нарастающим сближением форм хозяйственных занятий и распространением типологически сходных явлений в различных сферах культуры на базе постепенного расширения политического и этнокультурного влияния Булгарского государства.

О проблеме ранних тюрков на Средней Волге и Южном Урале

Основу Волго-Уральской области составляла сравнительно плотно заселенная территория Среднего Поволжья. Именно здесь шел наиболее активный процесс финно-угорско-тюркского этнокультурного взаимодействия, расширяясь постепенно на периферию зоны. Больше-Тарханский, Кайбельский, Танкеевский могильники остаются наиболее ранними и значительными памятниками, свидетельствующими о тюрко-финно-угорском сближении. На этой же территории с выгодным географическим положением на крупных водных артериях (Волга, Кана), в благоприятных условиях для земледельческого хозяйства сложилось в X в. первое в регионе феодальное государство — Волжская Булгария, сыгравшая роль крупного ареалообразующего фактора для Волго-Уральской ИЗО.

В разработке истории формирования Волго-Уральской ИЗО принципиальное значение имеет определение времени и масштабов финно-угорско-тюркского взаимодействия. В литературе, особенно археологической и историко-лингвистической, в последние два десятилетия разрабатывается концепция о неоднократной добулгарской массовой туркизации Волго-Уральского региона, о тюркоязычности носителей многих культур Среднего Поволжья и Приуралья с I тысячелетия до н.э., о начале формирования чувашского этноса на основе тюркоязычных обитателей Писеральско-Андреевских курганов II - III вв. н.э. и, наконец, о решающей роли добулгарской туркизации для сложения этнической основы всех тюркских народов ИЗО. Высказывались также идеи о раннетюркской принадлежности так называемых "курганов с усами" (I тысячелетие до н.э.) и носителей культуры убаларских (гафурийских) памятников на Южном Урале (с рубеж нашей эры); распространена гипотеза о тюркской или древнебашкирской принадлежности турбаслинских и кушнаренковских памятников Приуралья (вторая половина и конец I тысячелетия н.э.). Почти общепризнанной становится гипотеза о тюркоязычности населения, оставившего харинские, тураевские, икеньковско-романовские памятники, тюрко-башкирской принадлежности погребенных в курганных могильниках Южного Урала VIII - IX и X - XI вв. Все чаще постулируется идея об угро-тюркоязычности или тюркоязычности носителей полновской (III - IX вв.) и лоноватовской культур (V - IX вв.) в бассейне Средней Камы.

Однако историко-лингвистические факты, выявленные в границах исторической досягаемости и относящиеся к VI - VII вв. к древнетюркским языкам Центральной Азии, не дают достаточных оснований для доказательства гипотезы о массовой миграции тюркского населения в Среднее Поволжье и на Южный Урал в первой половине I тысячелетия н.э., тем более до нашей эры¹⁰. Не согласуются с такой постановкой проблемы и результаты антропологических исследований, которые свидетельствуют, что южносибирский антропологический тип, характерный для целого ряда племенных объединений средневековых тюркских кочевников, сформировался на территории современного Казахстана в резуль-

¹⁰ Гипотезе о тюркоязычности по крайней мере части населения, оставившей Писеральские и Андреевские курганы, опирается на присутствие в захоронениях мужчин-воинов "полноуральских и позднесарматских" особенностей, которые "проявляются" также в обрядах погребения курганных могильников типа Угларе и Бесби, продолжающих традиции Давыдов-Бегзинской культуры Центрального Казахстана (Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С.40-41). При этом имеется в виду, что упомянутые культуры на территории Казахстана еще с эпохи до нашей эры испытали воздействие южносибирских древнетюркских кочевников. Однако автор фундаментального исследования о культурных эпохах бронзы на территории Центрального Казахстана А.Х.Маргулян писал: "Вся сумма богатейших научных данных по материальной культуре Бегзы Давыдов глубоко убеждает нас в том, что истоки ее надо искать не в Южной Сибири, а здесь, в древней центральной металлургии и что правильнее будет говорить о азиях не Карасула не Центральный Казахстан, а наоборот" (Маргулян А.Х. Бегзы-Давыдовская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата 1979. С. 333). Очевидно, А.П.Смирнов и Н.А.Краснов, которые датировали Андреевско-Писеральские курганы III-IV вв. н.э., были правы, считая их сокращшимися абашевскими (или постабашевскими) культурными комплексами. Существуют и другие определения этнической принадлежности культур памятников писеральско-андреевского типа (пальновская, ранние мордовские, сарматские племена). Следовательно, не существует безупречно характеризующих источников для утверждения (все чаще встречается в археологической и историко-лингвистической литературе) о том, что сполнением в Сурско-Синимском междуречье с первых веков нашей эры андреевско-писеральских культурных комплексов начался процесс формирования древнейшей тюркоязычной группы, лежащей в основу чувашского этноса (См.: Халиков А.Х. Памятники Писеральско-Андреевского типа в Волжском Правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1987. Вып. 12. С.9-10, 16, 17, 19, 23).

тате взаимодействия европеоидных и монголоидных групп в VI—XI вв.

Сложность заключается еще в том, что для многих археологических памятников обширного региона Среднего Поволжья, Южного Урала и Прикамья конца I тысячелетия н.э. (VII—IX вв.) свойственно преобладание одних и тех же черт материальной культуры и погребального обряда, а их создатели, согласно данным антропологии, имели физические характеристики, не позволяющие с достоверностью судить об их этническом происхождении. Обсуждая существующие точки зрения относительно этнической принадлежности населения, оставившего средневековые памятники Урало-Поволжья необходимо обратить внимание на то, что общие или сходные элементы материальной культуры исследователи связывают с разными этносами: с восточнофинским, угорским, булгарским, протонадыарским, самодийским или угро-самодийским, тюркским или древнебашкирским. Фиксируя несомненный факт распространения однотипных культурных комплексов на обширной территории — от р. Чусовой на севере до р. Сараны на юге, от Волги на западе и до Урала на востоке, в то же время приходится подчеркнуть, что нет оснований сомневаться в отсутствии до середины I тыс. н.э. носителей тюркского этноса — обычно кочевников-скотоводов — в экстремальных для них (непригодных для кочевого скотоводства) условиях Средней и Верхней Камы.

Географическая среда и ХКТ имеют существенное, в ряде случаев определяющее значение в процессе формирования этносов. Если это положение верно, то близкие или аналогичные элементы культуры, наблюдаемые в могильниках лесостепного и степного Приуралья и Среднего Поволжья, так же мало оснований считать тюркскими¹². Не будем забывать, что, несмотря на успехи археологии, четкие критерии для отнесения того или иного памятника Волго-Камского региона к тюркскому этносу пока не разработаны. Объясняется это, по всей вероятности, не только недостатками методики археологических исследований, даже не трудностями выделения в этническом отношении ясно охарактеризованных памятников в обширной (и нивелирующей культуру) степном мире, а скорее всего, очевидным демографическим и этнокультурным преобладанием в Волго-Уралье в I тысячелетии н.э. носителей финно-угорского этноса преимущественно финского в западной и северо-западной частях региона и угорского или угро-самодийского — в восточной¹³. Данные этнографии, указывая в материальной культуре и декоративно-прикладном искусстве современных башкир, татар и чувашей на финские, угорские и угро-самодийские элементы, не противоречат этой точке зрения¹⁴.

В последнее время появились работы, в которых западная граница расселения древнетюркских племен в Евразийских степях уточняется на основе новых методических приемов. Обращает внимание результат произведенного В. А. Ивановым статистического анализа элементов древнетюркского погребального обряда по материалам 163 погребений Алтая, Тувы, Казахстана и Средней Азии, датированных VII—IX вв. и достоверно характеризующихся как древнетюркские. Анализ является реакцией на широко проникший в литературу тезис о расселении центральноазиатских и алтайских тюрков на огромных просторах Евразии до Черного, Каспийского морей на западе с включением, естественно, Южного Урала, Приуралья и Поволжья. Анализ производился на ЭВМ по 61 признаку погребального обряда. При выявлении устойчивых сочетаний и коррелятивных связей отдельных признаков учитывались и так называемые "тюркские поясные наборы", послужившие главным доказательством "массового расселения" древнетюркских племен в Восточной Европе, в том числе в Волго-Уральском регионе. Картографирование результатов анализа показало, что устойчивые сочетания признаков древнетюркских погребений VII—IX вв.

западнее границы, 'очерченной погребением в Санарканде, курганами Жаксы-Арганаты, Егиз-Койтас, Бошекуль, Бобровка в Центральной и Восточной Казахстане", не встречаются.¹⁵ Эта граница вполне согласуется с западными пределами древнетюркской экспансии у "прохода Бузгала в горах Байсуи-тау, по дороге из Санарканда в Балх, в 90 км к югу от Шахрисабза", установленными С. Г. Кляшторным по текстам рунических надписей.¹⁶ Сказанное, естественно, не исключает возможности военных походов и набегов древних тюрков в Прикаспий, Причерноморье, однако нет достоверных оснований для утверждений о сколько-нибудь значительной их роли в этнокультурном развитии племен и народов западнее указанных границ. "Эти факты, — делает заключение В. А. Иванов, — а также специфическая керамика и широкое распространение отсутствующих на востоке Великого Пояса степей типов украшений позволяют уверенно исключить Южный Урал и Приуралье (а также Среднее Поволжье — Р. К.) из сферы среднетюркского этнокультурного воздействия в I тысячелетии н.э."¹⁷

Сказанное заставляет иначе взглянуть на проблему времени массового проникновения тюрков в Волго-Уральскую область, отнеся начало этого процесса не ранее чем к последним столетиям I тысячелетия н.э. и связав его с доказанным фактом миграции на Среднем Поволжье булгарских племен.

Выдвигая это положение, целесообразно связать его с периодизацией и классификацией тюркских языков, с центральноазиатской концепцией генезиса алтайской лингвистической общности и с ранней историей ее тюркской ветви на территориях Алтае-Саянского нагорья и Южной Сибири. Периодизация истории развития алтайской семьи языков в отличие от Уральской не столь завершенная и бесспорная. В обобщающем издании история тюркских языков подразделяется на алтайскую эпоху, которая включает и пратюркский период недифференцированного состояния тюркских и монгольских языков, хуннскую (до IV в н.э.), в которую завершилась "полная дифференциация" тюркских и монгольских языков и "произошло разделение тюркских языков на две ветви: восточнохуннскую и западнохуннскую", древнетюркскую (V—X вв.), "связанную с развитием и формированием различных тюркоязычных родоплеменных союзов и их языков", среднетюркскую "эпоху возникновения и развития основных тюркских народностей и языков" (X—XVI вв.), новотюркскую эпоху образования и становления языков современных тюркоязычных народностей (XVI—конец XIX в.) и, наконец, "эпоху образования тюркоязычных наций (конец XIX—XX в.)".¹⁸ Среди различных подходов к периодизации истории тюркских языков представленная схема, разработанная Н. А. Баскаковым, наиболее полно учитывает развертывание истории тюркских народов в пространстве и во времени.¹⁹ С точки зрения сегодняшнего уровня наших исторических знаний обоснованной выглядит и классификация Н. А. Баскаковым тюркских языков, построенная на принципе выделения ареальных групп языков с учетом истории их формирования. В частности, в составе западнохуннской языковой ветви он выделяет булгарскую группу языков (современный чувашский) и кыпчакско-булгарскую подгруппу кыпчакской (кипчакской) группы языков (современные татарский и башкирский с диалектами), распространенные

* Аналогичную точку зрения автор отстаивал в своих прежних работах (см.: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав и история расселения. М., 1974. С. 389—396), однако в последние годы в связи с тенденцией к удорожанию этногенеза многих тюркоязычных народов вновь возникла необходимость обратиться к анализу проблемы.

в основном в Волго-Уральской области и в Западной Сибири²⁰.

Исторические этапы развития болгарской (наиболее древней) группы языков достаточно ясно коррелируются с периодизацией и классификацией Н.А. Баскакова. Венгерский исследователь А. Рона-Таш выделяет время болгарских диалектов, восходящее, видимо, к ранним этапам хуннской эпохи, далее следуют раннедревнеболгарский этап, распадающийся на два периода: первый с I—II вв. н.э. до 453 г. н.э. (который датируется наиболее раннее достоверное известие о появлении болгар в Восточной Европе), второй — с 453 г. до середины VII в. н.э., т.е. временем образования и расцвета Великой Болгарии на Северном Кавказе, позднедревнеболгарский этап, также подразделяющийся на два периода: с середины VII в. до рубежа VIII—IX вв. (время распада Великой Болгарии и миграций болгарских племён) и с рубежа VIII—IX вв. до начала монгольского нашествия (время образования и расцвета Волжской Булгарии). Затем А. Рона-Таш выделяет раннесреднеболгарский (1235—1430 гг.), позднесреднеболгарский (1430—1552 гг.) и новоболгарский или чувашский (вторая половина XVI — начало XX в.) этапы и, наконец, этап развития современного чувашского языка²¹.

Сегодня известны и другие классификации и ареальные группировки тюркских языков, однако в большинстве своём они характеризуют региональную языковую специфику в пределах указанных хронологических и (для периодов генезиса и раннего развития тюркской ветви языков) пространственных границ.

В свете сказанного интерпретации археологических культур Восточной Европы II—I тысячелетий до н.э. как целиком или частично принадлежавших тюркским племенам, а также идентификация их с древними тюрками на основе этимологических экспертиз племенных названий античной эпохи не представляются убедительными. По существу эти тенденции, которые в последние годы стали разрабатываться активно, представляют

* Замерзший вид эта концепция принята в работах М.З. Закиева (см.: Закиев М.З. Волжские татары — по-марийские суасы, по-удмуртские бигеры // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С.32—57; Он же. Казань татарлары нн очен марича — суас, удмуртча — бигор // Казань утлары, 1985. N 5. С.161—167). Согласно этой концепции:

1. Скифы, сарматы, аланы были целиком или частью тюркоязычными племенами. Асы (ас, яс, асы и т.д.), предки аланов, также были тюркоязычными. "...Этноним суас применялся еще в добулгарское время ... и был самоназванием тюркоязычного племени, считавшего себя речными или водными асами..." (Закиев М.З. Волжские татары. С.43). Все фонетические варианты этнонима (суас, суаз, чуаш...) идентичны; "...впоследствии фонетические варианты этого этнонима закрепились за разными народами: во волжскими татарами — суас, за чувашами — чуаш" (Там же. С.39). Как видно, согласно концепции М.З. Закиева, на Среднем Поволжье "задолго до булгар" расселились суасы — тюркские потомки скифов, сармат, алан. Тем самым автор концепции стремится сделать бессмысленной давнюю дискуссию о происхождении этнонима суас (суас, суаз — чув. т'ашаш) от упоминаемого Ибн-Фадляном (922 г.) булгарского этнонима сувар, развитие которого интерпретировано в литературе как сувар — суаз (этицирированная форма сувар) — чуаш. Однако доказательства тюркоязычности скифов, сармат, аланов, а следовательно и булгарских племен, Ссылка на то, что о тюркоязычности асов упоминается в рунических памятниках VIII в., у М.Кашгари (XI в.), ничего не дают, так как, во-первых, для концепции М.З. Закиева это слишком поздние сведения, во-вторых, о тюркизации во второй половине и в последние столетия I тысячелетия н.э. индоиранского населения Средней Азии писали многие исследователи, в-третьих, здесь, видимо, имеет место смешение этнонимов ас и аз (азы, азибцы). Азибцы Семиречья, по В.В. Бартольду, "тождественны с удмуртами в орхонских надписях народом аз" (Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. М., 1963. Т.2, ч.1. С.36). В данном случае слабым аргументом является также известная цитата из сочинения Аль-Бируни о том, что язык асов и алан напоминает язык корейцев и печенегов (см. об этом: Кипкаторский С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.174—175), так как при формировании печенегов наряду с тюркоязычными (или тюркизированными) племенами канглы (канлы) в их состав существенным компонентом являлись ираноязычные группы, происшедшие также из тюркизованных

2. Дальнейшее развитие концепция М.З.Закхеева представляет особый интерес. Он пишет: "местные тюркские племена, называемые этнонимом *суас*" и говорившие на гл языке еще до прихода булгар разделялись на две части. Первая часть *суасов* вошла в состав позднее пришедшего и усилившегося булгарского объединения, племена которого говорили на языках общетюркского типа. Эти же *суасы* влились "позднее и в состав *казанцев*, а впоследствии *воляских татар*". И далее: "Несмотря на бытование других, более авторитетных (? — Р.К.) этнонимов (*булгар, казанлы*) самоназвания *суас* еще долго сохранялись, но, видимо, под влиянием этнонима *татар* оно перестало применяться самими *суасами* (т.е. *казанскими татарами*. — Р.К.)" (Закхеев М.З. *Воляские татары*. С.44). Однако для луговых марийцев они (т.е. по М.З.Закхееву *казанские татары*) "всегда были и оставались *суасами*" (Там же). "Вторая часть *суасов* задолго до формирования булгарской народности перемешалась с частью *марийцев*, в результате образовались племена, по языку не похожие ни на первоначальных *суасов*, ни на *марийцев*." Их "соседи *марийцы* стали называть *суасами*, т.е. *марийцами по-суасски*", или, уточняя М.З.Закхеева, "на *суасском языке*"... "В результате этого *суасамарийский* (т.е. современный чувашский) язык, как бы он ни был близок к *марийскому*, в своей основе получился почти (! — Р.К.) тюркским, но весьма далеким от общетюркских норм" (Там же. С.44—45). Так, согласно М.З.Закхееву, в Среднем Поволжье формируются *воляско-булгарский язык "общетюркского" типа* и *чувашский (или суаслар-марийский) язык*, который явился новообразованием в результате смешения *марийского и суасского языков*. Теоретическое обоснование образования в Среднем Поволжье нового чувашского языка выглядит следующим образом: "Это произошло в глубокой древности, ибо смешение языков (т.е. образование третьего языка) возможно лишь до возникновения классовой общины..." (Там же. С.44). Это положение не найдено, видимо, поддержало даже среди археологов, склонных удревлять тюркский этногенез на Волге, так как М.З.Закхеев ставит перед ними неразрешимую задачу: выделить из недр "глубокой древности" археологическую культуру, которую можно было бы трактовать как культуру *новоявленного новообразования* в результате смешения двух этносов и языков. В соответствии с логикой своей концепции М.З.Закхеев далее доказывает, что протобулгарский и древнебулгарский языки (равно казасский язык) принадлежали к языкам общетюркского типа (Закхеев М.З. *Татар халкы...*. С.51—59). Если оставить в стороне историко-культурную необоснованность концепции М.З.Закхеева и предоставить специалистам-лингвистам оценить историко-лингвистическую ее часть (см. критический анализ указанной книги М.З.Закхеева: Федотов М.Р. Отношение чувашского и общетюркского языков к языкам казас, дунайских и воляских булгар, а также финно-угров // *Советарология*. 1986. N 3. С.25—37), остается обратить внимание на то, что этноним *суас* для *казанских татар* был и оставался экзоэтнонимом (так называли их луговые *мари*, которые соседствовали с *воляскими булгарами* и сохранили этноним *булгарский эпохи* в явном употреблении вплоть до XIX в.) и никогда не являлся для них "самоназванием" (Закхеев М.З. *Воляские татары...* С.44).

3. Продолжением концепции М.З.Закхеева явился новый вариант идентификации античных кирзов (VIII—V вв. до н.э.) с тюрками. Устанавливая этимологические взаимосвязи терминов *бигер* — *бигар* — *бигар* — *кира*, автор полагает, что "считавшаяся до сих пор фантастической страна Бигария реально существовала и ее по-другому называли *Биглар* или *Бигер*, которая после образования Булгарского государства вошла в ее состав" (Закхеев М.З. *Воляские татары...* С.54—55). Эту идею можно было бы считать интересной постановкой вопроса для дальнейшей разработки и обсуждения, если бы М.З.Закхеев, подчеркнув, что *кир* были тюрками, не идентифицировал их с племенами "аналитической культуры, которая получала развитие в VIII—VII вв. до н.э.", "...на обширной территории в бассейнах рек Камы, Вятки, Чусовой, Белой, Гаревой, Ветлуги, Волги (у устья р.Камы) и р.Утки" (Там же. С.52). Вывод ученого гласит: "Таким образом, тюркоязычные племена, обитавшие на огромной территории, были известны грекам по названию одного из племен *кирзов*. Не только они, но и их соседи — *аргиппек* (которые обитали "в южных районах Урала". — Там же. С.51), по всей вероятности, были тюркоязычными, ибо слово *аргиппек* этимологически восходит к тюрк. *ар* "человек, мужчина" и греч. *гиппос* "лошадь" и является полужакобой от тюрк. *ир-ат*... (бува, "мужчина" — *аони*") (Там же. С.52). Однако пересмотр прочно обоснованной концепции о финно-угорской этноязыковой принадлежности племен *аналитической культуры* требует, естественно, более основательных доказательств.

Уместно привести по этому поводу следующее мнение специалистов "...мы оставили без внимания возможность античной исторической традиции в прочтении ранних страниц истории Восточно-Камского края, поскольку они нуждаются не только в специальном филологическом историческом анализе, но и сами по себе, видимо, могут быть лишь своего рода историческими символами, сложный смысл которых может быть расшифрован лишь при снятии даяных всех дочерних исторических наук" (Гришкина М.В., Владыкин В.Е. *Письменные источники по этногенезу удмуртов* // *Материалы по этногенезу удмуртов*. Ижевск, 1982. С.41).

4. В ряду аналогичных гипотез находятся концепции крайнего автохтонизма в трактовке происхождения *башкир*. Сформулированы, в частности, идеи о тюркоязычности вернениалеолитического (оставшегося наскальным жилищем в Каповой пещере) и неолитического населения Южного Урала, когда каждое племя "имело свой стиль микролитов", о расселении *башкир* со "скифско-тюркской" культурой еще задолго до V в. до н.э. на Урале, об "окончательном" сложении *башкирской этнической народности* не позже IX—X вв. и т.д. (Солтанов И. "Урал Батыр" шаһары // *Агизел*. Өфө, 1982. N 9. С.113—114; N 10. С.109, 114—116 и др.; Колшарипов М. *Башкорт надынның формалашуы мәсәләһе* // *Агизел*. Өфө, 1985. N 4. С.114—120).

5. Теория о тюркском происхождении *скифов* разрабатывалась в 1920—1950-е годы турецкими учеными. Издания

собой попытку пересмотреть центральноазиатскую концепцию генезиса алтайской лингвистической общности без ее археологического обоснования в масштабах Евразии, опираясь лишь на "обновленное" толкование археологических и других источников, а также этнонимических данных в отдельных регионах. Высказанную недавно мысль о том, что "неолитические племена с 'текстильной' керамикой (которые, как предполагается, были 'носителями алтайского языкового единства' — Р. К.), иногда продвигались далеко на запад и доходили почти до Урала"²², надо видеть, считать в большей мере интересной постановкой проблемы, чем ее решением. В настоящее время в результате существенного удешевления пребывания турков в Среднем Поволжье, на Южном Урале, Прикамье, Казахстане, Азербайджане, Северном Кавказе и в других регионах образовался разрыв между упомянутой 'туркской' трактовкой совокупности

подобного рода продолжают появляться в Турции и в последние годы (см.: Seferoglu S.K. *Muderrisoglu A. Turk devletleri tarihi Etnoloji bir deneme* Ankara, 1984. С.7—35).

Новые аргументы в пользу этой концепции в основном историко-лингвистические, развернуты в ряде исследований, опубликованных преимущественно в республиках Средней Азии, Закавказья и Урало-Поволжья. Однако исторический подход к этой сложной проблеме с учетом современного состояния ее изученности побуждает говорить о целесообразности нескольких новых направлений исследований. Ираноязычность собственно скифов доказана. Малоизученной является проблема преемственности между ираноязычным населением Средней Азии, степной полосы Восточной Европы и современными этносами этих территорий. Здесь на протяжении примерно IV—VIII вв. н.э. ираноязычное население потеряло предельно этнические характеристики, влившись в состав сформировавшихся тюркских, финно-угорских, восточнославянских, кавказских этнических объединений и групп.

Но малоизвестным остается исследование А.-З. Валиди по общей истории тюркских народов в эпоху средневековья, в которой он исследовал на основе письменных и фольклорных источников картину глубокого взаимодействия турков и индоиранцев с первых веков новой эры на обширной территории Средней Азии от Каспийского моря на западе до Памира в Тянь-Шань на юге и востоке. А.-З. Валиди не сомневается в том, что в основании этногенеза и культурогенеза на обширных пространствах Средней Азии, особенно в регионах Приаралья и Хорасана, лежит сложный синтез индоиранского и тюркского этнокультурных и этнолингвистических миров. Это же, по его заключению, в определенной мере относится к раннесредневековому этносам Кавказа, причерноморских степей и Крыма, Волго-Уральской области, хотя в первой половине II тысячелетия н.э. повсюду в упомянутых регионах произошли этнокультурные изменения в результате тюркских и тюрко-монгольских нашествий с востока (Validi Togan A. *Zeki Umumi Turk tarihine giris*. Istanbul, 1970. В.7, 17—30, 107, 146, 160—161). Изучение конкретных этапов иронологии, результатов этого процесса является актуальной задачей историков и филологов. В этом свете представляет интерес заключение археологов о принадлежности носителей Салжиковского курганного могильника IV—V вв. (расположенного в южной степной части Башкирии) к тюркизированной сарматам (Смирнов К.Ф. Ранние кочевники Южного Урала // АЗБ. Уфа, 1971. Т.4. С.76) или позднесарматскому населению, "испытанному сильное тюркское влияние" (Васюта С.М. Салжиковский курганный могильник конца IV—V вв. в Башкирии // СА. 1986. N 2. С.196).

6. Добавлю следующее: если генезис турков связывать с алтайской общностью и с формированием населения с признаками монголоидности, нам лишь придется вернуться к центральноазиатской концепции сложения алтайского сообщества с тем, однако, уточнением в свете новейших палеоантропологических данных, что западные границы очага расселения центральноазиатского антропологического типа в эпохи бронзы и раннего железа отодвигаются в пределы Центральной и Восточной Монголии (Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез М., 1989. С.361). Начало проникновения племен с монголоидными признаками с запада, в Минусинские степи пока нет антропологических оснований датировать более ранним временем, чем III—II вв. до н.э., т.е. эпохой сложения таштыкской культуры (Там же. С.358). Лишь некоторые группы могли появиться раньше, но материалы позволяют удревнять дату ранних миграций племен с признаками монголоидности не более, чем до середины I тыс. до н.э. (Там же. С. 364—365). Здесь пришли тюркские племена южного происхождения этнически смешались с угро-казачными и самодийскими группами населения, которые "находились, по-видимому, на территории Минусинской котловины более древними" (Там же. С.399). Этот синтез заметно отразился на культуре тюркских племен, которые довели в течение I тысячелетия н.э. своеобразие своей древней культуры до Восточной Европы, что отмечено в настоящей работе со ссылкой на исследования С.Н.Шитовой. Сопоставление приведенных выводов исторической антропологии с известной современной науке картиной истории расселения племен скифо-сибирского мира Евразии указывает на невозможность аргументировать тюркоязычность населения Восточной Европы, в том числе Среднего Поволжья и Южного Урала, во II—I тысячелетиях до н.э.

археологического и этнонического материала с широко известными историко-лингвистическими построениями развития алтайской общности, в частности ее тюркской ветви, которые пока невозможно считать поколебленными. В этот разрыв и помещаются многочисленные идеи и гипотезы о ранней (со II—I тысячелетий до н.э.) тюркизации Среднего Поволжья, Прикамья и Южного Урала, о тюркоязычности геродотовских ирков, агриппеев, о тюркской принадлежности населения, оставившего курганы с усами", о тюркоязычности скифов, савроматов, сарматов, саков и даже племен ананьинской культуры и т.д. Крайним проявлением этих взглядов становятся все чаще постулируемые идеи (исключительно на основе произвольно построенных этимологических анализов) о тюрко-шумерских, кыпчакско-шумерских, башкирско-шумерских этнических и языковых связях.

Дальнейшее развитие этих построений привело к довольно необычной ситуации в археологии Среднего Поволжья и Южного Урала, когда большинство или по крайней мере многие из археологических культур I тысячелетия н.э. были также причислены к тюркским памятникам. В результате в исследованиях этногенеза тюркских народов Волго-Уральского региона вновь возродились идеи преимущественно автохтонного их происхождения.

Критика обрисованной тенденции в этногенетических исследованиях вовсе не означает отрицания всякой возможности проникновения тюрков в Волго-Уральский край в I тысячелетии н.э.

Вполне вероятно, что в гуннское время и в древнетюркскую эпоху имели место спорадические проникновения небольших тюркских групп вглубь Волго-Уральского региона. Однако даже этот тезис останется в ряду многочисленных гипотез, пока он не будет доказан лингвистически, а выявленные археологические факты не будут точно датированы и этнически определены. С точки зрения общеторической ситуации в евразийских степях значительные проникновения тюрков в лесные и лесостепные районы Среднего Поволжья и Приуралья до начала последней четверти I тысячелетия н.э., тем более их оседание там на постоянное жительство, маловероятны. Генеральные направления движения тюркских кочевников в I тысячелетии н.э. были иными, нацеленными на запад и юг, в благоприятные для кочевников пастбищные области Прикаспия, Северного Кавказа и Причерноморья, по соседству с богатыми центрами цивилизации. Только рост численности населения и возникшее в связи с этим демогра-

*Развернутую критику аналогичных построений см.: Ахмед И. Несколько слов о скифо-сарматской проблеме // Изв. АН АзССР. История, философия, право. Баку, 1986. N 1. В частности И. Ахмед пишет: "...твердо известно, что ни одно скифское имя или же имя из областей Скифии античного времени не может быть признано тюркским" (С.133).

**Сформулировал, например вывод о языковом родстве древнейших башкир с шумерами лингвист В.В. Пятницкий до н.э. в Месопотамии, о возможности понять шумерские клинописи "только с познанием башкирского языка, который до сегодняшнего дня сохранил смысл этих знамен" (Солтанов Я. "Урал-батыр" шакарэе. С.109). Стремление установить родство между тюркскими языками и шумерским в Дауретче восходит к турецкой историографии 1920 и годов. Некоторым турецким историкам продолжают отстаивать эту концепцию и в настоящее время (см. Вахиди Н. *Di Türk boynu: Zaza ve Kurmançlar* Ankara, 1984. С.1-25). В последние десятилетия гипотезы о родстве шумерского и тюркских языков разрабатываются некоторыми исследователями тюркских республик, активнее всего в Азербайджане (см., например: Алиев С.С. Об этногенезе азербайджанского народа. К постановке проблемы // К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку 1984. С.4-39). Однако, по словам А.П.Новосильцева, "...подобных работ не так уж много, и не они создают главный фон нашей исторической науки" (Новосильцев А.П. Древнейшие государства на территории СССР. Некоторые итоги в задаче изучения // История СССР, 1985 N 5 С.89).

фическое давление среди кочевников и зависимых от них племен в степях Приаралья, Предкавказья и Причерноморья, обострение там политической обстановки, формирование в силу климатических изменений (усыхание степей) хозяйственной необходимости отгона скота на летнее время в северные лесостепные районы вплоть до предгорий Южного Урала и, возможно, другие, пока нам неизвестные причины создали предпосылки для первоначально редких, затем нарастающих передвижений кочевников на север — на Среднюю Волгу, в Южное Прикаспье, Приуралье. Однако едва ли можно уверенно говорить о том, что сегодня мы в точности знаем этнический состав этих кочевнических потоков. Даже характеристика гуннов, которых исследовательская традиция связывает с турками в действительности остается в области гипотез. Имеются серьезные основания полагать, что в составе кочевников двигающихся с востока на запад в I тысячелетии н.э., первоначально преобладали, а позднее были значительными угорские группы, которые, как утверждает ряд исследователей, сменялись с турками по мере нарастания миграции тюркских кочевников.²³ Апогеем этого процесса в Среднем Поволжье было несколько волн миграции булгарских племен. Аналогично развивался Приаральско-Южноуральский путь продвижения тюркских кочевников на азиатской стороне Урала, однако там переселения больших групп тюркских кочевников на территорию современной Восточной Башкирии произошли еще позже, видимо, в XI — XII вв.²⁴

Между тем в ряде археологических исследований как бы само собой считалось, что с началом гуннской экспансии в Евразийских степях и особенно булгарских передвижений на Волгу, все или почти все миграции в Волго-Камскую область, а также ранее расселившиеся там группы были по этническому составу тюркскими. Так появились идеи о тюркской принадлежности именьковских и романовских племен²⁵, затем кушмареновских и выделяющихся отдельно родственных им караякуповских племен²⁶, так же возник тезис о тюркской (или башкирской) принадлежности населения, оставившего курганные могильники на Южном Урале в IX — XI вв.²⁷ Однако накопление материала и его сравнительно-историческая интерпретация привели исследователей к иным выводам, показав вероятность и возможность достаточно массовых передвижений в середине и во второй половине I тысячелетия н.э., на рубеже тысячелетий племен индоевропейского происхождения (именьковско-романовских) с юго-запада на северо-восток, угро-самодийских или угорских племен (вероятно с тюркскими включениями) из Западной Сибири на Южный Урал и в Приуралье.²⁸ Следовательно, речь не идет об отрицании значительных по масштабам и последствиям миграционных движений в Волго-Уральском регионе с эпохи рубежа нашей эры до VIII в. н.э. Напротив, А.Х. Халиков и Н.А. Мажитов правы, когда пишут о глубоких изменениях в расселении и культуре этносов в обширной Волго-Уральской зоне Евразии на рубеже нашей эры.²⁹ Они, очевидно, еще более правы, когда усматривают в изменениях археологических комплексов и в культурных новациях среди аборигенного населения Волго-Камья в первые века и в середине I тысячелетия н.э. приток населения с юга и связывают его последовательно с движением гуннов и с историей возвышения и падения Тюркских каганатов. И совсем нет сомнения в аргументированности выводов и заключений А.Х. Халикова и Н.А. Мажитова об этнокультурных наплывах в Волго-Уральский регион в период образования и возвышения Хазарского каганата и Великой Болгарии на Нижней Волге и Северном Кавказе. Однако, когда каждый раз постулируется мысль о тюркоязычности всех мигрантов, начиная с эпохи до нашей эры и до VII — VIII вв. н.э. и их расселении от Нижней Камы до р. Чусовой, доказательность аргументов

ослабляется. Невозможно также признать доказанными попытки вычленить проблему этногенеза чувашей из общего контекста истории турецких этносов Северного Предкавказья и Поволжья в эпоху средневековья. Напротив, нам кажется, что углубление научного подхода к сложным проблемам этногенеза означает одновременно необходимость общего взгляда и комплексного рассмотрения этнических и этнокультурных процессов на всем севере лесостепной Евразии — от Оки на западе до Барабинских степей на востоке, т.е. на всей территории расселения современных турецких народов в этом регионе.

Все это свидетельствует о том, что историю тюркизации Среднего Поволжья и Приуралья, ее исторические этапы и особенности необходимо изучать заново, с привлечением источников и выводов различных дисциплин и, как подчеркнуто, в аспекте истории не отдельного этноса, а обширного региона, в данном случае евразийских степей и Волго-Уральской ИЗО. Указанный подход, например, покажет уязвимость тезиса о добулгарской массовой миграции на Среднюю Волгу турецких племен небулгарского происхождения, легших якобы впоследствии в основу чувашского, а также и мишарского, и буртасского этносов³⁰. Этот же подход заставляет говорить о том, что в давней дискуссии об этническом соотношении современных чувашей и татар, в которой порой занеачается изрядный налет эмоциональности, сама постановка дискутируемой проблемы сформулирована недостаточно корректно. Невозможно считать доказанными появляющиеся иногда попытки интерпретировать этногенез и этническую историю этих народов (например, чувашей³¹ или татар) вне связи с волжско-булгарским этническим миром. В свете сказанного остается, как упомянуто, недостаточно аргументированной идея о начале этнического формирования чувашей на основе турецких групп, проникших в Среднее Поволжье в первые века нашей эры, так же как и гипотезы о решающей роли добулгарского турецкого наплыва в этногенезе других тюркоязычных народов региона, в частности башкир, мишарей, сибирских татар.

В более точной постановке проблема должна подразумевать выяснение роли Волжской Булгарии, булгарского этноса и населения Булгарии в этногенезе и формировании культуры народов и этнографических групп Волго-Уральской ИЗО, и прежде всего турецких. Потому что все турецкие народы Волго-Уральской ИЗО — чуваш, татары (с их этнографическими группами) и башкиры — истоками своей этнической истории и истории культуры связаны с волжско-булгарским кругом племен и с этнополитическим миром Булгарского государства³². Этническая дифференциация волжско-булгарской этнокультурной и лингвистической общности завершилась позднее, в связи с историческими событиями XIII—XVI вв., когда сформировались современные этносы — чуваш, татары, башкиры³³, имевшие в то время очень сложный этнографический состав.

Раннебулгарский период в сложении региона

В истории Волго-Уральского региона с точки зрения его формирования выделяются предбулгарское время (до VIII в.), раннебулгарский период (VIII—X вв.), эпоха развития и расцвета Булгарского государства (XI — первая треть XIII в.) и золотоордынская эпоха (XIII—XV вв.). Основные исторические тенденции предбулгарского времени характеризуются сложным этническим составом населения, взаимовлиянием волжско-финского, периско-финского населения с угорскими и угро-самодийскими наплывами из Западной Сибири и, видимо, с племенами индоиранского (сарматско-аланского) культурного круга, сдвинутыми с тер-

риторий Приаралья, Прикаспия и Северного Кавказа великим переселением народов. Туркское проникновение в регион могло иметь место, но было эпизодическим, не оставившим заметного следа в этнокультурном облике и в лексике волжско-каспских финских этносов. В настоящее время в археологической науке происходит постоянный пересмотр этнической интерпретации культур предболгарского времени, данной в 1950—1960-е годы. Формируются новые оценки, достаточно адекватно отражающие обрисованную выше сложную этнокультурную ситуацию в регионе. С этих позиций можно считать доказанным, что полуоседлое, но в основе кочевническое население, оставившее памятники турбаслинского, кушелевского типа (середина и вторая половина I тысячелетия н.э.), ранее считавшееся туркским в культурном отношении продолжало сармато-аланские традиции. Вероятно, этим логично объяснять проникновение иранских лексем в языки периских финнов. Даже продвинувшееся далеко на север (до Камы, верхней Вычегды) харинское и тураевское население середины I тысячелетия н.э. оставившее курганы с ярко выраженным кочевническим инвентарем все чаще характеризуется не как туркские (или тюрко-гуннские) этнические группы, что успело стать традицией в литературе, а как индоиранские или индоиранско-угорские образования, культура которых имеет южное происхождение.

Анализ раннебулгарского времени, произведенный на основе обновленных оценок этнической ситуации предбулгарской эпохи позволяет прийти к выводу об особом значении двух последних столетий I тысячелетия н.э. в формировании Волго-Уральской ИЗО. Хронология и

* Известно, что в добулгарский период в Среднем Поволжье господствовало население именьковской культуры, памятники которой фиксируются далеко к востоку от Волги — в башкирском Приуралье и в Среднем Прикамье. Многие исследователи с появлением именьковцев связывают начало массовой тюркизации Волго-Камья (Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С.16; Старостин П.Н. Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Там же. С.46). Считалось также, что булгарские группы, мигрировавшие в Среднее Поволжье, смешавшись здесь с тюркоязычными именьковцами, образовали новый волжско-булгарский этнос. Ряд исследователей (Р.Г. Фахрутдинов) и в настоящее время придерживаются аналогичных взглядов. Однако недавние исследования показали отсутствие в рассматриваемое время в булгарских памятниках "каких-либо заметных следов населения именьковской культуры" (Халиков А.Х. О некоторых вопросах истории ранней Волжской Болгарии (VIII—X вв.) по новым археологическим данным // Сборник в память на проф. С.В.Ахмедов. София, 1984. С.126), что, видимо, свидетельствует о вытеснении именьковцев — оседлых пашенных земледельцев относительно высокоразвитой культурой — пришлыми булгарскими кочевниками. Пересматривается в настоящее время и концепция о тюркской этнической принадлежности именьковцев, выдвинутая в начале 1960-х годов В.Ф.Генингим и поддержанная А.Х.Халиковым и П.Н.Старостиным. Среди подходов к этнической интерпретации именьковской культуры аргументированной представляется гипотеза А.П.Смирнова об участии славянского компонента в формировании именьковского населения (Смирнов А.П. Из этнической истории западного Приуралья в I тысячелетии н.э. // АЭБ. Уфа, 1971. Т.IV). Развивая эту гипотезу, Г.И.Матвеев доказывает, что именьковская культура наиболее близка полесскому, лесному варианту зарубинецкой культуры (Матвеев Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Кузбашев, 1981. С.58). А.Х.Халиков, опираясь на новые материалы, выдвинул идею "балтоязычности ... племен именьковской культуры". По его мнению, древние балты — именьковцы (или славяно-балты) на рубеже VII—VIII вв. были вытеснены ранними булгарами с правобережных районов Волги. Другими словами, в отличие от Р.Г. Фахрутдинова А.Х.Халиков приходит к выводу, что с "ранними булгарами... именьковцы контакта не имели" (Халиков А.Х. Памятники Писарьинско-Андреевского типа... С.22). Впрочем, в своей недавней работе А.Х.Халиков вновь присоединяется к тем авторам, которые считают именьковцев "тюркоязычными или тюрко-угорскими племенами" (Халиков А.Х. Исторические корни общности татар-мишарей и казанских татар // Tatarica. Studia in Honorem Ymär Däher. Helsinki, 1987. С.336). Новые этнические интерпретации именьковской культуры являются одним из примеров сложного и длительного процесса исправления форсированных выводов о массовой добулгарской тюркизации Волго-Уральского региона.

содержание этнокультурных процессов раннебулгарского периода хорошо разработаны благодаря исследованиям А. Х. Халикова, В. Ф. Генинга, Е. А. Халиковой. В обобщенном виде они представлены Е. П. Казаковым.³⁶ Начало истории ранней Волжской Булгарии Е. П. Казаков датирует "второй половиной VIII века", конец "раннебулгарской эпохи следует отнести ко второй половине—концу X—началу XI в."³⁷ Весь период подразделяется на три этапа

На первом этапе (который датируется "со второй половины конца VIII до середины IX в."³⁸) на территории будущей Волжской Булгарии были распространены преимущественно болгаро-салтовские памятники (I—II Больше-Тарханские, Кайбельский и др. могильники), а в заволжских, восточных районах—памятники кушаренковского типа (рис. 3). Локализуются последние по северным и восточным склонам Бугульминно-Белебеевской возвышенности (Больше-Тиганский, Чимшинский, Такталачук, Маняк Стерлитамакский, Старо-Мусинский, Береговский, Янаши-Тау и др.) и в лесостепи Южного Зауралья (Байрагулово III, Синеглазовский, Лагереvский, Каранаевский, I и II Бекешевский, Муракаевский, Ишимаевский).³⁹ Культура кушаренковских памятников отличается не только от тюркской, но и от культуры своих соседей по Урало-Волжскому региону—булгар и приуральских финно-угров.⁴⁰ Очевидно, можно считать доказанным западносибирско-угорское происхождение кушаренковских племен, хотя в кушаренковских могильниках обнаруживаются и некоторые (свидимо, привнесенные) черты и южного происхождения.

Западносибирское происхождение кушаренковского населения подтверждают и антропологические данные. М. С. Акинова и Р. М. Хусупов черепа из раннебулгарских, а также из приканских и южноуральских могильников в VIII—IX вв. относят к субуральскому типу, с преобладанием в нем европеоидных признаков и с ослабленными чертами монголоидности.⁴¹ В формировании этого типа решающая роль принадлежала племенам южносибирского (Прииртышье) или южного приуральского происхождения, хотя в сложении физического типа приканского населения прослеживается заметно выраженный импульс европеоидных племен Волго-Вятского междуречья эпохи раннего железа. Отметим, кстати, что палеоантропологический материал также не подтверждает идею ранней туркизации населения Среднего Поволжья, Приканья и Южного Урала, так как сколько-нибудь значительные волны тюркских мигрантов в эпоху гуннского нашествия или господства древнетюркских каганатов оставили бы след в виде монголоидных черепов или хотя бы в виде сколько-нибудь заметной в них монголоидной примеси.

Булгарское и кушаренковское население находилось в контакте между собой, так как в I Больше-Тарханском могильнике "фиксируется чуждый для собственно болгар, но обычный для кушаренковских памятников комплекс из черепа и костей ног лошади—остатки уложенной в кучу шкуры лошади с предметами конского снаряжения, а в Больше-Тиганском могильнике встречаются салтовские (булгарские) изделия из металла, керамики".⁴² Судя по наличию в Танкеевском могильнике кушаренковской керамики, "некоторые группы кушаренковского населения приняли участие в формировании этнокультуры ранней Булгарии".⁴³ Относительная плотность контактов кушаренковцев с булгарами в регионе Среднего Поволжья объясняется, возможно, инерцией бывших контактов предков и тех и других в период их пребывания в середине I тысячелетия н. э. в Приуралье и на Сырдарье. Кушаренковские племена в свою очередь пережили процесс своеобразной консолидации с местным финно-угорским населением, который охватил и часть территории к востоку от Уральских гор.⁴⁴

Таким образом, на первом этапе раннебулгарского периода консолидированное в разной степени местное финно-угорское и пришлое угорское

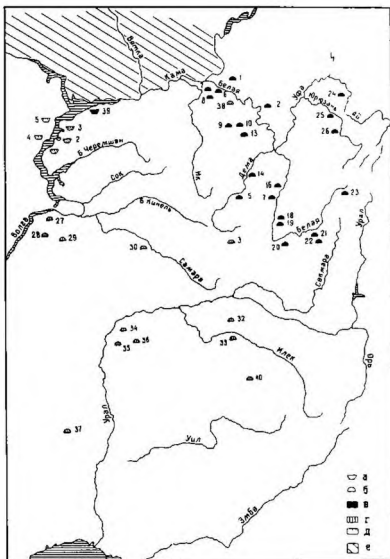

Рис.3. Финно-угорские и тюркские племена в Среднем Поволжье и на Южном Урале в конце I – начале II тысячелетия (составлено В.А.Ивановыми)

а – грунтовые могильники, б – курганы, в – памятники приуральских угров (кушнаренковско-каракумовский тип), г – курганы печенегов, д – раннебулгарские могильники, е – территории расселения предков марийцев и удмуртов

1 – Кайбельский, 2 – Кокрютский, 3 – Талкеевский, 4 – Больше-Тарханский, 5 – Тетюшский, 6 – Тактаджук 7 – Игямский, 8 – Чишминский, 9 – Ново-Биякинский, 10 – Булгарский 11 – Маякский, 12 – Бярский, 13 – Сытытштамасский, 14 – Ибраевский, 15 – III Тулбавинский, 16 – Стерлитамакский, 17 – Ишимбайский, 18 – Красногорский 19 – Береговский, 20 – Ямашин-Тау, 21 – II Бехешевский, 22 – I Бехешевский, 23 – Мураковский 24 – Карановский, 25 – Идельбавский, 26 – Лагareвский, 27 – Азисандровский, 28 – III Кировский, 29 – Волчанский, 30 – Покровский, 31 – Кольчевский, 32 – Увак, 33 – Тамар-Уткуль, 34 – Алдбастрово I, II, 35 – Сасай, 36 – Челкар, 37 – Бек-Бике 38 – Жититамовский 39 – Больше-тиганский 40 – Болгарка

кушаренковское население⁴⁵ вступают в активное этнокультурное взаимодействие с волжскими булгарами, которое сопровождается булгаризацией части угрозычного населения⁴⁶. Добавим к этому, что в конце I тысячелетия н.э. угорско-тюркское взаимодействие и смешение происходило на значительно более обширной территории Евразии. Результаты этого процесса были различными и зависели, очевидно, от множества факторов. Если на Средней Волге и Северном Кавказе в границах образовавшихся здесь этнополитических объединений установились тюркские языки, то в центральной Европе, в Паннонии, победителем вышел угорско-мадьярский язык.

Второй этап раннебулгарского времени (вторая половина IX — первая четверть или первая половина X в.) характеризуется проникновением в Среднее Поволжье племен с веревочно-гребенчатой орнаментацией керамики, которая была характерна для полонской и доноватовской культур Верхней Каны и бассейна р. Чепцы. Исходными районами для этого населения, видимо, являлся Средний Урал с прилегающими территориями, где такая посуда сохранялась до XII — XIV вв.⁴⁶ Пришлые прикамско-приуральские угорские или финно-угорские племена вступили в теснейшие контакты с болгаро-салтовскими и в значительной мере с нивелированными в культурном отношении кушаренковским населением⁴⁷, о чем свидетельствуют многочисленные свидетельства в Танкеевском, Тетюшском могильниках, особенно проявляющиеся в погребальном обряде (с характерных для прикамско-приуральского населения поминальных обрядов из костей животных, серебряных погребальных насах и т.д.)⁴⁸. По определению Е. П. Казакова, "это было время расцвета языческой культуры сливающихся в новый народ, новый этнос различных, пришлых в Среднее

* Больше-Тиганский могильник, датируемый концом VIII — первой половины IX в., Е. А. Халикова определила как ранневигерский. Соответственно ранневигерским она отнесла все памятники кушаренковской культуры Прикамья и Южного Урала (Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. N 2. С. 158—178; Оля Л. Ранневигерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. 1976. N 3. С. 141—156). Больше-Тиганский могильник расположен на северной границе "Великой Венгрии", пределы которой приблизительно очерчены нами в южном и непосредственном соседстве от Волжской Булгарии (см.: Кузев Р. Г. Происхождение башкирского народа. С. 525, рис. 15). За последние 20 лет накоплен огромный и разнообразный материал, который показал, что проблему древней венгерской прародины возможно решить с учетом всей совокупности сложных этнокультурных и миграционных процессов в I тысячелетии н.э. на огромной территории Евразии, охватывающей Западную Сибирь, Приуралье, Южный Урал, Поволжье, Северный Кавказ. Если принять во внимание обширную территорию распространения кушаренковских памятников (которые кроме Зауралья, встречаются в Западной Сибири и в Центральном Казахстане), а также датировку некоторым кушаренковским памятникам более поздним, чем венгерские древности, временем (например, Чимшинский могильник датируется IX — X вв. См.: Казаков Е. П. Памятники болгарского времени... С. 27—28), присутствие в кушаренковских культурных комплексах переканской керамики и т.д., возможность идентификации кушаренковского населения с равными венграмм связывается. Однако, учитывая угорскую (южно-западносибирскую) основу кушаренковской культуры и сопоставляя параллель в погребальном обряде с памятниками "этнон змешанни родины" на территории Паннонии (Казаков Е. П. Памятники болгарского времени... С. 24), можно предположить, что близкие и соседствующее с волжскими булгарами кушаренковцы на территории Закамья были угорскими этническими группами, включавшими, возможно, часть мадьярских племен, оторвавшихся от основного массива племенного союза или представлявшую его северную периферию. До VIII в. очаги древнебашкирско-древнемадьярских контактов могли находиться где-то на обширной территории от Приуралья до Северного Кавказа и Прикамья, постепенно сдвигаясь с востока на запад вплоть до границ Византии и Паннонии. Именно к этому склоняется мысль ряда исследователей, опирающихся на обновленное толкование исторических археологических и антропологических данных в масштабах Великого Леса степей Евразии. Если эта гипотеза получит развитие и подтверждение, то придется вновь вернуться к обсуждению идеи Б. Музаччи о северокавказской прародине угров-мадьяр, где они могли длительное время взаимодействовать и с булгарами и с древними башкирами.

Поволжье, кочевых групп населения"⁴⁸ Как видно, на втором этапе в формировании болгарского этноса включается "многочисленное" приуральское население.

Хронологические границы третьего этапа раннебулгарского времени Е. П. Казаков определяет предположительно серединой — второй половиной X — началом XI в. На этом этапе на продолжавших функционировать Танкеевском, Тетюшском, Кокрятском и других языческих могильниках появляются погребения по мусульманскому обряду. На возникших постоянных поселениях, в том числе в городских центрах (Болгар, Биляр, Сувар) находки однотипны и "хорошо датирующийся вещевой материал... обнаруживает аналогии в языческих могильниках поволжских финнов".⁴⁹ Появление и развитие поселений, возможно, было связано с новой волной болгарских переселенцев, мигрировавших под давлением печенегов с юго-востока Европы на Волгу. Эта часть болгар была оседлой и, очевидно, с их приходом связана "фиксируемая в поселениях новая всплывающая тюркских, видимо собственно болгарских элементов культуры".⁵⁰ Материалы погребений и культура болгарских поселений третьего этапа показывают, что волжские болгары начинают вступать "в почти отсутствующие на I и II этапах тесные контакты со своими ближайшими соседями — финнами Поволжья".⁵¹ которые также явились одним из компонентов в составе формирующегося болгарского этноса:

В целом третий этап Е. П. Казаков и другие исследователи считают переходным к собственно болгарскому Традиционная историография и ряд исследователей в наше время относят третий этап не к раннебулгарскому, а к следующему домонгольскому периоду (X — первая половина XIII в.) истории Булгарского государства. В рамках задач нашей темы важнее иметь в виду главные тенденции политической и культурной истории болгар этого времени. Они заключались в том, что в Волжской Булгарии шло становление мусульманства (спреимущественно в городах и поселениях), однако продолжали существовать крупные языческие могильники. В В. Бартольд, опираясь на восточные источники, пишет о "поверхностном соприкосновении волжских болгар с мусульманской культурой". Волжско-Булгарская государственность уже существовала, но государственная власть была непрочной. "Отношения между царем болгар и его народом во время Ибн-Фадлана были еще очень патриархальными", государство включало в свой состав другие полувзависимые политические объединения (княжества, конфедерации), так как во время приенов "справа" от болгарского царя "сидели подчиненные ему "цари". Столицей государства выступали то Булгар, то Сувар, жители которых в середине X в. вели религиозные войны с "неверными" (т. е. язычниками) которые жили "вокруг" этих городов.⁵²

Таковы этапы и особенности раннебулгарского времени. Как видно, и это важно подчеркнуть, примерно 2,5 столетия раннебулгарской эпохи характеризуются прежде всего формированием и развитием болгарского этноса в результате постоянно расширяющихся этнокультурных взаимодействий последовательно с приуральскими, канско-уральскими, угорскими, финно-угорскими и, вероятно, угро-самодийскими племенами. Активные контакты сопровождались абсорбцией булгарии угорских и угро-самодийских групп, их булгаризацией, расширением масштабов и численности формирующегося болгарского этноса, ростом его политического и культурного влияния, особенно усиливающегося по мере распространения в болгарских поселениях мусульманской религии. Одновременно характеризующий процесс означал начало нового этапа в истории формирования Волго-Уральской ИЗО, когда устанавливались этнические и культурные контакты и взаимосвязи населения на обширной территории Среднего Поволжья.

Прикамья и Южного Урала. Политическим, этническим и культурным эпицентром нового этапа развития ИЗО становилось формирующееся феодальное государство Волжской Булгарии.

Согласно археологическим данным и письменным источникам, к раннебулгарскому времени, к концу IX—Xв., относится начало расселения тюркоязычных кочевников печенежско-огузского круга племен в степях Заповья и Южного Урала. Именно в это время северная граница расселения печенегов подходит к Волго-Уральскому региону, проходя по нижнему и среднему течению р. Самары, верховьям р. Дены, левобережью северного изгиба р. Урала.⁵³ Печенежские памятники севернее этой границы изучены слабо, однако, судя по Жититанскому могильнику начала Xв., на левобережье нижнего течения р. Белой, редкие здесь группы гузо-печенежской конфедерации достигали территории расселения раннебулгарского и кушиаренковского населения.⁵⁴ В настоящее время на обрисованной территории известно около 40 погребений конца IX—Xвв. Все они совершены над небольшими земляными курганами или впущены в курганы предшествующих эпох. Обряд и сопровождающий инвентарь (земляные курганы западной ориентировки умерших, захоронения конских черепов и ног, сабли в украшенных серебряными накладками ножнах, поясные наборы у мужчин, серьги металлические зеркала у женщин и т.д.) повторяют признаки характерные для печенежских захоронений в степях Евразии.⁵⁵

Такой образ, к раннебулгарскому времени относится начало широкой туркизации Урало-Волжских степей. В основе финно-угорско-тюркского взаимодействия в этот период были теснейшие контакты между пришлыми с Северного Кавказа и Приазовья болгарскими (которые надо воспринимать как потомков "ранних" тюрков или тюрков гуннского, хазарско-болгарского круга племен) и приуральскими уграми. Волжские и перские финны в активные этнокультурные связи с булгарями были вовлечены несколько позже, с Xв. Исторические истоки и характер тесных контактов угров и племен хазарско-болгарского круга еще предстоит изучить, можно предположить, что контакты и схождение волжских булгар и других тюркских образований с уграми на Средней Волге и в Приуралье были частью, точнее, северной периферией этих процессов, охвативших обширный регион в центре степной и лесостепной части Евразии и приведших к появлению новых этнокультурных образований. Этническая ситуация в Среднем Поволжье и в Приуралье в раннебулгарское время обусловила сложность и специфику протекающих здесь процессов если в культурно-языковом взаимодействии язык и культура пришлых булгар получили доминирующее развитие то в формировании антропологического облика населения преобладающим оказалось влияние местного финно-угорского населения. Такое заключение подсказывают археологические материалы раннего средневековья, изучение которых, однако, в масштабе обширного Волго-Камско-Уральского региона еще не завершено.

Тюркские кочевники гузо-печенежской конфедерации историей формирования были связаны с районами Приаралья и позднее также находились в

* Указанное количество печенежских памятников едва ли адекватно отражает демографическую ситуацию, сложившуюся эпоху печенежских экспансий. С.А.Плетнева пишет, что "Могильников печенегов начала X в. в европейской степи, естественно, нет", что связано с таковой стадией кочевников: погребения, "которые можно считать печенежскими единичны в степях..." (Плетнева С.А. Кочевники средневековья. С.25). Тщательные археологические изыскания на Бугульминской возвышенности и ее периферии привели, надо думать, к новым открытиям печенежских древностей, однако надо иметь в виду, в возможности трансформации культуры печенегов в результате их слияния с местным оседлым и полусоседским тюрко-булгарским и угорским населением.

определенных контактах с хазарским и болгарским миром Нижнего Поволжья Прикаспия и Северного Кавказа. Еще в 1950-е годы была высказана мысль о существенной роли в этногенезе тюрков-печенегов индоиранского компонента и возможно, угров, впоследствии тюркизированных. Таким образом кочевые печенежско-гузские образования в авангарде которых в Поволжье и на Южный Урал приходят зафиксированные средневековыми письменными источниками древнебашкирские племена имели давнюю традицию исторических и этнокультурных контактов в южной Евразии. В конце IX—X в. они вступают во взаимодействие с этнокультурным миром лесостепной части Евразии и прежде всего на севере Волго-Уральского междуречья. Тем самым они включаются в процессы формирования Волго-Уральской ИЗО.

Булгарский период в истории региона

В конце I — начале II тысячелетия н.э. очертания складывающихся в регионе финно-угорских этносов и этнографических групп, а также их географическое размещение фиксируются достаточно четко. Племенные группы мордвы (в том числе мокши, эрзи), мари (черемисов), неря, нуриона, мешеры, удмуртов археологическими материалами, а в ряде случаев и письменными источниками более или менее отчетливо локализируются примерно на тех территориях обитания, на которых их застают более поздние достоверные источники. По мнению археологов (Г.А. Архипов, А.Х. Халиков и др.) VIII—первая половина IX в. являются периодом вычленения из дифференцирующегося финно-угорского этнического мира древнемордовского древнемарийского древнеудмуртского этносов и началом их самостоятельного развития. Этого невозможно сказать о тюркских народах области, хотя в источниках IX в. упоминаются на левобережье Волги булгары, сувары, башкиры и другие племена. Объясняется это сложным составом и слабой дифференцированностью этнического мира булгаро-тюркских племен. Этническая консолидация предков

* Взгляды относительно территории, на которой протекал и завершился этногенез удмуртов, различаются. Ряд исследователей (Халиков А.Х. Проблемы этногенеза пермских финнов. С. 10) полагают, что удмурты сформировались на основе анкимизинской культуры на Верхней Вычегде, т.е. значительно севернее современной этнической территории. Различные варианты другой точки зрения рассматривают этногенез удмуртов как результат развития, взаимодействия и смешения местных пермско-финских племен с пришлыми, угорскими, на территории междуречья Вятки и Камы, т.е. в основном на современных землях расселения удмуртов. Некоторые исследователи территорию удмуртского этногенеза расширяют на основе распространения этнопонимов 'ар', 'вотья' до Оки и Вологды на западе, до Свияги на юге и до северных районов Башкирии — на юго-востоке. На поздних этапах в этногенезе удмуртов заметная роль принадлежала преимущественно угорским племенам помоской и ломоватовской культур. О тесной связи памятников ломоватовской и помоской культур с обско-угорскими культурными комплексами писал еще А.Ф. Теплоухов (Теплоухов А.Ф. О происшедшей некогда смене угров пермскими на Верхней Каме, юго-востоке на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // УЗ ПГУ. Пермь. 1960. Т. XII, вып. 1. С. 270—274). Последующие исследования подтвердили его выводы (см. Казанов Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. С. 11—20).

Можно предположить, что и в ходе развития основных этапов этногенеза удмуртов на Вычегде является логическим следствием этнической интерпретации помоской и ломоватовской культур как тюркских или тюрко-угорских.

** В этом свете повелевающиеся временем времени в научной, и особенно научно-популярной литературе, утверждения о завершении формирования тюркских этносов Поволжья и Приуралья в современные народности в IX—X в. нуждаются в новом обосновании. Подобные заключения, в том числе о сложении башкир в народность современного типа

современных тюркских народов Волго-Уральской области проходила через посредство смешения с местными финно-угорскими и вероятно, угро-самодийскими группами. Во всяком случае есть многочисленные свидетельства формирования чувашей, татар и башкир на основе угорского Сили (булгаро-угорского) восточнофинского и угро-самодийского субстратов, которые у разных народов представлены, естественно в разных пропорциях. Начало этого процесса этнического и культурного смешения, как мы видели, относится к раннебулгарскому времени и происходит на всей территории региона. Напоению для примера о Больше-Тиганском могоильнике на Волге, о многочисленных памятниках типа Мыдлань-Шай в Удмуртии и на Верхней Каме о кушнаренковских археологических комплексах в Башкирии⁷⁷. Финно-угорские, угорские или угро-самодийские группы населения, которым принадлежали эти памятники, явились ранним компонентом в этническом формировании всех тюркских этносов Волго-Уральской области. Ассимилировавшись с населением Волжской Булгарии и другими пришлыми тюркоязычными племенами, эти субстратные группы

в VIII-IX, IX-X или X-XI вв. (см.: Мажитов Н.А. Происхождение башкир. С.24-25; Вальев Д. Ягужия Р. К вопросу о формировании башкирской народности // Сб. аспирантских работ Свердловск. ун-та. Свердловск, 1972. Вып.14 С.97, 98, 102-103; Юлдамбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972. С.324; Кульшарипов М. Башкорт калык формалашу. С.114) ориентируются на зафиксированные арабско-персидскими источниками VIII-X вв. этнонимами "башдаард", "башгирд". Они, однако, не учитывают того очевидного положения, что появление этнонима и формирование одноименной народности - процесс неоднозначный и тем более несмешиваемый. Аналогичные точки зрения высказывались и по другим тюркским народам: об "окончательном" формировании казахской народности в X-XI вв. (Ахиязов М.Б. Происхождение и формирование казахского народа. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Алма-Ата 1971. С.64-65; Адилягирев Х.М. К истории образования казахского народа // Вестн. АН КазССР. 1951. N 1. С.21) или в XI-XII вв. (Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972. С.212), о сложении киргизской народности в IX-X вв. (см.: Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С.20). По поводу таких заключений В.П.Юдин писал: "...при объяснении происхождения киргизского народа следует отказаться от стремления следовать за термином (т.е. этнонимом. - Р.К.)." (Юдин В.П. О родоплеменном составе моголов Моголыстана и Могоуля и их этнических связях с казакими и другими народами // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. Алма-Ата 1965. Вып.3. С.61). Внешние сходные взгляды высказывались и относительно финно-угорских этносов ИЗО. Так на основе археологических материалов сформулировано заключение о том, что в IX-XI вв. "древние марийцы выступают на исторической арене под именем черемис уже как сформировавшаяся в основном народность" (Арипов Г.А. Происхождение марийского народа по археологическим данным // Происхождение марийского народа Йошкар-Ола, 1967. С.50). "Постановка вопроса о древнемарийской народности", - писала по этому поводу К.И.Козлова, - не соответствует взглядам "на формирование того типа этнической общности, который мы привыкли называть народностью феодальной эпохи" (Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С.105-106; разрядка моя. - Р.К.). Последняя оговорка важна, так как в IX-XI вв. финно-угорские этносы Волго-Уральского региона, этнонимами которых в источниках упоминаются с VI-VIII вв. действительно выступают в какой-то степени уже консолидированными этническими общностями, хотя их общественный строй, социально-политическая структура не соответствует сложившимся в литературе представлениям о "феодальной народности". Через полтора примерно столетия, к началу монгольского вторжения в Восточную Европу, достаточно глубокой консолидированности достигли в регионе как финно-угорские, так и тюркские этносы. Авторы книги "Мордва..." отмечают, что "...консолидация мордвы в народность в XIII в. была близка к завершению (Мордва: Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981. С.20). О формировании и развитии булгарской народности в XI - начале XIII в. пишет А.Х.Халилов (см.: Халилов А.Х. Происхождение татар... С.72-82). К началу XIII в. имеются основания говорить о сложении древнебашкирского этноса (Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа... С.440). Однако во всех случаях мы испытываем терминологические трудности, так как понятие "народность" не отражает в полной мере разнообразия в уровнях консолидации финно-угорских и тюркских этносов к началу XIII в., тем более к рубежу I-II тысячелетий н.э. Применительно к башкирам я еще в 1974 г. предлагал описательные термины, различающие разные состояния этноса на протяжении VIII-XVIII вв. (Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа... С.90). Однако и эти решения остаются паллиативными; необходимы широко обобщенные термины, обозначающие различные социально-политические уровни развития этносов - от племенных образований до нации. Как видно, неразработанность затронутой темы очевидна. На мой взгляд образовались на рубеже I и II тысячелетий н.э. этнические общности по своим характеристикам весьма близки к этнографическим группам и терминологически им уместно называть древними этносами или племенными народностями (подробно об этом см. в гл. VI).

оставили след в хозяйственно-культурной, антропологической и даже в языковой характеристике сформировавшихся тюркских этносов. В родоплеменной этнонимии башкир например выделяется древний слой названий булгаро-угорского и финно-угорско-самодийского происхождения⁵⁶.

В целом смешение местных и пришлых этнических групп было настолько значительным, что оно дает основание говорить в определенном смысле об общности формирования финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья и считать это этногенетическое единство одним из важных ареалообразующих факторов в рассматриваемую эпоху.

Как свидетельствуют новые данные, общность основных направлений формирования этносов на раннесредневековом этапе этногенеза нашла отражение в типологической сходимости приемов и способов хозяйствования, в этнографическом слое культуры и в особенностях языковых связей тюркских и финно-угорских народов региона.

Главным результатом этнокультурного развития населения Волго-Уральской ИЗО было распространение сходных элементов в различных сферах культуры, иногда — появление и стабилизация в качестве общеареальных (но не этнических) новых культурных признаков. Прежде всего это коснулось расширения зоны распространения плужного пашенного земледелия и соответственно набора сельскохозяйственных культур и орудий. При этом направления культурных потоков были разными в различное время. Археологические источники позволяют предполагать, что на

* В литературе под понятием "этногенез" имеется в виду совокупность сложных процессов, завершающихся формированием этноса (древней, средневековой или современной народности) с достаточно устойчивыми и специфичными для данного этноса характеристиками языка, культуры, физического типа и т.д. Несмотря на расширение понятия "этногенез", во многих работах по традиционному этногенетическому языковому ограничиваются лишь ранними этапами установлением так называемой "этнической основы" или "этнического ядра" изучаемой народности. Такой подход, однако, не только не позволяет раскрыть этногенез того или иного этноса в полном объеме, но и может способствовать возникновению одностороннего, как правило, этноцентристского понимания истории происхождения народа. На примере интерпретации этногенеза народов Волго-Уральской ИЗО это положение просматривается особенно ясно. Общий взгляд на этническую историю региона показывает, что этногенез тюркских народов ИЗО может быть понят лишь с учетом субстратной роли финно-угорских компонентов и последующей инфильтрации в тюркскую среду абортанного населения, так же как этногенез финно-угорских народов края — с учетом этнокультурного воздействия на них тюркского населения. При этом важно иметь в виду, что ставшее традицией стремление рассматривать соотношение этнических и антропологических границ в рамках только отдельных этносов, что в каждом случае позволяет со всей очевидностью фиксировать несопадение этих границ, едва ли способствует активному продвижению разработки этногенетических проблем. "Последовательно выступая против непосредственной причинной связи расовых и этнических общностей, — подчеркивает В.П.Алексеев, — советские исследователи неоднократно указывали на исключительную роль территории как связующего звена между теми и другими". И действительно, только территориальная приуроченность и дифференциация этногенетических процессов ... позволяет понять их многообразие и выделить в них какие-то специфические формы (Алексеев В.П. Историческая антропология. М., 1979. С.180). В этом смысле историко-этнографические области являются общей зоной этногенетических процессов, затрагивающих в определенный период этногенез всего населения региона. Опираясь на антропологический материал, В.П.Алексеев называет эти зоны "этногенетическими пучками", имея в виду обычно историко-этнографические области в пределах которых проходили наиболее активный процесс контактов и взаимодействия групп с различными расовыми и антропологическими характеристиками (см.: Алексеев В.П. Историческая антропология. С.203—204) и которые, несмотря на все разнообразие и пестроту этнического состава представляемого в них населения, в то же время в расовом отношении образуют определенное территориальное единство. "Поволжский пучок", который охватывает восточнофинские и тюркские (или тюрко-угорские) народы Волго-Уральского региона, характеризуется формированием тюркских этносов "на восточнофинском субстрате". Начало формирования этого пучка следует отнести, — по заключению В.П.Алексеева, — ко второй половине I тысячелетия н.э. — времени начала интенсивного проникновения тюркских народов в Поволжье (и на Южный Урал — Р.К.) и смешения их с местным финским населением" з "усилие монголоидной примеси у тюркских народов по сравнению с финскими" связью с "политическими событиями эпохи позднего средневековья" (Алексеев В.П. Историческая антропология. С.206).

первом раннебулгарском этапе развития (до X — начала XI в.) определенную роль в процессе культурного развития сыграла та часть племен Нижнего Прикамья и прилегающих районов Волги (Сугорских, финских, а также индоевропейского происхождения) главным занятием которых к приходу основной массы тюркских племен было земледелие⁵⁹. Эти племена в результате культурного взаимодействия или в процессе этнической ассимиляции в среде тюрков-булгар передали всему населению формирующейся ИЗО навыки оседлости, местные приемы и способы ведения земледельческого хозяйства, традиции строительства деревянного сруба и других построек. Процесс ускорялся тем, что булгары более поздней миграции как упомянуто, освоили навыки оседлого земледелия до прихода на Волгу, еще на Кубани и в Приазовье⁶⁰.

В то же время еще со времен ранних кочевников Среднее Поволжье, отроги Южного Урала использовались как летние пастбища. На зимовку стада передвигались к югу в нижневолжские, северокавказские или приаральские степи. Судя по археологическим материалам, меридиональный цикл кочевания установился по крайней мере с эпохи бронзы и существовал то затухая, то вновь возобновляясь, вплоть до XIX в. С середины I тысячелетия, в эпоху великого переселения народов, основные направления передвижений тюркских кочевников находились в степной зоне Евразии охватывая Семиречье Приаралье, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ Причерноморские степи долины Дуная. Именно в этой зоне происходили крупные войны и столкновения кочевников разрушались и возникали новые государства такие, как Великое Болгарское или Хазарское отсюда кочевники устремлялись к границам великих и богатых государств в надежде добычи в поисках службы или союзников в сложных перипетиях борьбы. Этим же объясняется тот факт что наиболее крупные и яркие памятники культуры тюркских кочевников домонгольской эпохи, включая остатки городов и поселений, обнаружены и изучаются главным образом в пределах обрисованной зоны. Здесь же найдены и известные памятники руники включая северокавказские надписи на "боклажах" и знаменитые тексты из Негм-Сент-Миклош в Придунавье.

Дунается что определенную последовательность можно усмотреть и в том что знаменитый Codex Cumanicus создан в одном из причерноморских городов и стал известен в Италии, т.е. в относительной близости от областей кыпчакских вторжений и западных пределов распространения рунической письменности. Уместно вновь вернуться к вопросу: означало ли сказанное, что не происходило никакой инфильтрации тюрков-кочевников в более северные лесостепные территории? Нет, не означало, однако они были эпизодическими не массовыми и не оставили ощутимого следа в этногенетических процессах. Положение изменилось, как говорилось в последней четверти I тысячелетия н.э. в связи с ростом демографического давления и усложнением политической обстановки на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье. На Средней Волге, в северной части Волго-Яицкого междуречья, кочевники стали оставаться и на зимнее время, осваивая эти территории в качестве постоянных мест расселения. Приход и оседание булгар на Средней Волге явилось по историческому значению таким же событием, как приход и расселение венгров на Дунае в Паннонии; эти события в историографии по традиции обозначают понятиями "обретение родины" или "завоевание родины". По своим хозяйственно-культурным и политическим последствиям они имели крупные результаты. В условиях Среднего Поволжья приход булгар был связан с нарушением и постепенным затуханием меридионального кочевания и усилением Булгарского государства, которое придавало новый сильный импульс образованию средневолжского очага пашенного

земледелия. Позднее процесс нарушения меридионального цикла коче-вания распространился на более обширные территории, положив начало определенному отрыву, автономизации тюркского мира Волго-Уральского региона от южных областей.

Тюркские мигранты, издавна хорошо знакомые с тканьем шерстяных изделий и горизонтальным ткацким станом, здесь, на основе традиционных ткацких приемов и орудий, освоили новые материалы и новую технологию ручного ткачества. Имеются достаточно убедительные доказательства того, что этот процесс сопровождался взаимобогащением орнаментальных мотивов и формированием довольно мощного слоя общих для населения всего ареала орнаментальных комплексов.⁶¹ В эту эпоху, которая, если иметь в виду широкие массы населения, а не социальную верхушку, была дохристианской и домусульманской, широко бытовали, очевидно смешанные браки, что могло порождать синкретические явления в формах заключения брака, свадебной обрядности и ритуальных элементах девичьей и женской одежды.⁶² В этом плане необходимо более внимательно изучить генезис таких широко распространенных в ИЗО явлений как высокие женские головные уборы с каркасной основой, нагрудные украшения с бисером и раковинами-каури. Элементы женской одежды (головные уборы, нагрудные украшения ...) прослеживающиеся у поволжских финно-угров с ананьинского времени, могли сравнительно быстро войти в этнографический слой культуры контактирующих этносов так как пришедшие тюркские племена также прошли (в разное время и на разных территориях) этапы взаимодействия с ираноязычными племенами и испытали их культурное и языковое влияние.

В предмонгольскую эпоху (XI—начало XIII в.) направление культурных процессов неизбежно должно было измениться в связи с политическим возвышением Волжской Булгарии. В обобщающих исследованиях по истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала крупная роль Булгарского государства в этнополитических процессах и развитии культуры еще не получила адекватной оценки и развернутого описания. Между тем новейшие археологические изыскания все убедительнее показывают, что на сравнительно ограниченной компактной территории Волжской Булгарии, в среде разнородного населения этого государства убыстряются темпы интеграции хозяйственного и культурного развития — в области пашенного земледелия, в наборах земледельческих орудий в ремесленном производстве, в строительной технике в обновленных видах домашних промыслов.⁶⁴ Вместе с тем внедряются и распространяются тюрко-булгарские элементы материальной и духовной культуры: тюркский покрывной одежды, женские украшения, изготовленные булгарскими мастерами и ювелирами, орнаментальное искусство и др. Культура и искусство населения Волжской Булгарии достигли высокого уровня, развиваясь на собственной основе, благодаря образованию государственности и выгодному положению на торговых путях, а также впитывая достижения стран и регионов средневекового Востока, с которыми Булгария находилась в тесных связях: Кавказа, Ближнего Востока, Средней Азии.⁶⁵ Подъем хозяйства, ремесел, культуры, искусства в Волжской Булгарии не только способствовал дальнейшему развитию и укреплению государства, но и явился основой для установления контактов и хозяйственно-культурных связей с другими народами. Тюрко-булгарское культурное воздействие на окружающий мир, постепенно возрастая, становится преобладающим.

В эпоху расцвета Булгарского государства формируются основы типологической сходности, а в ряде случаев и общности определенных элементов культуры, которые получили в дальнейшем развитие и более широкое пространственное распространение. Фиксируя этот важный

ареалообразующий и ареалоустойчивый процесс, полезно иметь в виду несколько моментов, помогающих более глубоко понять особенности истории формирования ИЗО. В раннебулгарское время, в VIII—X вв., как местное финно-угорское, так и пришедшее булгарское, угорское и тюркское население, еще не отягощенное догматами и стереотипами мировых религий (христианства и ислама) было очевидно, более восприимчиво к процессам культурного взаимодействия в зонах активного контакта. Кроме того, булгарские, и особенно другие тюркские племена, которые на Северном Кавказе или в приаральских и прикаспийских степях были в основном скотоводами-кочевниками и полукочевниками, в Среднем Поволжье в силу экологических и других факторов оказались перед необходимостью перестройки хозяйств. Это должно было активизировать и стимулировать как восприятие местных оседлоземледельческих хозяйственных и культурных навыков, так и процессы этнической ассимиляции местного населения более организованными в военно-политическом отношении пришельцами. В то же время, какими бы глубокими ни были эти процессы, они не захватили всю совокупность культуры, а преимущественно отдельные ее компоненты, прежде всего, как упомянуто, хозяйственные и хозяйственно-культурные. Надо подчеркнуть, что эти процессы взаимодействия культур, интеграции некоторых их сфер, а также качественно нового этапа развития наиболее производительных видов хозяйственной деятельности особенно активно проходили в границах сравнительно локальной и четко очерченной территории Среднего Поволжья. На ее периферии по-прежнему оставались обширные области кочевого скотоводства (юг и юго-восток) и комплексного хозяйства с большим удельным весом охоты и других лесных занятий (север и северо-запад).

В процессе диффузии ареалообразующих хозяйственных и культурных явлений начали формироваться и имели возрастающее значение такие мощные действующие факторы, как мусульманская религия в Булгарском государстве а также первые признаки проникновения христианства в языческую среду финно-угорских народов. Это способствовало замедлению интеграционных процессов, особенно в области духовной культуры, и образованию, точнее, стабилизации специфического для этносов ИЗО состояния бикультурализма. В особенностях становления самой Волго-Уральской ИЗО, когда этнические компоненты формирующихся этносов и тем более сами этносы еще окончательно не сложились, в развитии бикультурализма как явления наблюдалась известная иерархичность. В определенных культурных сферах бикультурализм становится чертой ареальной, охватывающей весь регион или его обширные области. Общеареальные черты проявлялись в структуре хозяйства, когда наряду с распространением пашенного земледелия в крестьянском хозяйстве присутствовали (в зависимости от природных условий) те или иные элементы таежно-лесных форм охоты и типов охотничьих снарядов, бортничества, запорного рыболовства или, напротив, степных способов ведения скотоводства и охоты гоном. В ранках ИЗО бикультуральные явления свидетельствуют о масштабности этнокультурных взаимодействий и формирования общеареальных черт.

Однако на уровне этносов и небольших этнических групп бикультурализм приобретал индивидуальную окраску, свидетельствуя о специфичности этнических процессов в данной конкретной среде. Специфика Волго-Уральской ИЗО состояла в том, что взаимосвязи финно-угорских и тюркских этносов развивались в течение долгого времени и состояние бикультуральности оказалось как бы перманентным. На ранних стадиях этого взаимодействия (до укрепления политического влияния Булгарского государства) смешанные этнообразования формировались в результате процес-

сов этнической дивергенции. Как тюрко-булгарские, так и угорские финские или угро-самодейские племена и группы сегментировались в результате увеличения их размеров демографического давления истощения естественных ресурсов на племенной территории или под воздействием других факторов. Этническая сегментация была закономерностью эпохи родоплеменного строя, проявляющаяся повсюду, но особенно заметно протекающая в кочевом мире. Но процессы этнической дивергенции всегда сосуществовали с процессами этнического объединения: в ту же эпоху сегментированные родоплеменные группы складывались в племенности, союзы или другие этнические общности в новых сочетаниях в которых могли присутствовать как булгаро-тюркские так и уральские племена. Так сформировался в IX—X вв. булгаро-угорский компонент татарского башкирского, чувашского этносов и, напротив, в более раннее время — угро-булгарский компонент древнененгерского этноса⁸⁸. В результате консолидационных или ассимиляционных процессов внутри этих групп происходит смена языка — в первом случае всеобщий для всей новой этнической общности становится булгарско-тюркский язык без видимых следов угорского, во втором — угро-мадьярский с некоторыми включениями (лексическими) булгарского. Однако в результате культурного взаимобогащения те или иные признаки былого бикультурализма сохраняются и с разной интенсивностью, а также с разной продолжительностью функционируют как в Волго-Уральской области, так и на Дунае.

В ряду аналогичных явлений находятся многочисленные, но еще малозученные факты образования смешанных групп с традиционными и заимствованными компонентами тюрко-финно-угорской или финно-угорско-тюркской культур, которые оставили отпечаток на культурах чувашей, бесермян, мишарей, а также татар и башкир. При этом состояние бикультурализма было и остается более длительным чем билингвизма (хотя языковеды, как указано ниже, фиксируют протяженность во времени и явный языковой интерференции). Элементы традиционной культуры и быта ассимилированного этноса могли сохраняться даже после изменения этнического самосознания, "утратив всякую роль символов этнической принадлежности"⁸⁹. Позднее стабилизации и в известном смысле консервации бикультурального состояния способствовали развивающиеся конфессиональные факторы, так как они дифференцировали тюркские (татар, башкир) и финно-угорские народы, усиливали развитие эндогамных браков по крайней мере внутри конфессиональных (христианских, мусульманских языческих), но, видимо, и в пределах этнических групп. В то же время диалектика явления заключалась в том, что в этих процессах дифференциации содержался одновременно и момент интеграции, так как в границах ИЗО складывались тюркоязычные этносы с финно-угорской основой культуры (особенно чувашей) или, напротив, финноязычные этнические группы с тюркской основой культуры (бесеряне). Между этими крайними примерами можно расположить ряд других (как тюркских, так и финно-угорских этносов с разным соотношением в культуре тюркских, финно-угорских или иного происхождения компонентов культуры).

В обрисованных выше процессах, как следует из материала преобладали явления аккультурации, которые, однако охватили все или многие

* Историко-этнографический анализ финно-угорско-тюркских контактов в конкретных сферах культуры (обруда труда, ткачество, жилище, одежда, украшения и др.) см.: Шатохин С.Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С.25, 71, 90—94; Ола же. Финно-угорский компонент в народной одежде башкир // Исследования по исторической этнографии башкир. Уфа, 1984. С. 12—26.

относы представленные в то время в Волго-Уральской ИЗО Восприятие элементов болгарской культуры происходило как в результате непосредственных контактов так и через торговлю, широкое распространение изделий болгарского ремесленного производства среди финнов Волго-Камья и угорского населения Приуралья и Прикамья Интеграция (этническая ассимиляция) небулгарских групп в составе болгар происходила в пограничных районах болгарской этнической территории, откуда, однако, некоторые из них могли отделиться в более отдаленные области В предмонгольское время еще продолжается этническое взаимодействие (восходящее еще к раннебулгарскому периоду) болгар с угорским населением Урало-Прикамья (по данным Е. П. Казакова, постпетроградская керамика, принадлежащая приуральскому населению, присутствует на всех болгарских памятниках) Но в этнические процессы с возрастающей активностью включаются наплывы позднетюркских кочевников, а также волжские и персские финны

Таким образом развитие производительных сил в болгарскую феодальную эпоху расширило к началу XIII в этнополитическое и культурное влияние Волжской Булгарии, способствовало сближению этнических общностей региона в составе единой ИЗО Эти изменения вызвали значительные передвижения населения как на северо-запад, так и на восток Марийцы продвинулись в Вятко-Ветлужское междуречье, расширили свои территории мордовские племена, передвинулись на север, к верховьям Вычегды удмурты⁷⁰ Булгарские памятники появились в низовьях р. Белой и в бассейне р. Ик, в Приуралье⁷¹ Расселялись по всем направлениям племена, уже испытывавшие определенное влияние тюрко-булгарской культуры По мере миграции населения из основной зоны формирования ИЗО в этнокультурные процессы включались периферийные финно-угорские племена которые во многих случаях в разных пропорциях вливались в состав тюркских образований региона Это предопределило, с одной стороны, разнообразие и множественность культурных проявлений в ИЗО при сохранении и дальнейшем развитии ареалообразующих черт культурного единства

С падением Хазарского каганата и Великой Булгарии на Нижней Волге и в Приазовье постепенно ослабевают связи Волго-Уральского региона с Северным Кавказом, Прикаспием Образование этих связей восходит еще к ранним кочевникам, когда как уже указывалось, в результате давних традиций установился неридиональный цикл кочевания с пребыванием кочевников зимой в малоснежных степях Приуралья, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Приазовья, а летом — в лесостепных областях Среднего Поволжья и Южного Урала Этот существовавший столетиями цикл нарушался лишь мощными событиями политического характера или в результате острых климатических изменений В окончательном переселении части болгар и других тюркских и, возможно, угорских скотоводческих племен с северокавказских степей на север, в Среднее Поволжье, в постепенном отделении Волго-Уральской области от южных территорий сыграли, по-видимому, и те и другие причины Наилучше подчеркнуть что в новых условиях Среднее Поволжье и Южный Урал перестают быть периферией Хазарии и Великой Булгарии, а также частью Приуральско-Каспийско-Кавказско-Волжской провинции, хотя, конечно традиции историко-культурных связей сохраняются в памяти народов в сказаниях, преданиях, легендах, а в заметно приглушенных формах — и в исторической реальности Волжская Булгария в XI — начале XIII в. сама становится центром политического и этнокультурного притяжения для формирующейся ИЗО Кочевая степь вместо связующего звена в этнокультурных контактах, как это было в эпоху

ранних кочевников становится южной границей Волго-Уральской ИЗО. Одновременно формирующаяся Волго-Уральская ИЗО вступает в более активные контакты с восточнославянским этнокультурным миром. Усиливающиеся северо-восточные русские княжества стремятся к установлению своего господства на великом Волжском торговом пути. Однако булгарам вплоть до конца XI в. удается сохранять контроль над значительной частью Волжского пути, а также роль города Булгара как наиболее важного торгового центра в Среднем Поволжье. В соперничестве с русскими княжествами булгары вели военные действия на восточных границах русских княжеств. В 1088 г. булгары захватили русский город Муром на Оке, нападали на Нижний Новгород.⁷² Есть основания полагать, что Волжская Булгария укрепляла свои позиции и в нижних течениях Волги: торговый город У-кек' близ Саратова входил в состав болгарского царства задолго до монгольского нашествия.⁷³ Материалы могильников Марийского Поволжья в X—XI вв. также свидетельствуют о том, что Волжская Булгария удерживала в это время контроль и на этом участке Волжского торгового пути. Но с XII в., особенно с возвышением Великого княжества Владимирского, с постройкой и усилением Нижнего Новгорода (1221 г.) политическая ситуация постепенно меняется. Русские княжества усиливают свои позиции на Верхней Волге и Оке; одновременно начинается русское колонизационное движение к востоку от Оки, в Окско-Сурское междуречье. Видино, с этими событиями связана активизация болгарского торгового продвижения по Канскому пути, частично вверх по Вятке, где болгарское присутствие ощущается довольно далеко на севере. В 1218 г. булгары захватили город Устюг,⁷⁴ а следы болгарских торговых факторий обнаруживаются вплоть до перских земель. В то же время в прикасских и в более северных областях булгары вновь вошли в соприкосновение с восточнославянским миром. В XII—начале XIII в. шел процесс русского колонизационного продвижения в Вятские в Канско-Печерские земли, начатый еще новгородцами. Как видно, формирование Волго-Уральской ИЗО было связано, с одной стороны, с ослаблением связей с южными областями Прикаспийско-Кавказского региона, с другой — с установлением и началом развития контактов с восточнославянским населением Волжско-Днепровской историко-культурной области.

Распад волжско-булгарской этнополитической общности и изменения в расселении населения

Второй этап рассматриваемого периода в истории ИЗО охватывает XIII—XIV вв. с начала монгольской экспансии до присоединения Поволжья и Южного Урала к Русскому государству. Главным политическим событием эпохи был разгром монгольскими завоевателями Булгарского государства. Несмотря на упорное и длительное сопротивление и борьбу против них булгар и населения Среднего Поволжья и Южного Урала, это привело к дальнейшему поступательному развитию волжско-булгарской цивилизации и привело к установлению на длительное время господства Золотой Орды. Позднее, в XV в., когда окончательно определился процесс распада Золотоордынского государства, образовалось Казанское ханство, распространившее свое господство на территорию Среднего Поволжья. Часть башкир и другого тюркского населения оказалась под властью Ногайской Орды и Сибирского ханства, что сказалось на особенностях хозяйственно-культурного развития Волго-Уральского региона и Западной Сибири. По уровню социально-экономического развития Казанское ханство

а также Сибирское ханство и Ногайская орда были феодальными государствами. Однако Казанское ханство, будучи в территориальном и культурном отношении наследником Булгарского государства, образовалось в основном как земледельческое и ремесленно-торговое государство. В Сибирском ханстве и Ногайской орде главным занятием большинства населения оставалось кочевое скотоводство.

Монгольское нашествие и последующие события, распад Золотой Орды и образование на его развалинах Казанского, Сибирского ханств, Ногайской Орды вызвали значительные внутренние передвижения народов Волго-Уральской области. В XIII—XV вв. имел место дальнейший сдвиг финно-угорского населения — мордвы в устье Оки, удмуртов и марийцев — в лесные районы севера.⁷⁵ Булгарское население уходит из пострадавших от монгольского разгрома районов на север, в бассейн р. Казанки, на среднее течение р. Суры, а также на восток, где оно достигает нижнего течения р. Белой, юго-западного Приуралья.⁷⁶ Расселение булгар в различных направлениях было, по существу, распадом этнополитической булгарской общности, разрушением консолидирующей роли тюрко-булгарской культурной цивилизации. В то же время эти события ускорили формирование этнических территорий и консолидацию башкир, чувшей и татар. В XIII—XV вв. происходят существенные изменения в расселении чувшей и татар в Среднем Поволжье, а также башкир, которые, несколько потоками двигаясь на восток, заселяют левобережье Средней Камы, бассейн р. Уфы и весь Южный Урал.⁷⁷ По мере постепенного продвижения на современные места расселения все эти народы продолжали ассимилировать в своем составе в разных масштабах финноязычные угорские угро-санодийские группы местного и ранее пришедшего населения. Особенно сильным оказался финно-угорский компонент в формировании чувашского этноса, которое протекало в ходе продвижения тюрко-булгарских групп вверх по Волге на территорию современного чувашского Поволжья.⁷⁸

В затянувшейся дискуссии об этнических преемниках волжских булгар некоторые историки и языковеды отрицают этноязыковую связь чувшей и волжских булгар, в числе доказательств ссылаясь на то, что чувши после переселения не создали на новой территории своей государственности.⁷⁹ Однако после прекращения в XIII в. существования Булгарии не создали своей государственности на Волге и татары, которых ряд исследователей считает единственными наследниками этноса, языка и культуры волжских булгар. Не создали своей государственности и башкиры, мещари, сибирские татары, которые также в той или иной степени были исторически связаны с волжско-булгарским этнокультурным миром. Хорошо известно, что Казанское ханство так же, как и Ногайская орда, Крымское, Сибирское, Астраханское ханства, возникло на социально-политической основе, не имеющей к Волжской Булгарии непосредственного и прямого отношения: все они выделились из Золотой Орды в ходе ее распада. Основание Казани в последней трети XIV в. (1370), и особенно рост города в конце XIV в. (1370—1390 гг.) как одного из политических золотоордынских центров, объясняют в определенной степени и природу

⁷⁵ В недавно опубликованных работах М.З. Жигеева существенный корректив в свои прежние представления Тюрки башкир и татар именуют государство (т.е. в Булгарском. — Р.К.) составляли одну булгарскую народность и их язык прошел долгий путь низвержения... Все сказанное дает основание в общем и целом признать современных татар и башкир потомками волжско-булгарской народности» (Жигеев М.З. Из истории татар и татарского языка // Сафуллин Ф.С., Галимуллин К.Р. Русско-татарский разговорник. Казань, 1986. С.284—285).

становления Казанского ханства⁸⁰. Что касается чувашей, то их массовое перенесение в новые (лесные) районы было в историческом нашествии времени вынужденным и внезапным, произошло оно в силу особых политических обстоятельств. Это отбросило чувашей назад в социально-экономическом и политическом отношении или, по крайней мере, задержало их развитие, хотя они остались оседлыми земледельцами. Немало энергии у чувашского этноса ушло на абсорбцию местного финно-угорского населения, на формирование своеобразной синкретической культуры со смешанными болгарско-тюркскими и финно-угорскими признаками. Истории известны подобные перенесения, которые заканчивались разными результатами: миграция части великих болгар на Дунай завершилась их славянизацией, хотя болгары создали на Дунае свое государство, оставшиеся на Северном Кавказе болгары (современные балкарцы и, вероятно, другие северокавказские турки) приобрели многие кавказские и кыпчакские черты в культуре, хотя сохранили естественно, в трансформированном виде) тюркский язык с некоторыми архаическими признаками казарско-болгарской эпохи. В условиях Среднего Поволжья, таким образом, в XIV - начале XV в. не было реальных условий для создания (или воссоздания) Булгарского государства, и после разгрома Волжской Булгарии новые государственные образования на ее основе не возникли ни в верхнем течении Волги, ни в устье Каны, ни в Приуралье, ни в Западной Сибири. В этом заключалось одно из разрушительных последствий монгольского нашествия. Однако чувашам, пережив сложные этнокультурные метаморфозы, сохранили волжско-булгарский в основе язык.

Другие группы булгарского населения передвинулись прежде всего на соседние территории Предканья, составив основной компонент в формировании казанских татар или мигрировали на запад и на восток приняв участие в этническом формировании мишарей, башкир и сибирских татар⁸¹. Следовательно, волжские болгары в XIV в. под разрушительным воздействием монгольских походов а также наплыва в Среднее Поволжье новых мигрантов пережили процесс этнического разделения типа этнической порции (сегментации) когда "единый прежде этнос делится на несколько более или менее равных частей причем ни один из новых этносов не отождествляет себя полностью со старым этносом"⁸². История знает немало примеров этнической порции в ходе именно такого процесса на основе древнерусской народности сложились три родственных этноса — русский, украинский, белорусский. Сано собой понятно, что удельный вес в формировании нового этноса компонентов старого роль иных включений и т.д. определяют специфический путь этнической и культурной истории каждой отдельно взятой народности. В частности казанские татары явились преемниками булгарского культурного наследия (но не государственности) а в формировании культуры чувашей существенным оказался марийский компонент. В то же время надо подчеркнуть что многие культурные и языковые признаки, которые сейчас интенсивно изучаются говорят о том что современные тюркские народы севера Евразии — мишари, казанские татары, чувашам, башкиры, сибирские татары — имеют

* В этом свете представляют интерес некоторые башкирско-чувашские этнонимические параллели. Башкиры и чувашам, расселяясь на восточной и западной окраинах Волго-Уральской ИЗО, как известно, давно непосредственно не контактируют. Между тем в булгаро-угорском племени башкирской родоплеменной этнонимии есть названия, имеющие аналогию в чувашской антропонимии и этнонимии: башк. юрматы — чув. Юрмет, Ирмет, Ермет (языческие племена), башк. юрми — чув. Юрмекей (чувашская языческая родовая фамилия, т.е. тагарин), башк. таркая — чув. торкан (языческое имя, название волости, компонент в названии более 30 населенных пунктов в Чувашии), башк. епей — чув. Упей (хутор из 14—15 деревень в Красноармейском районе Чувашии) и т.д. (Кузеев Р.Г., Гаринов Т.М. Этноним таркан у

общность этнокультурного становления восходящую к волжско-булгарскому этнокультурному миру, а через него — к северокавказскому ареалу тюркских языковых и культурных традиций

Миграции в период распада булгарской этнополитической общности захватили и финноязычное население. Происходит сдвиг древненордовских групп на восток, вызванный давлением кыпчакского движения из Причернонорских и Крымских степей из Придонья. Этим движением часть нордовского населения была вероятно вытеснена из южной и центральной части Волго-Окского междуречья⁸³. С указанными событиями связано появление памятников нордов (Муранские, Карташкинские и другие могилы и селища) по берегам Волги и, возможно, восточнее. Перемещения финноязычного населения в эпоху распада булгарской этнополитической общности имели результатом расширение территории тюрко-финно-угорского взаимодействия.

О роли кыпчакского компонента в этногенезе тюркских народов региона

Существенное значение в этнокультурном формировании ИЗО, особенно ее южной и юго-восточной части, сыграл мощный приток степного, преимущественно кыпчакоязычного населения.

Общий обзор истории кыпчаков в I тысячелетии н.э. и анализ их роли в этногенезе башкир и других тюркских народов Восточной Европы опубликованы нами в 1974 г.⁸⁴ В 1960—1980-е годы появились новые исследования существенно продвигающие разработку кыпчакской проблемы⁸⁵, хотя создание обобщающего исследования по истории кыпчаков по-прежнему остается будущей задачей историков. Возможно, с этим связана недооценка роли кыпчаков в сложении тюркских народов Восточной Европы.

Масштабы и характер кыпчакских проникновений на Среднюю Волгу и Южный Урал в домонгольский период во многом остаются неясными. Связано это главным образом с трудностями этнической атрибуции археологических памятников домонгольской поры и их корреляции с нарративными источниками. Согласно последним, наиболее ранние проникновения кыпчаков происходили со стороны северокавказских степей и Придонья по правобережью Волги вплоть до Волжско-Окского междуречья. Исследователи склонны связывать кыпчакские проникновения с этногенезом и этнической историей правобережного населения Волги, прежде всего буртасов и нишарей. За десятилетия изучения буртасской и нишарской проблем в научной литературе накоплено множество концепций и гипотез об их этногенезе и этнокультурной истории, которые заметно продвинули разработку этих запутанных страниц средневековой истории Восточной Европы.⁸⁶

А.Х. Халиковым выдвинута плодотворная концепция, в существенной части аргументированная археологическими материалами, согласно которой этногенез и этническая история буртасов и нишарей тесно увязывается с этнополитической историей волжских булгар и Булгарского государства.⁸⁷

башкир, чувашей, венгров и булгар // Ономастика Поволжья. Саратов. 1976. Вып. 4. С. 13—15). В свою очередь аналогии чувашско-башкирским этнонимам обнаруживаются за пределами Волго-Уральского региона: в составе равнин венгров (юрматы, тархан), в Дунайской Болгарии в староболгарских надписях на колоннах IX—X вв. (юрма — в форме антропонима Ерми), в известном Славно-болгарском именнике (Юрма), который отражает глубокие древности болгарской истории. Таким образом, в истории этногенетических контактов этнонимами юрматы, юрма, тархан устанавливаются следующую цепь связей: волжские болгары — дунайские болгары — лоджские болгары — венгры — чуваша — башкиры (подробнее см.: Кузнецов Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волга-Уральском регионе. С. 17—21).

Главными в концепции А.Х. Халикова являются положения о тюркоязычности буртасов, об этнической идентичности буртасов и мишарей (сила, по крайней мере о крупной роли буртасского компонента в этногенезе мишарей) а также тезис о том, что "... в условиях вхождения бывших буртасских земель в состав единого с булгарями государства в пределах Булгарии, на основе развития общей экономики, культуры социального строя складывается общебулгарская народность, которую мы можем рассматривать как основу татар Поволжья — и казанских и мишарей"⁸⁸

К концепции А.Х. Халикова присоединяется Р.Г. Муханедова которая на основе письменных и этнографических источников связывает с буртасами происхождение прежде всего "ц-окающей" (салатырской или сергачской) группы мишарей⁸⁹. Оба исследователя берут во внимание упоминание восточных источников о том, что буртасы — народ "тюркоязычный и своими обычаями близкий к огузан-печенегам"⁹⁰

Несколько иные акценты расставлены во взглядах М.З. Закиева, который считает мишарей по происхождению "западными тюркоязычными куманами, кыпчаками. Существенное место в его концепции занимают доказательства глубокой древности мишарей — "самого крупного тюркоязычного компонента татарского народа" — и отсутствия связей между историческими мишарями и "надырями" — уграми⁹¹. По мнению М.З. Закиева, тем самым окончательно и в отрицательном смысле решается давний вопрос о присутствии в Среднем Поволжье венгров и расположении где-то в Волго-Уральской области "Великой Венгрии".

Рассмотрим представленные концепции с точки зрения хронологии и масштабов кыпчакизации мишарей. Согласно восточным источникам, пребывание "какой-то группы кыпчаков западнее Волги имело место в VIII в. однако появление там передовых кыпчакских отрядов скорее всего носило спорадический характер"⁹². Такие проникновения могли иметь место и позже, но массовое вторжение кыпчаков в северокавказские и южнорусские степи произошло, как утвердилось в литературе, в середине XI в., когда буртасов на их прежней родине, в Придонуе уже не было. Следовательно тюркоязычность буртасов в IX и, вероятно, в X в. была связана с передвижениями и этнической историей не кыпчаков, а печенегов и огузов. Очевидно, правы те ученые, которые, опираясь на распространение лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры к западу от Волги, связывают этногенез буртасов с миграцией алан-асов из предгорной зоны Северного Кавказа на север, в бассейн Среднего Дона. Следовательно начальная история буртасов связана с аланской ираноязычной этнолингвистической общностью⁹³.

Но в IX в. буртасы должны были испытать сильное влияние кочевых групп, которые двигались из Заволжья на запад по степной и лесостепной полосе Евразии: это были печенеги, огузы, угры-надыры. Часть из них оседала или на время поселялась в стране буртасов, усложняя и без того пеструю этническую структуру буртасской общности. Таким образом, высказанный в литературе взгляд о многоязычности буртасской общности представляется верным.

Кроме собственно буртасо-алан, туркизированных под печенежско-огузским воздействием, в буртасском этническом сообществе присутствовали угры, в том числе угры-надыры, оставшиеся после ухода их соплеменников на запад. Вместе и вслед за печенегами из низовьев Сырдарьи и Южного Приаралья двигались также туркизированные (в более ранней печенежско-огузской среде) сако-нассагетские группы, которые частью влились в буртасское этнополитическое сообщество. Среди последних, вероятно, могли находиться древнебашкирские группы. Таким образом, в Буртасии распространенными языками и этносами были печенешский или пе-

печенегско-угузский, привнесенный печенегами и огузами из Приаралья, печенегско-буртасский, сложившийся в результате туркизации алан, угорский и язык туркизированных угров-надыар. Косвенно сказанное подтверждается сообщением Истахри о том, что "язык болгар походит на язык хазар, у буртасов другой язык, равно как язык русов - не язык хазар и буртасов". Это сообщение позволяет не только исключить из реконструкции этнического состава буртасов собственно болгар, хазар и славян, но и более уверенно утвердиться в том, что в данном случае мы имеем дело с печенегско-угузскими языками туркизированных иранцев и угров, а возможно, и с некоторыми ираноязычными и угроязычными группами. По мнению Б. Н. Заходера, крупного знатока и интерпретатора восточных источников, буртасы - "народ тюркоязычный и своими обычаями близкий к огузан-печенегам".

В X в. памятники буртасской (салтово-маяцкой) культуры в Среднем Приднью исчезают. Произойти, видимо, характерная для средневековья порция этнического образования. Как установил А. Х. Халиков, значительная часть буртасов уже к началу X в. сдвинулась к северу и заселила "области формирования татар-мишарей", т. е. "районы между Волгой и бассейнами рек Суры и Мокши". Есть основания полагать, что предки мишарей принесли сюда язык огузо-печенегского строя. По заключению Л. Т. Махмутовой, в мишарском диалекте фиксируется наибольшее число черт огузского типа (в сравнении с другими татарскими диалектами), при этом большая часть этих черт относится к периоду не ранее XI в.

Интерпретация этнической истории буртасов на новой территории, на мой взгляд, должна проводиться не только "под углом зрения сравнения и сближения мишарей и казанских татар". Дело в том, что все параметры этого "сравнения и сближения" уведут нас гораздо дальше, к башкирам, бардымским и сибирским татарам, т. е. к тону в целом тюркоязычному миру, который взаимосвязанно формировался в лесостепной полосе севера Евразии еще до монгольской эпохи. Более того, в культуре и этническом составе башкир обнаруживаются признаки, особенно сближающие их с мишарями. К ним относятся все характеристики, анализируемые Р. Г. Мухамедовой в том числе такие яркие для культуры башкир, как тастар, камбау - нагрудные украшения женщин, свойственные для башкирского языка огузские компоненты, наиболее характерные, как установила Н. Х. Максимова, для айлинских башкир северо-восточной Башкирии, в исторической ретроспективе территориально удаленных от мишарей. Башкирские этнонимы "булгаро-угорского" слоя (сюрматы, юрни, еней, гайна и др.) проникли в Башкирию с запада и теперь есть основание предполагать, что они восходят к туркизированным уграм буртасского этнокультурного мира.

Как же можно представить этническую историю буртасских групп на правом берегу Волги в XI - начале XIII в. с учетом предложенных обстоятельств? Известно, что южнорусские степи, занятые раньше буртасами степи и лесостепи бассейна среднего течения Дона, с

* Так, Р. Г. Мухамедова сравнивает и сближает мишарей и казанских татар по следующим показателям: язык (мишарский или западный казанский или средний диалекты "не могут быть противопоставлены друг другу"), физический тип (те же антропологические типы, "только в различной степени концентрации"), жилище (особенно внутреннее убранство - пары, таванье замаски.), традиционная одежда (тастар - женский головной убор, женские нагрудники...), пища (в частности, молочные - катык, айран, сузма...), мучные блюда, орнамент (Мухамедова Р. Г. К проблеме этногенеза татар-мишарей. С. 246-247). Совершенно очевидно, что эти сходства имели существенно более широкое распространение за пределами расселения мишарей и казанских татар.

середины XI в вошли в зону расселения и кочевий кыпчаков-подовцев. «В VIII — IX вв это была аланская земля», — пишет С. А. Плетнева, имея в виду земли в верховьях Северного Дона, где были расположены половецкие города Шарукань, Сугров, Балин⁹⁹. Здесь и восточнее, в бассейне Среднего Дона, в середине XII в локализовались кочевья кыпчакской Орды Токсобичей. Потомки алан VIII — IX вв оставались здесь вплоть до XII в¹⁰⁰. Надо полагать, что это были остатки буртасов — туркизированных алан, которые теперь подвергались постепенной кыпчакизации Отсюда, с бассейна Дона и Северного Дона, шел процесс инфильтрации кыпчаков к северу и северо-востоку, в Поволжье и лесостепную зону Волго-Окского междуречья. Об этом свидетельствуют относящиеся ко второй половине XII в находки, правда редкие, половецких статуй в верховьях Дона, в бассейне северных донских притоков и по обоим берегам Средней Волги¹⁰¹. Однако вплоть до начала XIII в центром политической активности половецких племен и союзов оставались южнорусские степи. На территории Волго-Донского междуречья, в Среднем Поволжье, судя по малочисленности статуй и половецких погребений, в XII в кыпчакское население было малочисленным¹⁰². Это важное обстоятельство заставляет поставить под сомнение утверждение М. З. Закиева о том, что митары — это древние турки, «западные. кунаны-кыпчаки». В то же время, в XII — начале XIII в, кыпчакское влияние под воздействием постепенной инфильтрации кыпчаков в лесостепные области верховьев бассейна Дона, периодических половецких походов в Среднее Поволжье возрастало¹⁰³. Можно предполагать (хотя достоверных лингвистических доказательств пока нет), что достаточно глубокой кыпчакизации в XII — начале XIII в подвергалась и большая часть бывшего буртасского населения.

В X — XII вв буртасское население еще слабо консолидированное на новых землях, постепенно сегментировалось, приняло участие отдельными группами в этногенезе многих народов Волго-Уральского региона. На правобережье Волги буртасы, проникая к северу, в Волго-Окское междуречье, образовали этническую основу митарей и приняли участие в этногенезе мордвы. Проникнув по издавна известным путям на левобережье Волги и далее на восток, население бывшей Буртасии приняло участие в формировании волжско-булгарской народности, башкир, северных и некоторых других групп сибирских татар. Можно предполагать, что в составе этого этнического движения находилась часть древних башкир (ср этнонимы из восточных источников: буртас — бурджас — бурджан — бурзян), и особенно упомянутый выше булгаро-угорский пласт в родоплеменном составе башкир. Эти же процессы можно объяснить распространенность огузских черт в тюркских языках и диалектах лесостепей Евразии — от Оки до Тобола сходства в культуре митарей, башкир и других народов, название митар-юрматинского рода в башкирской родоплеменной этнонимии и т. д. Миграция в составе буртасов целиком или частью туркизированных угров-надыр и постепенное их передвижение в Заволжье и далее в Приуралье послужили основой для возникновения митарско-надырской и башкиро-надырской проблем в науке. Этому способствовало, видимо, дрейфование вместе с угран-надырами их преданий и легенд, в том числе преданий о древней родине, или Великой Венгрии, которую стереотип средневекового сознания мог перенести в Среднее Поволжье и Приуралье, где пришельцы угры-надыры еще могли застать группы местного угорского населения кушаренковско-караякуповской культуры.

Таким образом новые исследования А. Х. Халикова показывают, что с исчезновением Буртасии (возможно в результате походов печенегов) и

продвижением ее населения к северу связано появление и распространение в Волго-Уральской области в X—XII вв (возможно, с конца IX в) этнических групп с огузо-печенежским строением языка. В XII в с территории Донского бассейна происходит проникновение на левобережье Волги половцев групп, а вместе с ними и половецкого этнокультурного воздействия, которое, оказав преимущественное влияние на формирование нишарей, оставило след и на этнической характеристике волжских булгар, башкир, а также других тюркских общностей. С этой эпохой связано утверждение в Волго-Уральском регионе языка огузо-кыпчакского строя. Судя по свидетельствам восточных источников, более поздние волны кочевников-печенегов из Южного Приаралья, где они вошли во взаимодействие с кыпчаками, также принесли в Приднэе язык огузо-кыпчакского строя. Этих же путем могли проникнуть в Волго-Уральский регион из Хорезмского оазиса тема и сюжет поэмы-сказания Кол-Гали "Кыссаи и Йусуф", а также легенды, мифы и предания индоиранского и древнетюркского этнокультурных миров.

Начало массовой миграции кыпчаков в Волго-Окское междуречье относится к концу первой трети XIII в и связано с монгольскими нашествиями. Еще во второй половине XII в между Доном и Волгой сложилась, как полагает С.А.Плетнева, поволжская группа (союз) половцев, в состав которой входили и кыпчаки-токсоба, дурут. На правобережье Волги они первыми столкнулись в 1222 г с монголами, которых оказали ожесточенное сопротивление¹⁰⁴. О дальнейших событиях повествует Лаврентьевская летопись под 1229 г "Саксини и половцы возбегаша из низу к Болгарам перед Татарами"¹⁰⁵. По мере продвижения монголов на запад и покорения ими половецкой степи вслед за поволжскими кыпчаками в Среднем Поволжье стремились укрепиться и другие группы кыпчаков из южнорусских степей. Мне не раз приходилось отмечать на основе этнографических источников приток в Поволжье и в Приуралье в конце XIII—XIV в кыпчакских и кыпчакизированных групп из южнорусских степей, Крыма, бассейна Дона. На археологическом материале это аргументировал Г.А.Федоров-Давыдов, по заключению которого погребения в Поволжье XIII—XIV вв., совершенные в простых могильных ямах, без конского захоронения связаны с переселением в Поволжье из Поросья печенежско-торческих и чернокобучских племени¹⁰⁶, по всей вероятности, кыпчакизированных. Как видно, в XIII в. образуется, видимо, в XIV в. продолжается приток на правобережье Волги с юго-запада кыпчакско-половецких групп, которые, окончательно определив этнический облик нишарей, оказали то или иное влияние на развитие всех тюркских этносов региона.

Принимательно к территории Западной Сибири и Южного Урала в кыпчакскую тематику некоторые новые дополнения внес Д.Г.Савинов¹⁰⁷. Вслед за Б.Е.Куневым Д.Г.Савинов развивает идею этнического родства кимаков и кыпчаков в период их расселения на Иртыше, точнее, в лесостепной полосе Обь-Иртышского междуречья¹⁰⁸. В эпоху расцвета Кимакского каганата в X—начале XI в кыпчаки были западными соседями кимаков и находились в состоянии этнического взаимодействия и,

* Термин "саксини" в литературе трактуется по-разному: "жители города, возникшего, вероятно, на развалинах города Итияля", среди них были половцы, гузы и выходцы из других народов (Плетнева С.А. Половецкая земля. С. 269—297), "поволжские кыпчаки-саксини", в восточной географии слово "Саксини" и "Булгар", "саксини" и "булгары" упоминаются рядом (Факрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. С. 186); "саксини" — полководцы-команды (Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. С. 150).

вероятно смешения с гузами Приаралья и печенегими, вытесненными к этому времени в Приволжские и Южноуральские степи. Возможно, в XV западная периферия кинакских владений достигала Южного Урала. Об этом может свидетельствовать материал Мрясиновского курганного могильника X—XI вв. на правом берегу р. Уфы.¹⁰⁰ Погребальный обряд и керамика из могильника аналогичны обряду и сосудам из кинакских погребений на юге Западной Сибири. Однако судя по датировке, памятник может принадлежать и собственно кыпчакам, так как "окончательное сложение кыпчакского комплекса в Азии", когда их западные границы вплотную приблизились к Южному Уралу, хронологически очерчиваются в пределах конца X—начала XII в.¹¹⁰ Примерно этим же временем датируются кыпчакские памятники и на юге Западной Сибири — Усть-Тартауский могильник в Барабинской степи, Синеглазово в Челябинской области.¹¹¹

Однако кыпчакских памятников X—XI вв. на территории Волго-Уральского междуречья и Зауралья мало. Возможно, с перенесением основной массы кочевников-кыпчаков на запад связано уменьшение кыпчакского населения в восточных областях Евразии. Не отрицая определенной роли кыпчакского компонента в этногенетических процессах в Заволжье и на Южном Урале в XI—XII вв., подчеркнем, что массовое проникновение кыпчакских групп и в этот регион датируется XIII—XIV вв., а наиболее активные передвижения — второй половиной XIV в. При этом историко-этнографические источники показывают, что во второй половине XIII—XIV в. существенное значение в этногенетических процессах и в Волго-Яицком междуречье имели возвратные передвижения кыпчаков и кыпчакизированного населения с запада (из южнорусских степей Причернономья) и юга (Северного Кавказа) на восток и север.¹¹² Археологически это документируется распространением от Зауралья (Федоровское погребение под Челябинском) до Нижнего Прикамья (Бальмерское, Рождественские курганы, Байракагалинский могильник) курганных захоронений XIII—XIV вв. с характерным набором половецких (кыпчакских) элементов погребального обряда и инвентаря.¹¹³

Северные пределы кыпчакского продвижения (погребения Ишкуловское Шах-Тау, Сынташтанакское, Инанлейское, Бальмерское, Рождественское) совпадают с естественной границей Волго-Уральской степи. Однако большая часть кыпчакских памятников концентрируется по бассейну среднего течения р. Урала. Это хорошо иллюстрируется картой (рис. 4), приложенной к новому исследованию о кыпчаках на Южном Урале.¹¹⁴ Обобщив накопленный материал, включая результаты собственных раскопок В. А. Иванов и В. А. Кригер установили, что кыпчакские курганы XII—XIV вв. составляют основную массу выявленных на Южном Урале и в Приуралье средневековых кочевнических памятников. Исследователи, фиксируя "большую однородность кыпчакских памятников XII—XIV вв. по сравнению с памятниками огузо-печенежского времени, выделяют две группы курганов западную, с простыми земляными насыпями (123 кургана или 62,7%) и восточную, с насыпями, сооруженными с применением камня 'с каненной обкладкой поверх земляной насыпи, каненного кольца или оградки на уровне древней поверхности, каненной выкладкой над могилой" (72 кургана, или 37,3%). Тщательный сравнительный анализ признаков погребального обряда обеих групп курганов с памятниками XII—XIV вв. изученными как к западу (в Среднем и Нижнем Поволжье), так и к востоку (в Зауралье и в Южной Сибири) от Южного Урала, дал интересные результаты. Западная группа курганов типологически "образуют единый массив с курганями Заволжья" которые принадлежали половецким и родственными им племенам. В. А. Иванов и В. А. Кригер считают, что "родственные" половцам племена "были кыпчаками или, что более вероятно кинако-кыпчаками,

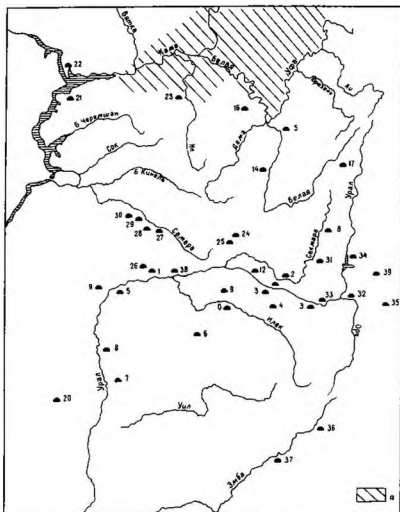

Рис.4. Кыпчаки в Приуралье в XIII—XIV вв. по археологическим данным (составлено В.А.Ивановым)

1 — VII Новочеркасский, 2 — Тлякуловский, 3 — Уральский 4 — Карагачский
5 — Албастроу I, II, 6 — Лебедька VI, VIII, 7 — Мамбетбай 8 — Базар-Тюбе
9 — Увах, 10 — Тамар Уткуль, 11 — Россыйский, 12 — Каменноеозерный
13 — Албайтад, 14 — Шах-Тай 15 — Оклейнинский, 16 — Сынтыштамак
17 — II Ишкулдуский, 18 — Юдыбаевский, 19 — у пос. Зеленый, 20 — Даянгал
21 — Бальмерский, 22 — Рождествовский, 23 — Имантеевский, 24 — III Октябрьский
25 — Имангуловский II, 26 — Белый Ключ, 27 — Старое Елшанка, 28 — Гвардейский
29 — Максимовский, 30 — Большой Шихан, 31 — Ивановский
а — территория распространения памятников чияльского типа в XIII—XIV вв.
дана по Е.П.Казахову (см.: Казахов Е.П. Памятники булгарского времени. С.86
Рис.45)

пришедшими в степи Урало-Поволжья под натиском монголо-татар". В то же время авторы исследования соглашаются с Г.А.Федоровым-Давыдовым в том, что некоторые признаки погребений западной группы курганов в Поволжье (середина и кости ног коня уложенные на ступеньке слева от костяка)

находят объяснение в переселении в золотоордынское время части черных клобуков из Поросья в Поволжье.¹¹⁵ Восточная группа курганов с каменными насыпями по способу погребения (захоронения целой туши коня) связывается исследователями с приходом кыпчаков в степную полосу Южного Урала из Восточного Казахстана.¹¹⁶ Таким образом, археологические материалы подтверждают ранее сформулированные выводы (на основе письменных и этнографических источников), что в XIII – XIV вв. кыпчакский этнический компонент стал определяющим в этнокультурных процессах в Волго-Уральском регионе.¹¹⁷

По письменным историко-этнографическим источникам очевидно, что влияние кыпчакского компонента охватило все многоэтничное в то время население Волжско-Бельского междуречья Южного Урала и Западной Сибири, оказав в конечном итоге наибольшее воздействие на этническое формирование татар и башкир. По имеющимся материалам можно восстановить направления движения кыпчакских родоплеменных групп. Эти движения проходили с юго-запада, из Придонья по правобережью Волги, так и с юго-востока — по Волго-Яицкому междуречью. В Волжско-Бельском междуречье сошлись различные группы кыпчак-половецких кочевников. На определенное время эта территория становится зоной во многом общих в языковом и культурном отношениях процессов этногенеза татарского и башкирского народов. В этой связи приведенные данные по этнонимам казанских татар, опубликованные Г. В. Юсуповым. Они представляют особый интерес, так как достаточно отчетливо соотносятся с археологическими материалами. На основании текстов болгарских эпитафий XIV–XVI вв. Г. В. Юсупов написал о распространенности в Заволжье этнонимов катый, табым, туркмен, ашлы (аш ос, аша, оса), мин, куль. Ссылаясь на данные, извлеченные из татарских генеалогий Г. С. Губайдуллин, а также на анализ гидронимов, Г. В. Юсупов восстанавливает этнонимы периода Казанского ханства барым, аргым, таман, кыпчак, ширин (шаран), тазлар, кыркыл.¹¹⁸ Все эти этнонимы имеют параллели в этнонимии башкир, родоплеменной состав которых изучен достаточно тщательно, и относятся к кыпчакской эпохе этногенеза татарского и башкирского народов, т. е. к XIII–XV вв. Можно таким образом, заключить, что в указанное время этническое формирование башкир и татар шло под воздействием во многом одних и тех же кыпчакских или кыпчакизированных образований.

Археологические материалы свидетельствуют, что Волжско-Сурское междуречье долгое время оставалось за пределами кыпчакского воздействия. Особенно значительные группы болгар мигрировали сюда из-за Заволжья во второй половине XIV в., что было связано с известными политическими событиями в переживавшей кризис Золотой Орде. Передвигавшиеся сюда болгары, сменявшиеся с местным древнеарийским населением, сохранили болгаро-суварский (чувацкий) язык, хотя во многом восприняли культуру финноязычных аборигенов. Присутствие в

* Новейшие исследования вносят в эту традиционную точку зрения уточнения. Современные чуваши сохраняют значительный слой культурных признаков, восходящих к раннеболгарской эпохе. К ним относятся "пережитки былого кочевого быта", которые проявлялись в способах "лучевой, гнездовой формы застройки селений", в планировке чувашской усадьбы, в названиях жилищ (тат. йорт, башк. йорт, чув. сурт) и его частей (башк. хирага — решетчатый остов юрты, чув. кёреке — "почетное место для гостей ... вдоль стены"), в особенностях структуры питания (употребление конины, способы приготовления колбас — тат. тутярма, башк. тутлярма, чув. тутлармаш, шартан, "разнообразие молочных напитков и кушаний сыров"), а также в некоторых праздничных и календарных традициях (Ишанов В. Л. К вопросу о чувашско-татарских этнокультурных параллелях // Болгары и чуваше. Чебоксары, 1981. С. 106–108, 113–114, 117). Одновременно выделяется мощный слой культуры, который является общим для чувашей и татар. Он включает

чувашской языке некоторого числа кыпчакских лексем восходит, вероятно ко времени пребывания их предков в Закамье или же находит объяснение в более поздних чувашско-татарских контактах.

Несколько иная картина складывается в XIV в. в Закамье, в низовьях рек Ик, Белая и на современной территории Северной Башкирии. В связи с событиями середины и второй половины XIV в. большая часть болгарского населения (в том числе и часть средневековых предков чуваш) уходит в Прикамье, которое стало основной этнической территорией формирующегося казанско-татарского народа. Вслед за бежавшим болгарским населением в XIV в. сюда направляется и кыпчакская (кыпчакско-огузская) миграция, которая позже, в XV в., постоянно усиливается новыми пришлыми кыпчакскими или кыпчакизированными группами.

Восточнее территорию по низовьям рек Белая и Ик по крайней мере до второй половины XIV в. занимали этнические группы с культурой типа Чиялыкского селища¹¹⁰. В обряде погребения (слицевые покрытия в захоронениях, нашивание бляшек и накладок на лицевые покрытия) и инвентаре (посуда с веревочно-гребенчатой орнаментацией в детских погребениях и т.д.) Е. П. Казаков обнаруживает параллели в культуре обских угров, в доноватовских могильниках Верхнего Прикамья, в археологических памятниках Западной Сибири, в частности в угорских памятниках бассейна р. Сырлы и лесного Зауралья¹²⁰. Судя по Кушувлевскому могильнику (конец XI — XII в.), расположенному у с. Кушувлево Дюртюлинского района Башкирии, который В. П. Казаков относит к памятникам чиялыкского типа, угорское население, оставившее эти памятники, проживало здесь еще с дононгольского времени и, возможно, в какой-то степени является продолжателем Кушнаренковской культуры¹²¹, хотя, видимо, сильно смешалось и с местным финноязычным населением. В XIII — XIV вв. чиялыкские памятники на левобережье Белой и Камы распространялись до рек Шенга и Череншан, а на правобережье занимали все Каинско-Уфимское междуречье (т.е. весь север современной Башкирии) и, возможно, встречались еще северо-восточнее, вплоть до Зауралья¹²².

Интересно, что на памятниках чиялыкского типа XIII в., расположенных в низовьях Ика и левобережья Белой (с.н. Такталачукское, I Алнетьевское и др.), погребения совершены по мусульманскому обряду, хотя захоронения сопровождаются (в соответствии с языческой традицией) вещевым комплексом, состоящим из сосудов, неталлических накладок на рот, монет и др.¹²³ Эти археологические, а также историко-этнографические материалы свидетельствуют о влиянии мусульманских традиций из Волжской Булгарии, о проникновении в низовья Ика, Белой и, возможно, севернее болгарских групп еще в дононгольское время, когда они были южными соседями чиялыкского населения. В XIV в., особенно во второй его половине, значительная часть древнебашкирского и группы булгарского населения Закамья, спасаясь от разрушительных и истребительских походов Тимура и Тохтамыша, устремились на восток, и прежде всего в бассейн р. Ика, в низовья Белой и вверх по Каме. С этими же событиями связано распространение и утверждение в этих районах

домладельческие предметы и оружие, "ташское дело" типы срубных ваянщ, покрое женских рубаш голозные уборы девушек (тат. тахья, башк. тахья, чув. тухья) и замужники женщин (тат. кашпау, башк. кашпау, чув. кушпу), старинные головные повязки (тат. тастар, башк. тастар, чув. сурпан), празднества (тат. сабантуй, чув. алатуй) и т.д. (Там же С 105—106, 110—114). Как видно, параллели в чувашской и казанско-татарской культурах включают более обширную территорию и в целом ряде показателей так же могут быть распространены на башкир, мишарей, сибирских татар, на заселенную тюркскими этносами всю лесостепную полосу Евразии. Заметим попутно, что специально проведенные исследования по кросскультурным процессам в этом регионе позволили бы избежать крайностей автокτονизма или гипертрофированных представлений об одиозности этнического развития в этом регионе.

ислама. Но даже в XIVв население современной Западной Башкирии еще не оставило древние языческие верования (тенгрианство) и "исповедовало религию синкретической формы (мусульманство и язычество)".¹²⁴

Таким образом, к числу крупных последствий золотоордынского господства надо отнести резкое расширение территории расселения, рост численности и повышение роли в этнокультурных процессах поздних тюркоязычных (кыпчакских) кочевников. И напротив, происходит столь же заметное сужение территории расселения приуральских угров, которые, как это видно на примере чияликских памятников, подвергаются туркизации и мусульманизации.

Тем не менее в XIII—XIVвв на территории Бугульминской возвышенности, в низовьях р Белой этнический состав населения оставался пестрым, многоязычным. В это время процесс консолидации башкирского этноса, нарушенный монгольским нашествием, возобновился с новой силой, локализуясь на территории Приуралья и Южного Урала. По мере продвижения и усиления этнического воздействия кыпчакской миграции многоязычная ситуация в XIV—XVвв начинает постепенно исчезать. Однако башкиры, в этническом составе которых существенными оказались булгарский и угорский компоненты, ассимилировав финское, угорское и угро-самодийское население, испытав нивелирующее воздействие кыпчакских и кыпчакизированных кочевников, несколько изменили направление своего развития в сторону усиления кочевого скотоводства в хозяйстве и степных традиций в культуре. Было бы неверно также недооценивать усиление в эту эпоху аналогичных тенденций и у формирующегося казанско-татарского и мишарского этносов. Хотя тип хозяйственно-экономического развития башкир и татар позднее (в XVII—XVIIIвв) оказался различным, многие черты в поздней культуре казанских татар и мишарей (предпочтение мясо-молочной пищи в рационе, кочевнические традиции в укладке и в функциональном назначении отдельных усадебных построек, жилищ и т. д.) показывают, что казанские татары и мишари в XIV—XVвв пережили под влиянием кыпчаков своеобразную реминисценцию кочевнических традиций в культуре и быте, характерных для булгарского времени.

Таким образом, кыпчакский (или золотоордынский) этап коснулся преимущественно этнического формирования татар и башкир, несколько усилив, как упоминалось, монголоидную примесь в антропологическом типе этих народов по сравнению с финнами,¹²⁵ а также придав новый импульс развитию (в разной степени) кочевнических традиций в культуре обоих народов.¹²⁶

Особенно важно обратить внимание на то, что кыпчакский компонент обусловил общность не только значительных (в том числе духовных) сфер культуры мишарей, татар и башкир, но и параллельное развитие и близость их языков. Стремление вывести казанско-татарский язык (и соответственно этнос) в единственном числе непосредственно из волжско-булгарского языка (и этноса) не учитывало этническую историю и историю языка мишарей и башкир. Во всяком случае эта концепция не в состоянии объяснить природу близости татарского и башкирского языков. И напротив, гипотеза булгарского этнокультурного объединения как основы или важного компонента формирования тюркских этносов Северной Евразии — от Оки до Иртыша — облегчает эту задачу.

В исследованиях языковых процессов до настоящего времени распространены представления об особом пути этногенеза чувашей, об общетюркском характере "булгаро-татарского" языка с эпохи древности. Эти представления послужили основой для постулирования идей, отрицающих значительную роль кыпчакской миграции в этнических процессах в

Среднем Поволжье в XIII - XV вв. Разговорный язык доновопольских болгар, согласно этим идеям, уже в основе был полковоцко-кыпчакским, язык же болгарских эпитафий представлял собой "функциональный язык, употреблявшийся лишь в надписях надгробных плит"; разговорный язык волюжских болгар "не нашел отражения в эпитафиях"¹²⁷.

Еще в 1950-е годы была сформулирована гипотеза о прямой и непосредственной генетической связи казанско-татарского языка с болгарским¹²⁸. Однако, имея в виду отличия современного татарского языка от чувашского, который был все же "родственен волюжско-болгарскому языку"¹²⁹, и подходу к этой проблеме с точки зрения оценки общей этнической ситуации, сложившейся в регионе, трудно представить формирование казанско-татарского языка без поздних кыпчакских включений. В формировании башкирской народности (и соответственно близкородственного татарскому башкирского языка), в составе которой длительное время сохранялись родоплеменные деления, роль кыпчакского компонента в XIII - XV вв. просматривается со всей очевидностью (Этнонимы кыпчакской эпохи - собственно кыпчакской, а также минской, табынской, катаяской родоплеменных групп - составляют более трети в общем списке родоплеменных названий башкир¹³⁰). Уже одно это указывает на общность путей развития татар и башкир на определенных этапах их этногенеза. В то же время культурные и языковые процессы, как упоминалось, вовсе не адекватные; стремление в исследовательских работах непременно привести в жесткое "соответствие" языковые и культурные процессы, показать их "синхронность" и "параллельность" всегда чревато возможностью ошибочных решений. Надо также учитывать, что при интерпретации характера этнического взаимодействия аборигенов и новых мигрантов "в случае победы языка последних...показания лингвистики...не могут служить единственным критерием"¹³¹ для определения результатов процесса. На примере Волюжско-Уральской ИЗО это видно с особенной очевидностью: накапливаемые историко-лингвистические, этнографические, археологические, антропологические и исторические материалы показывают, что этнические процессы в регионе в XIII - XV вв. в условиях кыпчакского и кыпчакизированного напыления представляли собой взаимодействие и сложный синтез двух или более этнообразований, когда утверждение языка этнического суперстрата (кыпчакского) сопровождалось различной степенью языкового и культурного влияния волюжско-болгарского, огузо-печенежского, огузо-кыпчакского субстрата на формирование новых этносов. Это доказываются тем, что языковеды усматривают все больше следов волюжско-болгарского языка в кыпчакских языках и диалектах народов Среднего Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири при очевидном разнообразии их культур.

* Малоизученная тема обобщения источников формирования тюркских этносов лесостепного севера Евразии в настоящей работе не рассматривается. О возможности и вероятности участия волюжско-болгарских групп в формировании западно-сибирских татар см.: Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н. Об этнических связях тюркских народов севера Евразийских степей в эпоху средневековья в новое время // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тез. докл. обл. науч. конф. по этнографии. Омск, 1984. С.6-13. Лингвистами установлено, что в языке андано-сибирских татар обнаруживается "сходная система образования времен" с чувашским языком, с северными диалектами азербайджанского языка, испытывавшими некогда влияние казаского. Это важное наблюдение заставляет авторов цитируемой работы сформулировать для дальнейшего исследования очень сложный и спорный вопрос: "Неоторвались ли предки западно-сибирских татар от общего тюркоязычного массива, представляющего некогда в бассейне Волги такими языками как болгарский, чувашский и казаский?" (Гадляева Н.З., Серебрянников Б.А. Архивная лингвистика и проблема некоторых черт исчезающих языков // Сов. тюркология. 1977. N 3. С.12).

Проблеме болгаро-чувакской или болгаро-татарской языковой преемственности посвящена огромная литература¹³². Однако дискуссия начата более столетия назад, далека от завершения, а в последние 30 лет, в связи с появлением обобщающих работ по эпиграфам Волжской Булгарии, получила новое продолжение. Недавно в эту дискуссию внес дополнительные аргументы Ф.С.Хакинзянов автор интересных и ценных исследований о языке эпиграфий волжских болгар. В новой работе¹³³ Ф.С.Хакинзянов, представив детальный и интересный анализ языковой ситуации на территории бывшей Волжской Булгарии в эпоху бытования эпиграфий (с конца XIII — до 60-х годов XIV в.), делает, однако, выводы под влиянием концепции прямой и непосредственной преемственности казанско-татарского языка от болгарского. По мнению исследователя "р-язык в силу своей специфичности не мог выступать в качестве наддиалектного койне", следовательно, и языком меэтнического общения; он являлся в конкретном периоде историко-экономического развития общества (т.е. видимо в раннебулгарский или, во всяком случае в домонгольский период — Р.К.) территориально маркированной единицей¹³⁴. В золотоордынское время, когда на территории Волжской Булгарии (вслед за среднеазиатскими улусами Золотой Орды) вошли в традицию каменные надгробные сооружения, этот территориально маркированный язык стал, по мнению исследователя, неморальным "ритуальным", функциональным языком эпиграфий. Язык же жителей г. Булгара — столицы Волжской Булгарии, ремесленного и торгового центра — носил ярко выраженный общетюркский характер и в силу "практической потребности", а также исторических обстоятельств еще в XV принимает форму разговорного языка, а к XII в окончательно становится "общенародным койне". В золотоордынское время этот "общетюркский", "булгарский" язык огузо-кыпчакского типа в силу сохранения социолингвистического базиса не претерпел "существенных изменений", т.е. оставался "общенародным койне" и языком меэтнического общения¹³⁵. Историко-лингвистическая часть этого построения подвергнута критике в упомянутой работе М.Р.Федотова¹³⁶. Новая концепция Ф.С.Хакинзянова хотя существенно и смягчает приведенные выше концепции о добулгарской массовой тюркизации Среднего Поволжья и т.д., однако в историческом аспекте не во всем корректна. Высказан несколько общих соображений поданных выше тенденциями этнокультурного развития.

1 Вероятно, правы те исследователи, которые допускают существование в Волжской Булгарии XI—XIV вв. двух разговорных языков: причем О.Притцак оба языка называл "булгарскими"¹³⁷. Первый из них, собственно булгарский (или гунно-булгарский булгарский язык чувашского типа) был г/л языком, он явился развитием в Среднем Поволжье языка (или одного из языков) кубано-азовских великих болгар; второй — был общетюркским языком огузо-кыпчакского строя сформировавшегося в Средней Азии (по О.Притцаку, в областях Сырдарьи и Хорезма) и принятого мусульманской частью населения, главным образом духовенством, социальной верхушкой, видимо жителями столицы — г.Булгар — наиболее активным культурным слоем государства. Развитию второго языка способствовало и то, что в составе многоэтнического населения ранней Волжской Булгарии были племена с общетюркским строем разговорного языка Башкиры, которых в 922 г. где-то на левобережье Волги встретил Ибн-Фадлан, происходили из печенежско-огузской среды восточного или юго-восточного Приаралья¹³⁸. Учитывая сложившуюся в VIII—IX вв. в

Средней Азии этноисторическую ситуацию, можно допустить кыпчакское влияние на печенежско-огузский строй древнебашкирского языка и позднее — на языки болгар и буртасов в Придонуе В Поволжье собственно кыпчакское проникновение начинается с конца XI в и достигает апогея во второй половине XIV в

2 Перерастание того или иного языка в язык межэтнического общения едва ли зависит от его специфичности" (неясный тезис в построении Ф.С.Хакинзянова) В процессе обсуждения и решения этого вопроса необходимо иметь в виду конкретную социально-политическую (в том числе конфессиональную) ситуацию в Волжской Булгарии XI—XIV вв, а также положение этого государства в системе международных связей той эпохи Развитие булгарской государственности в многоэтничной среде Волго-Камско-Уральского региона, роль Волжской Булгарии в посреднической торговле а также ее значение как растущего центра ремесленного производства требовали глубокого проникновения в финно-угорское этническое окружение что осуществлялось прежде всего булгарскими землепроходцами, купцами, возможно, воинами и ремесленниками Этот требующий широкого языкового общения процесс способствовал формированию на основе булгарского (чувашского типа) языка наддиалектного койне, или языка межэтнического общения. История развития булгарской торговой активности, проникновение булгар и булгарских предметов ремесленного производства в земли Поволжья, Прикамья и даже на север аргументированно показаны в историко-археологических исследованиях¹³⁹. Роль булгарско-чувашского языка как языка межэтнического общения в раннебулгарский и особенно среднебулгарский (XI—XII вв) периоды надежно аргументируется многочисленными булгарскими заимствованиями в удмуртском, марийском, мордовском и других финно-угорских языках¹⁴⁰. По заключению Н.И.Егорова, "язык волжско-камских булгар, стоявших на более высоком по сравнению с окружающими народами общественно-экономическом и культурном уровне, оказал мощное влияние" на финно-угорские языки, которое "прослеживается на уровнях фонетики, морфологии и грамматики синтаксиса, лексики и фразеологии."¹⁴¹

В то же время принятие и укрепление мусульманской религии способствовали развитию и расширению функций общетюркского языка огузо-кыпчакского строя Причины этого процесса надо искать не только в собственно конфессиональных изменениях в Волжской Булгарии, в углублявшихся связях с мусульманскими центрами Средней Азии и в напывах оттуда духовенства и деятелей исламской культуры, но и в продвижении границ Дешт-и-Кипчака в пределы Восточной Европы и соответственно в повышении роли кыпчакского (половецкого) языка в межэтническом общении Именно этим очевидно, можно объяснить появление "Codex'a Cumanicus'a" в Европе Для Волжской Булгарии, имеющей торговые и культурные связи с русскими землями, Средней Азией и другими странами, язык огузо-кыпчакского строя стал межэтническим, однако по современной терминологии, на уровне международных (также межэтнических) связей Этот язык, исходящий от политических и торговых представителей Волжской Булгарии, воспринимался как "булгарский и в различных источниках естественно и закономерно квалифицируется как "булгарский язык Все это дает основание предполагать, что в Волго-Уральском регионе XI—XIII вв в определенных слоях населения развивался билингвизм двоякого рода: а)булгаро(чувашского типа)-финно-угорский!(мордовский, марийский, удмуртский и т.д) и б)общетюркско(огузо-кыпчакского строя)-булгарский Исторически подобная ситуация вполне объяснима и она нашла отражение также в структуре культуры населения Волжской Булгарии В этом смысле (и, видимо, только в этом

смысле) Ф. С. Хакизянов прав, утверждая, что "булгарский язык огузо-кыпчакского типа приобрел форму наддиалектного койне"¹⁴². Остается добавить, что гипотетически реконструируемая языковая ситуация сама по себе была фактором, способствующим форнированию Волго-Уральского историко-культурного единства.

З. С. с образованием Золотой Орды Волжская Булгария став одним из уловов этого государства внесла существенный вклад в форнирование золотоордынской культуры. "Не будет преувеличением сказать, — пишет С. А. Плетнева — что волжско-булгарская культура явилась одним из основных компонентов золотоордынской", которая сложилась как "... высокая и в целом единая культура", хотя она оставалась "многостраничной"¹⁴³. Поддерживая этот верный тезис исследователя и отмечая крупный вклад в последние годы казанских ученых в изучение культуры населения Волжской Булгарии, приходится говорить о том, что сохраняющееся в ряде случаев стремление установить прямую и непосредственную преемственность культуры и искусства современных казанских татар и волжских булгар XI—XIII вв. объективно ведет к недооценке золотоордынского этапа в истории Волго-Уральского региона. Было бы более правильным рассматривать эту эпоху как время синтеза культурных явлений и формирования "в целом единой" культуры. К такому заключению подводит и языковая ситуация. Хотя Ф. С. Хакизянов и считает, что в эпитафиях конца XIII—60-х годов XIV в. в Закамье преобладание памятников р-язычных над памятниками з-язычными явля-

* Парадоксально, но указанная точка зрения сложилась под влиянием крупных достижений в изучении волжской булгарской культуры, вследствие чего "археологи поддерживают булгарскую основу происхождения татарского народа, в первую очередь казанских татар" (Факрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. С. 172). Подобный подход неизбежно сопровождается "смиченой" оценкой роли кыпчакского компонента. "В отдельные периоды истории, — пишет Р. Г. Факрутдинов, — в булгаро-татарскую эмию пролилась кыпчак и другие тюркские племена и народности, которые оставили свой след в этногенезе казанских татар" (Там же. С. 185). Автор этой точки зрения не видит противоречия в том, что "кышведы делают шаг в сторону кыпчакской теории" происхождения казанских татар и призывает не "противопоставлять эти две точки зрения" (Там же. С. 172). Однако возникает вопрос: насколько возможна перестройка языка на кыпчакской основе без восприятия тех или иных компонентов культуры, которые данный язык выражает? Преемственность культуры казанских татар (и в разной степени других тюркских народов региона) от волжских булгар отрицать не приходится. На материалах монументальной архитектуры, ремесла, в том числе ювелирного декоративно-прикладного искусства и т. д., это доказали многие исследователи (Суслова С. В. Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX в. С. 88; Валиева Д. К. Искусство волжских булгар. Казань, 1983. С. 108—116; Валиев Ф. Х., Валиева-Сулейманова Г. Ф. Древнее искусство Татарии. Казань, 1987. С. 112—158). В ходе разработки теории прямой и непосредственной преемственности волжско-булгарской и казанско-татарской культур бы выделяет тезис о том, что золотоордынский (в том числе казанский) период в истории Среднего Поволжья был "связующим звеном" в развитии двух культур. Вариантом этой идеи является положение о том, что "преемственность культуры Казанского ханства не является простым продолжением булгарской культуры, а представляет собой новую, более высокую ступень развития" булгарско-татарской культуры (Там же. С. 131). На мой взгляд, указанная концепция, которая особенно энергично складывалась в последние 2—3 десятилетия, исходит из суженого подхода к пониманию культуры, в сущности исключая из него многие структурные компоненты (например, политические, социально-классовые, духовно-идеологические и т. д.), которые в Казанском ханстве, да и во всей ИЭО, были восприняты из золотоордынского-кыпчакского наследия. Невозможно также отодвигать на второй план новый этап распространения в Волго-Уральском регионе в золотоордынский период ислама, укрепление которого в качестве господствующей религии сопровождалось расширением культурных связей со Средней Азией, проникновением оттуда в Среднее Поволжье и Южный Урал богословской и светской литературы, других культурных ценностей. Таковы соображения, заставляющие считать, что XIV — первая половина XVI в. были самостоятельным периодом культурно-исторического развития населения Волго-Уральского региона, периодом консолидации народов региона и их культур, в том числе казанско-татарского народа при сохранении, естественно, преемственности с волжско-булгарской культурой и ее выдающегося значения в исторической судьбе населения региона.

ется формальным, так как остается неизвестным общее количество существовавших памятников¹⁴⁴. Однако при нынешнем состоянии изученности этих источников установленное соотношение (по данным В. Д. Дмитриева, из известных "свыше 200" намогильных плит 90% содержат чувашские слова с ротацизмом¹⁴⁵) является определенным демографическим ориентиром. На наш взгляд, это означает, что после завоевания монголами Волжской Булгарии на территории Заванья по крайней мере до середины XIV в. функционировал разговорный булгарский язык чувашского типа, хотя, если судить по новой политической ситуации, его функции как языка межатнического общения заметно сузились. Однако сужение или расширение функций языка не всегда зависело от демографической ситуации. В условиях золотоордынского господства, когда доминирующая политическая структура приобретает возрастающее влияние на этнокультурные процессы, "обштырковский" язык кыпчакского типа существенно расширяет свои общественные функции, вытесняя булгарский не только в сферах межатнических отношений, духовной культуры, но и разговорного языка. Процесс этот питался постоянной инфильтрацией кыпчакских групп. Надо полагать, что это был период булгаро(чувашско)-кыпчакского (старататарского) билингвизма особенно для той части коренного населения, которая наиболее активно была вовлечена в хозяйственно-общественную жизнь.

4. Со второй половины XIV в. этнополитическая ситуация заметно меняется. В связи с обрисованными выше событиями население Волжской Булгарии покидает Заванье и "массами переселяется на север — за Кану, на запад — за Волгу, на восток — в Приуралье"¹⁴⁶. В литературе высказано мнение о том, что Заванье и прилегающие территории превратились в "дикое поле"¹⁴⁷. Применительно к XV в. это верно, хотя в летнее время эти земли были пастбищами кочевников. В то же время надо иметь в виду трудности археологического выявления грунтовых погребений кочевников, а также трудности различения собственно кыпчакских и золотоордынских памятников. В XIV—XV вв. Заванье и прилегающие лесостепные земли становятся зоной массовых (в том числе упомянутых выше "возвратных") передвижений половецко-кыпчакских и кыпчакизированных родоплеменных групп¹⁴⁸, которые, проникая в Предкамье, на Южный Урал, приняли то или иное участие в завершающих этапах формирования татарского и башкирского этносов и соответственно казанско-татарского и башкирского языков. Казанско-татарский язык на основе "булгарского" языка огузо-кыпчакского строя окончательно сложился в качестве общенародного разговорного языка в рамках феодальной государственности — Казанского ханства — в XV—середине XVI в.¹⁴⁹ В этом свете невозможно считать устаревшим следующее заключение академика А. Н. Саянловича, сделанное им более 60 лет тому назад: "...принадлежность казанско-татарского диалекта в отличие от чувашского языка, к кыпчакской группе свидетельствует о проникновении в Среднее Поволжье некогда с юга значительных масс кыпчакоязычного населения, появившегося в северокавказских степях в XI в., которое оказало известное влияние на языческие предков нынешних чувашей и которое растворило в себе, окупчачило" этнические булгаров-нусульман, дав Среднему Поволжью после XIII в. новую народность казанских татар, унаследовавших в известных пределах нусульманско-булгарскую культуру и национальное

* В дискуссии о путях развития этногенеза чувашей и татар в понятие "булгарский язык" разные исследователи вкладывают различное содержание, имея в виду булгаро-чувашскую или булгаро-татарскую линию развития. Очевидно, для ясности, особенно в научно-популярных изданиях, целесообразно избегать этой терминологической двойственности.

иния булгаров¹⁵⁰ Добавим, что одновременно это был также новый этап интеграции нисарского и казанско-татарского языков и культур взаимосвязанного с ними развития башкирского языка в сложении которого как указывалось, различную роль сыграли огузо-печенежский язык, возникший, вероятно, на основе иранского субстрата, булгарский язык огузо-кыпчакского строя и кыпчакский язык более поздних мигрантов

Финно-угорско-тюркское культурное взаимодействие (XIV — первая половина XVI в.)

Центром развития булгаро-золотоордынского синтеза культуры оставалось Казанское ханство. В то же время золотоордынская эпоха, включая и периоды господства Казанского Сибирского ханств, Ногайской Орды, обусловила особенности культурного развития во всем регионе. В XIV — первой половине XVI в. в культуре населения региона, как упоминалось, усиливаются степные, кочевнические традиции, проявлявшиеся во многих сферах культуры. Некоторые элементы этой культуры (степные приемы охоты, покрыв верхней одежды, если он не восходил к булгарским прототипам и т.д.) распространились практически по всей ИЗО. Диахроническая трансляция культуры от воляско-булгарского мира не была нарушена и преемственность в восприятии предшествующего опыта культуры во всех районах ИЗО, особенно в центральных, на территории формирования казанских татар, была достаточно стабильной. Но в XIV — XVI вв., в связи со вторжением в Волго-Уральский регион значительного количества нового населения весьма существенным оказывается фактор пространственного распространения кыпчакских элементов культуры. В результате в XIV — XVI вв. без того сложная иерархическая структура Волго-Уральской ИЗО еще более усложняется. В целом можно зафиксировать сохранение трех крупных хозяйственно-культурных подобластей в регионе — кочевнической с юго-востока с обычными для кочевников посевными ячменя или проса, Среднего Поволжья с культурой пашенного зернового земледелия, лесного севера с земледельческо-скотоводческими комплексными хозяйствами, но со значительным удельным весом лесных занятий — охоты, бортничества и т.д. Однако, если иметь в виду в целом ИЗО то в отличие от начальных периодов формирования региона тенденция к распространению единого типа хозяйства — пашенного земледелия с определенным комплексом культуры, нарушенная в результате монгольского завоевания, постепенно восстанавливается и охватывает обширную территорию. Но в XIV — XVI вв. этот процесс наиболее глубоко развивается на левобережных и правобережных районах Среднего Поволжья достигая низовьев р. Белой.

Таким образом, в XIV — XVI вв. ситуация бикультурализма в регионе не только сохраняется, но и усложняется. Так, более сильными дифференцирующими факторами становятся конфессиональные процессы среди татар и башкир утверждается и пускает глубокие корни к концу эпохи ислам; в финно-угорском мире и у чувашей сохраняется язычество, хотя в западных пределах области усиливается распространение христианства, рождая своеобразное явление религиозного христианско-языческого синкретизма. Впрочем, среди татар, и особенно башкир также были еще сильны доисламские верования и обряды.

Основным направлением развития в XIV — XV вв. остается взаимодействие финно-угорского и тюркского населения региона. Наплыв новых групп тюркских кочевников, политическая активность Золотой Орды,

позднее — Казанского ханства, Ногайской Орды влияют на интенсивность этнокультурных и ассимиляционных процессов, а в конечном итоге и на этнические процессы. Туркский компонент в регионе не только продолжает складываться на финно-угорском субстрате и впитывать (в различных масштабах) периферийные финно-угорские и угро-самодийские группы, но и оказывает культурное воздействие на этноэволюционные процессы в финно-угорском мире. Культурные взаимодействия в условиях указанных хозяйственных различий в регионе, которые, кстати, в процессе динамичного соотношения сохранялись на протяжении всего периода XIV—XV вв. сложившиеся политические, конфессиональные и другие факторы имели следствием образование более четкой культурной границы между казанскими татарами, мишарями и башкирами, с одной стороны, мари, мордовью удмуртами, а также чувашами — с другой.

Этнодифференцирующие культурные признаки описаны в историко-этнографической литературе¹⁵¹. В то же время о характере, глубине культурного взаимодействия в XIV—XV вв. мы можем судить лишь ретроспективно, на основе достоверных этнографических материалов более позднего времени. Связано это со слабой археологической изученностью территории ИЗО в XV—первой половине XVI в. Археологические исследования памятников позднего средневековья крайне необходимы, так как в эту эпоху завершался процесс консолидации современных народов Урало-Поволжья. Консолидационный процесс сопровождался исчезновением или заметным сокращением ситуаций полиэтничности и многоязычности. Вероятно, в это время исчезло угорское и самодийское население в ИЗО, ассимилировавшись в составе туркского и финского населения. Булгарские традиции продолжали сохраняться, проявляясь в той или иной степени непосредственно в культуре, языке этносов или же в этнонимии и топонимии отдельных этнических групп и территорий. С другой стороны, в XV—первой половине XVI в. расширялась территория распространения общеареальных явлений культуры, в первую очередь тех или иных особенностей хозяйства и занятий, элементов костюма, жилищ построек, декоративно-прикладного искусства и т. д. В ходе продвижения туркского населения к северу, в таежно-лесные области, процессы турко-финно-угорского хозяйственно-культурного взаимодействия активизируются. Множество воспринятых турками культурных комплексов явились результатом адаптивных изменений культуры в условиях новой для них природно-географической среды. Складываются обширные территории, разноязычное население которых характеризовалось общностью многих компонентов культуры. Н. Попов, например, описывает орудия и приемы охоты, рыболовства населения Пермской губернии в XVIII в., не выделяя специфику этих форм культуры и деятельности у разных народов¹⁵². Они в Пермской губернии были общими для башкир, татар, марийцев, а также проживавших здесь в XVIII в. вогулов (манси). Основными очагами развития этих промыслов были Ветлужско-Вятское и Вятско-Канское междуречья. Однако таежные лесные занятия (и соответствующие типы орудий, снарядов) составляли заметную часть в хозяйстве туркского населения и в более южных районах — от Оки до Урала, и граница их распространения совпадала с границей лесов и лесостепей. Можно выделить пять культурных комплексов, в разной степени характерных для всех финно-угорских и туркских народов региона и сформировавшихся в качестве общеареальных признаков культуры в результате финно-угорско-туркского взаимодействия с момента соприкосновения этих народов, но особенно активно в XIV—XVI вв. Это а) инвентарь, способы и приемы таежно-лесной охоты (лук, разные типы стрел, в том числе на пушных зверей, самострелы, капканы), б) инвентарь, способы

и приемы рыболовства (слодки, остроги, плетеные морды, загородки из камыша), в) инвентарь и приемы бортничества (орудия разного типа для долбления бортей, колод, приспособления и приемы бортового пчеловодства.), г) орудия и приемы обработки дерева, резьбы по дереву (различного типа топоры, ножи, стамески, изделия резьбы по дереву — ковши, деревянная посуда). д) женские головные уборы, налобные повязки, нагрудники, украшенные кораллами, бисером, монетами. Все комплексы сложились в результате сложного синтеза местных и привнесенных компонентов культуры. В то же время распространение таежной охоты, заповного рыболовства, бортничества на обширной территории за пределами ИЗО указывает на преобладание в соответствующих комплексах местных финно-угорских традиций. Истоки таких атрибутов женской одежды, как каркасные головные уборы, налобные повязки, нагрудные украшения, археологи обычно ищут в ананьинской или в сарматской среде, хотя и в данном случае мы также, видимо, имеем дело со сложным синтезом, имевшим место в более отдаленную эпоху. Очевидно, сравнительно-исторические исследования каждого из комплексов в масштабах всего Волго-Уральского региона позволят, особенно с накоплением археологического материала, достоверно установить истоки и становление каждого из комплексов и их роль в культуре народов ИЗО. На нынешнем уровне изученности важно подчеркнуть, что указанные комплексы образуют общий слой культуры финно-угорских и тюркских народов региона и отражают общность в этногенетических процессах, субстратную роль местных финно-угорских культурных традиций в формировании этнических культур.

Наряду с распространением на весь регион общих (и ареалообразующих) культурных явлений (кроме указанных систем земледелия, типов пахотных орудий, типов жилищ и т.д.) появляются переходные зоны с сильно смешанной культурой, продолжают формироваться этнографические группы в составе различных этносов с бикультуральными (финно-угорско-тюркскими или тюрко-финно-угорскими) признаками (бесеряне, мордва-каратаи и др.). Эти явления сами по себе выступают ареалообразующими факторами. Определенная дифференциация развивается и в среде тюркских этносов. По мере укрепления ислама и распространения письменности в культуру татар и башкир проникали среднеазиатские традиции, а среди чувашей — язычников и христиан — доминирующим становился субстратный слой финно-угорской культуры. В результате чуваша оказались наиболее бикультуральным этносом: сохраняя архаичный тюркский язык и определенный слой культурных признаков, унаследованных от булгарского времени, они в то же время развивали культуру, во многих отношениях близкую к культуре финно-угорского мира.

Все это означает, что неустойчивое асимметричное соотношение культурных и языковых границ в регионе, которое все же фиксировалось в предшествующую эпоху (в пределах тюрко-булгарской и финно-угорской этнокультурных языковых зон), в XIV—XV вв. нарушилось. В соответствии с особенностями этногенетического процесса (высокий удельный вес финно-угорского субстрата в этническом становлении разных тюркских народов, конфессиональные и другие факторы культурные границы, автономизировавшись от языковых границ, в дальнейшем в большей степени отражали основные направления хозяйственного и исторического развития края). Культурная характеристика чувашей, этнографических групп удмуртов, мордвы, мишарей и других этнических и этнографических общностей еще более усложняет картину соотношения культурных и языковых границ, заставляя сделать общий вывод о том, что в пределах историко-этнографической области, если исходить из основной ее

дефиниции как общности, сложившейся в результате исторического взаимодействия этносов, культурные и языковые границы не совпадают, хотя в историко-генетическом плане между ними устанавливаются сложные коррелятивные связи. Однако эти связи поддаются достоверному изучению применительно лишь к более поздним (XVIII—XIX вв.) периодам.

В рассматриваемый период процесс формирования общерегиональных черт захватил и сферу языка. Исследователи отмечают распространение по всей региону ряда фонетических и грамматических черт, которые иногда охватывали более локально два или три языка, принадлежавших к разным языковым семьям. В целях отражения этих взаимосвязей и более позднего состояния волго-уральских языков академиком Б. А. Серебренниковым была предложена квалификация их совокупности в качестве языкового союза¹⁵³. На материале в основном пяти языков — башкирского, нарийского, татарского, удмуртского и чувашского — автор установил две фонетические (редукция и оглушение гласных) и до десятка грамматических черт, имеющих "тотальное" распространение в сфере морфологии и синтаксиса. Принимая данное положение как один из ареалообразующих факторов для ИЗО, отметим, что идею Волго-Канского, или, точнее, Волго-Уральского языкового союза инеется возможность дополнить фактологическим материалом, отражающим жизненно важные понятия и потому не могущим быть заимствованным, — наименования частей тела и связанных с ними действий: тюрк кулак 'ухо' и урал куул 'слышать', термины родства: зап.-кыпчак. киле и урал. кәлә 'свояченица, невестка', номинации стихий: алтайск буран и урал пурк 'метель'; пространственные обозначения: башк бил 'поясница' и урал пәлә 'половина' и др.¹⁵⁴

О правомерности выделения 'среднеповолжского языкового союза и в аспекте лексики', — пишет Р. Г. Ахметзянов, который тщательно проанализировал состав и количество общих терминов морфологии и обрядов у татар, башкир чувашей, мордвы, нарий и удмуртов¹⁵⁵. В то же время гипотеза Б. А. Серебренникова пока не получила развития. 'Поволжско-канско-уральский ареал' контактов тюркских языков с финно-угорскими языками, несмотря на то что он относится к числу регионов, "вызывающих наибольший интерес у исследователей", изучен слабо¹⁵⁶.

О формировании этнических территорий в регионе

В XIV—первой половине XVI в. в основном завершилось формирование современных очертаний этнических территорий всех волго-уральских народов в том числе тюркских. Это был период перенесения на правобережье чувашей, расширения к северу этнической территории татар и башкир. Башкиры заселили весь бассейн р. Белой, включая левобережье Средней Каны и Южный Урал. Происходят изменения в этнической территории мордвы и нарийцев под натиском продвигающихся на север и северо-запад чувашей и татар ишарей¹⁵⁷. Заметные изменения происходят в XIV—XVI вв. в расселении удмуртов. В ходе продвижения нарийцев на север и русских на восток удмурты с Вятки стали отходить в глубинные районы края¹⁵⁸. Видно, отходя на север или частью ассимилируются в составе формирующегося татарского этноса "арские удмурты", которые издавна населяли территорию северо-восточной части Казанского ханства. Еще в середине XVI в. вятки густо сидели в этих местах", в Арске имели даже крепость¹⁵⁹. В связи с падением Казанского ханства удмурты отступили к северу от Арска, частью бежали за Кану, 'в башкирские земли', частью появились на пернских землях или ушли к северу, на реки Калнез, Выл Чепец и др.¹⁶⁰ Изменения в этнических территориях финно-угорских

этносов были вызваны также образованием Казанского ханства, расширявшим свою территориальную экспансию на запад, и усилившейся русской колонизацией приокских и северных земель¹. Эти процессы явились важной предпосылкой крупных миграций поволжских народов в следующую эпоху, которые привели в XVII—XIX вв. к формированию в территориальных рамках ИЗО новой структуры этнического состава населения региона, который подробно рассмотрен в главе V.

В XV—первой половине XVI в. в Среднем Поволжье и Приуралье формируются современные татарские и финно-угорские народности феодальной эпохи. Уровень консолидации народностей региона был различным. Формирование татарской и башкирской народностей было ускорено ростом численности населения (булгарского и пришлого кыпчакского). Социально-классовая структура казанско-татарской и башкирской народностей была более четко обозначенной, чем у других народов региона. В консолидации татарского народа важным фактором было образование феодального Казанского ханства. Чувашская, удмуртская, марийская, мордовские народности характеризовались сложным сочетанием раннеклассовых отношений, территориальных связей с родоплеменными или семейно-патронимическими. Плененные или локально-территориальные группы, диалекты и говоры ослабляли интенсивность консолидации народностей. В то же время в сложной политической обстановке середины XVI в. развернувшаяся борьба против зависимости от ногайских, казанских или сибирских феодалов способствовала росту общенародного самосознания. Падение в 1552 г. Казани создало новую обстановку для развития этих процессов.

¹ Смирнов А.П. Волжские булгары. М., 1951. С. 47—48. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 60—61.

² Смирнов А.П. Волжские булгары. С. 30—31; История Татарской АССР: (С древнейших времен до наших дней). Казань, 1968. С. 39; История Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. С. 31. Т. I: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции; Архипов Г.А. Земледелие и животноводство древних марийцев // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1978. С. 19.

³ Геннинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние булгары на Волге: (Большое-Тарханский могильник). М., 1964. С. 159; Степанов П.Д. К вопросу о земледелии древней мордвы // СЭ. 1950. N 3. Часть населения, относящаяся к более поздним волнам булгарской миграции, была знакома с навыками полуседлого земледельческого хозяйства и такими орудиями еще до переселения в Среднее Поволжье. См.: Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиск исторически закономерностей. М., 1982. С. 52—55, 110—111.

⁴ Факрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. С. 26—49.

⁵ Геннинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние булгары на Волге. С. 142; Халиков А.Х. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 92; Казиков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Там же. С. 154—155; Плетнева С.А. Кочевники средневековья. С. 111.

⁶ Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971; Мажитов Н.А. Происхождение башкир: Историко-археологический анализ // АЭБ. Уфа, 1971. Т. 4. С. 13—14 и др.

⁷ Мажитов Н.А. Тайны древнего Урала. Уфа, 1973. С. 64—65; Он же. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977. С. 173—175.

⁸ Халиков А.Х. Истоки формирования... С. 13; Зайнвеев М.З. Татар калкы теленд барлыкка килде. Казань, 1977. С. 74—78; Старостин П.Н. Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 53; Геннинг В.Ф. Азелинская культура // Вопросы археологии Урала. Свердловск; Ижевск, 1963. Вып. 5. С. 17; Он же. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры // АЭБ. Уфа, 1964. Т. 2. С. 124—129.

⁹ Халиков А.Х. Проблемы этногенеза пермских финнов // VI МКФУ. Казань, 1985. С. 4.

¹⁰ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. Мухамедов Ш.Ф. Изучение в СССР этнокультурных связей тюркоязычных и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. // *Altaica Memories of the Societe Finno-Ougrienne* Helsinki, 1977. N 158. С. 183.

- ¹¹ Чеснов Я.В. Об этнической специфике хозяйствения хуштурных типов // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М., 1982. С.109–123.
- ¹² Аргументацию см.: Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья эпоху средневековья (X–XIV вв.). Уфа, 1983. С.7–12.
- ¹³ Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. // *Проблемы археологии и древней истории угров*. М., 1972. С.274
- Казиков Е.П. Об этнической принадлежности памятников кушнаренковского типа // *Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий*. Омск, 1979. С.89–90, 92; Халиков Е.А. Раннеижевские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // *СА*. 1976. № 3.
- ¹⁴ Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья: Материалы к этногенезу. Чебоксары, 1960. С.220–221; Шмидт С.Н. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства // *АЭБ*. Уфа, 1971. Т.4. С.175; Она же. Сибирские тазовые черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // *Этнография Башкирии*. Уфа, 1976. С.90–94.
- ¹⁵ Иванов В.А. О западных пределах расселения древних тюрков (в связи с проблемой тюркизации Южного Урала) // *Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий*. Омск, 1984. С.148; см. также Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Основные этапы этнической истории... С.8–10.
- ¹⁶ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.156
- ¹⁷ Иванов В.А. О западных пределах... С.149.
- ¹⁸ Баскаков Н.А. Тюркские языки: (Общие сведения и типологическая характеристика) // *Языки народов СССР*. М. 1966. Т.2: Тюркские языки. С.14–15; Он же. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981. С.16–28.
- ¹⁹ Баскаков Н.А. Алтайская семья языков... С.16–18; *Языки народов СССР*. Т.2: Тюркские языки С.13–16
- ²⁰ Баскаков Н.А. Алтайская семья языков... С.18–21
- ²¹ Рона-Таш А. Проблемы периодизации и источники истории чувашского языка // *Проблемы исторической лексикологии чувашского языка*. Чебоксары, 1980. Вып. № 97. С.3–13.
- ²² Халиков А.Х. Возможно ли археологическое обоснование выделения алтайской языковой общности? // *Этническая история тюркоязычных народов Сибири*... С.63–64.
- ²³ Артамонов М.И. История хазар. М.; Л., 1962.
- ²⁴ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С.450–452.
- ²⁵ См.: Сальников К.В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии // *АЭБ*. Уфа, 1964. Т.2. С.13–14.
- ²⁶ Маджитов Н.А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // *АЭБ*. Уфа, 1964. Т.1. С.106–110. Он же. *Курганы Урала*. М., 1981. С.130.
- ²⁷ Маджитов Н.А. Происхождение башкир. С.14–15.
- ²⁸ Могильников В.А. Кочевники юга Западной Сибири и Казахстана в раннем средневековье и их западные связи // *Этническая история народов Урала и Поволжья*. Уфа, 1976. С.15–18; Казиков Е.П. Об этнической принадлежности памятников кушнаренковского типа. С.89–90, 92.
- ²⁹ Халиков А.Х. Истоки формирования... С.5–13; Маджитов Н.А. Происхождение башкир С.12–13
- ³⁰ Закиев М.З. Татар калмы... С.144–150, 163–176.
- ³¹ Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую этнографию. М.; Л., 1960. С.88; Закиев М.З. Об истоках языковых основных компонентов казанских татар: (К этногенезу тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья) // *Вопросы татарского языкознания*. Казань, 1978. С.34.
- ³² См.: Каковский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965 С.329–338.
- ³³ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.416–421, 458
- ³⁴ Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. С.132.
- ³⁵ Тараханов И.В. Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // *Материалы по этногенезу удмуртов*. Ижевск, 1982. С.145–146.
- ³⁶ Казиков Е.П. О некоторых вопросах истории ранней Волжской Болгарии С.125–128
- ³⁷ Там же С.126
- ³⁸ Там же
- ³⁹ Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Основные этапы этнической истории С.8
- ⁴⁰ Там же С.9–10
- ⁴¹ Ахимова М.С. Антропологические материалы из могильника Мадлянь Шай // *Вопросы археологии Урала*. Свердловск, 1962. Вып.3. Она же. Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. С.184–185; Юсупов Р.М. Антропологическая характеристика средневекового населения Южного Урала по материалам Бекешевских курганов // *Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа*. Уфа, 1982. С.145–151; Юсупов Р.М. *Краниология башкир*. Л., 1989. С.144.
- ⁴² Казиков Е.П. О некоторых вопросах истории... С.127
- ⁴³ Казиков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии М. 1978. С.28

- ⁴⁴ Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Основные этапы этнической истории... С.10.
- ⁴⁵ Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в X-XVI века и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чуваш. Чебоксары, 1984. С.7
- ⁴⁶ Казаков Е.П. О некоторых вопросах истории... С.127
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С.128
- ⁵⁰ Там же
- ⁵¹ Там же
- ⁵² Бартольд В.В. Болгары // Соч. М., 1968. Т.5. С.514-514
- ⁵³ Плитнева С.А. Печенег, тюрки и половец в южнорусских степях // МИА. М. 1958 N 62 С.164 Кузеев Р.Г. Ижеков В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе... С.8-9. Картограмма 3
- ⁵⁴ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. С.133-135; Кузеев Р.Г. Иванов В.А. Основные этапы этнической истории... С.14.
- ⁵⁵ Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 С.218
- ⁵⁶ Плитнева С.А. Кочевники средневековья. С.124.
- ⁵⁷ Халикова Е.А. Потребительский обряд Танкеевского могильника. С.92 Геннинг В.Ф. Южное Приуралье в III-VII вв. н.э. С.274-276.
- ⁵⁸ Кузеев Р.Г. Опыт исторической стратификации родо-племенной этнонимии башкир // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. С.13-15; Геннинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение. (По археологическим материалам I тысячелетия н.э.) // АЭБ. Уфа, 1971. Т.4. С.53-54. Он же. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Востр. археология Урала, 1967. Вып.7. С.62.
- ⁵⁹ Геннинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. С.159; Халиков А.Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимодействия по данным археологии // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С.152-155; Каховский В.Ф. Смирнов А.П. О взаимосвязи булгарских и суварских племен с местным населением Среднего Поволжья // Городище Хулиш. Чебоксары, 1972. С.77-114; Казаков Е.П. О некоторых вопросах истории ранней Волжской Болгарии. С.126.
- ⁶⁰ Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX-начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1981. С.50-52.
- ⁶¹ Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. Гл. VII
- ⁶² Сеппев Г.А. Влияние костюма тюркских народов на костюм восточных марийцев // История, археология, этнография мари. Йошкар-Ола, 1967. С.194-209.
- ⁶³ Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья... С.91-93, 180-205 и др.
- ⁶⁴ Культура Булгара. Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. М., 1985; Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988
- ⁶⁵ Смирнов А.П. Волжские булгары. С.79-82; Сусленов С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX начала XX в. М., 1980. С.88-90; Валеева Д.К. Искусство волжских булгар: Историко-этнографическое исследование. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1983.
- ⁶⁶ Халиков А.Х. Сфероконические сосуды // Посуда Булгара. Казань, 1986. С.83 Валеев Ф.Х. Валеева Сулейма новог. Ф. Древнее искусство Татарии. Казань, 1987. С.59-60.
- ⁶⁷ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С.236.
- ⁶⁸ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.400-424. Немет Ю.Ф. Венгерские племенные образования у башкир // АЭБ. Уфа, 1971. Т.4. С.249-262.
- ⁶⁹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. С.242.
- ⁷⁰ Очерки истории Марийской АССР: (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965. С.52; Владыкин В.Е. Удмурты // В.И. 1969. N11. С.216; Очерки истории Мордовской АССР Саранск, 1955. Т.1. С.25; Смирнов А.П. Волжские булгары. С.54-56, 61 и др.
- ⁷¹ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волго-Камской Булгарии. С.35-37 67 Казаков Е.П. Памятники болгарского времени... С.31-33.
- ⁷² Бартольд В.В. Болгары. С.517
- ⁷³ Там же
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Очерки истории Мордовской АССР. Т.1. С.38 Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М. 1978. С.108; Владыкин В.Е. Удмурты. С.216.
- ⁷⁶ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волго-Камской Булгарии. С.26-49 Казаков Е.П. Памятники болгарского времени... С.97-98.
- ⁷⁷ Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. С.370; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М. 1967. С.13-14; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.473.
- ⁷⁸ Воробьев Н.И. Чувашы // Народы мира: Народы Европейской части СССР. М. 1964 II С.597 и др.

- ⁷⁹ Закиев М.З. Об истоках языка основных компонентов казакских татар // Вопросы татарского языковедения. Казань, 1978. С.11.
- ⁸⁰ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С.63, 97—105. Авторы "Истории Казань" относят основание города к 1177 г. Однако "на рубеже XIII—XIV вв. "город", лишенный укрепления, очевидно, большей части населения... приходит в упадок, котя здесь и продолжала теплится жизнь "В начале последней трети XIV в. Казань как крепость на Волге восстанавливается" (История Казани. Казань, 1988. Кн.1. С.14, 21—22).
- ⁸¹ Мухамедова Р.Г. Татары-мишары: Историко-этнографическое исследование. М., 1972. С.14 Кузев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.413—425.
- ⁸² Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. С.235—236.
- ⁸³ Кузев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.234 281 473 520 карта 9
- ⁸⁴ Там же. С.168—176.
- ⁸⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966; Он же. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; Кумехов Б.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972; Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975; см. новейшие обзоры восточных источников и обширной литературы по кыпчакам: Кумехов Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII—XIV вв.: Научно-аналитический обзор. Алма-Ата, 1987; Акижанов С.М. Кыпчаки в X—XIII вв.: Исторический обзор // Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным. Алма-Ата, 1988.
- ⁸⁶ Новейший обзор изложил и авторские разработки см.: Мухамедова Р.Г. К проблеме этногенеза татар-мишарей // Tatarica. Studia in Honorem Ymar Daher // Helsinki, 1987. С.242—251; Закиев М.З. О мишарях и мадырах // Там же. С.280—287; Халиков А.Х. Исторические корни общности татар-мишарей и казанских татар // Там же. С.334—350
- ⁸⁷ Халиков А.Х. Исторические корни общности... С.341—345.
- ⁸⁸ Там же. С.345.
- ⁸⁹ Мухамедова Р.Г. К проблеме этногенеза татар-мишарей. С.251
- ⁹⁰ Захедер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X в. М. 1962 С.230
- ⁹¹ Закиев М.З. О мишарях и мадырах. С.280—281.
- ⁹² Кумехов Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII—XIV вв. С.19
- ⁹³ Афанасьев Г.Е. Исчезнувшие народы: Буртасы // Природа. 1985. N 2. С.85.
- ⁹⁴ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. 1884 Т.1 С.184
- ⁹⁵ Захедер Б.Н. Каспийский свод сведений... С.230—231.
- ⁹⁶ Халиков А.Х. Исторические корни общности... С.341—342.
- ⁹⁷ Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов. М. 1978 С.262
- ⁹⁸ Халиков А.Х. Исторические корни общности... С.341—342.
- ⁹⁹ Плетнева С.А. Половецкая земля. С.268—269 Рис.2: С.271 279
- ¹⁰⁰ Там же. С.271.
- ¹⁰¹ Там же. С.284—285. Рис.5
- ¹⁰² Там же. С.295; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. 1966. С.146, 149, 154.
- ¹⁰³ Плетнева С.А. Половецкая земля. С.278 Рис.4 С.294
- ¹⁰⁴ Там же. С.296. Рис.7: С.299.
- ¹⁰⁵ Полное собрание русских летописей. СПб., 1841. Т.1. Стб.153.
- ¹⁰⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы... С.152—153
- ¹⁰⁷ Салинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.
- ¹⁰⁸ Там же. С.59—60; также см.: Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М. 1972 С.157 Рис.8
- ¹⁰⁹ Маматов Н.А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. С.147—155.
- ¹¹⁰ Салинов Д.Г. Об основных этнах... С.63—64.
- ¹¹¹ Там же. С.61, 70.
- ¹¹² Кузев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.177—186.
- ¹¹³ Кузев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе. С.12.
- ¹¹⁴ Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. М., 1988 С.43
- ¹¹⁵ Там же. С.4, 7, 43, 66—67
- ¹¹⁶ Там же. С.67.
- ¹¹⁷ Там же. С.56, 59.
- ¹¹⁸ Юсупов Г.В. Булгаро-татарские эпитафии и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань. 1971. С.222—223 226—227.
- ¹¹⁹ Казаков Е.П. Памятники болгарского зренения. С.86.
- ¹²⁰ Там же. С.84—85

- ¹²¹ Там же С.83, 86–87.
- ¹²² Там же. С.87–88; Е.П.Казиков счелось считать памятники типа Мрксимовского курганного могильника продолжением кушнаренковской культурной традиции.
- ¹²³ Там же. С.70–71
- ¹²⁴ Там же. С.71.
- ¹²⁵ Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных хронологии // Археология и этнография Татарии. Казань, 1971. Вып.1. С.246, 250, 252, 254–255
- ¹²⁶ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978 С.169 Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар Казань, 1930. С.427–428.
- ¹²⁷ Хакимзянов Ф.С. Язык эпиграфий волжских булгар. М., 1978. С.12, 99.
- ¹²⁸ Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М., Л., 1960. С.163
- ¹²⁹ Хакимзянов Ф.С. Язык эпиграфий... С.98.
- ¹³⁰ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.463–471
- ¹³¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. С.282.
- ¹³² См.: Федотов М.Р. О болгарском и чувашском языках // Болгары и чуваша. С.76–89.
- ¹³³ Хакимзянов Ф.С. О языке межэтнического общения в Волжской Булгарии // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья С.76–89
- ¹³⁴ Там же. С.78.
- ¹³⁵ Там же. С.79–80, 82.
- ¹³⁶ Федотов М.Р. О болгарском и чувашском языках. С.87
- ¹³⁷ Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Spracheder Protobulgaren Wiesbaden, 1955. S.9
- ¹³⁸ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.138–144.
- ¹³⁹ Халиков А.Х. Происхождение татар. С.61–62; Смирнов А.П. Волжские булгары. С.42–44.
- ¹⁴⁰ Рона-Таш А. Общее наследие или заимствование? // Вопр. языкознания, 1974, №2. С.31–42; Тараханов И.В. Исторические связи удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов. С.151–153.
- ¹⁴¹ Бугров Н.И. Болгаро-чувашско-лытчацкие этноязыковые взаимоотношения в XIII–XVI веках // Болгары и чуваша. С.92.
- ¹⁴² Хакимзянов Ф.С. О языке межэтнического общения... С.82
- ¹⁴³ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. С.139–140.
- ¹⁴⁴ Хакимзянов Ф.С. О языке межэтнического общения... С.77.
- ¹⁴⁵ Дмитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей... С.47.
- ¹⁴⁶ Халиков А.Х. О происхождении, этимологии и распространении имени "татары" в Среднем Поволжье и Приуралье // К вопросу этнической истории татарского народа Казань, 1985. С.24
- ¹⁴⁷ Дмитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей. С.36
- ¹⁴⁸ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.463–471.
- ¹⁴⁹ Бурганова Н.Б. О формировании татарских городов Закамья // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С.12.
- ¹⁵⁰ Самойлович А.Н. К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае // Новый Восток М., 1927. Кн.18. С.217.
- ¹⁵¹ Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М., Л., 1955, Хозяйство и культура башкир в XIX–начале XX в. М., 1979; Белшпер В.Н. Народная одежда мордвы // Тр. Мордов. этнограф. экспедиции. М., 1973. Вып.3
- ¹⁵² Сопеев Г.А. Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры; (Середина XIX–начало XX века) Йошкар-Ола, 1975; Татары Среднего Поволжья и Приуралья; Чуваша: Этнографическое исследование Чебоксары, 1956. Ч.1: Материальная культура; Чебоксары, 1970. Ч.2: Духовная культура; Этногенез мордовского народа Материалы научн. сес. 8–10 декабря 1964 г. Саранск, 1965; Мордва: Историко-этнографические очерки; Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982
- ¹⁵³ Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1813. Ч.2. С.240–243, 249–252.
- ¹⁵⁴ Серебряников Б.А. О некоторых отличительных признаках Волго-Камского языкового союза // Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972. С.7–17.
- ¹⁵⁵ См.: Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М. Основные этапы формирования Волга-Уральской историко-этнографической области. // УМКФУ: Докл. сов. делегации. Уфа, 1980. С.8–10
- ¹⁵⁶ Акиметдинов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. С.129.
- ¹⁵⁷ Мусев К.М. Алтайские гипотезы в свете контактов тюркских языков с языками мира // Сов. тюрпология. 1987 №4 С.54, 55.
- ¹⁵⁸ Сопеев Г.А. Восточные марийцы С.23 Очерки истории Мордовской АССР Т.1 С.48 Мухамедов Р.Г. Татары мишари С.18; Чуваша. Ч.1. С.35.

¹⁵⁸ Владыкин В.Е. Очерки этнической и социально-этнической истории удмуртов (До начала XX в.). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1969. С.11–12.

¹⁵⁹ Атаманов М.Г. Из истории расселения моршудно-родовых групп удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С.121.

¹⁶⁰ Там же. С.121–126.

¹⁶¹ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С.21, 436–437; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.12–13; Очерки истории Марийской АССР. С.57–58; 60–64; История СССР (XIV–XV вв.). М. 1963. С.103; Очерки истории Мордовской АССР. Т.1. С.50–51.

Раздел I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Основным содержанием исторического развития Волго-Уральской ИЗО в XVI — начале XX в. является присоединение народов Среднего Поволжья и Приуралья к Русскому государству, заселение края восточнославянским (русским, а с XVIII — XIX вв. — украинским и белорусским) населением, углубление феодальных отношений, а к концу эпохи — процессы становления капитализма и связанные с этими событиями социально-политические, хозяйственно-экономические и этнокультурные процессы.

Восточные славяне в Волго-Уральском регионе
до монгольского нашествия

Переселение русских крестьян в западные районы ИЗО началось задолго до монгольского нашествия. Эти события надо воспринимать как начало реальных контактов и взаимодействия двух этнокультурных систем восточнославянской с ее оседлым пашенным земледельческим бытом, с сохраняющимися языческими традициями, с пустившим глубокие корни православным христианством, восходящим своими культурными истоками к Византии и полиэтничного мира, складывающегося Булгарского государства с тюркским, еще во многом кочевническим ядром населения, исламской религией, с нарастающими связями со Средней Азией, откуда в Поволжье и на Южный Урал проникали веяния арабо-персидской и среднеазиатско-тюркской литературы и городской культуры.

В системе религиозных воззрений поволжско-уральского тюркского населения, которое постоянно пополнялось за счет наплывов кочевников с юга, существенное место занимали или еще господствовали донусульманские религии, прежде всего привнесенное с востока тенгрианство.

В многоэтничном мире Булгарского государства, а также на охваченной булгарским торгово-культурным влиянием обширной периферии важную роль, как говорилось, играли финно-угорские племена — земледельцы, охотники, рыболовы, пчеловоды по занятиям, язычники по религии.

Волго-Уральскому региону с его тюркским и финно-угорским населением с этого момента было исторически предопределено на протяжении многих столетий выступать зоной контакта и взаимодействия западной и восточной культур, восточнославянского, уральского и алтайского этносов. Эту мысль приходится подчеркнуть еще раз, так как в обобщающих работах по истории Волго-Уральских республик (кроме, естественно, Татарстана) долгое время не придавалось заслуживающего значения роли Булгарского государства, его многоэтничности, а также международным политическим, торговым, культурно-конфессиональным связям для исторических судеб и, следовательно, этногенетического становления народов региона. Объяснить это можно двумя обстоятельствами; прежде всего необходимостью накопления материала, подтверждающего втянутость народов

региона в волжско-булгарскую политическую, торговую и культурную систему. Исследованиями последних двух-трех десятилетий (археологическими, историко-этнографическими, филологическими) прослежены развитие булгарской торговли на этнических территориях мордвы, марийцев, удмуртов и башкир (что подтверждается находками булгарских монет и кладов (а также предметов, служивших эквивалентом в торговле¹), булгарские лексические заимствования в языках финно-угорских народов региона, а также распространённость гидронимов, топонимов, соотносимых с булгарской основой на обширной территории за пределами собственно Булгарии², восходящая к Волжской Булгарии общность этнических компонентов³ и литературного наследия татар и башкир⁴ и т. д.

Однако эти открытия и находки еще не нашли адекватного отражения в обобщающих исследованиях. Здесь мы подходим ко второму обстоятельству, а именно к накопившейся за последние десятилетия инертности историко-культурных исследований в бывших автономных республиках региона, к стремлению ограничиться в интерпретации историко-культурных сюжетов рамками этнических территорий или границами государственно-административных образований. Преодоление этой тенденции является видимо одной из предпосылок формирования новых подходов к пониманию истории региона. В этом же свете необходимо придать значение начальным этапам финно-угорско-тюркско-восточнославянских контактов и взаимодействий в ИЗО.

Уже на ранних этапах определились два направления восточнославянского движения в Волго-Уральский регион. Первый или западный путь захватил соседние с северо-восточными русскими княжествами мордовские земли по правобережью р. Оки. Здесь уже в XI—XII вв. русские колонисты соприкоснулись с мордвой и булгарами⁵. Первоначально это была, видимо, инерция более раннего движения на северо-восточную Русь древнерусского населения из Приднепровья. В последние десятилетия XI в. идет активный процесс консолидации северо-восточных русских княжеств. В 1096 г. возник город Рязань — столица Рязанского княжества. А. А. Шахматов высказал мысль о том, что в самом названии Рязани воспринят этноним древних обитателей края мордвы эрзи. Несколько раньше, в 1080 г. в низовьях р. Оки был основан Муром. Муром и Рязань, построенные на границе мордовских земель, явились восточными форпостами растущей Руси. Появление этих городов означало, что на левобережье Оки шел или завершался процесс этнического слияния в составе формирующегося великорусского народа западной части волжско-финских племен: меря, мурома, мешеры.

Появление и рост на Оке Мурома и Рязани не только вплотную придвинуло границы Северо-Восточной Руси к мордовским землям, но и положило начало противостоянию в Волго-Окском междуречье Булгарского государства и русских княжеств. В 1088 г. булгары напали на Муром. Исследователи полагают, что в составе булгарских военных дружин находилась и мордва⁶. Со своей стороны Муромское княжество разворачивает территориальную экспансию на правобережье Оки и присоединяет к княжеству мордовские земли по правым окским притокам — Теше и Серезе. Отношения рязанского князя с прилегающей с востока мордвой-эрзью толкуются в литературе как даннические. Из рязанских и муромских пределов на мордовские земли проникают первые русские поселения, которым князь повелевали селиться по Оке и по Волге, и по Кудье на мордовских землях, где кто захочет⁷.

Более чем 150-летний период истории (с конца XI в. до начала монгольского нашествия) проходит во взаимных походах Булгарского государства и русских князей. Населенная мордвой обширная область Волго-

Окского неждуречья становится ареной столкновений и битв. Борьба противостоящих феодальных государств обострилась в начале XII в. в связи с усилением Владимиро-Суздальского княжества. Известны крупные походы Владимиро-Суздальского княжества (с участием рязанских или муромских дружин) на Волжскую Булгарию в 1120, 1164, 1172, 1184, 1226, 1228, 1232 гг. К концу XII в. отчетливо обнажаются цели борющихся сторон. Волжская Булгария, которая контролировала торговлю (водным путем по Средней и Нижней Волге, а также степными караванными тропами) с восточными странами, не хотела усиления в ней купцов из русских княжеств. Поэтому правители Булгарии стремились укрепить позиции в западных пределах своего традиционного влияния, установив власть над мордвой и на мордовских землях.

С другой стороны, Владимиро-Суздальское княжество добивалось полного господства на Волге. Этой цели можно было достигнуть, лишь сокрушив мощь Булгарского государства и присоединив к Владимиро-Суздальскому княжеству земли, расположенные на путях наступления на Волжскую Булгарию. В результате этой политики в 1221 г. на мордовской земле у впадения Оки в Волгу, появляется Нижний Новгород — форпост активизации русской политики на востоке. С основанием Нижнего Новгорода княжеские походы на Волжскую Булгарию и на мордовские земли становятся постоянными. Особенно тяжелым для мордвы был поход 1226 г.⁹ На мордовских землях разгорелась война, участниками которой, кроме русских княжеств, Булгарского государства и самой мордвы, стали также и половцы — южные соседи мордовских племён. Исход этой борьбы был предreshen междоусобицей среди усилившихся мордовских княжеств, склонных, однако, в политических условиях того периода к сепаратистским действиям.

Рязанский князь Пургас, по летописным данным, союзник или вассал Булгарского государства, в 1228 г. совершил поход против мокшанского князя Пуреша — союзника Владимиро-Суздальского князя Юрия. В ответ Владимиро-Суздальский князь совместно с князем муромским организовал разрушительный поход вглубь мордовских земель, разгромил "Пургасову волость" и загнал пургасово войско в дремучие леса¹⁰. По крайней мере часть территории "Пургасовой волости", расположенной в бассейнах Суры, Алатыря, Пьяны и по среднему течению Мокши, отошла, вероятно, к Владимиро-Суздальскому княжеству под названием "Пургасова Русь". Территория подвластная мордовско-мокшанскому князю Пурешу простиралась по рекам Цна, Вад, Парца по верховьям Мокши, еще раньше оказалась под контролем русских княжеств¹¹. В 1232 г., накануне монгольских походов, Владимиро-Суздальское княжество предприняло еще один поход на восток, на этот раз и против булгар и против мордвы. После этих походов нижнегородская мордва окончательно была присоединена к Владимиро-Суздальскому и Муромскому княжествам. Прилегающие к Оке мордовские земли продолжают заселяться русскими крестьянами колонистами¹². Уже в то время складывались предпосылки подготовившие более поздние миграции мордвы к востоку от исконных земель.

На рубеже XII—XIII вв. активизируется и северное направление русского продвижения на восток в богатое пушминой Прикамье. Издавна хорошо известный путь за пушминой" пролегал через территории в бассейнах рек Ветлуги и Вятки через нарийские и удмуртские земли. Теперь северный путь на канские земли обретает и политическое значение, так как одновременно он был нацелен на области булгарского торгового, культурного и политического влияния. На нарийские земли по правобережью Ветлуги проникают с конца XII в. русские поселенцы. Отсюда по верхнему течению Ветлуги они движутся на восток, на среднее течение Вятки и далее в верховья Камы. Возникают пока еще редкие и

временные русские колонии¹³. Исключение составляли земли, прилегающие к Ветлуге с запада. Здесь западные и северо-западные группы марийцев смешались в постоянно прибывающей восточнославянской среде и влились еще одним волжско-финским компонентом в состав формирующегося великорусского народа¹⁴.

Итак в предмонгольский период Северо-Восточная Русь расширяет и укрепляет свои позиции на мордовских землях и обнаруживает свое присутствие в районах расселения марийцев и удмуртов. Это означает, что по крайней мере с рубежа XII—XIII вв. народы Среднего Поволжья и Прикамья находились под этнокультурным влиянием с двух сторон — со стороны Булгарского государства и северо-восточных русских княжеств. При этом восточнославянское этнокультурное воздействие уже тогда приобрело тенденцию расширяться и становится более интенсивным в направлении с запада на восток.

В аспекте этногенетического подхода к пониманию исторических процессов важно установить характер (мирный или завоевательный) славянской колонизации древнемордовских земель и славянского проникновения на древнемарийские и древнеудмуртские территории. В отечественной и советской историографии по этому поводу высказывались различные точки зрения. Согласно С. М. Соловьеву, проникновение на древнемордовские земли русских поселенцев было постепенным мирным малозаметным для летописцев, которые не оставили ярких описаний колонизационного процесса, тем более — упоминаний о конфликтах, борьбе, насилии. Историк связывал мирный, дружелюбный характер взаимоотношений русских и мордовских крестьян с простором земель, слабой их заселенностью и следовательно, отсутствием причин для серьезных столкновений. "... Здесь, собственно, — пишет С. М. Соловьев, — было не завоевание одного народа другим, но мирное занятие земли, никому не принадлежавшей".¹⁵ Эта точка зрения была поддержана многими историками, особенно В. О. Ключевским, который писал, что "... вообще говоря эта встреча имела мирный характер".¹⁶ Соприкасаясь с мордовскими общинами и деревнями, русские крестьяне, по характеристике В. О. Ключевского налаживали мирные, дружелюбные отношения с ними. Правда, оговаривался историк "... кой где и кой-когда завязывалась борьба, но не плененная, а религиозная боролись христиане с язычниками, а не пришельцы с туземцами, не русь с чудью".¹⁷

В полемике с С. М. Соловьевым другую точку зрения в начале XX в. сформулировал В. А. Городцов. Опираясь на археологические материалы, он показал, что славяне-вятичи еще в X в. колонизировали среднюю Оку, земли на которых расселялась мордва-эзря, причем процесс этот носил завоевательный характер, сопровождался разорением городищ, вытеснением эзрянцев на восток и северо-восток, ближе к современным местам расселения мордвы.¹⁸ Точка зрения В. А. Городцова получила поддержку и развитие в трудах ряда советских историков.¹⁹

А. П. Смирновым была обоснована мысль о том, что на ранних стадиях колонизации мордовских земель, осуществляемая крестьянским населением, носила характер "мирного" проникновения восточных славян на новые земли и была продолжением инерцией движения древнерусского населения на Северо-Восточную Русь.²⁰ На более позднем этапе, в XII—начале XIII в. организаторами походов и славянизации мордовских земель (си продвижения вглубь марийских и удмуртских территорий) были русские великие и удельные князья. Их действия определялись политическими целями, поэтому носили насильственный, завоевательный характер.²¹ "... К XIII в. — пишет А. П. Смирнов, имея в виду тамбовскую мордву — все эти земли были в значительной мере славянизированы".²²

В исторических исследованиях последних двух-трех десятилетий подчеркивается исключительно мирный характер восточнославянского проникновения на восток, акцентируется внимание на односторонней прогрессивности этого процесса для местных народов. В этногенетическом аспекте такой подход практически исключает необходимость определить тип (конфликтных или неконфликтных) контактов и следовательно выяснять направление обмен и содержание этнокультурных потоков.

В домонгольский период во взаимосвязях народов региона с восточнославянским миром образуются два типа контактов и н и р н ы е допускающие возможность хозяйственно-культурного сотрудничества и как правило развивающиеся на демократическом народно-крестьянском уровне контактирующих этносов и н е н и р н ы е, сопровождающиеся борьбой вытеснением мордвы с их земель насильственными акциями организуемыми на уровне социальных верхов взаимодействующих политических структур (Волжской Булгарии, княжеств Северо-Восточной Руси мордовских княжеств) и этносов. В зависимости от обстановки и особенностей исторического периода мог преобладать тот или другой тип контактов. Однако в сложной и многообразной ситуации Волго-Уральского региона в то или иное сочетание всегда присутствовали оба типа. Следовательно этнокультурные процессы в зонах контактов если оценивать их в масштабе достаточно продолжительных по времени периодов были не односторонними в сторону исключительно или преимущественно местных народов а разнонаправленными с включением в эти процессы всех контактирующих этносов и этнических групп, в том числе славянских.

О роли Золотоордынского государства в процессах этногенеза

Монгольское нашествие сопровождавшееся покорением Булгара в 1236 г. разгромом Рязани и подчинением завоевателям всей Северо-Восточной Руси в 1237—1238 гг. почти на полтора столетия нарушило связи Волго-Уральской ИЗО с русскими княжествами. Прервалось восточнославянское продвижение в заокские земли, ослабли или вовсе прекратились северные походы русских землепроходцев. Одновременно вновь усилились связи народов региона со степью хотя на этот раз регион вступил в контакты не с ираноязычными угроязычными или огузо-печенежскими кочевниками, а с кыпчаками или кыпчакизированными племенами. Несмотря на то что прошло 40 лет со времени издания книги Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского, но и сегодня вслед за ними можно сказать что "до сих пор существует неправильное представление об этническом составе юго-востока Европы, особенно о Дешт-и-Кипчаке." населенном якобы монголами (татарами).²³ В действительности как писал ал Омар Золотая Орда была страной кыпчаков. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками) и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар) и все они стали точно кыпчаки как будто они одного (с ними) рода."²⁴ И поэтому когда "Булгар с его областью" оказались в составе Золотой Орды, население Волжской Булгарии вошло в контакт с родственными кыпчакоязычными племенами так как "вся последующая (после завоевания — Р. К.) история юго-востока Европы показывает что от монголов — вернее татар — сохранилось только имя но не их язык."²⁵

В предыдущей главе уже упоминалось о необходимости более фундаментальной разработки значения золотоордынского периода в истории народов ИЗО. Роль Золотой Орды в истории народов региона нередко освещалась в нашей историографии односторонне как исключительно реакционная для

всех областей и всех народов Восточной Европы. Осмысление истории в этногенетическом ракурсе в связи с такими оценками крайне затрудняется. Устойчивым оказалось сугубо логическое построение, согласно которому разрушительное монгольское нашествие имело столь же разрушительное, "реакционное" воздействие и на этногенетические процессы, включая и процессы на территории самой Золотой Орды. Собственно это было следствием нашего недавнего стремления выстроить историю в прямой ряд событий, пренебрегая диалектической сложностью и противоречивостью развития общества. Одним из результатов односторонней оценки золотоордынского периода истории стало возрождение теории крайнего автохтонизма в этногенетических концепциях и гипотезах, стремление "упразднить" или сильно смягчить золотоордыско-кыпчакский этап в этнической истории целого ряда народов. В последние годы, под напором совокупности новых открытий и накопленных фактов формулируются смягченные версии, по существу, той же схемы: яркие описания политической истории Золотой Орды соседствуют с преумалением или затухиванием исторической роли этого государства в этногенетических и этнокультурных процессах от Дуная до Средней Азии и Казахстана, включая весь Волго-Уральский регион и принимающую к нему с востока южную часть Западной Сибири. Вариантом последнего подхода к исторической интерпретации роли Золотой Орды является разрабатывавшаяся в 1950—1970 гг. концепция, согласно которой Казанское ханство во всех сферах социально-политической и этнокультурной жизни представляется дальнейшим развитием исключительно или преимущественно Булгарского государства.²⁶ Едва ли при этом учитывается военно-политический потенциал Золотой Орды, влияние которой в пору зенита могущества на политическую жизнь Восточной Европы было очевидным.²⁷ Известно, что до 60-х годов XIII в. Волжская Булгария и ее города сыграли крупную роль в становлении этого могущественного государства средневековья.²⁸⁻²⁹ С этого периода историю Волжской Булгарии правомерно трактовать в контексте истории Золотой Орды, не преувеличивая ее политическую самостоятельность как это имеет место в советской историографии послевоенных лет.

Для нашей темы важно подчеркнуть, что военно-политическая сила золотоордынского государства явилась важным фактором собирания, накопления и консолидации до определенного уровня этнокультурного потенциала. Это нашло отражение в процессе формирования в рамках Золотоордынского государства кыпчакской или золотоордыско-кыпчакской народности с соответствующими характеристиками культуры и языка, в том числе в письменной-литературной форме.

В государстве Золотой Орды Волго-Уральский регион с Волжской Булгарией в центре был его северной периферией. Ал-Омари, описывая города и провинции вошедшие в Золотую Орду, упоминает "Булгар, Дербент, а также области Сибирь и Ибирь, Башкырды и Чульман".³⁰ В первой половине XIV в. существенных изменений в северных границах Золотой Орды не произошло. Один из северных улусов Орды находился юго-восточнее рязанских земель с центром в г. Мохми (позднее поселение близ г. Наровчат).³¹ Улус граничил с лесной областью, заселенной мордовскими племенами, "находившимися в полной зависимости от Золотой Орды".³² Наиболее северная граница Золотой Орды проходила в этом регионе в бассейне Пьяны. Левобережье Суры было заселено русскими и здесь пролегла граница между Золотой Ордой и русскими владениями.³³ В Заволжье, по заключению В. Л. Егорова, "на территории бывшей Волжской Булгарии во второй половине XIV в. происходит заметное перенесение населения на правобережье Камы", в результате чего "граница золотоордынских владений отодвигается за р. Казанку". Далее к востоку "к владениям

Золотой Орды" восточные источники относили Башкирию Нбйрь и Сибирь³⁴. Во второй половине XIV в. в связи с обострением противоречий и внутренней борьбы в Золотой Орде нанетился сдвиг населения к северу. Однако в начале 1380-х годов районы бывшей Волжской Булгарии и Башкирии также признали власть нового хана³⁵, т. е. Тохтамыша.

Таким образом, Волго-Уральский регион по крайней мере с середины XIII в. до конца XIV в. был составной частью государства Золотой Орды. Именно поэтому в сравнении с Северо-Восточной Русью владительство Золотой Орды в Волго-Уральском регионе оставило более глубокий след в исторических судьбах народов в том числе на их этнокультурном облике. Если иметь в виду этногенетический аспект этой проблемы то культурный пласт золотоордынского периода отложился в сотнях генеалогий (шеджере) башкир, мишарей, казанских и сибирских татар, восходящих к Чингис-хану или к чингизидам. В ряду этих же фактов — сохранение даже в после-монгольский период золотоордынской социальной терминологии (титлатуры), а также деления региона на административно-территориальные "дороги". Это также заметный слой золотоордынской культуры в башкирском и татарском эпосе в традициях письменной литературы³⁶. Родоплеменная этнонимия, традиционная этноантропонимия и тамги тюркских народов региона от Оки до Тобола в значительной части восходящие к золотоордынско-кыпчакской эпохе, несмотря на очевидные этнические различия образуют в то же время относительное единство, подчеркивая региональную общность этногенетических процессов.

В то же время по всем перечисленным показателям (генеалогии-шеджере, социальная терминология, этнонимия, этноантропонимия, тамги, эпос в целом, фольклор, письменная литература и т. д.) тюркские народы Волго-Уральской ИЗО имеют более или менее тесные связи с народами Северного Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Крыма, формирование которых также восходит к золотоордынской эпохе, точнее, к заключительным ее этапам³⁷. Эти связи сами по себе являются свидетельством складывающейся или относительно сложившейся золотоордынско-кыпчакской этнической общности. Ее консолидация в условиях обширной территории Золотой Орды и разнородного состава ее населения проходила при сохранении этнокультурных особенностей региональных частей государства, обусловленного множеством факторов, но прежде всего этнической характеристикой субстратных слоев, различающихся, например, в Крыму, на Северном Кавказе, в Среднеазиатском Двуречье или в Казахстане.

Подобную же региональную точнее, периферийную часть складывающейся золотоордынско-кыпчакской общности представляли собой тюркские этносы Волго-Уральской ИЗО, этнокультурная характеристика которых складывалась в результате сложного синтеза субстратных этнических групп булгарского времени с кыпчакским или кыпчакизированным суперстратным напытием домонгольского, и особенно золотоордынского периода. Специфика (в том числе демографическое соотношение) этого синтеза, особенности и уровень социально-экономического и социально-политического развития в разных природно-географических зонах региона и обусловили в конечном итоге темпы направления этноконсолидационных процессов. Видимо, малоизученные в этом плане XIII—XIV столетия явились важным этапом в становлении тюркских этносов в регионе и в формировании их современных этнокультурных признаков. Особенно показательным в этом плане был XIV в. Судя по археологическим и другим источникам, углубление и укрепление исламской религии в Среднем Поволжье и на Южном Урале активизировало связи с мусульманскими центрами Средней Азии. Вместе с исламом все шире распространялись письменность и письменная культура. В аспекте этнокультурных процессов распростра-

нение арабской письменности и литературы, письменной культуры в целом привело к росту объема информационных связей, как синхронных так и диахронных что не могло не придать новый импульс этногенетическим и этноконсолидационным процессам среди башкир, татар, мишарей. Имеются основания полагать, хотя вопрос нуждается в специальном исследовании, что в XIV в и позднее происходят мусульманизация части финно-угорского населения и ее инкорпорация в составе формирующихся татарского, башкирского и мишарского этносов. Думается уже в то время в Волго-Уральском тюркоязычном мире стало утверждаться двойное самосознание — этническое и конфессиональное.

Таким образом, с 30-х годов XIII в до XV в огромная территория Волго-Уральского региона а также принадлежащие районы Западной Сибири стали зоной кыпчакских миграций со стороны степей, развития ислама, тюрко-мусульманской культуры и этноконсолидационных процессов.

Одновременно не прерывалась нить, пусть и более тонкая чем в домонгольскую эпоху восточнославянских проникновений в западные и северные пределы региона в зоны преимущественно финно-угорского расселения. Политическое соотношение сил Северо-Восточной Руси и Золотой Орды до второй половины XIV в было таковым, что из двух потоков миграции в ИЗО доминирующим был кыпчакский. Определенный след он оставил на этнокультурной характеристике не только татар и башкир, но и чувашей, мордвы в меньшей степени марийцев и удмуртов.

Движение населения в Волго-Уральском регионе в эпоху распада Золотой Орды

Со второй половины XIV в восточнославянское продвижение в ИЗО вновь становится активным. Связано это было с очередным и глубоким политическим кризисом в Золотой Орде³⁰ и, напротив, усилением Северо-Восточной Руси, возвышением Москвы. С этого момента развитие народов Среднего Поволжья и Южного Урала идет под влиянием двух взаимодействующих и одновременно противостоящих политических и этнокультурных систем: Золотой Орды и Руси. В процессе этого развития Волго-Уральской ИЗО суждено было сыграть крупную роль уже в силу географического положения. Соперничество и борьба Тохтамыша и Тимура, бесконечные военные конфликты, разорительные набеги в степной и лесостепной зонах Среднего Поволжья и Приуралья невыносимым бременем легли на народные массы. Эта тема часто упоминается в литературе, хотя недостаточно изучена. Между тем события, известные историкам только в контурах, но отложившиеся отчетливо в фольклоре всех народов региона, имели особенно крупные и долговременные последствия в этногенетическом аспекте в том числе для восточнославянских миграций. Выше об указанных событиях вскользь упоминалось, но в связи с их значимостью остановимся на них специально. Речь идет о сдвигах населения во второй половине, и особенно в конце XIV в в направлении с юга на север, в лесные районы Предволжья, Закамья, в забельские области. События достигли апогея, когда союз между Тохтамышем и Тимуром перерос в соперничество, во вражду, а вскоре в непримиримую борьбу. Еще свежа была в памяти Куликовская битва, вслед за которой последовало возвышение Тохтамыша при поддержке могущественного правителя из Самарканда. Но уже во второй половине 1380-х годов начались походы Тимура, направленные на укрощение недавнего союзника. А в 1391 г состоялась грандиозная битва между войсками Тохтамыша и Тимура на р. Кундузча, на территории Южной Башкирии. Об этой битве мало известно. По некоторым источникам, в ней с обеих сторон участво-

вало 300 тыс воинов. В битве на Кундузче, по существу, решалась судьба Золотой Орды. Это естественно имело жизненное значение для Руси и для других подвластных Орде народов. Тохтамыш, на стороне которого в этой битве выступали многие местные народы, в частности башкиры, потерпел сокрушительное поражение. Битва на Кундузче последовавшая за ней война, междоусобицы, бесконечные походы и набеги окончательно подорвали силу Золотой Орды, вызвали сильные сдвиги населения и миграции.

На рубеже XIV—XV вв эти сдвиги превращаются в массовые переселения как финно-угорского так и тюркского населения. Практически пустеет Заволжье. Подавляющая часть известных здесь эпитафий датируется временем до 1360 г, более поздние эпитафии сооружены уже в Предкамье³⁰. Малонаселенными становятся южные и центральные районы Волго-Окско-Цнинского междуречья уходят к северу и на восток в горы, население с территории Приуралья. Расселение болгарского населения с Заволжья в конце XIV в нашло яркое отражение в источниках. В "Шаджара булгарского рода барадж" рассказывается о том, как сыновья Джадаш-бека после разорения, учиненного "ненасытным Аксак-Тиниром", переселились в разные стороны. Инсан-бек "отправился с матерью на Горную сторону и там основался на реке Кубня (Западный приток р. Свияги). Ихсан-бек прибыл на Зай "на прежнюю сторону бараджцев³⁰, где по долине рек Зай, Шешма, Большой Ик кочевали башкирские племена⁴¹. Основная часть болгарского населения еще раньше начала переселяться в Предкамье на р. Казанку.

Огромные территории между р. Окой и Цной на западе и Южным Уралом на востоке южнее границы леса и лесостепи становятся диким полем" или "летним пастбищем" для кочевников преимущественно ногайцев. Термин "ногайцы" и "Ногайская Орда" появляется в литературе только в XVI в. Сами ногайцы называли себя мангытами⁴². История мангытского Сили ногайского) юрта восходит к событиям периода "снуги" в Золотой Орде в конце XIV в и связана с временным возвышением Едигея. Возрождение Мангытского юрта в Поволжье произошло в первой трети XV в и связано с именем младшего сына Едигея — Нуратдина⁴³. При потомках Нуратдина ногайцы в Поволжье становятся "многочисленной и самой крупной ордой"⁴⁴. В 1540-е годы Ногайская Орда оформляется в самостоятельное и сильное государство. В XVI в владения ногайских нурзграничили на северо-западе с Казанским ханством по р. Кинель достигая временами низовьев Камы⁴⁵.

Английский путешественник Антоний Дженкинсон совершивший в 1558 г путешествие по Волге писал "страна по левую сторону Волги от Камы до Астрахани носит название страны Мангыт или ногаев, р. Самара течет через ногайскую землю и впадает в Волгу", р. Яик также "течет по земле ногайцев и впадает в Каспийское море"⁴⁶. Ногайские князья властвовали не только в степи но и в лесных областях Башкиры и остяки жившие на северной излучине р. Уфы платили ногайцам дань⁴⁷. В этом контексте становится понятным исторический смысл предания башкир-минцев, которое приводит Л. И. Рычков со слов башкирского старшины Кыдраса Муллакаева. Ногайский хан Басман, пытаясь скрыться от "великого норового поветрия", которое поразило Поволжье со своей ордой в 17 тыс кибиток "перешел к реке Яику и кибитки его кочевкою располагались вверх и вниз по Яику и по другим степным рекам а именно: по Берде, по Сакмаре, по Саелмыше, по Юшатыре по Таналыку по Кидилу и по прочим рекам. А зимою оные кибитки переходя Уральские горы кочевали по рекам Белой, Сокале, Ашкдару, Куганаку и по Деме где места лесистые и теплые"⁴⁸. Ногайцы, как видно господствовали

во всей степной и лесостепной части Башкирии Башкиран, которые были вытеснены в лесные области, хан Акнадар, необыкновенно усилившийся в первой половине XVI в. "земляни владеть, також и чрез реку Белую переходить не допущал".⁴⁹ Вынужденные перекочевать в забельские лесные территории башкиры продолжали продвигаться к северу и востоку, где они вступили во взаимодействие с русскими и булгаро-татарскими переселенцами, а также с остяками. Ногайская Орда находилась во враждебных отношениях с Казанским и Сибирским ханствами. Однако для башкир противостояние этих ханств оборачивалось дополнительными тяготами, так как казанские и сибирские ханы "их (башкир. — Р.К.) еще в большее разорение привели и несносными податями обложили".⁵⁰

Ожесточенная борьба с ногайскими мурзами за степное и лесостепное Приуралье, за жизненно важные для башкир пастбища в бассейнах рек Де-на Уршак, Чернасан, Карнасан, Большой Ик, а также более южных рек, за возвращение отесненных в леса и горы башкирских племен на свои древние земли и пастбища и составила основное содержание политических событий в центральной Башкирии в первой половине и середине XVI в.

Происшедший на рубеже XIV—XV вв. и позже уход населения на север в лесные районы, и образование в степной и лесостепной полосе региона обширных незаселенных или малозаселенных пространств имели крупные этноисторические и этнокультурные последствия. Возвращение начиная с середины XVI в. на покинутые земли их прежних насельников, приток новых мигрантов заняли более столетия, несли растянувшись до рубежа XVII—XVIII вв. Г. Перетяткович неоднократно подчеркивал в своих работах необходимость, слабую заселенность еще в 40—50-е годы XVII в. территорий, прилегающих к Волге и Каме.⁵¹ Аналогичной была картина в южных степных районах Приуралья, в Волго-Яицком междуречье. В ходе нового заселения на обширной лесостепной и степной территории между Окой на западе Белой и Уралом на востоке, в XVII—XVIII вв. сформировался в главных очертаниях современный этнический состав населения этой части региона.

С изменяющейся этнокультурной ситуацией соприкоснулись в XV—XVI вв. этнические группы тюркского населения и на севере, по мере продвижения в лесные пространства вплоть до верховьев Камы, Перни Великой". Здесь вновь активизируется и становится постоянным фактором восточнославянская колонизация, которая в XV в. также достигла отдаленных прикамских земель. С 1360-х годов возобновились походы новгородских удельников на Среднюю Волгу, на Вятку и далее на восток по северным путям. Уже тогда складывались политические и демографические предпосылки, которые в конечном итоге привели к оттеснению нарийцев и удмуртов под напором русского продвижения из их древних мест расселения к востоку и северу. Русские крестьяне, освоившие земли по Вычегде и Вятке входят с нарийцами и удмуртами в тесные контакты. К этому времени относятся возникновение и рост числа постоянных русских поселений на Вятке.⁵² В XV в. северные удмуртские земли вошли в состав быстро растущего Великого княжества Московского.⁵³ К XV—XVI вв. относятся ранние свидетельства о соприкосновении и контактах с русским населением башкир, татар и других тюркских этнических групп.⁵⁴ В дальнейшем соседство, контакты, взаимодействие финно-угорского тюркского и восточнославянского населения на северных землях становятся постоянным фактором этнокультурных процессов в этом регионе.

* Подробнее см. гл. V

Вновь обратим свои взоры на мордовские земли, на торговый путь по Волге северо-восточных русских княжеств В 1372 г на р. Сура возводится крепость Курмыш — свидетельница новых походов и притязаний С укрепившихся позиций расширяется проникновение на мордовские земли Мордва приокская оказалась под властью князей рязанских, муромских, позднее московских и кашиновских — вассалов Москвы. В 20—30-е годы XVI в влияние Москвы распространяется на все междуречье Оки и Суры, на большую часть мокшанских земель На этой территории возникают русские опорные пункты. В 1523 г. великий князь Василий III построил крепость Васильград (Васильсурск) при впадении Суры в Волгу⁵⁵ Москва все ближе подступала к границам Казанского ханства. В 1551 г. прямо на подступах к Казани возникает крепость Свияжск Как видно к середине XVI в русское продвижение четко определилось по двум направлениям — вниз по Волге, в Окско-Сурское междуречье, и на север от Вычегды до Камских земель Но именно по этой широтной полосе сконцентрировалась большая часть финно-угорского и тюркского населения в результате его вытеснений с южных степных и лесостепных территорий к северу

Молодое, энергичное Русское государство, столкнувшееся с унаследованными от прошлого и возникшими вновь внешнеполитическими проблемами на западе, на ливонской границе, на юге, в степях, у пределов Крыма, и, наконец, на Волге, в отношениях с Казанским ханством, приступает к военному решению "восточной" проблемы

О взаимоотношениях Казанского ханства и Руси в аспекте этнических проблем

На протяжении более чем 100-летнего периода истории Казанского ханства (1438—1552 гг.)⁵⁶ его взаимоотношения с Московским великим княжеством Русским государством были фактором нарастающим образом влияющим а в XVI в и определяющим внутреннюю и внешнюю политику казанских ханов В политическом отношении Казанское ханство — преемник Золотой Орды Основатель ханства Улу-Мухамед, изгнанный в 1437 г с золотоордынского престола не мог не быть приверженцем политических традиций (в том числе в отношении Руси) и гегемонистских устремлений

* Этот вопрос, как упоминают, трактуется в отечественной историографии неоднозначно. Еще Н.Н.Фирсов в образовании Казанского ханства видел восстановление Булгарского государства (Фирсов Н.Н. Прошлое Татарии. Казань, 1926. С.13). В последние десятилетия этот взгляд на политические истоки Казанского ханства разработал усилиями ряда историков-археологов-этнологов, которая, однако, опирается преимущественно на интерпретацию культурного наследия волжских булгар. На мой взгляд, в исторической оценке этой темы, принципиальной для понимания этноисторической ситуации в первой половине — середине XVI в. в Восточной Европе, имеют значение общенациональные подходы, учитывающие не только культурные, но и политические, социальные особенности развития Казанского ханства В этом аспекте уместно сослаться на выводы историков, которые в разные годы, опираясь на исторические источники, пришли к сходным заключениям. М.Г.Сафаргалиев, ссылаясь на Казанскую летопись, писал в 1960 г., что летопись усматривала в Казанском ханстве не восстановление государства "худым балгар", а образование новой Орды, как "дщерь младую", рожденную от "престарелой матери" Золотой Орды (Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С.252). М.А.Усманов, глубоко знающий источники по истории Казанского ханства, пишет, что "...Крымское, Казанское, Астраханское ханства..., несмотря на этническую неравнозначность... в политическом и общеобразовательном отношении в той или иной степени продолжали традиции Дауچیева Улуса" (Усманов М.А. Жалованные акты Дауچیева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С.11). Несколько другими словами формулирует эту мысль В.Л.Горев в 1985 г. "... Волжские Булгары периода "великой заимки" становятся одной из обособившихся от Золотой Орды территорий..." (Горев В.Л. Историческая география... С.222).

великого царства⁵⁷ В этногенетическом аспекте само возникновение Казанского ханства было подготовлено миграциями населения и этнодемографическими сдвигами конца XIV—первых десятилетий XV в. Очевидно, этими обстоятельствами можно объяснить тот факт, что Казанское ханство возникло не на основной этнической территории волжских булгар, а в лесной области к северу от Нижней Камы, по существу, на новых землях. Не случайно, что с момента образования Казанской государственности в русских источниках постепенно исчезает стирается этноним "булгары". На смену приходит этноним (на первых порах для многих — экзоэтноним) "татары", под которым обычно подразумевалось все мусульманское тюркоязычное население Волго-Камья. Этот немаловажный факт также не может не быть принят во внимание.

В трудах казанских ученых обычно подчеркивается сохранение (вплоть до XVIII в.) в Предкамье этнонима "булгар" в качестве самоназвания⁵⁸. Это естественно — так как при распаде и сегментации волжско-булгарского этноса численно преобладающая часть булгар направилась по издавна освоенным путям в Предкамье, образовав основу нового казанско-татарского этноса⁵⁹. Постепенно по мере роста удельного веса кыпчакского или кыпчакизированного компонента, а также по мере развертывания внешней и внутренней политики ханства функционирование этнонима "булгар" на народном уровне сужается пока наконец практически вовсе не затухает оставаясь как правило вплоть до начала XX в. прерогативой образованной части казанско-татарского общества. В то же время археологами доказано, что Казанское ханство возникло на булгарской хозяйственно-культурной основе, т. е. оно целиком восприняло оседло-земледельческое плужное и богатое ремесленное наследие Волжской Булгарии⁶⁰. Синтез волжско-булгарского наследия с культурой, традицией унаследованной от Золотой Орды и привнесенной кыпчакскими мигрантами, и составил сплав богатства и многообразия казанско-татарской культуры и одновременно ее преемственность от культуры Волжской Булгарии.

Восприятие Казанским ханством булгарского культурного наследия было обусловлено и облегчено также преемственностью мусульманской религии. Хотя в Золотой Орде ислам утвердился позже чем в Булгарах, однако Улу Мухамед его сподвижники и кыпчакские воины, застав здесь, видимо, более ортодоксальных единовольцев (по крайней мере в центре ханства) не только восприняли и сохранили булгаро-исламские духовную культуру и быт культурные связи с мусульманскими центрами Средней Азии (Хорезмом, Хивой, Бухарой, Самаркандом...) книжные традиции, но и придали им новый импульс развития. Ислам будучи государственной религией Казанского ханства за столетний период существования этого государства активно проявил себя одновременно как позитивный и негативный фактор истории. Правители и духовенство ханства продолжили булгарскую традицию распространения ислама среди подвластных народов и снаряжали мусульманских миссионеров на периферию ханства и соседние земли⁶¹. Об этом свидетельствуют мусульманские надгробия на территории

* Вопрос недостаточно изучен. На карте Иоганна Шонера (1523 г.) появляется наряду с другими названиями Casala на карте "Мира" (1531 и 1534 г.) — названия Tartaria Magna Casana, на карте А. Дженкинсона (1554—1572 гг.) — Casana, на карте Абрахама Ортелиуса (1570 г.) — Casan, на карте Герарда де Жолде (1578 г.) — Casane, на карте "Мира" Плянтюса Нерпыса (1592 г.) — Cazane (Tazdy J. A contribution to the cartography of the Central and Lower Volga region // Chuvasb Studies. Budapest, 1982. С. 195, 197, 204, 206, 208). Показанный по картографическим источникам ряд может свидетельствовать о промежуточном (между этнонимами "булгар" и "татар") и обобщенном этнонимическом названии "казанцы" для формирующейся или сформировавшейся общности.

Чуваши датируемые 1530/31, 1542/43, 1550 и другими годами⁶², предания о 17 святых (әулия), пришедших в Башкирию то ли из Булгар, то ли из Казани могилы которых разбросаны по всему Уралу и Приуралью⁶³. Вместе с укреплением ислама распространялись арабская письменность чтение формировался поволжско-уральский вариант возникшего в недрах Золотой Орды литературного языка турки", появлялись рукописные генеалогические записи — шеджере литературные сочинения Правда Казань едва ли была единственным для региона центром исламского миссионерства На обширную территорию Южного Урала судя по навзлеян Хусайн-бека и Берди-бика по данным шеджере, преданиям и другим источникам миссионеры проникали из <<Туркестана>>, <<Бухары>> <<Хорезма>> В Западной и Северной Башкирии, по булгарской традиции ислам распространяли преимущественно миссионеры из Казани

Имела ли влияние исламская культура Казанского ханства которая в религиозно-политических постулатах продолжала традиции Золотой Орды на отношении ханства с Русью? Безусловно имела Москва молодое Русское государство воспринимали Казанское ханство как преемника Золотой Орды и наследника ее политики Собственно казанские ханы сами нередко это подтверждали время от времени предьявляя к Москве амбициозные претензии, восходящие к политике золотоордынского государства периода его могущества В то же время борьба различных группировок в правящих верхах ханства наличие 'промосковской' партии могут свидетельствовать о том, что уже тогда с обеих сторон инелись общественные силы, которые не считали противостояние и враждебность христианства и мусульманства явлением фатальным и непреодолимым Это тем более относится к культуран, в сфере которых взаимодействие и обмен на народном уровне никогда не прекращались независимо от конфессиональных различий и даже политической ситуации

В борьбе с Русью Казанское ханство обращалось к различным формам собирания и консолидации сил что имело определенные этногенетические или этнокультурные последствия В границах своего влияния на западе, севере и востоке оно стремилось создать зависимое от хана служилое сословие, привлечь к походам подвластное население Известен факт поступления на казанскую службу на основе суйюргального земельного пожалования башкир кара-табынского рода, переселившихся в первой половине XVI в с Южного Урала в бассейн р Большой Ик⁶⁴ Само по себе суйюргальное пожалование земель на территории расселения башкир свидетельствует о том что эта часть Башкирии находилась под протекторатом Казанского ханства Хан казанский жаловал земли на условиях военной службы, оговаривая условия пожалования в особой грамоте — суйюргал В источниках и историографии имеются многочисленные описания или упоминания об участии мишарей, мордвы, черемисов удмуртов (аров), чувшей, а также башкир в военных походах казанских феодалов и нападениях на русские крепости и опорные пункты. Еще в начале 1950-х годов в северо-западной Башкирии можно было услышать различные варианты предания о том, что 'Казань обороняли башкиры, так как они хорошие воины и их стрел боялись русские Но казанский хан (чем-то) обидел башкир, и они ушли. Тогда Казань взяли русские воины'⁶⁵

В период "казанской войны" в составе войск Казанского ханства в той или иной степени участвовали представители всех народов и этнических групп региона Наступавшая на Казань армия Русского государства также была многонациональной С конца XV — первых десятилетий XVI в пределы Казанского ханства на западе и юго-западе, в Волго-Окском междуречье, были отодвинуты до течения р Суры и ее левого притока Алатыря (рис 5) Окско-Сурское междуречье отошло в подчинение

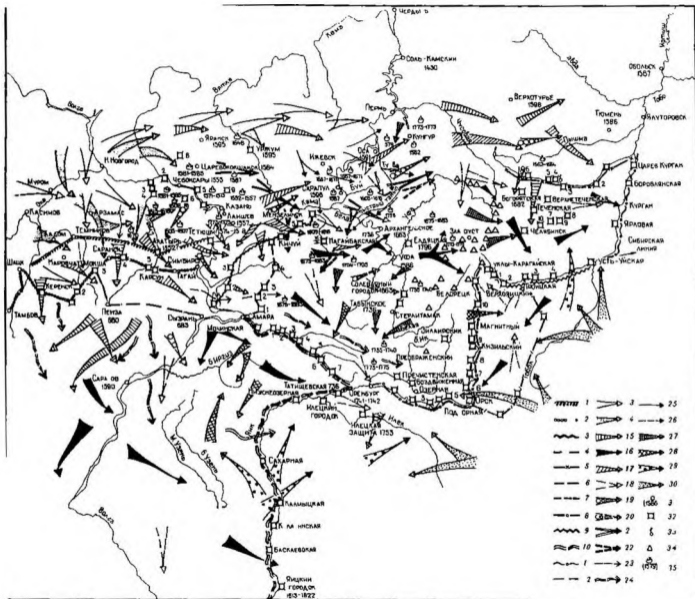

Рис.5. Расселение народов ИЗО в XVI – первой половине XIX в.

Засечные черты и крепостные линии:

1 – линия Тетюши–Темников–Шаха (1570-е годы), 2 – линия Тамбов–Симбирск (1630 – 1650-е годы), 3 – Старая Закамская линия (1652 – 1655 годы), 4 – линия Пенза–Сызрань (1690-е годы), 5 – Исетская линия (вторая половина XVIII в.), 6 – Новая Закамская линия (1731 – 1733 годы), 7 – Самарская линия (1736 г.), 8 – Оренбургская линия (1735 – 1743 годы), 9 – Уфимская линия (1735 – 1745 годы), 10 – Яицкая (Уральская) линия (первая половина XVIII в.), 11 – Толбачинская линия укреплений (первая половина XVIII в.), 12 – Новая линия (1835–1848 годы)

Направления миграций населения:

13 – русские в X – начале XIII в., 14 – русские в XV – первой половине XVI в., 15 – русские во второй половине XVI–XVII в., 16 – русские в XVIII – первой половине XIX в., 17 – татары во второй половине XVI–XVII в., 18 – татары в XVIII – первой половине XIX в., 19 – чувши во второй половине XVI–XVII в., 20 – чувши в XVIII – первой половине XIX в., 21 – марийцы во второй половине XVI–XVII в., 22 – марийцы в XVIII – первой половине XIX в., 23 – мордва во второй половине XVI–XVII в., 24 – мордва в XVIII – первой половине XIX в., 25 – удмурты во второй половине XVI–XVII в., 26 – удмурты в XVIII – первой половине XIX в., 27 – башкиры во второй половине XVI–XVII в., 28 – башкиры в XVIII – первой половине XIX в., 29 – калмыки в конце XVII–XVIII в., 30 – казаки в конце XVII – первой половине XIX в.

Населенные пункты:

31 – города, 32 – крепости, сторожевые сооружения, 33 – монастыри, 34 – заводские поселения в середине второй половины XVIII в.

Социальные движения: 35 – очаги восстания

Крепостные, крепостные городки, обозначенные номерами

на Средней Волге: 1 – Веселыя сурсы, 2 – Козмодемьянск, 3 – Ядрин, 4 – Курмыш, 5 – Кокшайск, 6 – Цивильск, 7 – Свияжск, 8 – Царевосанжарск, 9 – Алатырь; на линии Тамбов–Симбирск: 1 – Верхнее Ломово, 2 – Нижнее Ломово, 3 – Инсар, 4 – Атемар, 5 – Сурской Острог; на Старой Закамской линии: 1 – Белый Яр, 2 – Ерьинский, 3 – Тиньск, 4 – Новошешминск, 5 – Заныск; на новой Закамской линии: 1 – Алмазовская, 2 – Красный Яр, 3 – Сергиевск, 4 – Ковдурчинская; на Самарской линии: 1 – Борская, 2 – Елшнинская, 3 – Бузулуцкая, 4 – Топка, 5 – Сорочинская, 6 – Тешелов брод, 7 – Переволокская; на Оренбургской линии: 1 – Красногорская, 2 – Озерная, 3 – Никольская, 4 – Иштинская, 5 – Губернская, 6 – Терехлинская, 7 – Орловская, 8 – Урталинская, 9 – Янгельская, 10 – Спаская; на Уфимской линии: 1 – Петропавловская, 2 – Стенная, 3 – Каракульская, 4 – Крутихинская; на Исетской линии и в Исетской провинции: 1 – Исетский острог (1650), 2 – Усть-Миясская (1670), 3 – Крутихинская (1685), 4 – Долматов монастырь (1644), 5 – Катайский острог (1646 – 1651), 6 – Колчеданский острог (1650), 7 – Белоярская (1698), 8 – Окуевская (1676), 9 – Чумлитская (1676), 10 – Верхне-Миаголан

русским княжествам, а затем было присоединено к Русскому государству. Русские появились, очевидно, и на территории современной Чувашии. Начиная с XV в., согласно новейшим археологическим исследованиям, "русское влияние в различных элементах материальной культуры", найденных на территории Чувашии, "становится все более ощутимым": в керамике, в ремесленном инвентаре, в постройках.

На севере Казанскому ханству также пришлось отступить под русским давлением, хотя политическое присутствие ханства еще ощущалось до среднего течения р. Чепец, особенно среди бесермян. Но в целом власть над мордвой, марийцами, удмуртами оказалась разделенной. Эти в значительной степени объясняются появлением в ту эпоху русскоязычной мордвы-терехан, татароязычной мордвы-каратаев, а также все более обозначавшиеся восточнославянское или тюркское этнокультурные влияния на финно-угорские народы в зонах, близких к Москве или Казани. Если обратиться к оценке рассматриваемого 100-летия с точки зрения этнокультурных контактов, то, несмотря на всю противоречивость процессов, это было дальнейшее развитие и углубление взаимодействия восточнославянского, поволжско-тюркского и финно-угорского миров. Понятно, что в казанский период акценты в этих контактах часто смещались в сторону немирных, конфликтных взаимодействий. Однако на всех социальных уровнях, особенно на демократических, народных,

они не могли пройти бесследно. На территории Казанского ханства, согласно возможно, преувеличенным данным источников, к середине XVI в. было 100 тыс человек "русского плена", который, очевидно, также выступал фактором обшения. К тому же военные походы, стычки, сражения, конфликты, как бы часто они в течение столетия не происходили в народном сознании оставались лишь яркими всплывками. Между ними были годы и десятилетия мирного соседства крестьян, торгового и культурного обмена, просто обшения, что оказало плодотворное влияние на культурный облик всех народов региона.

С другой стороны, противостояние и борьба христианской Руси и исламской Казани в социально-политическом отношении четко осознавались феодально-княжеской и феодально-ханской группировками обеих сторон. Естественно, что классовые интересы и логика борьбы побуждали господствующие слои обоих этносов транслировать свое понимание исторической ситуации на народные массы. Все это надолго оставило след, усугубляемый в восточнославянском и казанско-татарском сознании, в котором "русские" и "татары" выступали не только как представители различных религий, культур и языков, но и как противостоящие, а то и враждебные силы.

По мере образования и укрепления централизованного Русского государства в русской общественной мысли углубляется понимание значения противоборства с Казанским ханством для судеб молодой России. Речь шла не только о господстве на Волжском пути, что само по себе было жизненно важно, но и о продолжении и завершении борьбы двух политических и культурно-идеологических систем. Наиболее пронизательная часть представителей общественной мысли задумывалась о направлениях действий и политики царизма после ожидаемой победы, хотя в совокупности тогдашних воззрений преобладала идея военно-политического подавления. В соответствии с выходящими стратегическими целями не только наращивается военный потенциал Русского государства, но и разрабатываются разные формы соперничества и борьбы. В этногенетическом плане обращают на себя внимание два явления, которые стали активно развивающейся тенденцией и средством борьбы в руках московских правителей.

Первое из них — привлечение мещарей и казанских татар на московскую службу. В Волго-Окском междуречье мещари и мордва расселялись по соседству, образуя крупные очаги (рис 6), хотя мещарские территории тяготели к югу, ближе к степным границам и к кочевьям половцев. Если северная часть Окско-Сурского междуречья, где расселялась большая часть эрзи, вошла под протекторат русских княжеств и вскоре была присоединена к Русскому государству, то на лесостепном юге с мещарскими и мордовско-мокшанским населением долгое время властвовали золотоордынские ханы и оставшиеся после распада Золотой Орды степные правители. Здесь между мещарями и мордвой установились тесные взаимосвязи, которые привели к их сближению, главным образом к обмещариванию части мордовы-мокши⁶⁷. Кризис Золотой Орды и распад ее политического единства создали условия для появления здесь во второй половине XIV в. небольших кыпчакско-мещарских княжеств с центрами в Тенинково и Наровчат-Мокше со смешанным мещарским и мордовским населением⁶⁸. Во второй половине — конце XIV в. междоусобицы, конфликты и борьба в степях захватили и эту область. Мордовское и мещарское население также устремилось к северу, оставляя за собой "дикое поле" или "летние пастбища" кочевникам. А тениковские и наровчат-мокшанские князья искали поддержки и покровительства у русских княжеств, позднее у Русского государства, которая им была оказана в обмен "на службу". Так возникла в середине XV в. и получила развитие на Оке

Рис.6. Расселение народов Волги Уральской ИЗО на правобережье Волги (середина XXв.)

1 — мордва 2 — мишари 3 — марийцы, 4 — чувши

известная на Руси с киевских времен служба татар"⁶⁰ Кроме мишарской знати, московские политики стремились склонить на свою сторону и привлечь на службу и казанских татар. Татары получали за службу земли первоначально по окским городам и крепостям в ее верховьях и среднем течении. По существу, это была одна из первых оборонительных линий Русского государства по южной и юго-восточной границе созданной против набегов и походов Казанского, Крымского ханств и Ногайской Орды. Здесь мишари, частью мордва селились совместно с русскими, которые, очевидно численно преобладали, что не могло не сказаться на направлении этнокультурных процессов. Впоследствии из числа приокских служилых мишарей вышло немало обрусевших дворян Российского государства.

В первой четверти XVI в. на Оке появилось Касимовское ханство с центром в г. Касимов (Мещерский городок). Касимовское царство, созданное под протекторатом Москвы, явилось важным звеном и средством борьбы против Казанского ханства. Касимов стал местом средоточия как мишарей, так и казанских татар — сторонников московской политики. Одновременно ханство оказалось зоной интенсивных русско-татарских культурных контактов, сыгравших впоследствии немалую роль в проникновении русского влияния и в другие области татарского расселения (в том числе в Предкавказье), с которыми касимовские татары поддерживали тесные связи.

Второе явление — это политика христианизации татар (мусульман вообще), которая в общественно-политической жизни Московской Руси стала осознаваться со второй половины XV в. Однако в условиях противоборства Русского государства и Казанского ханства вряд ли эта политика могла осуществляться сколько-нибудь успешно. Тем не менее первые крещения татар, видимо, имели место в конце XV — начале XVI в. Известно, что

в 1506 г крестился царевич Кудайкул, сын Ибрагинов, брат Алеганов", получивший в крещении имя Петр⁷². Крещения татарской знати были вызваны политическими мотивами. Переход из ислама в христианство нишарских и казанских служилых людей стимулировался желанием уравниваться в поместных пожалованиях с русскими дворянами. К середине XVI в число крестившихся татар, видимо, возросло, хотя вопрос в аспекте еще одного направления восточнославянско-тюркских контактов нуждается в специальном изучении.

Несколько выводов

1 Миграции конца XIV—первых десятилетий XV в существенным образом изменили характер расселения народов ИЗО и, вероятно, этнодемографическую ситуацию. Основным результатом процессов была концентрация финно-угорского и тюркского населения в широтном направлении в лесной и лесостепной полосе, примерно от Ветлуги и Оки на западе до Урала на востоке. Особенно плотно населенными оказались бассейн Средней Волги до впадения в нее Камы (иордой, нишарями, нарийцами, чувашами), Предкамье (казанскими татарами, нарийцами, удмуртами и, видимо, группами башкир), бассейн Средней Камы, нижнего течения р Белой и Канско-Бельского междуречья по течению рек Быстрый Танып, Буй, Тулва и др (башкирами, удмуртами, вогулами-нанси). С юга, со степной стороны, весь регион находился в контактах с кыпчакско-половецкими кочевыми племенами и группами, а со второй половины XV в — под политическим давлением или владычеством Ногайской Орды. С севера и запада нарастал процесс восточнославянской колонизации и политического давления Русского государства. Эти географические и этнодемографические изменения создали сложную этническую ситуацию, которая предопределила во многом направления миграций в последующую эпоху, когда со второй половины XVI в начала формироваться современная этнографическая картина региона.

2 Изменения в расселении населения и в этнодемографических процессах были причиной и следствием роста интенсивности взаимных контактов финно-угорского и тюркского населения, однако тенденция к аккультурации и ассимиляции части финно-угров в составе русского и тюркских этносов (чувашей, татар и башкир) становилась более отчетливой. В Воляго-Окском междуречье шел процесс восточнославянской аккультурации и, возможно, ассимиляции части иордов и, видимо, мецеры. Чуваше смешивались с правобережными горными нарийцами, восприняв многие комплексы их культуры. Горные нарийцы в свою очередь также подверглись чувашскому влиянию, сохранив в то же время свою этничность. В Предкамье и на прилегающем левобережье Волги в состав формирующегося казанско-татарского народа влились группы луговых нарийцев, удмуртов, возможно, башкир, а также чувашей и иордов. В Канско-Бельском междуречье по мере продвижения на север и на восток башкирских родоплеменных образований становится более интенсивным взаимодействие башкир с удмуртами, а также нанси (вогулами), часть которых начала включаться в процесс консолидации башкир. Практически во всех обозначенных регионах с убывающей к востоку интенсивностью определялись различия формы восточнославянского проникновения и этнокультурного влияния. В ходе этих процессов в северных областях также образовывались этнически смешанные этнографические группы (например, бесеряне: болгаро-чуваше по происхождению, по истокам своей культуры, но говорящие на удмуртском языке).

или испытывавшие то или иное влияние тюркских и русского этносов

3. Происшедшие изменения в этногеографической и этнодемографической ситуации надо рассматривать, с одной стороны, как результат кризиса, распада Золотой Орды и, с другой — усиления Московского государства, продвижения на восток восточнославянских колонистов. В более широком масштабе времени, с XI в до середины XVI в эти процессы являются следствием длительных контактов взаимодействия и одновременно противоборства, а временами и открытой борьбы двух различающихся государственно-политических и культурно-идеологических систем: болгаро-золотоордынско-казанской, с одной стороны, и древнерусско-княжеской и Русской государственности — с другой. Применительно к характеризующей эпохе в целом обе системы были мощными, но в этнокультурном отношении каждая из них на своей территории, а также на новых землях, на которые они распространяли свою экспансию, доминировала. В определенной степени эти обстоятельства, а также сложность внутренней этнической структуры Волго-Уральской ИЗО объясняется бикультуральность, а также языковая бинарность, которая наблюдается у народов западной и северной частей ИЗО: у мордвы — эрзя и мокша, у марийцев — горные и луговые; у удмуртов — ватка и калез; в известной степени у чувашей — вирьял и анатри.

4. Описанные выше изменения в расселении и вызванные ими этнические процессы нашли сложное отражение в системе этнонимии ИЗО, которая до настоящего времени является предметом постоянных обсуждений и дискуссий. Не углубляясь в эту специальную область, замечу, что при этимологических экспертизах и историко-лингвистических анализах этнонимии необходимо возможно обстоятельнее учитывать всю совокупность происходивших этноисторических процессов. С этих позиций с расселением болгар с основной территории Булгарского государства в Предканье и далее на север, а также на запад, в Волго-Сурское междуречье, на восток, на территорию современной Башкирии, связаны такие не раз отмеченные в литературе этнонимические факты, как обозначение в русских источниках XVI — XVII вв. и позднее бесермян этнонимом <<чуваш>>, казанских татар — <<суас>> или <<бигер>> (удмуртами), ассимилированную часть горных марийцев — <<суаслы мари>>. Эти же фактом сегментации булгарского многосоставного этноса объясняется одновременное присутствие названий <<бияр>> (<<буляр>>), <<юрни>>, <<юрматы>>, <<гайна>> (<<гайна-тархан>>) и др. в этнонимии башкир, татар и чувашей. К описываемой эпохе восходит очевидно, и двойственное или множественное значение некоторых этнонимов и этнополонимов. Название <<черенис>> могло обозначать вообще нетатарское население Казанского ханства накануне присоединения, т.е. собственно марийцев, а также чуваш, удмуртов, мордву. Именно такое значение (т.е. небашкирское и нетатарское население) термин <<сириш>> имел среди западных башкир в XVIII и даже в XIX в. Термин <<казанлы>> вопреки распространенному мнению не имел этнонимического значения. Он возник как политоним и обозначал население Казанского ханства независимо от этнической принадлежности. В этом смысле он имел промежуточное значение. Видно в период Казанского ханства для обозначения собственно татар появилось название "казанские татары" ("казан татары") который мог обрести, кроме этнического, и некоторое социальное или сословное звучание (т.е. стать этносоционимом), так как в среде полиэтнического населения ханства татары составили, опять же по золотоордынской традиции, некий привилегированный слой, не несущий бремени податей в казну, но обязанный хану военной службой.

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ ИЗО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI - XIX В.

Этнополитические тенденции

Со второй половины XVI в., когда Среднее и Нижнее Поволжье, а также Южный Урал стали частью Русского государства, заселение территории Волго-Уральской ИЗО русским крестьянством, а также другие слои русского и нерусского населения становятся постоянным фактором исторического развития региона. Монографических работ по истории формирования обновленного этнического состава населения Поволжья и Урала пока нет. Применительно к Волго-Уральской ИЗО проблема нашла отражение в обобщающих исследованиях по истории соответствующих республик, а также в ряде монографических исследований, посвященных истории заселения отдельных областей региона или в истории расселения тех или иных этносов⁷³. В целом тема изучена явно недостаточно, однако совокупность имеющихся источников и исследований позволяет все же приступить к восстановлению общей картины колонизации региона, явившейся одновременно важнейшим фактором новой этнографической ситуации. Изменения в расселении населения в конечном итоге образовали ту основу, которая в сочетании с другими факторами (демографическими, природно-географическими, историко-культурными и др.) стала стимулом этнокультурных и этногенетических процессов в наступившую эпоху. Известно, что В. О. Ключевский вслед за С. М. Соловьевым придавал фундаментальное значение колонизации "как основному факту русской истории" для понимания средневековой и новой истории России⁷⁴. Становится все более очевидным, что историю Волго-Уральского региона в XVI—XIX вв., особенно ее этногенетические аспекты, невозможно разработать без учета и возможно более всестороннего анализа феномена колонизации.

В истории сложения новой карты расселения и этнического состава населения ИЗО есть, естественно, этапы, периоды. Если иметь в виду обширность территории и оставить в стороне бесконечное множество локальных особенностей переселенческого движения (выявленных и остающихся неизвестными), выделяются два крупных исторических этапа в формировании этнографической карты региона: 1) с середины XVI в. до начала XVII в., 2) с начала XVII в. до рубежа XIX—XX вв. Этапы различались интенсивностью колонизационного движения не только во времени, но и в пространстве, а также специфичностью сочетания политических, социальных и культурно-религиозных факторов, оставивших след в этнокультурных последствиях колонизации. Само собой разумеется, что будущий исследователь истории миграционных движений в Поволжье и на Урале увидит в этом сложнейшее явление отечественной истории множество других черт и особенностей, выделит специфические территории и периоды в развитии процесса и т. д. Однако для понимания задач нашей темы достаточно приведенной выше сильно обобщенной периодизации, так как именно в указанные два периода произошли те этногеографические и этнодемографические сдвиги, этногенетические последствия которых сказываются до настоящего времени.

Присоединение огромной территории Волго-Уральской ИЗО с многонациональным населением к Русскому государству было процессом длительным. Начавшись на Оке в конце XV в., он растянулся более чем на столетие, до конца XVI—начала XVII в., когда зауральская, точнее, западносибирская часть башкир была окончательно включена в систему Российского

административно-политического управления⁷⁹ Однако решающие события произошли в первом десятилетии второй половины XVI в., когда большая часть территории ИЗО и, по существу, все этносы, как финно-угорские, так и тюркские, вошли в состав Русского государства Присоединение народов региона к России — большая и самостоятельная тема, которую, кстати, также было бы полезно разрабатывать с учетом теснейших взаимосвязей событий и процессов в масштабах всей ИЗО В аспекте нашей темы необходимо, хотя бы очень кратко, затронуть вопрос о характере присоединения народов края к России Известно, что интродуктивный подход к рассмотрению проблемы имел следствием некую гиперболизацию, точнее, романтизацию добровольного характера присоединения В действительности присоединение различных народов региона к Русскому государству произошло по-разному: в результате "Казанской войны" (Казань и большая часть Казанского ханства); перманентных завоевательных походов (те или иные группы всех народов региона); мирно (большая часть башкир, значительная или определенная часть других народов) Мирное присоединение, однако, всегда вытекало из сложного сочетания политических и других факторов и поэтому в реальности было, видимо, нелегким выбором Все это важно для того, чтобы учитывать интересы сторон при исследовании этнических процессов, так как совокупность взаимоотношений московского правительства и вновь вошедших в государство народов различалась для тех или иных слоев населения групп в зависимости от характера и условий присоединения данного этноса (например башкир) или его части (служилые казанские татары, служилые нишари) к Русскому

* Так среди причин, предопределивших мирный характер присоединения башкир к Русскому государству должны быть названы следующие: 1) тяжелое впечатление от поражения Казани и в целом "Казанской войны", неожиданные успехи непосредственно в западных пределах башкирских земель грозной военно-политической силой; по словам К.Маркса, "...Разрозненные отряды татар продолжали еще беспокоить Казанский край и границы Русского государства до тех пор, пока новобранец Иван Шереметьев во главе тридцати тысяч человек окончательно не покорил эту страну и повсюду не нагнав страха вплоть до башкирских пределов" (Архив Маркса и Энгельса М. 1946. Т.8. С.164. Разрядка моя. — Р.К.); 2) претензии Ногайской Орды, подкрепляемые активными политическими и военными действиями (господством в середине XVI в. в степной и лесостепной зонах, набегам на северные лесные территории), на золотоордынское политическое наследие в Башкирии, на власть над башкирскими племенами (Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии. С.59—71, 115—128; Кузеев Р.Г. Башкирское шеджере. С.79 и др.); 3) подряд несколько лет, крайне неблагоприятных, засушливых летом, морозных зимой, вызвавших голод, падеж скота, ослабивших военный потенциал башкир (Кузеев Р.Г. Башкирское шеджере. С.32, 73 и др.); 4) усиление дипломатии правительства Ивана Грозного, разославшего грамоты с призывом добровольно вступать в подданство "русского государя" и обещаниями сохранить за башкирами "землю, воду, пору обычай", а "ясак платить" в казну как "прежним государям" (Кузеев Р.Г. Башкирское шеджере. С.33—73).

⁸⁰ В 1950 г. Н.В. Устюговым была выдвинута идея, согласно которой присоединение к Русскому государству (см. Кузеев Р.Г. Башкирское шеджере С.33, 117) башкирами воспринималось не как "подданство", а согласно данной степной традиции, как "добровольный выбор сюзерена" или, по терминологии автора, как осуществление право "свободного вассалитета" (Устюгов Н.В. Башкирское шевствие 1737—1739 гг. М.; Л., 1950. С.5—7). Однако эта идея, которая, на мой взгляд, открывала определенные возможности для понимания политико-социальных вероим башкирского общества по отношению к России во второй половине XVI—XVIII вв., в 1950-е годы не могла получить развития. К тому же самим автором она была противоречиво увязана с трактовкой ряда башкирских шевстий как реакционных, антирусских феодальных движений, что способствовало заблуждению в самой идее в последующие десятилетия. Между тем при опоре на принцип "свободного вассалитета" появляется возможность объяснить специфический сословный статус башкирского общества в системе социальных структур феодальной России и упорную борьбу башкир за его сохранение

государству Присоединение для народов Волго-Уральского региона прежде всего означало установление политической власти царя и царского правительства на территории их расселения. Следовательно, восприятие этой власти различными слоями населения, формирование по отношению к ней политики социальных верхов той или иной этнической общности, степень адекватности этой политики интересам народа в целом и явились содержанием политических устремлений или позиций народов края и их сословных групп.

Для Москвы присоединение означало превращение Руси в многонациональное государство, что само по себе ставило перед ней совокупность проблем, требующих разработки и осуществления определенной политики. Стратегическая цель этой политики была ясна с самого начала: превратить огромный и богатый ресурсами край от Оки до Урала в органическую часть России, полностью и глубоко интегрировать регион в составе Русского государства в политическом, экономическом и культурно-идеологическом отношении. Тактика складывалась из практических действий, которые по необходимости, в ходе разворачивающихся событий, уже со второй половины XVI в охватывали самые различные сферы жизни населения новых территорий России. Прежде всего это были сферы политического управления присоединенными или присоединившимися землями, их административно-политического устройства, земельной и фискальной политики, воздействия на хозяйство и рынок. Важное значение придавалось созданию социальной опоры царизма в тех или иных сословно-классовых слоях местного населения или нередко формированию новых, верных и преданных правительству сословных групп. Возрастающее внимание уделялось культурно-идеологической сфере. Едва ли здесь уже с XVI в. существовала специально разработанная, осознанно и целенаправленно осуществляемая линия политических действий. Скорее она также складывалась из практических шагов, была следствием взаимодействия обеих сторон. Однако сущность этой линии была постоянна; она периодически оформлялась под влиянием официозных сил в общественной мысли России в идею христианизации и русификации народов региона.

Из совокупности указанных политических действий и шагов складывалась и развивалась национальная политика царского правительства. В каких-то компонентах она восходила еще к опыту Древнерусского государства и русских княжеств, к их взаимоотношениям с северными и южными соседями, но во многих отношениях Среднее Поволжье и Южный Урал стали тем опытным полигоном, где эта политика формировалась впервые. Формирующаяся национальная политика царизма всегда находилась, естественно, в русле его основной стратегической цели — полной и глубокой политической интеграции Волго-Уральского региона и его народов в составе России, превращение региона из пограничной во внутреннюю область государства. В то же время формы и методы ее осуществления могли быть разнообразными, зависеть от изменений и поворотов в общей направленности политики России, от особенностей складывавшейся конкретной внутренней и внешней обстановки. Официальная политика царского правительства корректировалась и даже деформировалась местными властями, которые, как правило, на почве злоупотреблений, насилия в осуществлении политической власти, произвола и присвоений при проведении фискальной политики находились в глубоком социальном и нередко в этническом антагонизме с местным населением. Это достаточно развернуто анализируется в обобщающих сочинениях по истории республик, а также в работах по истории социальных движений в регионе.

В политике царизма в Волго-Уральском регионе, следовательно, и в ее национальных компонентах прослеживаются, правда не очень отчетливо,

две тенденции. Они, сложно переплетаясь, присутствовали в официальной политической концепции всегда, однако по интенсивности функционирования хронологически все же очерчиваются. С момента подавления очагов сопротивления т.е. с 1560-х годов и на протяжении всего XVII в., московское правительство, установив свою власть на вновь присоединенных территориях на низших уровнях управления использовало местные социально-политические структуры, по существу опиралось на них не вмешиваясь активно в традиционную организацию жизни и быта местных народов⁷⁸. Этот же период характеризуется некоторой религиозной терпимостью в отношении как языческого так и мусульманского населения. Вероятно, в упомянутом функционализме московской политики нашли отражение не столько ясно осмысленная концепция управления новыми территориями сколько вынужденный прагматизм в связи с трудностями реализации власти в отдаленных, а то и в затерянных в лесах и степях поселениях и кочевых аулах. В этногенетическом аспекте период был сравнительно благоприятен для консолидационных процессов в регионе, "собирая этнических культур и укрепления этничности на основе традиционных религиозных систем, дальнейшего сближения и сплочения различных частей этносов словом для развития тех тенденций которые четко определились еще накануне присоединения народов к России.

С начала XVIII в. в петровскую эпоху и позже политика круто меняется в сторону форсирования осуществления целей интеграции. Берется курс на разрушение традиционных социально-политических структур, устранение или разрывание влияния и власти старой аристократии на создание социальной опоры царизма путем формирования новых сословных групп, приближение верховной власти на места путем введения более дробных административно-политических образований и т.д. На 1730—1760-е годы приходится массовая насильственная христианизация коренного, прежде всего языческого населения края. Эта политика осуществлялась в разных областях с различными усилиями, но в целом характеризует изменения акцентов в политике по региону в целом.

В конце XVIII в., при царствовании Екатерины II, политика особенно грубых насильственных действий в сфере религии сменяется политикой "сотрудничества". В христианизации акценты постепенно переносились на миссионерскую деятельность, на религиозное и в какой-то степени на светское просветительство. В 1788 г. в Уфе было учреждено Духовное управление мусульман России. Его создание было одновременно рассчитано на ослабление связей мусульман Волго-Уральско-Сибирского региона с традиционными исламскими центрами Средней Азии, находящимися еще вне России и вне российского влияния. Вышнее духовенство не только христианской, но и мусульманской церковью, а вслед за ним и духовенство в целом становится влиятельным проводником политики царизма. В русле прежней политики, но в обновленных формах и более гибкими методами осуществляются реформы в области административно-политического устройства укрепления социальной опоры внутри местных обществ. В частности, заметно проявляется стремление к сотрудничеству с прежней татарской и башкирской аристократией, социальной верхушкой других народов

* В результате губернской реформы 1775—1785 гг. народы Волго-Уральского региона, расселившиеся до этого преимущественно в Казанской и Оренбургской губерниях, были расчленены между Казанской, Вятской, Симбирской, Самарской, Нижне-Новгородской, Пензенской, Тамбовской, Уфимской, Оренбургской, Екатеринбургской, Саратовской губерниями, а внутри них — уездами, которые в свою очередь делились на волости (см. об этом подробно: Кузев Р.Г. Историческая этнография башкир. С.109).

путем предоставления старых прав и привилегий отдельным группам и семьям предоставления некоторых возможностей в торговле. В то же время с конца XVIII в. нарастает тенденция к созданию верного царизму феодально-бюрократического слоя внутри коренных народов. Введение в 1798 г. в Башкирии кантонной системы управления военной службой также имело следствием появление военно-феодально-бюрократического слоя в башкирском обществе.

Изменения, происшедшие в политических действиях правительства начиная с последней четверти XVIII в., применительно к народам Волго-Уральского региона, были обновлением форм и методов достижения прежней стратегической цели царизма, направленной на глубокую их интеграцию, в том числе культурно-идеологическую в составе Российской империи. В XIX в. эта политика царизма (и соответствующие ей политические акции) под воздействием консервативного великодержавно-православного крыла русской общественной мысли перерастала в официальную идеологию русификации коренных народов региона.

В этногенетическом аспекте XVIII—XIX века характеризуются перестройкой социально-классовой структуры этносов, их "модернизацией" в смысле приближения по этому признаку к другим этносам Русского государства, хотя эволюция общественных структур оказалась в конечном итоге недостаточно глубокой. Аналогичные изменения происходят и в культурно-идеологической сфере, в том числе среди мусульманского (татарского и башкирского) населения. В общественной мысли татарского и башкирского обществ отчетливо проявляется просветительское направление, которое с середины XIX в. все чаще обращается к ценностям и достижениям российской культуры и литературы. Формирующиеся группы первых интеллигентов поволжско-уральских этносов становятся той общественной силой, которая способствует усилению чувства этнического самосознания и самосохранения соответствующих народов, выступают с идеей саморазвития своих этносов, укрепления их экономического потенциала и культуры в системе народов многонациональной России. В совокупности происшедшие изменения в разных сферах общественной жизни народов ИЗО свидетельствуют, видимо, о том, что в течение XVIII—XIX вв. происходит сложный процесс перестройки социально-классовых и культурно-идеологических основ консолидации народов региона в духе перехода общественного развития от средневековья к новому времени.

Таким образом, мы видим в Волго-Уральском регионе столкновение, противоборство двух этнополитических концепций: царизма и местных этнических обществ. Каковы же были средства, инструменты реализации этих этнополитических тенденций? Царизм со времен Ивана IV вырабатывает в Волго-Уральском регионе два основных типа политических действий: политику силы и политику дипломатии. Первая включала строительство опорных пунктов, крепостей и крепостных линий, сеть которых постепенно продвигалась на юг и на восток по мере укрепления власти правительства на защищенных территориях. Создание сети крепостных сооружений от Окско-Волжского междуречья до Южного Урала и Зауралья заняло без малого 200 лет (с середины XVI в. до 40-х годов XVIII в.). В литературе крепости и крепостные линии нередко называются "оборонительными", "укрепленными", "пограничными". Они действительно выполняли такие функции: ограждая население от набегов степных кочевников — ногайцев, калмыков, казахов, башкир. Однако сам факт продвижения крепостных сооружений и линий от Волги до Урала указывает на их наступательное назначение. Опорные пункты, города и крепости занимали важное место в карательных действиях и операциях против местного населения, в которых по принципу "разделяй и властвуй" царизм заставлял

участвовать военно-служилых людей одного этноса против другого

Политика дипломатии включала естественно огромный арсенал возможных действий: использование традиционных социальных структур систему регулирования податей и обложений, провоцирование вражды между народами региона, ослабление одних, усиление других сословных групп внутри этнических общностей и т.д. Практику политических действий местных народов со второй половины XVI в. и позже едва ли можно называть в полном смысле этого слова политикой, т.е. осознанно избранной линией целенаправленного поведения. Собственно возможность выработки такой единой для соответствующих этносов политики была скована отсутствием у них государственности и слабой солидаризованностью сплоченностью верхних социальных слоев этнических общностей. И все же было бы неправильно не видеть компоненты этой политики, которые, первоначально возникая эпизодически и проявляясь на отдельных территориях в XVII в. стали складываться в системы политических акций, целью которых населения значительной части той или иной этнической общности объединяла воедино, как это случилось в период Крестьянской войны 1773—1775 гг., под знаменем демократических лозунгов и призывов людей разных национальностей⁸⁰. В XIX в. эти тенденции стали перерастать в осознание общезнаковых, общенациональных интересов, способствуя вызреванию национального самосознания.

Сама практика политических действий коренных народов реализовывалась в сопротивлении в вооруженной борьбе в выступлениях, в восстаниях и войнах против колонизаторской политики царизма, т.е. против основных политических целей царизма в Волго-Уральском регионе. Характер и дислокация этих антиколониальных акций неменялись. Во второй половине XVI в. известны следующие выступления. В 1552—1557 гг. после падения Казани местное население (татары, чуваш, марийцы, удмурты) оказало ожесточенное сопротивление завоевателям. Судя по "Казанской истории", в сопротивлении приняли участие и северо-западные башкиры. Рассказывая о карательных походах царского воеводы, казанский летописец пишет, что "...заведоша его в башкирские улусы, в дальнюю черемису за 700 верст за Казань"⁸¹. В 1571—1573 гг. выступил против власти воевод казанский люд — чуваш, татары, марийцы; к ним присоединились на Средней Каме башкиры, татары, удмурты, ханты (1579 г.) которые подошли к Каме и грабежами и убийствами причинили там много разорений⁸², стремясь помешать строительству строгановских поселений. В 1581—1585 гг. восстали левобережные марийцы, горные черемисы (т.е. горные марийцы и чуваш) и "казанцы" (татары, удмурты и др.). Восстание перекинулось на Каму, где башкиры, татары, ханты в 1581 г. сожгли строгановский городок⁸³. В 1587 г. вновь восстали марийцы, а башкиры напали на пограничные поселения по Каме⁸⁴. Обращает на себя внимание, что во второй половине XVI в. восстания, выступления охватили в основном северную часть региона, территорию бывшего Казанского ханства и прилегающие с востока земли (см. рис. 5).

В XVII в. движение распространяется на все правобережье Волги, начиная от Нижнего Новгорода, на северную часть региона вплоть до Тобольска, земли Закамья. Наиболее ожесточенная борьба и крупные восстания имели место в Среднем Поволжье и в Закамье. В 1605—1607 гг. Среднее Поволжье откликнулось на Крестьянскую войну, возглавленную Иваном Болотниковым, выступлениями чувашей, марийцев, мордвы, татар. Восставшие среди которых были и русские крестьяне, в 1606 г. имели крупные столкновения с войсками. В 1608—1611 гг. движение возобновилось и перекинулось на левобережье Волги, охватив и луговые марийцы⁸⁵. В 1605—1616 гг. на восточных границах Закамья поднялись башкиры.

К ним примкнули переселившиеся в Закамье и на башкирские земли татары, удмурты чувашей, марийцев. Отсюда движение распространилось и в другие районы Башкирии. В 1615—1616 гг. вновь возник очаг сопротивления на Средней Волге среди чувашей и марийцев. В 1648 г. выступили марийцы близ Уржума. В 1662—1664 гг. война, вспыхнувшая на закамской линии охватила большую часть Башкирии, кроме башкир, в войне участвовали татары, чуваше-удмурты и др. Движение перекинулось на север территории, где оно докатилось до Тобольска. В 1667—1671 гг. башкиры вновь поднялись на борьбу, вторгшись в 1669 и 1670 г. в низовья Камы. Осенью 1670 г. волны Крестьянской войны под руководством Степана Разина докатились до Среднего Поволжья, где в борьбу включились русские татарские, мордовские, марийские, чувашские служилые люди и крестьяне. В 1675—1683 гг. Башкирию от Закамской линии и р. Самары до Сибирской дороги охватило новое сеитовское восстание. (По имени вождя одного из этапов движения Сеита Садира). В восстании приняли участие татары и калмыки (см. рис. 5).

В целом движения XVII в. по составу участников в большинстве были многоэтническими. Они под общими социальными целями сопротивления гнету, произволу и злоупотреблениям, защиты своего права жить на своей этнической территории пользоваться ресурсами, богатствами своей исконной земли объединили все народы региона, как тюркские, так и финно-угорские. Исследователи отмечают, особенно во время восстания в 1670 г. этническую смешанность многих повстанческих отрядов. В то же время нельзя не заметить постепенный подъем антиколониального, освободительного движения башкирского народа.

В XVII в. восточная часть ИЗО, или Башкирия, становится главным очагом сопротивления в Волго-Уральском регионе. Теперь не только с запада на восток, но и наоборот, из Башкирии на запад, вплоть до казанских земель и правобережья Волги распространяются возникшие здесь очаги народных движений. В 1704—1711 гг. восстание охватило почти всю Башкирию. В 1707—1708 гг. перекинулось на левобережье Волги и правобережье Средней Камы, где к движению примкнули татары, чуваше-марийцы, удмурты, мордва. Особенно яростное сопротивление действиям царского правительства по окончательной интеграции Башкирии в состав России против произвола и нарушений вотчинных земельных прав оказали башкиры в войне 1735—1740 гг. Война включала цепь восстаний, последний из которых было восстание Карасакала в 1740 г., когда в казахские степи скрываясь от карателей, ушла крупная группа (примерно из 10 тыс. человек) повстанцев. В восстаниях 1735—1740 гг. приняла участие часть небашкирского населения (татары, чуваше, марийцы), поселившаяся на башкирских землях. В Среднем Поволжье 1740-е годы отмечены локальными вспышками сопротивления: в 1742 г. выступили татары (против помещика Тевкелева — крещеного татарина), в 1743—1745 гг. восстала мордва в местности Терюшево против насильственной христианизации. К 1747—1748 гг. относится восстание пришлой части тептяробоблынского населения Приуралья, расселившейся, начиная в основном с XVII в. в Башкирии. К ним присоединились другие нерусские крестьяне — преимущественно припущенники на башкирских землях, а также татары в Татарии. На этот раз башкиры не участвовали в движении, более того; башкирских старшин привлекали к его подавлению. Объясняется это тем, что усложнившиеся отношения между башкирами-вотчинниками и их припущенниками использовал царизм (после жестокого подавления восстания 1735—1740 гг.) для разжигания вражды и розни прежде всего между башкирами и татарами. В 1755 г. на северо-западной Башкирии вспыхнуло восстание Батырши (по имени идеолога движения мишарского

муллы Батырши). В Крестьянской войне 1773—1775 гг. центром повстанческого движения стали Оренбургская степная граница и Южный Урал, где активнейшее участие в борьбе приняли башкиры. В движение включились все народы Прикамья и Среднего Поволжья — татары удмурты, мордва, марийцы, чуваш и др. В Крестьянской войне впервые в широких масштабах произошло единение и сотрудничество между русскими башкирами, татарами и другими народами Поволжья на базе социальных лозунгов и призывов русского казачества.

В народных движениях XVIII в. усиливающиеся мотивы социальной борьбы сложно переплетаются с вызревающими идеями национально-освободительного движения. Идеология этих движений была естественно различной, нередко требования восставших выражались в привычных формах феодально-степных традиций или исламских постулатов. Однако политическая и социальная зрелость этих движений постоянно росла и достаточно отчетливо проявилась в Крестьянской войне 1773—1775 гг.

В этногенетическом аспекте можно очевидно, считать что в движениях XVII—XVIII вв. вызревали и в ходе Крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева проявились элементы преднационального сознания. В XIX—начале XX в. у разных народов Волго-Уральского региона они формировались в национальное сознание темпами и с особенностями, обусловленными историческим опытом и спецификой социально-экономического развития.

Итак, во второй половине XVI—начале XX в. взаимодействовали противостояли или переходили в открытую борьбу две этнополитические тенденции, которые в этногенетическом аспекте можно обозначить как тенденцию этнокультурной интеграции и ассимиляции и тенденцию сохранения и развития этничности. В административно-политическом и тем более в военно-политическом отношениях силы сторон были неравными. Однако потенциал этничности, опирающийся на столетия предшествующего исторического опыта, оказался достаточно мощным для того, чтобы не только выдержать борьбу, но и подойти к началу XX в. с более высоким уровнем консолидации этнонационального самосознания.

Движение населения со второй половины XVI до начала XVIII в.

Окончание "Казанской войны", установление власти царя на территории бывшего Казанского ханства поставили перед московским правительством задачу укрепления этой власти прежде всего на территории Среднего Поволжья, Предкамья и на более восточных и северо-восточных землях по Прикамью. Эта территория, в основных очертаниях совпадая с зоной влияния и притязаний бывшего ханства, включала ставший традиционным северо-восточный путь движения русских землепроходцев, а вслед за ними русского народа разных сословий на восток, в Прикамье и далее в Западную Сибирь.

Главными опорными пунктами царской власти на Волге стали Казань (на правом берегу), Свияжск и официально провозглашенный в 1555 г. русский городок Чебоксары (на левом берегу). В том же 1555 г. было решено перестроить Чебоксары в крепость. Казань после событий октября 1552 г. была также превращена в русский город, татарское население, в том числе ренегатское, а также духовенство, бежало или было выселено из города. Множество казанских мечетей было разрушено. Для поселения лояльных к правительству, но некрещеных татар было отведено место близ города за озером Кабан, где возникла Старо-Татарская слобода. Согласно писцовым книгам в слободе числилось 150 дворов, однако в

каждом дворе проживало по 10 и более семей. Постепенно слобода сливалась с городом, в нем несмотря на запреты, в конце XVI в. вновь стали строить нечеты⁹⁵.

В 1555 г. с центром в Казани было создано архиепископство, возникли монастыри, строились церкви. В 60-е годы XVI в. военный гарнизон Казани состоял из 978 человек, в том числе 626 стрельцов. Население Казани (города-посада и Кремля) составляли русские переселенцы из центральных районов России — москвичи, вятчи, рязанцы, псковичи и др. Численность населения города, по оценкам историков, приближалась к 10 тыс. человек⁹⁶.

В 1557 г. на правом берегу Нижней Камы, недалеко от ее впадения в Волгу появился опорный пункт Лаишев. Почти одновременно или несколькими годами раньше на Средней Суре была построена крепость Алатырь⁹⁷. Лаишев и Алатырь возникли на южных и юго-западных окраинах бывшего ханства, поэтому их предназначением было служить не только опорными поселениями на вновь присоединенных землях, но и защитой от набегов со стороны степи (см. рис 5). Такие же задачи предстояло выполнять пограничной крепости Тетюши построенной в 1574—1578 гг. на правом берегу Волги⁹⁸. Южные границы бывшего ханства Русское государство в конце XVI в. вынуждено было охранять главным образом от ногайцев, которые в летнее время, занимая степные и лесостепные просторы по обоим берегам Волги, в своих частых и разорительных походах и набегах достигали берегов Нижней и даже Средней Камы, присурских поселений и даже угрожали Чебоксарам⁹⁹.

На левобережном лесном Поволжье сеть опорных городов и крепостей особенно заметно расширяется после восстаний 1571—1573 и 1581—1585 гг. и в ответ на них. На нарийских землях в 1574 г. возник Кокшайск, в 1583 г. на Волге — Козноденьянский, восточнее от него — крепость Алаты (см. рис 5)¹⁰⁰. В следующем, 1584 г. в центре нарийской территории строится крепость Царевококшайск (современный Йошкар-Ола). В 1584—1585 гг. к северо-западу от Царевококшайска появляется крепость Царевосанчурск. В конце 1580-х годов на нарийской земле строятся еще две крепости — Цивильск и Ядрин, а в 1590-е годы на севере расселения нарийцев появляются Уржум и Яранск (см. рис 5)¹⁰¹.

В Среднем Прикамье и Приуралье, на старинных путях продвижения русских служилых людей, еще в XV в. возникли города-крепости Чердынь, Соль-Камский (1430 г.). В конце XVI в., уже после падения Казани, возникли Ново-Никольская слобода (1591 г.), получившая позже статус города и название Оса, Сарапул (1596 г.), острог Мензелинск (1586 г.)¹⁰². Само меридиональное расположение этих крепостей (см. рис 5) показывает, что во второй половине XVI в. русское колонизационное движение направлялось не только с запада на восток, но и с севера на юг. Одновременно территория Перми Великой, город Чердынь, через который пролегла старая московская дорога, явились одним из очагов собирания сил для движения на восток — на Урал и Западную Сибирь. Там в 1586 г. возникают Тюмень — первый русский город в Сибири, в 1587 г. строится Тобольск, ставший на долгое время административным центром Сибири¹⁰³. В северные города, особенно в Чердынь, Соль-Камский (Соликамск), Тобольск, башкиры отвозили ясак. Туда же местным воеводам представляли челобитные на притеснения и злоупотребления властей. Эти связи не ослабли даже тогда, когда в самой Башкирии по р. Белой возникли в последней четверти XVI в. первые города и поселения: Уфа, с Архангельское (с 1663 г. Бирск), Солеварный городок (с 1663 г. Табынск)¹⁰⁴. По мере движения русской колонизационной волны с севера на юг оттеснялась в южном направлении и граница соприкосновения башкирских земель с

русскими, кони-перяцкими, обско-угорскими территориями. В XVI в. границы башкирских земель на севере достигали Чусовой и Сылвы в Приуралье и, видимо, Тавды в Зауралье. Со второй половины XVI в., когда основным путем русского продвижения в Сибирь постепенно становилась старая Казанская дорога по Кане Чусовой и Сылве и далее по Исети и Пышме, давление колонизационной волны на территорию Башкирии с севера и запада усиливается.¹⁰⁵ С этим связаны многочисленные выступления башкир совместно с другими народами против расширения строгановских владений, строительства городов и поселений, что сокращало и приводило к истощению охотничьи угодья местных народов.¹⁰⁶

Многие из вновь возникших приволжских, приканских и сибирских городов становились административными центрами с пребыванием воевод. Количество уездов постоянно росло; царская власть, приближаясь непосредственно к управлению местным населением, укрепляла свои позиции. В то же время города и крепости на территории бывшего Казанского ханства и прилегающих землях от устья Оки до Среднего и Верхнего Прикамья превращались в опорные пункты колонизации и очаги притеснения коренных народов, захватов у них земель охотничьих и рыбных промыслов, произвола и злоупотреблений при сборе ясака. Обращает на себя внимание то упоминание выше движения сопротивления во второй половине XVI в. в которых участвовали татары, нарийцы, башкиры, ханты и другие народы, локализовались главным образом в северной лесной части региона, вокруг или вблизи возникших крепостей и городов (см. рис 5).

Появление сравнительно плотной сети опорных селений, крепостей, городов способствовало росту движения населения из центральных и северных районов России, из поволжских земель на восток — на Вычегду, на Вятку, в Прикамье и далее, в Сибирь. Ненало пришлого населения оседало в самих крепостях. Для службы в них привлекались прежде всего русские служилые люди. В окрестностях городов им выделялась земля, что нередко сопровождалось насильственным изъятием земель и вытеснением нарийцев, мордвы, татар, удмуртов, башкир, чувашей с их территорий. Согласно "Отводной книге...", в Уфе земли отводились в 90-е годы XVI в. "городовому служилону населению, в том числе детям боярским" стрельцам", "воротникам", а также служилым татарам и новокрещеным.¹⁰⁷ В связи со строительством Уржума были согнаны жители одной из нарийских деревень, а ее земля "отдана боярским детям и стрельцам". Посягательство на свои земли, охотничьи угодья усмотрели башкиры и ханты в строительстве строгановского городка.¹⁰⁸

Вслед за служилыми людьми продолжается, то угасая, то вновь оживляясь, движение на восток переселенческого потока русских крестьян. Значительная их часть оседала по пути следования, поселяясь вокруг городов или уходя дальше на север по течению рек по лесным дорогам и тропам. Так начинается процесс формирования с севера Волго-Уральского региона — территории с русским населением. В XVII в. регион принимает очертания, близкие к современным.¹⁰⁹ В Зауралье по рекам Пышма и Исеть также стали возникать крепостные поселения и городки, разделявшие территории расселения зауральских башкир и хантов.¹¹⁰

Во второй половине XVI в. в миграционном движении приняли участие татары и чуваш.¹¹¹ Покидая после разгрома ханства и Казанской войны территорию Предкамья, татары и чуваш направлялись по знакомым путям, вверх по Кане, большей частью оседая в Прикамье, частью уходя дальше в Западную Сибирь или в Башкирское Зауралье. Уже в конце XVI в. небольшие группы луговых нарийцев, вытесненные со своих земель или захваченные общим движением на восток, проникли по Кане, затем по течению р. Белой на территорию северо-западной Башкирии, в бассейн

р Быстрый Таньп (см рис 5)¹¹² Тем самым прокладывался путь для массового переселения в XVII в значительных групп луговых нарийцев в Приуралье.

Укрепление власти царской администрации было сопряжено с трудностями борьбы как с сопротивлением местного населения, так особенно с набегами и организованными нападениями кочевников. Территория Волго-Окского междуречья, принимая с юга к приволжским и донским степям, была открыта с юга и юго-востока для походов крымских татар, ногайцев, а с XVII в. и калмыков. Есть сведения об участии башкир в походах и набегах на Волгу, вплоть до ее правобережных земель¹¹³. Для защиты Волжско-Окских земель, заселенных прежде всего мордвой, а также мишарями, уже вскоре после "Казанской войны" начинают строиться оборонительные сооружения. К 1570-м годам относится начало строительства засечной черты между городами-крепостями Тенников, Алатырь, Тетюши, т.е. по широте нижнего течения Камы, по кромке леса и лесостепи (см рис 5). Расположение засечной линии само по себе свидетельствует о слабой заселенности этих мест и о том, насколько далеко к северу достигали походы степняков.

Крепости, а также засечные линии заселялись служилыми людьми, преимущественно русскими из верхневолжских областей, а с 1580-х годов в возрастающих масштабах — мишарями, чувашами и мордвой из Теникова. Кадоша Шаца В этот же период начинаются переселения крестьян мишарей, мордвы и, видимо, чувашей из более северных районов междуречья (Арзамасского, Тениковского и других уездов) на засечную линию и на более южные земли. Все это вело, естественно, к усложнению этнического состава населения междуречья, к образованию смешанных зон расселения.

Во второй половине 1580-х годов Русское государство осуществляет строительство ряда стратегически выдвинутых к югу и востоку городов-крепостей, призванных укрепить позиции русской власти на вновь присоединенных территориях. На юге, в верховьях Дона, возникли Воронеж (1586 г.), на Волге — Самара (1586 г.), Саратов (1590 г.), Царицын (1589 г.), на Белой была воздвигнута или превращена в военную крепость Уфа (1586 г.), в Зауралье, у границ Сибирского ханства, были построены Тюмень (1586 г.), Тобольск (1587 г.). Города-крепости Воронеж, Саратов, Самара, Уфа, Тюмень, Тобольск образовывали как бы линию продвижения и укрепления русской власти на юге и востоке государства. Однако реализация этой цели в полном объеме оказалась невозможной без дальнейшего строительства крепостей и крепостных линий. Такая стратегия действия диктовалась целями как внутренней политики (одной из важных задач которой оставалось подавление сопротивления коренных народов региона), так и внешней, направленной на укрепление новых границ государства и активизацию политики в южном и восточном направлениях.

XVII век явился решающим в политической интеграции Среднего Поволжья территории Волго-Окского междуречья в составе Русского государства. С конца 1620-х годов началось строительство крепостных сооружений к югу от линии Теников—Тетюши (см. рис 5). Новая линия продвигалась вслед за развивавшейся колонизацией плодородных земель. Переселенцы-крестьяне в первые десятилетия XVII в. проникли далеко южнее от старой линии. На левобережье Волги миграция с севера, из Закамья (преимущественно казанских татар и, вероятно, чувашей) охватила старые булгарские земли в Предкамье. Сюда же, на левобережье, переселились с запада, с Волго-Окского междуречья, сдвинутые обилием потоков миграций или вытесненные из своих земель окско-сурские мишари, мордвы, чуваша. В конечном итоге линия была проложена от Воронежа, т.е. с верховьев Дона до Сибирска на Волге (см. рис 5). Во второй половине

1630-х годов были построены Тамбов, Керенск, Верхний и Нижний Ломов, Инсар, Саранск, Атенар. Эти города-крепости также были связаны между собой пограничными линиями и постами. В 1647—1654 гг. линия была продолжена через Корсунь до Синбирска на Волге. Таким образом, почти вся территория Волго-Окского междуречья была ограждена от степной зоны Поволжья (см. рис 5)¹¹⁴.

В Среднем Поволжье до 40-х годов XVII в. оставалось незащищенным со стороны южных степей и с востока, со стороны Башкирии, Предканье. В Предканье быстро скапливалось население, прибывавшее из Заванья и правобережья Волги. В 1640-е годы здесь было построено для защиты от грабительских набегов калмыков и ногаев несколько продвинутых на юг от Камы опорных пунктов: Актатинск на р. Актай, Шешинск на р. Шешне и Мензелинск на р. Мензеле (см. рис 5)¹¹⁵. Эти небольшие крепости, а также сторожевые посты между ними и образовали определенную систему сооружений. Но уже в 1652—1655 гг. ее заменяет Заванская линия, которая была проложена от Волги (южнее Синбирска) до устья р. Белой. На линии появились крепости Белый Яр, Ерыклинск, Тининск, Новошешинск, Кичуевск, Заинск, Мензелинск (см. рис 5)¹¹⁶. Заванская линия прошла по территории, заселенной, кроме башкир, переселившимися или бежавшими сюда русскими и нерусскими крестьянами. К 1655 г. в крепостях и острогах Заванской линии были поселены конные казаки, стрельцы, полоняники, смоленские шляхтичи, крестьяне, всего 1271 человек¹¹⁷. Переселенцы из среды народов Поволжья (казанские татары, мишари, чуваш, мордва), пересекая линию, селились на башкирских землях в бассейне р. Большой Ик или уходили дальше на восток, в Приуралье. Строительство укрепленной линии вело к "упрочению позиции царского правительства" в Заванье, к появлению в политике царизма в Башкирии признаков "усиления фискального и административного гнета, расширения захватов башкирских земель"¹¹⁸. Башкиры жаловались, что переселенцы оседали на их землях "многими деревнями, и от того многолюдства в вотчинах их всякий зверь лось и медведи, лисицы и куницы, и белки отошли, и бобровые вязы запустели, и им зверя бить, и рыбу ловить и конских стад и скотины выпускать стало негде"¹¹⁹. Появление Заванской линии стало одной из причин, вызвавших башкирское восстание 1662—1664 гг.

Если приближение линии крепостей к башкирским пределам усугубляло без того напряженную ситуацию в Приуралье и на Южном Урале, то в западной части региона, напротив, отход оборонительно-крепостных линий на юг и на восток способствовал возрастанию переселенческих потоков. Период примерно в 40—50 лет, охватывавший последнюю четверть XVII—первую четверть XVIII в., коренным образом изменил этническую ситуацию в Волго-Окском междуречье: с 1678 по 1719 г. русское население здесь возросло на 300 тыс. человек, или примерно на 825%¹²⁰. Русские продолжали селиться преимущественно вокруг городов, вдоль крепостных линий. Целиком русский стало население г. Пензы построенного в 60-е годы XVII в. В 1683 г. на Волге, южнее Синбирска, появилась крепость Сызрань, которая также была заселена русскими — стрельцами, казаками, служилыми людьми, за которыми потянулись крестьяне, ремесленники. Позднее были проложены линии связи Синбирск—Корсунь, Пенза—Сызрань (занемившие заброшенную на севере линию крепостей Синбирск—Саранск) вдоль которых появились новые русские поселения¹²¹.

В XVII в. вслед за миграцией служилого люда, которая проходила под эгидой и руководством правительства как в северном направлении (на Ветлугу, Вятку, Среднюю и Верхнюю Каму), так и на юг (в Волго-Окское междуречье), нарастающими темпами развернулось переселение господских, церковно-монастырских, дворцовых крестьян. Удельный вес последних был

особенно высок в Волго-Окской междуречье. Это позволяет сделать заключение о том, что на территории Междуречья распространились из соседствующей Центральной России помещичье-крепостнические социальные структуры. Уже в 1646 г. в Казанском уезде по переписным книгам насчитывалось 334 поместья русских служилых людей и 154 поместья служилых новокрещеных мурз и татар. Во всех поместьях находилось "большое число" зависящего населения — крепостных крестьян, бобылей, холопов¹²². В северных областях более многочисленным был поток вольного крестьянского переселения, хотя и здесь (с северных областей расселения марийцев и по Средней Вятке) число помещичьих, церковно-монастырских крестьян увеличивалось более высокими темпами, чем в других регионах России.

С 1720—1730-х годов в связи с жесткими мерами борьбы правительства и властей с побегам крестьян происходит спад волны крестьянских передвижений. Однако никакие меры царизма уже не могли прервать, тем более вовсе прекратить крестьянские переселения. Основной поток русских крестьян постепенно переориентируется на южные и юго-восточные плодородные земли, удобные для земледелия. Если до последних десятилетий XVII в. районы выселения были в основном восточные и юго-восточные территории Центральной России, то теперь северная часть Волго-Окского междуречья (районы Арзамаса, Алатыря) сама становится районом оттока русского населения. Русские переселенцы сначала проникают в районы Симбирска, Пензы, Тамбова, затем, двигаясь к югу, начинают заселять области Нижнего Поволжья. Из районов Симбирска вольные переселенцы проникают на правобережье¹²³, в Заволжье, где формируются очаги русского населения.

Описываемые процессы вносят, естественно, изменения и в расселение местных народов. На севере происходит определенный сдвиг границ этнических территорий к востоку и юго-востоку, новый импульс обретает процесс формирования районов расселения марийцев, татар, удмуртов в Прикамье и в башкирском Приуралье. Группы удмуртов, перейдя на левобережье Камы, расселяются по соседству с башкирами, а также с русскими и татарскими деревнями. В Волго-Окском междуречье практически повсюду образовались этнически смешанные районы расселения. По мере строительства крепостных линий правительство поселяло вдоль них наряду с русскими служилыми людьми из татар, мордвы и чувашей. Во второй половине XVII в. из района крепости Курмыш на р. Суре было переселено на линию Симбирск-Корсун 400 татар, под Симбирском поселены 500 татар, 70 мордвы и группа чувашей, на пограничной линии Саранск-Инсар-Верхнее Дюновое-Керensk расселилось 6000 служилых людей, главным образом татар и мордвы (см. рис. 5)¹²⁴. Отсюда группы татар (синярей, тенниковских) и мордвы, издавна связанные с югом, где они "имели пасеки", устремились вместе с русскими переселенцами к югу, в Нижнее Поволжье¹²⁵. Другой поток кичарей, мордвы, а также чувашей направился на левобережье, где они расселились в Заволжье или далее на востоке и юго-востоке. Однако на левобережье Волги интенсивность колонизации еще не набрала силу. В Волго-Яицких степях хозяевами оставались кочевники — башкиры, ногайцы, а также появившиеся здесь калмыки.

Таким образом, в течение второй половины XVI — первых десятилетий XVIII в. в северной части ИЗО и в Волго-Окско-Цнинском междуречье сложилась этногеографическая ситуация, которая, постоянно развиваясь, тем не менее в основных очертаниях сохранилась до начала XX в. Население здесь было многоэтническим (мордва, группы татар, горные марийцы, чуваш, русские), расселение — чересполосное, дисперсное. В северной и западной частях региона во второй половине XVI — XVII в. проявились

два фактора, которые в разное время были свойственны региону в целом. Первый из них — социальная напряженность. Она проявилась прежде всего во множестве спорных земельных дел, возникших между мордвой и служилыми людьми, между русскими и татарскими служилыми людьми, между монастырями, помещиками и местным населением и т.д. Нередко социально напряженные ситуации выливались в вооруженные выступления, восстания, которые во второй половине XVI—XVII в. локализовались преимущественно на севере и западе региона (см. рис. 5). Второй фактор — нарастание демографического давления в зонах активной миграции, что привело к выталкиванию местного населения (мордвы, ишарей, нарийцев, чувашей, татар, удмуртов) с их этнических территорий, к поискам новых мест расселения в Прикамье, в Приуралье, в Волго-Яицком междуречье.

Изменения этнической ситуации на восточных границах региона в XVII—первой половине XVIII в.

В XVIII в. активные миграционные процессы как русского, так и нерусского населения перенесаются в восточную часть ИЗО, на территорию Башкирии. Строительство опорных крепостей в Заванье и на Новой Заванской линии придало сильный импульс этим процессам. На рубеже XVII—XVIII вв. этнический состав населения западной части Башкирского Приуралья, как и Заванья, был уже сложным и пестрым.

Для понимания этнических аспектов истории региона в XVIII—XIX вв. необходимо обратиться к быстро изменяющейся ситуации на восточных и южных пределах расселения башкир. В XVI в. традиционными соседями башкир на всем протяжении восточных и южных границ были ногайцы, а в Зауралье — различные группы сибирских татар (прежде всего тобольских, тюменских, а также к востоку — ялаторовских, барабинских). Это "соседство" нередко переходило в смешанное расселение на одной и той же территории башкир и ногайцев, башкир и сибирских татар.¹²⁶ Характер взаимосвязей башкир с ногайцами и сибирскими татарами был различным. Периоды мирного соседства, а то и тесного союза и сотрудничества в совместных набегах и борьбе чередовались с открытой враждой и вооруженными столкновениями. Башкиро-ногайские отношения стали приобретать преимущественно конфликтный характер к середине XVI в., башкиро-сибирско-татарские — несколько позже, в конце XVI — начале XVII в.¹²⁷ Главнейшим фактором, обострившим противоречия и борьбу, была ориентация башкир, прежде всего ее социальной верхушки, на сближение и сотрудничество с Россией, что завершилось поэтапным присоединением Башкирии к Русскому государству. Зауральская часть башкир окончательно приняла подданство русского царя в первой четверти XVII в., когда сибирские татары во главе с кучуновичами еще пытались продолжать борьбу.¹²⁸ С этого момента сложные и противоречивые связи зауральских башкир с сибирскими татарами в политическом отношении занетно ослабляются и постепенно сходят на нет.

Политический исход событий в Западной Сибири был результатом продвижения и военной активности русских служилых людей и казаков, начало которых восходит еще к походу Ермака (1581—1585 гг.). К концу XVI в. русские прочно утвердились в Сибири, основав Тюмень (1586 г.), Тобольск (1587 г.), Верхотурье (1598 г.), Тару (1594 г.), а в начале XVII в. — Томск (1604 г.). Уже тогда начинает формироваться Сибирская линия крепостей и форпостов, имеющих целью обеспечить русское продвижение вглубь Сибири, обезопасить вновь приобретенные территории и появившиеся здесь русские поселения от кочевавших по Ишну и

верховьям Тобола сибирских татар и казахов Среднего Жуза¹²⁹ Вокруг Тюмени, Тобольска, Верхотурья появляются казачьи поселения Отсюда в первой половине XVII в сибирские казаки постепенно продвигаются в Зауральскую, точнее, в западносибирскую Башкирию Появляются крепости, остроги и монастыри на Исети: Красный Бор (1649 г.), Исетский острог (1650 г.), Колчеданский острог (заложен в 1650 г., строился позже), Кайтаский острог (1646 - 1651 гг.), Долнатов монастырь (1644 г.) Так было заложено начало формированию исетского казачества Постоянно пополняясь вновь прибывающими колонистами из Европейской части России, исетские казаки во второй половине XVII в строят вдоль Исети новые крепости и слободы и продвигаются к югу по правым исетским притокам — Миасу, Тече, Синаре По Миасу появились слободы Усть-Миасская (1670 г.), Окуневская (1676 г.), Чумлятская (1676—1686 гг.), Белоярская (1698 г.), Верхне-Миасская В низовьях Течи казаки построили Крутининскую слободу (1685 г.), а затем вверх по течению появились слободы Верхне-Теченская, Теченская На Синаре в 1682 г появилась Богарятская слобода Быстро растет население в бассейне Исети С 1686 по 1710 г только по четырём слободам Исетского края" (Слободы Царево Городище, Суерская, Усть-Суерская, Белозерская) население увеличилось в среднем в 9 раз¹³⁰

Таким образом, на северных границах расселения западносибирских башкир появилась Исетская линия крепостей и многочисленные казачьи слободы по правым притокам Исети, которые в совокупности образовали достаточно внушительную военную силу Русского государства на путях движения русских колонистов на восток в начавшуюся эпоху освоения обширной Сибири Позднее, в первой половине XVIII в (сначала с 1736 г.), исетские казаки — в этническом отношении выходящие из самых различных губерний и областей Русского государства — были реорганизованы в Исетскую казачью армию

Для западносибирских башкир формирование Исетской линии и исетского казачества в этногенетическом аспекте имело два взаимосвязанных последствия Башкиры были отрезаны, по существу, изолированы и отодвинуты к югу от своих давних охотничьих и рыболовных угодий по Исети и Пышме Судя по источникам, башкиры в поисках пушного зверя достигали Тавды и ее притоков С другой стороны, на эти же земли по Тавде, Пышме и Исети приходили с севера манси, и особенно ханты. Есть основания полагать, что бассейн этих трех рек издавна являлся южной периферией расселения вогулов (манси) и остяков (хантов) Имеются указания историков о контактах и взаимодействии башкир и хантов на этой территории¹³¹ О масштабах этого направления этнических процессов судить трудно едва ли они были значительными, так как длительность контактов башкир и хантов в Зауралье в историческом масштабе времени была не очень продолжительной — не более одного — полутора столетий, на протяжении XV—XVI вв С конца XVI в эти контакты и взаимодействия, как видно, были разрушены и практически прекратились

Другое последствие обрисованных событий было связано с тем, что оттеснение башкир от Исети к югу активизировало контакты западносибирских башкир с казахами Среднего Жуза, кочевья которых примерно в середине XVII в появились в степях между верхними течениями Иика и Тобола¹³² Образовалась зона взаимодействия башкир и казахов по всему Зауралью, от бассейна р Уй до широтного направления течения р Яик и южнее Возможно, на этом пространии контакты башкир и казахов имели место и до середины XVII в, однако в источниках (в том числе полевых записях) сведений, относящихся к более раннему периоду, чем вторая половина и даже конец XVII в, нет

В то же время русские власти знали о казахах с конца XV в. Московские послы в Казахское ханство, в частности посольства Семена Мальцева и Третьяка Чубукова к Хакх-Назар-хану в 1534, 1568 гг., оставили в своих донесениях информацию, несомненно, ценную и с точки зрения нашей темы. По их данным, ногайцы и казахи были соперниками и враждовали в степи; соперничество нередко переходило в открытую войну, в ходе которой казахи стали теснить ногайцев с давних мест их господства, в том числе в Яицко-Тобольских вершинах.¹³³ Казахи издавна были в состоянии войны с ханами узбекской династии Шайбанидов, а также с принадлежащими к этой же династии Кучуковичами Сибирского ханства.¹³⁴ Таким образом, уже в конце XVI в. казахи, кочевья которых продвигались к западу и северу, вошли, вероятно, в соприкосновение с башкирами.

Сложное положение казахов, находившихся в состоянии войны и борьбы с ногайцами, сибирскими татарами, с доном Шайбанидов, а также изменяющаяся политическая обстановка в Поволжье, где укреплялись позиции Русского государства, побудили хана Младшего Жуза Тевекеля уже в конце XVI в. (1594 г.) направить послов в Россию.¹³⁵

Обстановка на восточных и южных границах Башкирии особенно круто изменилась в связи с походами калмыков (ойратов). Калмыки появились в казахских степях в начале XVII в., есть известие о столкновении казахов с калмыками в 1608 г. где-то в приишимских степях. Возможно, инициатива хана Тевекеля была вызвана дошедшими до Западного Казахстана известиями о начале калмыцкого нашествия. В 1620-е годы основная масса калмыков (50 тыс. кибиток, или около 300 тыс. человек)¹³⁶ устремляется по северным территориям Казахстана, через степи, по верховьям Иртыша, Ишима, Тобола на запад. В 1630-е годы калмыки пересекли р. Яик и достигли Волги. Позднее калмыки уже на правобережье Волги, в степях Волго-Донского междуречья обрели свою новую этническую территорию.¹³⁷ Появление калмыков внесло существенные изменения в политическую ситуацию в приволжских, южноуральских и зауральских степях. Казахи, находящиеся с калмыками в состоянии ожесточенной войны,¹³⁸ с одной стороны, будучи оттесненными к северу, вошли примерно с середины XVII в. в контакты и взаимодействие с юго-восточными и западносибирскими башкирами, с другой — были вынуждены установить дипломатические отношения с Русским государством. Особенно частыми и тесными были взаимосвязи с казаками у башкир кара-табынского рода по рекам Уй, Миасс и верховьям Яика, башкир барым-табынского, куваканского, тамьянского, карагай-кыпчакского, бурзянского, кара-кыпчакского, усерганского и некоторых других племен и родов по всему бассейну р. Яик в ее верхнем и среднем течении.¹³⁹ В середине — второй половине XVII в., когда казахско-калмыцкая война приняла особенно ожесточенные формы, часть казахов поселилась или надолго оставалась на башкирских землях в Уйско-Миасском междуречье и по правым притокам р. Яик. На территорию расселения башкир-усерганцев прикочевали казахи пленены аргы. Об этом рассказывается в шежере усерганской деревни Манбет. Тогда обычными были башкирско-казахские браки, кочевания на общих пастбищах, совместные празднества с состязаниями между башкирами и казаками в борьбе, скачках, стрельбе из лука. Но также обычными были и столкновения, взаимные набеги из-за пастбищ, уныкания девушек, соперничества башкирских и казахских биев и султанов и т. д.¹⁴⁰

Калмыцкие тайши в XVII в. стали влиятельной силой в степях от верховьев Оби до Волги. Это был период подъема движения башкир против нарушения царизмом и его администрацией условий мирного присоединения башкирских племен к Русскому государству, против нарушений их вотчинных земельных прав, злоупотреблений, политического давления. Особенно

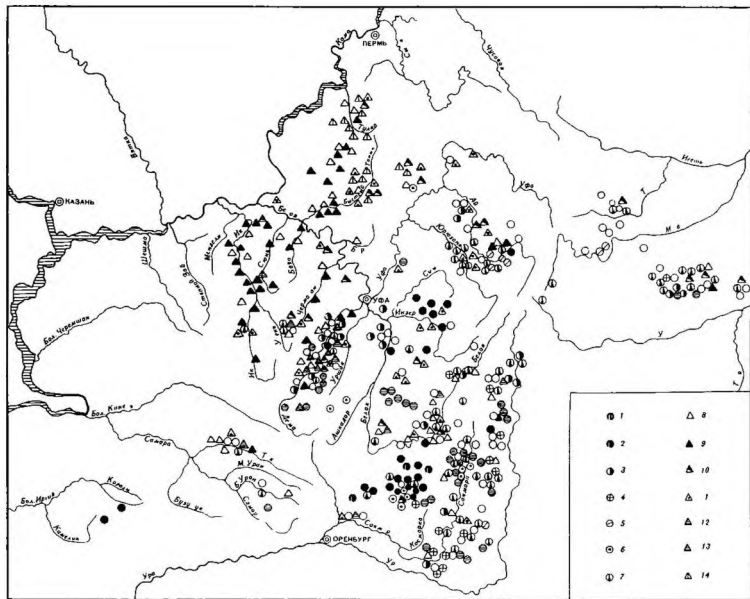
активно протестовали башкиры против продвижения на их земли крепостных сооружений, в строительстве и укреплении которых они усматривали опасность для своей автономии, земельно-вотчинных прав, религии и традиционной культуры Калмыки, ведя борьбу за контроль в степи с казахами и сибирскими татарами в Зауралье, в Южном Приуралье и в Поволжье, вошли в соприкосновение с ногайцами, башкирами и Русским государством. Утверждение власти и влияния калмыков в степях сопровождалось ожесточенной борьбой с ногайцами. Политическое возвышение калмыцких тайшей означало в сущности падение бывлой ногайской мощи¹⁴¹. В этногенетическом аспекте XVII в. явился временен распада ногайского единства; часть ногайцев бешала на север, в башкирские земли, где постепенно влилась в состав башкирского этноса¹⁴². Разрозненные ногайские группы и отдельные семьи растворились в основном в среде юговосточных, северо-восточных, западносибирских и демских башкир, что достаточно отчетливо иллюстрируется картой распространения этнонима "ногай", "нугай" на территории Башкирии (рис. 7)¹⁴³. Значительные группы ногайцев были ассимилированы калмыками и теи самым приняли участие в формировании нового облика волжско-калмыцкого этноса. Многие ногайские роды откочевали вслед за своими предками на Северный Кавказ, где Большие Ногаи еще пытались поддерживать былые традиции¹⁴⁴.

На южных и восточных границах Башкирии место утративших политическое влияние ногайцев заняли калмыки¹⁴⁵. Политическая ситуация в определенной степени стимулировала облишение башкир и калмыков, толкала их на совместные выступления против продвижения царизма на восток, хотя и те и другие находились в отношениях подданства с Русским государством (башкиры) или вступали в них (калмыки). Известны совместные выступления башкир и калмыков в разных районах Башкирии, участие калмыков в башкирских восстаниях, набеги башкир и калмыков на оборонительные линии и крепости Закавказской линии, хотя в целом отношения калмыков и башкир были сложными и противоречивыми. После поражения восстания 1662 - 1664 гг. часть повстанцев (около 8 тыс. башкир) укрылась в калмыцких степях, вступив под покровительство Дойчин-тайши и Аюка-хана¹⁴⁷. Предания, исторические рассказы содержат сведения о брачных связях башкир и калмыков, о родственных отношениях¹⁴⁸. Есть основания предполагать, что вместе с башкирами из южных степей в Башкирию переселялись и калмыцкие группы. Позднее, когда сами калмыки переживали спад политической активности, группы калмыков перекочевали на башкирские земли и влились в состав башкирского этноса. Об этом свидетельствуют сарт-калмакский род в западносибирской части Башкирии, этноним "калмак", распространенный во всех восточных районах расселения башкир (см. рис. 7)¹⁴⁹. Примечательно, что в наказе башкир Исетской провинции Уложенной комиссии говорится о том, что хотя часть

* В январе 1663 г. один из руководителей башкирского восстания 1662-1664 гг. призвал калмыков через своего посла Тайчин-тайша с разными людьми идти под Тюмень Войском. "(ИИБ. Ч.1. С.163)

Рис.7. Расселение родоплеменных организаций башкир с этнонимическими названиями Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы (XVIII-XIX вв.)

1 - ногай, 2 - туркмен, 3 - сарт, 4 - каракалпак, 5 - узбек, 6 - калмак, 7 - казан (киргиз), 8 - татар (казанцы, казанские люди), 9 - таттар, 10 - мияшар, 11 - сармеш (мары), 12 - чуваш, 13 - мордво (мушкы), 14 - удмурт (ар)

башкир именуется "калмыками и "сартани", в действительности они "одинаковых с ними обычаев" Базаргул Юнаев, один из авторов наказа, предлагает впредь именовать их "башкирами", "а звание сарт и калмык оставить"¹⁵⁰

Рост интенсивности башкиро-казахских контактов относится к началу XVIII в и связан с событиями в Восточном Казахстане В 40-е годы XVII в выступили джунгары, так же как и калмыки, один из западномонгольских союзов В 1643—1644 гг джунгары вторглись в Южный Казахстан, в Семиречье В 1652 г в очередном сражении казахов с джунгарами погиб казахский хан Джангир Опустошительные походы на казахские земли джунгары предприняли в 1670—1680-е годы, захватив обширные территории юго-восточного Казахстана¹⁵¹

После небольшого затишья в самом конце XVII в казахско-джунгарские отношения вновь обострились Джунгарский правитель Цеван-Рабтан, пришедший к власти в 1697 г, вел "непрестанную войну" с казахами и с каракалпаками, которые с казахами "заедино воюют"¹⁵² Крупные вторжения джунгарских войск в пределы Казахстана произошли в 1710—1711 гг, в 1713 г, в 1718 г Широкое наступление джунгарских властителей на Казахстан началось в 1723 г, когда заключенный в 1722 г джунгаро-китайский мир позволил собрать для войны с казахами войско почти в 100 тыс человек 1723 г в истории казахского народа считается годом начала "великого бедствия". Раздробленные и застигнутые врасплох казахи отступили перед джунгарами, "бросая скот, кибитки, имущество"; казахи Старшего и Среднего Жузов устремились к Сырдарье, казахи Младшего Жуза бежали на запад, в долину р Эмбы¹⁵³ Под давлением джунгаров около 30 тыс казахов Младшего Жуза¹⁵⁴ перешли Эмбу и приближались к Яику Новая и крупная волна пришедших на Яик казахов вызвала тревогу среди кочующих между низинными течениями Волги и Яика калмыков, которые обратились за помощью к Русскому государству При посредничестве царского правительства в середине XVIII в Яик становится границей между казахами и калмыками¹⁵⁵

Джунгары преследовали казахов и в северо-западном направлении Они опустошали казахские аулы Среднего Жуза по Ишиму, "истребив или захватив в плен население и угнав скот Оставшиеся в живых казахи бежали к русским границам"¹⁵⁶, т е к Тоболу, Ую, к верховьям и среднему течению Яика Здесь к середине XVIII в они вошли в более тесное, чем раньше, соприкосновение с башкирами

Таким образом, в первых десятилетиях и в середине XVIII в границы расселения казахов достигли Яика на всем протяжении его течения Нередки были случаи, когда казахи переходили на правобережье Яика и углублялись далеко в степи Волго-Яицкого междуречья или в предгорья Южного Урала В Тоболо-Ишимских и приустьевых степях кочевали племена Среднего Жуза, в Южном Приуралье, а также по течению левых притоков Яика — казахи Младшего Жуза

Противоборство казахов с джунгарами продолжалось около 100 лет Лишь с середины 20-х годов XVIII в, когда казахские жузы, преодолевая свои внутренние усобицы, стали действовать сообща, освободительная борьба казахского народа стала приносить успех Весной 1730 г объединенные силы трех казахских жузов одержали в местности Аиракай крупную победу над джунгарами¹⁵⁷ Однако эта битва еще не полностью устраняла угрозу новых походов джунгарских феодалов Борьба с этой угрозой явилась одним из факторов, обусловивших присоединение Младшего Жуза казахов во главе с ханом Абулханром в 1730—1731 гг к Русскому государству¹⁵⁸

События казахско-джунгарской войны, присоединение Младшего Жуза

казахов к Русскому государству вплотную сблизили этнические территории казахов, башкир, калмыков. В конце XVII — первой половине XVIII в. на огромных просторах Южной, Центральной и Восточной Башкирии, в Зауралье, в бассейне Яика и в Волго-Яицком междуречье складываются близкое соседство и тесное взаимодействие трех крупных этнических образований — башкир, калмыков, казахов. Характер этого соседства и контактов был сложным и противоречивым. Взаимные набеги, традиционно свойственные отношениям кочевников сочетались с совместными походами и выступлениями против исетских казахов, сторожевых русских постов, на оборонительные линии. Главными источниками напряжения между казахами и башкирами, казахами и калмыками, калмыками и башкирами были борьба за пастбища, стреление казахов перегонять стада на правобережье Яика, в Волго-Яицкие степи или в предгорья Южного Урала¹⁵⁹, вторжения калмыков в башкирские пределы как с восточной, так и западной стороны Урала. Башкирские восстания, где бы не находились их очаги, часто распространялись на территорию всей или большей части Башкирии, нередко тягивали в борьбу калмыков и казахов. Башкиры и калмыки не раз атаковали крепостные сооружения Закамской линии, достигали Каны и даже Волжского побережья. В борьбе башкир на Исети против продвижения русских крепостей и слобод в Зауралье постоянно участвовали казахи. В ходе жестокого подавления башкирских восстаний повстанцы с семьями надолго скрывались в казахских и калмыцких степях. Так, после поражения восстания 1755 г. перешли Яик и ушли в Казахстан 10 тыс. семей башкир¹⁶⁰.

Без специального исследования трудно оценить масштабы этнического взаимодействия башкир, казахов, калмыков, значимость и влияние казахской и калмыцкой инкорпорации в башкирскую этническую среду. Судя по широкой распространенности этнонимов "казах", "калпак" на всей территории Башкирии, кроме северо-западных районов (см. рис. 7), масштабы башкиро-казахского, башкиро-калмыцкого этнического взаимодействия были значительными.

Процессы, происходящие в Башкирии, миграции и передвижения калмыков и казахов, борьба в степи привлекали пристальное внимание Русского государства. Частые и крупные башкирские восстания, участие в этих восстаниях казахов, калмыков, татар создавали угрозу стабильности политической власти России в Башкирии. Активная дипломатическая деятельность Русского государства на востоке, которая включала также политику насаждения вражды между народами, провоцирование междоусобиц и вооруженной борьбы между башкирами, татарами, калмыками и казахами, хотя и имела определенный успех, но не могла решить стратегических цели царизма по полной политической, экономической и культурно-идеологической интеграции Башкирии в состав Русского государства. Укрепление позиции русской администрации в северной и западной областях региона, а также новые цели России на востоке в петровскую эпоху создавали возможность и одновременно потребность разработки широкомасштабной программы по их реализации. В годы правления Петра I к традиционным целям политико-экономической интеграции Башкирии в состав Русского государства и подавления сопротивления башкир добавились

* К подавлению башкирского восстания 1755 г. царизм привлек, кроме русских регулярных войск, 3 тыс. казахов, 1 тыс. калмыков, 5 тыс. татар. Кроме того, манифестом от 26 сентября 1755 г. правительство обратилось к татарам с призывом ловить "букташников"; за это "доавлялось" брать в свою пользу имущество участников восстания, а также жен и детей, которых можно было продать во внутренние губернии России (Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. С. 198—199).

новые задачи, которые, безусловно, стимулировали активность царизма. Среди этих задач наиболее важными стали, во-первых, продвижение на юго-восток с целью расширения торговли со Средней Азией и, по замыслу Петра, установления новых торговых путей со странами Востока, включая Индию. Во-вторых, петровский замысел включал создание рудодобывающей и металлургической промышленности на Урале. Реализация как главной стратегической цели государства, так и петровских идей диктовала необходимость обновленной политики в Башкирии и в Волго-Яицком междуречье.

Этнические последствия деятельности Оренбургской экспедиции

Разработка программы практических действий в русле новой политики и претворение их в жизнь были возложены на Оренбургскую экспедицию, которую последовательно возглавляли И. К. Кириллов (1734—1737 гг.), В. Н. Татищев (1737—1739 гг.), В. А. Урусов (1739—1744 гг.). Замысел, родившийся еще в окружении Петра, И. Кириллов и В. Татищев превратили в грандиозный проект.¹⁰¹ По этому проекту, должны были быть построены новые крепостные линии (включающие поселения, форты, редуты, аванпосты) по южным и восточным границам Башкирии. Линии должны были быть протянуты от Волги вдоль Санары-реки до Яика в среднем его течении, затем по течению Яика повернуть на восток до его изгиба на север. В Зауралье крепостные сооружения планировалось возвести "в Яицких вершинах" и вдоль всего течения р. Уй до ее впадения в Тобол. Здесь, согласно проекту, Уйская линия должна была, с одной стороны, сойтись с крепостями, возведенными на Тоболе, с другой — соединиться с Сибирскими линиями (Ново-Ишимской, Иртышской), которые от Тобола шли на восток по Западной и Южной Сибири.¹⁰² Как видно, реализация гигантского замысла должна была закрыть границы Башкирии, полностью окружив этническую территорию башкир с юга и востока.

Осуществление проекта было рассчитано на многие годы, однако напряженность в политической ситуации в регионе заставляла царизм форсировать строительство. Еще в 1731—1733 гг. была построена новая Закавказская линия, которая шла от Санары на Волге к Кане. Здесь были построены крепости Красный Ир, Сергиевск, Кондурчинская. У Кичуйского фельдшанца Новая Закавказская линия соединялась со Старой Закавказской линией, которая шла далее к Мензелинску.¹⁰³ Крепости и форты Новой Закавказской линии продвинулись к востоку сравнительно на небольшое расстояние: на 150—200 км, однако в результате ее строительства большая часть Закавказья с пестрым этническим составом ее пришлое население оказалась внутри оборонительных сооружений.

Строительство Новой Закавказской линии явилось, собственно, последним аккордом старой тактики постепенного продвижения. В русле новой политики в короткие сроки была выстроена Санарская линия. За один 1736 г. на р. Санаре появились крепости и форты Мочинская, Ворская, Елшанская, Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская, Тевкелев брод, Переволоцкая и др. (см. рис. 5). В течение 1735—1743 гг. была создана Оренбургская линия. В 1735 г. в устье р. Орь, на границе башкирских и казахских земель, был заложен город Оренбург. После закладки нового города Оренбурга (1741—1742 гг.) в устье Сакмары старый город преобразовали в Орскую крепость (с 1741 г.). Между Оренбургом и Орской крепостью на р. Яик выросли укрепленные пункты, форты, крепости Красногогорская (1743 г.), Озерная (1736 г.), Губерлинская (1738 г.), Никольская, Подгорная и др. Вверх по Яику, на север от Орска, в 1735—1740 гг. выросли форпосты, редуты Тереклинский, Орловский, Уртазым-

кий, Кизильский, Ингельский, Магнитный, Спасский, крепость Верхояцкая и др. В те же годы на р Уй возникли крепости Туклы-Каратайская, Петропавловская, Степная, Троицкая, Каракульская, Крутойрская, Усть-Уйская, а также множество фортов и редутов, образовавших Уйскую линию. В целом Самарская, Оренбургская и Уйская линии к началу 1740-х годов опоясали Башкирию, в короткий срок отодвинув защищенные границы России на сотни верст к югу и востоку (см. рис. 5). В связи с новыми сооружениями надобность в Старо-Заканской и Ново-Заканской линиях отпала и уже в 1740-е годы они были оставлены военно-служилым людям¹⁰⁴.

Крепости и другие сооружения на линиях были заселены служилым людом. Позднее царское правительство учредило Оренбургское казачье войско, в состав которого вошло также казачье население крепостей, построенных в 1730-е годы по Сакнаре (Пречистенская, Воздвиженская) или еще с более ранних времен — во внутренних районах Башкирии (в 1736 г. крепости Табынская, Еддяцкая, Ногайбакская). Оренбургское казачество возникло на русской этнической основе, однако в крепостях несли службу также нишари, башкиры, чуваш¹⁰⁵. В отличие от уральских казаков оренбургское казачество сложилось преимущественно в результате целенаправленных действий царского правительства по созданию военного служилого сословия. В 1740 г. по сведениям, представленным генералом Л. Я. Саймоновым в Правительствующий Сенат, в крепостях, фортах и аванпостах, расположенных на территории Башкирии, пребывало 8 тыс. человек "нерегулярных и регулярных войск и, кроме того, 3 тыс. человек "в действии"¹⁰⁶. Среди войск, собранных для подавления восстания Карасакала (1740 г.), Л. Я. Саймонов перечисляет, кроме русских, татар, черекис, "верных башкирцев", "нещеряков"¹⁰⁷.

Еще в первой четверти XVII в. были построены первые крепости по среднему ниже города Оренбурга и нижнему течению Яика (Яицкий городок — около 1613—1622 гг.). В течение XVII — первой половины XVIII в. возникли крепости Татишевская (1736 г.), Нижнеозерная, Расытская, Илецкий городок, Сахарная, Калыцкая, Кулагинская, Баскаевская и, наконец, в устье реки — городок Гурьев. В 1753 г. по среднему течению р. Илек была воздвигнута крепость Илецкая защита (см. рис. 5). Между крепостями возникли многочисленные редуты, форпосты, которые вместе с крепостями образовали Яицкую (Уральскую) укрепленную линию. Здесь уже в XVII в. сложилось уральское казачество. Волные переселенцы на Яике стали появляться еще с конца XVI в. С 1591 г. они привлекались царским правительством к участию в походах. По переписи 1723 г. общее число уральских казаков было 6125 человек. В XVII в. уральские казаки были официально приняты Россией в подданство. Они были сформированы в Яицкое казачье войско, которое получило в пользование земли от устья до верховьев реки, хотя на Оренбургской и Уйской линиях служилое казачество относилось себя к самостоятельным образованиям.

Этническую основу уральского казачества образовали доикские, запорожские и гребенские казаки, волные русские поселенцы. В то же время состав казачества был очень пестрым: казачью службу несли небольшие группы ногайских, астраханских и крымских татар, а также башкиры, чуваш, мордва, черкесы, калмыки¹⁰⁸.

Последствия строительства новых крепостных линий и организация в них казачьей службы в этногенетическом аспекте оказались долговременными и значительными. В регионе сложились две новые группы русскоязычного населения — оренбургское и яицкое (уральское) казачество — со специфическим социальным статусом, самобытным жизненным укладом и бытом. Вдоль укрепленных линий от Волги (г. Самара) до верховьев Яика и долины Уя возникли многочисленные русские поселения. Центральная и

восточные части ИЗО с юга и востока так же, как и с запада и севера, стали соседствовать с территориями, сплошь заселенными русскими населением. В результате Среднее Поволжье окончательно потеряло положение пограничной области. Ликвидация военной службы в Закавказских линиях сняла преграды и способствовала усилению движения народов Среднего Поволжья — казанских татар, нигарей, мордвы, чувашей, а также русских крестьян — на восток, в Башкирское Приуралье и на Южный Урал. Город Оренбург, возникший на выгодных торговых путях, постепенно стал перенимать часть функций Казани как политического центра по управлению регионом. Оренбург стал не только военно-административным центром управления башкирами и другими народами восточной части ИЗО, а также вошедшим в состав Русского государства казахами Младшего Жуза (1730—1731 гг.), но и форпостом дальнейшего продвижения России на восток. В то же время Яицкая укрепленная линия в совокупности с Оренбургской и Уйской линиями практически перекрыла традиционные пути движения кочевников из Азии в Европу. Едва ли сказанное означает, что знаменитые "уральские ворота", через которые на протяжении двух тысячелетий кочевники двигались с запада на восток и с востока на запад, захлопнулись. Однако нет сомнений в том, что традиционные контакты и взаимосвязи башкир со Средней Азией и Казахстаном, с казахами, каракалпаками, узбеками, туркменами, были сильно ограничены, а то и разорваны. Одновременно это означало, что с середины XVIII в. не только западная и центральная, но и восточная Башкирия в хозяйственно-экономическом и культурном отношении стали тяготеть к Волго-Уральской ИЗО.

В свете нашей темы главным результатом строительства новых пограничных линий явилось окончательное утверждение господства царизма в Башкирии, превращение ее во внутреннюю область России. Процесс, однако, оказался длительным и исключительно тяжелым и мучительным для башкирского народа. Башкиры оказали сильное сопротивление, ответив на новое мощное наступление царизма одним из крупнейших в истории Башкирии восстанием 1735—1740 гг. О восстании существует большая литература¹⁰⁰, в которой дается, однако, различная, порой противоречивая оценка этого движения. В аспекте нашей темы подчеркнуты значимость следущих моментов. В идеологических предпосылках восстания на первом плане фигурируют опасения башкир (в связи со строительством Оренбурга, возведением новых крепостей и крепостных линий, с ужесточением наступательного, антинародного характера политики царизма) потерять полученные по условиям присоединения к России вотчинные права на земли, статус относительного внутреннего самоуправления, самостоятельность и традиции культурно-религиозного быта. О том, что вероятность именно такого направления развития событий башкирами и их предводителями ясно осознавалась, свидетельствует письмо из Петербурга старшинам и муллы Токчура Алякова, адресованное башкирам всех четырех административных дорог Токчура Алякова, входивший в состав посольства М. Тевкелева в Казахстан, был, очевидно, человеком информированным. Сообщая о планах организации Оренбургской экспедиции, Токчура Аляков писал, что он в Петербурге "уведомился, аки бы всеми их (т. е. башкир — Р. К.) землями хотят завладеть" и что строительство Оренбурга и реализация других проектов лишит башкир прежних свобод "из-за того уже им (башкирам — Р. К.) никакой воли не будет"¹⁰¹. Перед башкирским обществом, таким образом, вновь со всей остротой предстала классическая проблема "земли и воли".

Сущность складывающейся в Башкирии ситуации толкала башкир на борьбу за основные принципы их существования, бытия и самосохранения. Башкиры знали или ощущали реальность угрожающего характера поворота в

колониальной политике царизма В 1725 г кунгурский бургомистр Юхнев, объехавший с целью переписи всю территорию Башкирии, доносил в Кабинет свои предложения о способах решения судьбы башкирского народа раздать башкир в крепостные во внутренние области России, подвергнуть крещению, а оставшиеся "пустыни" земли башкир заселить русскими¹⁷¹ Начальник Оренбургской экспедиции И К Кириллов десятилетием позже разработал программу ограничения, а то и уменьшения численности башкир, лишения их всяких экономических и политических прав. Меры, предлагаемые И К Кирилловым, на которого была возложена ответственность за политику правительства в Башкирии, включала продажу башкир в рабство и крепостничество, провоцирование войны (нацеленной на взаимное уничтожение) между башкирами, татарами, казахами, калмыками ограничение естественного прироста путем разрушения семейного уклада башкир и отсылки мужчин на длительные сроки на военную службу или разные работы и т д¹⁷² Эти и подобные политические ориентации, программы их реализации формировались годами и десятилетиями с участием широкого круга российской администрации. Они так или иначе становились известными башкирам и другим народам края. Реальные шаги и поступки царских чиновников и администрации только подтверждали жестокие намерения царизма Эти реальности складывались из откровенного, грубого ограничения власти башкирских старшин (с нарушением условия присоединения "живите по обычаям"), унижительных наказаний башкир перед всем "обществом", изъятий земель под крепости, слободы, поселения для наделения служилого люда, частых и крайне обременительных командировок в походы, на службу на крепостные линии, сбора ясака со злоупотреблениями и т д. Таковы главные причины, которые объясняют длительность, ожесточенность борьбы, стремление башкир на разных этапах восстания отказать от русского подданства, "отойти" к другому сюзерену, избрать своего "башкирского" хана и создать свою государственность В этом же объяснение, наконец, необычных и трагических по последствиям акций — попытка избавиться от произвола царизма путем ухода крупных групп башкир из Башкирии, со своей родины, в степи Казахстана или Калмыкии

В этногенетическом аспекте восстание 1735—1740 гг так же, как в целом башкирские восстания XVII—XVIII вв., имело неоднозначные последствия С одной стороны, социальные движения явились выражением углубляющейся консолидации народа. В свою очередь народная борьба в ходе восстаний стимулировала интенсивность консолидационного процесса, усиливала сознание единства башкирского народа. С другой стороны, жестокое подавление восстаний сопровождалось частичной сегментацией этноса, уходом групп повстанцев с этнической территории, огромными физическими потерями, которые в совокупности не могли не сказаться на состоянии башкир как популяции Число погибших, казненных, проданных в рабство и крепостную неволю (и поэтому навсегда оторванных от родины) только в период восстания 1735—1740 гг приблизилось к 30 тыс человек и составило 12—14% всего башкирского населения¹⁷³ Политическая ориентация царизма в отношении восставших и башкир в целом, действия карательных войск, гибель, казнь и наказания повстанцев явились одной из причин демографической стагнации башкирского этноса на протяжении XVII—XVIII вв.¹⁷⁴ Это в свою очередь обусловило противоречивость этнического развития башкир в эту эпоху, а также особенности этнокультурных взаимосвязей и взаимодействия башкир с пришлым населением

В задачи настоящей работы не входит оценка характера башкирских восстаний Занечу лишь, что в этногенетическом аспекте восстание 1735—1740 гг было народным движением; в нем были сильные мотивы освободительной войны Восстание одновременно было пронизано и соци-

альным сопротивлением нарастающему колониальному гнету. В ходе этой борьбы социальные противоречия в самом башкирском обществе, как бы они ни были велики, должны были отступить на второй план. Все слои башкирского общества, а также некоторые группы нерусского населения Башкирии объединились в борьбе, в которой можно усмотреть признаки преднационального движения. Руководителями движения выступили социальные верхи башкирского общества, прежде всего старшины, а также мусульманское духовенство. Именно на эти категории населения обрушились в первую очередь карательные санкции царизма, который в XVIII в., кроме других целей, считал своей задачей устранение, а то и уничтожение традиционного слоя социальной верхушки общества¹⁷⁹, тесно связанной в силу общинного, вотчинного землеустройства с массой рядовых башкир.

В последней четверти XVIII в., в ходе проведения в екатерининскую эпоху административных и социальных реформ, политика царизма была переориентирована на создание в башкирском обществе обновленной социальной опоры и на сотрудничество с ней. В новую элиту наряду со старой немногочисленной башкирской родоплеменной аристократией вливались политичное по составу чиновничество, торговцы и предприниматели, верное "духовенство и т.д., которые в совокупности стали надежным партнером царизма и проводником его политики в регионе. В период кантонной системы управления Башкирией (1798—1865 гг.) социальная элита башкирского общества стала пополняться военно-служилыми и военно-бюрократическими чинами башкирского иррегулярного войска. В переориентации политики царизма (без изменения основных стратегических целей по дальнейшей политико-экономической интеграции всего региона в составе Российской империи и русификации его населения), в перегруппировке социальной структуры башкирского общества, в формировании процаристски настроенного социального слоя надо усматривать одну из причин прекращения крупных башкирских восстаний с последней четверти XVIII в. и на протяжении всего XIX в. В аспекте этнических и этнокультурных процессов это был период подъемов и спадов консолидационных тенденций, медленного вызревания общенародных, преднациональных компонентов в общественно-политической мысли на дифференцирующейся социально-классовой основе. В начале XX в., особенно в годы революционных бурь, новые тенденции вылились в национально-освободительное движение, одной из основных целей которого стало национально-территориальное самоопределение.

Внутренние миграции населения в ИЗО в XVIII в.

С постройкой Самарской, Оренбургской и Уйской линий и с подавлением национально-освободительной войны 1735—1740 гг. начинается новый этап миграционного движения на восток, в Приуралье и на Южный Урал. Усиливается движение русского населения. В период строительства и активного функционирования крепостных линий преобладали организованные правительственные переселения служилых людей. Слободы вокруг и вблизи крепостей правительство заселяло государственными крестьянами из центральных губерний. С 1740-х годов в Башкирию устремились все категории русских крестьян, в том числе вольные переселенцы. На восток двинулось и русское крестьянство из плотно заселенных районов Среднего Поволжья. Главные центры переселения и притока мигрантов перенестились из Среднего Поволжья на Южный Урал и в Приуралье. Приток русских в Среднее Поволжье из центральных и южных губерний России продолжался. Однако многие из новоприбывших, а также крестьян, успевших стать в Поволжье старожилами, двигались в поисках свободных земель дальше на восток.

В течение XVIII в вся восточная часть ИЗО была окружена плотным кольцом русских поселений, возникших первоначально в зоне крепостных линий. Позднее поселения стали строить преимущественно южнее и восточнее этих линий (см. рис. 5). Часть миграционного потока устремилась на Яицкую линию. На просторах Урала и Поволжья в XVIII в окончательно складывается казачество, состоящее из территориальных групп — Самарской, Оренбургской, Яицкой, с 1775 г. — Уральской, Уйской, Исетской. Каждая из них характеризовалась особенностями в социальной и хозяйственно-культурной жизни, обусловленными спецификой их исторического становления и взаимодействия с этническим окружением (башкирским, татарским, казахским или многоэтничным). Несмотря на многие преобразования и реформы социального статуса казачества после Крестьянской войны 1773—1775 гг. и в XIX в., этнографические группы казаков вплоть до XX в. сохранили самобытный этнокультурный облик (изученный по большинству казахских групп недостаточно).

Многочисленные русские поселения появились и внутри Башкирии, окруженной крепостями. Здесь русские крестьянские поселения также возникали вокруг городов и крепостей — Уфы, Бирска, Мензелинска, Сарapulа, Стерлитамака, Табьинска и др. Активный период притока новой волны русских переселенцев связан с заводским строительством на Южном Урале во второй половине XVIII — начале XIX в. Заводы возникали по всей Башкирии; наиболее густую сеть металлургические и металлообрабатывающие заводы образовали на северных отрогах Южного Урала. Здесь были построены Нязепетровский (1747 г.), Верхне-Уфалейский (1761 г.), Нижне-Уфалейский (1808 г.), Нижне-Кыштымский (1757 г.), Верхне-Кыштымский (1757 г.), Азяш-Уфинский (1770 г.), Кусинский (1778 г.), Каслинский (1752 г.), Златоустовский (1754 г.), Саткинский (1756 г.), Юрюзанский (1762 г.), Миасский (1776 г.), Катав-Ивановский (1755 г.), Минский (1772 г.), Усть-Катавский (1758 г.), Симский (1759 г.) Миньярский (1789 г.), Архангельский, Боговолеский (Усольский) и другие заводы. В горах Южного Урала возникли заводы Белорецкий (1761 г.), Тирлянский (1803 г.), Кагинский (1769 г.), Узянский (1759 г.), Авзяно-Петровский (1756 г.), Кананикольский (1751 г.), Верхнеторский (1759 г.), Преображенский (1758 г.) и некоторые другие (см. рис. 5)¹⁷⁶. Заводы и поселения вокруг них были заселены русскими наставными людьми, пришедшими из Среднего Урала, где заводское строительство началось еще в конце XVII в., а также крестьянскими переселенцами из центральных губерний. Этнокультурные последствия горнозаводского строительства заключались прежде всего в формировании южноуральского горнозаводского русского крестьянства. Особенности социального статуса горнозаводских крестьян, которые наряду с работой на заводах вели крестьянское хозяйство (на время сельскохозяйственных работ заводы обычно закрывались), суровые природно-географические условия в горнолесных районах, постоянные контакты и общение с башкирами способствовали формированию у них своеобразного культурно-бытового уклада, который отчетливо проявлялся еще в первой половине XX в. В зонах наиболее плотного заводского строительства образовались очаги русского населения, в которых к середине XIX в. русское население стало составлять большинство или значительную долю. Такие очаги образовались в Златоустовском уезде Уфимской губернии, здесь заводы и русское население разнестились в обширной широтной зоне — от Миньяра и Сина до Златоуста и Чебаркульской крепости (см. рис. 5). По переписи 1897 г. в Златоустовском уезде всего населения было 185 498 человек, из них 121 559 русских¹⁷⁷, которые в подавляющем большинстве расселялись в заводских поселениях. На Южном Урале очаги горнозаводского русского

населения образовались также в зоне Белорецких заводов, в районе Авзяно-Петровских и Кагинского заводов, а также южнее, вокруг Преображенского завода и Зилаирской крепости

В XVII в., после небольшого относительного затишья снова пришло в движение нерусское население ИЗО. Импульсом к новым миграциям послужила совокупность факторов. В Среднем Поволжье, в северной и центральной части Волго-Окского междуречья, а также во всей широтной северной зоне региона от низовьев Ветлуги до Среднего Урала начинает ощущаться демографическое давление в связи с давними и активным притоком сюда русского населения, истощением охотничьих и рыболовных угодий, низкой производительностью комплексного хозяйства и земледельческого труда. Продолжающийся постоянный приток русского крестьянского населения из северных и центральных губерний усиливал давление на коренное население. Восстания и вспышки сопротивления, прокатившиеся во второй половине XVI и в XVII в. по всему северу региона, сами по себе свидетельствуют о борьбе за уголья, жизненные пространства. В XVIII в. эти конфликты продолжались, однако позиции русских колоний, крепостей, заводских поселений, монастырей, находившихся под определенной защитой правительства, укрепились. Постепенно нарастающее давление на нарийцев, татар, удмуртов, башкир привело в конечном итоге к их вытеснению целиком или частично с пограничных со сплошным русским расселением северных земель. Еще в XVII в. и раньше были ассимилированы или отгеснены на восток нарийцы с правобережья Ветлуги. Сократилось или вовсе прекратилось движение татар вверх по Вятке. Удмурты медленно отступали к побережью Камы, переходя временами на ее правый берег Башкиры, несмотря на упорное сопротивление, вынуждены были покинуть (кроме нулдинской группы) перские земли, отступить от Кунгура, а в Зауралье были отодвинуты к югу по всему течению р. Исети. К этому же времени, вероятно, относится вытеснение к северу обских угров — хантов и манси (Состяков и вогулов), еще в XVII в. входивших в контакты и взаимодействие с удмуртами, татарами, башкирами, сибирскими татарами на территории от Среднего и Верхнего Прикамья до Тавды, Пышмы и Исети в Западной Сибири.

Серьезным фактором, расширяющим возможности миграционных сдвигов нерусского населения в пределах региона, стало строительство крепостных линий, укрепление южных и восточных границ России. Ограничив или вовсе прекратив приток населения в Башкирию из Азии и Волго-Яицкого междуречья, эти акции открыли в то же время пути для миграционных потоков в еще слабо заселенные районы Нижнего Поволжья, Западного и Южного Приуралья. Имели также значение еще не угасшие воспоминания мидарей, мордвы, казанских татар и башкир о принадлежности их предкам "дикого" поля, т. е. земель в обширной лесостепной и степной полосе между верховьями Оки и Южным Уралом. Плодородные земли этих районов притягивали как земледельцев, так и кочевников. Постоную передвижения мордвы и мидарей к верховьям Оки и Дона, татар в Заванье, в Самарское Поволжье, башкир в долину Дены, в присанарские и оренбургские степи в определенном смысле было "возвращением" на старую родину (у башкир "иске йорт"), на земли отцов и дедов и соответственно воспринималось народным сознанием.

Крупную роль в новых миграциях сыграли процессы насильственной христианизации народов Среднего Поволжья. Пик этих процессов падает на 2-ю и 3-ю четверти XVIII в.¹⁷⁸ Христианизация сопровождалась не только насилием, но и целенаправленной политикой, вызвавшей волну давления на крестьян, не желавших менять веру, произвол и злоупотребления в сборе податей, в выполнении других повинностей. Целые деревни нерусских

крестьян Среднего Поволжья снимались с насиженных мест и уходили на юг и восток, нередко в безысходность, неизменно страдая, испытывая лишения и часто погибая в пути.

В XVIII в. образуются два направления нового этапа движения нерусских народов ИЗО. В отличие от предшествующего XVII в., когда передвижения коренных народов преимущественно происходили в пределах этнической территории или совершались на относительно небольшие расстояния от мест компактного расселения, в XVIII в. миграции растянулись на сотни километров. Значительные по численности группы тюркского и финно-угорского населения, отрываясь от этнической территории и основного массива этноса, поселялись на отдаленных территориях. Оказавшись в иноэтничном окружении, они постепенно сплывались в периферийные этнографические группы и обретали с течением времени специфические этнокультурные характеристики.

Обрисованные факторы раньше, чем в других районах, стали сказываться в Волго-Окско-Цнинском междуречье. В первой четверти XVIII в. мишари, касимовские и казанские татары, мордва двинулись к пограничным линиям в районах Пензы, Тамбова, где образовались очаги мишарско-татарского и мордовского расселения. Усилился поток переселенцев из татар, мордвы и чувашей в направлении Симбирска. Перейдя на левобережье Волги, они расселялись в областях Заволжья. Во второй и третьей четвертях XVIII в. активизировалось движение татар-мишарей, казанских татар, мордвы, чувашей из Заволжья в Приуралье и на Южный Урал, в Заволжье, в Самарскую и Саратовскую губернии. В границах ИЗО в связи со строительством Самарской, Оренбургской и Уйской линий основными целями движения нерусских народов становятся четыре области Заволжья, Башкирское Приуралье, Южный Урал в округе Оренбурга, Зауралье в районах Верхнеуральска и Троицка (см. рис 5)¹⁸⁰. Заволжье с севера и запада заселяли казанские татары и мишари, складывающиеся в единый волжско-татарский этнос. Южную часть Заволжья осваивали мордва, чуваше. Немало мордовских, чувашских, татарских крестьян в середине XVIII в. расселилось в Самарском и Саратовском Поволжье, оказавшись здесь со временем в русскоязычном окружении.

Башкирское Приуралье, как упоминалось, заселялось народонаселением Среднего Поволжья со второй половины XVI—XVII вв. В середине XVIII в. поток переселенцев в Западную Башкирию возрос. С северо-запада шли марийцы, которые образовали крупные очаги марийского населения в основном в бассейне нижнего течения р. Белой и на северной излучине р. Уфинки. С севера продвинулись удмурты, расселившиеся группами в среде башкир и татар по течению рек Барда, Тулва, Тол, Быстрый Таныш. Небольшие группы удмуртов направились дальше, в юго-западную Башкирию, где обосновались в долине западного Ика. В Вельско-Икском междуречье расселились чуваше, которые, по преданиям, целыми деревнями покидали родину. Стремясь уйти от насильственного крещения и пытаясь сохранить свою этничность, чуваше расселялись по всей территории Приуралья и Поволжья. В Заволжье и Приуралье они образовали несколько компактных очагов расселения в районах Ставропольского воеводства, Бугуруслана, Белебея, левобережья среднего течения Белой.

Мордва двигалась со стороны самарско-сызраньского Поволжья, расселяясь небольшими группами по 2—5 деревень по южной кромке Заволжья, Приуралья и Южного Урала (см. рис. 5). Значительная часть мордвы продолжила движение на юг и юго-восток, обосновав мордовские села среди русского населения самарского и саратовского Поволжья.

В первой половине и середине XVIII в. особенно многолюдным и интенсивным было движение на восток татар — казанских, касимовских

тенниковских. Основной их поток направлялся в Приуралье, где татары осели на башкирских землях по всей северо-западной и западной Башкирии. Значительные по численности группы татар направлялись на юго-восток, в район Оренбурга (где сложился оренбургско-каргалинский район расселения татар) и далее по Оренбургской линии, на север. Здесь в районе водораздела Яика и Уя образовался зауральский очаг расселения татар, в значительной части обосновавшихся в городах Верхнеуральск и Троицк. Тенниковские татары-мишари (Станан — туманы) расселились на территории Башкирии двумя группами: в бассейне р. Дена (современный Буздякский район в юго-западной Башкирии) и в бассейне р. Быстрый Таныш (в современных Бураевском и Татышлинском районах в северо-западной Башкирии).

Значительные группы мишарей и казанских татар по традиционным северным путям направлялись на Урал и в Зауралье. Первые поселения служилых мишарей появились в Башкирском Зауралье еще в XVII в. Они селились вблизи казачьих слобод и крепостей. Мишари, представляя, как и исетские казаки, служилое сословие, получали за службу небольшие земельные пожалования. Однако большинство мишарей, особенно в XVIII в., селилось на башкирских землях на условиях аренды. В XVIII в. свободные переселенцы — мишари — появились на Сибирской дороге, в бассейне р. Ай, где они несколькими деревнями расселились среди башкир. Мишари, как служилые, так и свободные переселенцы, достигли западно-сибирской части Башкирии, где мишарские села возникли на башкирских землях в бассейне рек Миасс, Теча, в районе озер вблизи от г. Кургана.

В XVIII в. произошли изменения и в территории башкир. Наиболее значительными были продолжавшиеся сдвиги башкир к югу, на древние пастбища и земли отцов и дедов. Существенным моментом этого движения было "возвращение" башкир в юго-западную Башкирию — в бассейны рек Большой Ик, Дена, Уршак, а также дальше на юг, через Самарскую и Оренбургскую линии, в долины рек Ток и Уран, Иргиз и Камелик, а также на Чигинские разливы. В этих возвратных миграциях в XVIII в. участвовали многие башкирские племена. Переселилась в верховье Дены часть башкир из северных родоплеменных образований гайна, уран, казанчи, уи и др. В бассейне западного Ика и Дены прикочевали группы юго-восточных башкир — табынцы, бурзяне, таньянцы, тангауры, юрнатынцы. В долине западного Ика и на Прибельских землях, по среднему течению Белой поселились северо-восточные башкиры из родов сырян, салют, катый. Среди ток-чуранских, иргиз-камеликских и чигинских башкир оказались представленными подразделения многих родоплеменных образований центральной, южной и восточной Башкирии. Демские и икские башкиры в XVIII в. продолжали кочевать в бузулукских и присамарских степях, занимая летом пастбища по рекам Большой и Малый Кинель, Ток, Кундурча, Большой и Малый Уран. В XVIII в., видимо, несколько сократились кочевья башкир в сибирском Зауралье и Лепехин, правда, упоминает о том, что башкиры, охотясь за толпарами (дикими лошадьми), добирались до тобольских степей. Однако появление густой цепи крепостей, острогов, редутов, форпостов по рекам Исеть, Тобол, Уй, строительство заводов и возникновение вокруг них русских поселений сжимали в кольцо башкирские земли, заставляя часть башкир вернуться на "старинные" свои вотчины на "Каненной" или Уфимской стороне Урала. Оставшиеся в Зауралье башкиры по примеру соседей постепенно переходили к земледельческим занятиям.

Значительные изменения в XVIII в. произошли в характере расселения башкир. Приток большого количества русского и нерусского населения сильно усложнил этнический состав населения всей северо-западной и западной Башкирии и Башкирского Зауралья, сделав его многоэтничным.

В юго-восточной горной Башкирии, на северо-востоке, на Уфимском плато и в денской долине башкирское население сохранило относительную компактность расселения. Но и в этих районах возникли и развивались очаги иноэтничного населения — горнозаводского крестьянства и казачества в горной Башкирии; нишарей, татар и красноуфимских нарийцев в северо-восточной, исетских, уйских казаков, заводских крестьян татар, нишарей и калмыков в Зауралье, татар, чувашей и мордвы в юго-западной Башкирии

Основные направления этносоциальных процессов в регионе в XIX в

Для Среднего Поволжья в первой половине XIX в миграции уже не имели того значения, как в XVII—XVIII вв. Средняя Волга оставалась, однако, территорией, через которую русские крестьяне продолжали движение на восток. В первой половине XIX в наиболее значительные всплески миграционного движения имели место во 2—4-е десятилетиях (1810—1830-е годы). Крестьянские передвижения продолжались на севере: переселенцы оседали в Предканье, на Вятке, шли дальше в лесные районы Средней и Верхней Камы. Однако главными целями движения русских крестьян стали в эти годы Нижнее Поволжье и Южный Урал с его заводскими городами и поселками. За первую половину XIX в население городов Среднего и Южного Урала увеличилось в 16 раз, заводское население — в 5 раз. С 1801—1803 гг. до 1850 г. количество "обывательских" дворов возросло в Уфе с 767 до 1624, в Оренбурге — с 1368 до 1639, на Златоустовском заводе — с 792 до 2170, Белорецком — с 760 до 1000, Саткинском — с 453 до 900, Миасском — со 197 до 1041, Верхне-Кыштымском — с 500 до 2035, Каслинском — с 420 до 1373 и т. д.¹⁸²

Масштабы миграционных потоков нерусских народов в первой половине XIX в также несколько уменьшились, однако не угасли. Сдвинутые растущим демографическим давлением или просто вытесненные новыми потоками крестьянских движений, нерусские народы Средней Волги — татары, чуваше, мордва — продолжали группами, а то и целыми деревнями переселяться в Приуралье, в санарские и оренбургские степи по путям, проложенным предками. С севера и северо-запада продолжалось продвижение в Приуралье нарийцев и удиуртов.

В первой половине XIX в вырос поток русских переселенцев из южных губерний, из областей Пензы, Тамбова, Воронежа. В середине и во второй половине XIX в. по этим же дорогам двинулись на восток, в Саратовское, Самарское Поволжье, Оренбургские степи и юго-западную Башкирию, украинцы. В годы Столыпинской аграрной реформы в Волго-Уральском регионе (Самарской, Оренбургской, Уфимской губерниях) сложились крупные очаги украинского населения.¹⁸³ В конце XIX — начале XX в. в Приуралье и на Южном Урале появились новые переселенцы — немцы, белорусы, латыши, эстонцы, которые, как правило, расселялись на купленных землях, хотя дополнительно арендовали у башкир большие участки земли.¹⁸⁴

В целом в XIX — начале XX в. получила дальнейшее развитие та структура расселения этносов в Волго-Уральском регионе, которая в главных очертаниях сложилась к рубежу XVIII—XIX вв. Русская крестьянская колонизация, а позднее и украинская, белорусская, латышская, эстонская заполняла в XIX в., и особенно в годы проведения столыпинской реформы, территории, где еще оставались или вновь образовывались земельные запасы. Это были некоторые районы Заволжья и Предканья, Оренбургские и Самарские степи, Приуралье и Южный Урал.

Во второй половине XIX в. главные потоки переселенцев, формируясь в центральных губерниях России, а также в Малороссии, направлялись на восток по северному и южному путям, нинуя или, точнее, обтекая густо-заселенные теперь районы Среднего Поволжья

Волна внутренних переселенческих передвижений народов ИЗО к концу XIX в. заметно спала, однако также не прекратилась вовсе Татарские, нордовские, чувашские крестьяне переселялись по традиционным путям, проложенным их предками в XVI—XVIII вв. Целью их движения по-прежнему оставались западная и юго-западная Башкирия, Самарская, Оренбургская, Саратовская губернии. Другие группы татар, а также нарийцы, удмурты шли на восток и юго-восток, в Периские земли, в северо-западную и северо-восточную Башкирию. Башкиры лишь отдельными группами или семьями еще продолжали переселяться из восточной Башкирии в бассейн р. Демы и на юг, в Оренбургские степи, в Самарское и Саратовское Поволжье

Существенные изменения произошли на восточных границах ИЗО. В ходе строительства в XVIII в. укрепленных линий Башкирия, как упоминалось, оказалась в кольце крепостей. В результате прекратились контакты башкир с калмыками, были существенно ограничены связи и общение башкир с казахами. Однако башкирско-казахские отношения, хозяйственные и культурные связи сохранились. Близкое соседство, родственность языков и культур, общность многих социальных интересов стимулировали и поддерживали это общение. Несмотря на то что отношения между башкирами и казахами порой принимали конфликтный характер, в целом они были дружественными, имели тенденцию укрепляться, охватывая все сферы культуры. В Башкирии расселились и навсегда здесь остались, растворившись в среде башкир, казахские группы из родоплеменных групп аргы, ете-мыру и др. Вопреки препятствиям, которые чинили царизм, его администрация, связи и общение между казахами и башкирами обретали нередко социальный, антиколониальный характер

Царизм стремился отдалить башкир и казахов, чтобы полностью прекратилось общение между ними. По словам исследователя Оренбургского края 20-х годов XX в. А. Ф. Рязанова, целью политики царской администрации было "разъединить казахов и башкир, чтобы исключить всякую возможность их совместного выступления". Эти цели служило строительство Новоуленской укрепленной линии в 1811—1826 гг. Линия отодвинула границу, отделяющую башкир и казахов в южных приуральских степях до рек Илек, Бердянка, Кураля. Здесь были построены поселения, форпосты Изобильное, Буранное, Линеvское, Ветляное. По всей Новоуленской линии были поселены казаки с оренбургских крепостей. Сюда же были переселены красноуфинские казаки. Со строительством Новоуленской линии кочевки башкир на приилекские степи прекратились. Инеющиеся здесь редкие башкирские аулы исчезли. Казахи и их кочевья были отодвинуты далеко на юг и восток.

В эти же года усиливается процесс вытеснения башкир уральскими казакани, поддержанными царской администрацией, из чижинских разливов. Здесь башкиры некогда были также соседями калмыков, казахов. Процесс вытеснения чижинских башкир завершился позже, в начале XX в. Часть их возвратилась в Башкирию, часть присоединилась к иргиз-канеликским башкирам в Саратовской и Самарской губерниях.

Главной акцией, направленной на разъединение башкир и казахов, явилось строительство в 1835—1845 гг. Новой линии на участке от Орска до Троицка. Строительство линии было предпринято по инициативе губернатора В. А. Перовского, который не скрывал цели "изгнать казахов из старых насиженных мест в степи". Вдоль Новой линии выросли крепостные поселения Кассель, Остроленская, Фарманпенауз, Бриенг, Андрианополь и

др., был возведен "вал Перовского", построенный "с помощью согнанных сюда тысяч башкир-землекопов". В результате "разъединения" казахов и башкир на этом участке, вытеснения казахов стали "свободными" до 10 тыс кв верст плодородной земли, с лесами, пастбищами и месторождениями золота. ^{184а} Сюда были переселены оренбургские казаки, а также служилые люди исетской, уйской укреплённых линий, из Самарской губернии и т.д.

Этнокультурные последствия обрисованных акций царизма не изучены. Очевидным фактом, однако, является образование в середине и во второй половине XIX в больших территорий, заселённых русским населением между Башкирией и Казахстаном между башкирами и казахами. Это, естественно сузило, практически прекратило широкое и непосредственное этнокультурное взаимодействие башкир и казахов. Следовательно, политика царизма, направленная на отдаление, разъединение, изоляцию башкир от народов Средней Азии, Казахстана, дала определённые результаты, которые вполне укладывались в реализуемую царизмом формулу "разделяй и властвуй".

Разъединение башкир и казахов пространственное их отдаление, в целом ослабление непосредственных контактов башкир с народами Средней Азии и Казахстана имело и обратный эффект. Объективно это способствовало усилению связей восточных башкир с западными областями региона и более плотной интеграции башкир в составе Волго-Уральской ИЗО.

К середине XIX в. стратегические цели царизма, направленные на полную политико-административную и хозяйственно-экономическую интеграцию Среднего Поволжья и Южного Урала с их многонациональным населением в составе Российской империи в основном были реализованы. Реформы 1860-х годов устранили последние социальные и правовые различия в положениях русского и нерусского населения. Навсегда в прошлое ушёл такой специфический институт, как "башкирская волость", долгое время одновременно совмещавший функции этнического образования, земельновотчинной общины и административной единицы. ¹⁸⁵ Но и в пореформенный период ещё сохранялись как наследие вотчинного права повышение нормы землевладения у башкир и связанные с этим особенности социального развития башкирского общества. В целом же по основным признакам — политико-административному устройству, многоукладности экономики, социальному составу населения — Волго-Уральский регион встал в ряд с обычными губерниями Российского государства.

Однако до XX в сохранилась главная особенность региона — разнообразие этнического состава населения и его культуры. Было бы неверно полагать, что политика царизма по христианизации, русификации и культурному нивелированию населения Среднего Поволжья и Южного Урала вовсе не дала результатов. Напротив, сдвиги и изменения в этих сферах по сравнению с серединой XVI в были разительными. Практически все финно-угорские народы ИЗО, а также чувши в XVIII в на основных этнических территориях были приобщены к христианству. Но вопреки политике царизма народы ИЗО сохранили свою этничность, хотя и с сильно изменившимися границами этнических, культурных и конфессиональных ареалов.

Изменилась ли в XIX в стратегия царизма по насильственной аккультурации и ассимиляции, интеграции и даже слиянию народов Волго-Уральской области в составе империи в некое единство и в этнокультурном отношении? Кардинальных изменений в целях царизма не произошло, однако в этнокультурных процессах в XIX в образовались сложные тенденции, которые включали довольно противоречивые факторы развития. Заключались они в следующем:

1 В официальной идеологии XIX в прежняя политика христианизации и

ассимиляции нерусских народов обновляется, складываясь в концепцию цивилизаторской роли русской православной церкви, призванной, как провозглашалось, самой историей приобщить отсталые народы к цивилизации Российской империи. Это приобщение¹⁸⁰ должно было сопровождаться, согласно обновленной концепции, утратой нерусскими народами своей этничности и слиянием с русской народностью В.Н. Витевский, известный историк Оренбургского края, писал о том, что Россия "должна была принять на себя трудные и мировые задачи по отношению к тюрко-татарским плененам русские вступают с инородцами в близкие отношения, связываются с ними, при помощи языка и религии ассимилируют их и сдвигаются с ними в одну господствующую народность". Миссионерски настроенные деятели формулировали те же цели более обнаженно Н Чернавский, исследователь истории Оренбургского православной епархии, считал, что "русификация инородческих пленен" и приобщение их к христианству и европейской культуре составляют "высокую историческую миссию нашего Отечества"¹⁸⁷. К официальной науке XIX в вполне приложима характеристика Ф Энгельсон политики царизма: "Любой захват территории, любое насилие, любое угнетение царизм осуществлял не иначе, как под предлогом просвещения, либерализма, освобождения народов"¹⁸⁸.

2. Реальная практическая политика царизма продолжала сложившуюся в конце XVIII в политику сотрудничества с социальной элитой и духовенством местных народов. Как и прежде, еще нередко были вспышки произвола и насилия над коренными народами, нетерпимости к проявлениям язычества или тем более отступничества от христианства Ярким примером является искусственно созданное и намеренно раздутое мултанское дело, когда группу удмуртских крестьян Вятской губернии власти обвинили в человеческом жертвоприношении языческим богам. Длительный и нудительный судебный процесс (1892—1896 гг.) превратился в борьбу консервативных и прогрессивных общественных сил России. Мултанское дело, спровоцированное с целью разжигания национальной розни, антивятских настроений, в конечном итоге завершилось оправдательным приговором, в незначительной степени благодаря усилиям В.Г. Короленко и А.Ф. Кони¹⁸⁹.

Если характеризовать общие тенденции, то XIX столетие стало временем насаждения и распространения среди местных народов, особенно христианизированных, церковно-приходских и светских школ, в которых обучение шло на русском языке, привлечения инородческой молодежи в другие учебные заведения и т.д. Тактика сотрудничества с местной элитой и духовенством привела к некоторому развитию национальных культур, к появлению или совершенствованию алфавитов у христианизированных народов на основе русской графики, к формированию довольно широкой сети нусульманских школ и учебных заведений (нектеб и недресе) среди татар и башкир.

На фоне обрисованных тенденций складывается просветительская деятельность Н.И. Ильминского (1822—1892) — востоковеда и педагога, который выдвигает концепцию "просвещенного миссионерства". Сущность идеи Н.И. Ильминского заключалась в распространении христианства и в движении по пути русификации инородцев¹⁹⁰ посредством проповедей, обучения грамоте, издания учебников (букварей) и книг религиозного и духовно-нравственного содержания на родных языках народов Поволжья, Урала и Сибири, подготовки миссионеров, священников, учителей из представителей местных народов. Н.И. Ильминский и его последователи разрабатывают на базе русской графики алфавиты чувашского, марийского, татарского, удмуртского языков. Был осуществлен целый ряд миссионерских изданий практически на всех языках "инородцев" региона, в том числе на та-

тарском и башкирском. Н. И. Ильинский проповедовал консервативную, даже реакционную идеологию, однако реальные результаты его деятельности, особенно усилий многочисленных приверженцев Н. И. Ильинского, оказались достаточно противоречивыми, так как содержали и очевидные положительные образовательно-просветительские итоги.

В целом политика сотрудничества с социальными верхами местных народов, кроме реализации официальных целей, имела и другую, можно сказать парадоксальный результат. Создание школ, медресе, развитие грамотности, просвещения способствовали формированию немногочисленной, но деятельной национальной интеллигенции, прежде всего учителей. Именно среди них под влиянием русской демократической мысли зреют освободительные идеи, обостренное чувство национального самосознания, появляются литературные и публицистические произведения. В этой среде складываются предпосылки национально-освободительного движения, которые в полном объеме проявили себя в XX в.

3 В XIX — начале XX в. четко определилась нарастающая тенденция культурного взаимодействия местных народов с русским населением. В процессе восприятия тех или иных компонентов русской культуры, освоения русского языка, в процессах русской аккультурации или ассимиляции отдельных групп местного населения надо видеть результаты развития двух социально разнородных тенденций. С одной стороны, они явились следствием этноассимиляционных, этноинтеграционных политических ориентаций царизма, особенно ошутимых среди христианизированных народов края, но отчетливо проявлявшихся и среди западных групп татар (особенно — урбанизированных мещерей). С другой стороны, возрастающее распространение компонентов русской культуры было результатом установления, развития и углубления межэтнических контактов и межэтнического взаимодействия на демократическом, прежде всего на крестьянском уровне. Характер и интенсивность этих контактов, их культурные последствия зависели от действия многих факторов — хозяйственно-экономических, этнодемографических, этноконфессиональных и др. Указанные тенденции проникли по инерции и в XX в. Перспективы развития национальных культур требуют детального изучения прошлого опыта.

Раздел 3

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ В XVII — XIX ВВ.

Общий демографический результат миграционных процессов

Миграционные процессы, охватившие со второй половины XVI в. территории Поволжья и Урала, сильно изменили как этнографическую карту региона, так и демографическую ситуацию. Общий демографический итог, как он сложился к концу XIX в., показан по данным переписи 1897 г. в табл. 3. Главнейшие контуры пространственного разноразличия различных этносов к началу XX в. по Волго-Уральскому региону в целом показаны на рис. 2. Процесс формирования нового разноразличия этнических образований в обширной зоне Урала и Приуралья к середине XIX в. нашел отражение на карте А. Ф. Риттиха (рис. 8)¹⁹¹ результаты этого процесса по Южному Уралу и Приуралью к началу XX в. — на карте разработанной А. Ф. Фиельструпом (рис. 9)¹⁹². Как видно из табл. 3, к концу XIX в. в регионе проживало 21,7 млн человек, в том числе 15,5 млн восточнославянского, 3,76 млн тюркского, 1,68 млн финно-угорского населения.

Таблица 3* Этнический состав населения Волго-Уральской ИЗО по данным 1897 г., чел.

Губерния	Татары	Башкиры	Чуваши	Мордва	Марийцы	Удмурты	Русские	Украинцы	Прочие	Всего населения	В том числе тюркские и финно-угор- ские народы
Вятская	125 514 (4,1)**	13 909 (0,5)	80	34	144 918 (4,8)	377 893 (12,4)	2 347 169 (77,4)	95	21 219	3 030 831	662 348 (21,8)
Пермская	46 711 (1,6)	85 395 (2,9)	67	65	15 687 (0,5)	6 505 (0,2)	2 705 327 (90,3)	2 028	132 517	2 994 302	154 430 (5,2)
Казанская	675 419 (31,1)	38	502 042 (23,1)	22 187 (1,0)	122 717 (5,6)	9 679 (0,5)	832 475 (38,3)	789	5 319	2 170 665	1 332 082 (61,3)
Нижегородская	41 339 (2,6)	—	234	53 093 (3,4)	6 704 (0,4)	1	1 476 391 (93,1)	253	6 759	1 584 774	101 371 (6,4)
Пензенская	58 530 (4,0)	23	8	187 862 (12,7)	10	5	1 220 080 (83,0)	1 031	2 925	1 470 474	246 438 (16,7)
Оренбургская	92 926 (5,8)	254 561 (16,0)	5 064 (0,3)	38 403 (2,4)	20	109	1 126 040 (70,4)	41 541	71 770	1 630 434	391 083 (24,5)
Уфимская	184 817 (8,4)	899 910 (40,9)	60 616 (2,8)	37 289 (1,7)	80 608 (3,7)	22 501 (1,0)	834 135 (37,9)	4 996	71 770	2 196 642	1 285 741 (58,5)
Самарская	165 191 (6,0)	57 242 (2,1)	91 839 (3,3)	238 598 (8,7)	25	2 118 (0,08)	1 775 839 (64,5)	119 301	301 183	2 751 336	555 013 (20,2)
Саратовская	94 693 (3,93)	1 262 (0,05)	14 403 (0,6)	123 893 (5,14)	21	68	1 846 436 (76,7)	149 291	175 762	2 405 829	234 344 (9,7)
Симбирская	133 977 (8,8)	20	159 766 (10,5)	188 980 (12,4)	13	15	1 038 493 (68,0)	1 271	5 313	1 527 848	482 773 (31,7)
Всего по ИЗО	1 619 117 (7,4)	1 312 360 (6,0)	834 119 (3,8)	890 404 (4,1)	370 723 (1,7)	418 894 (1,9)	15 202 385 (70,0)	320 596 (1,5)	764 248 (3,5)	21 732 846 (100,0)	5 445 617 (25,0)

В том числе тюркского населения — 3 765 596 (17,2), финно-угорского — 1 680 021 (7,79), восточнославянского — 15 522 981 (71,5).

* Таблица составлена по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 г. 1904. Т. 10. Вятская губерния; 1904. Т. 14. Казанская губерния; 1901—1903. Т. 25. Нижегородская губерния, тетр. 1—2; 1904. Т. 28. Оренбургская губерния; 1903. Т. 30. Пензенская губерния; 1904. Т. 31. Пермская губерния; 1904. Т. 36. Самарская губерния; 1904. Т. 38. Саратовская губерния; 1904. Т. 39. Симбирская губерния; 1904. Т. 45. Уфимская губерния. С 1—2

** В скобках указаны проценты от общего числа населения в губернии, в итоговых графах — в целом по ИЗО

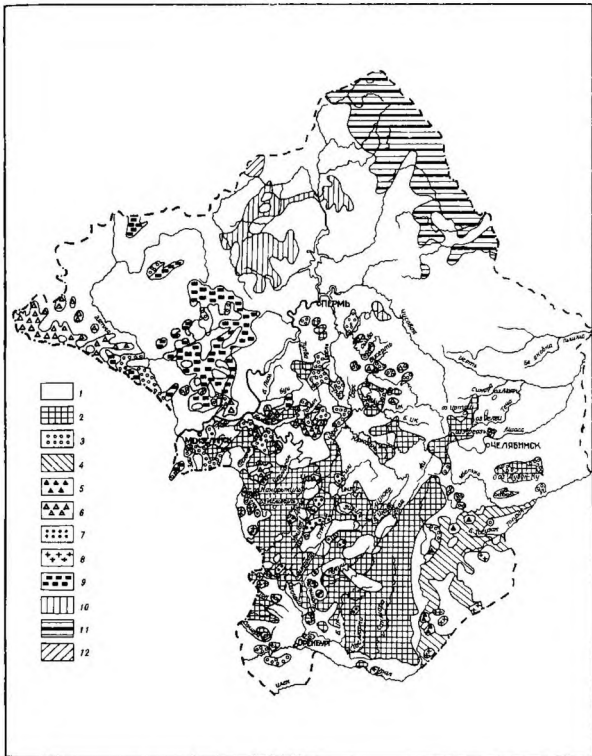

Рис.8 Расселение народов Урала и Приуралья в XIX в. (по А.Ф. Риттику)

1 – русские, 2 – башкиры, 3 – татары, 4 – казаки, 5 – калмыки, 6 – марийцы, 7 – чуваш, 8 – мордва, 9 – удмурты, 10 – коми пермяки, 11 – манси, 12 – коми-зыряне

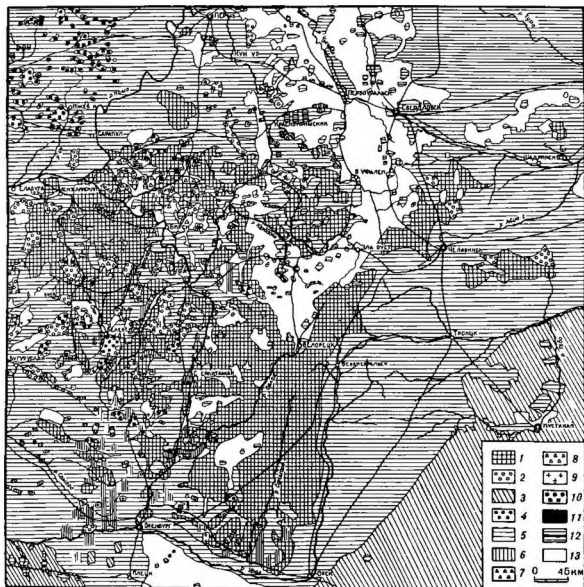

Рис.9. Расселение народов на Южном Урале и в Приуралье в начале XXв (по Ф.А.Фельдструпу)

1 – башкиры, телети, 2 – татары, мяшари, 3 – казаки, 4 – чуваша 5 – русские, 6 – украинцы, 7 – белорусы, 8 – марийцы, 9 – мерды, 10 – удмурты, 11 – коми зыряне 12 – манси (вогулы), 13 – горно-лесные венгры

Представленные карты показывают существенные изменения в этнических границах и характере расселения этносов, появление многочисленных зон со смешанным населением

Исходная этнодемографическая ситуация в середине XVI в нам почти неизвестна. По XVII в достоверных цифровых данных, позволяющих восстановить реальную демографическую ситуацию, практически также нет. Косвенные сведения в каждом отдельном случае требуют специального анализа. Исследователи в последние 2–3 десятилетия активно вводят в

научный оборот материалы общероссийских ревизий (1716—1858 гг.) по отдельным народам. Данные ревизий имеют различную источниковую ценность по разным регионам и народам. Несмотря на это, они представляют сегодня относительно надежную базу для реконструкции демографической картины прошлого. Однако положение затрудняется тем, что "ревизские сказки" по народам Среднего Поволжья и Южного Урала изучены пока недостаточно и в первоисточниках мало опубликованы. В целом, как видно, перед исторической этнографией по-прежнему остается актуальной сложная задача — исследовать с привлечением этностатистических и также других материалов детализированную картину истории формирования этнического состава и численности населения региона в целом и его отдельных областей. Ниже представлен анализ развития общей этнодемографической ситуации в регионе, насколько это позволяет сделать источники и литература.

На территории Среднего Поволжья наиболее активные передвижения как русского, так и нерусского населения приходится на вторую половину XVI и XVII вв. В первые десятилетия XVIII в. инерция этого движения продолжалась, захватив на правобережье Волги Заволжье, Приуралье. Однако пик активного заселения Приуралья и Южного Урала приходится на время со второй четверти XVIII и до начала XX в. Миграционные движения таким образом, нарастали с запада на восток. Процесс этот постоянно пульсировал, то активизируясь, то затухая, продолжался более трех столетий.

О результатах миграционных потоков в Среднее Поволжье со второй половины XVI в. до середины XVIII в. можно судить по изменению удельного веса нерусского и русского населения по отдельным округам региона (табл. 4). Из таблицы видно, что в последней четверти XVII —

Таблица 4* Удельный вес населения (русского и нерусского) в ряде округов Среднего Поволжья в последней четверти XVII — первой половине XVIII в.

Округа	1678 г.	1719 г.	1762 г.
Темниковский	1:1	1:1	1:3,5
Казанский	4:1	1,5:1	1,1:1
Щацкий и Тамбовский	Нет сведений	1:1,8	1:3,5
Вятский	100:1	100:1	100:1

* Kappeler A. Russlands Erste S. 327

первой половине XVIII в. русское население уравнилось по численности с местным населением или к началу второй половины XVIII в. стало демографическим большинством в трех из обозначенных в таблице округах Среднего Поволжья — в округе г. Темников, в округе г. Щацка и Тамбова на правобережье Волги, в плотно заселенном округе Казани, т. е. в центре бывшего ханства. Таблица отражает картину, сложившуюся в западной и центральной частях региона в целом, но не в отдельных очагах этнических территорий, к характеристике которых мы ниже вернемся. На севере, несмотря на активность северного пути движения русских колонистов, соотношение этнического состава населения в указанные годы не меняется. Русские землепроходцы, казаки, крестьяне в XVII в. устремились в необъятную Сибирь. Здесь в Прикамье оседала только часть русских переселенцев, в основном служилые люди и гарнизоны крепостей.

По расчетам П. А. Сидорова¹⁹³, в последней четверти XVIII в. плот-

ность расселения в Чувашии (на пригодных для земледелия территориях) составляла 34 человека на 1 кв. км. Для XVIII в. это высокая цифра, показывающая при тогдашнем уровне развития земледельческого труда на относительную перенаселенность прибрежных районов Среднего Поволжья, что явилось одним из факторов выталкивания населения на восток. В сложившихся политических условиях административно-управленческого нажима, фискального гнета и насильственной христианизации местных народов образовалось мощное давление прежде всего на языческое местное население, среди которого в XVIII в. наблюдается массовый уход с родных земель. С 1720 по 1775 г. на Урал и в Приуралье переселилось из Среднего Поволжья, согласно подсчетам А. Каппелера, около 100 тыс. нерусских крестьян¹⁰⁴, в первую очередь нарийцев, чувашей, мордвы.

С последних десятилетий XVIII в. преобладают экономические причины крестьянских переселений, связанные главным образом с надеждой обрести в Поволжье, на Урале, Приуралье желанные земли, облегчение от податного гнета, немого крестьянской свободы. Общая картина демографических процессов в регионе в XVIII — первой половине XIX в. поддается реконструкции на основе материалов ревизий.

Согласно анализу В. М. Кабузана, все население России (в границах Ништадтского мира 1721 г.) выросло с I (1719 г.) по X (1857 г.) ревизию, или за 138 лет на 21 844 199 душ н.п., или на 280,45%, т.е. почти в 4 раза. Среднегодовой прирост населения составлял в XVIII в. (с I по V ревизию за 1719—1795 гг.) 0,82%, в первой половине XIX в. (с V по X ревизию за 1795—1857 гг.) 0,81%¹⁰⁵. Как видно, численность населения России неуклонно возрастала. Однако показатели роста по разным годам и по разным территориям заметно колебались. Между I и II ревизиями (1719—1744 гг.) в связи с потерями в Северной войне, рядом неурожайных и голодных лет, войной с Турцией (1735—1739 гг.) и Швецией (1741—1743 гг.) и другими причинами среднегодовой прирост упал до 0,66%¹⁰⁶.

Динамика среднегодового прироста населения по России в целом, а также по регионам Среднего Поволжья (Казанская, Пензенская, Сибирская губернии), Южного Приуралья (Оренбургская губерния), Нижнего Поволжья (Саратовская, Астраханская губернии, Кавказская область), Северного Приуралья (Вятская, Пермская губернии) показана в табл. 5. Для сравне-

Таблица 5* Среднегодовой прирост мужского населения по материалам I—X ревизий (1719—1857 гг.), %

Районы	Ревизия в год									
	II 1744	III 1762	IV 1782	V 1795	VI 1811	VII 1815	VIII 1833	IX 1850	X 1857	I—X 1719—1857
По России в границах I ревизии (1719 г.)	0,66	0,94	1,02	0,61	0,91	0,42	0,99	0,64	0,66	0,81
Центрально-Промышленный	0,095	0,47	0,72	0,26	0,69	-0,33	0,72	0,16	0,23	0,38
Среднее Поволжье	0,94	0,37	1,08	0,69	0,93	0,05	1,04	0,57	1,18	0,82
Южное Приуралье	1,04	2,92	1,20	1,82	1,86	5,80	1,73	1,15	3,10	1,87
Нижнее Поволжье	4,12	3,79	1,63	1,89	2,04	5,20	1,56	1,23	0,78	2,43
Северное Приуралье	1,28	1,06	1,45	0,97	1,13	0,37	1,41	1,22	1,19	1,15

* Кабузан В. М. Изменения в размещении населения. С. 52—58

ния приведены данные по Центрально-Промышленному району России (Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Тверская, Ярославская губернии). Из таблицы видно, что по России в целом, и особенно по Центрально-Промышленному району, имели место замедления показателей среднегодового прироста населения между IV и V ревизиями (1782—1795 гг.) до соответственно 0,61 и 0,26%; между VI и VII ревизиями (1811—1815 гг.) до соответственно 0,42 и -0,33% (отрицательный баланс по Центрально-Промышленному району), между VIII—IX, IX и X ревизиями (1833—1850 гг., 1850—1857 гг.) до соответственно 0,64 и 0,16%, 0,66 и 0,23%. В М. Кабузан видит основные причины снижения прироста населения "в усилении феодально-крепостнического гнета" в XVIII в., и особенно в последней его четверти, в потерях в годы Отечественной войны и вообще в "не прекращающемся состоянии войны с Францией и огромными рекрутскими наборами" в первом и втором десятилетиях XIX в., "частыми и сильными неурожаями", а также эпидемиями холеры, охватившими многие районы России в годы между VIII и IX, IX и X ревизиями (сильнейший голод в 1839 и 1843 гг., неурожайные 1833—1846, 1848—1849, 1850—1852, 1854, 1855 гг., эпидемия холеры в 1847—1849 гг., только в 1848 г. от холеры погибло 668 012 человек).¹⁹⁷ Решающей причиной замедленного прибавления населения в первой половине XIX в. явился "глубокий кризис всей феодально-крепостнической системы, особенно усилившийся со второй четверти XIX в."¹⁹⁸

На фоне общей характеристики демографического развития по России и Центрально-Промышленному району обратимся к Волго-Уральскому региону, который целиком включал выделенные в М. Кабузаном районы Среднего Поволжья и Южного Приуралья, а также южную часть Северного Приуралья северную часть Нижнего Поволжья (строки 3, 4, 5, 6 в табл. 5). Отмеченные для всей России причины, замедляющие темпы роста населения в России, особенно неурожаи и голодные годы, эпидемии, рекрутские наборы и т. д., влияли на демографические тенденции и в Поволжье и на Урале. В то же время окраинное положение этих регионов в государстве обуславливало специфику в формировании этнического состава и численности населения.

В Среднем Поволжье с I по X ревизию население возросло с 651 505 до 1 987 657 душ и п., или на 208,47% (более чем в три раза). Общая численность населения составляла, если предположить равное число мужчин и женщин, в 1719 г. 1,3 млн., а 1857—1858 гг. около 4 млн. человек. Несмотря на колебания среднегодового прироста (см. табл. 5) резких скачков в этих показателях в Среднем Поволжье не было. Среднегодовой прирост населения по району в XVIII—первой половине XIX в. (0,82%) был почти равен среднегодовому приросту в среднем по России (0,81%). Заметное ускорение среднегодового прироста происходит к 1857 г. — 1,18%.¹⁹⁹ Приводимые сведения показывают, что наиболее активное заселение Среднего Поволжья происходило во второй половине XVI—XVII в. и ревизиях XVIII в. уже не зафиксировано. По заключению А. Каппелера, которое опирается на обобщенные сведения косвенных источников, в 1678 г., т. е. немногим более чем через 100 лет после присоединения Среднего Поволжья к России, там уже расселялось около 300 тыс. русских крестьян.²⁰⁰ После 1678 г., в последних десятилетиях XVII в. и в начале XVIII в. колонизация Среднего Поволжья продолжалась высокими темпами. По мнению В. М. Кабузана, "все это показывает, что в XVIII в. Среднее Поволжье уже не является районом интенсивного заселения."²⁰¹ Однако в данном случае надо учитывать по крайней мере три обстоятельства.

1 Среднее Поволжье в XVIII в., в меньшей степени в начале XIX в.

оставалось промежуточным районом миграционного движения крестьян из губерний Центральной России в Южное и Северное Приуралье, Нижнее Поволжье. Сюда постоянно идет поток переселенцев, однако также постоянно присутствует отток. Так, с 1744 по 1762 г (между II и III ревизиями) население Среднего Поволжья увеличивается на 57 390 душ и п., однако за счет оттока только в Южное Приуралье уменьшается на 26 323 души и п. (силы на 52,6 тыс человек)²⁰². Баланс между притоком и оттоком выражается в умеренных показателях среднегодового прироста.

2. В ходе постоянного притока новых переселенцев повышается напряженность в земельном обеспечении, что заставляет (наряду с другими причинами) естественный прирост населения, фискальный и национально-религиозный гнет) местные народы (татар, чувашей, мордву) значительными группами и потоками уходить в Южное Приуралье и Нижнее Поволжье, где образуются очаги их расселения. Отток местного населения и приток новых переселенцев из России снова отражается на умеренных показателях среднегодового прироста, хотя происходят существенные изменения в этническом составе и характеристике расселения населения.

3. В табл. 5 приведены показатели в целом по территории Среднего Поволжья. Однако различные области Среднего Поволжья по-разному притягивали новых переселенцев. К концу XVIII в. Сибирская губерния обладала свободными землями (здесь на I ревизскую душу приходилось 14,37 десятин удобной земли, а в пензенской губернии — 10,3 десятины)²⁰³. Поэтому в Среднем Поволжье образовалась наряду с внешней внутренней миграция, т.е. сдвиг крестьянского населения с северных районов Среднего Поволжья в южные, в частности в Сибирскую губернию. С I по X ревизию население Сибирской губернии выросло на 453 939 душ и п. (т.е. более чем на 900 тыс человек), а в Казанской губернии — на 380 494 души и п. (на 760 тыс человек)²⁰⁴. Эти внутренние передвижения также приводили к изменению в этническом составе населения и характере его расселения, не внося в то же время изменений в показатели среднегодового прироста по Среднему Поволжью в целом.

Обратимся к Южному Приуралью. Сюда приток населения во второй половине XVI—XVII в. также был значительным. Однако период наиболее активной миграции в восточную часть И30 падает на XVIII—XIX вв. С I по X ревизии население в Оренбургской губернии увеличивается со 108 518 душ и п. (с 217 тыс человек) до 1 319 403 душ и п. (до 2,6 млн человек), или на 1215,84% (более чем в 13 раз). Среднегодовой прирост равнялся 1,87% против 0,81% по России, 0,82% по Среднему Поволжью и 0,38% по Центрально-Промышленному району. Показатель среднегодового прироста по Южному Приуралью постоянно высок. В 1719—1811 гг. Южное Приуралье по темпам прироста населения уступало только Нижнему Поволжью (см. табл. 5) и Новороссии. В первой половине XIX в. (1811—1857 гг.) Южное Приуралье по темпам заселения выдвигается на первое место среди всех других регионов России²⁰⁵.

Источниками роста населения в Южном Приуралье были разнообразные факторы. В аспекте нашей темы важно подчеркнуть, что в течение длительного времени важнейшим источником роста населения был приток переселенцев из западных и северных губерний. По I ревизии (1719 г.) всего населения в Южном Приуралье было 108 518 душ и п., в том числе податного (т.е. пришедших крестьян) — 16 380 душ и п., по II ревизии (1744 г.) населения стало 140 662 души и п., в том числе податного — 52 242 души и п. За 25 лет, с I по II ревизию, податное население выросло более чем в 3 раза, достигнув 105 тыс человек обоего пола²⁰⁶. С 1744 по 1762 г (между II и III ревизиями) численность населения Южного Приуралья выросла почти на 200 тыс человек, при этом только из

Казанской губернии прибыли упомянутые 52,6 тыс крестьян. Из них около 11 2 тыс были крепостными крестьянами, остальные 41,3 тыс составляли "ясачных иноверцев"²⁰⁷, те принадлежали к народам Среднего Поволжья. С 1795 г (V ревизия) до 1857 г (X ревизия) население Южного Приуралья выросло с 380 282 душ и п до 1 319 403 душ и п, или с 760 тыс до 2,6 млн человек обоего пола (почти в 3,5 раза).

Ю. М. Тарасов, изучивший историю русской крестьянской колонизации Южного Урала, отмечает, что заселение региона шло волнами. В 1800—1815 гг в Оренбургскую губернию в среднем прибывало по 14 тыс переселенцев в год, в 1816—1835 гг — по 18 тыс. За это время в Приуралье прибыло 320 тыс крестьян. С 1834 по 1850 г на Южном Урале поселилось еще 150 тыс вновь прибывших крестьян²⁰⁸.

Начиная со второй половины XVIII в., население Южного Приуралья быстро растет и за счет высокого естественного прироста. С 1804 по 1849 г в Оренбургской епархии среди православного населения на 100 душ и п умерших приходилось родившихся (также душ и п) в 22 случаях — 190, в 18 случаях — от 150 до 190, в 3 случаях — менее 150²⁰⁹. Среди факторов, способствовавших высокому естественному приросту населения в Южном Приуралье, В. М. Кабузан называет "благоприятные почвенно-климатические условия", "невысокий удельный вес крепостничества, огромные масштабы плодородных неосвоенных земель"²¹⁰.

В Северном Приуралье население с I по X ревизию выросло с 395 022 душ и п (с 790 тыс человек) до 1 922 381 души и п (до 3,84 млн человек), или на 386,89% (почти в 5 раз)²¹¹. Среднегодовой прирост за полтора столетия составил 1,15%. Темпы прироста населения в Северном Приуралье были высокими в XVIII в (см табл. 5), но к концу столетия замедлились, лишь ненадолго превышая общероссийский уровень (0,97 по V ревизии). В первой половине XIX в., особенно во 2—4-е десятилетия, население в регионе снова быстро растет. Переселенцев особенно привлекают плодородные земли Прикамья — Сарапульский, Елабужский, Малмыжский уезды Вятской губернии. В целом по Удмуртии число поселений, например, с 1815 по 1859 г возросло с 1706 до 2305 или на 71,4%, население в них — со 183 500 до 453 606, или на 147,2%, почти в 2,5 раза²¹².

Нижнее Поволжье, особенно Саратовская губерния, находясь в южном соседстве от Волго-Уральского региона, притягивало население на свои обширные просторы не только из центральных губерний России, но и из Среднего Поволжья и Приуралья. Население Нижнего Поволжья с I по X ревизию выросло с 522 20 душ и п (со 104 тыс человек) до 1 355 528 душ и п. (до 2,7 млн человек), или на 2614,95% (приблизно в 27 раз). Среднегодовой прирост составил 2,43% (см табл. 5)²¹³. Столь высокие показатели объясняются тем, что Нижнее Поволжье слабо заселялось во второй половине XVI—XVII в., но превратилось в основной заселяемый район в XVIII в. С VI ревизии (1811 г.) Нижнее Поволжье по темпам прироста населения уже уступает Южному Приуралью (см табл. 5), но по-прежнему остается одной из активно заселяемых областей. В пределы Саратовской губернии направляется также многонациональный поток переселенцев из Волго-Камского региона — из Симбирской и Пензенской губерний, из Приуралья.

Во второй половине XIX в показатель прироста населения России увеличивается. С 1858 по 1885 г он равен 1,27%²¹⁴, а в масштабах всего пореформенного периода к началу XX в он достигает 1,31%²¹⁵. Численность населения России к 1897 г (к моменту Первой общероссийской переписи) возрастает с 67,8 млн человек в 1857 г (по X ревизии) до 116 млн²¹⁶. Рост населения по Волго-Уральскому региону показан в

табл. 3 Южное Приуралье (с 1865 г. Оренбургская и Уфимская губернии), а также южная часть Среднего Поволжья (образованная в 1865 г. Самарская губерния) остаются районами иммиграции пришлого населения, хотя главным фактором значительного роста населения теперь становится высокий естественный прирост²¹⁷. В Южном Приуралье (Оренбургская и Уфимская губернии) население с момента X ревизии увеличивается с 2,6 млн человек до 3,79 млн. Рост составил в абсолютном исчислении 1,16 млн человек. Относительно неплотно заселенная Самарская губерния превратилась к началу XX в. в многонациональный край с населением в 2,750 тыс. человек. В 1897 г. общая численность русских и украинцев в 10 губерниях (15,5 млн человек), входящих в ИЗО, почти в три раза превысила общую численность тюркского и финно-угорского населения (5,5 млн человек). При этом русские составляли большинство во всех губерниях, кроме Казанской и Уфимской (см. табл. 3), где их численность по отношению ко всему остальному населению достигала в Казанской губернии 38,3%, в Уфимской 37,7%.

Заметный, временами резкий прирост населения в России в целом и в ее регионах в пореформенное время исследователи объясняют отменой крепостного права, развитием капиталистического уклада в сельском хозяйстве, развитием торгово-экономических связей. Все это имело следствием рост рождаемости, сокращение смертности, снятие губительных воздействий недородов, болезней, голода. Кроме того, во внутренней России существенно сократились категории военно-служилых сословий и соответственно срок военной службы мужчин в отрыве от дома, семьи.

Особенности расселения и демографического развития восточнославянских, тюркских и финно-угорских этносов

К середине XIX в. сложились те контуры расселения народов ИЗО, которые с небольшими изменениями сохранились до середины XX в., когда новые и мощные волны миграций в связи с урбанизацией, крупными стройками, освоением целины, нефтяных и других районов охватили страну. В первой половине XIX в. сложились также основные демографические соотношения между различными народами региона, которые стали одним из крупных факторов, воздействующих на направление этнокультурных процессов.

Русские, как показано, расселялись вдоль укрепленных линий и вокруг городов-крепостей и к концу XVIII в. окружили регион широкой полосой поселений с севера, востока и юга и образовали очаги с русским населением внутри региона. По мере продвижения русской колонизации на север, в таежные и приполярные районы Печоры и Урала, на восток — в Западную и Восточную Сибирь, на юг — в Волго-Уральское междуречье, местное население оставалось огромным архипелагом моноэтнических или многоэтнических островов в океане огромной России (рис. 9).

Районы выхода русских переселенцев в Волго-Уральскую область менялись. Во второй половине XVI—XVII в., когда колонистами заселялись в основном северные земли Среднего Поволжья и Прикамья, мигранты шли преимущественно с Русского Севера, из Поморья. С середины XVII в. движение крестьянских переселенцев все активнее включались выходцы из Верхнего и Среднего Поволжья²¹⁸. Русское население Прикамья постепенно сдвигалось в южном направлении. По всей широте северной части ИЗО, от низовьев Ветлуги и до Исети в Зауралье, и сейчас еще ощущается влияние северорусского компонента — в говоре местного русского населения, в материальной и духовной культуре. В составе переселенцев XVIII в.,

особенно во второй половине столетия, начинают преобладать выходы из Центральных районов (Владимирской, Московской, Нижегородской и других губерний). Районами активного выхода переселенцев становятся также Казанская, Симбирская, Пензенская губернии в Среднем Поволжье, Вятская, Пермская, Тобольская — на севере, т. е. западные и северные области ИЗО. Крестьянские выходы с этих территорий заселяют районы Приуралья, плодородные земли Оренбуржья, горнозаводские поселения Южного Урала.

В первой половине XIX в. районы выхода крестьян-переселенцев перемещаются в более южные районы России — в Воронежскую, Курскую, Рязанскую, Тамбовскую губернии, а также в Малороссию. Не прекращаются народные передвижения в Оренбургский край из центральных губерний, а также горнозаводских крестьян с Северного и Среднего Урала. Именно этот последний поток (с Северного и Среднего Урала) обусловил распространение и формирование по всей территории горного Урала от севера до юга во многом самобытной, своеобразной культуры горнозаводского русского населения.

Во второй половине XIX в., и особенно в начале XX в. усиливается приток в ИЗО переселенцев из Малороссии — украинцев, а также белорусов, немцев. Украинцы расселяются крупными ареалами по всему Поволжью и Приуралью, несколько очагов украинских поселений образуется на территории юго-западной и южной Башкирии, в Оренбургских степях, в Бузулукском и Бугурусланском уездах Самарской губернии. Немецкие поселения концентрируются в Саратовском Поволжье, где их расселение началось еще во второй половине XVIII в. В Приуралье немецкие колонисты переселились из Херсонской и Таврической губерний в годы столыпинской реформы. В эти же годы в ИЗО появились переселенцы-крестьяне из Белоруссии, Латвии, Эстонии. Белорусские, латвийские, эстонские крестьяне небольшими группами расселились в основном в Приуралье. Украинские, немецкие, белорусские, латышские, эстонские крестьяне в Приуралье внесли существенный вклад (к сожалению, малоизученный) в развитие капиталистического уклада в сельском хозяйстве региона. Выше отмечено, что заселение внутренних районов Среднего Поволжья русскими колонистами произошло в основном до наступления XVIII в. — во второй половине XVI — XVII в. Уже в 1678 г. на Среднюю Волгу переселилось около 300 тыс. русских крестьян. Восточную часть ИЗО русское население, напротив, заселило в таких же масштабах только в XVIII в. По данным Ю. М. Тарасова, который опирается на неопубликованные архивные источники, на территории Оренбургской губернии в 1719 г. (по I ревизии) русских было 35 тыс. человек (из общего числа населения 217 тыс. человек).²²² В 1744 г. русское население Оренбургского края возросло до 120 тыс., в 1762 г. — до 250 тыс., в 1782 г. превысило 340 тыс. человек. Через 13 лет, в 1795 г. русское население края достигло 430 (по другим данным 400) тыс. человек.²²³ В это число входили, видимо, примерно 80 тыс. "казаков, отставных солдат, расквартированных в Оренбургской губернии".²²⁴ По V ревизии (1795 г.) в Оренбургской губернии было учтено 380 282 души м.п., т. е. общая численность населения составила около 760 тыс. человек, в 1800 г. она достигла 885 тыс. человек.²²⁵

Таким образом, к рубежу XVIII — XIX вв. общая численность населения Оренбургского края возросла более чем в 4 раза, численность русского населения за 75 лет (с 1719 до 1795 г.) — в 12 раз. Во второй половине XVIII в. в Оренбургской губернии русское население превысило численность башкир и приблизилось к общей численности башкир и пришлого неморского населения. Во внутренних районах ИЗО русское население ранних

миграций концентрировалось вдоль бывших укрепленных линий и вокруг городов-крепостей. Позже русские крестьяне старались селиться по берегам судоходных рек. Так выросли русские поселения по Волге, Кане, Вятке, Белой, Уфимке и другим рекам. Наиболее плотно заселенными русскими населением оказались на Средней Волге уезды Тамбовской, Пензенской, Сибирской, Самарской губерний, на Южном Урале — зауральские уезды и горнозаводские поселения Оренбургской губернии. Русское и украинское население стремились на новых местах занять земли, схожие по природно-географическим условиям с местами выхода. Особенно отчетливо это видно по расселению украинцев. Украинские села в Приуралье во второй половине XIX в. разместились крупными ареалами вперемежку с инородческими деревнями на плодородных черноземных землях Приуралья (в Оренбургской и Уфимской губерниях), Самарского и Саратовского Заволжья (см. табл. 3).

Сведения о численности и движении населения ИЗО на начало и конец второй половины XIX в. обобщены в табл. 3 и 5. В основе табл. 5 — данные X ревизии 1857 г., в основе табл. 3 — данные переписи 1897 г. Сведения по народам региона, относящиеся к первой половине XIX в. (с сожалением, неполные), позволяют в целом ряде случаев построить графики, выявляющие демографические тенденции в масштабах всего XIX в.

Русское население региона в 1857 г. достигло 10,8 млн человек (74,8%), в 1897 г. — 15,2 млн (70,1%). Как видно из табл. 4 и 5 а, при абсолютном численном росте во всех губерниях доля русских в общей численности населения во второй половине XIX в. несколько снизилась. Однако характер и масштабы этих изменений по областям региона заметно различались. На севере, в Вятской губернии, в первой половине XIX в. наблюдается сильный рост русского населения. По Европейской России с 1811 по 1838 г. (за 28 лет) прирост населения составил 16,8%²²⁶, с 1782 по 1857 г. этот показатель равнялся в среднем 16%. По Вятской губернии прирост составил с 1795 по 1838 г. (за 43 года) 51%, а с 1795 по 1857 г. (за 62 года) — 45%. В Нижегородской губернии прирост русского населения в 1795—1833 гг. оказался значительно ниже среднего уровня по Европейской России, а именно 6%²²⁷. Эти контрасты можно объяснить лишь тем, что в Вятской губернии в первой половине XIX в. население возрастало в существенной степени за счет притока русских крестьян, а в Нижегородской губернии шел процесс относительного уменьшения за счет оттока. Во второй половине XIX в. приток в Вятскую губернию сократился. Удельный вес русского населения в губернии с 1857 до 1897 г. незначительно, но понизился (с 80,4 до 77,4%). Напротив, в Нижегородской губернии в связи с резким сокращением оттока русского населения и нормальным его естественным приростом доля русских увеличивается с 89,6 до 93,1%. Определенное значение в этом имело уменьшение в Нижегородской губернии (в связи с миграцией на восток) мордовского населения (с 80 тыс. в 1857 г. до 53 тыс. в 1897 г.).

Бросается в глаза снижение во второй половине XIX в. доли русского населения в Заволжских губерниях: в Сибирской с 72,0 до 68%, в Самарской с 84,7 до 64,5%, в Саратовской с 92,8 до 76,7%. Прежде всего это было связано с более быстрыми темпами роста в этих губерниях мордовского, чувашского и татарского населения в результате неханического притока и высокой рождаемости. С 1857 по 1897 г. в трех указанных губерниях мордовское население выросло с 281 тыс. до 552 тыс. (на 196,4%), чувашское — со 160 тыс. до 266 тыс. (на 166,2%), татарское — со 134 тыс. до 394 тыс. (на 294%). А общая численность русского населения трех губерний возросла с 3546 тыс. до 4660 млн человек (или на 131,4%). Хотя этот показатель заметно ниже, чем у упомянутых

выше народов, абсолютный рост русского населения в южных волжских губерниях был относительно высоким

В двух губерниях, Казанской и Оренбургской русские в 1857 г. составили меньшинство соответственно 40,7 и 49,4% (табл. 5а). В 1857 г. в Казанской губернии было около 600 тыс. человек русских. Прирост населения в Казанской губернии между V и VIII ревизиями (1795 - 1833 гг.) был также высоким (51%) но с 1833 г. темпы прироста снижаются и приближаются к средним показателям по России (с 1833 по 1857 г. 24% прироста)²²⁸. В первой половине XIX в. высокий приток населения в Казанскую губернию балансируется высоким оттоком в соседние Симбирскую, Самарскую, Саратовскую, Оренбургскую губернии. К 1897 г. русское население Казанской губернии выросло до 832 тыс. человек, однако его доля по сравнению с 1857 г. даже несколько понизилась (до 38,3%). В обширной Оренбургской губернии в 1857 г. русское население составило 1306 тыс. человек, т.е. с 1795 г. оно возросло примерно в 4 раза. В 1897 г. на территории бывшей Оренбургской губернии русские составили 1 960 тыс. человек, или 51,6% населения края (3 797 тыс. человек). За 40 лет (с 1857 по 1897 г.) русское население Оренбургского края вновь выросло на 650 тыс. человек (см. табл. 3 и 5 а).

После разделения в 1865 г. Оренбургской губернии на Оренбургскую и Уфимскую соотношение русского и нерусского населения в обеих новых губерниях изменилось. В Оренбургской губернии русское население в 1897 г. составило 1,126 тыс. человек, или 70,4% всего населения. По этому показателю Оренбургская губерния вошла в одну группу с Самарской, Симбирской и отчасти Саратовской губерниями, которые были и оставались объектами заселения различными национальностями. В Уфимской губернии русское население составляло 834 тыс. человек, или 37,9%. В этом отношении Уфимская губерния образовала одну группу с Казанской губернией, где русских в 1897 г. было 38,3%. Указанная доля русских в составе населения Казанской губернии установилась видимо еще в последней четверти XVII в. С конца XVIII в. этот показатель поддается учету и сохраняется (с колебаниями 2 - 4%) до XX в. В 1782 - 1815 гг. доля русского населения в губернии равнялась примерно 38 - 40%, в 1833 г. - 40,6²²⁹, в 1857 г. - 40,7, в 1897 г. - 38,3%. Если иметь в виду возможные погрешности в расчетах в связи с изменениями административно-территориальных границ, приведенные данные достаточно стабильные. На территории Уфимской губернии указанное соотношение установилось с конца XVIII в. и так же с небольшими изменениями сохраняется до XX в.

Таким образом, по заселенности русским населением всю территорию ИЗО к концу XIX в. можно подразделить в широтном направлении на три зоны: северную (Нижегородская, Вятская, Пермская губернии - в среднем 87% русских), центральную (Казанская и Уфимская губернии - в среднем 38% русских) и южную (Симбирская, Самарская, Оренбургская губернии - 67,8% русских). На правобережье Среднее Поволжье соседствовало с Пен-

* По переписи 1979 г. в Татарской республике русское население составляло 44% (см. табл. 1).

** По переписи 1979 г., русское население в Башкирской республике составляло 40,2%; аналогичные соотношения сложились в конце XVIII в. и мало изменились в XIX в. (см.: Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 207-209).

Таблица 5а* Население Волго-Уральской ИЭО по X (1857 г.) ревизии, тыс. чел.

Губерния	Население всего	В том числе народы							Тюркское и финно- угорское население — всего
		русские	татары	башкиры	чуваши	марийцы	мордва	удмурты	
Вятская	2 025	1 628 (80,4)**	78 (3,9)	—	—	98 (4,8)	—	221 (10,9)	397 (19,6)
Казанская	1 466 I	596 (40,7)	439 (29,9)	—	326 (22,2)	8,1 (5,5)	17,0 (1,2)	7,1 (0,5)	870,1 (59,3)
Нижегородская	1 137	1 019 (89,6)	33 (2,9)	—	—	5,0 (0,5)	80 (7,0)	—	118 (10,4)
Пензенская	1 160	988 (85,2)	45 (3,9)	—	—	—	127 (10,9)	—	172 (14,8)
Тамбовская	1 800	1 719 (95,5)	13 (0,7)	—	—	—	68 (3,8)	—	81 (4,5)
Оренбургская	2 639	1 306 (49,5)	485*** (18,7)	545**** (20,7)	30***** (1,1)	50***** (1,9)	19 (0,7)	10***** (0,4)	1 139***** (43,2)
Самарская	1 495	1 266 (84,7)	87 (5,8)	—	47 (3,1)	—	95 (6,4)	—	229 (15,3)
Саратовская	1 580	1 466 (92,8)	50 (3,1)	—	12 (0,8)	—	52 (3,3)	—	114 (7,2)
Симбирская	1 131	814 (72,0)	90 (8,0)	—	93 (8,2)	—	134 (11,8)	—	317 (28,0)
Всего	14 433,1 (100,0)	10 802 (74,8)	1 320 (9,2)	545 (3,8)	508 (3,5)	234 (1,6)	592 (4,3)	238,1 (1,6)	3 437,1 (24,2)

В том числе тюркского населения — 2 398 тыс. (16,6), финно-угорского — 1 100 тыс. (7,6), русского — 10 802 тыс. (75,0).

* Таблица составлена на основе: Kappeler A. Russlands Erste... S.430, Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XX вв. // АЭБ. Уфа, 1968. Т.3. С.347, 353, 355; Кабузан В.М. Изменения в размещении населения... С.57; Мордья: Историко-этнографические очерки. С.34

** В скобках указаны проценты от общего числа населения в губернии, в итоговых графах — в целом по ИЭО.

*** Сведения относятся к 1850—1851 гг. В составе 485 тыс. татар: казанских татар — 118 тыс., мишарей — 105 тыс. тептярей — 262 тыс. (см. Кузеев Р.Г. Численность башкир... С.355).

**** Общая численность башкир согласно X ревизии по 13 башкирским кантонам (см. Кузеев Р.Г. Численность башкир С.347)

***** Двоиные расчеты

***** Всего нерусское население составляло 1 333 тыс. человек (50,5% от численности населения губернии). Общая численность башкир, татар, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов составила 1 139 тыс. человек. Остальные 194 тыс. человек образуют другие народы украинцы (в 1858 г. численность украинцев в Оренбургской губернии достигла 20,5 тыс. человек. — См.: Бабонко В.А. Этнические процессы у украинских переселенцев Башкирии (Конец XIX—XX в.) // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа. 1984. С.138—139), казаки, калмыки, мамсы (вогулы) и т.д. В это число, однако, могли входить и башкиры, не учтенные по разным причинам в составе "Башкирского зейска".

зенской и Тамбовской губерниями с преобладающим русским населением в Тамбовской в 1857 г – 95,5%, в Пензенской в 1897 г – 83%, см табл 3 и 5 а). Как видно, Среднее Поволжье, Приуралье и Южный Урал оказались многоэтническим регионом, окруженным с севера и юга районами с преобладающим русским населением. Границы этнических территорий в таких условиях, естественно, не могли быть четкими. И на севере, и на юге этнические территории тюркских и финно-угорских народов региона плавно переходили в этнические территории с преимущественно русским населением. Во внутренних областях ИЗО русское население разнестилось крупными ареалами и небольшими очагами на этнических территориях местных народов (рис 10).

Обратимся к особенностям демографического развития и расселения финно-угорского и тюркского населения. Как видно из табл 6, народы

Таблица 6* Численность финно-угорских и тюркских народов ИЗО в XIX в. тыс. чел.

Народы	VIII ревизия 1833 г	X ревизия 1857 г	Прирост с 1833 г	Перепись 1897 г	Прирост с 1857 г	Прирост с 1833 по 1897 г
Мордва	474	618	132	890	144	187,7
Марийцы	150	239	159	371	155	247,3
Удмурты	196	243	124	419	172	213,8
Чуваши	422	523	124	834	159	197,6
Татары	635	1320	208	1619	123	254,9
Башкиры	392	545	165	1312	241	334,7
Всего финно-угорских народов (мордва, марийцев, удмуртов)	829	1100	134,1	1680	152,7	204,8
Всего тюркских народов (чуваши, татар, башкиры)	1449	2388	164,8	3765	157,6	259,8
Всего башкиры и татар	1027	1865	181,6	2931	157,2	285,4

* Таблица составлена по Kappeler A. Russlands Erste... S 422 Кузеев Р.Г. Численность башкир С 370

региона в XIX в. имели возрастающую динамику численности. Хотя и в разной степени, все они имели высокий прирост (с 1833 по 1897 г. общая численность мордвы, марийцев, удмуртов возросла с 820 тыс. до 1 680 тыс. человек, или на 204,8%; чувашей, татар и башкир – с 1 449 тыс. до 3 766 тыс., или на 259,8%). С 1833 по 1857 г. численность финно-угорских народов увеличилась на 134,7%, тюркских – на 164,8%. Особенностью этого периода являются высокие темпы роста башкир (165%), и особенно татар (208%). Общая численность татар и башкир возросла с 1 027 тыс. человек в 1833 г. до 1 865 тыс. человек в 1857 г., или на 81,6%. Судя по ретроспективным данным (статистика в Среднем Поволжье в 1795 – 1800 гг. было около 350 – 400 тыс., башкир – 250 – 275 тыс., в 1815 – 1817 гг. башкир – 310 – 320 тыс. человек²³⁰), значительный рост численности татар и башкир был характерен для всей первой половины XIX в.

Рис.10. Расселение восточнославянских народов на Урале и в Приуралье в XIX в. (по Ф.А.Фельдструпу)
1 — русские, 2 — украинцы, 3 — белорусы, 4 — территории, заселенные другими народами

Во второй половине XIX в., точнее, за 40 лет (с 1857 по 1897 г.), общая численность мордвы, нарийцев, удмуртов выросла с 1100 до 1680 тыс. человек, или на 152,7%, при этом несколько повышенный рост показали удмурты (с 243 до 419 тыс. человек, или на 172%). Численность тюркских народов возросла с 2388 тыс. до 3765 тыс. человек, или на 157,6%. В отличие от первой половины XIX в. за 40-летие второй половины столетия особенно увеличилась численность башкир (с 545 тыс. до 1312 тыс., или на 241%) и, напротив, самым низким среди всех народов региона оказался прирост у татар (с 1320 до 1619 тыс. человек, или на 123%). Такие контрасты в темпах прироста башкир и татар в XIX в.

кажутся невероятными если не принять во внимание специфику этнических процессов и особенности учета населения в регионе. Обращает на себя внимание то, что совокупный удельный вес башкир и татар в регионе в 1857 и 1897 гг. остается примерно одинаковым. Во время X ревизии удельный вес татар в численности населения региона равнялся 9,2%, башкир — 3,8% (см табл. 5а), в 1897 г. соответственно 7,4 и 6,0% (см табл. 3), а суммарно татар и башкир в 1857 г. было 13% в 1897 г. — 13,4%.

Резкий спад численности татар и напротив повышение численности башкир с 1857 до 1897 г. произошли в связи с учетом в составе башкир так называемых "новобашкир", т.е. включенных указом от 19 апреля 1855 г. в Башкирско-Мещерякское войско тептярей. Приведу цитату из своей работы, в которой этот вопрос подробно проанализирован: после указа 1855 г. «все войско стало именоваться 'Башкирским войском' и было разделено на 28 кантонов. По данным 1856 г. в 28 кантонах башкир было 480 317 человек, мишарей — 110 595, тептярей — 260 975, а всего — 851 887 человек. В 1858 г. Башкирское войско насчитывало уже 981,3 тыс. человек, в том числе башкир — 544,8 тыс. и припущеников 436,5 тыс. человек. С этого момента во многих статистических описаниях, особенно в военно-статистических сборниках, становится обычным включение народностей, входивших в "Башкирское войско", в одну группу. Представители царской администрации не проводят этнических различий между этими родственными народами и учитывают их всех под общей рубрикой "башкиры"»²³¹.

Характеризуемый процесс нашел отражение и в материалах ревизий, в которых учитывалось все население с разделением на податное и неподатное. К последнему относились башкиры, платившие ясак или несшие военную службу. Во время I и II ревизий (1719 и 1744 г.) неподатное население в Башкирии составляло 84,9 и 62,8%, т.е. башкиры составляли большинство населения. С III по IX ревизии (с 1762 по 1850 г.) доля неподатного населения колеблется в диапазоне 37,7—30,25% (по данным IX ревизии, в 1850 г. неподатное население Оренбургской губернии составляло 30,25%). Итоги X ревизии (1857 г.) показывают резкое изменение: неподатное население возрастает до 46,25% и достигает 1192 тыс. человек²³². В это число, кроме башкир, мишарей, тептярей, могла входить и часть оренбургских и уральских казаков.

Таким образом, в конце XIX в. в составе башкир было учтено по моим прежним подсчетам, около 350—400 тыс. мишарей и тептярей, а численность башкир в конце столетия равнялась примерно 1 млн человек²³³. С учетом сказанного можно заключить, что удельный вес башкир и татар в населении ИЗО в 1897 г. сохранился на уровне 1857 г. Статистические данные, относящиеся к XX в., прежде всего к первым двум десятилетиям, необходимо интерпретировать с учетом изложенных особенностей развития демографической ситуации в ИЗО. В то же время важно подчеркнуть, что, судя по демографическим показателям, в ИЗО имели место процессы дивергенции, когда части того или иного этноса (в виде компактно или дисперсно расселившихся групп) в результате изменений в направлении культурно-языкового развития отрывались от материнского этноса и ассимилировались в составе другой общности или, смешиваясь с ней, образовывали новые этнографические группы. Особенно это было характерно для зон контактов.

В расселении народов ИЗО, контуры которого окончательно оформились в современном виде к середине XIX в., отметим три особенности: 1) сравнение демографических данных 1833, 1857, 1897 гг. и ретроспективно сведений XVIII в. показывает, что финно-угорское и тюркское население

в XIX в. продолжало концентрироваться на своих исконных этнических территориях; 2) в результате миграционных процессов XIV - XV вв., особенно в XVI - XIX вв., образовались этнически смешанные территориальные зоны разного типа: тюркско-тюркские (башкирско-татарские, татарско-башкирско-чувашские, мишарско-башкирские...); финно-угорско-тюркские (нарийско-чувашские, удмуртско-башкирско-татарские...), восточно-славянско-финно-угорские (русско-мордовские, русско-удмуртские...), восточнославянско-тюркские (русско-татарские, русско-башкирские, украинско-татарско-башкирские...); 3) наряду с основной этнической территорией у всех народов региона образовались периферийные территории расселения, на которых складывались новые этнографические группы с теми или иными особенностями культуры.

Марийцы вплоть до конца XVIII в. концентрировались на своей этнической территории (по обоим берегам Средней Волги). В 1723 г. в Марийском крае проживало 93 тыс. марийцев и они составляли 80,6% всего населения, в 1795 г. - 112 тыс. марийцев (78,7% населения). Доля русских медленно росла, составляя в 1723 г. 18,2, в 1795 г. - 18,9%.²³⁴ Соотношение марийского и русского населения соответственно на приведенные годы было 4,4:1 и 4,2:1. В конце XVIII в. на марийские земли переселяются татары, но в 1795 г. их было не более 2,5% от общего количества населения.²³⁵ В первой четверти XVIII в. (в 1707 - 1712 гг.) марийское население на основной этнической территории уменьшается в связи с массовой миграцией в Закамье и в Приуралье, в Башкирию, где к середине XVIII в. складывается этнографическая группа восточных марийцев (рис. 11). По расчетным данным, восточных марийцев в Оренбургской губернии в 1857 г. было около 50 тыс. человек (см. табл. 5). Динамика общей численности марийцев в XIX в. показана в табл. 6. В первой половине XIX в. в Марийском крае, особенно в северной части, быстро растет русское население. К середине столетия оно примерно уравнивается с местным населением (см. табл. 3, ср. с табл. 1). На основной этнической территории марийцы соседствовали и тесно взаимодействовали с чувашами.

Удмурты в XIX в. по-прежнему концентрировались на своей этнической территории - на левобережье Средней Камы. Удмурты и позже сохранили свою относительную компактность (см. табл. 3, 5 а; ср. табл. 1). Их миграции носили преимущественно характер сдвига к югу и юго-востоку на территории Татарии и Башкирии, на перские земли (см. рис. 11, табл. 3, 5 а, ср. табл. 1). Заселение вятских земель, заметно проявившееся еще с XVI - XVII вв., в первой половине XIX в. принимает особенно крупные масштабы. С 1815 по 1859 г. на территории современной Удмуртии число смешанных удмуртско-русских поселений возросло с 1706 до 2396, а население в них со 183,5 тыс. до 453,6 тыс. человек, или на 247,2%.²³⁶ Во второй половине XIX в. процесс образования смешанных удмуртско-русских районов и деревень получил новое развитие, хотя интенсивность притока нового населения снизилась. В Вятской губернии, где в 1857 г. концентрировалось 90% удмуртов, в составе населения их доля равнялась 11% (русских - 80,4%), а в 1897 г. удмуртов в губернии было 12,4%, русских - 77,4%. Указанные соотношения, естественно, сказались на этнокультурных процессах, но не сразу. Набирая силу, особенно в связи с изменением социально-экономическими, конфессиональными, демографическим фактор явственно стал воздействовать на этнокультурные процессы позже, в XX в.

Мордва активно расселялась к югу и юго-востоку от основной этнической территории с XVII - XVIII вв. К середине XIX в. крупные группы мордвы заселили левобережные уезды Симбирской губернии,

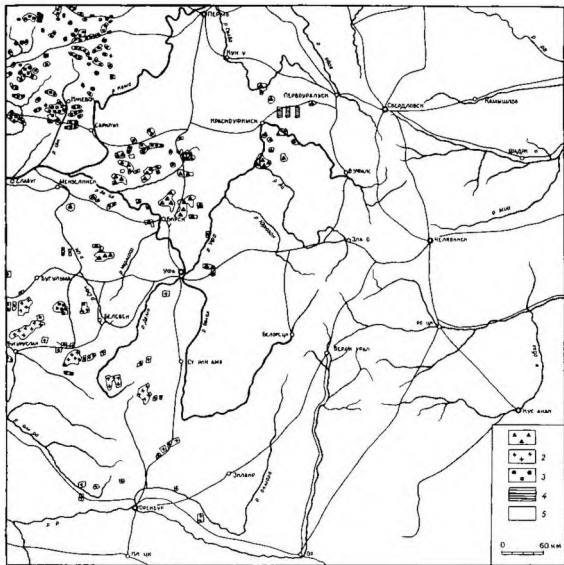

Рис.11. Расселение финно-угорских народов на Южном Урале и в Приуралье в XIX в (по Ф.А.Фельдструву)
1 - марийцы, 2 - мордва 3 - удмурты 4 - коми-пермяки 5 - территории заселяемые другими народами

северные уезды Самарской и Саратовской губерний (см табл 5 а). В Оренбургской губернии в 1857 г. мордва была сравнительно немногочисленна (19 тыс человек), но во второй половине XIX в численность мордвы здесь также возросла: в Уфимской губернии до 37,3 тыс. ²⁹⁷ В Оренбургской губернии до 38,4 тыс человек, или в целом на 398%. К концу XIX в крупные группы мордвы расселялись во всех центральных и южных губерниях ИЗО. В заселении северных губерний (Вятской и Пермской) мордва, а также чуваш практически не участвовали (см табл 3).

На основной этнической территории образовались ареалы мордовско-русского взаимодействия со смешанными поселениями. В восточных районах

мордва часто расселялась в одних и тех же деревнях с татарами, чувашами, башкирами

Этническая территория ч у в а ш е й занимала западные уезды Казанской и северо-западные уезды Симбирской губерний. По данным X ревизии, здесь расселялось почти 90% чувашей (326 тыс. в Казанской и 93 тыс. в Симбирской губерниях; см. табл. 5 а). В границах современной Чувашии (Козьмодемьянский, Тетюшский, Цивильский, Чебоксарский, Ядринский уезды Казанской губернии, Алатырский, Курмышский, Буинский уезды Симбирской губернии) в 1795 г. чуваша составляли 80,5%, русские — 16,6 татары — 1,9, мордва — 1,0%^{23а}. В 1859 г. в этих же границах чуваша составляли 80,6%, русские — 18,8%, татары — 2,7%, мордва — 1,2%^{23б}. За пределами этнической территории к середине XIX в. чуваша расселились в Симбирской, Самарской и Оренбургской губерниях (рис 12, табл. 5 а). Во второй половине XIX в. развивались те же направления расселения, хотя увеличение населения произошло в основном за счет естественного прироста. На территории самой Чувашии чуваша находились в давних и тесных контактах с горными марийцами, а также с русскими, на южных территориях с татарами и мордвой. На местах выселения чуваша вошли в этнокультурные контакты с русскими, татарскими, башкирскими и мордовским населением.

Т а т а р ы консолидировались в единую волжско-татарскую народность, расселились по всему региону (см. табл. 5 а, 3; ср. табл. 1). Основной этнической территорией оставалось Предкамье и Западное Закамье. К середине XIX в. татары образовали крупные массивы расселения в Приуралье. Занимая территории в центре Среднего Поволжья, они были открыты для сквозных контактов со всеми народами региона.

Б а ш к и р ы продолжали занимать этническую территорию на Южном Урале и в Приуралье. Своеобразие формирования этнической территории Башкирии заключалось в ее заселении, особенно в западной и северной частях, крупными группами народов ИЗО (табл. 5 а, 3; ср. табл. 1). Миграции из Среднего Поволжья в Приуралье и на Южный Урал имели в основном широтное направление. Марийцы и удмурты расселились в северных и северо-западных уездах Уфимской губернии, в южных уездах Пермской губернии; мордва — в южных и юго-западных областях Башкирии, в Симбирской, Самарской, Оренбургской губерниях (см. рис 11, табл. 3, 5 а). Чуваша в Уфимской и Оренбургской губерниях оказались северными соседями мордвы или расселились вперемежку с ней. На территории Южного Урала чуваша во многих случаях расселились в одних и тех же деревнях с башкирами и татарами, что имело для их этнокультурного развития определенные последствия.

Со второй половины XVIII в. Башкирия с востока также была окружена довольно густой сетью русских поселений. В 1795 г. в Челябинском уезде насчитывалось 82,8 тыс. человек, из них 67,8 тыс. (81,9%) русских, 11,6 тыс. башкир (13,4%); 3,9 тыс. (4,7%) татар и "служилых низарей"^{24о}. В XIX в. численный рост зауральского русского населения, а также татар (в том числе в Верхнеуральском, Троицком уездах Оренбургской губернии) продолжается как за счет нового притока, так особенно за счет естественного прироста.

Таким образом, к середине XIX в. Башкирия превращается, по выражению М. В. Флоринского, в "этнографическую лабораторию"^{24г}, где в той или иной степени были представлены многие народы России и все народы Среднего Поволжья. Значительная их часть, как говорилось, селилась на башкирских землях на условиях аренды и выступала "припущенниками на башкирских землях". В процессе нового расселения в Башкирии росло число смешанных деревень, в которых совместно с башкирами селились

Рис.12. Расcеление тюркских народов на Урале и в Приволжье в XIX в. (по Ф.А.Фильдструпу)

1 – башкиры теитиры, 2 – татары, мишари 3 – казаки 4 – чуваши, 5 – территории, заселенные другими народами

татары, чуваши, удмурты, марийцы, нордва. В табл. 7 представлены обобщенные сведения об этническом составе населения башкирских волостей по данным VIII ревизии (1833 г.). Таблица информативна, так как включает сведения о количестве волостей по прежним административно-территориальным дорогам, количестве деревень в волостях, в том числе о деревнях этнически смешанных и с припущенниками. К "этнически смешанным" отнесены и деревни, заселенные башкирами "разных волостей"

В целом по Башкирии из 1783 поселений, деревень, этнически смешанных или с припущенниками, было 636 (35,6%). Однако в размещении этих

Таблица 7^а Этнический состав населения башкирских волостей в середине XIX в.

Наименование родоплеменных волостей	Число административных волостей	Число деревень	В том числе		Население в волости
			этнически смешанным	с припущен клянами	
1	2	3	4	5	6

Ногайская дорога

Миясские	17	161	39	74	26 710
Юрматынские	2	97	15	15	20 443
Кышчанские	8	116	6	4	30 122
Бурзинские	4	115	Нет	13	27 100
Усергайская	1	77	Нет	Нет	19 983
Тамьянские	3	48	3	1	9 511
Ташгаурские	2	19	1	Нет	6 919
Семердинин	1	4	Нет	Нет	882
Итого по Ногайской дороге	38	637	64	107	141 670

Казанская дорога

Будякские	3	48	25	13	8 818
Юрминские	2	33	16	9	3 859
Байдорские	6	84	47	24	16 222
Камаловские	3	43	26	22	7 445
Ильинские	4	79	23	15	15 421
Каршинская	1	7	6	5	1 088
Киргизские	4	42	21	13	9 023
Евдьянские	2	32	17	1	6 195
Гаровские	3	44	9	Нет	11 193
Шамшадловская	1	9	7	Нет	2 385
Енейские	4	30	4	10	7 470
Итого по Казанской дороге	33	451	201	112	89 119

Осинская дорога

Ураинские	3	31	Нет	Нет	7 074
Галинские	1	40	2	Нет	13 814
Тамьянские	4	25	7	Нет	6 113
Тазларские	1	8	3	Нет	1 430
Иректинские	3	26	4	6	3 386
Су Уиларские	1	13	Нет	Нет	1 667
Балыччинская	1	10	Нет	Нет	1 466
Итого по Осинской дороге	14	153	16	6	34 950

^аТаблица составлена по: Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и составе по экономическому делению населения на деревням в середине XIX в. / Подг. А.З. Асфандияров // ЮАС Уфа, 1976. Вып.2. С.196-342.

1	2	3	4	5	6
Сибирская дорога					
Табьинские	18	168	1	30	36 552
Кубеляцкая	1	13	Нет	Нет	3 694
Телевская	1	12	Нет	Нет	3 930
Дуновские	5	40	13	8	5 079
Айлинские	6	92	Нет	47	14 686
Кошсинские	5	29	Нет	Нет	4 472
Кудейские	6	25	1	7	5 111
Катайские	9	82	1	12	15 852
Сырнянские	4	8	Нет	2	1 346
Терскотские	2	7	Нет	1	1 033
Сызганские	2	7	Нет	4	1 326
Улейские	2	7	Нет	Нет	895
Сырзинские	2	9	Нет	1	1 483
Мурадаларская	1	11	Нет	Нет	2 330
Караталинская	1	1	Нет	Нет	187
Тырнаклинские	2	9	Нет	Нет	1 471
Сальютские	2	14	1	1	2 523
Бекатинская	1	5	Нет	Нет	950
Калмыцкая	1	8	Нет	Нет	958
Итого по Сибирской дороге	71	547	17	113	103 878
Итого по Башкирии	156	1783	298	338	369 617*

* В итоговую численность не включены башкиры волостную принадлежность которых не удалось определить

деревень и в концентрации башкирского населения в относительно моноэтнических районах картина оказалась весьма контрастной. Наиболее сложным в 1833 г. был этнический состав населения западной Башкирии (Казанской дороги) здесь в 313 деревнях из 451 (69,4%) совместно с башкирами жили представители других народов или припущенники. На Ногайской дороге (в юго-восточной и южной Башкирии) таких деревень было 26,8% (171 из 637). Главным образом они размещались в бассейне Демы (в минских волостях в центральной и юго-западной Башкирии) и частью в восточном соседстве в бассейне р. Ашкадар (в западных юрнатынских волостях). Из 171 деревни Ногайской дороги с полиэтническим составом населения 143 (83,6%) размещались в минских и юрнатынских волостях. В бассейне Демы в XVIII в. образовалось много деревень, в которых к минским башкирам подселились башкиры из волостей Ногайской и Сибирской дорог. На Осинской дороге (в северной Башкирии) деревень, этнически смешанных и с припущенниками, оказалось 14,5% (22 деревни из 153). В отличие от Казанской дороги в северной Башкирии припущенники, как правило, селились отдельными деревнями, не смешиваясь активно с башкирами. Это наложило отпечаток на этнокультурные процессы, обусловив сохранение здесь многих древних компонентов башкирской культуры, ярко

описанных в начале XIX в. Н. Поповым²⁴², позже многими другими исследователями. На Сибирской дороге (с северо-восточной и зауральской Башкирии) к 1833 г. этнически смешанных деревень было всего 17 из 547 (3,0%), деревень с припущенниками 113 (20,6%) — обе группы деревень составляли 23,7% (130 деревень из 547). Преимущественно припущенники селились в одних деревнях с башкирами в Зауралье в табынских (30 деревень) айлинских (47 деревень) и катаянских (12 деревень) волостях (всего 89 деревень из 113).

Такой образ, наиболее компактное расселение башкир к 1833 г. сложилось в горных и степных районах юго-восточной и южной Башкирии, в северных волостях по течению рек Быстрый Таныш и Барда, в бассейне Демы, в лесостепных и горных районах северо-восточной Башкирии.

Такова общая картина обновленного расселения народов в ИЗО в XIX в. Как видно, наиболее сложными по этническому составу и дисперсному характеру расселения оказались крайняя западная часть ИЗО (территория между Волгой, Окой и Цной) и ее восточная часть (Приуралье). В первом случае сложился район полиэтнического расселения мордвы, татар, чувашей и русских при очевидном численном преобладании последних, особенно по прибрежным землям Волги, Оки и Цны (см. этнический состав Нижегородской, Пензенской губерний в табл. 6). Во втором случае сложился крайне пестрый по этническому составу район, где башкиры расселялись чересполосно с русскими, а также татарами, удмуртами, марийцами, чувашами, мордвой, с которыми башкиры зачастую жили в одних и тех же деревнях (см. табл. 3, рис. 9). Между этими двумя районами, а также на более северных территориях поселялись на древних этнических территориях и вновь возникших смешанных зонах марийцы, татары, удмурты. Сказанное подтверждает обоснованность выделения и по демографическим признакам трех подобластей в составе ИЗО: Волго-Окско-Цнинского междуречья на западе региона, Волго-Канского в центре и на севере, Приуралья с Южным Уралом — на востоке.

В заключение затронут очень сложный вопрос об источниках роста численности турецких и финно-угорских народов, заслуживающий специального исследования. А. Каппелер, анализируя факторы роста численности народов Среднего Поволжья, выделил показатели за 1833 и 1857 г. по турецким и финно-угорским народам по 4 губерниям: Казанской, Симбирской, Пензенской и Вятской²⁴³. Полученные результаты характеризуют движение населения преимущественно на основных этнических территориях народов Среднего Поволжья. Отсутствие в анализе данных по Оренбургской губернии не позволяет представить картину по региону в целом. В то же время наблюдения А. Каппелера интересны: по указанным 4 губерниям численность татар с 1833 по 1857 г. возросла на 39%, русских, удмуртов, марийцев — на 16—23% (что приближалось к среднему показателю по России — 16,7%), чувашей — на 9%²⁴⁴. Добавим к этому, что численность башкир увеличилась с 1833 по 1857 г. с 392 до 545 тыс., т. е. на 153 тыс. человек, или на 39% (см. табл. 6). С 1800 по 1857 г. численность башкир почти удвоилась, в то время как население Европейской России прибавилось на 46,3%²⁴⁵.

Обратимся к оценке динамики демографического развития в регионе в целом на основе табл. 3, 5 а, 6. Итог обобщен в табл. 8. На территории России в первой половине XIX в. (с 1795 — 1857 гг.) среднегодовой прирост населения равнялся 0,81%. Во второй половине XIX в. (1858—1885 гг.), после отмены крепостного права, этот показатель в России заметно вырастает и равняется 1,27%²⁴⁶, по другим данным — 1,22%²⁴⁷. Как видно из табл. 5, в первой половине XIX в. прирост населения в регионе был заметно выше, чем в среднем по России, и особенно высок у

Таблица 8 Динамика демографического развития финно-угорских и тюркских народов ИЗО в XIX в.

Народы	Численность, тыс.			Рост с 1833 по 1897 г., %	Средний годовой прирост		
	1833 г.	1857 г.	1897 г.		1833—1857 гг.	1857—1897 гг.	1833—1888 гг.
Финно-угорские (мордва, ма- рйцы, удмур- ты)	720	1100	1680	233	1 80	1 05	1 55
Тюркские (та- тары, башкиры, чуваши)	1449	2398	3766	260	2 20	1 15	1 75

тюркских народов. Во второй половине XIX в темпы роста в регионе сокращаются, хотя остаются относительно среднего уровня по России достаточно высокими. Средний годовой прирост за более длительное время (с 1833 по 1888 г. — за 55 лет), равный у финно-угорских народов 1,55% у тюркских — 1,75%, является более высоким, чем в среднем по России.

Высокие темпы роста численности татар с последней четверти XVIII в., башкир с конца XVIII в. и на протяжении всего XIX в. исследователи объясняют по-разному. Применительно к татарам называются материальные условия жизни, обеспечиваемые земледельческим хозяйством, образ жизни и строгое соблюдение гигиены, во многом предопределяемые предписаниями исламской религии, традиции в быту и в семье. Эти же факторы действовали и в башкирском обществе, с той разницей, что в XIX в. материальные условия жизни части башкир обеспечивались скотоводческим или смешанным скотоводческо-земледельческим хозяйством. Во второй половине XIX в. на рост численности башкир благоприятно повлияла, видимо, и отмена кантонной системы управления, связанной с военной службой башкир и с отрывом в течение длительного времени мужчин от своих семей. Замедление темпов роста численности финно-угорских народов, в том числе чувашей находит объяснение в неблагоприятных условиях для земледелия в лесных и болотистых местах значительных миграциях в связи с относительной перенаселенностью за пределы региона и т. д.

Все указанные выше факторы могли иметь место и действовали очевидно, в совокупности. В то же время этногенетический аспект исследования подсказывает необходимость детального исследования того процесса, на который в самой общей, чаще в гипотетической форме указывает ряд историков. Речь идет о взаимной аккультурации населения. В ходе этого процесса в различных районах региона складывались зоны активного взаимодействия с определенными тенденциями. Таковы зоны в ранний период расселения эпохи были нагорная сторона Волги, где продвижение чувашей сопровождалось чувашизацией части горных марийцев, но и одновременно восприятием чувашами компонентов горно-марийской культуры, бассейна р. Чепцы, где "удмуртизация" бесермян сочеталась с освоением частью удмуртов тюркских черт культуры. Позже эти процессы в той или иной мере продолжались в других зонах тесного соприкосновения этносов. Резкий рост численности татар в конце XVIII — начале XIX в. В. Д. Дмитриев склонен объяснять ассимиляцией татарами значительного числа расселившихся в Предкамье чувашей²⁴⁹. Немало исторических и историко-лингвистических фактов свидетельствуют о "татаризации" части марийцев и удмуртов. Еще не изучены в этом аспекте последствия насильственной христианизации народов Среднего Поволжья.

в XVIII в. Часть "новых христиан" в первой половине XIX в. охваченная движением отречения от христианства, растворилась среди татар, приняв мусульманство или скрывшись в Приуралье и на Южном Урале, где влилась в состав башкирского этноса. В XVIII в. сложилась и в первой половине XIX в. получила развитие огромная зона общего этногенеза, включающая восточное Закавказье и западную Башкирию. Здесь в состав татар и башкир влились новые группы населения (сетюркского и тюркского), в том числе башкиры в состав татар, татары в состав башкир. Применительно к башкирам об этом свидетельствуют изменения в соотношении численности западных и восточных башкир в конце XVIII — первой половине XIX в. По неполным данным IV ревизии, в 1782 г. учтено 137,3 тыс. башкир, в том числе в западной Башкирии 56,9 тыс., или 41,4%, в восточной Башкирии — 80,4 тыс. человек, или 58,6%. В 1849 г. башкир стало в западной Башкирии 216,2 тыс. человек, или 43,5%, в восточной Башкирии — 280,7 тыс. человек, или 56,5%. К концу XIX в. численность западных башкир уравнилась или даже несколько превысила численность восточных башкир²³⁰.

Таки образом, демографические данные показывают на активное взаимодействие и взаимопроникновение народов региона и рост численности башкир и татар наряду с другими факторами за счет ассимиляции части чувашей и финно-угорских народов региона. Это иллюстрируется также изменением удельного веса народов региона в общей численности населения России во второй половине XIX в. (табл. 9). За 40 лет, с 1857 г.

Таблица 9*. Изменение удельного веса народов ИЭО в составе населения России во второй половине XIX в., тыс. чел. %

Ревизия, перепись	Все население	В том числе						
		русские	удмурты	мордва	марийцы	татары	чуваш	башкиры
Ревизия 1858 г.								
По всей России	75 927	34 826	251	710	254	1 954	522	545
% к итогу	100	45,92	0,33	0,94	0,33	2,57	0,69	0,71
Перепись 1897 г.								
По всей России	128 223	55 692	421	1 024	375	3 975	844	1 311
% к итогу	100	43,43	0,33	0,80	0,29	3,10	0,66	1,02

* Кабузан В.М. Изменения в удельном весе и территориальном размещении русского населения России в XVIII — первой половине XIX в. С. 194 — 195; Кузнецов Р.Г. Историческая этнография башкир. С. 228 — 233 — 234.

до 1897 год удельный вес финно-угорских народов и чувашей или не изменяется (удмурты), или несколько снижается (мордва, марийцы, чуваш). Удельный вес численности татар (данные в табл. 9 приведены по России в целом) и башкир повышается.

Завершая этот раздел надо сказать, что историческая демография народов ИЭО разработана недостаточно и, как правило, фрагментарна. Задача создания достоверной картины в целом по региону и исследования многих проблем демографического развития связана с грандиозной задачей тщательного анализа первоисточников по всем ревизиям. Но и сейчас ясно, что в XVI — XIX вв. демографические процессы развиваются как важнейший фактор социальной, этнической и культурной истории. Этно-демографическая ситуация, сложившаяся в регионе к концу XIX в., стала особенно сильно сказываться на общественном развитии позже, в XX в., однако эта проблема не изучена.

Этнический состав городского и сельского населения

Этногенетический аспект исследования подсказывает необходимость установления распределения населения на сельское и городское, а также этнического состава городской группы населения. Подавляющая часть населения в регионе была сельской (табл. 10). В среднем по 9 губерниям региона сельское население составляло 91,86%. Однако по Уфимской губернии, в этническом отношении наиболее смешанной, этот показатель был равен 95%.

Города в Среднем Поволжье и на Южном Урале возникли и выросли как поселения с преимущественно русским населением. Численность городского населения росла медленно. В XVIII в. города еще не стали притягательными: с одной стороны, они утрачивали свойственные им во второй половине XVI — XVII в. функции военно-административных центров с высокими удельным весом военно-служилого населения, с другой — еще не превратились в значительные промышленные и торговые центры.

Самым крупным городом региона в XVIII в. оставалась Казань. В 1767 г. в Казани было 21 172 жителя, к концу XVIII в. население Казани достигло 25—26 тыс., к 1801 г. — 43,9 тыс. человек.²⁵¹ Во второй половине XVI в. для поселения "люляных к правительству, но не крестившихся татар" было отведено место вне города (за озером Кабан), получившее название Старо-Татарской слободы. Численность слободских татар во второй половине XVI в. авторы "Истории Казани" оценивают примерно в 6 тыс. человек.²⁵² Через столетие слободских татар в Казани стало меньше — примерно 2 тыс. человек.²⁵³ После шалованной гранаты 1686 г. разрешавшей слободским татарам торговлю в городе, их численность медленно, но вновь начинает расти.²⁵⁴ К концу XVIII в. татарское население Казани достигло 5 тыс. человек.²⁵⁵ Выходцами из среды слободских татар стали первые татарские предприниматели, и особенно татарское купечество. В то же время жители Старо-Татарской слободы, а также образовавшейся после пожара 1749 г. Новой татарской слободы долгое время сохраняли тесную связь с селом и с крестьянским трудом. Вплоть до конца XVIII в., а частью и позже слободские татары, на лето покидая дома с семьями, "возвращались" в деревню, чтобы глубокой осенью вернуться в Казань.²⁵⁶

Численность населения в других городах была заметно меньше, чем в Казани, и в конце XVIII в., как правило, не превышала 4 тыс. человек. В Уфе, по сведениям П.С. Палласа, в 1770-е годы было 700 дворов, по данным И.П. Фалька — 894 двора и около 4 тыс. жителей.²⁵⁷ Однако авторы "Истории Уфы" со ссылкой на данные V ревизии (1795 г.) дают другую цифру — 2395 человек.²⁵⁸ Это было почти целиком русское население. В то же время, согласно тексту "Отводной книги по Уфе", за 1591—1629 гг. в окрестностях Уфы были отведены земли служилым новокрещенцам и "слободским татарам".²⁵⁹

На территории Чувашии по данным V ревизии (1795 г.) в Чебоксар-

Таблица 10^{*} Сельское население Волго-Уральской ИЭО по данным 1897 г.

Губерния	Абсолютная численность чел.	%
Казанская	1 985 077	91,5
Нижегородская	1 441 743	91,0
Оренбургская	1 447 544	90,5
Пензенская	1 330 636	90,5
Пермская	2 814 963	94,0
Самарская	2 592 494	94,2
Саратовская	2 096 280	87,1
Симбирская	1 419 729	93,0
Уфимская	2 089 339	95,0

* Таблица составлена по материалам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. — См. список к табл. 3

рах было 4696 жителей, в Алатыре — 2597, в Цивильске — 862, в Ядрине — 1431, всего 9586 человек, или 3,2%. Население всех четырех городов было исключительно русским²³⁹. Аналогичная картина была и в других областях региона. В Марийском крае городское население, также только русское, составляло около 4%²⁴⁰.

Таким образом, вплоть до конца XVIII в. города, а также горнозаводские поселения²⁴¹ развивались как центры расселения русских. Тюркское и финно-угорское население целиком или почти целиком было сельским. Положение изменилось в XIX в., главным образом во второй его половине, хотя сложившаяся ситуация русского городского большинства просуществовала вплоть до второй половины XX в., оказывая немалое воздействие на направления этнокультурных процессов.

Национальный состав населения 13 основных городов ИЗО представлен в табл. 11. Как видно, за XIX столетие численность городского насе-

Таблица 11* Этнический состав городского населения Волги Уральской ИЗО по данным 1897 г., чел.

Город	Татары	Башкиры	Чуваши	Мордья	Марийцы	Удмурты	Русские	Украинцы	Прочие	Всего
Казань	28 520	33	501	77	217	89	95 402	685	4 435	129 959
Чебоксары	5	—	439	1	11	—	4 268	1	13	4 738
Царевококшайск	10	—	1	5	93	—	1 519	1	29	1 658
Саранск	65	—	1	71	—	—	14 353	7	87	14 584
Елабуга	498	16	—	2	5	37	9 156	7	43	9 764
Намский										
Новгород	912	—	31	60	10	—	84 759	150	4 121	90 053
Пенза	387	9	3	224	6	5	57 519	186	1 642	59 981
Пермь	1 263	45	1	—	6	—	41 902	73	1 915	45 205
Симбирск	2 191	1	303	189	2	6	37 785	252	955	41 684
Самара	2 301	28	87	636	7	16	82 907	402	3 615	89 999
Оренбург	11 306	1 411	24	896	12	85	54 756	811	3 124	72 425
Уфа	2 524	3 151	40	28	47	1	42 062	43	1 379	49 275
Саратов	1 711	21	26	394	11	64	121 720	1 159	12 041	137 147
Всего в городах ИЗО:	51 693	4 715	1 457	2 583	437	303	648 108	3 777	33 399	746 472

В том числе тюркского населения — 57 865, финно-угорского — 3 323, восточнославянского — 651 885.

* Таблица составлена по материалам I Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. — См. список к табл. 3.

ния региона в целом заметно выросла, хотя и в разных масштабах. Население Казани, например, с 1801 г. выросло в 3 раза (130 тыс. человек). Уфы — с 1795 г. (если взять данные V ревизии) более чем в 20 раз (49,3 тыс. человек), в то время как Саранск, Чебоксары, Царевококшайск (позже Йошкар-Ола) оставались маленькими городками (см. табл. 11). Как видно из будущих главных городов шести национальных регионов в XIX в. сильно выросли Казань и Уфа. Вырос также Оренбург, ставший в XIX в. важным центром торговой и культурной деятельности башкир и татар в 1801–1803 гг. в Оренбурге было 1368 домов²⁴², следовательно, около 6–7 тыс. человек, в 1897 г. — более 72 тыс. человек.

С другой стороны, в 1897 г. в Европейской России доля городского населения составляла в среднем 12,89%²⁴³, а по ИЗО (по 13 городам,

указанным в табл 11) этот показатель был равен 5% На 1 января 1914 г. численность горожан в 50 губерниях Европейской России возросла на 164,2% и составила в общей массе населения 15,3%. Однако в Волго-Уральском регионе доля городского населения равнялась в Казанской губернии 9,8%, в Нижегородской — 8,7, в Периской — 6,3, в Вятской — 3,4, в Оренбургской — 12,3, в Уфимской — 6,1, в Симбирской — 7,3, в Самарской — 6,4%²⁰⁴, а в среднем по региону — 7,5% Это в 2 раза ниже, чем в целом по Европейской части России.

Туркское и финно-угорское городское население в 13 городах составляло 61,2 тыс. человек из 746,5 тыс., или 8,2%. Горожан из числа тюркских народов было 57,8 тыс. человек, или 7,7% от общего числа городского населения, в том числе татар — 51,7 (6,9%), башкир — 4,7 (0,6%), чувашей — 1,5 тыс. человек (0,2%). В городах проживало 3323 мордвы, марийцев и удмуртов, что составляло 0,4%, в том числе мордвы было 2583 человека (0,3%), марийцев — 437 (0,06%), удмуртов — 303 (0,04%). При этом финно-угорское население проживало небольшими группами во многих городах: мордвы — в Оренбурге, Пензе, Самаре, Саратове, Симбирске, марийцы — в Казани, удмурты — в Казани, Елабуге и т.д. (см. табл. 11). В пределах основных этнических территорий численность городского финно-угорского населения (в Саранске — мордвы, в Царевококшайске — марийцев) была крайне незначительной. Иная картина складывается в Казани, Оренбурге и Уфе, где татарское (Казань) или татарское и башкирское (Оренбург), башкирское и татарское (Уфа) городское население составляло по отношению к общему числу жителей соответствующих городов 22, 17,7 и 11,3%. Эти цифры отражают процесс распространения среди татар и в меньшей степени среди башкир городских занятий и становления национальной интеллигенции (в Уфе башкиры составляли 6,4%, в Оренбурге — около 2% населения). Городские жители из татар и башкир формировались, естественно, за счет мигрантов из сельских районов особенно высокими темпами с последних десятилетий XIX в. По переписи 1897 г. 77% всех городских татар были из сословия "крестьян", хотя большинство их, переходя к другим занятиям, постепенно меняло свой социальный статус²⁰⁵.

Изменения в занятиях населения по Среднему Поволжью изучены по данным переписи 1897 г. Ю. И. Сныков²⁰⁶. Таблица 12 показывает, что из нерусских народов татары принимали относительно заметное участие в занятиях вне сельскохозяйственной сферы. Из общего числа татар 2,5% было

Таблица 12* Степень участия народов Среднего Поволжья в основных занятиях в конце XIX в. %

Занятия	Русские		Татары		Чуваши		Мордвы		Марийцы	
	в своей нации	среди других народов	в своей нации	среди других народов	в своей нации	среди других народов	в своей нации	среди других народов	в своей нации	среди других народов
В сельском хозяйстве	87,3	55,5	95,4	15,7	99,6	13,7	98,6	7,6	99,6	2,2
В промышленности	7,9	85,3	2,5	7,0	0,2	0,6	1,0	1,3	0,2	0,1
В торговле	3,1	81,8	1,7	11,6	0,12	0,4	0,3	0,7	0,1	0,1
На транспорте и средствах связи	1,7	89,0	0,4	6,1	0,08	0,3	0,1	0,8	0,1	0,2

* Смыслов Ю. И. Некоторые историкоэкономические и статистические проблемы. С. 83

занято в промышленности, 1,7 — в торговле, 0,4% — на железнодорожном транспорте и в обслуживании грунтовых дорог. Участие чувашей и финно-угорского населения в промышленности, торговле, транспорте не превышает 1% (см табл 12). По башкиран расчеты сделаны В.Х.Клдамбаевым. По данным 1897 г., в разных различных сферах несельскохозяйственного производства трудились 10419 башкир. Кроме того, "в извозах, лесных промыслах, подневных работах" было занято 25 тыс человек. Вместе с семьями эта группа башкир составляла 6,5% всего башкирского населения. Это несколько превышает аналогичные показатели по татарам (4,6% — см табл 12), что связано, очевидно, с неточностью расчетов, так как, согласно В.Х.Клдамбаеву, в "неземледельческие" хозяйственные занятия "башкиры были вовлечены слабее, чем русские и татары"²⁰⁷. В начале XX в количество башкир, занятых в "мелкой промышленности" и "кредиторских промыслах", "почти уравнилось" в Уфимской губернии с аналогичными показателями по русским и татарам²⁰⁸.

В целом же подавляющая часть нерусского населения и значительное большинство русских были заняты в сельском хозяйстве (см табл 12). Таковой ситуация оставалась, несмотря на очевидные сдвиги, и в начале XX в.

Приведенный анализ показывает, что удельный вес населения городов, этнический аспект соотношения городского и сельского населения, этнический состав самих горожан, распределение населения (в том числе в национальном разрезе) по основным занятиям были существенными факторами этнокультурного развития. Статистические данные, сложившиеся по всем этим признакам в конце XIX — начале XX в., должны быть приняты во внимание при анализе тех же тенденций, а также при исследовании формирования и развития культуры в XX в.

Раздел 4

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Факторы развития этнокультурных процессов

Под этнокультурными процессами имеют в виду изменения, которые происходят в собственно этнических признаках (язык, культура, самосознание) независимо от характера этих изменений — этноэволюционных или этнотрансформационных. Факторы, регулирующие этнокультурные процессы, удобно подразделить (на основании представленного выше конкретно-исторического анализа) на три взаимосвязанные группы.

Первую группу образуют факторы, которые условно назовем е с т е с т в е н н о - и с т о р и ч е с к и м и. Она включает демографический фактор, отражающий механическое и естественное движение населения, этнотерриториальный фактор, связанный с формированием и изменением этнической территории, фактор природно-географической среды, связанный с потенциалом природных ресурсов этнической территории, его ростом или истощением, с глубиной адаптированности этноса к данной экологической нише в процессе жизнедеятельности, фактор этнокультурной среды, связанный с формированием этнического окружения, со степенью его близости или отдаленности с изучаемым этносом по разным параметрам культуры, с характером установившихся контактов (конфликтных, неконфликтных и т.д.).

Вторую группу образуют с о ц и а л ь н о - и с т о р и ч е с к и е факторы. Она включает прежде всего политический фактор (связанный с образованием и функционированием государственности, других форм поли-

тической надстройки, готовность к созданию таких структур) интегративно воздействующий на этнос, включенный в политическую систему. Этот же фактор содержит в себе возможность изменения ориентации этнокультурного развития как следствия смены политических структур (в данном случае — постепенного распространения власти Русского государства на территории бывшей Золотой Орды). Далее, это фактор социально-классовый, связанный с внутренней социальной структурой этноса и главным образом — с формированием, функционированием того слоя, который в данный исторический момент выступает ведущей социальной силой, ядром этнической общности. К этой же группе правмерно отнести и фактор идеологический, в существенной степени связанный с господствующей или широко распространенными религиями, с интенсивностью их функционирования, с ролью, которую отводит государство религиозным системам или другим формам идеологии в тот или иной период истории, со сложившимся соотношением религии и культуры.

И наконец, третья группа включает собственно этнические свойства — язык, материальную и духовную культуру, историческую память образ жизни, мышления, поведения, этническое самосознание, которые в совокупности образуют фактор культуры этноса, как правило, чрезвычайно сложное явление, синтез многовекового опыта и развития. Возникая и развиваясь как некое производное от первых двух факторов, являясь их "отражением", культура этноса в то же время обладает самостоятельностью, имеет свои специфические закономерности развития и как основной фактор самосуществования этноса оказывает воздействие на состояние, изменения (позитивные или негативные), на факторы двух первых групп.

В предыдущих разделах в той или иной степени затронуты все факторы этнокультурного развития, хотя, конечно, при перенесении акцентов исследования на конкретный этнос становится необходимым детализированный анализ функционирования каждого из факторов и их совокупности. Кроме того, исследование закономерностей становления культуры и ее обратного воздействия на развитие общества — задача многих дисциплин и в частности — специальной отрасли науки — культурологии. Ниже, в самой обобщенной форме я коснусь особенностей формирования в ИЗО трех факторов: этнокультурной среды социально-классовой структуры, религиозно-идеологического.

Вопрос о формировании новых этнокультурных сред изучен явно недостаточно. Между тем без его выяснения на конкретных территориях и в конкретно-исторических ситуациях едва ли возможно исследовать масштабы, глубину культурных контактов и взаимодействия местного и пришлого населения. Независимо от форм колонизации (правительственной, вольно-крестьянской, помещичьей монастырской, горнозаводской...) и вопреки политике царизма, направленной на противопоставление этнических групп и конфессиональных общин, культурные контакты на народном уровне всегда или почти всегда носили демократический характер. Во многом взаимно-отношения коренных народов с пришлым населением определялись условиями заселения. Как отмечают многие исследователи, вольная крестьянская колонизация Волго-Уральского региона была преимущественно мирной, не "захватной". Крестьяне селились, особенно на начальных стадиях колонизации, на "пустопорожних" или малозаселенных землях,

* Это воздействие может являться следствием функционирования не только (и не столько) культуры этноса сколько культуры совокупного населения данной территории.

нередко очисая их тяжелым трудом своим от леса и поднимая целину

Системы землевладения и землепользования у народов Волго-Уральского региона, а также способы хозяйствования семьи накануне и после их присоединения к Русскому государству, несмотря на кажущуюся ясность, остаются до настоящего времени наименее изученными и наиболее сложными вопросами исторической науки. Широко распространенный тезис о господстве верховной феодальной собственности (феодальной монополии) Русского государства (или царя) на все земли народов Поволжья и Южного Урала отражает не столько историческую реальность, сколько попытку решить вопрос в духе традиционных представлений о характере землевладения в феодальных обществах. Однако эти представления должны измениться, если иметь в виду, с одной стороны, специфику социально-экономической и социально-политической обстановки в присоединившихся к России территориях, с другой — особенности политики царского правительства во второй половине XVI — XVII в. на востоке В Среднем Поволжье, в Вятско-Канском междуречье, судя по источникам, развивались различные формы землевладения и прошло немало времени, прежде чем к середине, а то и к концу XVIII в. установилось то многообразие систем землевладения и землепользования, которые на основании первоисточников зафиксированы и описаны исследователями. Государственная форма феодальной земельной собственности была одной из форм землевладения, пережившей как и другие формы (крестьянско-общинные, владельческие, монастырские), этапы становления и развития²⁰⁰. При этом важно иметь в виду, что многие (или почти все) формы землевладения реализовывались в практике жизни в форме общинного землепользования.

Обширные территории Башкирии (почти равные по площади всей западной части Волго-Уральского региона) на протяжении второй половины XVI и в XVII в. были предоставлены царем или от его имени башкирским племенам и родам на правах вотчинного общинного владения, которое признавалось естественно, в трансформированном в силу неменяющихся социально-экономических условий виде) вплоть до начала XX в. Однако и здесь встает вопрос: вся ли территория громадной Башкирии оказалась во второй половине XVI — XVII в. разделенной между вотчинными владениями башкирских племен и родов на основе родовых и иных граней царя и царской администрации? Исследования показали, что в вотчинном владении закреплялись земли в традиционных границах родоплеменного землепользования, главным образом по течению больших и малых рек, по озерам с прилегающими к ним землями. Значительные площади земель, оказавшиеся за пределами юридически оформленных вотчинных территорий, в представлениях царской администрации оставались "ничейными", "свободными", "пустопорожними"²⁷⁰. На эти земли и устремились в первую очередь вольные русские крестьянские переселенцы. Ситуация с многообразием форм землевладения, несмотря на то что развитие земельных отношений на разных этнических территориях обрело глубокие особенности, была схожей. Это

* Полемике о "верховной феодальной собственности царя", "монополии государственной феодальной собственности" на земли получило распространение в литературе о народах Волго-Уральского региона с 1950-х годов в ходе дискуссий о сущности феодальных или феодально-патриархальных отношений у народов региона. Не избежал приращенности к этому тезису и автор настоящей работы при исследовании сложной социальной структуры башкирского общества в XVII—XVIII вв. и в стремлении интерпретировать эту структуру как целиком или преимущественно феодальную (см.: Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии. Гл.3). В настоящее время указанной точки зрения придерживается У.Х.Рахматуллин, который считает, что "государственная феодальная собственность — основе всех процессов" (см.: Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII—XVIII вв. С.5).

означало наличие, особенно в эпоху, непосредственно следовавшую за вхождением региона в состав Русского государства, значительных площадей, незакрепленных юридически ни за кем, следовательно, по привычным нормам России того времени "свободных" земель. Однако сложность состояла в том, что вводные Русским государством правовые нормы земле- владения воспринимались местной царской администрацией и коренным населением неадекватно. Так, башкиры все земли, которыми они или их предки пользовались, считали своими²⁷¹. Кроме того, в жалованных грамотах, разделительных записях или других документах границы башкир- ских земель указывались неточно, по урочищам, памятным местам. Это создавало возможности для злоупотреблений царских чиновников, для захватов башкирских земель, которые стали причиной социальных конфлик- тов, разных форм борьбы, вооруженных выступлений.

Переселенцы из народов Среднего Поволжья в большинстве селились в Приуралье, на землях башкирских общин на условиях "припуска", т.е. на правах аренды²⁷¹. Припущенники селились или отдельно, обособленными деревнями, или в башкирских деревнях, в которых образовывали свои улицы, "концы", кварталы. Так, к этнической чересполосице, которая образовалась благодаря заселению "свободных", незанятых земель, доба- вилась сформировавшаяся на основе института припуска смешанность расселения на вотчинных башкирских землях и даже в пределах башкирских деревень. По этническому составу припущенниками были марийцы, мордва, удмурты, чуваша, казанские татары, "а также русские крестьяне, солда- ты, казаки, отчасти и помещики и горнозаводчики..."²⁷². Были также припущенники из среды башкир. Формирование социального слоя припущен- ников надо также считать результатом свободного крестьянского рассе- ления, так как припущенники (на основе письменных или устных договоров) на башкирских землях становились в большинстве бежавшие от гнета, произвола и малоземелья крестьяне из многонационального Среднего Поволжья.

Правительство отводило земли под строительство городов и крепостных линий. Эти земли оказывались заселенными главным образом русскими служилыми людьми, казаками, горнозаводским населением. Изъятия царским правительством "пустопорожних" земель под строительство крепостей и крепостных сооружений, наказания участников башкирских восстаний лишением их вотчинных прав, отводы огромных площадей под строительство заводов под видон аренды или "свободной продажи" башкирами своих вотчинных земель, многочисленные злоупотребления царской администрации при решении "спорных" дел башкир и т.д. являлись выражением классовой политики царизма и соответственно воспринимались башкирским крестьян- ством как захват принадлежащих им земель, узурпация их прав и как од- на из форм социального угнетения. В этих и аналогичных процессах правомерно искать причины проявления этнического антагонизма в ряде социальных движений народов Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XVI — XVIII в., когда выступления народов региона порой со- провождались набегами на русские поселения, разгромом или сожжением их

* Припущенниками становились башкиры, покинувшие или вынужденные покинуть свои родо-племенные вотчинные поселения на условиях припуска в вотчины других волюстей. По данным А.З.Асфандиярова, припущен- ников из числа башкир в 1841—1842 гг. было 66 тысяч человек (См.: Асфандияров А.З. Ведомости башкирским и мишарским кантоновым начальникам о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. // Южноуральский географический сборник. Уфа, 1976. С.197). В этническом аспекте похищение и численный рост башкир-припущенников воли к ослаблению связей на родоплеменной основе и к укреплению связей территориальных

Итак, если брать историю заселения территории Среднего Поволжья и Южного Урала в целом и формирование здесь обновленного этнического состава населения, эти процессы были результатом и сложным сочетанием свободных крестьянских передвижений, организованных правительством акций, нередко насильственных, по более глубокой интеграции региона в составе России, хозяйственно-экономическому освоению края и строительству заводов. В историческом аспекте численно преобладающие вольные переселенцы, а также крестьянство на горных заводах, казачьи поселения, монастырских и помещичьих землях, развивавшие новые для края виды занятий (пашенное земледелие, горнозаводское производство, лесные разработки), образовали однотипную социальную базу, способствующую налаживанию хозяйственно-культурных контактов и взаимодействия многонационального населения края. Другими словами, на огромной территории ИЗО вошли в контакты и многосторонние связи народы, жившие и до начала миграций примерно в одинаковых природно-географических условиях, находившиеся на сходных, сравнимых уровнях хозяйственного и культурного развития. Из общего культурного контекста несколько обособлялись башкиры, занимавшиеся кочевым или полукочевым скотоводством в сочетании с другими занятиями. Однако это также не служило препятствием для контактов, так как у русских крестьян была жива традиция общения со степью и кочевниками, а татары и чуваше еще сами не утратили некоторые ступенчатые компоненты культуры. Все это означало, что в ходе миграций, изменений в расселении и демографическом соотношении населения образовались этнокультурные среды с разным сочетанием этнокомпонентов, но в социальном и хозяйственно-культурном отношении одинаково благоприятные для контактов и взаимодействия народов. Многообразие традиционных и вновь образовавшихся форм землевладения и землепользования обуславливало и многообразие контактов и связей местного и пришлого населения, возможность и вероятность распространения различных типов взаимодействия.

Вопрос об изменениях в социально-классовой структуре коренных народов затрагивался в разных разделах настоящей работы. Здесь я попытаюсь суммировать политические действия царизма в этой области и оценить их последствия для этнического развития местных народов. Приступая к анализу вопроса, надо подчеркнуть недостаточную его изученность. Большинство работ имеют ориентацию на выявление "феодалного" сословия и установление "социального антагонизма" внутри соответствующих обществ. Не отрицая актуальности такого направления исследований, приходится обратить внимание на то, что оно не учитывает сложных связей между этнической и социальной линиями развития и отражением этих связей в общественном сознании. Стратегическая политика царизма, направленная на полную и глубокую интеграцию народов Среднего Поволжья и Южного Урала в составе Российского государства, включала наряду с другими акциями разрушение традиционных социальных структур обществ и создание новых социальных групп, уравнивших по положению с соответствующими слоями населения Русского государства. Эта политика имела конкретной целью создание социальной опоры царизма в лице новой или обновленной элиты того или иного народа и массы податного крестьянского населения для пополнения растущих фискальных нужд государства. Для этнической общности эта политика оборачивалась не только утратой или деформацией прежних социальных структур, появлением новых социальных слоев, снижением статуса основной массы угнетенного населения. Разрушение или расшатывание сложившихся веками и десятилетиями структур неизбежно сказывалось на состоянии культуры этноса, вызывая ее упадок или застой. Примером могут служить акции победителей

после взятия Казани Татаран, в том числе духовенству, ремесленникам, торговцам, было запрещено жить в городе, казанские мечети были снесены, строить новые мечети в татарской слободе не разрешалось. Мусульманская татарская знать подвергалась ограничениям, притеснениям как в экономических, так и в политических сферах. В целом татарский этнос был лишен городского населения и городского центра культуры, были разрушены или сильно ограничены социальная активность прежней татарской знати и культурная деятельность духовенства. Все это надолго, вплоть до конца XVIII в., стало сдерживающим фактором в развитии татарского этноса и его культуры.

Перестройка социальной структуры этнических обществ Среднего Поволжья заняла более полутора столетий. Решающие акции в этом направлении относятся к первой четверти XVIII в. В отношении социальных верхов средневожских обществ шаг за шагом осуществлялись меры по снижению их статуса и уравниванию с положением государственных крестьян. Значительная часть служилой татарской аристократии к этому времени приняла крещение и, влившись в состав российского дворянства, оказалась на московской службе. В 1718 г. в Среднем Поволжье была образована новая категория населения, так называемые "лошманы", обязанные заготавливать и поставлять Адмиралтейству корабельный лес. В состав "лошманов" были включены не пожелавшие креститься служилые татарские нурзы, а также другие группы служилых татар, чувашей, мордвы. Всего в категорию "лошманов" было зачислено около 50 тыс. "христианских служилых людей", т.е. из мусульман и язычников, которые были приписаны к Адмиралтейской конторе в Казани²⁷³. По существу это означало ликвидацию военной службы значительной части военно-служилого сословия на русского населения Среднего Поволжья. Приписанные к корабельным лесам татары, чувашы, мордва были зачислены в разряд государственных крестьян. Большинство бывших служилых людей, ставших "лошманами", под тяжестью повинностей утратили прежний социальный облик и ничем не отличались от крестьян. Лишь часть татарских нурз, сохранивших земельные владения, включалась в торговые занятия, выполняя одновременно лошманские обязанности. В то же время, по свидетельству историков, многие представители бывшего военно-служилого сословия долго сохраняли сознание принадлежности к знатной элите²⁷⁴ и впоследствии часть их вошла в состав вновь формирующихся верных царизму социальных групп.

В 1718—1724 гг. в соответствии с общими направлениями петровских реформ произошли изменения в положении основной массы ясачного населения Среднего Поволжья. Ясачные люди были включены в категорию податного населения, обязанного платить подушный оклад и выполнять целый ряд других повинностей. Налоговые реформы 1718—1724 гг. также явились завершением длительного процесса уравнивания социального положения ясачного населения Среднего Поволжья с положением государственных крестьян России. В XVIII в., особенно во второй его половине, более отчетливо проявляются тенденции к социальной дифференциации внутри крестьянства Среднего Поволжья. Эти процессы были явлением, свойственным уже новому времени и протекали они по мере укрепления в регионе торговли и рынка. Развивались процессы социальной дифференциации среди крестьянства большинства народов Среднего Поволжья занедленно, так как сдерживались еще сильными общинными традициями сплоченности, взаимной поддержки и взаимной зависимости.

Аналогичные по типу процессы социального нивелирования, но в специфических формах, протекали и в восточной части ИЗО, на территории Башкирии. Мирный характер присоединения большей части Башкирии к Русскому государству, а также условия присоединения, оговоренные башкир-

скии плененни²⁷⁵, позволили сохранить им в рамках российского подданства определенную автономию и самоуправление. Царское правительство на первых порах после присоединения придерживалось в Башкирии как упоминалось политики функционализма, опираясь в конкретных политических действиях на башкирскую родоплеменную аристократию и не стремясь активно вторгаться во внутреннюю жизнь родоплеменных волостей. Однако реальная практика осуществления колониальной политики местной администрации царизма была совсем иной. Произвол и злоупотребления с ее стороны вызвали протест всех социальных слоев башкирского общества. Восстания, в целом упорное сопротивление, которое оказали башкиры колониальному натиску, явились одновременно борьбой за сохранение традиционных социальных и политических структур, своего образа жизни и культуры. Сложившаяся в Башкирии политическая ситуация, а также пограничное ее положение заставили царизм растянуть реализацию политики социальной интеграции башкирского общества в составе Российского государства по сравнению со Средним Поволжьем более чем на столетие. Линию на деклассирование башкирской знати, на внедрение вместо родоплеменной аристократии выборных и "верных" царизму волостных старшин царская администрация особенно настойчиво проводила со времен Оренбургской экспедиции на протяжении всего XVIII в. В то же время башкиры оставались вотчинными владельцами своих земель и служили сословием. Введенная в 1798 г. кантонная система управления Башкирией и создание башкирского иррегулярного войска, с одной стороны, явилось новым этапом регламентации военно-сословного положения башкир, с другой — перестройкой социальной структуры башкирского общества в желательном для царизма направлении. Была создана иерархия военных чинов (кантонные начальники, уртовые старшины, их помощники, есаулы, сотники, хорунжие и др.); высшие чины образовали новую и верную царизму социальную элиту башкирского общества. Кантонная система была отменена лишь в 1865 г. в русле общих реформ 60-х годов XIX в. России.²⁷⁶⁻²⁷⁷ С отменой кантонной реформы башкиры окончательно уравнивались в социальном статусе с пореформенным крестьянством Российского государства, хотя вплоть до XX в. сохранились инерция башкирского землевладения с его вотчинно-общинной традицией и сознание избранности у бывшей военно-бюрократической кантонной элиты. В представленном кратком обзоре в этногенетическом аспекте имеют актуальность две малоизученные темы. Первая из них касается полноты социальной структуры этнической общности. Как видно, политика царизма была направлена на ее разрушение, ликвидацию или снижение статуса прежней социальной элиты этнических обществ региона. Это не могло не сказаться на процессах этнокультурного развития, на повышении или снижении интенсивности консолидационных процессов, так как верхушка этнического общества выступала не только социальным антагонистом собственного народа, но и организатором многих аспектов жизни общества, процессов этнокультурного развития и консолидации.

Вторая тема затрагивает вопрос о возможных последствиях ликвидации или нарушения полноты социальной структуры общества. На материалах ИЭО можно наблюдать, что любое этническое общество в силу общих закономерностей социального развития рано или поздно восполняло потери, воспроизводило новую социальную элиту, восстанавливало нарушенную полноту социальной структуры общества, свойственную данной формации. Однако этот процесс, требующий от этнической общности затрат энергии и времени, не проходил бесследно. Насильственная смена социальных структур не могла не нарушить в той или иной степени межпоколенной трансляции культурных ценностей и не замедлять процесс этнокультурного разви-

тия В то же время стремление этнической общности к самосохранению стимулировало ее сопротивление разрушающим этнос тенденциям. Способность вести эту борьбу, ее формы определялись многими факторами, прежде всего уровнем социально-экономического развития этноса, степенью социальной зрелости различных слоев общества, соотношением в общественном сознании социальных и этнических интересов, той потенциальной силой обратного воздействия на социально-политическую жизнь общества, которую обрела культура этнической общности. Представляется, что анализ расстановки сил в социальных движениях именно в этот ракурс может более глубоко раскрыть взаимосвязь этнического и социального в исторических процессах.

В Волго-Уральской ИЗО на первых этапах после присоединения в социальных выступлениях преобладала этническая солидарность, когда различные народы региона (татары, чуваш, башкиры, удмурты, ханты, манси...) в разных комбинациях выступали против колониальных акций царской администрации: развития строгановских поселений и т.д. Эти выступления могли приобретать антирусский характер, сопровождаться нападениями и сожжением крепостей, острогов, церквей и т.д. В масштабах второй половины XVI—XVII в. это была попытка народов региона отстоять самобытность своего существования, жизненные аспекты своей традиционной социально-экономической структуры (землепользование, статус социальных групп, самоуправление), хотя процесс этот на огромной территории региона имел особенности как пространственные, так и хронологические. Этническая солидарность в социальных движениях имела в виду определенную сплоченность и социальных групп общности. В то же время развитие уже в XVII в. шло в направлении углубления и углубления социальной неэтнической крестьянской солидарности. Объективно, обрисованная выше политика царизма по отношению к социальной структуре коренных народов способствовала ускорению этой тенденции. Как упоминалось, во многих восстаниях XVII—XVIII вв. многонациональное крестьянство выступало совместно; особенно крупными были социальные движения с участием башкир и татар. Формирование новой солидарности постепенно включало и русских — крестьянство, казачество, горнозаводское население. Яркой вспышкой солидарности социальных низов народов Южного Урала и Поволжья явилась Крестьянская война 1773—1775 гг. Многонациональная солидарность и сплоченность крестьянства, казачества других слоев населения рождалась на почве совпадения интересов в борьбе против политики царизма, социального и национального гнета, против порабощения личности, ликвидации или ограничения традиционных и вновь возникающих демократических институтов.

Примечательно, что в исторических источниках нет свидетельств о крупных неэтнических столкновениях народов Волго-Уральской ИЗО тем более о вооруженных конфликтах. Однако это не означает, что неэтнических конфликтов вовсе не существовало. Они в большей части создавались царизмом, который в ходе реализации целей своей политики руководствовался классической формулой "разделяй и властвуй". Во второй половине XVI и в XVII в. царизм предпринимал немало усилий, чтобы противопоставить казанских татар остальным народам Среднего Поволжья, чтобы ограничить или вовсе остановить идущие со времен Казанского ханства процессы исламизации и татаризации части языческого населения на территории бывшего ханства. Многочисленные земельные и другие споры, возникавшие в Среднем Поволжье в XVII в., перерастали в локальные неэтнические конфликты, которые подогревались, нередко в корыстных целях, представительствами царской администрации. Эти конфликты могли быть чувашско-татарскими, мордовско-татарскими, мордовско-татарскими, чу-

вашско-татарскими, мари́йско-, чувашско-, татарско-башкирскими. Со второй половины XVII в царская администрация использует служилых людей одного народа для подавления социального движения другого. Отряды служилых людей из нишарей и казанских татар направлялись против башкирских повстанцев. Мишари и татары, которые не присоединялись к башкирским восстаниям или участвовали в их подавлении, должны были получить от имени царской власти земельные наделы и другие привилегии. В начале XVIII в были введены налоговые сборы "за иноверческие свадьбы". Особо строго регламентировались браки языческих народов с татарами. Однако эти запреты коснулись и единоверческих башкирско-татарских браков.

После башкирских восстаний 1705—1711 гг., в которых активное участие приняли и татары, царизм берет курс на предотвращение новых совместных социальных выступлений этих народов, расселявших крупных группами на территории Восточного Закавказья и в Приуралье. В царском Указе от 11 февраля 1736 г башкирам предписывалось с татарами в брак "без челобития и без позволения Казанского губернатора не вступать", с тех, кто получал такое позволение, "брать с каждой свадьбы по лошади драгунской", а кто без позволения женится, с таких брать по три лошади драгунской²⁷⁸. Однако такие меры хотя и сократили брачные контакты (и соответственно обилие) башкир и татар, не могли их вовсе остановить. Генерал Л. Я. Сайонов в 1740 г. доносил в Сенат, что с 23 апреля 1737 г до 10 июня 1740 г отдано в "занужество" "иноверцам Казанского и прочего уездов" "из башкирских женик и девок" 607 человек и "с их свадьбы лошадей взято 556"²⁷⁹. Меры царизма по разрушению или жесткому ограничению контактов и взаимоотношений татар и башкир, по противопоставлению их в ходе социальных движений преследовали также другие цели: ограничить численный рост башкирского этноса, который обладал сословным правом вотчинного землевладения.

Итак, XIX в воспринял в наследие от XVIII в три вида этнического взаимодействия в социальной жизни. Для ранних этапов исследуемого периода были свойственны явления этнической солидарности народов региона, направленные против Русского государства, царизма, против реальных или воображаемых проводников его политики. Антирусская этническая солидарность к XVII в утратила силу и в последующем эпизоди-

* В ряде исторических, историко-демографических и историко-лингвистических исследований разрабатывается концепция, согласно которой все население Приуралья от рек Мезень и Ик на западе до г. Уфы на востоке в историко-географическом аспекте всегда было татарским (см., например Рамазанов Д. Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. Казань, 1984. С. 12—13). Термин "башкиры", согласно этой концепции, имел исключительно сословное значение, связанное с юридико-земельными правами местного тюркоязычного населения. Следовательно, во всех случаях, когда в источниках XVI—XVIII вв. применительно к тюркоязычному населению указанной территории употребляется термин "башкиры", имеются в виду уфимские татары, этногенетические истоки которых восходят к булгарскому и угорскому населению бассейна р. Ик в XII—XIII вв. (Исхаков Д. М. Об этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 36—56). Появление этой гипотезы является во многом следствием более широкой концепции прямой булгаро-татарской языковой и культурной преемственности и желанием "искать" в эту концепцию и "татаризированную" часть башкир, населяющих Приуралье к западу от г. Уфы. Тем самым постулируется специфическая и не связанная с Волжской Булгарией этническая роль восточных башкир. Однако формирующаяся концепция ориентирована лишь на особенности разговорного языка современных западных башкир и на преувеличенные представления об исключительно "сословном" значении термина "башкир". Очевидно, неслучайно в репрезентативный корпус источников XVIII—XIX вв. об этнодемографической ситуации в указанных районах. Переписки конца XIX — начала XX в. свидетельствуют об устойчивости этнического самосознания башкир на всей территории Западной Башкирии: хотя образования здесь переходных говоров и этнокультурных групп является очевидным фактом.

чески проявлялась в ходе сражений или острых конфликтов. Постепенно формируется этническая солидарность социальных низов, прежде всего крестьянства, которая становится растущей тенденцией развития. В результате (главным образом политики царизма) возникают явления внутри-этнической солидарности разных, в том числе антагонистических социальных групп, направленной против другого народа. Эта третья разновидность этнической солидарности в условиях Волго-Уральского региона не переросла в крупные конфликты. Все эти явления находят объяснение в особенностях социально-классовой структуры народов региона с преобладающей ролью крестьянства.

Во второй половине XIX в с углублением социальной дифференциации общества усиливается воздействие на этнокультурные процессы формирующейся национальной буржуазии и интеллигенции. Однако социально-классовая база для проявления их активности была в регионе разной. Территориально ее специфику можно также распределить на три района ИЗО. На западе и севере региона (Сюда, чуваш, марийцы, удмурты) подавляющее по численности крестьянское население занималось оседлым земледелием в сфере землепользования и социальных отношений была велика роль общины. В центре ИЗО (татары, другие группы населения Закамья и Закамья) занятия пашенным земледелием все в большей степени сочетались с ремесленными занятиями, крестьянским предпринимательством. Здесь быстрее шли процессы дифференциации и образования социального слоя людей, готовых к наемному труду в стороне от дома. В восточных районах, в Башкирии (Башкиры), население занималось сравнительно недавно освоенным земледелием или полукочевым скотоводством в сочетании с лесными промыслами. Здесь также шел процесс социальной дифференциации сельского населения, однако роль общины и приверженности к традиционному образу жизни были устойчивыми.

Исследователям динамики соотношения социальных и этнических процессов в XX в целесообразно, видимо, принять во внимание особенности развития социально-классовой структуры этнических обществ в регионе после их вхождения в состав Русского государства.

Вопрос о р е л и г и о з н о м ф а к т о р е в этнокультурных процессах в масштабе Волго-Уральского региона в литературе не рассматривался. Интродуктивный подход к этой теме, в частности к выяснению роли религии в становлении и развитии этноса, содержит в себе вероятность неправомерного отождествления на всех фазах их развития этнической культуры и религии. Ареальный подход к теме требует, безусловно, нежестких исследований. Представленный ниже экскурс, возможно, окажется небесполезным при планировании таких исследований. Применительно к XVI—XIX вв. Главным для этих столетий является вопрос о политике Русского государства в отношении религии коренных народов ИЗО и о последствиях этой политики в этнокультурном аспекте.

Политика царизма в сфере религии опиралась на постулаты политической философии правящего сословия России. Господствовавшей в этой философии все эти столетия была идея социально-политической интеграции народов многонационального Российского государства на основе христианизации и русификации. Различия во взглядах касались методов достижения этих целей (насиленными, миссионерскими...), соотношения процессов христианизации и русификации и т.п. Реальная политика царизма в области религии в Волго-Уральском регионе прошла четыре крупных этапа в своем историческом развитии.

Первый этап, с середины XVI в до первой четверти XVIII в, характеризуется относительной религиозной терпимостью. Это была эпоха, когда на территории Среднего Поволжья, Приуралья, Южного Урала и в

Зауралье впервые в тесное соприкосновение вошли православное христианство русских, иудаизм суннитского толка татар (казанских, западносибирских, а также нишарей) и башкир, язычество финно-угорских народов (мордвы, марийцев, удмуртов, хантов, манси), а также чувашей²⁸⁰.

Паризм, русская церковь предприняла многочисленные шаги по укреплению позиций православия в регионе. В Казань был назначен архиепископ, создавались монастыри, строились церкви. Первые монастыри возникли в северных и центральных районах региона. В конце XVI—XVII в. были основаны Успенский монастырь в Нижнем Новгороде, Спасо-Преображенский и Зилантьевский — в Казани, Богородицкий — в Свияжске, Пурдышский — под Тенниковым, Сарапульский, Осинский-Преображенский и Пысковский монастыри на Средней Кане, Вознесенский — в Соль-Канском. В Зауралье на башкирских землях возникли Долгановский, Богоявленский-Невьянский, Рафайловский монастыри. Два монастыря возникли в Уфе (Успенский и Благовещенский)²⁸¹. В Среднем Поволжье и на Урале строятся также колонии (филиалы) многих центральных монастырей — Троице-Сергиева, Новоиерусалимского, Воскресенского и др.²⁸² До середины XVII в. миссионерская деятельность монастырей, видимо, не имела значительных масштабов, хотя в западной части региона, среди мордвы, она началась не позднее последней четверти XVI в.²⁸³

Во второй половине XVI в. и в XVII в. участились переходы в христианство татарской знати, однако побудительной причиной таких переходов было стремление сохранить старые привилегии, поступить на царскую службу и т. д.²⁸⁴ Монастыри же долгое время оставались потенциальными центрами миссионерства. Складывается впечатление, что главная забота православной церкви, монастырей, духовенства в Поволжье и на Урале в этот период заключалась в строгом разделении христиан и нехристиан. В Уложении 1649 г. говорилось: "впредь тем православным христианам и иноверным, у некрещенных, у иноземцев во дворах быти не велено, чтобы в том христианским душам осквернения не было и бес покаяния не попирали бы". За нарушение запрета Уложение предписывало тем русским людям "жестокое наказание"²⁸⁵. Уложение зафиксировало, очевидно, практику прошедших лет, так как в источниках сохранилось немало свидетельств о запретах со стороны православного духовенства (со ссылками на "заветы святых отцов") общаться крестьянам с мусульманами и язычниками в быту, ходить к ним в дома, иметь общую трапезу и т. д.

Во второй половине XVII в. ситуация меняется: миссионерская деятельность православной церкви все более обретает наступательный характер, к ней один за другим подключаются монастыри. Новое направление церковной политики становится особенно ошутимой в конце XVII—начале XVIII в., когда она подкрепляется всей мощью государственной, правительственной политики. Содержание этой политики заключалось в поощрениях пожелавших принять крещение (в том числе путем освобождения на ряд лет от податей и других повинностей, сохранении старых или предоставлении новых привилегий и т. п.), с другой — притеснениями нехристиан-мусульман и язычников²⁸⁶. В 1681 г. были изданы указы с угрозой лишить не принявших крещение мусульманских музз земель и иных привилегий и, напротив, сохранить крещеным музз не только поместья, но и право держать крепостных и холопов. Петровский указ в ноябре 1713 г. придавал этим угрозам и обещаниям ультимативный характер: мусульмане-помещики должны были в течение полугода креститься, иначе они теряли поместья и другие привилегии. Усиление фискального гнета в годы Северной войны с особой тяжестью обрушилось на мусульманские и языческие народы. Новые обложения и поборы включали десятки статей. Среди них были поборы с мечетей и прихожан, поборы с кереметей (свя-

щенных рош — мест молений язычников) и с их прихожан Новокрещеным же крестьянам предоставлялось освобождение от уплаты подушной подати на 3 года, от рекрутской повинности, давались подарки, деньги²⁶⁷

В восточной части ИЗО политика правительства по отношению к мусульманской религии башкир имела некоторые особенности. На первых порах она определялась условиями мирного присоединения башкир к Русскому государству. В одной из шеджере говорится: "Составили указную граноту, (в которой) особо написали о наших землях и религии, дали слово и поклялись башкир, исповедующих ислам, никогда не насильствовать в другую религию".²⁶⁸ Однако начавшийся в Среднем Поволжье натиск прежде всего на мусульманскую религию и мусульман по мере усиления позиции царизма все сильнее проявлялся и в отношении башкир. Башкиры вновь оказывают ожесточенное сопротивление. Борьба башкирского народа, которая заставила правительство, не отступая от стратегических целей, избрать более гибкие формы колониальной политики, в том числе отложить грубые формы нажима на религиозные традиции башкир, была еще одной особенностью взаимодействия царизма, его администрации и башкирского общества на почве религии.

Результаты усилий царской администрации и церкви по христианизации народов региона к концу первой четверти XVIII в. были довольно скромными. Приняла крещение и волилась в состав московского дворянства часть служилой элиты татар. К 1719 г. в Казанской губернии насчитывалось около 30 тыс. крещеных татар, а с 1719 по 1731 г. было христианизировано еще около 3 тыс. татар.²⁶⁹ Перешли в христианство группы мордвы, марийцев, чувашей, особенно в западных районах их расселения. О перешедших в христианскую веру башкирах сведений нет. А. П. Чулошников писал, что до 1734—1736 гг. систематического и планомерного теснения веры башкир не было.²⁷⁰

Второй этап, с 1730-х годов до 80-х годов XVIII в., характеризуется насильственной и массовой христианизацией народов ИЗО. Поворот в религиозной политике был связан с укреплением абсолютистского государства и его идеологической основы — русской правительственной церкви. В 1731—1732 гг. в Связяжске была создана "Кониссия новокрещеных дел", которая в 1740 г. была преобразована в Новокрещенскую контору с пребыванием в г. Казани.²⁷¹ Контора развернула активную миссионерскую деятельность. Массовые принудительные крещения начались после указа от 11 сентября 1740 г., в котором в новой редакции сунимировались уже сложившаяся политика всяческого поощрения распространения православной веры, предоставления льгот новокрещеным, давления и притеснения нехристиан.

В 1740-е годы крещение охватило мордву, марийцев, чувашей, удмуртов. В насильственных акциях участвовали монахи из монастырей, священники, чиновники местной администрации, от которых местные власти требовали "ловить мордву и крестить", "вязать и крестить" язычников.²⁷² К 1740—1749 гг. была окрещена большая часть мордвы и марийцев. За эти 10 лет в Саранском, Тениковском, Троицком, Инсарском, Краснослободском и Наровчатовском уездах было крещено 17168 человек. Формально приняла крещение значительная часть марийцев.²⁷³ Процесс насильственной христианизации достигает апогея в 1746—1747 гг., когда было окрещено более 200 тыс. мордвы, марийцев, чувашей Казанской губернии.²⁷⁴ В конце 1740-х годов насильственные акции по крещению распространились на левобережье Волги, в Вятско-Камское междуречье, охватив луговых марийцев, удмуртов, закавказских татар. К концу XVIII в. в Казанской губернии насчитывалось всего нерусского христианского населения 384 тыс. человек.²⁷⁵

Окрещению татар предшествовали меры по преследованию ислама и мусульманского духовенства. В 1743 г. в Казанской губернии было разрушено 418 из 536 мечетей и, кроме того, "синодальным указом было запрещено допускать постройку новых мечетей", а построенные после указов мечети велено разобрать²⁰⁰. К 1760 г. были крещены почти все мордва, большая часть удмуртов, группы казанских татар. Немало чувашей, нарийцев, мордвы, татар, удмуртов скрывалось от крещения в лесах, бежало на восток, в том числе в Башкирию.

Сана Башкирия некоторое время оставалась в стороне от воли насильственного крещения. Однако объяснялось это осторожностью в проведении той же политики, которая определялась в Среднем Поволжье. Еще не были забыты жестокие сражения во время восстания 1705—1711 гг., в которых участвовали, кроме башкир, татары и другие народы края. Башкирия еще не была охвачена с юга и востока крепостями и крепостными линиями, царизм еще не был готов силой подавить постоянно тлеющую в недрах башкирского общества решимость защищать свои вотчинные права на земли, свои жизненные устои, свою относительную внутреннюю автономию, восходящую к условиям мирного присоединения к России. Однако разработанная в русле петровских реформ и проектов концепция нового покорения Башкирии, создание и деятельность Оренбургской экспедиции коренным образом изменили ситуацию. Двигаясь с запада на восток лавина христианизации не могла не захватить и Башкирию. Существенной была и изменившаяся историческая обстановка. Это был период, когда русские земли проходили, а вслед за ними и христианские миссионеры вышли к Тихому океану, когда стали предприниматься шаги по осуществлению проникновения в Среднюю Азию, откуда начинались желанные пути в Индию, когда русская православная церковь, оправившись после раскола, упрочила свои позиции в качестве идеологической основы самодержавия и христианской интеграции всей России. На этом фоне среди творцов восточной политики Российского государства, в которой немалая роль отводилась позициям царизма на территории Башкирии, рождались различные концепции покорения и усиления башкирского народа. Предлагались насильственная христианизация башкир, ограничение роста их численности, провоцирование межэтнических междоусобиц²⁰⁷, раздача башкирских земель и детей в центральные губернии в качестве крепостных одновременно с крещением. Генерал Л. Я. Сайонов в рапорте в Сенат о карательных действиях против башкир с 23 апреля 1737 г. до 10 июня 1740 г. доносил, что "роздано для поселения в отдаленных российских городах охочим людям... пензенская полубо и малолетних ребят 1445 которые восприняли христианский закон", а кроме того, "пойманных в разных командах 974"²⁰⁸. Другим направлением, по существу, насильственной христианизации была вынужденная продажа в конце разоренными башкирскими семьями своих детей, жен, родственников в крепостное состояние с условием "крещения". Трудно составить реальную картину о масштабах насильственного крещения башкир, судя по подсчетам П. И. Рыкова, только в ходе подавления восстания 1735—1740 гг. число отданных в крепостное состояние и окрещенных приближалось к 10 тыс. человек²⁰⁹.

Начиная с конца 1750-х годов появляются первые признаки отказа от особо грубых форм принудительного крещения. Массовое и ожесточенное сопротивление народов региона, восстание в Башкирии 1755 г., поверхностный характер результатов насильственной христианизации среди язычников и, в сущности, провал этой политики среди мусульман заставили самодержавие, идущее навстречу эпохе "просвещенного абсолютизма", переходить к новым формам политики в сфере религии.

Третий этап начался с восхождения на престол Екатерины II и продо-

длался до конца первой четверти XIX в. Еще в 1763—1764 гг. была ликвидирована Контора новокрещеных дел, отменены давно ставшие формальными привилегии и льготы новокрещенан. В 1773 г. был издан Указ о терпимости ко всем вероисповеданиям. Наиболее крупной акцией в рамках новой политики "терпимости и сотрудничества" было учреждение в 1788 г. в г. Уфе Мусульманского духовного собрания. Одновременно отменяются запреты на строительство мечетей, поощряется подготовка своего духовенства вместо приглашаемых мулл и религиозных деятелей из среднеазиатских мусульманских центров.

Занысел политики сотрудничества с исламом и мусульманским духовенством был достаточно глубоким в аспектах как внутренней, так и внешней политики. Духовенству теперь отводилась миссия формировать убеждения мусульман в духе верности самодержавию. Под контролем царской администрации мусульманское духовенство должно было сыграть совершенно новую роль в политической интеграции исламских народов Российской империи. В плане внешнеполитических замыслов новое и верное трону мусульманское духовенство было призвано оказать содействие Российскому государству в дальнейшем продвижении и укреплении позиций в Средней Азии и Казахстане. По своим социальным результатам политика сотрудничества с исламом оказалась более эффективной, чем акции насильственной христианизации.

Четвертый этап наступил с конца 1820-х годов в общем контексте с политической реакцией в России после выступления декабристов. Религиозная политика государства, по существу, вернулась к политике нетерпимости. В Среднем Поволжье новая реакция православного духовенства была обостренной, видимо, в связи с огромной волной отхода от христианства новокрещеных, как бывших язычников, так и мусульман. Из 384 тыс. нерусского христианского населения Казанской губернии в начале XIX в. готово было вернуться в старую веру — в мусульманство или язычество — 250 тыс. человек, или 65%, из 270 тыс. крещеных чуваш Казанской губернии шло вновь обратиться в язычество 186 тыс. человек, из 31 тыс. крещеных татар — возвратиться в мусульманство 13,7 тыс. человек. В 1827 г. "тысячи" новокрещеных татар из южных районов региона обратились к царю с просьбой возвратиться в ислам, в 1829 г. готовы были вновь обратиться в язычество 47,2 тыс. чувашей Сибирской губернии. В 1827—1828 гг. на праздничные языческие жертвоприношения собрались 5 тыс. левобережных нарийцев в Царевкокшайске, 3 тыс. нарийцев в сел. Уржун. В 1829 г. в ходе переписи было установлено, что "добрыми христианами" были только нордва и старокрещеные татары, а из новокрещеных татар 88% были привержены исламу. Репрессии против отступников от православной веры имели мало успеха. Среди бывших язычников возобновилась миссионерская деятельность. В отношении ислама была продолжена сдержанная политика сотрудничества с мусульманским духовенством. Консервативные направления в общественной мысли России возвращаются к идеям всеобщей христианизации и русификации населения государства, модернизируя эти идеи в соответствии с изменяющимися реальностями политической жизни и социальной борьбы.

Каковы общие результаты религиозной политики царизма в 1830-е? Во второй половине XIX в. религиозная ситуация в регионе стабилизировалась. Тюркское и финно-угорское население разделилось на православных христиан (нордва, нарийцы, удмурты, чуваш, татары-кряшены и ногайбаки) и мусульман (татары, башкиры). Среди расселившихся по ИЗО нарийцев, удмуртов и чувашей сохранялись крупные группы населения, оставшиеся в язычестве. В аспекте социальных отношений христианизация внесла новый элемент в общественную жизнь, разделив население на новокрещеных хрис-

тиан, мусульман и язычников. Это разделение, особенно в периоды насильственной христианизации и активной миссионерской деятельности, было дополнено и подкреплено неравной экономической дифференциации. Потери от привилегий и льгот новокрещеным компенсировались поборами и новыми повинностями с язычников и мусульман. Несмотря на то, что привилегии и льготы новокрещеным вскоре утратили значение, они создали в общественном сознании, особенно если границы между новокрещеными и нехристианами проходили внутри этноса, определенную отчужденность, инерция которой сохранялась вплоть до начала XX в.

Сложным является вопрос о соотношении религии и этнической культуры, религиозного и этнического самосознания. В зарубежной и отечественной этнологии существует взгляд о невозможности четкого разграничения религии и других сфер культуры. Очевидно, этот тезис правомерен в отношении обществ, в которых доминирующим является традиционная народная культура, а профессиональная культура не достигла зрелых форм развития. Крещение язычников оказалось неполным и неглубоким, несмотря на преследования, новокрещеные нарийцы, чуваша, удмурты, отчасти мордва продолжали явно или тайно исполнять прежние обряды и приносить жертвоприношения. Нередко они сочетались с исполнением христианских обрядов. Словом, образовался сложный симбиоз христианства и язычества, который вплоть до начала XX в. стал по-новому влиять на культуру этих народов. Думается, что поверхностность христианизации объясняется тем, что языческие верования имели у финно-угорских народов региона очень глубокие корни, сложно переплелись с их хозяйством, образом жизни, общественным строем, этнической культурой. В этом сочетании языческая религия и народная культура действительно были неразрывны и выступали фактором этнической идентичности. При этом синтез религии и народной культуры всегда приобретал этнические оттенки. Это хорошо видно на примере крещеных татар, сохранивших не только родной язык, но и слой архаичных компонентов культуры.

В то же время христианизация значительной части населения ИЗО стала заметным этапом в процессе культурной интеграции христианизированных народов в Российском государстве. Этот процесс шел не только через уравнивание мордовского, чувашского, нарийского, удмуртского и крещеного татарского крестьянина с русским крестьянином в социальном отношении, но и через сближение их первоначально в религиозной обрядности, благодаря наставлениям и контролю духовенства, а затем и в быту, в различных сферах культуры.

Подавляющая часть татар и все башкиры на своей этнической территории остались мусульманами. С конца XVIII в., со становлением политики сотрудничества с мусульманской религией, для татарского и башкирского народов, для духовенства открываются новые возможности культурно-духовной деятельности, которые не исчезли, развиваясь и модернизируясь вплоть до начала XX в. Более широкие для народов становится доступ к великим памятникам арабо-персидской мусульманской литературы, поступающей из Средней Азии и Кавказа. Широко распространяются рукописные, а позднее и печатные книги местного происхождения. Благодаря глубоким многовековым традициям ислама в Среднем Поволжье и Южном Урале мусульманская религиозная культура и народные культурные традиции татар и башкир образовали самобытный для каждого народа синтез, культурный сплав, который был символом этнической идентичности. В то же время было бы неверно не видеть, что и мусульманская церковь, обретая новую структуру организации и новые цели, которые она выполняла в сотрудничестве с государством и правительством, в XIX в. объективно способствовала интегративным тенденциям в определенных сферах социальной жизни.

и культуры. Не случайно в разные периоды XIX в. на авансцену культуры выдвигались деятели, которые в едином лице представляли духовных лиц и прогрессивных мыслителей, ратующих за знание русской философии, культуры, литературы, за просвещение и образование европейского типа (Акиулла, Шахабутдин Марджани, Каюм Насыри, Риза Фахретдинов, Мухамедсалим Уметбаев и др.). Сказанное, однако, не означает, как все чаще постулируется в наши дни, что при оценке роли религии в жизни общества так же, как и других общечеловеческих ценностей, не применимы классовые подходы. Сложная диалектика реальностей чужда любых крайних оценок Религии, действительно, явления не формационные. Религиозные системы и компоненты этнических культур, находящиеся с ними в синтезе или симбиозе, характеризуются, как показывает исторический опыт Волго-Уральского региона, высокой степенью преемственности. Они устойчиво сохраняются сквозь столетия, формации, различные общественные структуры, видоизменяясь, естественно, в процессе адаптации к развивающимся историческим условиям. Религия в лице духовенства была и остается весьма чувствительной к политическим и социальным изменениям и в этом смысле классовые принципы подхода к оценке ее роли невозможно считать анахронизмом.

Итак, распространение христианства среди коренного населения изменило общую конфессиональную ситуацию в ИЗО. Однако, христианизация, изменив некоторые этнические и культурные границы, не смогла поколебать, тем более разрушить этническое самосознание как финно-угорских, так и тюркских народов.

О влиянии миграций на взаимодействие культур

Миграции XVI—XIX вв. активизировали прежние и вызвали к жизни новые культурные контакты. Взаимодействия охватили всю территорию ИЗО и все сферы культуры, однако результаты процесса различались как пространственно, так и в культурных слоях. В свете сказанного возникает сложный вопрос о субъекте культурного развития. В общесоциологическом плане это человек, который, участвуя в творении культуры, в то же время является ее продуктом. Итог развития культуры или, точнее, ее состояние на отдельно взятый момент воплощается в ценностных ориентациях человека, в образе жизни и стереотипах его поведения. Однако человек находится под воздействием иерархии культур — этноса, совокупной культуры населения данной территории, страны в целом и т.д. Здесь мы сталкиваемся с другой мало разработанный проблемой, касающейся взаимодействия человека и коллектива. Человек одновременно принадлежит этнотерриториальному сообществу (является этнофором) и, по мере разветвления массовых миграций, становится членом многонационального социально-территориального коллектива (социофором). Следовательно, с этого момента необходимо изучать, с одной стороны, взаимодействие этнофора и этнических коллективов разных рангов, с другой — социофора и социальных коллективов также разных ступеней в реально существующей иерархии. На пересечениях этих взаимодействий и формировалось поведение человека, в котором в зависимости от конкретной исторической ситуации могли более активно проявляться этнические или социальные ориентации.

Интенсивность влияния этнических и территориальных культурных комплексов определялась специфичностью сочетания обрисованных в предыдущем разделе факторов. Наиболее заметные культурные изменения происходили на уровне подразделений этноса. Этнос, в сущности, можно

рассматривать как совокупность его подразделений. Часто инежных свою собственную сложную структуру. Культуры последних, образуя определенное единство в пределах этнической общности, в то же время находились в постоянном, иногда в разнонаправленном развитии. Подразделения этноса не всегда, но часто занимали периферийное положение, расселялись в более сходных природно-географических условиях, чем этнос в целом, находились в пограничных или сквозных этнокультурных контактах с вновь возникшей в результате переселений этнокультурной средой. Локальные культуры могли обрести достаточно высокий уровень самобытности, формируя соответственно специфичный культурный облик и стереотип поведения у этнофоров.

Механизм и закономерности формирования и эволюции локальных культур (или культур подразделений этноса) должны быть изучены в каждом случае специально. При этом, естественно, возникает необходимость принять во внимание возрастающее воздействие на локальную культуру более широких систем: культуры этноса в целом (особенно по мере усиления сплачивающих его социально-политических факторов), региональных культур (которые в свою очередь могут включать изменения, обусловленные общими направлениями развития культуры на субконтинентальном уровне или обширной государственно-политической структурой). Само собой, влияние этих факторов не могло быть равномерным; оно с разной интенсивностью охватывало различные сферы культуры. Благодаря воздействию этих систем на территориях соприкосновения разных этносов в ходе или в результате миграций образовывались зоны плавных культурных переходов или зоны смешанных культур. Эти зоны и явились базой формирования локальных культур.

Изменения и обмен опытом в хозяйстве

Наиболее ощутимые изменения произошли в хозяйственной деятельности коренных народов региона и в тесно связанных с ней сферах материальной культуры. В то же время при всем разнообразии хозяйственно-культурного взаимодействия изменения в этой сфере происходили в пределах, обусловленных или ограниченных природно-географическими ресурсами (распределением земельных и других угодий), климатом, качеством почвы и т.д. Это первая предпосылка представленного ниже анализа.

Вторая предпосылка заключается в следующем. В историко-этнографической литературе часто приводится значение культурному "влиянию" как текстовому, без обстоятельного анализа причин, создающих это явление и, тем более, убывающих или задерживающих его. Обычно имеется в виду, что "более прогрессивные" культуры оказывают созидательное воздействие на местные (воспринимаемые как "отсталые" или "отстающие") культуры. Оставляя в стороне вопрос об относительности, в порою и субъективности критериев определения уровня развития этнических культур, подчеркнем, что исторический опыт указывает на исключительно многообразные взаимовлияния культур. Распространенный тезис о том, что прогрессивное развитие культуры всегда протекало естественно и легко для народов (лишь бы они вступили в контакт), едва ли отражает реальную картину. Оно сопровождалось не только приобретением новых, более прогрессивных компонентов культуры, но и потерей традиций, перестройкой в хозяйстве, в этнической психологии, в сфере духовной культуры, что могло вызывать временные спады в этнокультурном развитии, ослабление уровня консолидированности этноса, ассимиляцию отдельных его групп в составе других этнических общностей, образование новых этнографических групп со смешанными, переходными чертами культуры.

быта и т.д.^{*} Эти сложные процессы нам мало известны только потому, что они слабо изучались и, кроме того, трудно ухватиться для исследования, так как в условиях феодальной России развивались замедленно

В сферах хозяйственно-культурных "влияние" обычно реализуется при существенном изменении или нарушении ранее установившегося баланса между характером ведения хозяйства и природными условиями. Напряженность могла появиться в результате истощения определенных видов природных ресурсов или резкого роста населения. В Волго-Уральском регионе в XVII—XIX вв. отчетливо проявляются обе тенденции. В источниках этого периода от всей огромной территории региона, от Оки до Урала, настойчиво звучат мотивы о сокращении охотничьих угодий ("зверя бить негде"), истощении бортовых "ухожеев" ("бортники наши опустели"), уменьшении пастбищ ("скотину пасты земли не стало"). Плотность населения в регионе возрастала с востока на запад и с юга на север. На правобережье Средней Волги и в Предкавказье плотность расселения резко возросла уже в XVII—начале XVIII в. В Приуралье и на Южном Урале (в Оренбургской губернии) еще в 1811 г. плотность населения составляла 2,8 человека на 1 квадратную версту³⁰⁰. Однако почти за столетие до этого И. К. Кириллова беспокоила относительная перенаселенность башкирского края, где никакой земли и угодий нет, кон бы свободны лежали", в связи с чем начальник оренбургской экспедиции и вносил предложения "ко унаделению сих нахонетан"³⁰¹. Плотность населения продолжала, однако, увеличиваться. К концу XIX в. (1897 г.) этот показатель равнялся в Уфимской губернии 20,5 человек на 1 квадратную версту, в Оренбургской губернии — 13 человек. Наиболее густонаселенным был самый западный, Мензелинский уезд (32,6 человека) Уфимской губернии, наименее плотно заселенным — зауральские уезды Оренбургской губернии Верхнеуральский (5,1 человека) и Орский (5,1 человека)³⁰².

Постоянно возрастающая плотность населения, нехватка земли при сохранении в ряде районов традиционных структур и способов ведения хозяйства явились наряду с другими причинами стимулирующим фактором повышения интенсивности культурных контактов и хозяйственной активности. В этих условиях увеличилась восприимчивость местного населения к более производительным способам ведения хозяйства, которые были привнесены в регион русским населением. Под влиянием русского крестьянства развивается земледелие и поднимается на качественно новый уровень плужное земледелие и соответственно распространяется мощный слой материальной культуры (типы русских поселений, усадеб, жилищ, сельскохозяйственных орудий и т.д.), который постепенно становится общим достоянием народов ИЗО. В западных районах ИЗО, где мордва, чуваш, марийцы, а также мишари издавна были оседлыми земледельцами, земледельческое хозяйство обогащается за счет освоения более развитых приемов ведения полеводства, трехпольных и многопольных севооборотов, освоения картофелеводства и огородничества, а в пореформенный период и садоводства, хотя приусадебное огородничество и садоводство вплоть до 30—50 годов XIX в. существенного значения в общем балансе хозяйства всех этих народов не имели³⁰³. В земледельческих занятиях народов Среднего Поволжья этнические особенности уже не просматриваются. На

^{*} В ходе недавней дискуссии об исторических типах этнической общности (СЭ. 1986. № 3-4, 5) было выдвинуто понятие об "этностабилизирующих" и "этностабилизирующих" факторах, специфическое сочетание которых в конечном итоге определяет судьбу этноса на том или ином этапе его истории" (Крюков М.В. Главной задачей по прежнему остается прояснение в сущности этнических связей // СЭ. 1986. № 5. С. 75—76).

какие-либо особенности, отличающие орудия и приемы вспашки почвы у чуваш от соседних народностей, — пишут авторы монографического исследования о чувашах, — указать трудно, ибо хозяйство всех народов края было поставлено приблизительно одинаково"³¹⁰.

В течение XVII—XIX вв земледельческие занятия распространяются (по мере расширения крестьянского переселенческого движения) в Приуралье, на Южный Урал. Северо-западные башкиры с конца XVIII в становятся такими же земледельцами, как и их соседи — русские, татарские, удмуртские, марийские мордовские крестьяне. К рубежу XIX—XX в земледелие становится основным или ведущим направлением хозяйства на всей территории расселения башкир, кроме юго-восточных горно-лесных районов³¹¹. Характеризуя земледельческие навыки башкир, Н. В. Бикбулатов пишет, что они "по существу, были такими же, как и у их соседей — татар, русских, удмуртов, мари. Влияние на башкир русского земледелия нередко было опосредованным, через хозяйственный опыт и навыки других поволжско-приуральских народов, которые испытали воздействие русской крестьянской культуры намного раньше. Далее Н. В. Бикбулатов приходит к выводу: "Всю систему хозяйства этого региона в том виде, в котором мы его застаем в конце XIX—начале XX в., можно рассматривать как результат тесного хозяйственно-культурного сотрудничества туркских и финно-угорских народов Урало-Поволжья", главным образом башкир, мишарей и средневожских татар³¹².

В земледельческих занятиях населения региона имелись особенности обусловленные природно-географическими условиями расселения в лесной или лесостепной зонах, однако принимавшие нередко этническую окраску. Различия были в структуре посевов³¹³, в конструктивных деталях некоторых пахотных орудий³¹⁴, которые нередко распространялись под "этническими" названиями — "русская соха", "татарский сабан", "татарская косуля", "марийская соха"³¹⁵. Все исследователи отмечают преобладание различных видов русских сох в лесной зоне, сабанов — на залежных землях лесостепных районов. Территориальная и этническая специфика агрокультуры проявлялась в способах кладки снопов в поле, приспособлениях для их сушки и транспортировки, в молотье, хранении урожая и т. д.³¹⁶ Все эти различия были результатом адаптации разных групп населения к изменяющейся среде, восприятия тех или иных хозяйственных новшеств сквозь призму собственных этнических традиций. В целом же, по словам крупного исследователя этнографии народов региона Н. И. Воробьева, "татарин, чувашин, удмурт, мари, русский вели и ведут свое хозяйство и промыслы одинаково. Причины подобной нивелировки необходимо искать главным образом в истории народов, в длительном и постоянном общении населения края в перекрестных заимствованиях в быту и хозяйстве"³¹⁷.

Сказанное относится и к большинству башкир. Своеобразие же заключается в том, что народы Среднего Поволжья развивали во второй половине XVI в. производительные способы земледельческого хозяйства на основе традиционного для них плужного земледелия, в то время как башкиры перешли от кочевого (или полукочевого) скотоводства к плужному оседлому земледелию, так сказать, на глазах истории, на протяжении XVII—XIX вв. Еще в 1627 г., по наблюдениям составителей "Книги Большому Чертежу" башкиры, живущие в "устье" р. Белой, "пахши не имеют", "скоту держат много"³¹⁸. Уже через столетие, в первой половине XVIII в., башкиры Казанской дороги, по характеристике кунгурского бургомистра Юхнева, "сеют рожь и всякий хлеб без навозу, и та дорога хоррит Уфу" хотя традиция летних выходов на човечки еще не угасла: "половина из них летом кочует в степи"³¹⁹. Северные башкиры на рубеже XVIII—XIX вв., по словам Н. Попова, "главное пропитание имеют

от земледелия", но летом "живут в вежах", которые стояли поблизости от зимних жилищ. Нередко вежи находились непосредственно на усадьбе, и башкиры-земледельцы продолжали "кочевать у себя во дворе"³²⁰ В восточных и зауральских районах Башкирии в середине XIX в и позже несмотря на очевидное расширение земледельческой зоны, оставались значительные очаги полукочевового скотоводства³²¹

Таким образом, в масштабах всей Башкирии процесс перехода от кочевого и полукочевого скотоводства к оседлому пашенному земледелию продолжался около 300 лет. Это обстоятельство является важным моментом культурной истории башкирского народа и поэтому нуждается хотя бы в кратких комментариях. В нашей литературе бытует тезис согласно которому кочевое или полукочевое скотоводство и соответствующий образ жизни менее прогрессивны, менее совершенны, чем оседло-земледельческий способ жизни. В результате с 1950-х годов обнаружилось, с одной стороны, тенденция удвоять распространение плужного земледелия среди башкир до XIII—XIV вв., с другой — несколько преувеличенно оценивать "окончательное разложение" полукочевого скотоводства и полное утверждение³²² оседлого земледельческого хозяйства серединой или концом XIX в. Этот последний взгляд является следствием сугубо экономического подхода к хозяйственной деятельности.

Этнологический аспект проблемы заключается в понимании процесса перехода от кочевого (полукочевого) скотоводства к оседлому земледелию не только как смены хозяйственной деятельности, но и как перестройки целого ряда областей культуры. Переход скотоводов к земледелию вызывал необходимость переадаптации к природным условиям обретения или расширения знаний о земледельческом цикле, оружии труда, смене трудовых и иных навыков, связанных с овладением новым занятием (пахота, сев, уборка, молотьба урожая и т. д.). Этот процесс мог протекать гармонично при условии естественного постепенного развития. Видимо, среди башкир он развивался относительно эволюционно до начала второй половины XIX в., когда стали накапливаться и достигли критической точки факторы, разрушающе воздействующие на полукочевое скотоводческое хозяйство по всей Башкирии, в том числе в центральных, южных и восточных районах демографическое давление, сокращение земель и пастбищ, истощение природных ресурсов, насильственное форсирование царской администрацией перехода к земледелию, отсутствие или крайний недостаток земледельческих орудий труда и т. д. В результате к концу XIX—началу XX в. в целом ряде районов Башкирии сложилась ситуация, когда традиционный тип хозяйства был разрушен, а новый, оседло-земледельческий тип хозяйства еще не достиг необходимого уровня развития³²³. В этот сущ. кризиса, охватившего хозяйство значительной части башкир в конце XIX—начале XX в., особенно тяжело сказавшегося на судьбе башкирского этноса в голодные 1921—1922-е годы.

Сравнение кочевого (или полукочевого) скотоводства или оседлого земледелия с точки зрения уровня развития соответствующих типов хозяйств и культурно-бытовых укладов представляется недостаточно корректным. И оседло-плужное земледелие, и кочевое скотоводство являются высокими достижениями в культурном развитии человечества. Сложившись они в разных ареалах Евразии. Территории Поволжья и Южного Урала издавна были зоной соприкосновения и взаимодействия оседло-земледельческого и кочевнического миров, при этом активный период этого взаимодействия (XVI—XIX вв.) падает на обозримые для разнообразных источников столетия. В этом свете Волго-Уральский регион представляет исключительный научный интерес для исследования механизмов, закономерностей и результатов длительных и глубоких контактов разнотипных

хозяйств социальных структур и культурных систем. Общий итог многовекового процесса нам известен, однако было бы неверно представлять распространение оседлого земледелия, сокращение кочевничества как однолинейное и для земледельческого хозяйства всегда поступательное развитие. Судя по значительной роли мясо-молочной пищи в структуре питания татар и чувашей, знания ими способов консервации продуктов, характерных для кочевников, традиции скотоводческого хозяйства оставили достаточно осязаемый след в культуре этих народов. По наблюдениям Н. А. Халикова, татары Чистопольского уезда Казанской губернии в конце XIX в. "отдавали предпочтение башкирской породе лошадей"³²⁴. Татары, особенно татары-нишари, переселившиеся в Приуралье и на Южный Урал, под влиянием башкир обнаруживали "способность к сохранению или регенерации древних этнических традиций скотоводства". В степных зонах Оренбургской губернии нисари разводили многочисленные стада лошадей и овец, производили кумыс так же, как их соседи-башкиры, вели настоящее полукочевое хозяйство, выпасая скот на летних, осенних и зимних пастбищах³²⁵. Сказанное относится и к тептярям. Еще во второй половине XVIII в. И. Георги писал о тептярях "... в землепашестве поступают по российскому, а в содержании пчел и в скотоводстве — по башкирскому обыкновению"³²⁶. Хозяйственный опыт башкир, особенно в скотоводстве, включая организацию зимней тебеневки лошадей, часто использовали жившие по соседству с башкирами русские крестьяне, оренбургские, уральские и исетские казаки³²⁷.

В XVI—XIX вв. продолжался обмен опытом, навыками, техникой и в других отраслях хозяйственной деятельности. Туркские и позднее восточнославянские народы широко воспользовались издревле накопленным опытом финно-угорских народов региона в лесных занятиях — охоте и бортничестве. Это, очевидно, объясняется однотипность конструкций и схожесть форм по всей северной лесной полосе региона разнообразных хитроумных капканов и самострелов, охотничьих стрел и других снарядов, лыж-голиц и лыж с подволокой (канусные) и т. д.³²⁸ В то же время на юге и востоке продолжали бытовать степные приемы охоты. Пришлое в степи и лесостепи население нередко заимствовало новые для них охотничьи традиции Восточных нарийцев, например, восприняли у башкир обычай охоты — гоном. "Во второй половине XIX в. — пишет Г. А. Селеев, — восточные нарийцы на волков и лисиц охотились верхом на лошадях, применяя деревянную булаву или железный кистень на длинной рукоятке, которые били заганного зверя. Для поволжских нарийцев конная охота не характерна"³²⁹.

Среди степных и лесостепных башкир конная охота была известна еще в начале XX в.³³⁰

К наиболее ранним хозяйственным заимствованиям туркских народов региона у финно-угров относится бортничество, бытовавшее по всей региону. Мед поступал на рынки и в казну Русского государства в XVI—XVII вв. из "зелень нордвик", "перских зелень", от "мокшан", "черемисских татар", "инородцев из-под Казани", удмуртов и башкир³³¹. Среди нарийцев, в том числе восточных, удмуртов Сарapulьского уезда бортничество еще в "полной мере" сохранялось в конце XIX — начале XX в.³³² В Казанской губернии бортничество, хотя и занемало "культурными видами" пчеловодства (в колодах и в разборных ульях), однако из 97 179 зарегистрированных в губернии ульев 3455 (3,6%) "были еще бортнями"³³³. Особенно высокого уровня развития достигло бортничество среди башкир, подробные описания которого оставили П. Рычков, И. Лепехин, позже С. И. Руденко³³⁴. Известно, что башкиры на Южном Урале не оставляли бортничества до недавнего времени.

А. Ханелайнен, исследовавший истоки бортного пчеловодства, пришел к

выводу, что в Восточной Европе сложилось два древнейших центра лесного пчеловодства: в южной Прибалтике среди западных финнов и на Волге среди волжских финнов³³⁵. Бортное пчеловодство "относилось к древнейшим видам хозяйственной деятельности" волжских финнов, а "район Среднего Поволжья и Прикавказья издавна был известен как медовая страна"³³⁶. Пришлые турецкие кочевники, хотя и были знакомы с медом и пчелой еще со времен пребывания в Азии (о чем свидетельствует "туркская" терминология атрибутов бортничества), однако в местных условиях приемы и способами бортного пчеловодства овладевали через опыт финно-угров. Об этом свидетельствуют близкие, во многом одинаковые у марийцев, удмуртов и башкир орудия бортного пчеловодства, а также старинные приемы охраны бортей от медведей³³⁷.

Жилища, постройки, усадьбы тенденции развития

С хозяйственной деятельностью и с соответствующим ей образом жизни тесно связаны типы жилищ. Жилища финно-угорских и турецких народов в XVI – XIX вв. формировались под сильным влиянием восточноевропейской зоны древнего срубного домостроительства. Во второй половине XIX в. в мардовских, марийских, татарских, чувашских, удмуртских, башкирских деревнях преобладали дома построенные из бревен. Кирпичные дома возводили обычно в крупных селениях, расположенных на трактах или близ городов и русских поселений. Встречались кирпичные дома повсюду, но чаще в западных районах региона у состоятельных касиновских татар и нисарей у приволжских чувашей, в западной части Предканья у казанских татар, в периском Приуралье.

Техникой строительства срубных домов владели все народы ИЗО, кирпичные дома возводили главным образом русские мастера. В литературе сформулированы и до сих пор обсуждаются гипотезы о древнефинской или волжско-булгарской основе срубного жилища³³⁸. Однако материалов, подтверждающих или отвергающих ту или иную гипотезу, недостаточно. Не противоречит фактам, в том числе археологическим, точка зрения, согласно которой срубные жилища, возникнув в финно-угорской среде, получили дальнейшее развитие в Волжской Булгарии. В составе Русского государства техника деревянного домостроительства распространилась по всему региону и достигла высокого уровня³³⁹, особенно в лесных и лесостепных районах Средней Волги, Предканья, периского Приуралья и Урала. Здесь ставили срубы из 10–15 венцов (в зависимости от толщины леса), пол старались располагать выше от уровня земли. Часто дома ставили без фундамента, тогда пол поднимали на 2–4-й венец. Однако по мере продвижения к северу под дом подводили фундамент из камня, плитняка, дубовых тумб по углам или вертикальных стоек и плах по всему периметру стен. В конце XIX–XX в. стали устраивать подполье или подклети с входом со двора. Конструкция крыши преобладала стропильная; встречались кровли на санях или (у башкир) полусанцовые. Во всех лесных и лесостепных районах бытовали как двухскатные, так и четырехскатные (шатровые) крыши. Однако шатровые крыши преобладали в западной части региона (в деревнях касиновских татар, татар-нисарей, мардов в Тамбовской и Пензенской губерниях) и на севере (среди периских, кунгурских татар и башкир). В лесных районах кровли покрывались тесом, в лесостепных — шепой, дранью, лубом³⁴⁰.

В лесостепной полосе, бедной лесом (по верховьям Мокши и Суры, в Заволжье, в южной части Заванья, в юго-западной и южной Приуралье), характер домостроительства и облик жилищ неясен. Здесь строили низ-

кие срубные избы, часто из некачественной тонкой древесины (липы, осины). Лапы между бревнами или целиком стены промазывали глиной. В отличие от северных лесных районов здесь фундаменты не строили. Сруб ставился прямо на землю или на саманное основание. Нижний венец старались укрепить от быстрого гниения, обжигая его или обмазывая глиной. Пол и потолок за неимением подходящего леса для выпиливания досок устраивали из обтесанных жердей. По мере продвижения к югу чаще встречались земляные или глинобитные полы. Двухскатные кровли стропильной конструкции крыли лубом или солоной³⁴¹.

Еще южнее, в степных безлесных районах (южные районы Предволжья, Заволжья, Приуралья, степное Зауралье) дома из-за недоступности материала для срубов строили из камня (плитняка), глины, самана. Глинобитные жилища (литухи) строили татары-мишари Саранского, Инсарского уездов Пензенской губернии, касимовские татары в Рязанской губернии. Глинобитные и саманные дома возводили татары и чуваша южных уездов Самарской и Симбирской губерний, башкиры, татары и другие народы в степях Оренбургской и Саратовской губерний, в Зауралье. На юге Башкирии и в Зауралье строили пластовые дома, складывая их из дерна, с единственным окном с плоской крышей, покрытой тем же дерном или залитой глиной, смешанной с соломой. Сени в степных или, реже, в лесостепных районах сооружали из плетня, луба, самана, камыша. Материалы, применяемые в степной полосе, вызвали изменения в конструкции жилищ. Здесь получили распространение каркасно-столбовые конструкции, когда стены, потолок, кровля дома покоились на опорных деревянных столбах, а для заполнения конструкций использовался разнообразный материал — глина, саман, земля, плетень с обмазкой, камыш, солома и т. д. Взаимосвязь строительного материала и конструктивных приемов коснулась в степной зоне техники домостроительства многих народов — татар, башкир, русских, украинцев, мордвы, чувашей, немцев³⁴².

Преобладающим типом планировки жилища во всей ИЗО был северосреднерусский. В его основе сруб-четырёхстенка с сенями или два сруба, соединенных сенями (изба-сени, изба-сени-изба). Печь в такой избе, ориентированная устьем к передней стене, располагалась справа или слева от входа.

Этнические особенности проявлялись в планировке усадьбы, в санобитности некоторых усадебных построек. Башкирский двор, особенно, на востоке, отличался свободной планировкой, разбросанностью хозяйственных построек на просторной и открытой усадьбе³⁴³. Планировка усадеб татар, чувашей, удмуртов, мордвы, марийцев во многом зависела от близости или отдаленности к плотно заселенным очагам русского крестьянства. Усадьбы этих народов, так же как и части северо-западных башкир, на рубеже XIX—XX вв. повторяли характерные для лесной и лесостепной полосы России планировки: замкнутый двор с П-образной (стан, где соприкосновение с русскими было тесным), Г-образной (глаголен), однорядовой (реже двурядной) застройкой. В отличие от усадеб русских крестьян у народов Среднего Поволжья, Приуралья и Южного Урала постройки на усадьбе располагались более свободно, чаще встречались открытые дворы с разбросанными хозяйственными постройками³⁴⁴. У башкир в зависимости от положения хозяйственных построек по отношению к жилонку дому исследователи фиксируют пять вариантов застройки усадьбы³⁴⁵.

К местным и древним особенностям относятся легкие срубные постройки из тонких или средней толщины бревен, положенных без фундамента прямо на землю, с двухскатной дощатой или лубяной крышей, но без потолка, пола и окон. В начале XX в. они сохранялись у всех народов ИЗО. Назывались постройки по-разному — куа, кудо, куала у мордвы,

удиуртов и нарийцев, лась у чувашей, бурана, аласых (салачик), кууш у башкир и татар. Функциональное назначение построек также различалось: они могли служить временным жилищем (тогда посреди помещения у башкир справа или слева от входа, устраивали очаг) летней кухней, амбаром. У финно-угорских народов (нарийцев, удиуртов) и чувашей куа (кудо, куала), лась служила местом отправления культа — здесь происходили моления, приготавливались кушанья. По мнению ряда исследователей, срубные постройки описываемого типа указывают на многовековые традиции срубной техники в регионе. Интересна гипотеза о восприятии этих построек тюркскими народонами (в результате культурных контактов или в процессе включения финно-угорских компонентов в этногенез) у финно-угорских народов.³⁴⁶

Этнические признаки а также взаимодействие культур особенно явно ощущается во внутреннем устройстве жилища и в оформлении интерьера. В зависимости от района расселения и демографической ситуации во внутреннем устройстве и убранстве дома проявлялось различное сочетание финно-угорских, тюркских и русских традиций. Во внутреннем устройстве жилища, в хозяйственных постройках приокских татар-нишарей Р. Г. Муханедова усматривает "переплетение культур тюркских и мордовских племени", влияние русской культуры исследователь отмечает на развитии жилища нишарей, в устройстве полатей, в хлебопекарных печах с трубами и т. д.³⁴⁷ Авторы коллективной монографии "Чуваши" обращают внимание на татарские заимствования в устройстве жилища чувашей и горных нарийцев (деревянные нары, котел, вназанный сбоку русской печи).³⁴⁸ Много общего было во внутреннем устройстве и убранстве татарского и башкирского жилища — деревянные нары, печь в комбинации с казаном, интерьер из красочных тканых занавесей и полотенец, подзоры, украшенные вышивкой и т. д. Различия в устройстве жилого помещения складывались в зависимости от этнических традиций данной группы башкир или татар окружающего населения, природно-географических условий и т. д. К началу XX в. как в татарских так и в башкирских домах стали появляться атрибуты русской культуры — столы, стулья, шкафы, зеркала, печи-голландки и т. д. У башкир вплоть до XX в. сохранились свойственные в регионе только им печи-сувалы.³⁴⁹

Во внутренней организации восточнонарийского и южноудиуртского жилища также переплетались нарийские и удиуртские традиции с элементами крестьянской культуры русских, башкир и татар.³⁵⁰ В середине XIX в. В. М. Черемшанский писал, что вдоль передней стены нарийского жилища устраивали нары, как у башкир и татар, но во многих домах появились столы и лавки, характерные для интерьера русской избы. Печи нарийцы и удиурты клали, как у русских, но меньше по размеру и с котлом, вназанным справа от устья, как у башкир и татар.³⁵¹

В целом хозяйство и связанные с ним атрибуты культуры находились в XVI—XIX вв. в состоянии постоянного развития. В особенностях их развития наблюдаются следующие тенденции:

1. Динамирующее продвижение новых культурных комплексов с запада (из северных, центральных, позднее — южных губерний России) на восток. По интенсивности распространения и развития пашенного земледелия и связанных с ним комплексов культуры в пределах ИЗО определяются подвижные очертания границ трех ареалов культурного взаимодействия. В первом, западном и северо-западном ареале (районы расселения мордвы, нарийцев, удиуртов и части чувашей), многие компоненты оседло-земледельческой культуры приобрели общие или сходные признаки с культурой восточнославянского населения. Во втором, центральном ареале (районы расселения татар, а также южных чувашей, юго-восточных нарийцев, южных удиуртов, западных башкир), давние традиции оседло-земледельческой

культуры пережили обновление и развитие в результате взаимовлияния с русской культурой. Третий ареал включал территорию Башкирии, здесь наряду с распространением и утверждением среди башкир оседлого земледелия и его культурных атрибутов сохранялись элементы и зоны культуры, восходящие к полукочевому скотоводству и быту

2 Воздействие на развитие хозяйства и культуры природно-географических условий в направлении с севера на юг В хозяйственных занятиях, в использовании материалов в домостроении и т.д. очерчиваются лесная, лесостепная и степная зоны Будучи расположенными в широтном направлении, экологические зоны охватывали хозяйственно-культурным разнообразием территории, населенные всеми народами региона — финно-угорскими, тюркскими, восточнославянскими

3. Возникновение локальных очагов культуры в результате сочетания и взаимопроникновения хозяйственно-культурных ареалов, развивавшихся под влиянием культурного потока с запада на восток, и культурно-экологических зон, развивавшихся в результате адаптационных процессов в период обновления культурных процессов Формирование локальных очагов или особенностей культуры стало одним из важных факторов сложения новых и развития существовавших этнографических групп

Женская одежда и украшения: особенности взаимодействия

Этнографам хорошо известно, что в материальной культуре преобладающая с прошлыми традициями наиболее устойчиво сохраняется в женской одежде, головных уборах и украшениях. Весь этот комплекс в определенном смысле можно рассматривать как пограничную область между материальной и духовной культурой, так как изготовление многих элементов одежды и украшений требует не малого воображения, творчества, затрат духовных сил. В отличие от хозяйства, орудий труда, жилищ на развитии и изменении костюмного комплекса, особенно женского, нивелирующее влияние миграционных факторов сказывается значительно медленнее Следовательно, появляется возможность на фоне очевидного неэтнического и внутриэтнического многообразия женской одежды и украшений выделить общие для всей ИЗО признаки Часть этих признаков может восходить к древности и средневековью и указывать на взаимосвязанность ранних этапов культурного развития финно-угорских и тюркских народов ИЗО Для иллюстрации обратимся к анализу нескольких устойчивых компонентов или признаков костюмного комплекса

Для всех финно-угорских и тюркских народов ИЗО была характерна туникообразного покроя женская рубаша с входящими рукавами, круглым шейным вырезом, прямым грудным разрезом Наиболее древние формы этих рубаш известны у мордвы-эрзи, чувашей, бесермян и башкир³². Чувашские, бесермянские, мордовские, нарийские рубахи сближались, кроме покроя, вышивкой полосой вышитого орнамента вокруг грудного разреза и вышивкой на спине, башкирские, татарские — небольшими стоячими воротником Единый источник происхождения туникообразной рубахи в ИЗО доказать, видимо, невозможно Широкая распространенность туникообразного покроя на обширных просторах Евразии подсказывает возможность и вероятность ее появления в регионе из разных очагов культуры В указанных различиях в оформлении туникообразной рубахи (вышивкой, стоячим или отложным воротником) можно усмотреть два направления ее развития — в оседло-земледельческой среде (захватившее финно-угорские народы и чувашей) и скотоводческо-кочевое (восходящее к тюркскому этническому ядру и нашедшее отражение в одежде башкирских и татарских женщин) Эта

весьма вероятная гипотеза нашла отражение в выдвинутых идеях об истоках появления туникообразной рубахи в Волго-Уральском регионе. Н. И. Гаген-Торн считала туникообразный крой общетюркским явлением. В Среднее Поволжье одежда этого типа была, по ее мнению, привнесена с Северного Кавказа булгарами. Утвердившись в Волжской Булгарии, туникообразная рубаха была воспринята всеми народами региона.³⁵³ Н. В. Лукина полагает, что средневековый тип туникообразной рубахи, известный финно-угорским и тюркским народам, тяготеет к юго-востоку, к древнему и раннесредневековому индоиранскому миру племен Западного Казахстана и Приаралья.³⁵⁴ Очевидно, исторические основания имеют обе точки зрения. Это еще раз показывает, что Волго-Уральский регион был зоной взаимодействия потоков культуры из Азии и Европы.

Во второй половине XIX — начале XX в старинные туникообразные рубахи бытовали во множестве вариантов и модифицированных формах. Сократилось применение вышивки для украшения рубах. Вместо белого льняного или конопляного холста стали использовать, особенно в северной зоне, многоцветную пестрядь или браное тканье. Получили распространение различные дополнения и изменения к крою рукавов, подола, в украшении рубахи вышивкой, позументом или цветными полосками ткани и т. д. Многообразные сочетания этих дополнений и изменений придавали рубахам различных народов самобытность и неповторимую красочность.

На сходство женских головных уборов финно-угорских и тюркских народов ИЗО обращали внимание еще исследователи и путешественники XVIII в. П. Паллас, И. Лепехин, И. Георгн, П. И. Рычков оставили яркие описания головных уборов нарийцев, удмуртов, татар, мишарей, башкир, украшенных серебряными монетами, а также кораллами, бисером, раковинками-каури. С небольшими изменениями головные уборы, описанные в XVIII в., сохранялись в быту до середины XX в. Старинные их формы имеют возможность изучать по коллекциям, хранящимся в музеях СССР, Финляндии и Венгрии.

Наиболее древними считаются головные уборы женщин с высоким и твердым конусообразным остовом — панго у нордов, шурка у нарийцев, айшон у удмуртов. Развитием, или модификацией, высоких головных уборов являются, как полагает ряд исследователей, женские конусообразные шапочки башкир, татар, мишарей, чувашей, бесермян — кашбау, кашнау, хушпу, девичий головной убор чувашей — такья.³⁵⁵ Все виды конусообразных головных уборов (с твердым высоким берестяным остовом и без него) украшались кораллами, бисером, монетами, раковинками-каури. Открытый верх холщовой шапочки у бесермян, а также у чувашей и мишарей обычно зашивался монетами. Конструктивные детали шапочек, и особенно приемы и стиль их украшения, имели множество этнических и локальных вариантов. По заключению И. Лехтинен, ритуал ношения высоких конусообразных шапок в эпоху средневековья был распространен в Евразии от Китая до Малой Азии. Известен он был также казахам, киргизам, народам Кавказа и, как видно, всем народам Волго-Уральской ИЗО.³⁵⁶ Здесь он выступал "символом" общности истоков культуры нарийцев, нордов, удмуртов, с одной стороны, свидетельством длительного взаимодействия и глубокого сходства женских головных уборов нарийцев, чувашей, бесермян, мишарей, башкир — с другой. В целом же сравнительный анализ всей совокупности уборов описанного типа указывает на продолжительность и глубину контактов культур финно-угорских и тюркских народов.

Другим типом женских головных уборов, также обнаруживающим сходство во всей ИЗО, были покрывала — сурпан у чувашей, шарпан у нарийцев, чална у удмуртов, тастар у казанских татар и башкир. Общие черты в этом полотенцеобразном головном уборе, сходства и различия в способах ее ношения у народов региона отмечали многие исследователи. Их происхож-

дение остается неясным. По мнению Н. И. Гаген-Торн, полотенцеобразные головные уборы возникли здесь, в Среднем Поволжье, "в условиях развитого патриархального рода", когда обычай требовал закрывать волосы занужней женщины, взятой из другого рода³⁵⁷. Есть, однако, и другая точка зрения, полагающая, что истоки полотенцеобразных головных уборов уходят корнями в древности Евразийских степей, в индоиранскую или древнетюркскую плененную среду³⁵⁸. В Волго-Уральском регионе этот головной убор является исконным одеянием у чувашей, башкир, нишарей, казанских татар, к востоку от Урала — у казахов, киргизов, некоторых других народов. Вторая точка зрения представляется более аргументированной. Следовательно, финно-угры — мордвы, нарийцаны, удмуртаны — полотенцеобразный убор заимствован у тюркских народов в ходе исторического взаимодействия.

Финно-угорские и тюркские народы ИЗО объединяет еще один вид старинного женского головного убора, происхождение и функциональное назначение которого, несмотря на множество гипотез, не вполне ясно. Это полоски или неширокие куски холщовой ткани с боковыми завязками, украшенные вышивкой, иногда позументом, блестками, нашитыми кораллами. Самым примечательным в этих полосках ткани у нарийцев, мордвы, удмуртов (Яркерт, укутуг) является выполненный мелкой счетной вышивкой трапециевидный узор. Композиция геометрического рисунка внутри трапеции разнообразна, однако наиболее часто повторяется сильно стилизованный мотив с древом жизни в центре и фигурами двух животных (птиц, нифических существ, лошадей). В геральдических позах по бокам. Повязки были налобными и надевались в старину, видимо, под конусообразные шапки или полотенцеобразные уборы³⁵⁹.

Среди южных и восточных башкир в прошлом была известна также холщовая повязка (харауыс), которая надевалась, видимо, под кашбау. Трапециевидные узоры харауов выполнены шелковыми нитками древним способом счетной вышивки. Цвет рисунков на сохранившихся довольно обширных музейных коллекциях харауов трапециевидно-красный³⁶⁰. По мнению Н. С. Королевой, башкирские харауыс по узору, функциональному назначению, технике вышивки аналогичны налобным повязкам финно-угорских народов, но "по своеобразию орнамента, приемам шитья и колориту выделяются из всего народного искусства башкир"³⁶¹. К харауам близки по форме и функциональному назначению налобные повязки чувашей (набак) северо-восточных районов Чувашии³⁶². Узоры, аналогичные узорам на башкирских харауах, встречаются также на полотенцеобразных уборах чувашей, а также в вышивках на различных предметах у обских угров, коми-зырян.

В налобных повязках финно-угорских и тюркских народов ИЗО привлекают внимание сходство их функционального назначения, близость или тождественность композиции узоров, одинаковая техника счетной вышивки. В совокупности образуется общий слой художественного творчества в одной из древних и устойчивых сфер материальной культуры обеих групп народов.

Распространение налобных повязок по ИЗО не картографировано. Весьма интересно, однако, то, что на рубеже XIX—XX вв. реальное их бытование или же сохранение вышедших из употребления повязок (как память о прошлом) фиксируется очагами, довольно отдаленными друг от друга у горных нарийцев и чувашей-вирьял, северных удмуртов, коми-зырян, мордвы-каратаев, а также северо-восточных чувашей, бесермян, южных и юго-восточных башкир. Это еще раз показывает, что тюркские и финно-угорские этнические образования, некогда расселились на обширной, но общей территории. В связи с этим в будущих исследованиях может получить подтверждение гипотеза о том, что счетные вышивки и связанные с

ники головные украшения возникли или по крайней мере получили региональный импульс развития в культурной среде Волжской Булгарии³⁰³

Распространенным украшением среди всех финно-угорских и тюркских народов региона ИЗО являются нагрудники. Формы нагрудников были разнообразными — полуовальные, прямоугольные, подпрямоугольные, лунно-цеобразные, трапециевидные и переходные между ними варианты³⁰⁴. Различались, как и в случаях с головными уборами, налобными повязками, названия нагрудных украшений шавкан — у нарийцев, сульган — у нурдывокши, яга, селтэр, хакал — у башкир и т.д. Объединяли тюркские и финно-угорские нагрудники способы изготовления и украшения. Обычно это была крашенная матерчатая (холщовая) основа, на которую накладывалась сетка из кораллов и бисера, нашивались раковины-каури, монеты. Нагрудники украшались также позументом (казанские татары), драгоценными и полудрагоценными камнями в серебряной, филигранной работы оправе (статары, башкиры), металлческими бляшками и т.д. Этнические или локальные (внутри этносов) своеобразия проявлялись в предпочтительном бытовании той или иной формы нагрудников, в композиции узора, в сочетании украшений из монет, кораллов, бисера, раковин-каури, в количестве монет. Нагрудные украшения надевались поверх рубахи. Будучи довольно большими по размерам, они закрывали грудь женщины до пояса.

В сравнительном плане нагрудные украшения финно-угорских и тюркских народов специально не изучались. В то же время в последнее десятилетие изданы красочные альбомы по народному искусству всех этносов региона³⁰⁵. В них опубликованы типичные для каждого народа виды нагрудников, что повышает возможности сопоставительных оценок. Несмотря на бесконечное множество этнических и локальных вариантов нагрудных украшений, совокупность доступных для обобщения материалов указывает на типологическую близость этих видов украшений по главным признакам: форме, функциональному назначению, набору материалов, применяемых для составления узоров, композиции рисунка. Нагрудные украшения были известны на территории значительно более обширной, чем Волго-Уральский регион, — в Казахстане, Каракалпакии, на Северном Кавказе и т.д. Однако по приведенным выше признакам нагрудники финно-угорских и тюркских женщин Волго-Уральского региона образуют определенную общность или ареал взаимозависимого развития одного из компонентов женского костюмного комплекса в многоэтнической среде.

О происхождении нагрудников Волго-Уральских народов высказывались разные гипотезы. Возводили истоки этих украшений к скифо-сарматскому миру, древнетюркским племенам Средней Азии и Казахстана, к Волжской Булгарии. Каждая из этих гипотез, очевидно, имеет определенные исторические основания. В то же время специфическая для региона выразительность Волго-Уральских нагрудных украшений, отмеченная общность в признаках, большая роль монет в их украшении дают основание заключить, что полное развитие и расцвет эти виды украшений могли получить в условиях подъема торговли и обмена, оживления торговых путей на восток, откуда поступали на Волжский рынок раковины-каури, кораллы, монеты. Следовательно, общность в этом компоненте народной культуры формировалась в эпоху расцвета Булгарского государства (XI — начало XIII в.), когда в орбиту волжско-булгарской торговли и культуры были втянуты как тюркские, так и финно-угорские этносы региона. В последующие столетия Волга, даже в периоды политических катаклизмов, оставалась широкой торговой дорогой. В золотоордынский и казанский периоды торговли, обмена, войны открывали путь к накоплению богатства. Как и раньше в социально дифференцированных обществах, это богатство в значительной степени концентрировалось в женских украшениях — в богатых головных

уборах, нагрудниках и т. д. После присоединения к России Среднее Поволжье с его традиционными Нижегородским и Казанским рынками складывалось в экономический район, который, с одной стороны, базировался, как и в предшествующие столетия, на транзитной волжской торговле, с другой — на постепенно, но постоянно растущем вовлечении в товарный оборот, в торговлю и обмен местных ресурсов коренных народов³⁰⁰. В торгово-экономические связи включались прежде всего территории и народы Волжско-Камско-Вятско-Бельского бассейна. В периоды, когда речные пути играли важную, часто первенствующую роль в хозяйственно-экономических связях, народы, территории которых находились на одних и тех же речных путях, неизбежно втягивались в общую торговую систему. Такова, на наш взгляд, экономическая основа культурного взаимодействия, следствием которого были общие пути формирования тюркских и финно-угорских головных уборов и нагрудников, которые одновременно являлись женскими украшениями и символами богатства семьи. Таких образов в женских костюмах комплексах отложились древние, средневековые и более поздние черты в формировании общности культуры финно-угорских и тюркских народов ИЗО.

Народное творчество: общие черты и самобытность

Сферы народного искусства, духовной культуры, семейного быта народов ИЗО еще более самобытны. Обобщая сравнительно-исторических изысканий по этим проблемам пока мало. Однако исследователи культуры тех или иных народов региона постоянно подчеркивают высокую сопоставимость, по существу, всех сфер прикладного искусства и духовной культуры финно-угорских и тюркских этносов. "В народном искусстве южных удмуртов, — пишет, например, Н. С. Королева, — имея в виду вышивку, узорное ткачество, женский костюм, интерьер жилища и искусство резьбы по дереву, — больше общих черт с искусством башкир и татар, нежели родственных им финно-угорских народов"³⁰¹. В данном случае речь идет о результатах взаимодействия в течение длительного времени (XVII—XX вв.) этнических образований, находившихся и находящихся в тесных контактах. Однако обнаруживается немало культурных параллелей у народов и их подразделений, которые в обозримые для письменных источников столетия непосредственно не контактировали. Привлекает, например, внимание поразительное сходство резных ковшей — черпаков для разливания пива у горных нарийцев на Волге и ковшей для разливания кумыса у башкир на Южном Урале. В обоих случаях изящные ковши напоминают силуэт водоплавающих птиц, ручки ковшей завершаются скульптурными фигурами птиц или животных, внешние стенки украшены орнаментом³⁰². Аналогичных силуэтов ковши, так же как одинаковые у башкир и нарийцев мотивы орнаментации разных деревянных изделий, обнаруживаются в прикладном искусстве чувашей и удмуртов.

В 1960-е годы стали появляться исследования, посвященные взаимосвязям и взаимодействию финно-угорских и тюркских народов ИЗО в области фольклора. И Н. Надилов, изучивший огромный материал по песенному фольклору народов региона, приходит к выводу о том, что "виды и жанры песенной поэзии" татар, башкир, чувашей, нарийцев, удмуртов "в своих основных формах совпадают"³⁰³. Эту общность исследователи объясняют "длительными историческими контактами народов Поволжья и Приуралья", которые привели "к типологической структурной близости их песенного фольклора"³⁰⁴.

И. Н. Надилов, тесно связывая изучение песенного фольклора с кален-

дарно-обрядовыми и семейно-бытовыми праздниками в Среднем Поволжье и на Южном Урале, обращает внимание на близость, сходность, а то и общность структуры многих обрядов, вpletенных в традиционное исполнение песен, а также связанной с ними терминологии. Воспринятый татарами и башкирами из Средней Азии новогодний праздник по иранскому календарю (науруз-байрам) распространился позже среди других народов региона (сурас у чувашей, нарыс у нарийцев)³⁷¹. Новогодний праздник по юлианскому календарю стал отмечаться в Среднем Поволжье и Приуралье, главным образом среди молодежи, в конце XIX в. Ему посвящались новогодние гадания, игры, песни, которые у татар, башкир, удмуртов и нарийцев получили название "нардуган", у мордвы — "нардава", у чувашей — "нартаван"³⁷². К временам древности восходит общность "весенней обрядности", посвященной приготовлению к весенним работам. Участники обряда (серэн у татар, һөрән у башкир, серен у чуваш, сурен, сурен у удмуртов) стремились "изгнать" из дома, из деревни "злых духов", болезни, чтобы встроить весну здоровью и крепкости³⁷³.

Как видно, и в сферах духовной культуры нашли сложное отражение древние, средневековые и сравнительно недавние процессы взаимодействия народов региона. К аналогичному выводу приходит В. М. Гацак, изучивший межнациональные связи на материалах народной музыки. Коренные черты музыки казанских татар, чувашей, нари, мордвы и других народов края восходят, по заключению исследователя, с одной стороны, к "генетическим связям с аборигенами Волго-Камья", с другой — свидетельствуют о "весомости всего последующего исторического континентирования народов"³⁷⁴.

В сложнейшем переплетении диахронных и синхронно-пространственных связей, в синтезированном характере историко-генетических корней культурогенеза заключается многообразие и самобытность этнических культур народов региона. Эти свойства ярко проявлялись во всех сферах культуры, в том числе в обрядах, связанных с жизненным циклом человека. Исследователи не раз отмечали общность структуры свадьбы тюркских и финно-угорских народов ИЗО, одинаковую последовательность действий во время праздника, сходство многих атрибутов свадебного ритуала³⁷⁵. Это нашло отражение и в проникновении тюркских слов в финно-угорскую терминологию, обозначающую свадебную обрядность. В то же время весь свадебный ритуал (сватовство, свадебный пир — туй, свадебные наряды, переезд невесты в дом жениха и т.д.) у каждого народа ИЗО, а нередко и у их подразделений, оставался глубоко самобытным, в каждом случае неповторимым, красочным, колоритным. Взаимодействие культур и формирование зон сходности или общности в условиях свободных контактов и обмена культурными ценностями не разрушали оригинальности, самобытности этнических культур.

Турко-финно-угорское языковое взаимодействие

Во взаимодействии тюркских и финно-угорских языков определилось доминирующее влияние тюркских языков. По степени влияния тюркских языков финно-угорские языки ИЗО располагаются в следующей последовательности: 1) нарийский, 2) удмуртский, 3) мокша-мордовский, 4) эрзя-мордовский³⁷⁶. Во всех четырех языках фиксируются многочисленные туркизмы (от сотен до тысячи слов и более). Если исходить из того, что масштабы языковой и культурной интерференции находятся в определенном соотношении, то надо признать довольно высокий уровень культурного взаимодействия и тюркского культурного проникновения. Однако процесс шел при

полном сохранении собственной этничности, традиционной культурно-языковой основы каждый финно-угорский этнос ИЗО. Представляет интерес в этом аспекте структура татарских заимствований в удмуртском языке. Совокупность заимствованных из татарского языка лексем распределяется в удмуртском следующим образом: обозначения "конкретных предметов и явлений материальной культуры", объектов природы — 56,8%, слова, связанные с трудовой и физической деятельностью человека", — 28,1%, понятия, "указывающие на взаимоотношения людей", — 8,6%.³⁷⁷ Эти данные показывают хозяйственно-материальную обусловленность удмуртско-татарского языкового взаимодействия и достаточно отчетливую избирательность этого процесса. Он широко охватил сферу производства и материальной культуры и относительно слабо затронул сферу социально-семейной и духовной жизни.

Тюркские языки региона по степени влияния финно-угорских языков располагались в следующей последовательности: 1) чувашский, 2) татарский, 3) башкирский, при этом "финно-угорские элементы в этих тюркских языках гораздо меньше ожидаемого".³⁷⁸ В то же время языковеды усматривают в тюркских и финно-угорских языках ИЗО наследие, порожденное типологической близостью алтайских и уральских языков, а также, как указывалось, общие языковые явления, которые сложились в результате длительного исторического взаимодействия тюркских и финно-угорских этносов ИЗО. Эти наблюдения, а также данные археологии могут свидетельствовать о том, что наиболее активный период восприятия тюркскими этносами финно-угорских по происхождению компонентов культуры падает на период до XVI в., когда в ходе тюрко-финно-угорского взаимодействия, еще не осложненного мощным влиянием восточнославянского суперстрата, складывались признаки Волго-Уральской историко-культурной области.

В процессе тюрко-финно-угорского языкового взаимодействия сложилась общая лексика финно-угорских и тюркских народов ИЗО. Эта тема в последние два десятилетия привлекла внимание многих языковедов. Наиболее основательными исследованиями стали две книги Р. Г. Ахметьянова. Им представлены этимологии 160 слов, относящихся к духовной культуре, 300 слов — к материальной культуре и общественной организации татар, башкир, чувашей, нордов, нарийцев, удмуртов.³⁷⁹ К лексике духовной культуры отнесены бытующие в языке всех или большинства народов региона термины, отражающие общественную жизнь, мифологию и различные жанры фольклора, народное искусство и образы; к лексике материальной культуры — природно-географическую среду, земледелие, скотоводство, пчеловодство, поселения и жилища и т. д. В целом 460 слов, выбранных Р. Г. Ахметьяновым, из гораздо более обширной совокупности общей лексики, отражают все стороны культуры и быта народов региона. Устанавливая тюркскую основу большинства лексем (древнетюркскую, древнеповолжско-кыпчакскую, булгарскую, чувашскую), исследователь одновременно указывает на древнеиранские, таджикско-персидские, арабо-нусульманские, финно-угорские, русские заимствования.³⁸⁰ Исследования этимологии общих лексем дали автору основание заключить, что "почти все эти слова распространились через татарский или древнетатарский... языки". Заимствования из финно-угорских языков в тюркские количественно незначительны.³⁸¹ На территории Башкирии проникновение тюркских лексем в финно-угорские языки происходило через башкирский язык. В свете основной темы данного исследования интерес представляют выводы Р. Г. Ахметьянова об особенностях развития этнических культур народов региона. Общность лексики народов региона, пишет Р. Г. Ахметьянов, "совокупно с другими языковыми, этнографическими и другими данными позволяет

утверждать, что культура всех этих народов сложилась из двух генетических элементов — тюркского (возможно, тюрко-монгольского) и финно-угорского (у каждого народа в разных пропорциях). Финно-угорский культурный элемент больше представлен у мордвы, тюркский — у башкир. Из финно-угорских народов наибольшей долей тюркской принеси обладают нарийцы, а из тюркских народов наибольшей долей финно-угорской принеси — чувашы³⁸². Эта цитата важна, так как на материалах лексики заключенная в ней мысль вполне перекликается с выводами, сделанными на основе историко-этнографического анализа.

Важно также подчеркнуть, что, по заключению Р. Г. Ахметьянова и других исследователей, большинство общих лексем духовной и материальной культуры в фонетическом и семантическом отношении оформились на территории, где они в нынешней форме функционируют, т. е. в Среднем Поволжье и на Южном Урале³⁸². Это является еще одним доказательством того, что контакты между финно-угорскими и тюркскими народами региона были глубокими и длительными, охватывая древность, средневековье и новое время.

Русское население в процессах взаимодействия

С момента начала этнокультурных контактов с восточнославянскими народами развивается и набирает силу влияние русского культурного суперстрата, к сожалению слабо изученного в конкретно-исторических проявлениях. Это влияние расширяется по мере роста товарного производства, городов, торговли, культуры и образования. Э. Ф. Ишбердин полагает, что "влияние русского языка на лексический состав башкирского языка уходит своими корнями в древнейшие времена"³⁸⁴. Следовательно, культура этносов региона обретает тенденцию стать многосоставной, поликультуральной и действительно, в целом ряде случаев, особенно у некоторых финно-угорских групп населения, успевших приобщиться к татарскому (или башкирскому) языку и культуре, такая ситуация складывается и существует в тех или иных вариантах длительное время. Так, старшее поколение чувашей, мордвы, удмуртов, проживавших издавна в Башкирии, Татарии и прилегающих областях, до настоящего времени наряду с родным владеет и русским, и татарским (башкирским) языками. Однако уже с конца XVIII в. определилась и в XIX — начале XX в. развивалась тенденция постепенного сужения зон финно-угорско-тюркского двуязычия, которое сменялось распространением русского языка и русской культуры как среди финно-угорских, так и тюркских народов края. Статистических данных о масштабах распространения русского языка среди коренных народов ИЗО нет. Судя по наблюдениям современников и документальным источникам, к началу XX в. они были значительными и русский язык достаточно прочно обрел функции языка межнационального общения. Особенно быстро укреплялись позиции русского языка в городах, торговых центрах, охватывали в первую очередь такие сферы социально-бытовой жизни, как административное управление, делопроизводство, торговля, продукция фабрично-заводского производства, наемный труд, личные контакты преимущественно на демократическом, народном уровне³⁸⁵. Но в целом до Октябрьской революции этот процесс в сельских местностях, где обитало абсолютное большинство населения, развивался крайне медленно и противоречиво. Вплоть до рубежа XIX — XX вв. во многих районах региона (Татария, Башкирия и т. д.) влияние русской, татарской или башкирской культуры на финно-угорские и другие этносы проявлялось пренебрежительно в одинаковой степени.

Фактор повсеместного распространения в регионе русского культурного и в той или иной степени языкового влияния необходимо оценивать и в том смысле, что в XVII—XIX вв. Волго-Уральская историко-этнографическая область по совокупности культурной характеристики становится частью более обширной Восточноевропейской историко-культурной провинции. Главным связующим (объединяющим) элементом Волго-Уральской ИЗО с Восточноевропейской провинцией выступает, кроме некоторых индоевропейских этноисторических истоков, мощный суперстрат русской культуры. Нет необходимости специально доказывать то, что усложнение этнического состава населения региона и направлений культурного развития обуславливает еще большую независимость в поведении культурных и языковых границ. С появлением культурных новаций в новую эпоху формируются и новые культурные границы, хотя традиции предшествующей эпохи в распространении многих этнографических элементов культуры сохранялись устойчиво.

Городское население, как отмечено, было преимущественно русским (см. табл. 11). Города были проводниками русского культурного влияния. Исключением на рубеже XIX—XX вв. стали города Казань, где "была сосредоточена самая крупная группа татар-горожан во всем Поволжско-Приуральском регионе"³⁸⁶, а также Оренбург и Уфа со значительным башкиро-татарским населением. Эти города, также будучи очагами русского культурного влияния, являлись одновременно формирующимися центрами национальной — татарской и башкирской — культуры, литературы и профессионального искусства. Особенно в этом смысле была велика роль Казани, которая на рубеже столетий превратилась в крупный экономический и культурный центр не только региона, но и страны в целом.

Расположение русских деревень и расселение русского крестьянства в пределах этнических территорий тюркских и финно-угорских народов формировали не только рассредоточенность, дисперсность в расселении местного населения, но и обуславливали развитие более широких и сквозных этнокультурных контактов, распространение наиболее целесообразных в хозяйственном отношении и совершенных в эстетическом отношении предметов и навыков культуры³⁸⁷. Это были не обязательно атрибуты русской крестьянской культуры. Так, в регионе в XV—XVI вв. сформировались, а позже, в XVII—XIX вв., в силу историко-культурных тенденций, продолжали успешно развиваться традиции казанско-татарского ремесленного производства, ювелирного искусства и т. д.³⁸⁸ Традиции и приемы казанско-татарского ремесленного производства со всем комплексом орнаментации украшений были постепенно освоены русскими мастерами (например, в Рыбьей слободе) и развиты ими в товарное производство. С другой стороны, на формирование казанско-татарских традиций в ремесленном производстве, ювелирном искусстве, кустарных промыслах оказали влияние как русская культура, воздействие которой в XVII—XIX вв. усилилось, так и культурное наследие других тюркских и финно-угорских народов края (в украшениях, орнаментации и т. д.). В этом смысле восточнославянский суперстрат в Волго-Уральской ИЗО усилил, ускорил неэтнические контакты, процесс формирования неэтнических черт в культурах. Однако само это сближение стало возможным благодаря сходу многих элементов культуры, достигнутому в результате культурного взаимодействия в предшествующие эпохи.

Во второй половине XVI—XIX вв. сохранялась и даже усложнилась ситуация множественности культур, когда одновременно функционировали и взаимодействовали (постоянно синтезируя общие элементы) культурные компоненты финно-угорских, тюркских и восточнославянских народов. С начала XIX в., и особенно в пореформенный период, в силу ряда исто-

рических обстоятельств распространение и воздействие казанско-татарской культуры и татарского языка в регионе возрастает. На территории Башкирии с конца XIX в. заметно проявляется влияние башкирского языка и башкирской культуры. Среди части чувашей, а также марийцев, мордвы и удмуртов, особенно в зонах активного соприкосновения с татарами и башкирами, развивается (чувашско-, марийско-, мордовско-, удмуртско-татарское или башкирское) двуязычие, которое, как правило, является предпосылкой активизации культурной интерференции. Если иметь в виду численное соотношение финно-угорского, тюркского и восточнославянского компонентов в составе населения ИЗО, предшествующие исторические и этнокультурные традиции, а также вновь возникшую этническую обстановку, можно сделать заключение о фонировании и развитии со второй половины XVI в. взаимодействия трех генетически разных культур и языков. При этом восточнославянская (преимущественно русская) сельская, а позднее и городская культуры взаимодействуют с культурой всех этносов региона как финно-угорских, так и тюркских.

В то же время масштабы влияния русской культуры, будучи значительными и постоянно возрастающими, все же зависели от ряда факторов. В частности, влияние русской культуры на мусульманские народы края (татар, башкир) в ряде сфер прежде всего духовной культуры, в том числе в сфере языка, сказалось меньше, чем на финно-угорские народы. Однако и в последних случаях, подчеркивая глубину и многосторонность влияния России, русского крестьянства на социальную и культурную жизнь местных народов, надо остерегаться крайних оценок. Все народы Волго-Уральской ИЗО в той или иной степени прореагировали на распространение и повышение активности разных сфер русской культуры, но в то же время все народы ИЗО, как тюркские, так и финно-угорские, сохранили свою культурно-языковую самобытность. Уместно привести выдержку из письма К. Маркса Ф. Зигельсу (12 февраля 1870 г.) в связи с работой В. В. Берви-Флеровского о положении рабочего класса в России: «В специальном разделе, — пишет К. Маркс, — Флеровский показывает, что русификация других национальностей представляет собой чистейшую оптимистическую иллюзию даже на востоке»³⁸⁹.

Первая всероссийская перепись 1897 г. учитывала население по признаку 'родного языка'. Результаты переписи свидетельствуют об абсолютном преобладании и функционировании финно-угорских, тюркских и восточнославянских языков в пределах своих этнических границ (см. табл. 3). Перепись не учитывала знание второго языка. Такой учет показал бы сложное взаимодействие, с одной стороны, внутри тюркских и финно-угорских языков, с другой — взаимодействие между ними и русским языком.

Несколько общих наблюдений

Обобщение накопленного этнографического и историко-культурного материала в масштабах ИЗО — задача будущего, однако уже сейчас видно, что в культурных комплексах ИЗО выделяются пласты, общие для всего региона, общие для финно-угорских народов и чувашей, общие для башкир и татар, общие для отдельных этносов или их составных частей и т. д. Складываются, таким образом, границы ареальные, этнолингвистические, профессиональные, этнические, локально-территориальные. Иерархия этих границ образовывала сложную систему, отражающую историко-культурные процессы в ИЗО в древности, средневековье и в новое время. Для рассмотрения времени трудно, точнее, пока невозможно установить преобладающее значение тех или иных границ. Можно, конечно, зафиксиро-

ровать развитие и укрепление в XVII—XIX вв. общепареальных культурных явлений, возникших на основе исторического взаимодействия культур финно-угорских и тюркских этносов региона, а также на основе распространения русской крестьянской и городской культуры. Подчеркнуть последнее обстоятельство особенно важно, так как при взаимодействии этносов, принадлежащих к двум этнолингвистическим общностям (финно-угорской и тюркской), языковые и культурные границы при всей сложности их соотношения коррелировались с этническими границами довольно прозрачно.

С появлением мощного восточнославянского этнокультурного фактора такая корреляция постепенно приглушается или становится исторически сложившимся фоном для активно складывающихся общепареальных явлений. С другой стороны, существующие культурные и языковые границы дополняются новыми, в том числе конфессиональными (в процессе христианизации), локально-территориальными (в процессе образования этнографических групп и их подразделений). При любом подходе было бы неверно пытаться установить завершенность формирования языковых, и особенно культурных, границ и тем более их жесткую взаимозависимость. Мы можем лишь зафиксировать их очертания на определенный исторический период и принять тезис об их постоянном развитии. Изменчивость языковых и культурных границ хотя и взаимосвязана, но развивается, подчиняясь специфическим для каждого случая факторам и причинам. В целом же ареальные этнокультурные, этнолингвистические, конфессиональные и другие границы одновременно и взаимосвязаны и самостоятельны. Это выражается в том, что они коррелируются с различной степенью плотности от относительного совпадения многих параметров в языковых, культурных и конфессиональных границах (например, у татар, башкир, мишарей) до полной их независимости (например, общие с татарами и башкирами культурные явления у чувашей, нördы, нарийцев, удмуртов при языковых и конфессиональных различиях). И в тех, и в других случаях иерархию хозяйственно-культурных, языковых, конфессиональных границ надо рассматривать как постоянно развивающийся живой процесс, отражающий всю сложность и определенное единство истории и истории культуры этносов Волго-Уральского региона.

Процессы и механизмы взаимосвязей, взаимодействия и взаимообогащения культур развивались по законам диалектики. Этноты и их культуры, входя в контакты и взаимосвязи между собой, взаимно воспринимали те или иные культурные достижения. Осваивая их в соответствии со своими культурными традициями и образом жизни, этноты органически вплетали новации в ткань собственной национальной культуры. В этом и заключается содержание процесса развития, укрепления культуры этноса, обогащения всех ее компонентов, эволюции этнической культуры в культуру национальную. Одновременно это был процесс складывания элементов неэтнической культуры. Структура и интенсивность ее функционирования в регионе и в отдельных его областях обретали специфичный характер в зависимости от потенциала культур взаимодействующих этносов, а также от других, прежде всего социально-политических, факторов.

Диалектика процессов культурного развития в многоэтнической среде вызвала к жизни явление, которое этнографы называют состоянием би- или поликультуральности. С точки зрения теории этнических процессов, это состояние в регионах межэтнических контактов скорее закономерность, чем исключение, и оно может быть неопределенно длительным. Состояние бикультуральности, как упоминалось, могло сохраняться даже при смене языка, показывая тем самым, что этническая культура может обнаруживать

необыкновенную устойчивость в зонах интенсивно протекающих этнических процессов и выступать главным фактором устойчивого и длительного сохранения этнического самосознания. Именно таковой была в ИЗО этническая ситуация в условиях продолжительного тюрко-финно-угорского этнокультурного взаимодействия.

С точки зрения логики исторического развития бикультуральное состояние контактирующих этносов должно было вести или к культурному синтезу при сохранении собственной этничности, или к культурной, следовательно, в конечном итоге и к этнической ассимиляции этноса или части этноса. В диапазоне XVII—XIX вв. в Волго-Уральской ИЗО обнаруживаются примеры обоим вариантам развития. Доминирование того или иного пути культурного развития главным образом находилось в зависимости от интенсивности действия социально-политических факторов. В XVI в., а также в XVIII—XIX вв. достаточно отчетливо прослеживается влияние в регионе на финно-угорское население и чувашей особенно на их маргинальные группы, татарской или башкирской культуры.

Тюрко-финно-угорское этнокультурное взаимодействие было осложнено, а в ряде районов замедлено или вовсе прервано восточнославянской колонизацией. Культурные процессы дополняются новым фактором, влияние которого постоянно возрастает. Волго-Уральский регион пережил малоизученный период относительной гармонии поликультурального состояния прежде чем к середине и особенно ко второй половине XIX в. культурное воздействие русской крестьянской и городской культуры не стало во всем регионе существенным, а в потенции (в XX в.) доминирующим. Сильными факторами, ускоряющими или замедляющими этот процесс, были конфессии — христианская или мусульманская, которые сами по себе формировали и стабилизировали обобщенные границы этнокультурной дифференциации. Официальная политика царизма, несмотря на периодические изменения форм и методов ее проведения была направлена не только на полную политическую и экономическую интеграцию региона в составе России, что, по существу, было уже реализовано в течение XVII—XVIII вв. но и на культурно-языковую и духовную ассимиляцию народов ИЗО. Спротивление именно этой социально-политической ориентации и нацеленности политики царизма лежало в основе упорной борьбы, многочисленных крестьянских войн (национальных и многонациональных по составу), которые составляют важнейший аспект политической истории региона со второй половины XVI до начала XX в.

Будущие исследования процессов и закономерностей развития этнических и национальных культур в XX в. должны опираться на полученные применительно к XIX в. историко-демографические и историко-географические результаты (что естественно, имеет в виду дальнейшую разработку и уточнение этих данных по мере накопления источников). В равной мере, в возможной полноте целесообразно принять во внимание этнокультурные результаты и последствия колонизационного движения, которые усложнялись от этапа к этапу, различались в западной, центральной и восточной частях региона, но в то же время приобрели общие черты, свойственные для региона активных контактов и культурно-языковых процессов взаимодействия. Они, эти черты, нашли выражение, с одной стороны, в формировании интегрированного общерегионального слоя культуры, представленного в той или иной степени в различных сферах (материальной, духовной, семейно-бытовой, профессиональной) культуры всех народов региона, с другой — в сохранении и в дальнейшем развитии традиционных комплексов этнических культур в становлении профессиональных форм национальной культуры каждого народа. В этом заключалась диалектика развития культур в многоэтнической среде.

- ¹ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территории. Казань. 1975 С.196—197; Мухамедиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983. С.24—61.
- ² Корнилов Г.Е. Первые статьи этимологического "Словаря собственных имен Поволжья и сопредельных территорий" // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1973. С.21—22; Хисметдинова Ф.Г. К ареальной характеристике названий с булгарскими чертами в топонимии Башкирии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы. Уфа, 1985. С.175—176 (приводится сведения о 200 топонимах булгарского происхождения в западной и северо-восточной Башкирии).
- ³ Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М. Этноним тархан у башкир, чувашей, венгров и болгар // Ономастика Поволжья. Саратов. 1976. Вып.4. С.13—15; Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V—KV вв. и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чувашы. Чебоксары, 1984. С.17—21
- ⁴ Хасеянов Ф. Буяттар тауышы. Өфө, 1984. С.11—43.
- ⁵ Мордаев: Историко-этнографические очерки. Саратов, 1981. С.51—52
- ⁶ Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русских племен. Пг., 1918. С.34.
- ⁷ Циркин А. Русско-мордовские отношения в X—XIII вв. Саратов, 1968. С.28—29, 31 36, 40
- ⁸ Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА М. 1952 N 28. С.155.
- ⁹ Циркин А. Русско-мордовские отношения... С.39—40
- ¹⁰ См.: Мордаев: Историко-этнографические очерки. С.51—52
- ¹¹ Циркин А. Русско-мордовские отношения... С.20, 40.
- ¹² Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры М., 1987. С.35.
- ¹³ Очерки истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1965. Ч.1. С.52—53, 60—62; Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С.238, 262—263, 287 и др.
- ¹⁴ Этнография восточных славян... С.60.
- ¹⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1959 Т.1 Кн.1 С.62
- ¹⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. М. 1956. Т.1. С.294.
- ¹⁷ Там же. С.296.
- ¹⁸ Городцов В.А. Древнее поселение Рязанской области. М., 1909. С.5—6.
- ¹⁹ Обзор литературы см.: Циркин А. Русско-мордовские отношения. С.45—48
- ²⁰ Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории... С.142.
- ²¹ Там же. С.143—144
- ²² Там же. С.155.
- ²³ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С.65.
- ²⁴ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды СПб. 1884 Т.1 С.235
- ²⁵ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда... С.61, 66.
- ²⁶ История Татарской АССР: С древнейших времен до наших дней. Казань 1968. С.66—67. "Казанские татары, — говорится в этом задании, — сложились на базе тюркоязычного населения Волжской Булгарии, в то время как "в этническом оформлении" астраханских, сибирских, крымских и литовских татар "важное участие приняли золотоордынские ханства — татары". С.69—70.
- ²⁷ Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (На рубеже XIV—XV вв.) М. 1975 С.27 270 Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XV вв. М., 1985. С.170—201
- ²⁸⁻²⁹ Смирнов А.П. Волжские булгары. М., 1951. С.54
- ³⁰ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... С.236.
- ³¹ Егоров В.Л. Историческая география... С.53.
- ³² Там же. С.54.
- ³³ Там же. С.53—54
- ³⁴ Там же. С.54.
- ³⁵ Там же. С.65
- ³⁶ Зарипов Н. "Изучай менен Морадым" эпосына карата (Эпосты о Ярауе тарихынан) // Азатл. 1989 N 1 С.16—17
- ³⁷ Хасеянов Ф. Буяттар тауышы. Өфө, 1984. С.44—67; Татар әдәбияты тарихы. Казань 1984. Т.1 С.158—169.
- ³⁸ См.: Сафаргалеев М.Г. Распад Золотой Орды. Саратов. 1960. С.201—221
- ³⁹ Егоров В.Л. Историческая география... С.229.
- ⁴⁰ Юсупов Г.В. Звездение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960 С.22
- ⁴¹ Усманов М.А. Татарские исторические источники в XVII—XVIII вв. Казань 1981 С.174—175 177 193 и др
- ⁴² Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960. С.27—34.
- ⁴³ Сафаргалеев М.Г. Распад Золотой Орды С.226
- ⁴⁴ Там же. С.228.
- ⁴⁵ Там же. С.229.

- ⁴⁵ Там же. С.230.
- ⁴⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке Л. 1937 С.169-170-173
- ⁴⁷ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С.230.
- ⁴⁸ Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург 1896 С.69
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. С. 3
- ⁵¹ Перетяткович Г. Поволжье в XVII–начале XVIII в.: Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882. С.252
- ⁵² Гришкин М.В., Владыкин В.Е. Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этнографии удмуртов. Ижевск, 1982. С.12–13.
- ⁵³ Очерки истории СССР (XIV–XV вв.) М. 1953 С.439–459–461 Гришкин М.В. Владыкин В.Е. Письменные источники... С.15.
- ⁵⁴ Кузев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М. 1974 С.337–338
- ⁵⁵ Ключевский В.О. Соч. М., 1957. Т.2. С.113.
- ⁵⁶ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С.249
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Каримуллин А. Татары. Этнос и этноним. Казань, 1988. С.60 и др.
- ⁵⁹ Халиков А.Х. Происхождение татарского народа. Казань, 1987. С.69–75.
- ⁶⁰ Исследования Великого города. М., 1976; Культура Балхара: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М. 1985; Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- ⁶¹ История Татарской АССР. Казань, 1965. С.95–97.
- ⁶² Михайлов Е.П. Золотоордынский и Казанский периоды истории Чувашии по археологическим данным // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары, 1986. С.18.
- ⁶³ Кузев Р.Г. Полевые записи 1953 г. Архив фонд ИИЯЛ БНЦ УрО.
- ⁶⁴ Кузев Р.Г. Башкирские шежере. С.165.
- ⁶⁵ Кузев Р.Г. Полевые записи 1952 г. Архив фонд ИИЯЛ БНЦ УрО.
- ⁶⁶ Михайлов Е.П. Золотоордынский и Казанский периоды... С.19–20
- ⁶⁷ Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. М., 1972. С.16.
- ⁶⁸ Там же. С.18–19.
- ⁶⁹ Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С.131–135.
- ⁷⁰ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С.7–10, 21 и др.
- ⁷¹ В литературе высказаны и другие точки зрения, согласно которым поколение Касимовского княства во главе с царевичем Касимом "было одним из условий "христианского деления" племенного и оседлого князя Василия Темного в 1445 г. (Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С.255).
- ⁷² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн.3, т.5/6. С.308
- ⁷³ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI–начале XVIII в. М., 1972. Гл.1–2; Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984. Гл.2, 4; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. Разд.1; Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. Казань 1966. Гл.2; Этнография восточных славян. Ч.1. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования башкирского населения. М., 1988. Гл.2–4.
- ⁷⁴ Ключевский В.О. Сочинения в десяти томах: Курс русской истории. М., 1987. Т.1. С.30.
- ⁷⁵ Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С.167–179
- ⁷⁶ О формировании политики царского правительства по отношению к народам Среднего Поволжья и Южного Урала или об отдельных аспектах этой политики см.: Соловьев С.М. История России... Т.3. С.472–496; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т.1, гл.3, 4; Чулшинников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские востания XVII и первой половины XVIII вв. // МИБ. М.; Л., 1936. Ч.1. С.23 и др.; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVIII вв.: (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С.11, 43–44, 62–76; Donnelly A. Russian conquest of Bashkiria. 1552–1740: A case study in Imperialism. New Haven; L., 1968. P.139–174; Kappeler A. Russlands Erste Nationalstaaten: Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga Vom 16. bis 19.Jahrhundert. Köln; Wien, 1982. S.327–329.
- ⁷⁷ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье... С.62–67; Кузев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957 Ч.1 С.135–177.
- ⁷⁸ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье... С.65–68; Кузев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. С.133–177
- ⁷⁹ Kappeler A. Russlands Erste... S.244–297. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т.1, ч.1. С.144–145 192 (см. карту); История Татарской АССР. Казань, 1968. С.102, 113.
- ⁸⁰ Назаров В.Д., Рахматуллин М.А. Факторы и формы совместной борьбы народов России в крестьянской войне под предводительством Е.И.Пугачева: (К постановке проблемы) // Народы в Крестьянской войне 1773–1775 гг. Уфа 1977 С.31–47.
- ⁸¹ Казанские истории / Подг. текст, ступ. ст. и примеч. Г.Н.Монсеевой М. Л. 1954 С.174

- ⁸² Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 211; История Татарской АССР. С. 109
- ⁸³ История Татарской АССР. С. 109–110; Donnelly A. Russian conquest... P. 15.
- ⁸⁴ История Татарской АССР. С. 110; Donnelly A. Russian conquest... P. 16.
- ⁸⁵ История Татарской АССР. С. 110–111.
- ⁸⁶ Чулешников А. П. Феодалы и отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // МИБ. Ч. I. С. 26.
- ⁸⁷ Очерки по истории Башкирской АССР. С. 110, 115, 117–122; История Татарской АССР. С. 122–125
- ⁸⁸ Очерки по истории Башкирской АССР. С. 110, 115, 117–122; История Татарской АССР. С. 122–125
- ⁸⁹ Ахмамов И. Г. Башкирское восстание 1704–1711 гг. // Из истории Башкирии. Дореволюционный период. Уфа, 1968. С. 77–92, 95–96, 102–110 и др.
- ⁹⁰ Ахмамов И. Г. Организация Оренбургской экспедиции и начала восстания 1735–1740 гг. // Очерки истории дореволюционной России. Уфа, 1975. Вып. 2. С. 116–127 и др.
- ⁹¹ Чулешников А. П. Феодалы и отношения в Башкирии... С. 60–62
- ⁹² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. I. С. 187–190
- ⁹³ Дмитриев В. Д. Чувашия в эпоху феодализма. XVI – начала XIX в. Чебоксары, 1986 С. 79 81, 86–87
- ⁹⁴ История Казани. Казань. 1988. Кн. I. С. 70–71.
- ⁹⁵ Там же. С. 84–85.
- ⁹⁶ Там же. С. 85.
- ⁹⁷ Дмитриев В. Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 95–96 Кочетков В. Алатырь Кроткий исторический очерк Чебоксары, 1978. С. 11.
- ⁹⁸ Ошанина Е. Н. К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в. // Русское государство в XVII веке М., 1961 С. 53
- ⁹⁹ Там же. С. 52–53
- ¹⁰⁰ Дмитриев В. Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 97–98
- ¹⁰¹ Там же. С. 104, 107.
- ¹⁰² Иофа Л. Е. Города Урала. М. 1951 С. 53 56 61
- ¹⁰³ Там же. С. 53, 65
- ¹⁰⁴ Там же. С. 62.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 60, 80–81
- ¹⁰⁶ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь. С. 22–26
- ¹⁰⁷ Демидова Н. Ф. Древнейший источник по истории города Уфы // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 256–257, Отводная книга по Уфе (1591/92–1629 гг.). Текст. // Там же С. 261–351
- ¹⁰⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 211–212; Ошанина Е. Н. К истории заселения Среднего Поволжья С. 65
- ¹⁰⁹ Народы мира. Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. I. Разд. "Русские". С. 144–146
- ¹¹⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 288 и др.
- ¹¹¹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 13–14; Кузеев Р. Г., Моисеев Н. Н. Об этнических связях тюркских народов севера Евразийских степей в эпоху средневековья и в наше время по данным родополемной этнографии // Башкирские этнонимы. Уфа, 1967. С. 100.
- ¹¹² Сепеев Г. А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (Середина XIX – начало XX в.). Йошкар-Ола, 1975, С. 23–28.
- ¹¹³ Вельяминов-Зернов В. В. Источники для изучения тарханства, пожалованного башкирам русскими государями // Зап. Российской Академии наук. СПб., 1864 Кн. 2. Прилож.
- ¹¹⁴ Бусыгин Е. П. Русское население Среднего Поволжья. Казань, 1966. С. 46–63
- ¹¹⁵ Буханов Р. Г. Закамская черта XVII в. Автореф. дис. канд. ист. наук М. 1981 С. 9
- ¹¹⁶ Там же. С. 14–16.
- ¹¹⁷ Там же. С. 18.
- ¹¹⁸ Там же. С. 11.
- ¹¹⁹ МИБ. Ч. I. С. 82.
- ¹²⁰ Kappeler A. Russlands Erste... S. 322.
- ¹²¹ Бусыгин Е. П. Русское население... С. 57
- ¹²² Там же. С. 59.
- ¹²³ Там же. С. 58.
- ¹²⁴ Kappeler A. Russlands Erste... S. 38.
- ¹²⁵ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С. 47.
- ¹²⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 189, 191, 193, 198 и др.
- ¹²⁷ Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии... С. 81–88
- ¹²⁸ Там же. С. 179.
- ¹²⁹ История Казанской ССР Алья Ата, 1979 Т. 2 Развитие феодальных отношений Образование казанской народ

части в казахском казстве. С.281-298

¹³⁰ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь. С.80

¹³¹ Кузнец Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.241

¹³² История Казахской ССР Т.2. С.295-296 (см. также карту "Казахское казство в XV-XVII вв." по с.289); Полные записки автора в восточных районах Башкирии в 1952, 1953, 1958, 1959 гг. (хранятся в архивном фонде ИИЯЛ БНЦ УрО АН СССР)

¹³³ История Казахской ССР Т.2. С.273-274

¹³⁴ Там же. С.278-280

¹³⁵ Там же. С.292

¹³⁶ Зиятдин И.Я. История Даугавгского казства (1635-1758). М. 1964. С.167

¹³⁷ История Казахской ССР. Т.2. С.288-290; Зиятдин И.Я. История Даугавгского казства. С.135-151, 159-161

168

¹³⁸ Зиятдин И.Я. История Даугавгского казства. С.196-197

¹³⁹ Кузнец Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С.180 Карта 16, 181 Полные записки автора 1952, 1953, 1958, 1959 гг.

¹⁴⁰ Мамбет ырыуның шаһары (текст) // Башкирские шаһере. Филологические исследования и публикации. Уфа, 1985. С.129-134; Фаттумутдинов А. Башкирские шаһере (Краткое археографическое описание) // Там же. С.96

¹⁴¹ Ахмедов Е.П. Древняя и средневековая история Карачаев-Черкессии. М., 1971. С.202

¹⁴² Кузнец Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.486-489

¹⁴³ Кузнец Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. С.180-181 (карта 16); Ахмедов Е.П. Древняя и средневековая история Карачаев-Черкессии. С.201

¹⁴⁴ Ахмедов Е.П. Древняя и средневековая история Карачаев-Черкессии. С.201-202, 270 (карта)

¹⁴⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1. ч.1. С.116

¹⁴⁶ МИБ. Ч.1. С.163.

¹⁴⁷ Donnelly A. Russian conquest. P.24

¹⁴⁸ Полные записки автора 1959 г. Архив фонд ИИЯЛ БНЦ УрО

¹⁴⁹ Кузнец Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. С.180-181. Он же. Происхождение башкирского народа. С.245-246.

¹⁵⁰ Валиев Д.Ж. Исламбашкир Истории провинции в Улукенскую комиссию составленный Базаргулем Юнвеном. Это важный источник изучения общественно-политической мысли // Письменные памятники Башкирии (Историко-филологические исследования). Уфа, 1982. С.136.

¹⁵¹ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607-1636 М. 1959 С.13-15 История Казахской ССР. Алма-Ата, 1979 Т.2. С.288-289

¹⁵² История Казахской ССР. Т.2. С.290.

¹⁵³ Там же. Алма-Ата, 1979. Т.3. С.15-19

¹⁵⁴ Там же. С.19

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. М. 1965. С.98

¹⁵⁷ История Казахской ССР. Т.3. С.21-22

¹⁵⁸ Там же. С.22, 36-37

¹⁵⁹ Там же. С.25, 36-37.

¹⁶⁰ Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1. ч.1. С.199

¹⁶¹ Шалинов И.М. В.Н.Татищев. М., 1987. С.82-88.

¹⁶² История Казахской ССР. Т.3. С.47-48

¹⁶³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1. ч.1. С.143.

¹⁶⁴ Рычков П.И. История Оренбургская. С.16-18, 25-27, 47 и др

¹⁶⁵ Там же. С.27; О судьбе 2518 башкир на Ново-Ишимской линии см. История Казахской ССР Т.3. С.48

¹⁶⁶ МИБ. Ч.1. С.432-433

¹⁶⁷ Там же. С.431-432.

¹⁶⁸ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С.190-192.

¹⁶⁹ Ааманов И.Г. Организация Оренбургской экспедиции. С.101-141; Donnelly A. Russian conquest. P.64-138 В обих работ см. обширную библиографию.

¹⁷⁰ Дополнения к "Истории Оренбургской" П.И.Рычкова // Тр. Оренбургской учен. архивной комиссии. Оренбург 1916. Вып.33. С.105

¹⁷¹ МИБ. М.; Л., 1949. Т.3.С.487 (Юнвеном донесено "... чтобы народ не буйствовал, надолго и не сильно возмущать в Русь и разделять, и от того в Русь людей умножить и бусурманя примут в христианскую веру и потому башкиры будут от них пусты и на такой доброй земле можно народ русских поселить")

- 172 МИБ Т.З. С.492—495 (И.К.Кириллов предлагает например, следующий "способ ко умалению" башкир, если башкирцы и мешеряки "будут в службу наряжены" то "которое время там пробудут, в те жены без плета останутся, а кого убьют, тот и вовсе не возвратится". С.494).
- 173 По подсчетам П.И.Рычкова, с 1735 по 1740 г. "юров башкирцев искоренено" 28 491 человек, в том числе казнено 16 893 человека, отдано "во флот в матросы" или отправлено на хаторгу в Рогерани 236, рождено жен и детей "плутрь Россия" 9 182, разорено 696 башкирских деревень (Рычков П.И. История Оренбургская (1730—1750 гг.). Оренбург 1896 С.56).
- 174 См.: Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С.260.
- 175 И.К.Кириллов предлагал "махометанских духовных", если даже ик "малое дело в няне коснулось тек не щадя наказывать и сылать..." (МИБ. Т.З. С.494).
- 176 Иофа Л.Е. Города Урала. С.168 (см. карту "Города и заводы Урала в начале 80-х гг. XVIII в.), 175—180 Гудков Г.Ф., Гудков З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX веков Уфа, 1985. Ч.1.
- 177 Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т.45: Уфимская губерния, тетр 2. СПб 1904 С.40—41.
- 178 Дмитриев В.Д. История Чувшии: XVIII в. Чувшары, 1959. С.345—353 Мухаметшин Ю.Г. Татары кряшены: Историко-этнографическое исследование. М., 1977 С.15—21; Попов Н.С. Верования марийцев XIX — начала XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С.15—18.
- 179 Мухамедов Р.Г. Татары-мишари. С.24—27; Мордья: Историко-этнографические очерки М., 1981. С.34—35
- 180 Татары Среднего Поволжья и Приуралья С.42—43, 50—51; Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII—XVIII вв. М., 1988. С.127—177, Сепеев Г.Д. Восточные марийцы. С.32—35; Атаманов М.Г. Из истории расселения вершудно-родовых групп удмуртов // Материалы к этногенезу удмуртов. Ижевск 1982. С.93—112
- 181 Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.302—303 и др.
- 182 Иофа Л.Е. Города Урала. С.304—307.
- 183 Бабенко В.Я. Этнические процессы у украинских переселенцев в Башкирии (Конец XIX—XX в.) // Исследование по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С.138—140.
- 184 Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Немцы в Башкирии // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах: Тезисы. Уфа, 1989.
- 185 Рязанов А.Ф. На степе борьбы за степь: Очерк по истории колонизации Новоульяновского района Оренбургского края 1835—1845. Оренбург, 1928. С.8—17
- 186 Шаурунов Ф.А. Башкирская волость во второй половине XVII — первой половине XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989. С.12—16.
- 187 Вятский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в предели его составе до 1758 года. Казань 1887 Т.1 С.119 (разрядка моя — Р.К.).
- 188 Чернавский Н. Оренбургская епархия в ее прошлом и настоящем. Оренбург 1900 С.108
- 189 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.22. С.24.
- 190 Коля А.Ф. По делу о мултанском жертвоприношении // Избр. произведения. М., 1959. Т.1.
- 191 Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колонизальной политики царизма в Татарии. Казань, 1948. С.257—263
- 192 Риттиг А.Ф. Казанская губерния: В 2-х ч. Материалы по этнографии России. Казань, 1870 XIV Прилож.
- 193 Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. Прилож.
- 194 Сидоров П.А. Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII — первой половине XIX вв // УЗ НИИЛИЭ при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1962. Вып.21. С.103—104
- 195 Kappeler A. Russlands Erste... S.5
- 196 Кабузая В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М. 1971 С.5 по I ревизии в России учтено 7 788 927 душ м.п., по X ревизии — 29 633 126 (Там же.).
- 197 Там же. С.6—7
- 198 Там же. С.7—8
- 199 Там же. С.9.
- 200 Там же. С.36.
- 201 Kappeler A. Russlands Erste... S.225—233.
- 202 Кабузая В.М. Изменения в размещении населения. С.36
- 203 Там же.
- 204 Там же. С.36—37
- 205 Там же
- 206 Там же. С.32
- 207 Там же.
- 208 Там же. С.33

- ХВ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984. С.89.
- 209 Корсаков С. Движение православного населения в России с 1804 по 1849 год // Вестник РГО на 1852 год СПб. 1852. Кн.5. С.181–183.
- 210 Кабузан В.М. Изменения в размещении населения... С.34 (Крестьянское население в Оренбургской области составило по I ревизии 0,73%, по III ревизии – 14,8, по X ревизии – 9,27%, т.е. никогда его доли в составе всего населения не было высокой).
- 211 Там же. С.35–36.
- 212 Шадиев Г.К. Сельское население Удмуртии (Историко-этнографический очерк): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1981. С.7–8.
- 213 Кабузан В.М. Изменения в размещении населения. С.31
- 214 Там же. С.15.
- 215 Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начала XX в.). М. 1973. С.104
- 216 Там же. С.103
- 217 Там же. С.141
- 218 Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация... С.37, 39.
- 219 Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. С.63–70; Рахматуллин У.Х. Население Башкирии. С.107–108
- 220 Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация. С.91–92 Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. С.71–72.
- 221 Блинкина А.Я. Латыши в Башкирской АССР // Этноческие процессы в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С.90–94
- 222 Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация. С.61; Кабузан В.М. Изменения в размещении населения. С.52
- 223 Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация... С.61
- 224 Рахматуллин У.Х. Население Башкирии. С.60.
- 225 Кабузан В.М. Изменения в размещении населения... С.54; Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация. С.60
- 226 Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956. С.41–42
- 227 Kappeler A. Russlands Erste... S.419
- 228 Ibid. S.419.
- 229 Ibid. S.420.
- 230 Кузев Р.Г. Численность башкир. С.370
- 231 Там же. С.351.
- 232 Кабузан В.М. Изменения в размещении населения. С.52–57 66 78 90 102 114 126 138 162 174
- 233 Кузев Р.Г. Численность башкир. С.355.
- 234 Иванов А.Г. Этноческий состав населения марийского края в середине XVI – конце XVIII в. Йошкар-Ола, 1986. С.87–88.
- 235 Там же. С.88.
- 236 Шадиев Г.К. Сельское население Удмуртии. С.7–8
- 237 Мордов: Историко-этнографические очерки. С.34.
- 238 Сидоров П.А. Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Изв. УЗ НИИЯЛИЗ. Чебоксары, 1962. Вып. XXI. С.104–105
- 239 Там же. С.115
- 240 Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация... С.48
- 241 Флоринский М.В. Башкирия и башкиры // Вестник Европы. 1874. Кн.12. С.729
- 242 Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии СПб., 1813. Ч.3. С.1–50.
- 243 Kappeler A. Russlands Erste... S.419.
- 244 Там же.
- 245 Рашин А.Г. Население России за 100 лет. С.41
- 246 Кабузан В.М. Изменения в размещении населения. С.13–14
- 247 Рашин А.Г. Население России за 100 лет. С.42.
- 248 Кузев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (К истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // АЭБ. Уфа, 1968. Т.3. С.310–318.
- 249 Дмитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чувашы. Чебоксары, 1984. С.40–43
- 250 Кузев Р.Г. Численность башкир. С.359.
- 251 История Кавказа. Кн.1. С.120–158
- 252 Там же. С.84.
- 253 Там же. С.94.

- 254 Там же. С.97, 120.
- 255 Исхаков Д.М. Татарское население города Казани во второй половине XVI — начале XX в. Этнодемографический обзор // Новое в археологии и этнографии Татарии Казань 1982
- 256 См.: Иофа Л.Е. Города Урала. С.183, 210
- 257 История Уфы. 2-е изд. Уфа, 1984. С.74
- 258 Отдельная глава по Уфе: Текст / Публ. Н.Ф. Демидовой Из истории феодализма и капитализма в Башкирии Уфа, 1971. С.263, 280—283
- 259 Сидоров П.А. Численность, состав и динамика... С.104—105
- 260 Иванов А.Г. Этнический состав населения... С.87.
- 261 Иофа Л.Е. Города Урала. С.244—246
- 262 Там же. С.244.
- 263 Рашин А.Г. Население России за 100 лет С 98
- 264 Там же. С.88, 101.
- 265 Исхаков Д.М. Татарское население города Казани... С.75
- 266 Смыков Ю.И. Некоторые историкоэтнографические и статистические проблемы изучения Среднего Поволжья периода капитализма // Теа. докл. итоговой науч. сес. Казанского ИЯЛИ за 1970 г. Казань, 1971. С.81—83
- 267 Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972. С.129—130.
- 268 Там же. С.130.
- 269 Дмитриев В.Д. Чувашия в конце XVIII — начале XX века. (По материалам генерального межевания) // Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986. С.384—452.
- 270 Шакурова Ф.А. Опыт изучения структуры башкирской общины в первой половине XIX в. // Исследования по исторической этнографии башкир. Уфа, 1984. С.111—112.
- 271 Рахматуллин У.Х. Население Башкирии. С.127—177
- 272 Там же. С.142.
- 273 Kappeler A. Russlands Erste... S.250—251
- 274 Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. С.341—354 История Татарской АССР Казань 1968 С.219
- 275 Кузеев Р.Г. Башкирское шежере. С.41—42.
- 276 Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1, ч.2. С.33—35, 149—156.
- 278 Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1843. Т.ХІХ, N 6890
- 279 МИБ. Ч.1. С.433
- 280 Денисов П.В. Религиозные верования чувашей. Чебоксары, 1959. С.56—71; Кановский Б.В. Докристинский погребальный культ чувашского населения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С.19,22; Попов Н.С. Верования марийцев XIX — начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С.10—15.
- 281 История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С.169, 180—181; История Уфы. Уфа 1981 С.32
- 282 История Урала... С.181
- 283 История Мордовской АССР. Саранск, 1979. Т.1. С.92—93
- 284 Мукамбетши Ю.Г. Татары-крещены. С.15—16.
- 285 Собрание узложение 1649 г.: Текст, комментарий. Л., 1987. С.111.
- 286 См.: История Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. Т.1. С.100—102; История Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1986. Т.1. С.105—106; Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958. Т.1. С.82—84; История Мордовской АССР. Т.1. С.92—94.
- 287 История Мордовской АССР. Т.1. С.93; Очерки по истории Башкирской АССР Т.1 ч.1 С.135—154
- 288 Кузеев Р.Г. Башкирское шежере. С.79.
- 289 Мукамбетши Ю.Г. Татары-крещены. С.17
- 290 Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М. 1940. С.21.
- 291 История Казани. Кн.1. С.128; История Марийской АССР. Т.1. С.105
- 292 История Мордовской АССР. Т.1. С.93.
- 293 Там же. С.95; История Марийской АССР. Т.1 С.105
- 294 Kappeler A. Russlands Erste... S.275—276.
- 295 Денисов В.П. Религиозные верования чувашей. С.239.
- 296 Соловьев С.М. История Российская с древнейших времен. М., 1963. Кн.11, т.21/22. С.256.
- 297 Например, начальник Оренбургской экспедиции, сообщая в Кабинет о столкновении между башкирами и казачками, предлагал: "Никогда не следует допускать их в согласие, а в потребном случае надобно нарочно поднимать их друг на друга и тем смирять" (см.: Соловьев С.М. История Российская... М., 1963 Кн.10, т.19/20. С.586—587).
- 298 МИБ. Ч.1. С.433—434.
- 299 Рычков П.И. История Оренбургская. С.56
- 300 Денисов В.П. Религиозные верования чувашей С.239 242—243 Мукамбетши Ю.Г. Татары-крещены. С.18

- 301 Kappeler A. Russlands Erste... S.386; Денисов В.П. Религиозные верования чувашей С.243
- 302 Kappeler A. Russlands Erste... S.386.
- 303 Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены С.19, 21; Денисов В.П. Религиозные верования чувашей. С.301–363
- 304 См.; Логинков А.В. Этнологические походы в американском религиоведении // Этнология в США и Канаде М. 1989. С.241.
- 305 Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены С.154.
- 306 Рашид А.Г. Население России за 100 лет. С.79; 1 марта равна 1 068 км
- 307 МИБ. Т.3. С.493–494.
- 308 Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. 1904. Т.45. Уфимская губерния, тетр 1
- 309 С.1 1904. Т.28: Оренбургская губерния. С.1.
- 309 Мордовия: Историко-этнографические очерки. С.62–63, 67–68; Чуваши. Ч.1. С.80–89; Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М. 1978. С.190–210; Мухамедша Р.Г. Татары-мишари. С.34, 40–47.
- 310 Чуваша. Ч.1. С.83.
- 311 Бикбулатов Н.В. Системы земледелия башкир в XIX – начале XX в // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М., 1979. С.40–42
- 312 Там же. С.42.
- 313 Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX – начало XX в. М., 1981 С.80 Бикбулатов Н.В. Системы земледелия башкир... С.8–24.
- 314 Халиков Н.А. Земледелие татар... С.56–66; Бикбулатов Н.В. Пахотные орудия башкир в XIX – начале XX в // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. С.47–56.
- 315 Сепеев Г.А. Восточные марийцы. С.65–66; Халиков Н.А. Земледелие татар... С.80 Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956. С.15.
- 316 Воробьев Н.И. Казанские татары. Казань, 1953. С.89–92; Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев. С.17–25; Вилькин В.Е., Христолюбова Л.С. Очерк этнографии удмуртов Ижевск. 1984. С.18–19; Козлова К.И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. С.28–32.
- 317 Воробьев Н.И. Казанские татары. С.87.
- 318 Книга Большому Чертежу. СПб., 1827 // Подг. к печати и ред. К.И. Сербинов. М. Л. 1950 С.139–182
- 319 МИБ. Т.3. С.487
- 320 Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии СПб. 1813 Ч.3 С.3 9 12 (ведл. простые срубы без оков, потолка и пола, крытые корой или дранницей).
- 321 Янгужин Р.З. Земледелие у уральских башкир в первой половине XIX в // Из истории Башкирии. Уфа. 1968 С.167, 173; Мурзаблатов М.В. Скотоводческое хозяйство уральских башкир в XIX – начале XX в // Хозяйство и культура башкир. С.62–63
- 322 См.; Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X – XIX вв. // АЭБ. Уфа, 1968. Т.3. С.284–285
- 323 Янгужин Р.З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989. С.153–162.
- 324 Халиков Н.А. Некоторые особенности хозяйства татарского народа: (Середина XIX – начало XX в.) // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С.81.
- 325 Там же. С.80–81.
- 326 Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1891. Ч.1. С.68.
- 327 Сагдиева С.К. Особенности формирования уральских казаков как этнической группы и их современное положение // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989 С.204.
- 328 Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М., Л., 1955 С.76; Sirolius U.T. Reise zu den ostjaken Helsinki, 1983 S.20–21 24 99–100 111; Муллагулов М.Г. Башкирские лыжи // Этнография Башкирии Уфа, 1976 С.134–135.
- 329 Сепеев Г.А. Восточные марийцы С.93
- 330 Руденко С.И. Башкиры. С.76.
- 331 Hamalainen A. Beitrage zur Geschichte der primitiven Bienenzucht bei den finnisch-ugrischen Volckern // Journal de la Societe Finno Ougrienne. Helsinki, 1933–1935. N XLVII. S.3, 4, 6
- 332 Там же; Сепеев Г.А. Восточные марийцы. С.84
- 333 Hamalainen A. Beitrage zur Geschichte... S.13.
- 334 Руденко С.И. Башкиры. С.96–103.
- 335 Hamalainen A. Beitrage zur Geschichte. S.32–33
- 336 Там же. С.34.
- 337 Там же. С.34–35. Jewsewjev T.I. Bienenzucht bei den Tscheremissen // Journal de la Societe Finno Ougrienne Helsinki, 1974 N 73. S.191–196; Руденко. Башкиры. С.70–71, 96–99.
- 338 Горюнова Е.И. Развитие жилища у мордвы // ТИЭ. М. 1963 Т.86 С.139–146, Татары Среднего Поволжья и

Приуралья. М., 1967. С.90.

- ³³⁹ Козлова К.И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. С.51–55.
- ³⁴⁰ Там же. С.50–59; Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. С.249–253, 255–258; Мухаметшин Ю.Г. Традиционное жилище татар Поволжья и Приуралья // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С.88–90; Шитов С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. М., 1984. С.83–95; Сепеев Г.А. Восточные марийцы. С.135–144.
- ³⁴¹ Мухаметшин Ю.Г. Традиционное жилище татар... С.90–91; Руденко С.И. Башкиры. С.223–251, Мухамедов Р.Г. Татары-мишари. С.70–71; Мордвин. Историко-этнографические очерки. Гл.3
- ³⁴² Шитов С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. С.98–106; Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. С.253–255; Мухаметшин Ю.Г. Традиционное жилище татар ... С.68–69, рис.2; С.76–77, рис.3; С.90–91.
- ³⁴³ Руденко С.И. Башкиры. С.241–242.
- ³⁴⁴ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.106–108; Сепеев Г.А. Восточные марийцы. С.122–126 Козлова К.И. Этнография народов Поволжья. С.62–63; Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. С.212–226.
- ³⁴⁵ Шитов С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. С.215–220.
- ³⁴⁶ Козлова К.И. Этнография народов Поволжья. С.51–54; Сепеев Г.А. Восточные марийцы. С.128–129 Шитов С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. С.136–140.
- ³⁴⁷ Мухамедов Р.Г. Татары-мишари. С.226–227.
- ³⁴⁸ Чуваши: Этнографическое исследование. Чебоксары, 1956. Ч.1, гл.2
- ³⁴⁹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.99–103; Руденко С.И. Башкиры. С.234 Шитов С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. С.149–173
- ³⁵⁰ Сепеев Г.А. Восточные марийцы. С.144–145
- ³⁵¹ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С.180.
- ³⁵² Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960. С.7–63; Крюкова Т.А. Материальное искусство марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956. С.126; Руденко С.И. Башкиры. С.179; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.126–127
- ³⁵³ Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. С.225–226.
- ³⁵⁴ Лукина Н.В. Формирование материальной культуры кантона Томск. 1985. С.148–163–167
- ³⁵⁵ Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. С.180–205.
- ³⁵⁶ Lehtinen J. Naisten korut: Women's jewellery in Central Russia and Western Siberia. Helsinki 1979. P.202–209
- ³⁵⁷ Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. С.143–145, 163.
- ³⁵⁸ Захаров И.В., Ходжаева Р.Д. Голенище уборы казанок (Опыт локальной классификации) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С.221
- ³⁵⁹ Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. С.151–152, 163–170
- ³⁶⁰ Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитов С.Н. Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979. С.169
- ³⁶¹ рис.118
- ³⁶² Корольова Н.С. Общие черты в народном искусстве южных удмуртов и башкир // Науч. сос. по этногенезу башкир. Уфа, 1969. С.127
- ³⁶³ Чуваши. Народное искусство. Чебоксары, 1981. С.58–59, рис.66
- ³⁶⁴ Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. С.251–219.
- ³⁶⁵ Суслова С.В. Женские нагрудники татар Среднего Поволжья и Приуралья как исторический источник // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С.112–113; Шитов С.Н. Народная одежда башкир. С.150–151, 167–182; Чуваши. Ч.1. С.291, рис.127, 320–334; Racz I. Finno-Ugric folk art Helsinki, 1979. Табл.69, 76–90.
- ³⁶⁶ Чуваши. Народное искусство. С.206–227, рис.163–178; Меджитов З. Марийское народное искусство. Йошкар-Ола, 1985. С.35–91, рис.4–35; Мордвин. Народное искусство. Саранск, 1985. С.45–57; Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В. Шитов С.Н. Декоративное творчество... С.53–54; Башкирский костюм. Уфа, 1989.
- ³⁶⁷ Заозерская Е.И. Торги и промыслы гостиницы сотни Среднего Поволжья на рубежи XVII–XVIII вв. // Петр Великий. М.; Л., 1947. С.218, 236–238.
- ³⁶⁸ Корольова Н.С. Общие черты в народном искусстве... С.126.
- ³⁶⁹ Ахметзянова С.А. Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. С.144–147
- ³⁷⁰ Меджитов З. Марийское народное искусство. С.144–147; коллекция марийских ковшей описанного типа хранится в фондах Национального музея Финляндии (г.Хельсинки): 4825: 62, 64, 4826: 11; 4921: 111, 112, 113; 4944: 63, 64 и др.
- ³⁷¹ Надилов И.Н. Взаимосвязи песенного фольклора народов Среднего Поволжья и Приуралья // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань, 1983. С.49
- ³⁷² Там же. С.50.
- ³⁷³ Там же. С.50–51
- ³⁷⁴ Там же

- ³⁷³ Там же. С.51-52.
- ³⁷⁴ Гадаев В.М. О перспективе изучения межнациональных фольклорных общностей и взаимосвязей // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань. 1983. С.5
- ³⁷⁵ Надиров И.Н. Взаимосвязь песенного фольклора. С.51-52
- ³⁷⁶ Ахметьянов Р.Г. К вопросу о взаимовлиянии финно-угорских и тюркских языков // Тез. докл. итоговой науч. сесс. Казанского ИЯЛИ за 1970 г. Казань, 1971. С.37
- ³⁷⁷ Тараханов И.В. Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этноязыку удмуртов. Ижевск, 1982. С.157.
- ³⁷⁸ Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. С.129.
- ³⁷⁹ Там же. С.129; Он же. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989. С.182
- ³⁸⁰ Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры. С.129-130; Он же. Общая лексика материальной культуры. С.181-182.
- ³⁸¹ Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры. С.129. Он же. Общая лексика материальной культуры. С.182
- ³⁸² Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры. С.129-130
- ³⁸³ Там же. С.130.
- ³⁸⁴ Ишбордин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М., 1986. С.129.
- ³⁸⁵ Калмиков Р.Х. Язык башкирских шежере и актов документов XVIII-XIX вв. М., 1990. С.128-137
- ³⁸⁶ Исхаков Д.М. Татарское население города Казани. С.77.
- ³⁸⁷ Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. С.77-78.
- ³⁸⁸ Суслена С.В. Женские украшения казанских татар. С.88-93; Гуляев Ф.Ф. Татарская народная вышивка. Казань. 1980. С.40.
- ³⁸⁹ Марас К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.32. С.363-364

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ ИЗО В XVI — XIX ВВ

Раздел I

ОБЩИЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНА

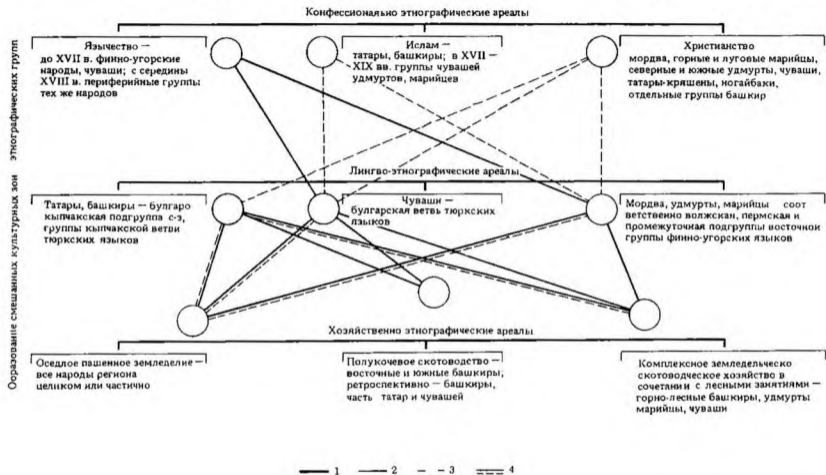
Культурные ареалы и их взаимодействие

Процессы этнической дифференциации и интеграции, будучи главной (и закономерной) тенденцией в регионе во второй половине XVI — XIX в., в то же время постоянно испытывали сложное воздействие обрисованных выше факторов. По мере приближения к XX в. возрастала роль социальных и экономических факторов. Их противоречивое влияние на развитие ИЗО было связано, с одной стороны с нарастающим распространением по всему региону капиталистического уклада, с другой — неслучайными темпами включения местных этнических обществ на путь буржуазной модернизации. Это во многом предопределяло региональное своеобразие движения отдельных этносов в направлении национальной консолидации и всех этносов — к неэтнической интеграции. С точки зрения этнической истории Волго-Уральской историко-этнографической области в масштабе всего II тысячелетия н.э. XVI — XIX вв. явились периодом активизации взаимодействия и новым этапом снесения социально однотипных (преимущественно крестьянских) этнических общностей Среднего Поволжья и Приуралья.

Своеобразие подобных ситуаций заключается в том, что интенсивность неэтнического взаимодействия может находиться в разных соотношениях с интенсивностью внутриэтнических консолидационных процессов и не обязательно пропорционально им соответствовать. В Волго-Уральской области конкретно-историческая обстановка оказалась именно таковой: в условиях протяженных во времени процессов этнической и национальной консолидации неэтнические контакты и взаимодействие между туркскими и финно-угорскими народами региона нередко проявлялись более активно, опережая по интенсивности внутриэтнические процессы. В этих ситуациях более явно проявлялись процессы этнической дифференциации, когда часть того или иного этноса (обычно маргинальная) обретала отличие от основного этноса направление развития. Изменение направления взаимодействия могло завершиться аккультурацией и даже ассимиляцией маргинальной группы в иной этнокультурной среде.

В ходе миграций в ИЗО и образования многочисленных районов смешанного расселения этнические культуры оказывались взаимно проникающими. Это, как упоминалось, ускорило распространение в регионе единого оседло-земледельческо-плужного ХКТ, что, в свою очередь, усилило интегративные тенденции. В различных сферах культуры эти процессы проявлялись по-разному. Историко-этнографические области, по характеристике Ю. В. Броня, "многочисленные" общности, в которых одновременно функционируют "однофакторные" историко-культурные ареалы: лингво-этнографические (системообразующий фактор — язык), конфессионально-этнографические (системообразующий фактор — религия), хозяйственно-культурные (точнее, хозяйственно-этнографические) ареалы (системо-

Таблица 13 Хозяйственно культурные, языковые, конфессиональные связи тюркских и финно угорских народов Волго Уральской ИЗО

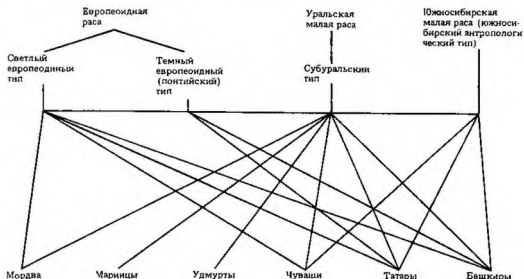

1 — этнокультурные ареалы и их внутренние связи. 2 — традиционные межареальные связи. 3 — межареальные связи образовавшиеся в новое время. 4 — межареальные связи как традиционные так и образовавшиеся для отдельных этносов или их частей в новое время.

образующий фактор — сохраняющиеся наряду с господствующими в данное время ХКТ традиционные формы хозяйства».

Волго-Уральский регион представляет яркий пример историко-этнографической общности, в которой сочетание и взаимодействие однофакторных культурных ареалов, а также исторически сложившихся территориальных культурных очагов имели следствием образование множества переходных культурных зон и смешанных этнографических групп населения. Их существование одновременно указывает на объективность этнодифференцирующих процессов и на реальность живого функционирования единой Волго-Уральской историко-культурной целостности. На представленной схеме (табл. 13)* суннарно показано (на основе изложенных в предыдущих главах

Таблица 14 Распределение антропологические компоненты в составе народов Волго-Уральской ИЗО

материалов) сочетание в XVII—XIX вв. в ИЗО однофакторных ареалов, их взаимодействие, возможность и вероятность образования на пересечениях их границ этнографических и этнических общностей и групп со смешанной структурой культуры. В свою очередь, сами этносы, представляя определенную целостность, также имели сложную внутреннюю структуру. Они включали в свой состав этнографические группы и их подразделения, культура которых нередко являлась специфическим сочетанием языковых, конфессиональных и хозяйственно-культурных особенностей двух или более

* В табл. 13 не представлены этноантропологические ареалы, которые в этнокультурных процессах XVI — начало XX в. играли заметную роль. По мнению Р.М. Юсупова, раскопание в регионе (табл. 14) завершилось позднее этногенезе, так как необходимо было время для относительного уравнивания антропологических типов в рамках этнических общностей (Юсупов Р.М. Краниологическое изучение башкир // Антропология и популяционная генетика башкир. Уфа. 1987. С. 77—93). В сложном антропологическом составе населения преобладали, как видно из таблицы, смешанные группы, особенно внутри тюркских этносов. Роль в региональных процессах этногенеза каждого из четырех указанных антропологических типов была, естественно, различной как во времени, так и в пространстве. В таблице представлены основные антропологические типы. В формировании башкир, татар и чувашей участвовали также представители понтийского и памиро-ферганского антропологических типов, напоминающие о древних и средневековых связях тюркских этносов региона со Средней Азией и Кавказом.

этносов региона. Эти свойства этнических микроструктур, переходные хозяйственно-культурные, языковые и конфессиональные состояния многих групп и создавали относительное равновесие региона в целом.

Предпосылки для развития традиционных и формирования новых связей создавались взаимодействием однофакторных ареалов территориальных очагов культуры и этносов. Напротив, несмотря на генетические различия лингво-этнографических ареалов региона в результате длительного соприкосновения контактов и взаимодействия тюркских и финно-угорских языков возник зафиксированный языковедами и упомянутый выше Волго-Уральский языковой союз. Аналогичный процесс интеграции но более глубокий происходил в хозяйственно-этнографических ареалах в которых к началу XX в оседлое пашенное земледелие или комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство стали господствовать почти во всем регионе. Даже в такой консервативной сфере как конфессиональная ареалы оказались в новое время взаимно проницаемыми, так как имели место переходы (насильственные или добровольные, но обусловленные социально-экономической и политической ситуацией) из язычества в христианство из язычества или недавно принятого христианства в ислам (особенно в татарских группах) из мусульманства в христианство (татары-кряшены, ногайбаки). Совокупность сложного и специфического сочетания всех факторов регулирующие воздействовала на формирование, развитие трансформацию, интенсивность функционирования этнического, этноконфессионального или этносословного самосознания этносов и этнических групп.

Взаимодействие и тенденции к сближению однотипных ареалов (конфессионально-лингво- и хозяйственно-этнографических) показаны в табл. 13 контурной линией. Между этническими образованиями (этнотопосами и их подразделениями) входящими в те или иные ареалы, существовали трансформированные от прошлого генетические соответствия или традиционные связи, отмеченные в табл. 13 прямыми тонкими линиями. Со второй половины XVI и до начала XX в возникло и получило развитие множество новых связей (обозначены пунктирными линиями). Существовавшие с той или иной интенсивностью традиционные связи дополнились распространением и внедрением в быт всех народов региона новых хозяйственно-культурных комплексов привнесенных из Восточноевропейской историко-культурной провинции (обозначены сочетанием прямых и пунктирных линий). Все это способствовало убыстрению диалектически противоречивых процессов которые одновременно включали образование новых этнографических групп углубление консолидации этносов явления межэтнической интеграции. Эта последняя тенденция вела к более четкому проявлению культурной общности региона. Со второй половины XIX в в отечественной этнографической и географической литературе народы Среднего Поволжья и Приуралья впервые начинают группироваться в некое культурно-географическое единство².

Подразделения этноса

В этнических процессах с точки зрения взаимодействия этносов и их культуры наиболее актуальной сферой исследования являются межэтнические отношения. Опыт изучения этой темы на региональном уровне показывает необходимость установления этнической структуры ИЗО в том виде в каком она складывалась и развивалась в XVI—начале XX в. При этом имеется в виду что этнические и культурные границы обычно не совпадают, однако этническая структура региона всегда отражает происшедшие

или происходившие этнокультурные процессы³. Реконструкция этнической структуры ИЗО установление истоков и природы формирования тех или иных звеньев в иерархии этой структуры необходимы и потому что в гуманитарных дисциплинах этнические и соответственно культурные процессы по традиции рассматриваются преимущественно на уровне этносов (народностей), без должного учета того что в эти процессы вовлекались все звенья этнической иерархии. Распространенным в конкретно-исторических исследованиях является прием согласно которому за основу при ретроспективных построениях берется этническая общность, которая существует и функционирует в момент проведения исследования или отчетливо фиксируется в сравнительно недавнем (обозримом для источников) прошлом. Это позднейшее состояние этноса экстраполируется в изучаемое прошлое те переносится в отдаленную эпоху с теми языковыми и культурными характеристиками которые сложились много столетий спустя. Такой подход снижает возможности исследователя в изучении постоянных, иногда существенных изменений или даже смены культуры. Близка к такому подходу также распространенная тенденция полностью идентифицировать в культурных и языковых отношениях современные этнические общности с однородными образованиями эпохи древности или раннего средневековья (например, булгар татар, башкир и др в X—XII и XIX вв.). С точки зрения изучения процессов этнических явлений подобные предпосылки невозможно считать безупречными. Это особенно очевидно если оцениваются изменения в этнической структуре населения региона в течение длительного времени, например с середины I до середины II тысячелетия н.э., когда в языковых, конфессиональных, культурных системах в Среднем Поволжье и на Южном Урале могли произойти и происходили существенные изменения. В середине I тысячелетия н.э. многие этносы, известные нам десятью столетиями позже, в Среднем Поволжье не существовали, в ряде случаев фиксируются их древние состояния или же те или иные компоненты, включившиеся в этногенез современных народов в последующие столетия. Как видим, пряная идентификация древних и современных этносов, методически неверная с точки зрения этногенетических построений, таит в себе опасность преувеличенного представления о глубокой древности истоков культуры одного этноса по сравнению с другими.

Этнические изменения, происшедшие за значительно более короткий период примерно за три с половиной столетия, с конца XVI до начала XX в. оказались не менее внушительными. За это время исчезли одни, появились другие этнические образования; наряду с традиционно-генетическими сформировались группы на конфессиональной, сословной или смешанной основах; возникли новые города и сложились различные типы расселения сельского населения и т.д. Можно сказать, что в регионе за эти 3,5 столетия образовалась новая этнокультурная ситуация, в ее формировании доминирующей тенденцией оставалось тюрко-финно-угорское взаимодействие, но возрастающее значение в развитии многих сфер культуры приобретал восточнославянский суперстрат. Важным моментом являлось развертывание этих процессов на всех уровнях этнической иерархии. Результаты, отчетливо фиксируемые статистикой и визуальными этнографическими наблюдениями современников, сказались на изменениях этнокультурных признаков народностей, их подразделений, на развитии традиционных и образовании новых общностей и т.д. При этом механизм процессов этнического и культурного развития (как эволюционных, так и трансформационных) непосредственно реализовывался на уровне микро-структур, к которым мы условно относим все формы и виды подразделений этноса (народности) вплоть до нуклеарных (семья).

Следовательно, исходя из задач изучения неэтнических взаимодей-

вий, необходимо увидеть, понять, отчетливо представить иерархию этнической структуры историко-этнографической области в целом, рассмотреть эту иерархическую структуру как подвижную систему, определить субординацию факторов, которые в разное время и при разных исторических ситуациях регулировали интенсивность и скорость этнокультурных процессов. Выяснение этих вопросов применительно к XVI – XIX вв. может быть результативным еще и потому, что изучение наиболее обобщенных для источников столетий предоставляет исследователю достоверные сведения об эволюции этнических структур и следовательно новые возможности для дальнейшего углубления наших знаний в области закономерностей этнических и культурных процессов.

Приняв за основные таксономические единицы три тюркские (татары, башкиры, чуваш) и три финно-угорские (мордва, марий, удмурты) народности, рассмотрим структуру ИЗО ниже этих единиц, т.е. на микроструктурном уровне. Для обозначения подразделений сложившихся народов обладающих в пределах общей характеристики этноса известными культурным и языковым своеобразием в литературе используют значительное разнообразие терминов: субэтнос, этнографическая, периферийная, этническая, географическая, этнотерриториальная, локально-территориальная (или просто локальная) группа, национальная, дисперсная или этнодисперсная группа и др. Нередко одни и те же подразделения этноса обозначаются исследователями (а порой и одним и тем же автором) по-разному (например, о мокше и эрзе можно прочитать, что они самостоятельные этносы, субэтносы, этнографические или этнические группы или общности, о восточных марийцах – этнолингвистическая, этнографическая или этническая группа, о мордве караятах – этнографическая или локальная группа и т.д.⁴). Не избегал терминологического многообразия при обозначении культурно-языковых подразделений башкирского этноса и автор настоящего исследования: в разные годы в зависимости от конкретно-исторического контекста исследования использовались термины "этнографическая группа", "этнотерриториальная группа", "географическая группа"⁵. Разнообразие терминов, обозначающих подразделения этноса особенно отчетливо проявилось в литературе в 1950 – 1970 гг. Оно было реакцией на достижения советских этнографов в выявлении, описании новых этнических образований и в стремлении теоретически осмыслить и обобщить накопленный материал. В этом аспекте возникала ситуация, хотя и создавала трудности в типологической и видовой характеристике реального многообразия этнических общностей, тем не менее она знаменовала и определенный прогресс в изучении проблемы. Особенно полезными оказались исследования этнического состава многонациональных регионов страны, таких как Южная Сибирь, Северный Кавказ, Среднее Поволжье. Развернувшиеся исследования по Волго-Уральскому региону также поставили вопросы, которые раньше не входили в круг непосредственных интересов историков-этнографов. Среди них наиболее актуальными являются темы, связанные с превращением ИЗО во второй половине XVI – XIX в. в регион разнотипного расселения многих национальностей (компактные группы и в иноэтничном окружении, смешанно или чересполосно в одних и тех же районах, дисперсно в общих поселениях и т.д.), с появлением и развитием городов, резким изменением в регионе этнодемографической ситуации с развитием старых и появлением новых этнических образований и т.д. Возникла также тема историко-культурной и хронологической взаимосвязи формирования новых этнических образований, с одной стороны, коренного (финно-угорского и тюркского), с другой – пришлого восточнославянского населения. Как видно, сама логика исследования заставляет усилить акцент на изучении межэтнических отношений на уровнях микроструктур,

которые и представляли собой так называемые контактные группы, осуществляющие внутри себя непосредственные и прямые (face to face — лицом к лицу) культурные связи между индивидуумами

Принимательно к Волго-Уральской ИЗО все многообразие подразделений этносов, сложившихся к рубежу XIX — началу XX в., можно свести к двум основным типам, которые целесообразно именовать "этнографическими" и "этническими" группами (соответственно ЭГ, Этн.Г.). Как ЭГ, так и Этн.Г являются подразделениями (частями, звеньями) соответствующих этносов и в этом качестве обладают в пределах общих свойств этноса определенными культурным и языковым своеобразием. Различает же их такой существенный признак как территория формирования и функционирования. ЭГ складывались на основной этнической территории, будучи органической частью этноса. ЭГ участвовали в процессе его консолидации в более сплоченную общность, в том числе национальную. Этн.Г расселялись и функционировали в отрыве от материнского этноса вне основной этнической территории, в большем или меньшем удалении от нее. Утратив или сильно сократив всевозможные связи с материнским этносом, Этн.Г не участвовали или слабо участвовали в консолидационных процессах этносоциального организма (ЭСО). В то же время Этн.Г, ее члены длительное время сохраняли ощущение принадлежности к материнскому этносу. Другими словами, ЭГ являются частью как соответствующего этника, так и ЭСО, а Этн.Г, являясь частью этника, не всегда входят в ЭСО, который складывается на основной этнической территории на базе материнского этноса и характеризуется наличием других признаков, тем или иным уровнем этнокультурной общности и политической организации.

Как будет показано на конкретно-исторических материалах (см. последующие разделы), пути этнокультурного развития ЭГ и Этн.Г различались, хотя трансформация одного из типов подобных организаций в другой (превращение Этн.Г в ЭГ и наоборот) не исключалась.

ЭГ, как и любые другие формы этнической общности, — категория историческая. Облик ее складывался в течение длительного времени под воздействием обрисованных выше групп факторов: естественно-исторических, социально-исторических и собственно культурных. Особое значение имеют интенсивность и протезность во времени культурных контактов ЭГ с другими частями материнского этноса, с иноэтничными группами, инкорпорация в ее состав пришлого населения и т.д. Соответственно свойственные ЭГ этнокультурные признаки целесообразно для установления относительной хронологии формирования данной группы условно подразделить на генетические (или традиционные) и приобретенные. Условность такого деления определяется хотя бы тем, что применительно к ЭГ рубежа XIX — XX вв. под "генетическими" подразумеваются признаки вообще древнего происхождения или связанные с конкретными родоплеменными образованиями. Под "приобретенными" признаками имеются в виду этнокультурные характеристики, которые сложились сравнительно недавно, преимущественно в новое время, в ходе и в результате взаимодействия и слияния различных "традиционных" культурных комплексов данного этноса, взаимодействия с другими народами и культурами, адаптации к изменившемуся культурно-хозяйственному типу и т.д. В свете отмеченных особенностей в Волго-Уральском регионе выделяется пять видов ЭГ.

Первую разновидность составляют ЭГ, формирование которых уходит истоками в древность или в эпоху средневековья. В их сложении отчетливо просматривается участие родоплеменных образований и значительная роль генетических (или традиционных) компонентов культуры. Эту разновидность ЭГ можно назвать генетической, имея в виду, что в большинстве своем их окончательное сложение по времени совпадает с

ключевыми этапами этногенеза соответствующих этносов. Вторую разновидность ЭГ (смешанные внутриэтнические) представляют образования, сформировавшиеся в результате смешения двух или многих составных частей одного и того же этноса. Третью разновидность образуют ЭГ, которые сложились в ходе взаимодействия и смешения групп населения, относящихся к разным этносам. Такие ЭГ можно называть смешанными межэтническими. Следует различать смешанные межэтнические ЭГ между родственными и неродственными народами. Смешанные межэтнические ЭГ по объективным показателям и на определенном этапе развития не всегда однозначно можно отнести к тем или иным этносам. В таких ситуациях, очевидно, основным критерием остается этническое самосознание, самоощущение, формирование или устойчивость которого также зависит от ряда факторов. Четвертой разновидностью являются этноконфессиональные ЭГ, образовавшиеся в XVI—XVIII вв. в результате насильственного крещения или добровольного (естественно, социально обусловленного) перехода в христианство местных народов ИЗО. Христианизация с той или иной глубиной коснулась всех финно-угорских народов региона, а также в разной степени чувашей, татар и башкир. Однако в составе удмуртов, мордвы, марийцев, чувашей и башкир не образовались группы, в культуре которых конфессиональный фактор занял бы доминирующую роль. Такая ЭГ сложилась у татар (скряшены). Пятой разновидностью ЭГ в Волго-Уральском регионе являются этносословные ЭГ, образовавшиеся в русле социально-политической системы царской России.

Закономерности развития этнографических и этнических групп в различных этнических средах (с учетом воздействия указанных групп факторов), а также роль подразделений этноса в общей иерархии этнических структур будут рассмотрены в завершающих разделах настоящей главы на фоне представленного ниже конкретно-этнографического материала.

Раздел 2

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

Генетические ЭГ у финно-угорских народов

В составе мордвы генетически являются ЭГ эрзи и мокши. Ранние письменные упоминания о мордве-эрзе и мордве-мокше относятся к первой половине II тысячелетия н.э. В формировании ЭГ эрзи и мокши "большую роль сыграла удаленность друг от друга древнемордовских племен Окско-Сурского междуречья", где складывалась эрзя, и "более южных" земель "по верховьям Суры и Мокши, где консолидировалась мокша". С этим же связываются и этнографические различия двух мордовских групп, некогда формировавшихся, очевидно, как единая мордовская общность. Включение, например, в состав эрзи нуromы наложило своеобразие на этнографическую характеристику эрзянского костюма.

В течение XIII—XVI вв. территория расселения эрзи и мокши изменилась. В XIII—XIV вв. южная мордва (мокша), спасаясь от монголо-татарских походов, сдвинулась к северу. На покинутых землях образовалось обширное дикое поле, которое сначала (в XIV—XV вв.) было во власти двигавшихся с юга и юго-запада, из Приазовья и Придонья, кыпчакских и кыпчакизированных племен, а позднее, особенно со второй половины XVI в., на эти вновь освободившиеся земли стали возвращаться эрзянские и мокшанские группы, переселялись татары-мишари. На северных и западных пределах расселения мордвы рано появились русские землепашцы,

бортники, охотники, а с XVI в. через Нижний Новгород по близлежащим к Волге путям на восток устремился поток русских переселенцев. Мордва-эрзя частично была ассимилирована среди русских (завершение этого процесса на разных стадиях мы застаем в XVII—XIX вв.), а в основной массе оттеснена на юго-восток, из района Арзамаса в район Алатыря, поближе к чувашам и к их этнической территории¹⁰. С этого времени начался также отлив мордвы-мокши от правобережья Оки к востоку и югу. С XVI в. русское крестьянское продвижение переросло в захваты безлесных участков на правобережье р. Оки помещиками и монастырями. Границы их владений стали приближаться к Тенникову, Шацку, Кадону. Мордва-мокша сдвинулась на восток, сконцентрировавшись в верховьях Мокши и Суры, однако часть мордвы-мокши ушла дальше на юг. Сили "возвратилась" на прежние охотничьи и бортные угодья. Там она образствовала мокшанские очаги расселения на реках донского бассейна — Ворона и Хопер, где соответственно появились Чембарская и Балашевская подгруппы мордвы-мокши (рис. 13, табл. 15).

Таким образом в XVI в. в основных очертаниях складывается та этническая территория и этнографическая структура мордвы-эрзя и мордвы-мокши, которая сохранялась на протяжении всего нового времени. По сравнению с историческими, коренными районами формирования мордва-эрзя окончательно стабилизировала свою этническую территорию, сдвинувшись на юго-восток. К этому периоду, видимо, окончательно оформились мордовско-мокшанский и мордовско-эрзянский диалекты и говоры.

Из состава мордвы-мокши, которая в основной массе оставалась на юго-западной части исторической территории мордвы, две упомянутые группы расселились на юге, на реках Ворона и Хопер. Еще одна группа была переселена в XV в. казанскими феодалами на территорию ханства, где образовались мокшанские деревни мордвы-каратаев на правобережье Волги, напротив устья Камы¹¹. В литературе эту группу иногда называют тетюшкой мордвой по названию уезда в Казанской губернии, где они расселялись. Каратаи в источниках упоминаются с XVII в., в XVIII в. их описал П. И. Рычков. Уже тогда каратаи говорили на татарском языке, восприняли многие элементы татарской культуры, хотя сохранили мордовское самосознание¹².

В составе нарийцев генетически являются горные (курык нари), луговые или лесные (кожла или ольж нари) и северо-западные (санчурояранские), которые "сложились задолго до взятия Казани". В культуре и диалектах горных и луговых нарийцев "угадываются особые плененные группировки"¹³. Несмотря на глубокие корни, состав и этнические территории основных ЭГ нарийцев в современных очертаниях складывались лишь в XVI в. и позднее. Еще в середине XIX в. русские столкнулись в нарийском крае с пестрой картиной "земляческого разнуживания коренного населения"¹⁴. Горные нарийцы занимали компактную территорию на волжском правобережье (нагорная часть горных нарийцев) и прилегающее с севера Ветлужско-Руткинское междуречье (ветлужская часть горных нарийцев). До прихода чуваш нарийцы на Правобережье занимали более обширную территорию. Частью они смешались с пришлыми чувашами, которые, ассимилировав горных нарийцев, сформировались здесь в современный чувашский этнос с обновленной и близкой к горным нарийцам материальной культурой. Другая часть нагорных нарийцев испытала сильное влияние чувашей. Ветлужско-руткинские нарийцы находились в тесном взаимодействии с русским населением¹⁵.

Обширным было расселение нарийцев в бассейне Ветлуги, особенно в среднем и нижнем его течении, где нарийские поселения и промысловые угодия к западу от Ветлуги встречались, как считают исследователи, по

всему Волго-Ветлужскому междуречью¹⁶. К XVI в. нарийцы занетно сдвинулись к востоку и северу; в междуречье Ветлуги и Вятки сформировалась основная этническая территория нарийского этноса. При этом крайне западные и северо-западные группы нарийцев оказались в окружении русских поселений. Будучи оторванными от основного массива нарийского этноса к востоку от Ветлуги, они, видимо, уже в XVI в. активно воспринимали русскую речь и русскую культуру, хотя ассимиляция их в русской этнической среде завершилась позднее. Часть горных нарийцев из низовьев Вятки переселилась к северу, где в верховьях рек Большая Кокшага и Ярань (Вятского бассейна), смешавшись с луговыми нарийцами, образовали "промежточную" северо-западную (или санчуро-яранскую) ЭГ нарийского этноса. По данным 1870 г., в Яранском уезде Вятской губернии, где эта группа проживала, было 218 нарийских селений с населением 36 тыс. человек¹⁷. Наречие северо-западных нарийцев включает 5 говоров: Стойшаевский, яраньский, санчурский, кихнурский и шарангский), которые, "хотя и отличаются от горного наречия, но стоят к нему ближе"¹⁸.

Луговые нарийцы к XVI в. занимали обширную территорию от Ветлуги до Казанки — притока Волги, где они вошли в тесные контакты с казанскими татарами. Среди луговых нарийцев "издавна существовало земляческое разижевание". К И. Козлова выделяет в их составе три земляческих образования: йоткар-олинское, илетское и норкинское, которые характеризуются единым хозяйственно-бытовым укладом, говорят на одном, "луговон" наречии, но имеют "локальные различия в некоторых этнографических явлениях, например в одежде", а также в говорах¹⁹. Юго-восточная часть луговых нарий (норкинская группа) вошла в тесное соприкосновение с татарами — "выходцами из-под Казани", которые поселились здесь после присоединения края к России. Исследователи отмечают занетное "языковое и культурно-хозяйственное влияние" татар на нарийцев, живущих с ними в одних поселениях или являющихся их "ближайшими соседями"²⁰.

Такой образон, в XVI в. этническая территория основной массы нарийцев и их этнографических и земляческих групп формируется в междуречье Ветлуги, Вятки и Казанки. По сравнению с исторически коренными районами формирования, нарийцы освоили современную этническую территорию в результате переселений и миграционных сдвигов к северу и на восток.

Удмурты задолго до XVI в. включали в свой состав две основные генетические группы — северную (ватка) и южную (калнез)²¹. Северные удмурты издавна входили в состав "Вятской земли", которая сложилась по мере заселения края русскими крестьянами-переселенцами. Русское население на Вятке особенно выросло в конце XIV в. за счет сходящих из Нижегородско-Суздальского княжества, бежавших от монголо-татарских походов и разорений. В XV в. Вятская земля вошла в состав владений московских князей, а в 1489 г. произошло окончательное присоединение Вятки к Московскому княжеству²². Уже тогда, в XV в., этнический состав населения Вятской земли был неоднородным: здесь жили русские и удмурты, культура которых стала развиваться под воздействием русского крестьянства. Русское население первоначально концентрировалось по Вятке. Удмурты отсюда постепенно отходили на восток, вверх по течению рек Чепец и Калнез. Поэтому среди северных удмуртов В. Е. Владыкин по культурно-бытовым особенностям выделяет подгруппы "Нижние Ватка" и "Верхние Ватка"²³. Различались они особенностями, в материальной культуре и в говорах, которые складывались по мере миграции северных удмуртов на восток. Однако истоки этих различий более древние. Они восходят к племенной эпохе, когда господствовало деление удмуртов по

родоплеменному принципу Северные удмурты относились "предположительно к древнему племенному объединению Ватка", которое включало 9 родов (или воршудно-родовых образований): апыя, боия, вортча, кушья, ташья, чуйя, удья, уля, эбга²⁴. В южных и других группах удмуртов эти роды не зафиксированы. Но по мере продвижения на восток, северные удмурты расселились чересполосно, а чаще смешанно в одних и тех же поселениях с воршудно-родовыми группами, которые входили в другие племенные объединения. Это роды чабья, чудья, зунья, какся, дурга, пурга и т.д.²⁵ Очевидно, миграции удмуртов во второй половине XVI—XVII вв. привели к сложению территориальных групп удмуртов, которые, однако, еще долго, вплоть до конца XVIII в., а местами и позже, сочетали в себе укрепляющиеся территориально-соседские связи с сохранявшимися воршудно-родовыми.

Деление северных удмуртов на "нижних" и "верхних" (соответственно 'улланьёс' и 'валланьёс', или 'чупчи йльёс' и 'чупчи высьёс') известно уже из источников первой трети XVIII в.²⁶ Это было время массовых передвижений удмуртского населения. Движение шло главным образом из Арской Сили, согласно более поздним источникам, из "Воцкой" (дороги Казанского уезда на север и северо-восток. Здесь мигранты расселялись по среднему течению Вятки и в бассейне р. Чепца, продвигаясь с низовьев в ее верховья. На Чепецко-Канском водоразделе удмурты достигли восточных пределов своей обновленной этнической территории. Исследователи фиксируют на протяжении второй половины XVI—XVIII вв. уменьшение удмуртского населения Арской дороги и его увеличение на Чепце. Большие группы удмуртов поселяются в Каринском стане Слободского уезда. За период с 1678 по 1700 г. (за 22 года) "каринские, чепецкие и верхочепецкие" удмурты было основано 114 новых починок²⁷. В 1744 г. каринских удмуртов числилось 14 982, а в 1764 г. — 19 581 душ н.п.²⁸ В XVIII в. расселение северных удмуртов приняло очертания, близкие к современным.

Такой образ, северные удмурты (ватка) с 40-х годов XVII в. подразделяются на три подгруппы: каринские, чепецкие и верхочепецкие. Однако каринская и чепецкая подгруппы объединялись в нижних, или низовых, удмуртов в составе ЭГ ватка. В этом смысле каринские удмурты — часть, ответвление нижних ватка. Однако в современной историко-этнографической литературе каринских удмуртов включают в число "локальных групп", которые "в силу исторических обстоятельств" оказались отдаленными от "основного этнического материка", под которым имеется в виду территория современной Удмуртии²⁹. Имя "слободских и уинских" "локальная группа" получила по названиям Слободского и Уинского районов Вятской области, в которых удмурты этой группы в основном расселяются в настоящее время³⁰. Очевидно, будущие исследования внесут большую определенность в вопрос о положении слободских и уинских удмуртов в общеудмуртской систематике. На рис. 13 этнического состава ИЗО (см. табл. 15) они обозначены как самостоятельная подгруппа северных удмуртов.

Каринские, нижние и верхние удмурты в XVIII в. включали "доли", которые, по мнению В. Е. Владыкина, представляли "традиционные объединения" типа "земляческих союзов"³¹, наподобие, видимо, тех, которые выделены К. И. Козловой в составе главным образом луговых нарийцев. Судя по очень кратким описаниям, удмуртские "доли" возникли в процессе миграций и были первыми территориальными образованиями удмуртов, шедшими на смену воршудно-родовым организациям.

На территории северных удмуртов расселяются (с границах Удмуртской республики и в Слободском районе Вятской области) ЭГ бесеряны, которые

говорят на удмуртском языке, однако имеют своеобразие как в говоре, так и в культуре, свидетельствующие о тюрко-булгарском компоненте в их этногенезе. В новейшей литературе, как упоминалось, определялись две точки зрения на происхождение бесермян. Многие историки и языковеды, считая бесермян "булгаро-татарами"³², исходят из "общеизвестного" факта, согласно которому "в составе волжских булгар были племена по названию бесермян (диал. почорнан бычурнан)" основная часть которых позднее "вошла в этнический состав казанских татар", а другая часть, "живя среди удмуртов, ассимилировалась, приняла удмуртский язык"³³. По мнению же удмуртских исследователей, бесермяне "имеют общее с удмуртами происхождение, хотя в их этническом оформлении, происшедшем в булгарскую эпоху, не исключено участие какой-то тюркской группы, родственной позднейшим чувашам"³⁴. Для нашей темы важно подчеркнуть два момента: 1) бесермяне сложились в результате взаимодействия и, вероятно, смешения финно-угорских и тюркских групп населения; 2) этот процесс имел место среди южных удмуртов, т.к. в конце XIV в. бесермяне, "судя по Типографской летописи, жили еще в Нижнем Прикамье"³⁵. После окончательного распада Волжской Булгарии, видимо, в конце XIV — начале XV в. подвергнувшиеся булгаризации "южноудмуртские" группы населения оказались на Вятке, где они зафиксированы в источниках под именем "чуваша арская", а с начала XVII в. — "бесермян"³⁶. Прецедент бесермян свидетельствует о том, что задолго до XVI в. в Волго-Вятском междуречье, на территории главным образом Предкамья, шел обширный и глубокий процесс тюрко-финно-угорского взаимодействия, результатом которого могла быть как тюркизация финно-угров, так, видимо, и финно-угризация тюрков³⁷.

В середине XVIII в. наблюдался процесс образования подразделений внутри ЭГ бесермян. Так, каринская часть бесермян, территориально отдаленная от "глазовских", а также от южных бесермян в верховьях Лекмы, обрела тенденцию сложиться в "локальную группу"³⁸.

Южные удмурты, которых ретроспективно идентифицируют с летописными арами ("аряне", "арские люди"), развивались под хозяйственным и культурным влиянием тюркского населения Булгарского государства, позднее — Казанского ханства. Еще в XV—XVI вв. и позднее немало удмуртов расселялись на правобережье Вятки, которое входило в зону формирования удмуртского этноса. По мере увеличения здесь русского населения, продвижения нарийцев, удмурты отходили по вятским притокам на восток, хотя для южных удмуртов "центром тяготения" долгое время оставались Арск, Арская дорога в Заказанье³⁹. После завершения присоединения удмуртских земель к Русскому государству в 1557—1558 гг. южные удмурты окончательно локализируются на территории Вятско-Канского междуречья, главным образом между течением р. Иж на востоке и р. Лунь на западе. Особенно густо южные удмурты заселяли правобережье Ижа, южные притоки Кальнези, бассейны Выла. Это и была этническая территория "пленного объединения" или "племени" калнез⁴⁰. В объединение калнез также входили роды (воруждно-родовые организации), которые не встречались у других групп удмуртов: онга, кибья, бодья, докья, пудга, ножга, котля и др.⁴¹ В то же время с XVIII в. прослеживается деление южных удмуртов на "сотни", во главе которых стояли сотники, или "эльйыр". Однако термин "эль" сот тюрк. "эль", "иль", "нэр", "вил" обозначали в древности "более крупные, чем деревенская община, общественные сочетания у удмуртов"⁴². На этом основании исследователи Удмуртии пришли к выводу, что "сотни" южных удмуртов были в XVII в. "перехитками родовых союзов" или включали в состав эти "перехиточные общности"⁴³.

Главная сущность южноудмуртской "сотни" (так же как и североудмурт-

ской "доли") заключалась, на мой взгляд, в переходном ее характере: от вершудно-родовой структуры организации общества к территориальной. В начале XVIII в южные удмурты были разделены на 6 сотен, которые, включая разное количество деревень и разную численность населения, занимая 'свои' территории, входя во взаимодействие с этническим окружением (преимущественно с русским и татарским)⁴⁴, стали обретать самобытные направления историко-культурного развития, т.е. превращаться в этнографические группы, хотя эти возможности не всегда могли в полной мере реализоваться. Процессу превращения "сотен" в сугубо территориальные сообщества содействовала, очевидно, и царская администрация. Особенно этот процесс активизировался с середины XVIII в., когда царизм энергично переходил от политики использования в своих целях традиционных социальных структур и институтов (от варианта "российского функционализма") к политике создания верного царизму социального слоя у местных народов и новых "своих" административно-политических структур. Именно этот процесс инеит в виду исследователи Удмуртии, когда пишут, что первоначально "выборные представители власти, особенно сотники и старосты долей", были превращены царизмом в послушное орудие ..внеэкономического принуждения" удмуртских крестьян, а с проведением волостной реформы 1797 г "произошло и окончательное превращение выборных представителей крестьянства в придаток бюрократического аппарата дворянского государства"⁴⁵.

Как видно из изложенного, этнографические группы ватка, калмез, бесерия окончательно оформились и расселились на современных этнических территориях позже середины XVI в., по существу в новое время. Однако истоки их этнического становления уходят в глубь веков, поэтому они, согласно нашей систематике, являются "генетическими". По этим же соображениям к числу генетических ЭГ надо отнести и удмуртов, расселявшихся на правобережье Вятки. Собственно в исторической литературе правобережных удмуртов в особую ЭГ не объединяют. Однако языковеды выделяют периферийно-южное наречие удмуртского языка на территории правобережья Нижней Вятки, где "в настоящее время распространены кукнорский и пошнинский диалекты", содержащие "множество архаичных черт"⁴⁶. Иногда правобережных удмуртов называют "кукнорскими и балтасинскими" по названиям двух районов, в которых они в основном проживают⁴⁷. Большинство удмуртских деревень в восточных районах Татарии (особенно в Кукнорском, Манадышском) образовались поздно, в начале XVIII в. Видимо, удмуртские поселения Балтасинского района Татарской, Мари-Турекского района Марийской республик существуют по крайней мере с эпохи средневековья. В целом же удмурты по правобережью нижнего течения Вятки являются потомками древнего удмуртского населения Заказанья, "известного в русских летописях под названием аров", хотя в их формировании приняли участие и обратные миграционные передвижения удмуртов из южной Удмуртии на восток⁴⁸. "Кукнорские и балтасинские" удмурты, длительное время находясь в полиэтнической среде (марийской, татарской, русской), обрели локальные черты в культурно-развитии. Не малая часть правобережных удмуртов в XVIII—XIX вв. ассимилировалась в среде татар⁴⁹.

Генетические ЭГ в составе тюркских народов

Чуваши распадаются на три генетические ЭГ верховых чувашей (свирьял), низовых (санатри) и средненизовых (санат-енчи), которые (прежде всего верховые и низовые) инеит, кроме культурно-бытовых, и языковые

(диалектные) различия. Очевидно, основные группы чувашей — вирьял и анатри — образовались в результате сдвига к северу по Сурско-Свияжскому междуречью и переселения на правобережье Волги булгаро-чувашских групп и этнического их смешения с местным финно-угорским (древненарийским) компонентом чувашского этноса в XIII—XV вв. Позже, в XVI—начале XVII в., на основе совместной жизни и взаимопроникновения чувашей вирьял и анатри сформировалась группа анат-енчи. По мере наплыва чувашского населения из бывшей Волжской Булгарии в обновленном составе оформилась группа анатри. Этноним анатри обрел современное содержание.⁵⁰

Каждая из чувашских ЭГ включала по несколько подгрупп, в характеристике которых, кроме древних генетических черт, заметное значение имело культурное взаимодействие с соседствующими народами или компоненты культуры ассимилированного чувашами местного населения. Верховые чувашы по культуре и языковым заимствованиям имели много общих черт с горными нарийцами. Однако из четырех подгрупп вирьял (сундырская, курмышская, средняя и юго-восточная) особой культурной близостью с горными нарийцами (в частности, в женских костюмных комплексах) характеризуется сундырская подгруппа, занимающая пограничную с горными нарийцами территорию.⁵¹ Формирование других подгрупп чувашей-вирьялов завершилось, очевидно, позднее, так как в материальной культуре (особенно в хозяйстве, промыслах, жилище и т. д.) и в говоре курмышских (или красно-четайских) чувашей явно чувствуется влияние русских крестьян Присурья. Это же проявлялось также у вирьялов средней и юго-восточной подгрупп.⁵²

Средне-низовые чувашы включают три подгруппы. собственно анат-енчи, мал-енчи и козловскую (см. рис. 15). Средне-низовые чувашы говорят на вирьяльском диалекте, однако по культуре, в частности по такому этнопоказательному признаку, как женская одежда, они сближаются с анатри, точнее, с северной ее подгруппой.

Северные анатри, как полагают некоторые исследователи Чувашии, в XIV—XVI вв. входили в состав нынешних средне-низовых чувашей, образуя в совокупности средневековую ЭГ анатри.⁵³ В формировании культуры этой группы в эпоху позднего средневековья доминировали болгарские традиции, в частности болгар, живших на Свияге. Авторы исследования "Чуваши" связывают с болгарской традицией "старинную белую рубашку с расшивкой швов рукавов и с нагрудными вышивками", сохранившуюся на рубеже XIX—XX вв. "в полной мере" как у северных анатри, так и у средне-низовых чувашей. В этом же комплексе к болгарской эпохе могут восходить головные уборы (сурпан, хушу, тухья), а также ожерелья из монет, перевязь, браслеты и т. д., известные вирьялам в трансформированных вариантах.⁵⁴ Примечательно, что именно с комплексом женской одежды чувашей-анатри перекликаются многие элементы женского костюма бесерьянок⁵⁵, которые на обзорном для источников видении территории альных контактов с чувашами-анатри не имели. Если даже приводимые компоненты одежды являются болгарскими сугубо предположительно (постольку, поскольку таковая достоверно не реконструирована), все равно, аналогии в костюмных комплексах чувашей-анатри и бесерьян свидетельствуют о древности как указанных комплексов культуры так и этнографических групп чувашей-анатри и удмуртов-бесерьян.

В состав низовых чувашей, кроме северных анатри, входят степные анатри (силы хирти) и подлесные. Северные анатри — наиболее древняя часть ЭГ. Две последние подгруппы в составе анатри образовались не ранее XVI—XVII вв. в ходе расселения низовых чувашей к югу от р. Кубня. Здесь они вошли в контакты со стороны Волги с казанскими

татарами, со стороны долины Суры — с nordвой, а на лесостепном юге — с мишарями. Одновременно с запада усиливалась миграционная волна русских крестьян-переселенцев. Поэтому формирование культуры и быта хирти сопровождалось заметным влиянием татарского населения, а подлесных чувашей — nordвы и русских.

Среди башкир в конце XIX в выделяется восемь генетических ЭГ: юго-восточная, северо-восточная, караидельско-денская, канско-икская, нижнебельская, тулвинско-нулянская, таныпская, караидельская (см. табл. 15). В Волго-Уральской ИЗО наиболее отчетливо родоплеменная основа генетических ЭГ проявляется у удмуртов и башкир. Применительно к удмуртам этот вопрос обстоятельно разработан, как показано, М.Г. Атанановым. Юго-восточная ЭГ башкир сформировалась на основе консолидации племен бурзян, усерган, юрматы, таньян, тангаур, кыпчак. Северо-восточная ЭГ башкир включала в себя айлинское, катаяское и табынское родоплеменные объединения, каждое из которых состояло из 10—15 племен и родов.³⁷ Следы древних социально-этнических образований прослеживались на рубеже XIX—XX вв. в составе и других народов региона, например, чувашей (юрнет, юркей, тархан), татар (кыпчак, кузгун, торналы, кулсары, турая, нукши, уча).³⁸ Однако сохранились они преимущественно в топонимических и антропонимических названиях, но не в реальных структурах, как у удмуртов и башкир. Однако и у последних ЭГ и их подразделения складывались на территориальной основе, одни и те же родоплеменные образования могли частями включаться в формирование разных групп. Это хорошо прослежено М.Г. Атанановым, который установил, что в процессе переселений XIV—XVII вв. воршудно-родовые группы зумья, ножга, шудья, эгра, тукля и др. приняли участие в сложении как северных (сватка), так и южных (калнез) удмуртов.³⁹ Особенно наглядно видно такое смешение на башкирских материалах, так как у башкир территориальные подгруппы складывались в обозримом для достоверных письменных источников и даже визуальных наблюдений периоде.

На обширной территории юго-восточной ЭГ башкир сложились 4 подгруппы: зауральская, горнолесная, приуральская лесная и приуральская степная (см. табл. 15). При их формировании определяющее значение имели не традиции родоплеменной принадлежности, а специфика хозяйственной деятельности в определенных экологических условиях. Это видно из следующего: на Южном Урале многие башкирские племена и роды расселялись в широтном направлении, занимая территории (сплошь или прерывисто) от Приуралья до Зауралья. Такое расселение башкир отражало специфику истории их расселения, когда они на протяжении XIV—XVI вв. этап за этапом двинулись в восточном направлении до Зауралья, которое они продолжали осваивать, основывая здесь постоянные поселения, вплоть до XVII в.⁴⁰ Территории расселения подгрупп, напротив, расположены в меридиональном направлении, и большинство родоплеменных образований оказалось расчлененным между ними. Объясняется это тем, что на Южном Урале природно-географические условия меняются с запада на восток и с севера на юг: лесная и лесостепная приуральская зоны сменяются горнолесной зоной, переходящей в свою очередь в зауральские и южные степи. Длительная адаптация к разнообразным природным условиям Южного Урала, а также специфика сложившегося к XVII—XVIII вв. этнического окружения и соседства (русских и татар на западе, русских и казахов на востоке и юге региона) обусловили формирование различных вариантов ХКТ, в основе которого вплоть до XIX в. оставалось полукочевое скотоводство. Оно здесь в разных пропорциях сочеталось и переплеталось с земледельческими занятиями, охотой (степной в Зауралье, таежной в горнолесной зоне), бортничеством, лесными промыслами.

В северо-восточной ЭГ башкир выделяются подгруппы горнолесная или центральная (Собединяющая западную часть катаяйских табынских и некоторых других родоплеменных групп), айлинско-караидельская (в которой консолидировались многочисленные племена и роды бассейнов рек Ай и Юрюзань, а также западная часть племени кувакан северная и северо-восточные части катаяйских башкир) и верхнеуральско-уйская (сплотившая восточные табынские, куваканские, катаяйские, айлинские родоплеменные группы). Культурные границы между юго-восточной и северо-восточной ЭГ лабильны; скорее можно вести речь о переходных смешанных зонах нежели о четких границах распространения культурных явлений.

Юго-восточная и северо-восточная ЭГ башкир наиболее крупные. Остальные шесть генетических ЭГ башкир реконструированы на основе исторических и этнографических данных, так как развитие событий в XVII—XIX вв. изменило как территорию их расселения так и этнокультурную характеристику.

К рубежу XV—XVI вв. основу караидельско-демской ЭГ составили племена нин а также кудей и ельдяк, расселившиеся в низовьях р. Уфы и в районе слияния р. Демы с р. Белой³⁴. Позднее эти племена, прежде всего восемь нинских родов, в культурно-историческом отношении во многом связанных с Южной Сибирью и Средней Азией явились основой юго-западной ЭГ башкир.

В канско-икскую ЭГ вошли племена булар, байлар, юрни, родовая группа иректе, переселившаяся в долину р. Ик из горной Башкирии не ранее конца XV в.³⁵ Икские башкиры в XII—XIII вв. занимали лесные и лесостепные территории по среднему и верхнему течению реки, однако с XIV—начала XV в. были отнесены к северу в низовья р. Ик и частично перешли на лесное правобережье р. Камы³⁶, где они вошли во взаимодействие с удмуртами.

Нижнебельская ЭГ включала племена еней, гэрэ, елан, киргиз земли которых прилегали к обоим берегам низовьев р. Белой. Часть енейцев и гэрэйцев также перешла на правобережье Камы³⁷. В XIV—XV вв. нижнебельские башкиры были почти целиком вытеснены ногайцами из левобережья р. Белой и расселились в лесных районах правобережья по нижнему течению р. Быстрый Таныш и в междуречье Быстрого Таныша и Буя³⁸.

Далее к северу на обширном левобережье Камы расселилась тулвинско-нулянская ЭГ. Они заняли бассейны левых притоков Камы Тулвы и Буя, а также верхнее и среднее течение Быстрого Таныша, на севере к началу XVI в. достигли Ирены и левого притока Сылвы — р. Мулянки. Тулвинско-нулянские башкиры объединяли племена уран, гайна и некоторые другие более мелкие родоплеменные группы³⁹. Гайнинские и уранские родоплеменные земельные вотчины выходили на правобережье Камы включая южную часть междуречья Камы и ее притока Иж⁴⁰.

В бассейне среднего и верхнего течения р. Быстрый Таныш на путях движения башкирских племен на север и северо-восток⁴¹ в XV—XVI вв. сложилась танышская ЭГ, которая включала различные по происхождению племена близкие к уранцам и гайнинцам танышские роды казанчи, кайпан а также табынско-кыпчацкие образования таэ, иректе и др.

Караидельская ЭГ башкир (в составе родоплеменных образований балыксы, суннарсы, ун и др.) занимала земли по обоим берегам среднего течения Уфы, а также в бассейнах правых ее притоков Тий и Саре по нижнему течению левого притока Юрюзани⁴².

Позднее, в XVIII в., последние пять ЭГ (канско-икская, нижнебельская, тулвинско-нулянская, танышская и караидельская) стали обретать тенденцию объединяться в единую и в более крупную северо-западную ЭГ башкир (в составе территориальных подгрупп северной нижнебельской и

икской). В формировании северо-западных башкир в XIX в. существенную роль играла вновь возникшая этническая среда; процесс, однако, не завершился, так как культурно-языковые различия в пределах упомянутых пяти групп фиксировались многими исследователями еще в середине XX в.

Такий образ, в отношении по крайней мере удмуртов и башкир складывается весьма специфичная ситуация, суть которой заключается в одновременном существовании в XVII—XIX вв. воршудно-родовых (у удмуртов) и родоплеменных (у башкир) образований с территориально-этнографическими группами и их подразделениями. Воршудно-родовые и родоплеменные организации были нисходящей линией этногенетического развития у удмуртов и башкир (и почти исчезнувшей или исчезающей у других народов ИЗО), а ЭГ и их территориальные подразделения — восходящей линией этнического и культурного развития (вполне утвердившейся во всем регионе). И все же сложившиеся к XVI—XVII вв. ЭГ и их подразделения еще долго сохраняли древние, генетические черты в культуре, диалектах, говорах, в историческом сознании и памяти. Так, северо-восточные и юго-восточные башкиры говорили на соответствующих диалектах (восточном или куваканском, южном или юрматынском), включавших целый ряд говоров, особенности которых языковеды нередко ищут в родоплеменной эпохе древнетюркской истории. Это же относится и к говору караидельских и караидельско-денских башкир⁷³. В целом же сочетание, сосуществование в этнографических общностях инерции родоплеменных связей и возрастающих, ставших господствующими территориальных связей еще раз свидетельствует о сложности и противоречивости в ИЗО консолидационных процессов, находящихся объяснение в специфике исторического развития, которая показана в гл. IV.

Татары в рамках ИЗО в новое время распались на казанских татар и мишарей. Применительно к XV—XVI вв. их можно рассматривать как взаимосвязанные (в историческом и этнокультурном отношениях), но самостоятельные этнические общности. Позднее, в XVII—XIX вв., в процессе складывания и развития "общетатарской" народности в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, они эволюционируют в "субэтноты" (казанских татар, западносибирских татар и мишарей) единого этноса. С 1860-х годов "субэтноты" общетатарского народа называют мишарей и западносибирских татар. С точки зрения общей структуры татарского этноса мишари и западносибирские татары могут рассматриваться как крупные этнографические группы.

Основу казанских татар составляла предканская, или северо-западная, ЭГ (см. табл. 15), в XVI—начале XVII в. занимавшая довольно обширную территорию Предканья — от Вятки до Волги — и часть правобережья Волги до нижнего течения Свияги (в пределах современных западных границ Татарии). Здесь сформировалась наиболее древняя, булгаро-татарская ЭГ татарского этноса. Разговорный язык этой группы "образовался в результате взаимодействия булгарского и кыпчакского языков"⁷⁴, хотя, как говорилось выше, остается неясным, какой именно язык имеют в виду разные исследователи под "булгарским" и "кыпчакским" компонентами в формировании северо-западной группы казанских татар. Взгляды различаются и среди казанских историков. В 1950—1960-е годы в исследованиях историков, этнографов, лингвистов (в частности, в работах Х. Г. Гинади, Н. И. Воробь-

* Термин заимствован у А. Халикова (см. Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань 1978. С. 147).

ева, Л. Заляя и др.) придавалось существенное, нередко доминирующее значение кыпчакским наплывам в разные эпохи, особенно с рубежа XIV—XV до середины XVI в. Еще в 1967 г. авторы книги "Татары Среднего Поволжья и Приуралья писали, что в Предкамье сформировалось и о в о е экономическое и политическое ядро края — Казанское ханство и его основное население — казанские татары", в сложении которых крупную роль сыграли пришедшие спреимущественно из Золотой Орды кыпчакские группы. Смещение пришлого и местного населения привело к тому, что "по сравнению с домонгольским периодом" болгаро-татары стали "уже несколько д р у г и м и"⁷⁵. Спустя 10 лет взгляды изменились, А. Х. Халиков писал в 1978 г. "Казанское ханство и соответственно казанские татары сформировались на территории, которая "была н е н о в о й землей, а северной частью бывшей Булгарии"⁷⁶. В историко-географическом смысле этот тезис правильный: Предкамье издавна являлось непосредственной северной периферией Волжской Булгарии"⁷⁷. Однако развитие указанной идеи, особенно филологами, превратилось, как упоминалось, в концепцию прямой и непосредственной, а порой и исключительной болгаро-(казанско)-татарской этнической и культурной преемственности, что приводит и может приводить к деформации общей концепции истории и истории культуры Волго-Уральского региона и отдельных, входящих в него народов. Между тем А. Х. Халиков, будучи крупнейшим знатоком болгарских древностей совершенно верно отмечал, что к основному "булгарскому типу населения Предкамья "примешивались ... выходы из Золотой Орды и более поздних татарских княжеств (Астраханского, Крымского, Ногайского)"⁷⁸. Правда, "примешивание" было по мнению А. Х. Халикова в небольшом количестве", что дало повод другим исследователям вовсе отрицать или сильно преуменьшать этот очевидный исторический факт достаточно ясно и четко прослеживаемый по кыпчакским эпиграфическим памятникам Предкамья XV—XVI вв. Уместно к этому добавить хорошо известные сведения о кыпчакских миграциях в Казанское ханство (на территорию Предкамья) в XV—XVI вв. Их было немало: кроме постоянного проникновения кочевников с юга с Улу-Муханедом, сюда прибыло 3 тыс. воинов в 1506 г. на помощь царю Муханед-Энину пришло 20 тыс. ногайцев в 1530 г. 30 тыс. ногайцев участвовало в обороне Казани; в 20-е годы XVI в. из Крыма пришли "многие крымские уланы и мурзы"; в "казанской войне" участвовали чуваш и башкиры и т. д.⁷⁹ Однако историческая судьба этих "южных пришельцев" все чаще трактуется в свете новой, все более утверждающейся концепции "большинство" из пришедших кыпчаков (в том числе ногайцев, крымчан и др.) "было убито" "погибло" "взято в плен", "бежало", поэтому они "едва ли могли оказывать существенное воздействие на формирование этноса казанской народности"⁸⁰. Но накопление кыпчакского этнического компонента в Поволжье и на Южном Урале как показано, шло издавна видимо с XI—XII вв., и северо-западная (предкавказская) ЭГ татар с самого начала должна была формироваться как болгаро-кыпчакская, но с возрастающим значением кыпчакской этнокультурной и этноязыковой линий развития.

В интерпретации этой проблемы надо, видимо, учитывать ход и характер исторического противостояния Руси и Золотой Орды. В конце XIV в. Золотая Орда представляла собой еще сильное государство. На ее территории формировались золотоордынский (кыпчакский) этнос, культура, литературный язык. В то же время это был период начавшегося кризиса и распада золотоордынской политической системы. Кризис ускорился и углублялся социально-экономическим подъемом и освободительной борьбой русских земель, которые сопровождались развитием и консолидацией великорусского этноса. Результатом этого противостояния и жестокой

борьбы стали, с одной стороны, победа русского оружия, обретение русскими землями независимости, образование и укрепление Русского государства и соответственно великорусской народности, общерусского языка и сильной культуры, с другой стороны — распад государства Золотой Орды, разгром ее политической идеологии упадок некогда единой и сравнительно развитой культуры, усиление диалектов, которые постепенно "подавили" формирующийся общекрыпчакский язык, и как итог — исчезновение с исторической арены золотоордынской (кыпчакской) народности

На огромной территории бывшей Золотой Орды шел свойственный 'племенным' обществам и государствам процесс сегментации этнических групп и образования мозаики языков и культур. Особенность окончательного распада Золотой Орды заключалась в том, что складывавшиеся в ходе междоусобиц (в новых племенных сочетаниях) военно-политические объединения были отброшены на периферии бывшего государства. Здесь, на окраинах бывшей империи, на основе смещения местного и пришлого населения, местной и привнесенной культур появились новые феодальные государства (Казанское, Крымское, Сибирское, Астраханское, Ногайское, Узбекское, Казахское и другие ханства). Именно поэтому несмотря на различия и специфику в культуре этих государств, было бы неверно не видеть у них и общие черты: унаследованные от Золотой Орды основные принципы социально-политической организации государства, а также многочисленные параллели в этническом составе населения, в культурной и языковой характеристике. Казанское ханство и его население формируются по аналогичной схеме. Конечно, верно то, что Казанское ханство 'продолжало дальнейшее развитие традиций, выработанных населением Волжской Булгарии еще в домонгольское время', однако, делает важное добавление А. Х. Халиков, 'обогащенных в период Золотой Орды новыми культурными влияниями со стороны Средней Азии, Ближнего Востока и Египта'⁸¹. И действительно, если иметь в виду всю совокупность богатой и многообразной культуры татар Предканья, то в нем, кроме волжско-булгарских истоков, со всей очевидностью виден слой культуры кыпчакской эпохи, в котором обнаруживается много общего с культурой башкир, народов Средней Азии и Казахстана Северного Кавказа и Крыма. В то же время инерция влияния концепции об исключительно или преимущественно болгарском происхождении татар Предканья настолько велика, что на указанное выше важное добавление о роли кыпчакского культурного наследия эпохи Золотой Орды исследователи мало обращают внимания.

Различны также взгляды казанских исследователей на значение и удельный вес финно-угорского компонента в формировании предканской группы татар. А. Х. Халиков, отмечая, что в 1508 г. более 30 тыс. нарийцев участвовало в походе казанских феодалов на русские земли, в 1530 г. 12 тыс. нарийцев обороняли Казань, в 1551—1552 гг. при осаде Казани погибло "около 60 тыс. черемисов", заключает "и н о г и е из них, особенно проживающие в северных закамских районах, а также в волжском правобережье, в результате этнической ассимиляции и мусульманизации влились в состав казанских татар"⁸². Другие исследователи указывают на ассимиляцию предканскими татарами удмуртов правобережья

* В 1970—1980-е годы я выступал официальным оппонентом нескольких диссертаций по истории, археологии и этнографии Среднего Поволжья; все эти интересные исследования делали акцент на установлении генетических связей и параллелей между болгарской и современной (XIX — начало XX в.) татарской культурами, оставляя в стороне или лишь упоминая значение более чем четырехсотлетней золотоордынской эпохи в культурно-языковом развитии региона.

Вятки⁶³ В то же время ряд казанских исследователей склонен отрицать или сильно преуменьшать роль финно-угорского компонента в формировании основной ЭГ казанских татар М.З. Закиев, например считает этот компонент незначительным⁶⁴, хотя языковеды накопили большой опыт исследований, показывающий давность и активность тюрко-финно-угорского взаимодействия в том числе в Предкамье⁶⁵. В настоящее время абсорбция северо-западной группой татар средневекового нарийского и удмуртского населения является доказанным историческим фактом. Однако мало исследованным остается механизм этого процесса включая культурную адаптацию ассимилированного населения, закономерности смены или сохранения корпуса ононастикона (гидронимов, топонимов этнонимов, антропонимов) и т.д. Выяснение этих и других вопросов позволит реконструировать важный аспект этноязыковых и этнокультурных процессов и полученные выводы сопоставить с обобщениями накопленными археологией и антропологией относительно значительной роли финно-угорского компонента в формировании тюркских народов ИЗО, в частности северо-западных татар.

Завершая анализ этнической природы северо-западной ЭГ татар можно присоединиться к выводу А.Х. Халикова, который указывает что тюркоязычное население Казанского ханства в XV—XVI вв. уже далеко не представляло собой прежних болгар. Последние послужили основой казанско-татарской народности, но на эту основу наслонились и различные другие причины отнюдь не всегда тюркоязычные компоненты⁶⁶. Добавлю к этому, что в 1966 г. М.З. Закиев, присоединившись к процитированному выше определению Н.А. Баскакова об образовании казанско-татарского языка в результате взаимодействия болгарского и кыпчакского языков совершенно верно писал, что дальнейшее развитие он (те татарский язык — Р.К.) получил в период Золотой Орды... А в период Казанского ханства (XV—XVI вв.) он окончательно сформировался как народный разговорный язык с различными диалектами⁶⁷.

Культура и бытовой уклад татар северо-западной ЭГ "является наиболее типичной для казанских татар в целом"⁶⁸. По некоторым культурно-бытовым особенностям северо-западная ЭГ татар подразделяется на шесть подгрупп. По мнению казанских исследователей, наиболее древними и в большей мере содержащими нигрировавший из Западного Закамья болгарский компонент⁶⁹, являются подгруппы заказанская, намадышская и нурлатско-кайбицкая. Вероятно, на формирование этих подгрупп оказало воздействие некогда многочисленное городское население Казанского ханства (Казани, Арска, Тетюши и др.), которое после взятия Казани в октябре 1552 г., как упоминалось было выселено в сельские местности. Смещение бывшего городского татарского населения (в занятиях быта, обычаях которого и сохранились в основном болгарские традиции) с сельским (преимущественно разноплеменным нередко еще полукочевым кыпчакским или кыпчакизированным населением) создало тот культурно-языковой сплав который стал типичным для казанских татар. Заказанская подгруппа татар говорила преимущественно на лаишевском, а намадышская — на намадышском говоре среднего диалекта⁷⁰. Нурлатско-кайбицкая подгруппа татар, расселившаяся на правобережье Волги западнее нижнего течения р. Свияги в XIX в., была близка к заказанской подгруппе, однако в их говоре и культурно-бытовой характеристике обнаруживалось "некоторое влияние чувашей"⁷¹. Будущие исследования покажут, является ли указанная особенность следствием участия в формировании нурлатско-кайбицкой группы болгаро-чувашского компонента или более позднего (XVI—XVII вв.) влияния чувашей.

Севернее расселяются параньгинская и малмыжская подгруппы. Параньгинская подгруппа сложилась в результате вторжения казанских татар в район нарийских поселений по широкому левобережью Волги. Малмыжские татары расселились по р. Шошна, правому притоку Вятки, в непосредственном соседстве или смешанно в одних поселениях с удмуртами. Соответственно на культуре и быте параньгинских татар "чувствуется влияние нарийцев", а малмыжских — удмуртов⁹². Говорят они соответственно на параньгинском подговоре ашитского говора и на малмыжском говоре среднего диалекта татарского языка⁹³. Канско-устынская подгруппа на правобережье Волги, напротив устья Камы, рано испытала в культуре влияние русского населения. В то же время в культурном облике канско-устыньских татар обнаруживаются признаки, общие с чувашами.

Другой старой генетической ЭГ казанских татар является чепецкая, расселяющаяся в более чем 40 населенных пунктах в бассейне р. Чепцы (в Удмуртской республике и Кировской области). Чепецкие татары подразделяются на две подгруппы — нукратскую (или каринскую) и верхнечепецкую (или глазовскую). Разговорный язык чепецких татар относят к особым говорам (соответственно каринскому и глазовскому) среднего диалекта татарского языка⁹⁴. О происхождении и этнических истоках формирования чепецких татар мнения ученых различаются⁹⁵, однако все исследователи согласны в том, что в их формировании участвовали болгарские группы, и особенно родоплеменные образования золотоордынского периода. В конце XV в. источники фиксируют в низовьях р. Чепцы "арских князей", в которых многие видят "булгаро-татарских князей", выходцев из г. Арска, находившихся в подчинении у Казанского хана и управлявших "страной Нукрат"⁹⁶. С присоединением Вятской земли к Русскому государству страна Нукрат постепенно оказывается в многоэтническом окружении, прежде всего русских и удмуртов, а также чувашей и бесермян⁹⁷. Быт и культура нукратских татар остались очень близкими к культуре северо-западной ЭГ казанских татар. Однако новое этническое окружение и взаимодействие с ним имели следствием освоение многих бытовых традиций русских и удмуртских крестьян. Равным образом, в говоре нукратских татар появились русские и удмуртские слова, адаптированные по законам татарского языка.

Уже с конца XVI в. начинается переселение нукратских татар в район верхней Чепцы, где они расселились среди удмуртов, которые оказали определенное влияние на культурно-бытовое развитие пришлых татар. В XVIII в. имела место новая волна миграции нукратских татар, завершившаяся сложением верхнечепецкой подгруппы. В конце XIX в. нукратская подгруппа чепецких татар насчитывала около 4,4 тыс. человек, верхнечепецкая — 10 тыс. человек⁹⁸. Будучи территориально удаленными от северо-западной татарской ЭГ, чепецкие татары активно не участвовали в этноконсолидационных процессах нового времени, хотя, сохранив культурно-языковую самобытность и этническое самосознание, а также не утратив связей с материнским этносом, они оставались одной из старых этнографических групп татарского народа.

На периферии основной этнической территории казанских татар, в лесной, а также на границе лесной и лесостепной зон, образовалось еще несколько ЭГ, которые можно отнести к генетическим: елабужская и пернская на востоке ИЗО и касимовская на западе. Собственно потоки беженцев устремились из Предканья на север и на восток после казанской войны 1552—1558 гг. В лесных районах Вятско-Волжского междуречья, в бассейнах Тойны, Ижа в низовьях Белой, на Средней и Верхней Каме и даже за Уралом казанские татары обживали новые места, отдаленные от беспокойного и ставшего опасным Предканья. Однако происхождение вос-

точных групп татар, так же как и северной (Чепецкой), сложное Татарские переселенцы двигались на север и восток по хорошо известным им путям, проложенным еще в булгарскую эпоху⁹⁹. На новых местах расселения они застали булгарское население, укрывшееся в лесах от монгольских походов и создавшее по крайней мере с конца XIV в. очаги расселения на Чепце, на правобережье Камы от низовьев Вятки до поворота Камы на север, по нижним течениям Ика и Белой у канских берегов, в бассейне Сылвы, особенно по течению Ирены и Барды и, вероятно, на более восточных землях. Кроме булгар, казанские татары застали на путях северных и восточных маршрутов удмуртов (на Чепце и Вятско-Канском междуречье), башкир (в низовьях Ика и Белой), русских и вогулов (манси) на левобережье Камы и в бассейне Сылвы, русских, хантов (остяков), сибирских татар и башкир в верховьях Чусовой и в Западной Сибири — на Пышме, Исети и их притоках.

Елабужская ЗГ татар расселилась к востоку от низовьев Вятки до Камы. Она включает две подгруппы: собственно елабужскую и агрызскую (см. рис. 13, табл. 15). Обе подгруппы в современном виде сложились в ходе миграций казанских татар в XVI—XVII вв., но с включением "более раннего булгарского компонента"¹⁰⁰. В культуре обеих подгрупп "чувствуется влияние удмуртов" (в одежде обилие пестряди красноватых тонов, в украшениях — монет, а пище — овощей и грибов¹⁰¹), однако елабужские татары в культурно-языковом отношении теснее прилегают к предкамским татарам, а в агрызской подгруппе заметнее сближение с удмуртами.

Пернская (или бартымская) ЗГ татар формировалась в XVI—XVIII вв. преимущественно в южных районах современных Пермской и Свердловской областей, где, по данным 1979 г., более чем в 100 татарских деревнях проживало 69,1 тыс. человек¹⁰¹. Компактно татарские деревни располагались по течению рек Ирень, Барда, другим притокам Сылвы. Пернские татары подразделяют себя на локальные группы — бардинских, иренских, уфинских, кунгурских, уральских¹⁰², однако в табл. 15 они показаны суммарно, так как в научной литературе систематизированных сведений о них нет. В культурно-языковом отношении эти подразделения пернских татар имеют некоторые различия, обусловленные главным образом их соседством и взаимодействием с окружающим населением — башкирами, удмуртами, нарийцами, русскими, а в ретроспективе — с угорским населением. Интересные сведения о башкиро-угорских и татарско-угорских контактах в Прикамье в XVI—XVII вв. приведены в ценном историографическом обзоре Д. М. Исхакова¹⁰³. Относительно заметным было влияние финно-угорских народов на культуру и быт пернских татар, что проявлялось в постройках (высокое подьбие), в некоторых обычаях и обрядах¹⁰⁴. Но в целом исследователи подчеркивают "близость" и "общность" культуры пернских и предкамских татар, что было обусловлено ранним (XIII—XIV вв.) проникновением "булгар в предгорья Среднего Урала", где они расселялись "среди местных финно-угорских племен"¹⁰⁵.

Вопрос о происхождении пернских татар приобретает неожиданный интерес в связи с идеей об участии в их формировании западносибирских татар и башкир. Н. А. Томилов установил проникновение западносибирских татар в период Сибирского ханства (с XVI — начале XVII в.) в Сылвенско-Иренское междуречье, которое, по его заключению, стало "зоной контактов поволжских и сибирских татар"¹⁰⁶. Татары Красноуфимского уезда Пермской губернии сформировались, по мнению Ф. Ю. Юсупова, из пришедших сюда в XVI—XVII вв. поволжских и сибирских татар, а также башкир, которые были здесь более древними насельниками¹⁰⁷. Эти наблюдения связываются с присутствием в языке пернских татар лексем

которым есть параллели в восточнотюркских языках, причем "нить, связывающая говор пернских татар с восточнотюркскими языками, протекает через восточный (т.е. западносибирский — Р.К.) диалект татарского языка" ¹⁰⁸ Позднее Д.Б. Раназанова, автор приведенной выше цитаты, обосновала присутствие в пернском говоре особенностей, "общих с восточнотюркскими языками", а также с башкирскими на всех трех уровнях языка: в фонетике, грамматике и лексике ¹⁰⁹ Такой факт, — делает вывод Д.Б. Раназанова, — свидетельствует об участии в формировании пернских татар восточнотюркского компонента ¹¹⁰, а также о том, что "в этнической истории пернских татар, без всякого сомнения, имеются общие моменты с этнической историей западносибирских татар" ¹¹¹ и, добавив, башкир

Этническая история пернских татар и башкир нуждается в специальном глубоком изучении, которое может более полно раскрыть природу общности казанско-татарского, сибирско-татарского и башкирского языков, о взаимосвязанности формирования казанско-татарского и сибирско-татарского языков с XIV — XVI вв., когда на основе пленен "кыпчакского происхождения" формировались западносибирские татары ¹¹², значительную роль прикамско-уральского пути передвижения для этногенеза народов ИЗО Одновременно такие исследования могут показать, что с точки зрения разновременности этногенетических процессов утверждения о том, что казанские и сибирские татары "не были близкородственными по происхождению" ¹¹³, приобретают весьма относительный смысл

На западной окраине расселения татар образовалась "касиновская" ЭГ Расселялись они в г. Касинове (Мещерский городок) и в деревнях вокруг него Основу касиновских татар составили нишари, а также ногайцы, которые были приведены и расселены на Оке еще в XV в. царевичем Касином, перешедшим на русскую службу ¹¹⁴ Касиновские татары находились также в тесной связи с Казанью, откуда не прекращался поток переселенцев — казанских татар К середине XVI в. в результате взаимодействия и слияния ногайско-кыпчакского, нишарского и казанско-татарского населения сложилась ЭГ касиновских татар Их культура в целом была близка к культуре предкавказских татар, но включала специфические компоненты, привнесенные ногайцами или родившиеся в процессе синтеза культур Говор касиновских татар также причудливо сочетал признаки среднего и западного (нишарского) диалектов ¹¹⁵

Нишари-татары включали две подгруппы мокшенско-теминовскую и сергачско-сурскую, однако окончательное их сложение, так же как и формирование территории расселения обеих подгрупп, завершилось не ранее XVII в. Этническая территория нишарей находилась в бассейне рек Цна и Мокша и верховьев Суры Здесь в XIV—XV вв. сформировались нишари, отсюда шло их расселение на север, юг и восток

Образование подразделений нишарей связано с их этногенезом, до настоящего времени не вполне выясненным, а также с процессом их исторического развития, протекавшим в условиях тесного соседства и взаимодействия на основной этнической территории с мордовскими и русскими населением, а на ее периферии и к востоку от Волги, кроме того, — с татарским, чувашским, башкирским крестьянством

С конца XIX в. о происхождении нишарей выдвигались различные гипотезы: мордовско-финская (В.В. Вельяминов-Зернов, В.В. Радлов), мадьяро-венгерская или мадьяро-угорская (С.П. Толстов, Б.А. Куфтин, Т.А. Трофимова), буртасская (Ф.Ф. Чекалин, Б.А. Васильев), кыпчакско-ногайская (Г. Ахмаров) ¹¹⁶ Представляется аргументированной точка зрения, предлагающая рассматривать эту проблему с позиции "близости и даже общности культуры и быта" казанских татар и нишарей, этническая основа которых "складывалась на базе очень близких или даже одних и тех же племей

...¹¹⁷ Этих "одних и тех же племен", по мнению Р. Г. Мухановой, были "прежде всего тюркоязычные племена (очевидно, кыпчаки и булгары), "возможно, в форнировании митарей определенную роль сыграли и буртасы".¹¹⁸ Как указывалось, ряд исследователей, развивая буртасскую концепцию этногенеза митарей, отождествляет буртас с булгарами. По заключению А. Х. Халикова, "в XIII—XIV вв., если не раньше в укрытые лесами места (южной части Волго-Цининского междуречья — Р. К.) переселилось булгаро-буртасское население, жившее несколько южнее".¹¹⁹ Видино, в целом это направление исследований плодотворное. В то же время, с учетом общей этноисторической ситуации в Поволжье, а также судя по результатам процесса, главная роль в тюркизации буртасов принадлежала все же кыпчакам (см. подробно гл. III). Именно в этом аспекте правомерно трактовать близость и соседство половецких веж и зинвищ на Среднем и Верхнем Дону в середине XII в. к земле буртасов, образование в обширной зоне правобережья поволжской группы кыпчаков, расселившейся частью на буртасской территории, появление с середины XII в. половецких каменных статуй на Хопре, Вороне и далее к северу в средневожских территориях и т. д.¹²⁰ После разгрома половцев и их кочевий кыпчаки, "как известно, ушли по своим вежан", отодвинулись к северу, сменялись с другими племенами, составив во всех случаях часть населения Золотой Орды. С. Н. Плетнева полагает, что разгромленные в Поволжье кыпчаки или по крайней мере часть их расположились "в предкавказских степях, рядом с покоренными уже аланями".¹²¹ А кыпчакизи-рование к этому времени буртасы под давлением и угрозой полного разгрома завоевателями переселились (в основном или частично) в XIII в. к северу, где на территории бассейнов Цны и Мокши, верховьев Суры сложились митары. Таким образом, митары уже на протяжении IX—XIII вв. форнировались как булгаро-кыпчакская этноязыковая общность. По мере продвижения к северу митары могли абсорбировать позднее (в XIV—XVI вв.) как финно-угорские, так и новые (ногайские, казанско-татарские) тюркские группы.

Сказанное согласуется с выводами лингвистов, которые указывают на "важную роль диалектов древнекыпчакских племен" в сложении не только митарского, но и среднего диалекта", которые в большинстве своих особенностей обнаруживают сходство в первую очередь с современными кыпчакскими (башкирским, ногайским, каракалпакским, караимским, балкарским и др.) языками".¹²² Диалекты древнекыпчакского языка могли определить направление развития разговорного языка митарей, видино, только на обрисованной выше их этнической территории. Одновременно это указывает и на одно из главных направлений кыпчакской миграции в Среднее Поволжье и оттуда в Приуралье с юго-запада и с юга. Видино, с булгаро-буртасско-кыпчакским продвижением в южную часть Цининско-Волжского междуречья и на восток — в Заволжье и Приуралье — связано распространение в XIII—XV вв. компонента аз в различных названиях на обширной территории — от Оки до Урала (деревни Аз, Азы в Ерменшинском районе Рязанской области, города Оса в Периской, Аша в Челябинской областях, деревни Асы, Ассы в Белорецком районе Башкирии, озеро Аслы в Альшеевском районе Башкирии, этнонимы аз, асы в родоплеменных названиях башкир-кайтаев¹²³). Имеются также этнонимы, гидронимы и топонимы, образованные аналогично этнониму буртас (бурт-ас). торт-ас — род у телеутов, байлак-ас — род у алтайцев, Мелек-ас — речка в Ульяновской области, Мьяльк-ас — деревня в низовьях Камы в Татарии, Ас-ауыл — деревня в Белокатайском районе, Мелек-ас — деревня в Мечетлинском районе Башкирии, Балт-ас, Калт-ас — районные центры в Башкирии и т. д.¹²⁴ Все эти названия расположены на путях движения кочевников из

лесостепного левобережья Волги на северо-восток по правобережью Каны и на восток — в Приуралье и на Южный Урал.

Р.Г. Мухамедова связывает с буртасами формирование прежде всего "ц-окаюшей" части мишарей¹²⁵. Очевидно, аргументация этого вероятного тезиса — дело будущих исследований. А пока есть возможность вслед за языковедами подчеркнуть, что с особенностями этногенеза мишарей, этногенетических событий и этнических миграций на правобережье Волги в XIII—XV вв. связаны многие общие явления в культуре и языке татар-мишарей, казанских татар и башкир.

В XV—XVI вв. на занятой мишарями территории шел процесс формирования мишарской народности. Однако после падения Казанского ханства исторические условия изменились, в результате существенного изменения территории расселения как казанских татар, так и татар-мишарей, активного их взаимодействия и снесения два близкородственных этноса вступили на путь консолидации в единую татарскую народность¹²⁶.

Расселение мишарей из Циниско-Волжского междуречья в северном направлении, к Арзанасу, началось, вероятно, не позднее XV в., но завершение этого процесса относится к концу XVI — началу XVII в., когда в связи с организацией в 1578 г. сторожевой службы вдоль засечной линии Алатырь—Арзанас—Тенников в Арзанасский уезд были "переведены из Кадона", Тенникова и из других мест бассейнов Цны, Мокши служилые мишари¹²⁷. С первых десятилетий XVII в. начался упоминутый в гл. IV сдвиг мишарей из района Арзанаса в направлении к Алатырю и Курмышу, на левобережье низовьев Суры. Этот уход на восток и север мишарей-мусульман Р.Г. Мухамедова объясняет усилением в Арзанасском уезде в начале XVII в. насильственной христианизации. Позже основная часть алатырских мишарей вошла в состав Сергачского уезда Нижегородской губернии и стала известна под названием сергачских или сергачско-сурских мишарей. Таким образом, в XVII в. мишари на правобережье Волги Скоторых, чтобы отличить их от расселившихся позднее к востоку от Волги мишарских групп, иногда называют окской ЭГ татар-мишарей, окончательно разделились на две подгруппы: на основную этнической территории в Волжско-Циниском междуречье мокшанско-тенниковскую (варианты: тенниковская, тенниковско-лябвирская), в северном соседстве — сергачско-сурскую или просто сергачскую (см. табл. 15). Видно, в процессе расселения пришли в движение определенные плененные группы, так как в языковом отношении мокшанско-тенниковские мишари относятся к "ч-окаюшим", а сергачские — к "ц-окаюшим". Продвинувшаяся к югу Кузнецкая группа близка к тенниковским мишарям. Позднее, оказавшись в русском окружении, они испытали сильное влияние русской крестьянской культуры.

Расселение мишарей не было компактным; районы мишарского расселения перемещались с мордовскими и позднее с русскими. По многим элементам культуры все три подгруппы близки к предкавказным татарам, а также к башкирам и чувшам (особенно в устойчивых компонентах культуры и быта — в женских костюмах, комплексах и головных уборах кашмау, в украшениях, в интерьере жилищ, в структуре пищи и т.д.¹²⁸), однако сергачские мишари отличались большим своеобразием культурно-бытовых традиций. Развитие в иноэтничной среде привело к заимствованию тенниковской подгруппой мишарей многих компонентов русской и мордовской культуры (прежде всего в хозяйственных навыках в земледелии, планировке поселений, усадеб и жилищ), а сергачской подгруппой, кроме того, — некоторых элементов чувашского быта.

Генетические ЭГ явились основными компонентами соответствующих этносов региона: во многом определили их главные культурные и языковые

признаки. Своим происхождением они восходят к эпохе древности, хотя в зафиксированном источниками виде большинство их сложилось окончательно не ранее XV—XVI вв. Образование генетических ЭГ для которых как правило были характерны базовые диалекты соответствующих этносов свидетельствовало о достаточно глубокой их консолидированности. С другой стороны сложная структура ЭГ, членение на подгруппы, присутствие в их составе реальных или рудиментарных форм родоплеменных, вершудных, родственно-земляческих и других древних организаций, расчлененность диалектов на множество говоров и т.д. указывают одновременно на сложность и противоречивость консолидационных процессов в новое время.

Территориальные ЭГ (Особенности формирования в Волго-Уральской ИЗО)

Все остальные ЭГ образовались после вхождения народов ИЗО в состав Русского государства. В этом одна из существенных общих черт 2 - 5-й разновидностей этнографических групп. Как показано для генетических ЭГ так же как и для любых других этнических образований было характерно взаимодействие и смешение с контактирующими этносами, результаты которых отражены в табл. 15. Интенсивность этого взаимодействия возросла к XV—XVI вв. С присоединением к Русскому государству процессы взаимодействия стали еще более многообразными и разнонаправленными. имели следствием изменения в культуре и языке. Однако эти процессы не сопровождались разрушением или радикальным преобразованием транслированных из древности генетических свойств культуры и языка. Главный результат новых импульсов взаимодействия сводился к тому, что генетические ЭГ, несущие базовые признаки этноса сохранялись, развивались, консолидировались, какие бы изменения в ходе контактов в их культурно-языковой характеристике не происходили.

Когда же мы говорим о второй, третьей, четвертой и пятой разновидностях ЭГ, речь идет об образовании новых ЭГ на территориальной основе на базе смешения различных частей данного этноса или разных этносов в процессе главным образом расселения во второй половине XVI—XIX вв.

Направления расселений представляют особый интерес. В чем своеобразие размещений генетических ЭГ и их подразделений к XVI в. (в некоторых случаях к рубежу XVI—XVII вв.)? Они расположены огромной дугой по территории региона. Зона их размещения (рис. 13) простирается от бассейна Цны и Мокши (мордва, мишари) к северо-востоку, к среднему и нижнему течению Суры и Свияги (горные марийцы, чуваш, татары), затем выходит на левобережье Волги, включая территорию между Ветлугой и средним течением Каны (луговые марийцы, удмурты, татары, башкиры) и далее по левым притокам средней Каны выходит в Приуралье на Уфимское плато и включает весь Южный Урал (башкиры).

В процессе формирования генетических ЭГ в XIII—XV вв. произошел сдвиг населения по "дуге" с основных исконно этнических территорий на север и восток: мордва-эрзя переселилась на левобережье Суры, т.е. на северо-восток от территории формирования, горные марийцы — в северное Заволжье, луговые марийцы — на восток к Вятке, удмурты — на север в бассейн Чепцы, а также на восток по течению левых притоков Вятки татары — на север по междуречью Ветлуги и Вятки и на восток на Уфимское плато и Южный Урал. Таким образом на огромном пространстве лесостепной и степной зон региона (южнее очерченной территории расселения генетических ЭГ) к середине XVI в. ни финно-угорские, ни местные тюркские этносы постоянных поселений не имели. Следовательно,

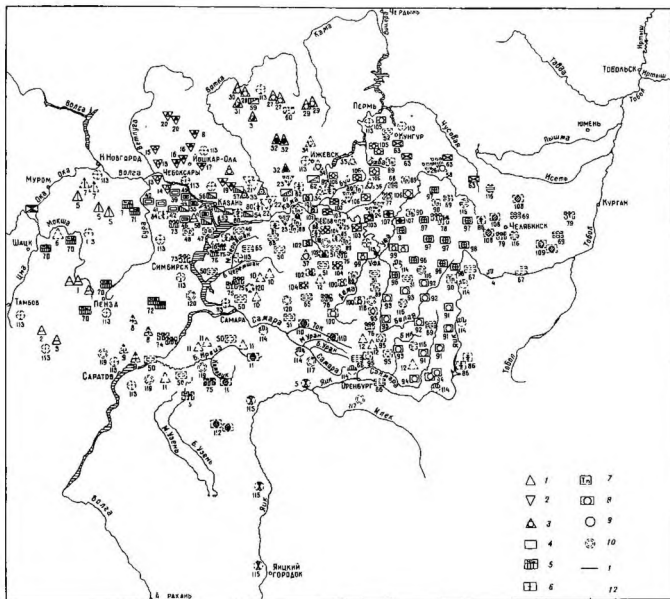

Рис. 13. Расселение этнографических и этнических групп народов Волго-Уральской ИЗО в XVIII—XIX вв.

1 — мордва, 2 — марийцы, 3 — удмурты, 4 — казанские татары, 5 — мишари, 6 — кряшены, 7 — татари, 8 — башкиры, 9 — русские, 10 — украинцы, 11 — обозначение генетических (старых) подразделений этноса, 12 — обозначение территориальных (новых) подразделений этноса. Вариации условных знаков по этнографическим и территориальным группам указаны в табл. 15

южные пределы расселения генетических ЗГ на рубеже XV—XVI вв. примерно совпадали с границей леса и лесостепи.

Когда-то, до 30-х годов XIII в. земли всех народов региона были далеко продвинуты к югу. Более того, как было показано, территория от Оки на западе до Южного Урала на востоке была зоной финно-угорско-тюркского взаимодействия и этногенетических процессов в Волго-Уральской ИЗО. Однако финно-угорское и тюркское население было разгромлено в эпоху соперничества Тохтамыша и Тимура и в конце концов вытеснено на лесные и горно-лесные территории. Более трех столетий на лесостепных и степных просторах хозяйничали монгольские, золотоордынские, ногайские феодалы, о чем сохранилось множество исторических свидетельств¹²⁹. По мере продвижения к северу в лесные районы, земледельческие и скотоводческие народы региона зачастую попадали в более суровые природно-географические условия, что было связано с длительной, всегда чрезвычайно тяжелой для рядовых тружеников культурно-хозяйственной переадаптацией. Это потребовало колоссальных затрат трудовых усилий народов и в то же время задержало, затормозило их общее культурное и социально-политическое развитие. В этом одно из самых значимых негативных последствий монгольского завоевания и монгольского господства для финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Лесостепные и степные территории в Поволжье и Приуралье в литературе применительно к XV—первой половине XVI в. называют, как упоминалось, "дикий полем", или земляни, используемыми кочевниками под весенне-летние пастбища (на осень и зиму стада отгонялись в малоснежные южные степи). Вопрос этот пока основательно не изучен: даже имеющиеся археологические памятники и исторические свидетельства в этом аспекте и в масштабах всего региона еще не осмыслены и не объяснены. Диким полем эти территории стали на сравнительно короткое время. В середине XVI в. ногайские феодалы отошли со своими людьми и стадами на юг в Нижнее Поволжье, в предкавказские степи, в Приазовье¹³⁰. Правда, уход ногайцев на юг не был окончательным и стабильным. Этот процесс завершался в ходе длительной дипломатической и открытой борьбы на протяжении которой ногайские феодалы, принявшие "шерть (присягу)" о подданстве и верности московским властям, то и дело изменяли ей. Ногайские правители долго не оставляли своих претензий на золотоордынское и казанское наследия, совершая частые набеги на присоединившиеся к России поволжско-приуральские земли и населяющие их народы.

Русскому государству, чтобы превратить эту обширную зону во внутреннюю область страны, потребовалось в течение более чем двух столетий настойчиво проводить политику заселения и освоения этих земель: строить сложные системы засечных линий и крепостей, постепенно отодвигая на юг и на восток пределы досягаемости кочевнических набегов, превратить в целях охраны границ нишарей, башкир и некоторые другие группы населения региона в служилые сословия, раздавать в вотчинное и поместье владение земли и поощрять различные формы заселения их крестьянами и т. д. По мере осуществления этой политики образовались пути и потоки миграций как местного (финно-угорского и тюркского), так и восточно

славянского населения на свободные ("дикие") земли лесостепной и степной части региона. Местные народы нередко воспринимали это движение как "возвращение" на "древнюю родину", на земли отцов и дедов. Но в памяти большинства народов региона более явственно звучит мотив о заселении земель "ушедших ногаев". Этот процесс всеобщего движения и привел к образованию в составе местного финно-угорского и тюркского населения новых ЭГ, среди которых преобладала разнородность территориальных, смешанных (внутриэтнических и межэтнических) групп. Одновременно с запада началось широкое движение русского крестьянского населения, которое завершилось формириванием ряда территориальных ЭГ русского населения.

Территориальные (смешанные внутриэтнические) ЭГ

В составе т а т а р выделяют две крупные территориальные группы смешанного типа — юго-восточную и уфинскую (приуральскую). Формиривание обеих групп происходило в XVII—XIX вв.

Юго-восточная группа складывалась в ходе переселения татар из Предканья в Заканье и дальнейшего их движения на юг и юго-восток. Заканье татары активно заселяли уже с конца XVI в. По мере строительства заканских укрепленных линий татарские поселения продвигались все дальше к югу от Камы, особенно плотно расселившись по южным камским притокам — Шемне и Зай. Здесь образовалась заканская (или неинзелинско-сармановская) подгруппа юго-восточных татар. В культуре и говоре заканских татар, в целом очень близких к культуре и говору предканских татар, проявлялись черты, характерные для быта и разговорного языка заволжских татар¹³¹. Из Заканья во второй четверти XVIII в. началось заселение Оренбургского края. К середине XIX в. оформилась группа оренбургских татар..., состоящая из различных этнографических, социальных и конфессиональных подразделений¹³². Часть оренбургских татар, так же как и группы башкир, чувашей, мордвы, вошла в казачье сословие.

Оренбургские татары обычно делятся на две подгруппы — каргалинскую и троичскую. Начало формириванию каргалинской подгруппы положило основание Сеитовой слободы к северу от Оренбурга, где поселились торговые татары из Предканья. Позднее вокруг Оренбурга возникли другие татарские поселения. На культуру и быт каргалинских татар заметное влияние оказало окрестное башкирское население. Башкирские двory появились и в санон Сеитовском посаде. Троичкая подгруппа татар в Зауралье (см. рис. 13) сложилась в XIX в. На культуру и быт троичских татар сказались тесные отношения с башкирами и казахами Троичского и Верхнеуральского уездов. Исследователи отмечают у оренбургских татар бытование залежно-переложной системы земледелия, развитого скотоводства, "регенерирование некоторых черт полукочевого хозяйства и быта", обилие в интерьере коши и паласов, обычай принимать пищу сидя на полу и т. п.¹³³

Уфинская группа татар формиривалась в XVIII—XIX вв., в ходе движения на восток как предканских, так и заканских татар. Расселялись они по всей Башкирии, но наиболее густо оседали в ее западных и северных районах. В западной Башкирии татары нередко расселялись в одних и тех же деревнях с башкирами, телтярами, чувашами, мордвой; в северной Башкирии — рядом с удмуртами, марийцами. Тесные контакты татар в западной и северо-западной Башкирии с упомянутыми народами оставили заметный след на их культуре, быте, разговорном языке.

Это дало основание для выделения татар северо-западной Башкирии в приуральскую подгруппу

Восточнее нижнего течения р. Уфы татарские деревни расположены вперемежку с башкирскими в бассейне р. Ай. Отдельными небольшими очагами татарские деревни встречаются на Южном Урале. Татары в восточных районах Башкирии восприняли многие компоненты башкирской культуры и башкирского языка. Все это дает основание для выделения их в уральскую подгруппу уфинских татар. В аспекте взаимодействия культур уфинские татары изучены явно недостаточно.

В XVII в. правобережные мишари проникают на левобережье и расселяются в Западном Заволжье, в пограничных с засечной чертой районах — в основном между Волгой и Малым Черемшаном. С севера в Западное Заволжье двигаются татары из Заказанья. Смещение мишарей и казанских татар в XVII в. в Заволжье явилось ключевым этапом в формировании общетатарской народности.¹³⁴ В Заволжье мишарско-татарское население находилось также в активных контактах с переселившимися сюда чувашами, ирдыками, русскими крестьянами, что наложило отпечаток на культуру всех народов. На восток в Приуралье и дальше, мишари переселялись как из Заказанья, так и с основной этнической территории. Отдельными ареалами смешанные тенниковско-сергачские группы мишарей расселялись в западной и северной Башкирии; в XVIII в. они вышли в Зауралье.¹³⁵ Можно выделить четыре ареала расселения мишарей. Относительно компактно мишари-«тюенцы» поселились в западной Башкирии (в нынешних Буздякском и Альшеевском районах Башкирии). Они образуют тюенскую подгруппу уральских мишарей. В северо-западной Башкирии в районе р. Быстрый Таныш вперемежку с тептярскими деревнями расположились поселения синбирской (или алатырской) подгруппы мишарей. «Тюенцы» и алатырские мишари сохраняли «ц-окающий» говор, хотя на разговорном языке обеих групп, особенно алатырской, прослеживается влияние башкирского языка.¹³⁶ Смешанные группы мишарей расселяются отдельными деревнями в северо-восточной Башкирии (уфинско-айлинская подгруппа) и в Зауралье (западносибирская подгруппа). Татары и мишари достигли притобольских степей, двигаясь «по стародавней казанско-тюенской дороге по Кане и Чусовой через Урал к сибирским татарам».¹³⁷ Возможно, эти пути первые татарские переселенцы прибыли в Зауралье уже в XV—XVI вв. Находясь в многоэтничной среде, все подгруппы уральских мишарей пережили длительный период культурной адаптации, входя в сложные контакты с окружающим населением прежде всего с башкирами, а также с татарами — выходцами из Казанской губернии. Особенно заметным было влияние башкирского языка и культуры на уфинско-айлинских и западносибирских мишарей. Последние в конце XIX—начале XX в. говорили на ялан-катайском подговоре аргаяшского говора восточного диалекта башкирского языка,¹³⁸ занимались скотоводством, отгоняли стада на тебеневку.

Существенные изменения в XVII—XVIII вв. происходят в этнографической структуре чувашей. На территории самой Чувашии, как упоминалось, образуется переходная группа средненизовых или центральных чувашей (санат-енчи), а в юго-восточной и южной Чувашии более четко очерчиваются этнографические границы низовых чувашей (анатри) в современном понимании этого этнического названия. В сложении группы анатри участвовали все группы чувашей, в том числе, видимо, и те, которые в XVI—XVII вв. еще оставались на территории Приказанья. Именно эти обстоятельства исследователи истории и этнографии чувашей склонны объяснять то, что чувашь-анатри «в большей чистоте сохранили этнические черты болгаро-чувашей».¹³⁹

В XVII—XIX вв чуваши (преимущественно из группы анатри) широко расселились в Заволжье и в Поволжье (в Казанской, Самарской и Саратовской губерниях), на обширной территории Приуралья и Южного Урала (в Пермской, Уфимской и Оренбургской губерниях). История расселения чувашей к востоку от Волги и в Прикамье изучена слабо; в литературе нет сведений о консолидации чувашского населения за пределами этнической территории Чувашии в этнографические группы. В последние годы, однако, изучение чувашей в Поволжье и Приуралье после длительного перерыва, с 1920-х годов, возобновилось. Предварительные публикации по итогам исследований¹⁴⁰, ставящих целью выяснение прежде всего современных этнических и культурных процессов, дают основание для некоторых заключений и в ретроспективном плане. За пределами Чувашской республики, но в границах ИЗО к началу XX в проживало около 40% от общей численности чувашей. По характеру расселения, а также особенностям этнокультурного развития в различающейся этнической среде можно выделить четыре группы чувашей.

Заволжские чувашы расселяются на территории современной Татарии (147 тыс человек по данным переписи 1979 г., см табл. 1). В начале XX в их развитие происходило под преимущественным влиянием татарского окружения. Возрастающим становилось чувашско-русское взаимодействие, особенно среди христианизированных групп чувашей, однако его последствия занетно проявились позже, к середине XX в.

Казанские чувашы относятся к чувашскому населению левобережных районов современных Ульяновской, Куйбышевской и отчасти Саратовской областей (общая численность по переписи 1979 г более 230 тыс.). Здесь чувашы расселяются в сложном полиэтническом окружении (русском, татарском, мордовском и др.). Исследователи отмечают стойкое сохранение этнического самосознания чувашей Заволжья. Из 22 обследованных в 1984 г чувашских селений в Куйбышевской и Ульяновской областях в 5 селениях жил потомки "некрещеных" чувашей-язычников, в культуре и быте которых обнаруживается более глубокая приверженность традициям¹⁴¹. Следовательно, чувашы Заволжья в начале XX в более отчетливо раздваивались по этноконфессиональным подгруппам — чувашей-христиан и чувашей-язычников. В момент проведения экспедиции "взаимоотношения между двумя этноконфессиональными группами чувашей характеризовались дружественной атмосферой, осознанным пониманием этнического единства..."¹⁴². Это важное замечание, так как в литературе имеется немало наблюдений, относящихся к XIX—началу XX в., о конфликтах, коллизиях или напряженных отношениях между конфессиональными группами одного и того же этноса (христианами и язычниками у чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов, христианам и мусульманам у татар). О численном соотношении крещеных и некрещеных чувашей Заволжья к началу XX в сведений нет. Судя по позднейшим данным, чувашы-христиане составляли подавляющее большинство. Чувашы, христиане и язычники, поселялись отдельными деревнями, однако в насабах Заволжья они, видимо, не образовывали компактных очагов расселения.

Приуральские чувашы относятся к чувашам, ныне живущим в Башкирии и Оренбургской области (общая численность по переписи 1979 г. 145 тыс человек). Как и чувашы в Заволжье и Поволжье, приуральские чувашы расселяются отдельными ареалами в разнотинном окружении. В Башкирии чувашы относительно компактно живут в юго-западных и центральных районах, в Оренбуржье — в северо-западных.

Формирование приуральской группы чувашей происходило в XVII—XIX вв., когда на пришлое население культурное воздействие оказывало башкирское и татарское окружение. На рубеже XIX—XX вв приуральские

чуваши в нассе были двуязычными, владея татарским или башкирским языком. Часть чувашей, особенно в Оренбуржье, переходила на трехязычие — чувашско-татарско-(башкирско)-русское, однако этот процесс охватил всех чувашей позже в XIX в.

Сравнительно небольшая прикамская группа чувашей (14 тыс. человек по переписи 1979 г.) живет в Пермской области. Чуваши в пермском Прикамье поселились в XVII—XVIII вв. Вероятно, они являются потомками тех чувашей, которые еще с середины XVI в. расселились на правобережье Нижней Вятки и по указу Василия III вместе с "вотьяками" участвовали в строительстве крепости Слободское¹⁴³. По мнению ряда исследователей, чуваши из Предкамья (из Казанского уезда) во второй половине XVI—XVII вв. переселились частью в юго-восточные земли Чувашии, частью направились, вероятно на восток на пермские земли, часть остались в прежних местах жительства, влившись в состав татарского этноса¹⁴⁴.

На древней этнической территории Башкирии смешанной внутриэтнической является юго-западная (денская) ЭГ башкир. Главную роль в формировании этой группы сыграли караидельско-денские башкиры, прежде всего пленники мин. Однако после ухода из Башкирии в середине XVI в. ногайцев, когда земли "ушедших ногайцев в бассейне р. Дены заняли минские башкиры¹⁴⁵ к минцам в течение второй половины XVI—XVIII в. подселены башкиры из восточной, западной и северной Башкирии (из родоплеменных образований бурзян, тамьян кипчак, тамьн тангаур, кудей, гайна, уран, сураш и др.). В результате образовалась ЭГ, которая сочетает в себе признаки генетической и смешанной внутриэтнической ЭГ. Денские башкиры обладают специфическими особенностями культуры. С. Н. Шитовой выделен юго-западный (денский) комплекс башкирской народной одежды¹⁴⁶. Разговорный язык денских башкир образует самостоятельный денский говор южного диалекта башкирского языка¹⁴⁷.

Аналогичный процесс шел на всей территории западной и юго-западной Башкирии¹⁴⁸. Далеко на юг, до верховьев Дены, долины Самары, Бузулука продвинулись камско-икские и нижебельские башкиры, возвращаясь на пастбища и кочевья своих предков. К движению присоединились группы мигрантов из северной (из родоплеменных образований гайна, казанчи тамьн) и восточной (сырлян, тамьн катый, айле, кубоу...) Башкирии. В результате новых передвижений у многих западных родоплеменных образований во второй половине XVI—XVIII в. сложилось своеобразное расселение, когда у них оказалось по две этнических территории — старые в низовьях р. Белой, по Кане, новые — по среднему и верхнему течению р. Ик, по верховьям р. Кинель, на правобережье р. Самары. На разных территориях оказались родоплеменные образования буляр, байлар, еней, киргиз, канлы и др.

Переселения во второй половине XVI в. юрматынцев (входящих в состав приуральских лесных башкир) на левобережье р. Белой, в долины рек Ашкадар, Селеук, Уртак носили характер сдвига, расширения плененной этнической территории. Это расширение было существенным: юрматынцы достигли верховьев Саелньша, притока Сакмары, а отдельные группы отходились дальше, в приицкие степи.

На юг устранилась также часть башкир из горнолесных и даже зауральских районов. В бассейн р. Большой Ик, правого притока Сакмары, переселились лесные и частью степные бурзяне. Здесь они основали бурзянские деревни на кыпчакских землях, образовав довольно обширный район смешанного (внутриэтнического) бурзянско-кыпчакского расселения.

Таким образом, территории юго-западной, икской, нижебельской групп, а также приуральской и горнолесных подгрупп юго-восточных

башкиры сложились во второй половине XVI в и позже в результате возвратных движений башкирского населения на старинные земли, ставшие на время дикин" полем или занятые ногайцами. В этих возвращениях в разных пропорциях приняли участие, по существу, все группы башкирского этноса.

Время образования периферийных групп башкир остается не во всем ясным. Проникновение башкир на сибирскую сторону Урала¹⁴⁹, судя по легендам и преданиям, имело место уже в XIII—XIV вв., однако массовое заселение Зауралья началось, по достоверным источникам, с XVI в.¹⁵⁰ Башкиры двигались в западносибирское Зауралье с трех сторон. С севера и северо-запада, со стороны строгановских земель, шли башкиры крупных родоплеменных образований салют, катый. Вместе с ними продвинулись на восток роды сырян, терсак, бекатин. Селились башкиры по восточным отрогам Урала, по течениям западносибирских рек, левых притоков Тобола, по озерам. Движение в Зауралье из-за Камени (со стороны Урала) продолжалось и в XVII—XVIII вв. Более поздние переселенцы, не застав здесь свободных земель, двинулись дальше, в притобольские и приуйские степи. Первоначально катыйские башкиры родов улу-катый и бала-катый заняли восточные отроги Уфалейского хребта, земли по верховьям рек Теча, Караболка, а также вокруг близлежащих озер. К середине XVIII в. выходцы из разных катыйских родов расселились по озерам, в степях севернее нижнего течения р. Уй. Они получили название ялан-катыйцев.

С запада в Зауралье вышли айлинские башкиры с бассейна р. Ай. Начало переселения айлинцев (родов айле сызгы, сарт) в Зауралье относится примерно к первой половине XVII в., когда башкиры стали покидать старые кочевья в айских вершинах, стремясь в зауральских степях укрыться от активизирующейся колониальной политики царизма. Позднее к движению на восток прикнули башкиры среднего течения р. Ай. В Зауралье айлинцы расселились южнее салютов, занимавших обширные земли по Синаре, Караболке и озерам. Айлинские аулы расположились по правым притокам р. Миасс, а также севернее по озерам, в пределах преимущественно современного Аргаяшского района Челябинской области. В приуйских степях айлинцы поселились в юго-западном соседстве с ялан-катыйцами или попеременно с сартани, калмаками по озерам, вплоть до Тобола и Уя.

С юга и юго-запада на сибирскую сторону Урала перекочевывали башкиры табынского объединения родов табын, кара-табын, кёкюргах, барым. Вслед за ними в Зауралье откочевывали небольшие группы башкир из близких к табынцам родоплеменных образований кувакан, сырзы, тилеу, кубалая.¹⁵¹ Табынские башкиры были, видимо, самыми ранними переселенцами в Зауралье: в шежере кара-табынцев есть упоминание о том, что кочевки Майки-бия, племенного вождя табынцев, в эпоху монгольских походов находились в долине р. Миасс.¹⁵² Однако в глубь западносибирских степей табынцы также проникли позже, скорее это была постепенная инфильтрация на протяжении XV—XVII вв. Табынцы на сибирской стороне Урала имели в отличие от многих катыйцев и айлинцев обширные земли в вотчинном владении. Расселялись они преимущественно по рекам Миасс, Уй, в междуречье этих рек, главным образом в бассейне р. Увелька. Часть табынцев вышла на правобережье Уя и кочевала по течению р. Тогузак.

В целом в Западной Сибири башкиры в XVII—XVIII вв. занимали территорию, границами которой с севера были р. Исеть, с востока — Тобол, с юга — Уй и Тогузак. В то же время в силу главных образцов хозяйственной необходимости башкиры в XVI—XVIII вв. откочевывали за пределы

указанных границ. На севере башкиры имели охотничьи угодья в лесах по Пышме и Тавде, где они контактировали с хантами. На востоке башкиры ходили на охоту «до Тобола и Ишима», откуда возвращались «с богатой добычей» состоящей в корсаках лисиц, волках, бобрах и выдрах¹⁵³. На юге башкиры отгоняли стада на летние пастбища на Тогузак и южнее¹⁵⁴.

Неизвестно, входили ли башкиры в состав Сибирского царства до начала правления хана Кучуна прибывшего в Западную Сибирь в 1555 г. По словам Г. Ф. Миллера тогда башкиры «еще не жили в пределах Сибири и имели местопребывания по ту сторону Урала»¹⁵⁵. Но в XVI в. сложились торговые связи между башкирами и сибирскими татарами башкиры ходили с Урала на Тобол и Ишим, куда бухарские и хивинские купцы доставляли караваны со среднеазиатскими товарами¹⁵⁶. Есть основания полагать что эти связи могли отражать существование уже в XV—XVI вв., видимо, еще слабых, этнокультурных контактов между башкирами и западносибирскими татарами. В конце XVI в. часть зауральских башкир (табынцы, сырянцы...) была вовлечена Кучуновичами в борьбу против Русского государства¹⁵⁷. Одновременно это означало расширение этнокультурных контактов тюркского населения Западной Сибири.

На огромной территории расселения башкир на сибирской стороне Урала их численность была относительно невелика по четвертой ревизии (1782 г.) в Челябинской округе башкир было мужского пола 9053 женщин — 7895, а всего — 16953 человека¹⁵⁸. В то же время со второй половины XVI в. Зауральская Башкирия становится объектом активной колонизации (см. гл. IV). В результате отбегания территории расселения зауральских башкир они в XIX в. стали своеобразными группами-изолятами, так как, во-первых, были отделены от основной этнической территории и материнского этноса широкой полосой горных заводов с русским населением, во-вторых, в самом Зауралье оказались расчлененными на два ареала расселения в окружении русского и татарского населения. Челябинские (или аргаяшские) башкиры сконцентрировались в основном на восточных склонах Уральского хребта, по среднему течению р. Миасс, в верховьях Течи и Караболки (в современных Аргаяшском и Кунашакском районах Челябинской области), курганские (или ялан-катайские) башкиры — по озерам в современных Альменевском и Сафакулевском районах Курганской области (см. рис. 13). Со второй половины XVII в. стали уменьшаться и к началу XX в. вовсе исчезли башкирские поселения по Ую, Тогузаку, Увельке Пышмы, Исети и их притокам. В то же время в XIX в. численность башкир на сибирской стороне Урала, как и всего башкирского этноса, выросла в три раза. По переписи 1897 г. в Челябинском уезде Оренбургской губернии башкир было 50 658 человек (русских 351 424, татар 39 553)¹⁵⁹. В начале XX в. численность башкирского населения еще более возросла. В 1920 г. в Аргаяшском кантоне Челябинской области было всего населения 83 436 человек, в том числе башкир 64 660, татар 15 200, русских 6 470, в Ялан-Катайском кантоне всего населения 40 998 человек, в том числе башкир 27 570, татар 7 255, русских 7 100¹⁶⁰. Таким образом, общая численность зауральских башкир в 1920 г. составила 92 230 человек.

Зауральские башкиры сложились в этнокультурном отношении в ЭГ с характерным комплексом культуры. Это проявлялось в общности традиционного (полукочевого скотоводческого) хозяйства, домашних промыслов, социальных (общинно-родственных структур), в едином костюмном комплексе (с характерным для него сочетанием в женской одежде, обуви — сарык, покрывала — кушяулык, нагрудника — яга), в близости, в сущности, в единстве семейно-брачных обычаев и свадебной обрядности и т. д.¹⁶¹

Разговорный язык зауральских башкир образует аргаяшский говор восточного диалекта¹⁰². В то же время на культуре и языке зауральских башкир отразились пестрота, сложность их этнического состава и сравнительно непродолжительный путь формирования. В культуре быте обычаях зауральских башкир сложно переплелись черты, свойственные северо-восточным и северным, горным юго-восточным башкирам. Как на юго-востоке Башкирии, здесь были широко распространены вещи из кожи и шерсти; как на северо-востоке, женщины украшали платье браным узором, носили татарские колпаки и фартуки и т. д. Присутствие компонентов культуры северо-восточных башкир больше ощущается в северной Зауралье горных и юго-восточных башкир — среди ялан-катайских башкир и на Миассе. Сложный внутриэтнический синтез проявляется и в языке зауральско-сибирских башкир. Разговаривают зауральские башкиры на трех говорах восточного диалекта — аргаяшском, сальютском, миасском; аргаяшский говор включает ялан-катайский подговор¹⁰³.

С заселением сибирской стороны Урала зауральские башкиры вступили в новую полосу своей этнической и культурной истории. Она характеризовалась установлением контактов, развитием взаимодействия с сибирскими татарами, ногайцами, калмыками, казахами, волжскими татарами, русскими. Это нашло то или иное отражение в их культуре и этническом облике. Исследователями много раз отмечались общность фольклорных традиций башкир казахов и западносибирских татар¹⁰⁴, использование башкирами опыта казахов в строительстве в степных условиях саманных и глинобитных жилищ¹⁰⁵, тесное взаимодействие башкир с русскими и татарами в процессе освоения земледелия и т. д.¹⁰⁶ С другой стороны, хозяйственный опыт, культурный потенциал зауральских башкир явился для других, пришедших в Сибирь народов ценным резервуаром, из которого они черпали знания и навыки в процессе адаптации к новым для них условиям. Особенно сильным было влияние на калмыков, которые ассимилировались в составе ялан-катайских башкир, на нишарей, которые восприняв у башкир навыки скотоводства, многие компоненты материальной и духовной культуры, заключая с башкирами браки, перейдя в разговорном языке на ялан-катайский подговор, прошли этап башкирской аккультурации¹⁰⁷.

История формирования южных ЭГ башкир в Волго-Уральском неждуречье разработана также недостаточно. В отличие от сибирского Зауралья башкирам издавна были известны удобные для зимовки и тебеневки просторы в степях Заволжья. Очевидно еще в средневековье они достигали со своими стадами Чагана, правого притока р. Урал, Большого и Малого Узенья, Чижинских разливов. Однако описанные выше события, связанные с выпеснением населения региона на север, ограничили, а то и вовсе прервали традиционные сезонные перекочевки башкир на юг. Они возобновились в середине XVI в. в ходе соперничества и борьбы с Ногайской Ордой. Вслед за уходом ногайцев башкиры не только расширили свои территории, возвратившись на древние земли, но и вновь устроились в Волжско-Яицкие степи. Привольные степи привлекали не только юго-восточных башкир. Так же как и в денскую долину, сюда устроились отесненные ранее в леса и в горы башкиры со всей Башкирии — с запада, с севера, с востока. В XVII—XVIII вв. в санарских и заводских степях кочевали башкиры с юго-востока Башкирии (из родоплеменных образований бурзян, юрматы, таньян, тангаур, усерган, кыпчак), из горной и восточной Башкирии (скатай, табын, юрлан, барым-табын и др.), из северной и западной Башкирии (сгайна, таз, байлар, мин, канлы и др.). Преобладали, однако, в степях башкиры из юго-восточной и юго-западной групп. В целом же, как и в Зауралье, это был сложный внутриэтнический синтез. Он должен был привести к образованию нового обширного

ареала расселения башкир с тенденцией формирования в ЭГ со специфическими чертами культуры. Однако со второй половины XVI в. самарское и саратовское Заволжье заселялось не только башкирами, но и с запада — русскими, народами Поволжья, к которым в XVIII—XIX вв. присоединились украинцы, белорусы, латыши, эстонцы, немецкие колонисты, с востока — калмыками, казаками, каракалпаками, туркменами и др.

В ходе освоения земель между Волгой и Уралом башкирские кочевья сокращались. К концу XIX в. в результате отбегания образовалось три ареала расселения башкир: в Оренбуржье, в Самарской и Саратовской Заволжье. Первый из них локализовался по правым притокам Самары — рекам Ток, Большой и Малый Уран. В конце XIX в. ток-чуранские башкиры жили в 28 деревнях. Второй ареал образовался в верховьях р. Большой Иргиз и ее притоков Каралык и Канелик. В начале XX в. башкиры жили здесь в 16 аулах. В третьем ареале — по рекам Большой и Малый Узень и по расположенным к востоку и теряющимся в песках речкам 1-я, 2-я и 3-я Чижы — башкиры расселялись дисперсно, на одной территории с русскими, казахами, татарами. В начале XX в. (в 1911—1913 гг.) башкиры из районов Узень и Чижы были вытеснены и поселились среди иргиз-канеликских башкир. В результате здесь стали смешанно проживать две группы: "старые" (или иргиз-канеликские) и новые (или чижинские) башкиры. "Старые" и новые до недавнего времени сохраняли различия в языке, главным образом фонетические.

У финно-угорских народов региона смешанные внутриэтнические группы также формировались как на этнической, так и на соседних территориях.

Движение нарийцев на восток в XVI—XVIII вв. привело к появлению и росту нарийского населения на правобережье Нижней Вятки. Здесь К. И. Козлова выделяет Уржунско-Вятский район расселения нарийского населения, среди которого были выходцы из различных мест Марийского края. Марийцы оказались в окружении русских, татарских и удмуртских поселений. За XVII—XVIII вв. уржунско-вятские нарии "претерпели" столь много перенесений и этнокультурных взаимодействий, что у них образовалась "пестрая картина диалектных групп". К. И. Козлова по направлению культурного развития выделяет в Уржунско-Вятском районе уржунских нарийцев (73 тыс. по переписи 1897 г.) и малмыжских нарийцев (10,4 тыс. по переписи 1897 г.). Уржунские нарии находились в теснейших контактах с русским населением. К концу XIX в. из 800 уржунских деревень с нарийским названием в 266 деревнях жили только русские, в 205 — смешанное нарийско-русское население, в 329 — нарийское. Малмыжские нарии соседствовали, кроме русских, с татарами, удмуртами, а также в Елабужском уезде с башкирами. Наиболее значительным на малмыжских нарий было влияние татар. В Малмыжском уезде, — пишет К. И. Козлова, — нарийское население настолько овладело татарским языком, что он давно уже стал их вторым родным языком¹⁷¹. В Уржунско-Вятском Прикамье нарийцы говорят на трех говорах — сарапульском, елабужском, кукуморском. Эти говоры, с одной стороны, близки к луговому наречию, с другой — являются переходными к говорам восточных нарийцев. По мнению языковедов, особенностью этих говоров объясняются ассимиляция нарийцами небольших групп соседних удмуртов, сложностью состава самих уржунских и малмыжских нарийцев, которые абсорбировали нарийцев из различных мест, в том случае испытывавших влияние чувашей¹⁷².

Марийцы, поселившиеся в XVII—XVIII вв. в районах Закамья, формировались в восточнонарийскую ЭГ. Окончательно она сложилась во второй половине XIX в., термин "восточные нарийцы" появляется в литературе в 70—80-е годы XIX в.¹⁷³ Абсолютное большинство восточных нарийцев (упо нарий) — выходцы из различных групп луговых

нарн¹⁷⁴ Восточномарийский диалект близок к лугово-марийскому наречию. В то же время в новых местах расселения и в условиях взаимодействия с различным и многоэтничным окружением "изменения в культуре и быте восточных марийцев зашли настолько далеко, что они коснулись их духовной сферы"¹⁷⁵ Эти изменения были, как правило, обусловлены этническим окружением.

К восточным марийцам обычно относят марийское население к востоку от нижнего течения Вятки. По переписи 1897 г., из 375 тыс. марийцев 105 тыс. расселялось восточнее Вятки, в том числе в Уфимской губернии их было 80 тыс., в Пермской — 16, в Елабужском и Сарапульском уездах Вятской губернии — около 10 тыс. Восточные марийцы по признакам географической локализации и культурным особенностям делятся на 4 группы.

Прикамские марийцы (около 30 селений) в конце XIX в. расселялись в южной части Канско-Вятского междуречья. К этой же группе относятся марийцы Заванья, живущие в пределах современной Татарии. В Прикамье марийцы издавна находились в контактах с русскими, татарами, и башкирами. В Заванье они жили в окружении татарских сел и в соседстве с чувашами. Особенности этнической среды придали определенную направленность этнокультурному развитию прикамских марийцев.

Прибельская группа восточных марийцев, наиболее крупная (180 селений в конце XIX в.) занимала земли между нижним течением рек Белой и Уфимки. Здесь они расселялись двумя крупными очагами, центры которых находились в современных Мишкинском и Калтасинском районах Башкирии. Марийцы на ранних этапах расселения вошли в тесные контакты с башкирами. Позднее, по мере расселения в Приуралье татар, русских, прибельские марийцы включились в новые этнокультурные связи.

Икско-Синьская группа восточных марийцев (около 40 селений) расселилась в междуречье рек Большой Ик и Сунь (по левобережью нижнего течения Белой) в окружении башкирских и татарских деревень.

Уральская группа восточных марийцев (более 30 селений) заняла территорию по среднему течению р. Уфа и по р. Сылтау. Здесь марийцы рано вошли в контакты с русскими, но вплоть до XX в. "стойко сохранили традиционные общемарийские черты быта и культуры"¹⁷⁶

Таким образом, у северных групп мари (прикамской, уральской) сильнее сказались взаимосвязи с русским крестьянским населением, у южных (прибельской, икско-суньской, у марийцев в Заванье) — с башкирами, татарами, чувашами. У восточномарийских групп проявляются особенности в разговорной речи, что позволило диалектологам выделить елабужский говор у прикамской группы, мишкинский (или бирский) и калтасинский говоры у прибельских марийцев, мензелинский говор у икско-суньской группы марийцев, кунгурский говор у уральских марийцев¹⁷⁷. Все группы восточных марийцев, находясь в активном хозяйственно-экономическом и культурно-бытовом взаимодействии с окружающим иноэтничным населением, к началу XX в. в полной мере сохранили свою этничность — родной язык, своеобразие в культуре, этническое самосознание.

На этнической территории н о р д ы (на землях 17 селений Теньгушевского района Мордовии по нижнему течению р. Мокша) сложилась подгруппа теньгушевской мордвы (шокша). В составе шокши преобладает мордва-эрзя, у них эрзянское самосознание. Однако у шокши в культуре наблюдались свойственные только им особенности: говорили они на своеобразном шокшанском диалекте. В образовании указанных особенностей существенную роль сыграло участие в сложении шокши мокшанской мордвы. В XVI—XVII вв. мордовско-эрзянские группы, оторвавшись от эрзянского массива, расселились среди мокши и испытали ее культурное и языковое воздействие¹⁷⁸.

Заселение мордвой Пензенско-Саратовского Предволжья произошло как говорилось, в основном за 100-летие, с середины XVII до середины XVIII в. На юг и юго-восток переселялись как мокша так и эрзя. Старики еще помнили что здесь на лесостепных землях были охотничьи и бортные угодья их предков. К середине XIX в. в Пензенско-Саратовском Предволжье численность мордвы достигла примерно 150 тыс. человек. Расселились они среди русских, татар чувашей, не образовав нигде компактного этнического ареала. Доминирующее направление культурного взаимодействия зависело от этнического окружения — преимущественно чувашского или татарского в Симбирской губернии, русского в Саратовской губернии. В этнографическом отношении мордва Саратовско-Пензенского Предволжья исследована недостаточно. Возможно, в зависимости от территориального подхода к изучению этих групп в литературе их называют пензенской, саратовской мордвой.

Заселение мордвой Заволжья развернулось лишь с XVIII в. К 1859 г. численность заволжской мордвы достигла 165 тыс. человек.¹⁷⁰ Во второй половине XIX в. миграция мордвы продолжалась, но имела особенности. В Закамье (южная часть Казанской и восточная часть Симбирской губерний) численность мордвы с 1859 до 1897 г. выросла на 34—35%. В Заволжье (левобережные территории Самарской и Саратовской губерний) численность мордвы за этот же период выросла на 55%. В Приуралье (Уфимская и Оренбургская губернии) к 1897 г. по сравнению с 1859 г. численность мордвы выросла на 300%.¹⁸⁰ Нарастание темпов прироста мордвы за вторую половину XIX в. с запада на юг и восток было связано с временен переселений. В Закамье мордва расселилась до середины XIX в. в основном в татарской, русской и чувашской среде. В Заволжье к середине XIX в. мордва уже была многочисленной, но во второй половине XIX в. заселение самарского и саратовского левобережья продолжалось. Здесь мордва селилась очагами или отдельными деревнями среди русского татарского, башкирского, чувашского, украинского и немецкого населения. В Приуралье мордва сложилась лишь во второй половине XIX в. (в 1859 г. в обеих губерниях — Уфимской и Оренбургской было 19 тыс. мордвы, в 1897 г. их стало 75,7 тыс. человек.¹⁸¹) Здесь они расселились среди башкир, татар, русских, украинцев.

Мордва старалась селиться отдельными деревнями. Мокшанские деревни преобладали в южных районах Заволжья, на самарском и саратовском правобережье. В Приуралье мокшанские деревни также было больше, так как среди поздних мордовских колонистов преобладала мордва-мокша. В мордовских деревнях Закамья поселились выходцы из эрзянских деревень Нижегородского, Арзамасского, Алатырского и Казанского уездов.¹⁸² Постепенно, однако, образовывались смешанные мордовско-эрзянские поселения, число которых постоянно росло. Кроме того, из Пензенско-Саратовского Предволжья на восток переселялись уже смешанные мокшанско-эрзянские группы.

Сказанное позволяет считать, что на нынешнем уровне наших знаний правомерно подразделять мордву к востоку от Волги на закамскую, заволжскую и приуральскую группы. В пределах этих ареалов мордва расселяется рассеянно, небольшими очагами, что, естественно, должно было сказаться на их дальнейшем этническом и культурном развитии.

Смешанные территориальные группы удмуртов складывались по мере их движения на восток и юг. Исследователи отмечают присутствие самых различных восточно-родовых организаций во всех районах с удмуртским населением, образовавшихся в процессе миграций.¹⁸³⁻¹⁸⁴ На территории самой Удмуртии в конце XVI—XVIII в. образовались "этнические группы" "со смешанной этнической структурой"¹⁸⁵ на южных и юго-вос-

точных окраинах. На юго-восточном направлении удмурты достигли Камы и вышли на ее правобережье. Эта территория, по существу, осваивалась удмуртами одновременно с русским населением, так как уже к середине XVII в. здесь образовались густонаселенные волости дворцовых крестьян — Каракулинская, Елабужская, Сарапульская¹⁸⁰. На землях по левому берегу Камы, а также на правобережье, напротив устья рек Белой и Большой Ик, удмурты жили в тесном соседстве с башкирами. Южные и юго-западные удмуртские деревни оказались расположенными вперемежку с русскими (особенно близ г. Малмыжа), татарскими и марийскими поселениями. Таким образом, южных и юго-восточных удмуртов "со смешанной этнической структурой" можно условно подразделить на юго-западную и юго-восточную подгруппы.

За пределами этнической территории удмуртов в границах ИЗО в XVI — XVIII вв. образовалась приуральская ЭГ удмуртов. Этнический состав приуральских удмуртов детально исследован М. Г. Атанановичем, который устанавливает переселение на современных территориях Башкирии, Татарии, Пермской и Свердловской областей отколовшихся частей многих воршудно-родовых групп: докья, зумья, можа, пельга, шудья, эгра, уча-выл, тукия и др.¹⁸⁷ В состав приуральских удмуртов включают "локальные группы: к у е д и н с к у ю (в Куединском районе Пермской области) я н а у л ь с к о - т а т ы ш л и н с к у ю (в Янаульском, Татышлинском, Калтасинском и Бураевском районах Башкирии), б а в л и н с к у ю (в Бавлинском районе Татарии, Еркееевском районе Башкирии) к р а с н о у ф и н с к у ю (в Красноуфимском районе Свердловской области)".¹⁸⁸ Иногда последнюю называют уральской группой удмуртов. Особенности в разговорном языке приуральских удмуртов дали основание для выделения татышлинского красноуфимского диалектов, а также отметить особенности бавлинского и куединского говоров. Языковые различия объясняются участием в формировании указанных групп удмуртов-переселенцев из различных ЭГ, а также особенностями их исторического развития.¹⁸⁹ Приуральские удмурты чаще расселялись в однонациональных деревнях, хотя нередко были и смешанные поселения — удмуртско-татарско-башкирские, удмуртско-башкирско-марийские и т. д. В однонациональных деревнях удмурты устойчиво сохраняли традиции в занятиях, промыслах, в семейно-родственных обычаях.¹⁹⁰ У янаульско-татышлинских, бавлинских удмуртов, живущих в окружении татарского и башкирского населения, антропология в середине XIX в. на 90% была тюркского происхождения.¹⁹¹

Территориальные (смешанные межэтнические) ЭГ

Территориальные этнографические группы, а также не оформившиеся в ЭГ сообщества, сложившиеся или складывавшиеся в ходе межэтнического взаимодействия, различаются на смешанные между родственными и неродственными народами. К числу смешанных ЭГ между родственными народами прежде всего относятся группы, возникшие в обширной зоне контактов татар и башкир. Такова природа северо-западных башкир и восточной закамской ЭГ татар. С е в е р о - з а п а д н ы е б а ш к и р ы, включая как указывалось, икско-канскую, нижебердскую, тулвинско-нуллинскую, таныпскую и карандельскую подгруппы, преимущественно были связаны с территориально-племенными группами XV — первой половины XVI в. В то же время особенности культурно-языковой характеристики указанных подгрупп определялись не только родоплеменным составом входящих в них башкир, но и продолжительностью и интенсивностью

контактов этих подгрупп между собой а также масштабами их смешения с татарами и мишарями, степенью абсорбции ими финно-угорских (мордовских, марийских, удмуртских), и вероятно чувашских групп Закамская ЭГ татар формировалась под воздействием тех же факторов; здесь, естественно ведущей была роль пришлого из Прикамья татарского населения хотя нет оснований преуменьшить и тем более отрицать роль башкирского компонента. Особенно это касается восточной части Закамья, территории бывшего Мензелинского уезда, где по долинам рек Большой Ик, Мензеля, Шешма и до верховьев рек Большой и Малый Черемшан издавна расселялись башкиры. Об этом свидетельствуют топонимические и эпиграфические источники, башкирские и татарские шежере, исторические предания и легенды.

В XVII—XIX вв. образовалась, таким образом обширная территория от Волги на западе до центральных районов Башкирии на востоке, на которой сложились условия для интенсивного башкиро-татарского взаимодействия и образования двух близких по культуре и языку ЭГ — северо-западной башкирской и закамской татарской. Основой интенсивного взаимодействия башкир и татар, их постепенного, но глубокого смешения и взаимопроникновения в отнесенной зоне были общность этногенетических истоков, родство культуры и языка обоих народов, принадлежность к одной — исламской — конфессии, нарастающий с XVI—XVII вв. переход башкир на ХКТ оседлого пашенного земледелия, формирование к середине XIX в. во всей зоне единого типа хозяйства одинаковые природно-географические условия хозяйствования и культурно-языкового функционирования. В этом свете этнографические группы и подгруппы татар которые расселились на башкирских землях — пернскую, приуральскую (уфинскую) каргалинскую — также можно применительно к рубежу XIX—XX вв. характеризовать как смешанные межэтнические ЭГ так как в их культуре и говорах исследователи обнаруживают черты, сближающие их с окружающим башкирским населением.

Определенные этнокультурные последствия имела в среде в о с т о ч н ы х башкир ассимиляция сибирских татар, сартов, казахов, каракалпалков, трухменов, а также отдельных групп аюкинских калмыков. В середине XIX в. П. Небольсин писал, что "в собственно башкирских кантонах живут вместе с башкирцами несут казачью службу и люди других племен, например, татары [сибирские — Р.К.] и киргизы [т.е. казахи — Р.К.], вышедшие из степи, онусульманенные мешора [т.е. мишари — Р.К.] и онусульманенные калмыки и потонки выходцев из дальних земель Средней Азии, в половине прошлого [т.е. XVIII — Р.К.] столетия расселенных в разных местах Оренбургской губернии: все они в смысле лиц войскового сословия называются башкирцами"¹⁰². В этом свете аргашские и ялан-катайские башкиры, а также зауральская и южная подгруппы юго-восточной ЭГ башкир формировались как смешанные образования межэтнического характера.

Смешанные межэтнические ЭГ неродственных народов формировались в разных ситуациях, однако чаще всего в условиях длительного нахождения той или иной группы в иноэтничном окружении и взаимодействии с ним. Такова упомянутая ЭГ к а р а т а е в — по происхождению в основном мошпа. В настоящее время это несколько деревень современного Канско-Устьинского района Татарии Видино, в XVIII—XIX вв. сюда поселились и эрзянские семьи. Этническое окружение из татарского стало татарско-русским. Поэтому мордва-каратаи к началу XX в. наряду с татарским освоивали русский язык и многие атрибуты русской культуры.¹⁰³ Другим примером смешанного образования являются м о р д в а - т е р ю х а н и е — жители с Больше-Терюханова и еще примерно 40 деревень нынешнего

Дальнеконстантиновского района Нижегородской области Терюхане, по происхождению мордва-эрзя, находясь в русском этническом окружении, к середине XIX в. перешли на русский язык, осваивали русскую крестьянскую культуру и быт, но еще сохраняли мордовско-эрзянское самосознание¹⁰⁴. Очевидно, уже тогда начался переход части мордвы в состав русского этноса. В 1859 г. среди 25 300 жителей "мордовских деревень" Нижегородского уезда мордвы было лишь 10—15 тыс. человек. Этот процесс шел и в других районах расселения мордвы на правобережье Волги в том числе среди ченбарской и балашевской мордвы¹⁰⁵. В то же время на основной территории расселения мордвы известны и процессы "мордванизации", хотя масштабы последней едва ли были значительными. Обычно "мордванизация" охватывала жителей отдельной деревни. Так, в конце XIX в. ассимилировались с мордвой (или пережили этап аккумуляции) русские с. Иванцево в Нижегородской губернии, чувашки с Урюм Тетюшского уезда Казанской губернии¹⁰⁶.

В Заволжье в XIX в. направления этнокультурных взаимодействий мордвы были множественны, хотя преобладали мордовско-русские контакты. В Самарской губернии в 70-е годы прошлого века мордва проживала в смешанных деревнях в 108 русско-мордовских, 9 русско-мордовско-чувашских, 13 мордовско-татарских, 6 мордовско-чувашских, 4 русско-мордовско-татарских, 2 мордовско-татарско-башкирских¹⁰⁷. Тесное общение в одних и тех же поселениях далеко не всегда вело к смешению. Исследователи отмечают устойчивое сохранение среди мордвы в Заволжье родного языка, мордовских культурных традиций в обычаях, обрядах, фольклоре, верованиях¹⁰⁸.

Есть основания полагать, что в XVII—XVIII вв., а возможно и позже в ИЗО, кроме упомянутых, были также и другие тюрко-финно-угорские и финно-угорско-русские группы. Известно, что нарийцы, удмурты мордва, особенно мигрировавшие в районы расселения татар, башкир или чувашей и поселившиеся с ними в одних и тех же поселениях, нередко мусульманизировались и тюркизировались, становились татарами, башкирами, чувашами.

Среди северных и западных башкир зафиксированы десятки патронимических групп сирмеш (черемис), ар (удмурт), суаш (чуваш). В северо-западной Чувашии немало нарийцев стало чувашами. В северной и западно-сибирской частях Башкирии, судя по источникам, встречались группы и семьи обашкирившихся вогулов (хантов)¹⁰⁹.

Особенно сложными, разнонаправленными были процессы этнического смешения в восточной части Предканья. Исследователи не раз отмечали, что часть нарийцев в районе Кукнора была ассимилирована в XVII—XVIII вв. пришлыми из Заказанья "арскими" удмуртами. Возможно "обудмуртились" и группы тех чувашей, которых гранаты Трифоновского монастыря застали еще в Кукнорском стане¹⁰⁰. Начиная, видимо, с конца XVIII в., доминирующим направлением в Предканье Си в ряде других районов Среднего Поволжья становится процесс ассимиляции финно-угорских групп и чувашей в среде татар и башкир. За 70 лет, с 1834 по 1904 г., в Среднем Поволжье прирост населения составил у татар 150%, у чувашей 83,5, у нарийцев 84,8, у мордвы 76,1, у удмуртов 94,8%. Выше приводились данные о высоких темпах прироста во второй половине XIX в. башкир, особенно в северо-западной Башкирии. На этом основании, а также с учетом других данных в литературе не раз делалось заключение об ассимиляции в составе северо-восточных татар и северо-западных башкир групп удмуртского, нарийского и, видимо, чувашского населения. Процесс этнической трансформации удмуртов и нарийцев в XIX в. — начале XX в. был связан с отпадением "значительных по численности групп

удмуртов и нарийцев-язычников в мусульманскую религию "Массовые" переходы в ислам удмуртов отмечены в 1830 1840 1865—1866 1905—1908 гг.²⁰¹

Таким образом, на основании приведенных материалов пока неполных можно заключить, что образование смешанных групп генетически неродственных народов являлось, как правило, этапом в процессе ассимиляции. По словам К. И. Козловой в XVII в. в Ветлужском районе "были смешанные нарийско-чувашские группы", которые впоследствии "совершенно обрусели".²⁰² По заключению Г. А. Сепеева отдельные группы восточных нарийцев (деревня группа семей) преимущественно из числа принявших христианство или ислам, постепенно через ряд поколений сливались с местным русским, татарским или башкирским населением.²⁰³ Существование неэтнических смешанных групп по времени могло быть разным. Оно фиксировалось источниками только в том случае если приобретали устойчивость и существовали на протяжении многих десятилетий. В аспекте процессов этногенеза смешанные неэтнические группы, сообщества, территориальные зоны целесообразно изучать специально.

Этноконфессиональные ЭГ

Конфессиональная принадлежность выделяла многие группы населения или просто общины. В образовавшихся после миграций XVI—XIX вв. многонациональных районах распространилось конфессиональное самосознание, особенно на уровне мировых религий: "мы—мусульмане", "мы—христиане (староверы, духоворы и т. д.)". Это способствовало снятию, а в ряде случаев и разрыву этнических границ внутри конфессиональных общин и как следствие этого процесса—ассимиляции, например, части мордвы в русской среде, появлению этнически смешанных но конфессионально однородных зон (башкиро-татарской, чувашско-нарийской). Среди основной массы сравнительно недавно христианизированных финно-угорских народов, а также чувашей конфессиональное самосознание на основе христианской религии все же к рубежу XIX—XX вв. глубоко не утвердилось. Отмеченные выше религиозный синкретизм, приверженность (целиком или в рамках насильственно навязанного христианства) мусульманским или традиционным языческим верованиям явились препятствием к формированию этноконфессионального самосознания. Это видно и стало одним из факторов сохранения этничности мордвы, мари, удмуртов и чувашей, хотя сдвиги в культуре этих народов были очевидны.

Сравнительно глубокие изменения в культуре и самосознании произошли среди тех подвергнувшихся крещению мусульман и язычников, которые навсегда остались в христианской общине. Видно различия в культуре христианских и мусульманских народов и антагонизм этих религий на определенном этапе истории России с одной стороны, способствовали отдалению и даже отчуждению крещеных мусульман от мусульманской общины с другой—препятствовали их сближению и слиянию с христианской общиной. Другими словами крещеных мусульман обособляли от себя как мусульманская, так и христианская общины. Это в свою очередь стимулировало формирование внутреннего самосознания крещеных мусульман, которые постепенно складывались в этноконфессиональную ЭГ с множеством подгрупп, расселяющихся в различных этнических и культурных средах. Такую группу в ИЗО образовали крещеные.

Кряшенская ЭГ возникла в XVI—XVII вв. в результате обращения татар (как казанских, так и нишарей) в христианство. Среди кряшен было немало отатарившихся нарийцев, удмуртов, мордвы, чувашей. Возможно

ранее нусульманизированных. В первой половине XVIII в. многие крышены Предкамья были переселены в Восточное Закамье. Этот царизм стремился отделить крышен от нусульман и тем самым приостановить отпадение татар от христианства и возвращение в ислам. В начале XX в. было 122 301 крещеных татар. Из них 42 670 проживало в Казанской губернии, остальные в Вятской, Симбирской, Уфимской губерниях.²⁰⁴ Крышены на рубеже XIX—XX вв. расселялись на обширной территории от правобережья Волги на западе до Башкирского Зауралья на востоке и распадалась на подгруппы: предкамская, восточнозакамская, елабужская, чистопольская, нолькеевская, бакалинская, ногайбакская. Большая часть крышенов расселяется в Предкамье на территории современной Татарии. В Башкирии крышены живут в западных районах. Часть ногайбаков расселилась в Зауралье (см. рис 13).

Исследователь этнографии татар-крышен Ю. Г. Муханетшин, анализируя процесс формирования их специфической культуры, показал, с одной стороны, эволюцию традиционной татарской культуры под влиянием русской крестьянской культуры и христианских традиций, с другой — сохранение в культуре и языке крышен (в силу их религиозной культурно-бытовой обособленности от остальной массы татар) целого ряда архаичных реликтовых явлений: булгарских или древнетатарских. Правда о природе этих архаизмов исследователи придерживаются разных взглядов. Ю. Г. Муханетшин связывает их с гипотезой булгаро-татарской этнической и культурной преемственности. В. Ф. Каховский и ряд других исследователей — с насильственным крещением еще в XVI—XVII вв. некоторых групп булгаро-чувашей, не успевших в полной мере ассимилироваться в составе прикаспийских татар.²⁰⁵ Таковы, например, нолькеевские крышены в восточных районах Чувашии, отатарившиеся связяжские чуваше, в культуре (женской одежде) и быте которых до сих пор сохранилось немало элементов чувашской культуры. Очевидно, среди крышен были различные по происхождению татарские группы. Языковеды, считая говор крышен в целом "поздним явлением", выделяют в то же время среди них "старых крышен", крещенных еще в XVI—XVII вв. и сохранивших в культуре и языке признаки, восходящие к булгарской эпохе.²⁰⁶ В то же время в зависимости от происхождения или этнического окружения той или иной группы крышен в их культуре проявлялись выразительные особенности. У предкамских крышен в конце XIX в. одежда имела "по покрою большое сходство с одеждой финно-угорских народов, удмуртов и марийцев, в культуре и обычаях чистопольских крышен обнаруживается "мордовское влияние", нолькеевские крышены "по быту почти полностью идентичны с низовыми чувашами" и т. д.²⁰⁷

Восточные группы крышен — потонки главным образом татар и ногайцев, крещенных в XVIII в. Так, ногайбаки, расселившиеся несколькими селами на левом берегу р. Урал, по замечанию П. Небольсина, "суть крещеные татары, переселенные в киргизскую степь из Белебеевского уезда [Уфимской губернии. — Р. К.], где еще в старые годы они населили Ногайбакский округ, названный так по Ногайбакской крепости, и составляли особый род служилых татар".²⁰⁸ По преданиям, записанным П. Небольсиным у кундровских татар, "несколько семей ногаев белой кости или беков", откочевав из низовьев Волги, направились на север и поселились по западному Ику в Башкирии среди татар и башкир, так как были тоже мухамедане и платили царскому правительству ясак.²⁰⁹ Село, которое основали пришлые ногаи, называли Ногайбаком, поселение с таким названием и ныне существует примерно в 50 км к западу от с. Бакалы, райцентра Бакалинского района Башкирии, в котором проживают крышены. Как продолжает предание, "при императрице Анне Иоанновне,

те в 1730—1740 гг. ясак с пришлых ногайцев за разные заслуги" был снят и "ногайбакам было дозволено нести вместо того казачью службу".²¹⁰ Именно тогда ногайбаки-мусульмане с частью татарских и видино, башкирских ясачных людей перешли в христианство, влившись в формирующуюся ЭГ кряшен и одновременно перейдя в категорию военного служилого сословия. Позднее "часть обитателей ... села Бакалы вместе с частью обитателей Ногайбака были расселены по новому району .. в киргизской степи", где они несли пограничную службу. Случилось это в 70—80-е годы XVIII в., после поражения Крестьянской войны 1773—1775 гг. В первой половине XIX в. к ногайбакам в Зауралье присоединилось несколько семей калмыков-христиан. Калмыки-христиане зафиксированы в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии в середине XIX в.²¹² В литературе высказано также мнение о том, что "ногайбаки представляют из себя смесь башкир с татарами, преимущественно с астраханскими", а "ногайбакский язык сильно снахивает на башкирский".²¹³ Видино, это утверждение опирается на предание (опубликованное П. И. Рычковым) о том, что в Белебеевском уезде некогда "со своей ордой кочевал башкир, по имени Ногайбак". Позже основанную им деревню называли "Ногайбак".²¹⁴ В. Н. Витевский также пишет, что "когда ногаи удалились на Кубань, здесь ст. е. в долине р. Ик — Р. К. У. кочевал башкирец Ногайбак по имени которого самый юрт назывался Ногайбаковой". Со времен Ивана Грозного в этих местах стали селиться новокрещенные из магометан, и особенно идолопоклонников". Здесь же селились выходцы "из киргизского плена", которые в Оренбурге принимали крещение. Среди них были "персияне, аравитяне, турки, армяне, каракалпаки, бухарцы, хивинцы, кубанцы, узбеки, авганцы, талышцы и другие". В 1760 г. в "Ногайбакском воеводстве" было 10 деревень и одно село, в которых проживало 1359 "служилых казаков-ногайбаков". Из среды ногайбаков выделились семьи, которые "вследствие недостатка земли и лугов" стали переселяться в Зауралье, в Верхнеуральский уезд, где они окончательно осели в 1841 г.²¹⁵

Переселение ногайбаков в Зауралье было связано с возведением в 1835—1845 гг. Новой линии укреплений сооружений на участке от Орска до Троицка. На Новую линию, а также на "свободные земли, образовавшиеся после вытеснения казахов, были поселены служилые сословия, в том числе с 1841 г. ногайбаки из Белебеевского уезда Уфимской губернии, а в 1843—1844 гг. крещенные калмыки из упраздненного Ставропольского калмыцкого войска. Калмыки были поселены в русские поселения. Им было запрещено селиться отдельно, калмыцкими селами. Однако многие калмыки бежали. Часть из них ушла за р. Уй, где, приняв ислам, постепенно влилась в состав той группы калмыков (калмаков), которые еще в XVIII в. смешались с притобольскими башкирами, и в конце концов ассимилировалась в их среде. Другая часть калмыков с Новой линии присоединилась к ногайбакам. В результате из 2358 калмыков, учтенных на Новой линии в 1843 г., через 40 лет, в 1883 г. осталось 1204. Ногайбаки поселились в Зауралье относительно компактно. Их села расположились юго-восточнее современного Магнитогорска, образовав несколько очагов ногайбакского расселения.^{215а}

Как видно, восточная часть кряшенов также имеет сложное происхождение. В отличие от западных кряшен, вошедших в себя христианизированные группы финно-угорских народов и чувашей, восточные кряшены включили в свой состав крещеных или крестившихся башкир, аюкинских калмыков, астраханских и сибирских татар, а также выходцев из Средней Азии.

В феодальной России переплетение этнической и сословной принадлежности было явлением распространенным. В это же время соотношение этничности и сословности различалось.

Сословность могла обрести издавна существующие этнические образования (или их части) в результате сложившейся исторической ситуации и политики царской администрации. Сословные привилегии были предоставлены царизмом военно-служилой части мишарей, а также — казанских татар. Условия мирного присоединения Башкирии к Русскому государству положили начало формированию сословного положения башкир, в основе которого были вотчинное владение землей и военная служба. В этих случаях сословность была вторичным признаком, хотя в определенные моменты истории он мог стать главенствующим. Такая тенденция определилась в отношении башкир, когда в связи с миграциями, демографическими и социальными изменениями проявилось стремление (в различных, насильственных или ненасильственных формах) к перераспределению башкирских земель. В условиях обострившейся борьбы башкиры нередко сами на первый план выдвигали сословное положение, а именно право вотчинного землевладения башкирских общин. С изменением социально-экономического положения, с ликвидацией или исчезновением экономической и политической основы сословности и военной службы башкиры вновь приобретает ведущее или единственное значение признак этнической принадлежности. Процесс этот может оказаться растянутым во времени и обычно находит отражение в этнодемографической статистике. Изменения в численном соотношении башкир, татар, мишарей в восточном Закамье и Западной Башкирии во второй половине XIX — первой половине XX в. являются весьма доказательной иллюстрацией к сказанному.²¹⁰

Сословность могла сформироваться в ходе образования периферийных этнографических групп, которые складывались преимущественно на основе миграций разноязычного населения при доминирующей роли представителей одного, например русского или украинского этноса. Такова природа возникновения казачества — запорожского, донского, терекского, уральского, оренбургского, сословное положение которого на определенных этапах истории Русского государства подтверждалось царской администрацией. Сословность казачества в различных ареалах способствовала их консолидации, развитию самобытности в культуре. После отмены или отрицания сословного положения казаков они продолжали существовать как этнографические группы соответствующих этнических общностей. В возникновении этнографических групп казаков, видимо, важную роль сыграли их оторванность от материнского этноса, новые природно-географические условия, к которым они адаптировались, ассимиляция в их составе иноэтничных групп. Доминирующее значение, однако, имела специфика их социально-сословного положения с установившимися демократическими традициями "казацкой вольницы". Исторические факты второй половины XIX — начала XX в. свидетельствуют о том, что официальная отмена сословного статуса или постепенное его размытие не сопровождалось полным распадом казацких традиций. Они не только сохранялись, но длительное время оставались существенными, возможно, главным фактором казацкого самосознания и живого функционирования данной ЭГ.

Наконец, сословность в условиях феодального государства могла сформироваться в результате взаимодействия различных по социальному положению групп населения. Так, в среде казачества, в частности донского, появилась "голытьба" — беглые крестьяне, попадавшие в

зависимость к доновитым казакам. С течением времени беглые крестьяне вливались в состав казачества, принимая участие в формировании соответствующих этнографических групп. Другая ситуация сложилась в Башкирии, здесь на башкирских землях поселилась большая группа крестьян — выходцев из числа коренных (тюркских и финно-угорских) народов ИЗО. Значительная часть поселенцев на башкирских землях постепенно сложилась в этнографическую группу т е п т я р е й. Это был редкий в истории пример перерастания сословности в этничность на протяжении доступного для достоверных источников исторического времени.

Термин "тептяр" известен со времен чингизидов. В "Сокровенном сказании" (XIII в.) упоминается цин-цз, что, согласно переводу П. Пельо, буквально означает "кэко дабтар", т.е. "синяя тетрадь", в которую "записывались распределение между монгольской знатью подвластного населения, а также судебные решения".²¹⁷ В Волго-Уральском регионе он распространяется со времен первой ревизии в первой четверти XVIII в. С самого начала имя "тептяр" имело, таким образом, социальное звучание и обозначало выходцев из Среднего Поволжья и Прикамья (сарайцев, мордву, удмуртов чувашей, татар), поселившихся на башкирских землях на условиях припуска с уплатой части положенного на башкир ясака и других форм поземельного сбора. В источниках они именуются припущенниками на башкирских землях, хотя с середины XVIII в. часто и в том же смысле используется термин "тептяр".

Специфическое положение тептярей на башкирских землях было закреплено в XVIII — первой половине XIX в. рядом законов и указов царского правительства. Среди них важное значение имел Указ 1832 г. о создании в тептярских кантонах и возложении на тептярей наряду с башкирами обязанностей по снаряжении войска и несению военной службы. К этому времени численность припущенников на Южном Урале и в Приуралье приближалась к 250 тыс. человек²¹⁸, подавляющую часть которых составляли тептяри.

В состав тептярей в XVIII в. вливается и значительное число башкир, покинувших по тем или иным причинам свои родовые вотчины и поселившихся в качестве припущенников на новых местах, на землях неродственных им башкирских общин. Башкиры-вотчинники (асаба-башкорт) называли башкир-припущенников атенбай (этенбай-башкорт). По данным XIII ревизии, численность башкир-припущенников достигла 66 тыс. человек.²¹⁹ Расселялись они по всей Башкирии, включая Мензелинский уезд Уфимской губернии, но районами их наибольшей концентрации были западносибирская часть Башкирии, юго-западная (Сассейн р. Демья) и северная Башкирия. Башкиры-припущенники, включенные в зависимости от расселения в тептярские кантоны, несли военную службу вместе с тептярями.

Тептяри, возникнув как сословное образование, постепенно приобретали признаки этнической общности. Определяющее значение в этом процессе имели, во-первых, формирование тептярской сословной группы на вотчинных землях башкир, во-вторых, численное преобладание среди тептярей татар и башкир, в-третьих, расселение с определенного исторического момента (видимо, с рубежа XVIII — XIX вв.) большей части тептярей в зонах активного татаро-башкирского этнокультурного взаимодействия в северо-западной, северной и западносибирской Башкирии. В силу указанных факторов тептяри формируются как тюркоязычная в целом группа, которая в саних тептярских преданиях рассматривается в качестве "тептярской ветви тюркских племен".²²⁰

Направления этнокультурного развития тептярей различались в зависимости от эпохи и конкретной этнокультурной среды. В XVI — XVIII вв. численность тептярей во многих районах их расселения не превышала

численности башкир В эти столетия приехали теңтяри, в том числе выходцы из различных групп татар и мишарей, в процессе адаптации к новым условиям абсорбировали многие культурные и языковые признаки башкир — владельцев земель, на которых припущенники поселились²²¹. Немалую роль в этом сыграла, видимо, социальная бинарность башкир и теңтярей. Я имею в виду сложившуюся систему землепользования, при которой башкиры нуждались в безземельных арендаторах, а арендаторы — во владельцах земли, готовых принять их. Такая бинарность стимулировала небашкирскую часть теңтярей к сближению в культурно-языковом отношении с землевладельцами. Именно к этому времени относятся предания о "башкирском" происхождении теңтярей, а также появление "теңтярских" родовых подразделений во многих башкирских деревнях западной, северной и центральной Башкирии²²². Теңтяри и в хозяйственной сфере многое перенимали у башкир. Интересные наблюдения об этом оставил Н.П. Рычков, который писал: "Сверх обыкновенного земледелия скотоводство у теңтярей несравненно превосходнее противу других им подобных земледельцев. Живучи между башкирцами, научились они обрядам скотоводства по обыкновению сего народа"²²³.

С середины XIX в., в связи с возрастающим наплывом мигрантов-татар, а также финно-угорских групп населения, которые к этому времени в Среднем Поволжье испытали заметное татарское этническое воздействие, ситуация меняется. В формировании этнокультурных признаков теңтярей усиливается влияние татарской культуры и татарского языка. Процесс этот продолжается вплоть до первых десятилетий XX в. В середине XIX в. весьма наблюдательный путешественник П. Небольсин писал: "Теңтяри, мною виденные, так же как и населяющие непосредственные мною уезды, разделяются на муххамедан и на не-муххамедан. К первым принадлежат часть нешеряков, онусульманенные вотяки, чуваша, часть которых известна у нас под названием лопанских татар, и обломки других, принявших ислам, финских пленен. Теңтяри не-муххамедане суть вотяки и черемисы", а также "немногочисленные сеньи других местных пленен"²²⁴. Под последними П. Небольсин имел в виду, видимо, калмыков-ламанов. Исследователи и краеведы Оренбургского края различали "теңтярей-нагометан и теңтярей-язычников" еще в последней четверти XIX в.²²⁵ Теңтяри-язычники, обращенные в мусульманство нуллани, в большинстве мишарями и татарами воспринимали татарский язык и культуру, навсегда оставляя язычество и забывая через 2—3 поколения родной язык. Проявлюстрируем это положение примером.

Одну из групп населения д. Кляшево в нижнем течении р. Дены (в прошлом Гляшево) составляли приехавшие ары-удмурты. В 1730-е годы они стали припущенниками башкир-вотчинников Куль-иль-минской волости. В начале XIX в. теңтяри-язычники из Кляшево стали мусульманами, что подтверждается изменениями в характере их антропологии, зафиксированной в семейно-родственных генеалогиях. До 1800 г. в числе предков называются Гляш, Негаш, Кодаш, Бикташ; с начала XIX в. имена сменяются на мусульманские — Шарафутдин, Фаттахетдин, Абзалетдин, Сайфутдин, Галиязан и др. Накануне революции жители Кляшево называли себя теңтярями-башкирами или теңтярями-татарами и соответственно фиксировались (то башкирами, то татарами) в различных учетных данных. О масштабах аналогичных процессов можно судить по тому, что в 1831 г. при общей описи теңтярского населения теңтярей-вотяков было в Пермской губернии 3300 душ в Вятской — 2600 душ, а в Оренбургской губернии удмуртов и нарийцев²²⁶ в среде теңтярей в XIX в. оказалось соответственно 5170 и 14571 душ. В целом в первой трети XIX в. финно-угорская часть теңтярей составляла не менее 20—25% их общего числа.

Как видно в среде тептярей большинство составляли башкиры, и особенно татары, испытавшие с момента прихода в Башкирию определенное культурно-языковое влияние башкир. Все это обуславливает формирование тептярей как промежуточной, переходной между башкирами и татарами ЭГ со смешанными чертами культуры и со своеобразным, по мнению ряда исследователей, тептярским говором²²⁷. Поэтому невозможно согласиться с часто высказываемыми утверждениями о том, что "тептярская группа, создана казанскими переселенцами"²²⁸, что в "своеобразную этническую группу" превратились "только тептяри-татары"²²⁹. Конкретная культурно-языковая характеристика тептярей различалась в зависимости от района расселения и этнического окружения. В восточных районах Башкирии (в Зауралье, где в пределах нынешнего Учалинского района тептяри проживают в 12 деревнях, на северо-востоке — в современных Салаватском, Кигинском, Мечетлинском районах, по правобережью нижнего течения р. Уфы), а также в бассейне р. Демы тептярское население испытало этническое воздействие башкир. В западных районах, по нижнему течению р. Белой, в бассейне западного Ика тептярское население в XIX в. по культурно-языковым признакам сближалось с татарами.

Сложение тептярской ЭГ получило отражение и в статистике. Первоначально тептяри учитывались как припущенники на башкирских землях, т. е. как сословная группа. С конца XVIII в. в ревизских и других видах учета тептяри начинают перечисляться наряду с башкирами, мещарами в Башкирии как этническое или сословно-этническое образование. Показателем перерастания тептярей-припущенников в этносословное образование является возникшая еще в XIX в. дискуссия о том, были ли тептяри "отдельными народами" или "снесью разнородных племен, совокупностью своей образовавших отдельное сословие на обязанности которого лежало формирование полков, называвшихся тептярскими"²³⁰. К середине XIX в. не только окружающее население, но и сами тептяри воспринимают себя как обособившуюся ЭГ с тептярским самосознанием; соответственно экзотоним "тептяр" начинает восприниматься как самоназвание.

После отмены кантонной системы и роспуска тептярских полков тептяри получают повышенные земельные наделы (до 30 десятин на ревизскую душу)²³¹. С этим связано появление для обозначения служивых в прошлом тептярей термина "новобашкир"²³². Появление термина внесло изменения в этническую статистику второй половины XIX — начала XX в., так как "новобашкиры" стали учитываться вместе с башкирами, а отдельные данные более раннего времени стали зачастую суммироваться. "По последней ревизии — отмечал Жиле в 1879 г., — численность башкирского племени в пяти снежных губерниях — Оренбургской, Уфимской, Вятской, Пермской и Самарской — вместе с мещеряками и тептярями доходила до 1 037 000 душ обоего пола"²³³. Между тем по итогам X ревизии (1858 г.) башкир было 545 тыс., мещарей — более 100 тыс., тептярей — 300—350 тыс. человек²³⁴. Постепенно это стало традицией и получило продолжение во время переписи 1897 г., когда около 350 тыс. "новобашкир" было учтено в составе башкир²³⁵. Общая численность тептярей была больше, так как та часть тептярей, которая расселялась в башкирских кантонах, не несла военную службу и не получила повышенные земельные наделы, не учитывалась в числе "новобашкир". Однако достоверные сведения о численности и этнической структуре тептярей в разные исторические периоды можно добыть только путем специальных исследований, которые осуществлены пока в очень незначительных объемах.

В этнографическом аспекте тептяри не изучены, в связи с чем в мно-

гочисленной и неоднородной в культурно-языковом отношении ЭГ тептярей сегодня можно выделить только три крупных подразделения. Первая, челнинско-мензелинская подгруппа тептярей, расселялась в бывшем Мензелинском уезде Уфимской губернии (восточные районы современной ТАССР). Тептяри здесь жили в своих деревнях или расселялись отдельными "концами" в поселениях башкир или татар. Важно заметить, что челнинско-мензелинские тептяри — более ранние переселенцы, чем татары. Это объясняется "башкиризмы" в языке и в быту тептярей, хотя в целом по культурно-языковой характеристике они близки к закамским татарам. Вторая подгруппа, тептяри северо-западной Башкирии, живут чересполосно или в одних и тех же деревнях с башкирами, марийцами, татарами, удмуртами. "По быту их часто трудно отличить от проживающих в этом районе башкир"²⁵⁰. Восточная подгруппа тептярей расселяется в северо-восточной Башкирии и Зауралье (в современном Учалыинском районе Башкирии), на западносибирской стороне Урала. Здесь аккультурация тептярей в башкирской среде проявляется со всей очевидностью. Так учалыинские тептяри перешли на башкирский язык, выгоняли скот на тебеневку. Весь уклад их жизни мало отличался от башкирского. Сегодня учалыинские тептяри в большинстве осознают себя башкирами. Аналогичные процессы протекали среди тептярей бассейна р. Ай (в современных Кигинском, Мечетлинском, Салаватском районах Башкирии), а также в Челябинском и Курганском Зауралье. Процессы аккультурации, или ассимиляции, тептярей среди башкир в указанных районах и областях фиксируются визуально, можно сказать "бросаются в глаза". Однако в этнографическом аспекте учалыинские, северо-восточные и западносибирские тептяри специально никем не изучались.

В связи с выделением тептярской ЭГ а также в связи с упомянутым выше появлением у некоторых старых или вновь возникших этнических образований сословного статуса необходимо сделать следующее примечание. Переплетение этничности и сословности в ИЗО приводило к тому, что традиционные этнонимы врененани приобретали сословное звучание а сословные названия обретали (на время или навсегда) этническое значение. Связано это было с особенностями землевладения и землепользования со спецификой организации военной службы и другими социально-экономическими и политическими факторами в регионе. Так этноним "башкир" в XVIII—XIX вв. приобретает в сознании небашкирского (и части башкирского) населения, кроме этнического, сословное звучание. Слово "башкир" означало одновременно 'вотчинник, имеющий долю в многоземельной башкирской общине'. Этноним "мишар" также приобретает сословное звучание и означает особенно в поселениях на крепостных линиях служилого человека. Указанное положение башкир и мишарей вызвало стремление со стороны пришлых безземельных крестьян влиться в мишарское" или особенно 'башкирское' сословие в надежде получить соответствующие привилегии, в первую очередь земельные. В источниках известны случаи, когда башкиры, включаясь в мишарскую службу, становились "мишарями" и, напротив, мишари, а также татары, чуваш и др. становились 'башкирами'. В литературе, однако, получили распространение преувеличенные представления согласно которым указанные обстоятельства существенно повлияли на демографические оценки XVIII—XIX вв. В частности, в составе башкир оказались якобы учтенными десятки и сотни тысяч татар и представителей других народов Среднего Поволжья перешедших в "башкирское сословие" ради приобретения права на участие в вотчинном землевладении. Утверждалось также что все башкиры к северо-западу западу и юго-западу от Уфы — это причислившие себя к башкирскому

земельному сословию татары. Однако такое мнение является следствием неверных представлений о легкости простоте причисления этнических групп к башкирскому (и, равно мишарскому) сословию. Здесь, очевидно, рассуждения построены на аналогиях с тептярями. В тептярскую ЭГ действительно могли влиться любые группы пришлох крестьян поселившихся на башкирских землях на условиях припуска. Но принципиальная разница заключалась в том, что тептяри появились на исторической арене и формировались как сословная категория крестьян-припущенников и лишь в силу как показано исторических обстоятельств сложились или приобрели тенденцию сложиться в самостоятельное этническое образование. Соответственно их сословное название "тептярь" перерастало в этноним. А башкиры, так же как и мишари напротив будучи уже вполне сложившимися этническими общностями, в силу социально-политических условий XVI—XVII вв. приобрели сословную функцию, дополнительно как вторичное явление. Одно это должно свидетельствовать о том, что степень этнокультурной проницаемости у этих образований была различной — выше у тептярей и ниже у башкир и мишарей. Соответственно уровень консолидированности был выше у башкир и мишарей и ниже у тептярей.

Само собой разумеется, что между близкородственными по языку и культуре татарами, башкирами, мишарями издавна имели место брачные связи и следовательно этническое сменение. Однако интенсивность их в XVII—XVIII вв. была ниже, чем в XIX в., когда проходило массовое расселение татар и башкир в общих поселениях. К тому же в XVII—XVIII вв. царское правительство как упоминалось препятствовало сменам башкиро-татарским бракам, периодически облагая такие свадьбы специальным налогом (лошадью). Особенно важно подчеркнуть, что башкир, взявший в жены татарку, оставался вотчинником, однако татарин, женившийся на башкирке, права вотчинника приобретал значительно реже. Хотя такие факты имели место. Невозможно представить массовую инфляцию татар в башкирские родоплеменные земельные общины, так как полное отчуждение башкирских земель в пользу мигрантов в XVII—XVIII вв. было все же редкостью.

В целом в обширной зоне наиболее активного сменения народов Волго-Уральской ИЭО сложились три крупные ЭГ: северо-западная ЭГ башкир (в составе нескольких подгрупп), приуральская (уфинская) татар и тептярская. Внутренняя их структура была сложной, каждая ЭГ включала подгруппы, в этнографическом отношении мало изученные. Во всех ревизских учетах, с I в 1719 г. и до X в 1859 г. татары, мишари, башкиры, а также тептяри учитывались отдельно и есть основания этнодемографические результаты ревизий воспринимать как объективные. Вполне возможно и вероятно, что северо-западными башкирами были абсорбированы определенные группы татар, так же как несомненно участие башкир в сложении восточноказахских и приуральских татар. Совершенно очевидным является также присутствие и татар и башкир, а также представителей других народов среди тептярей. Однако было бы безнадежным анахронизмом пытаться сегодня восстановить "исконную национальность" всех компонентов этих групп и "вернуть" их, хотя бы в ретроспективном аспекте, к до соответствующих национальностей.

Другая ситуация сложилась во второй половине и в конце XIX в., когда, как отмечено, тептяри, получившие название новобашкир, стали включаться в общую численность башкирского населения. Так, численность башкир, по переписи 1897 г., оказалась равной 1311 тыс. человек, а по переписи 1917 г. — 1700 тыс. человек. Во время переписи 1897 г. в составе башкир было учтено около 300—350 тыс., а в 1917 г. — более 500

тыс "новобашкир"—тептярей²³⁷ Однако это был период, когда этническое развитие тептярей вступило в новый этап развития, результаты которого будут рассмотрены в гл VI

Этнографические группы русского населения

Заселение региона восточнославянским населением усложнило этническую структуру ИЗО Первоначально, в XVI и даже в XVII в пришлое русское население, поселяясь в городах, вдоль крепостных линий, фортировалось в ареалах, отдаленных от коренной территории и материнского этноса или слабо с ним связанных Долгое время движение в Сибирь шло через Средний Урал, огибая ИЗО с севера Возможно, в этом причина того, что Южный Урал во второй половине XVI—XVII в оказался вне пределов внимания путешественников и картографов той эпохи Даже на карте П.У.Ремезова достаточно подробно показана северная Башкирия и почти нет картографических сведений по Южному Уралу Это было отражением еще слабой заселенности Заволжья, Приуралья и Южного Урала русским населением Позднее до начала XVII в в русскоязычное население этих земель, расселенное отдельными очагами вокруг городов, крепостей и крепостных линий и пока оторванное от территорий выхода (центральных и северных губерний), можно рассматривать как этнические группы Уже тогда закладывались местные, поволжско-уральские особенности в культуре и быте различных групп русского населения

Постепенно расселение русского крестьянства, других слоев русского населения охватило всю территорию ИЗО, в том числе и Южный Урал, продвинулось, как известно, далеко на восток С запада территория расселения русского крестьянства Предволжья и в целом Волго-Уральского региона соприкасалась с основной этнической территорией русского народа Примерно к середине XVIII в пространство от р.Оки до Южного и Среднего Урала стали общей этнической территорией финно-угорских, тюркских и восточнославянских народов Одновременно это был процесс формирования современных очертаний Восточноевропейской историко-этнографической провинции в составе Российского многонационального государства Культурной основой и важнейшим фактором существования и функционирования провинции стали расширение этнической территории русского населения и распространение русской «крестьянской культуры Среднее Поволжье, Приуралье и Южный Урал превращались в составную часть провинции Этот процесс явился одним из важных этапов истории формирования многонациональной России как этнотерриториального понятия В контексте сказанного сложившиеся в ИЗО на протяжении XVII в этнические образования русского населения правмерно рассматривать как этнографические группы русского народа

В Среднем Поволжье и на Южном Урале сформировались три ЭГ русского народа Их этническая территория охватывала все пространство ИЗО, однако в каждом случае выходила за ее пределы

Наиболее крупную и широко расселенную ЭГ образовало русское население Среднего Поволжья В ее состав Е.П.Бусыгин включает и русских Приуралья²³⁸ Средневожско-приуральская ЭГ русских сложилась на базе сселения²³⁹ переселенцев из северных, центральных и южных губерний России Они принесли с собой развитое оседлое пашенное земледелие, навыки ремесленного производства, богатую материальную и духовную культуру Именно средневожско-приуральская ЭГ русских и определила во многом основные направления хозяйственно-культурного развития ИЗО в новое время, особенно в XVIII—начале XX в

Этнический состав населения и структура средневожско-приуральской ЭГ русских были чрезвычайно сложными. Определялось это тем, что среди русских поселенцев в ИЗО были выходцы из северорусских и южнорусских этнографических групп, православные — никонианы и старообрядцы, духовы и баптисты и т.д. Однако внутренняя структура средневожско-приуральской ЭГ, тем более с детальным картографированием размещения ее многочисленных подгрупп, не разработана. Вероятно, во многих случаях эти вопросы изучать уже поздно, так как еще в 1966 г. Е. П. Бусыгин писал, что среди русских Среднего Поволжья и Приуралья "постепенно диалектальные различия стирались, бытовые особенности нивелировались, и сейчас о бытоне их различии узнаем лишь из рассказов стариков".²⁴⁰ Уже по мере расселения на новых местах шел процесс консолидации русского населения в единую, в то же время многоструктурную, этнографическую группу русского народа. В целом ЭГ русских Среднего Поволжья и Приуралья можно характеризовать как смешанную внутринтнческую, хотя в ее составе растворились, ассимилировались группы местного финно-угорского (мордва, мари, удмурты) и тюркского (чуваш, мещари, татары) населения.²⁴¹

Такии образон, внутренние различия в этнокультурном облике средневожско-приуральской ЭГ русских в ИЗО образовались в результате смешения в их составе групп русского населения — выходцев из разных регионов России, ассимиляции местного неславянского (финно-угорского и тюркского) населения. По заключению Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина, эти обстоятельства "способствовали в Волго-Уралье формированию особой группы русского населения, отличающейся по многим элементам культуры и быта от русского населения коренных областей своего расселения".²⁴² Разговорный язык русского населения Среднего Поволжья и Приуралья являлся как бы продолжением языковой ситуации в России в целом. Особенности языка распространены в широтном направлении. В северных районах ИЗО русские говорят на вологодско-кировском и владимирско-поволжском говорах северорусского диалекта. В центральных районах распространен восточный говор среднего диалекта русского языка. В южных районах преобладает восточный (или рязанский) говор южнорусского диалекта.²⁴³ В культуре и языке русского населения ИЗО отчетливо проявляются признаки взаимодействия с местными народами.

В особую ЭГ сложилось казачество; на территории ИЗО проживала значительная часть оренбургского казачества (общее количество оренбургского казачьего населения в 1915 г. — 533 тыс. человек)²⁴⁴ и небольшая часть уральского (в 1916 г. — 166 тыс. казачьего населения).²⁴⁵ В 80-е годы XIX в. оренбургские казаки расселялись в 403 населенных пунктах, в том числе в Челябинском уезде находилось 113 поселений, в Троицком — 125, в Верхнеуральском — 63, в Орском — 36, в Оренбургском — 66. Поселения уральских казаков располагались по р. Урал и ее притокам к югу от крепости Татишевская. Казаки представляли по доминирующим признакам этносословные ЭГ. И оренбургское, и уральское казачьи войска формировались для несения военной службы на пограничных линиях, в Туркестане, в Сибири, для охраны границ и участия в боевых действиях России. Определенная автономия казачьего управления, специфический образ жизни, традиции военной службы обуславливали своеобразие хозяйства, культуры и даже разговорного языка казаков. Этническую основу казачьего населения составляли русские — выходцы из самых разных губерний центральной и южной России. Однако в составе Оренбургского казачества, особенно в Челябинском и Троицком уездах, было немало русских — выходцев из северных губерний. Постепенно они расселялись и на южных укрепленных линиях. В 1811—1826 гг. погранич-

ная линия была отодвинута с р Урал на юг, к р Илек и ее притокам. Сюда были переселены красноуфинские казаки, как правило, переселенцы с северных губерний^{245а}.

В формировании казачьего населения участвовали и другие этнические группы. По данным 1859 г., в "числе жителей Оренбургского казачьего войска" значилось 3073 башкир, 10 323 татарина (мусульмане и христиане-ногайбаки), 171 язычник, видино, чуваш или представители финно-угорского населения. В уральском войске числилось 5708 башкир, 4034 татарина, 1187 калмыков²⁴⁶. В этом плане ЭГ казачества формировались как смешанные межэтнические образования. Еще в 1723 г. среди яицких (уральских) казаков было проведено обследование с целью установить, "сколь давно отцы их и деды на Яик пришли и чьи напред сего были". Кроме русских, среди яицких казаков обнаружили башкир, казахов, татар, мордву, марийцев удмуртов, чувашей, калмыков, которые постепенно влились в состав казачества. Видино, наштабы прилива в казачьи степи пришельцев были настолько велики, что правительство "под смертной казнью запретило принимать в ряды казачества 'беглых людей и крестьян'", однако остановить этот процесс правительство запрещение не смогло²⁴⁷. Даже в конце XIX в., в 1882 г., этнический состав Оренбургского казачьего войска выглядел следующим образом: русских и украинцев было 269 190 человек (из них русских — около 90%, украинцев — 10%), татар — 25 180, мордвы — 5018, калмыков — 1204, марийцев — 586, чувашей — 460, киргизов — 400, башкир — 330, а в целом — более 300 тыс человек^{247а}. Уменьшение в казачьем войске башкир по сравнению с 1859 г. (в 9 раз) объясняется, видимо, качеством учета, переписями внутри этнических групп и другими причинами, которые можно установить лишь путем специальных исследований.

Внутри оренбургского, и особенно уральского казачьего населения, было немало староверов-раскольников (в Оренбургском войске в 1859 г. — 5153, в Уральском — 20 690)²⁴⁸, которые образовывали в казачестве этноконфессиональные подгруппы. Впрочем, пестрота этнического состава и сложная конфессиональная структура населения были характерны и для Башкирского войска, в котором в 1859 г., кроме татар, мишарей и тептарей, было 51 676 марийцев, 19 134 удмурта, а всего "язычников" около 70 тыс²⁴⁹.

Как видно, ЭГ оренбургского и уральского казачества, как и этнографические группы других народов ИЗО, формировались в результате взаимодействия самых различных этнических, конфессиональных и социальных образований. В языке уральских и оренбургских казаков (особенно в лексике), а также в различных сферах хозяйства и культуры исследователи отмечают мощный слой иноэтничных, прежде всего тюркских (башкирско-казахско-татарских) заимствований.

Отдельную ЭГ составляло горнозаводское русское население Среднего и Южного Урала. Сформировалась она в основном в XVIII в. в ходе строительства горных заводов. К 1737 г. на Урале насчитывалось 40 горных заводов. Особенно сильное развитие уральские горные заводы получили в середине и второй половине XVIII в. По данным 1859 г., в Оренбургской губернии горнозаводских рабочих было учтено 96,1 тыс человек²⁵⁰. Горнозаводское русское население формировалось в XVIII в. из следующих категорий населения: "1) бывших казенных мастеровых — работников государственных предприятий, переданных в частные руки; 2) крепостных работников, переведенных из вотчин; 3) крепостных работников, купленных к заводам на основании специальных указов; 4) набранных из рекрутов; 5) беглых, пришлых, ссыльных, переселенных, отданных "навечно" к заводам по указам и т.п.; 6) переведенных из числа приписных в заводские

работники и мастеровые; 7) приписных крестьян, 8) вольнонаемных ²⁵¹

Сословные права и обязанности этих категорий населения особенно в момент поселения на горных заводах, различались. В то же время длительное воздействие целого ряда специфических факторов (своеобразие природных условий горнозаводского Урала, социального положения, образа жизни, в котором одинаково важное значение имели как работа на заводах, так и занятия сельским хозяйством, а нередко — промыслами и торговлей и т.д.) способствовало сложению горнозаводского русского населения в особую этнографическую группу. Население горных заводов Урала называли "горнозаводскими крестьянами", хотя этот термин отражает лишь специфику их социального положения, но не этничность группы. По доминирующему признаку ЭГ горнозаводского населения Урала можно квалифицировать как этносословную. Однако формировалась она в результате сселения русских переселенцев из разных губерний и областей России; в этом смысле группа была смешанной внутриэтнической. На территории ИЗО горнозаводское население расселялось в основном на Южном Урале и в Приуралье. Горнозаводское строительство на Южном Урале развернулось позже, чем на Среднем Урале. Поэтому рабочие люди на южноуральских заводах были преимущественно переселенцами с заводов Среднего Урала, а по происхождению — выходцами из северных губерний России. Это во многом определило быт, культуру, особенности разговорного языка горнозаводского русского крестьянства. Однако в этнографическом аспекте горнозаводское русское население ИЗО изучено также слабо.

Этнографические группы и этнические процессы (Общие наблюдения)

Представленный в настоящем разделе обзор позволяет обобщить материалы и факты, касающиеся роли ЭГ в этнических процессах.

1. Из выделенных пяти разновидностей ЭГ одна, генетическая, унаследована от предшествующих эпох. Истоки формирования генетических ЭГ восходят в глубокую древность, к племенной эпохе, но в окончательном виде как органическая часть этноса (народности) они в большинстве сложились не ранее XIV—XVI вв. Это означает, что консолидация генетических ЭГ шла параллельно с консолидацией этносов в целом. Именно в этом заложены генерализующие (консолидирующие этнос) функции их общих этнокультурных и этносоциальных свойств при одновременном сохранении у ЭГ более или менее отдаленных (например, у мордвы-мокши и эрзя, у марийцев горных и луговых). Или, напротив, близких или сходных (например, у северо-восточных и юго-восточных башкир, у прикамских татар и мишарей) языковых и культурных черт.

Остальные разновидности ЭГ — территориальные (смешанные внутриэтнические и межэтнические), этноконфессиональные, этносословные — являются новообразованиями. Все они сложились и функционировали на протяжении второй половины XVI—XIX вв. и свидетельствуют о значительных масштабах этнических, в том числе этногенетических процессов в эпоху, последовавшую за присоединением народов Волго-Уральского региона к Русскому государству. Формирование некоторых новообразований началось раньше, в XV—начале XVI в. Однако и они (бесермяне, мордва-каратаи, мордва-шокша, касимовские татары и др.) окончательно сложились позже, обретая новые или обновленные этнические территории и оформившись как специфические культурно-языковые образования после вхождения ИЗО в состав России. В результате процессов XVI—XIX вв., по существу, на

всей территории ИЗО вновь появились ЭГ, культурно-языковой облик которых показывал сложные и относительно независимые линии культурного и языкового развития. Яркими примерами могут служить улоны и вурьялы (горные марийцы и верховые чуваша), говорящие на разных языках, но близкие по культуре; прикаские татары и мордва-каратаи, говорящие на одном языке, но разные по происхождению и культуре; чуваша и бесертяне, родственные по культуре, но различающиеся по языку, приуральские татары, мишари, северо-западные башкиры и тептяри, родственные по языку, близкие по культуре, но различные по истории и этническим истокам формирования и т.д.

2. Крупные изменения в этнографической структуре Волго-Уральской ИЗО, в том числе в территориальном разграничении этносов и их частей, объясняются прежде всего тем, что XVI—XIX вв. совпадают со сдвигами в социально-политической и социально-экономической сферах жизни как России в целом, так и ИЗО в частности. Хотя в формационном отношении эти столетия применительно ко всем народам ИЗО можно обозначить как эпоху феодализма и начального этапа капиталистического развития, однако уровень и интенсивность формационных изменений в отдельных районах региона и в каждом этносе имели специфику. От средневековья все этносы региона унаследовали, кроме доминирующих феодальных социальных институтов, реальное значение патриархально-общинного уклада. С вхождением в состав Русского централизованного государства в Волго-Уральской ИЗО начался и постоянно протекал процесс перестройки общественных отношений в направлении их приближения к общероссийским социально-экономическим тенденциям. Масштабы трансформации традиционных структур под воздействием российского феодализма в каждом отдельном районе и в каждом отдельном этносе были разными и специфичными, но в целом по ИЗО они были значительными. Эти процессы и вызвали внутренние миграции и сдвиги населения, изменения в расселении и территориальном перенесении этнических групп, развитие новых конфессиональных общин и вообще формирование новых конфессиональных границ, появление городского населения, взаимосвязанность и взаимообусловленность сословных и этнических образований и т.д. Все эти изменения нашли интегрированное отражение в формировании новых этнографических групп.

Как видно на примерах и конкретных материалах Волго-Уральской ИЗО, первопричиной этногенетических процессов и образования новых ЭГ обычно были естественноисторические факторы — этнодемографические, миграционные, хозяйственно-культурные и др. Не преуменьшая их действия, надо подчеркнуть, что силой, определяющей направление и результаты этногенетических процессов в XVI—XIX вв., а также интенсивность естественноисторических факторов, было сложное сочетание и взаимодействие факторов социально-политических, являющихся с середины XVI в. результатом вхождения региона в состав России и превращения его во внутреннюю область государства, и социально-экономических, формационных, связанных с влиянием и распространением российского феодализма в Средней Поволжье и на Урале. В то же время необходимо помнить, что этнические процессы могут поддаваться объективному изучению, если учитывать не только всю совокупность факторов, а вскрывать сложный механизм прямых и обратных связей между ними, не пытаясь установить жесткую субординацию зависимости одних факторов от других. Так, этнодемографические процессы, будучи в крупном масштабе времени зависимыми от многих факторов, в первую очередь от социально-экономических и социально-политических, в конкретно-исторических ситуациях сами могут активно воздействовать на состояние и развитие последних.

3. Этнографические группы, будучи историко-культурными образованиями

яны в составе этносов, в то же время различались по сложности внутренней структуры, уровнем внутригрупповой консолидации, интенсивностью проявления культурно-языковых своеобразий в рамках этносов. Для изучения этих показателей необходимо исследование ЭГ на всем протяжении их исторического развития — от возникновения до распада или трансформации в иной тип этнической организации. Разновидности ЭГ на территории ИЗО показывают специфику не только в их происхождении и формировании, но и в их иерархичной структуре. Эта структура могла быть сложной как в силу отеченных историко-генетических причин (юго-восточные и северо-восточные ЭГ башкир, удмурты-ватка и калнез и др.), так и в силу конкретных природно-географических, хозяйственно-культурных, демографических и других ситуаций (ЭГ восточных нарийцев, кряшены и др.). Иногда фиксируются положения, когда под действием той и другой группы причин в структуре ЭГ одновременно существовали архаические (родоплеменные, ворудные, сенойно-родственные) и новые (территориально-культурные) подразделения (зауральские группы северо-восточных башкир, южные группы удмуртов-калнез). Эти состояния структуры ЭГ являлись переходными: архаические образования были нисходящими, исчезающими, а территориально-культурные — восходящими, укрепляющимися. Одновременно переходные состояния ЭГ указывают на консолидационный процесс, в ходе которого разрушались старые и нарождались новые связи.

Все это показывает, что ЭГ находились в постоянном развитии, в силу воздействия различных факторов они могли обнаружить тенденцию к самоинтеграции (как северо-западные башкиры), к глубокой интеграции в составе этноса (как заканские татары, юго-восточные и денские башкиры) или эволюционизировать в сторону дальнейшего самообособления (как тептяри). В этом свете табл. 15, на которой показаны этнографические группы в ИЗО, отражает не столько результат развития, сколько степень изученности и динамическое состояние внутренней структуры этносов и этнографических групп в регионе на рубеже XIX—XX вв.

4 Развитие старых и формирование новых ЭГ существенно изменило характер расселения тюркских и финно-угорских этносов региона. Новые этнографические группы образовались: 1) на древних этнических территориях соответствующих этносов (юго-западные башкиры, заканские татары, мордва-терюхане и др.); 2) на смежных с древней этнической территорией землях (приуральские татары южные удмурты, чуваш анатри и др.); 3) в некотором отдалении от этнической территории (но в пределах ИЗО) (мордва в Симбирской, Самарской, Оренбургской губерниях, в Татарии, Башкирии, восточные нарийцы в Приуралье и Прикамье, некоторые подгруппы кряшенов и т.д.); 4) полностью на этнической территории других этносов (тептяри, ногайбаки).

Соответственно ЭГ этих народов расселялись: а) более или менее компактно на основной этнической территории или на территории своего этноса (все или большинство генетических ЭГ); б) разбросанно отдельными очагами на этнической территории других этносов, но в пределах ИЗО (восточные нарийцы, мордва, чуваш в Заволжье, в Приуралье и др.); в) дисперсно на этнической территории других этносов, но в пределах ИЗО (приуральские татары, восточные группы мордвы, нитарей и др.).

В результате сложилась ситуация, которую, на мой взгляд, правильно трактовать как изменение, пересечение и расширение этнических территорий всех или многих этносов региона в эпоху нового времени. На территории Приуралья, например, сложились, кроме ЭГ юго-западных и северо-западных башкир, ЭГ уфимских татар (с подгруппами) восточных нарийцев, южных удмуртов, приуральских чувашей и др., в Волго-Цинском

междуречье — ЭГ мордвы (мокши, эрзи, шокши, терюхан, каратаев), татар (мишарей, касиновских, казанских), чувашей, марийцев и др. На левобережье Волги (в степях Волго-Уральского междуречья) образовались очаги расселения башкир, татар, мордвы, чувашей.

Применительно к Волго-Уральской ИЗО было бы затруднительно устанавливать контактные границы; по существу, вся территория региона стала контактной зоной финно-угорских, тюркских и восточнославянских этносов. Естественно, в обширном регионе можно выделить основные территории этносов, зоны преимущественного контактирования родственных (финно-угорских или тюркских) или неродственных (финно-угорских, тюркских, восточнославянских) этносов, зоны совместного расселения нескольких ЭГ и т.д. Однако, на мой взгляд, было бы неверно трактовать передвижения тюркского и финно-угорского населения в XVI—XIX вв. в границах ИЗО как миграции, вызвавшие расчленение этносов и образование этнических (диаспорных) групп далеко за пределами основной этнической территории. В сущности, это были территориальные сдвиги этносов в пределах региона, расширение этнических территорий обитания. Эти сдвиги сопровождались, как правило, новыми контактами и образованием новых ЭГ. Применительно к каждому, отдельно взятому тюркскому или финно-угорскому этносу региона можно определить основную этническую территорию и территорию его диаспорных групп. Однако, если взять регион в целом, то территории диаспорных групп одного этноса оставались основными территориями для другого и, наоборот, основные этнические территории одних этносов становились диаспорными для других. Другими словами, одна и та же территория становилась "этнической" одновременно для двух и более этносов и их подразделений. Территория этнического формирования и обитания одного этноса могла стать и становилась территорией расселения другого этноса.

Для характеристики Волго-Уральской ИЗО как некоей целостности указанная специфика в расселении является важным показателем культурного взаимодействия тюркских, финно-угорских и восточнославянских этносов региона. Особенность развития тюркских и финно-угорских этносов в регионе заключалась в том, что части этносов, сдвинувшись с основной этнической территории на другие, но оставшиеся в пределах ИЗО (например, в Прикамье, Приуралье, на Южном Урале и т.д.), сохраняли более или менее интенсивные культурные и семейно-родственные связи с материнским этносом и основной этнической территорией.

5. Этнографические группы в ИЗО, как традиционные (генетические), так и новообразования, подразделяются на 1) имеющие и не имеющие самоназвания (эндоэтноним); 2) имеющие и не имеющие названия (экзоэтноним). В литературе установилась традиция, согласно которой этнические общности, имеющие этноним, определенный уровень самосознания, но находящиеся в таксономическом ряду ниже этноса (народности), выделяют в особые образования, которые называют субэтносом. Субэтносом являются, по мнению Н.Ф. Мокшина, мордва-эрзя и мордва-мокша, по мнению Н.А. Томилова и Ф.Т. Валеева, — сибирские татары; по мнению Р.Г. Мухамедовой — мишары^{251а}. При этноне, определяя как "субэтнос" ту или иную общность, исследователи ориентируются на сложность внутренней структуры этих образований. Изучая этническую историю "субэтносов", те же исследователи находят более уместным обозначать объекты своих изысканий "этнографическими группами". В литературе появилась также тенденция различать этнографические группы, имеющие названия (этноним), от ЭГ, не имеющих таковых (например, ватка, калез у удмуртов, но закаские и уфимские татары, юго-восточные и северо-восточные

башкиры) Эти стремления, естественно, сопровождаются поисками терминологического обозначения для выделенных групп. В качестве аргументов для таких различий, кроме наличия или отсутствия этнонима, выдвигаются и другие мотивы. Считается, что этнические образования имеющие самоназвания или просто названия, очевидны для выделения и очерчивания культурных границ. Образования же, не имеющие ни самоназвания, ни названия могут быть выделены только путем специального изучения.

На мой взгляд, главными признаками выделения ЭГ являются все же особенности в культуре и языке, которые с большей или меньшей интенсивностью отличают данную часть этноса от других ее компонентов. Если это верно, то наличие или отсутствие эндоэтнонима или экзоэтнонима не могут служить критериями для их типологической характеристики. Однако указанные признаки имеют значение для выяснения и определения истоков формирования ЭГ, интенсивности их консолидации, направления развития. Как показывают материалы по Волго-Уральской ИЗО, некоторые ЭГ, если складывались определенные социально-политические условия, приобретали тенденцию развиваться в самостоятельный этнос. При доминировании консолидационных процессов в масштабах этноса большинство ЭГ снижало интенсивность самостоятельного функционирования и полностью интегрировалось в составе основного этноса. Соответственно на протяжении достаточно длительного исторического периода (тем более в масштабах глубокой ретроспективы или перспективы) название (эндоэтноним или экзоэтноним) этнографической группы могло появиться, функционировать длительное время, приобрести тенденцию к укреплению или исчезновению. Из огромной массы подобных фактов в этнической истории мира мы хорошо знаем, что сохранившееся (в реальном значении) количество этнонимов (и соответственно этнических общностей) несопоставимо меньше этнонимов, ставших достоянием истории. Следовательно, "субэтнос" можно назвать ЭГ, приобретшую тенденцию развиваться в самостоятельный этнос, хотя реализация этой тенденции зависела от множества факторов (например, мигрирующие группы в статистике XVIII - начала XX в. учитывались отдельно, но не стали самостоятельными этносами). В ряде случаев экзоэтнонимы могли превратиться в эндоэтнонимы (бесеряне, крышени, тептяри) с соответствующей перестройкой самосознания, однако одно это не выводило этническую общность в ранг субэтноса.

Таким образом, отсутствие или наличие названия, самоназвания и соответственно слабо выраженного или интенсивного самосознания отражают, на мой взгляд, разные ступени развития этнографических групп, которые были и остаются основными структурными единицами в составе этносов.

В Волго-Уральской ИЗО фиксируются различные состояния в развитии ЭГ: формирование культурно-языковой самобытности безымянных групп, появлением для них названий, которые окружающим населением воспринимаются как этнические, перерастание экзоэтнонимов в эндоэтнонимы и т.д. Если этот процесс завершался, то ЭГ перерастала в "субэтнос" и далее развивалась в новый этнос. Именно в этом направлении шло развитие мигрирующих и тептярей. Однако, если процесс прерывался, то субэтнос в типологическом аспекте становился обычной ЭГ, при этом групповое (субэтническое) самосознание трансформируется в общенациональное, а самоназвание постепенно исчезает. Само собой разумеется, что существовал длительный переходный период, когда одновременно бытовали и имели реальное значение оба этнонима и двухступенчатое этническое самосознание. Так, на рубеже XIX—XX вв. часть мигрирующих

называла себя татарами, часть тептярей — башкирами или татарами, часть эрзи и мокши — просто мордвой. Более интенсивно этот процесс протекал за пределами основной этнической территории. Переселяясь на левобережье Волги — в Предкамье, Заволжье, Приуралье, мокша и эрзя, вирыялы и анатри обретали тенденцию именовать себя мордвой, чувашами, хотя еще в середине XX в. хорошо знали и помнили свою принадлежность к этнографическим группам Казанские татары и мишари в Приуралье и на Южном Урале называли себя просто татарами, хотя этнонимы "казан татары", "казанлы", "мишар", "тукэн" долго сохранялись в быту и сознании населения.

6. Как показывает табл. 15, в частности — соотношение в ней генетических ЭГ и новообразований, процессы этнического и культурного взаимодействия реально происходили преимущественно на уровнях ЭГ и их иерархически соподчиненных подразделений. При этом, чем более развиты были культуры контактирующих групп, тем интенсивнее проходили процессы взаимодействия и взаимовлияния. Интенсивность культурных контактов и обменов зависела не только, а точнее не столько, от простого территориального соседства, сколько от содержания, структуры и величины культурного потенциала взаимодействующих этносов.

Детальное изучение механизма этнокультурных контактов на уровне ЭГ может, видимо, способствовать выявлению некоторых общих явлений в теории этнических процессов. Есть основания предполагать, что в исторической ретроспективе, включая эпохи древности и средневековья, образования типа этнографических групп как общности, территориально локализованные и вырабатывающие в ходе совместного хозяйственно-производственного опыта специфические этнокультурные признаки, и были теми базовыми образованиями, которые, включаясь в широкие этнические процессы, могли сыграть ключевую роль в формировании новых этносов. Так, этнографическими группами были образования, которые в эпохи древности и средневековья кристаллизировались в определенные общности в обширной и довольно аномальной восточнославянской или кыпчакской этнолингвистических средах, оставаясь в то же время ее органической частью. Этнографическими группами в этногенетическом аспекте (но не в аспекте социальной истории) были и те образования, которые в литературе называют племенностями, племенными объединениями, улусными общностями, преднародными и т. д., кристаллизировавшимися в соответствующих этнолингвистических средах.

Базовое значение ЭГ отмечали и другие исследователи. Подчеркивалось развитие ЭГ на основе племенных образований. Они типологически отождествлялись с субэтностями и т. д.²⁵² Если соображение о древности и базовом значении общностей типа ЭГ в этнических процессах представляется обоснованным, то, судя по табл. 15, надо признать и структурную сложность синхронно протекающих процессов консолидации. Едва ли аргументированными являются представления, согласно которым строго хронологически последовательно консолидировались сначала различные формы преднародностей (по нашей терминологии — ЭГ в обширных этнолингвистических системах), затем народности и еще позже нации. Процессы консолидации в силу воздействия стимулирующих ее факторов одновременно разворачивались во всех звеньях этнической иерархии. При этом на этапах формирования народностей и наций ЭГ не только интегрировались в составе складывающихся этносоциальных общностей, полностью в них растворяясь, но при известных условиях внутри тех же народностей и наций могли возникнуть новые ЭГ. В теоретическом аспекте и с точки зрения отдаленной этногенетической перспективы какая-то часть вновь возникающих ЭГ может обрести

реальную тенденцию превратиться в новые этносы. В этой сущности диалектики и бесконечности этнических процессов. Общие наблюдения", представленные выше, могут иметь значение и при анализе современных этнических процессов.

Раздел 3

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В РЕГИОНЕ

Этническая группа. Общая характеристика

На территории ИЗО с XVII в. расселялись этнические группы, которые как упоминалось, являлись частями (осколками), оторвавшимися от материнского этноса, своей этнической территории, функционировавших в иноэтничной среде и поэтому приобретших специфические свойства в культуре, быте и языке. Этнические группы целесообразно подразделить по демографическим признакам на крупные (КЭГ) и малые (МЭГ). Относительно порога численности, который отделяет крупные и малые этнические группы, в советской этнографической литературе существуют разные мнения: от 100 тыс. до 500 тыс. человек. Различия между КЭГ и МЭГ заключались и заключаются, очевидно, в разных вариантах их этнокультурного развития и, главное, в вероятностных конечных результатах. Наиболее распространенная схема развития МЭГ подробно рассмотрена нами в (совместной с В. Я. Бабенко) статье²⁵⁴.

Ретроспективное исследование поведения Эти Г в иноэтничных средах актуально и в аспекте изучения современных проблем межнациональных отношений. Объясняется это тем, что за послевоенные десятилетия подвижность населения существенно изменила этнографическую карту СССР. Во всех республиках и городах страны сложился многонациональный состав населения. По переписи 1979 г., около 55 млн человек, или примерно пятая часть населения СССР, проживали за пределами "своих" республик, национальных областей, округов или вообще не имели национально-территориальных образований²⁵⁵. Будучи жителями сел, поселков, городов, расселяясь компактно, рассеяно, очагами, дисперсно и т. д., все эти люди так или иначе входят в контакты и взаимодействуют между собой с коренным населением и вообще с окружающей их этнической и культурной средой. Есть основания полагать, что сложившаяся в результате существенных демографических сдвигов послевоенного периода новая этнографическая реальность в стране является лишь началом, точнее, предпосылкой этнических процессов, которые активизируются в будущем как в сельской местности, так и особенно в городах. Основаниями к такому прогнозу являются, с одной стороны, незавершенность процессов складывания городской культуры после резкого роста городского населения СССР, неопределенность или синкретичность культурной ниши многих этнических групп в городах, с другой стороны, ожидаемые новые передвижения населения в ходе реализации радикальной экономической реформы. Поэтому изучение исторического опыта межэтнических взаимодействий коренных и некоренных народов, конфликтных и неконфликтных ситуаций в многоэтничной среде может в целом оказаться весьма полезным как в познавательных, так и в прагматических целях.

Обобщение материалов по народам СССР, и особенно по Волго-Уральской ИЗО, показало, что этапы развития МЭГ в отдалении от этнической

родины, во вновь обретенной и как правило в неродственной по языку и культуре среде, развертывались типологически сходно на всех территориях как в сельской так и в городской среде. Перед сравнительно малочисленной этнической группой, оказавшейся на новых землях, стояла нелегкая задача приспособиться (адаптироваться) к изменившимся условиям выживания. Это требовало сплочения переселенцев в целях коллективных действий. Они прежде всего имели в виду приспособление ранее накопленного хозяйственного опыта и знаний к новым природно-географическим условиям, изучение, заимствование и освоение хозяйственно-культурного опыта местного населения, включение переселенцев в систему местных рыночных связей и отношений и т.д. Соответственно последовательность и характер развития МЭГ целесообразно обозначить разными терминами. Это развитие, на наш взгляд, включало этапы: **к о н с о л и д а ц и ю** (когда происходило сплочение группы для совместных хозяйственных и социальных действий, устанавливались преимущественно внутри группы эндогамные брачные связи, складывалась система сохранения привнесенных с родины культурных традиций) словом, обнаруживалась тенденция к восстановлению привычной этнической ситуации (процесс сопровождался возрастанием этнического самосознания, которое несло в себе также сознание этногрупповой обособленности) и **и н т е г р а ц и ю** (когда неизбежное с течением времени ослабление связей с прежней родиной шло одновременно с установлением контактов с окружающим иноэтничным населением, укреплением хозяйственных и культурных контактов, формиранием и постепенным нарастанием (силы в ряде случаев сменой) двуязычия, которое прежде всего охватывает молодое поколение, повышением доли межнациональных браков и т.п., в целом складывались предпосылки для тесного сближения МЭГ с новым этническим окружением; в многоэтничной среде интеграция проходила более высокими темпами с родственными по языку и религии народами); **а д а п т а ц и ю** (когда происходило вживание группы в новую экологическую нишу, корректирование и совершенствование в ходе адаптации прежнего хозяйственного социального и культурного опыта, адаптацию можно рассматривать как завершение процесса сближения, интеграции МЭГ с окружающим населением, что особенно отчетливо проявлялось в восприятии целиком или в главных компонентах местного хозяйственно-культурного типа, двуязычии или в новом двуязычии членов всей группы, широким бытованием смешанных браков и т.д.; адаптация не сопровождалась разрушением этнического самосознания, устойчиво сохранялись комплексы материальной и духовной культуры, а также — преимущественно в быту — родной язык, на характеризуемой стадии для МЭГ в целом присущи билингвизм и бикультурализм²⁵⁰), **а к к у л т у р а ц и ю** (когда реальные процессы вели к полному восприятию у коренного населения или у более ранних поселенцев целесообразных в местных условиях приемов хозяйствования, форм материальной культуры, способов поведения); смена ХКТ сопровождалась постепенной утратой родного языка и переходом на язык окружающего населения, дальнейшим ростом числа межнациональных браков; этническое самосознание сохранялось, однако питалось и поддерживалось оно главным образом традиционными компонентами духовной культуры, а также этнической психологией, этнодифференцирующие функции которых заметно повышались.

Термины, выбранные для обозначения отдельных этапов развития МЭГ в иноэтничной или в многоэтничной среде, более или менее относительны. Главная их функция — различать качественные ступени развития МЭГ

С точки зрения механизма постепенного, естественного вживания ЮГ в новую среду, все этапы характеризовались различной интенсивностью культурно-хозяйственной и культурно-языковой адаптации.

Процессы консолидации, адаптации, интеграции, аккультурации протекали, как правило, одновременно, сложно переплетаясь, и познанию почти всегда противоречиво. В то же время на различных этапах истории ЮГ последовательно доминировал один из процессов.

Вашен вопрос о продолжительности протекания процессов консолидации, интеграции, адаптации и аккультурации малой этнической группы. Данные по ИЗО показывают, что скорость и интенсивность этих процессов зависели от тех же факторов, которые регулируют воздействие на этнические процессы вообще, т.е. совокупность естественноисторических, социально-исторических факторов, а также культурный потенциал самой группы.

В то же время на уровне ЮГ более отчетливо проявлялось воздействие естественноисторических факторов: соотношение численности группы и окружающего населения, типы расселения (ареальные, или дисперсные, очаговые), образовавшиеся при обосновании переселенцев в среде коренного и ранее прибывшего населения, близость (родственность) или отдаленность культуры, языка, а также религия взаимодействующих с данной группой народов и др.

Эти же факторы обуславливают вероятность или невероятность еще одного, завершающего этапа развития в иноэтничной среде — этапа а с с и и л я ц и и, которая сопровождалась сменой языка, этнического самосознания, хотя в культуре ЮГ могли сохраняться те или иные культурные компоненты бывшего материнского этноса. Принадлежность языка, ХКТ, и особенно религии, с одним и тем же лингвистическим, хозяйственно-культурным и конфессиональным системам способствовала ускорению ассимиляционных процессов. Напротив, различия в них сдерживали или вовсе исключали вероятность завершения развития ЮГ в иноэтничной среде естественной ассимиляцией. Ассимиляцию можно считать завершённой полностью лишь тогда, когда окружающее население и ассимилирующий этнос признавали принадлежность данной ЮГ к новой этнической общности. Эволюционная, естественная ассимиляция всегда присутствовала в этнических процессах. Естественная ассимиляция одновременно была важнейшим результатом этнических процессов и их предпосылкой. Ассимиляция, другими словами, и есть то закономерное явление, которое определяет этнос как процесс, как постоянно изменяющуюся субстанцию. Однако естественную ассимиляцию надо отличать от насильственной ассимиляции, в какой бы "гуланий", "демократичной" форме она ни организовывалась или протекала. Насильственная ассимиляция или ориентация на нее как на некую цель межэтнических взаимодействий и становятся той почвой, которая порождает межэтнические конфликты и борьбу.

Малые этнические группы

В XVIII—XIX вв. в Волго-Уральский регион (в Казанскую, Уфимскую, Оренбургскую, Самарскую, Симбирскую, Саратовскую губернии) переселились значительные массы украинского крестьянства. Общая их числен-

* Первые украинские переселенцы появились в Приуралье в XVII в. (Бабичев В. А. Этнические процессы в Башкирии (Конец XIX—XX в.) // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1989. С. 138, 139).

ность в ИЗО к 1897 г достигла 320 тыс человек (см табл.3) Расселились украинцы отдельными очагами, образовав ряд МЭГ в южной части Среднего Поволжья и Приуралья, а также в степном Заволжье²⁵⁷ В 1897 г их было в Оренбургской губернии 41,5 тыс., в Уфимской—71,7 тыс., в Саратовской—149,2 тыс., в Самарской—119,3 тыс человек (см рис 13) Различные украинские группы соседствовали с татарами русскими, башкирами, мордвой и другими народона. Это накладывало тот или иной отпечаток на процессы культурного взаимодействия Украинцы в Приуралье (Башкирии), например, восприняли многие элементы из опыта хозяйственной жизни, а также из материальной культуры, песенного фольклора башкир и татар В целом, однако, этническое развитие украинцев происходило в направлении сближения с окружающим русским населением — близкородственным им по языку и культуре, с единоверцами по религии К началу XX в этнокультурное состояние этнических групп украинцев в регионе находилось на стадии довольно глубокой аккумуляции с признаками намечающейся ассимиляции (прежде всего в городах) в русской этнической среде²⁵⁸

Кроме украинцев, в ИЗО в разное время поселились и образовали свои МЭГ белорусы, евреи, эстонцы, латыши, казахи Численность этих групп по 8 губерниям региона обобщена В П Шибаевым (табл 16)²⁵⁹, который воспользовался итогами переписи 1897 г, а также учетными материалами конца XIX — начала XX в Тем не менее обобщенные В П.Шибаевым сведения по белорусам, евреям и, вероятно, латышам являются неполными (в частности, по Самарской губернии), хотя поправки были бы, видимо, несущественными В целом приведенные в таблице данные отражают

Таблица 16 Численность некоренных народов в Волго-Уральской ИЗО в конце XIX в.

Губерния	Белорусы	Евреи	Латыши	Эстонцы	Казахи
Казанская	—	1 381	—	—	—
Пермская	266	1 761	—	—	—
Пензенская	—	483	—	—	—
Самарская	—	—	—	9 029	7 843
Саратовская	1 371	2 527	324	—	—
Оренбургская	2 247	1 844	—	—	4 898
Симбирская	1 455	445	548	837	—
Уфимская	505	634	3 873	617	—
Всего	5 844	9 075	4 745	2 363	12 741

численность указанных этнических групп на разных территориях региона В зависимости от характера расселения они подразделялись на этно-ареальные (латыши эстонцы, белорусы, казахи) и на этнодисперсные (евреи). Так, латыши в Уфимской губернии в конце XIX в. жили в 385 латышских хуторах при общей численности 3,9 тыс человек Центр расселения латышей на Южном Урале находился на месте нынешнего поселка Аустрин (Восток) Иглинского и на территории сельсовета Арх-Латыши Архангельского районов Башкирии, где были созданы первые латышские поселения²⁶⁰ Если брать в целом, малые этнические группы в ИЗО за редким исключением не изучены их расселение не картографировано, демографические процессы среди них не охарактеризованы. Судя, однако, по зафиксированным сегодня результатам этнических процессов, белорусы, так же как и украинцы, пережив

этап глубокой аккультурации к середине XX в обрели тенденцию ассимилироваться в составе русских. Аналогичное направление развития определилось для небольших по численности групп казахов расселявшихся среди башкир Оренбургской губернии и разноэтничного населения Самарской губернии. Родственность культуры и общность исламской религии башкир и казахов питали и ускоряли ассимилятивные тенденции, которые завершаются слиянием части казахов с башкирами.

Латыши, эстонцы, евреи, хотя и находились в интенсивных культурных связях в среде проживания, но устойчиво сохраняли самобытные комплексы культуры и этническое самосознание. Принадлежность к различным конфессиональным системам (к католической — эстонцев и латышей, к иудейской — евреев) выступила при этом существенным фактором сдерживающим ассимилятивные процессы. Однако процессы аккультурации глубоко затронули и эти группы. Об этом можно судить по данным середины и второй половины XX в. Из 60 тыс. латышей в РСФСР в 1970 г. 49% считали родным язык своей национальности, 50% — русский и 1% — язык других национальностей. Примерно такие же данные по эстонцам. Основная масса евреев в РСФСР родным языком считает русский. В Волго-Уральском регионе аналогичные сведения оказались на сопоставимом уровне. В то же время все эти национальности, находясь на положении МЭГ проявили устойчивость перед ассимиляционными процессами и сохранили свою этничность, этническое самосознание. В последние два десятилетия численность латышей эстонцев, евреев стала сокращаться в связи с реэмиграцией латышей и эстонцев в Латвию и Эстонию, евреев — в связи с выездом в Израиль или другие страны, а также в результате переездов в другие города и области Российской Федерации.

Крупные этнические группы

В иноэтничной среде и на новых землях крупные этнические группы (КЭГ) также пережили этапы консолидации и интеграции. Однако будучи многочисленными, обладая сильным культурно-языковым потенциалом в дальнейшем своем развитии они функционировали как самостоятельные этнические общности. Русское население ИЭО на начальных этапах заселения региона правомерно характеризовать как КЭГ. Переселяясь в Среднее Поволжье, Приканье, Приуралье, на Южный Урал из разных губерний и районов страны, крестьяне (русское население в целом) постепенно консолидировались на основе языковой культурной и религиозной общности в некое единство. Отдаленность от мест выхода, оторванность от Центральной России, тюркское и финно-угорское окружение (дружественное или нейтральное, но порой враждебное) способствовали укреплению этого единства и самостоятельному направлению развития русского этноса в Поволжье, на Урале, в Сибири. Эта тема остается малоизученной, однако в географической и этнографической литературе второй половины XIX в постоянно подчеркивается специфика культуры, самобытность русского волжанина, "уральца", "сибиряка". Позже, примерно с середины и конца XVIII в, когда Поволжье, Урал, Сибирь оказались достаточно глубоко интегрированными в составе России в социально-политическом, хозяйственно-торговом и культурно-идеологическом отношениях, а крупные очаги расселения русских, соединившись между собой и с основной этнической территорией русского народа, слились в единую территорию русского населения, на основе этнических образований стали складываться

этнографические группы. Общая характеристика ЭГ русских (средне-волжско-приуральской группы, горнозаводскому населению, оренбургскому и уральскому казачеству) дана выше. К сожалению, они также мало изучены. Детальное историко-этнографическое исследование русского населения региона раскроет интересные и новые страницы из истории нашей Родины из истории взаимодействия и хозяйственно-культурного сотрудничества народов России

Национальные группы

К Этн.Г (к крупным или малым) относятся и образования, которые в литературе обозначают термином "национальная группа (НГ)", имея в виду, что живут эти группы в другом (или других), нежели нутеринский этнос, государстве (или государствах). Использование этого термина (НГ) правомерно в целях уточнения характера происхождения и формирования таких групп, а также с учетом установившейся в нашей литературе традиции. Однако с точки зрения закономерностей этнических процессов национальная группа и "этническая группа" — понятия одновидовые. Об этом свидетельствует следующее наблюдение. В начале XX в. в Приуралье и на Южном Урале в ходе проведения столыпинской аграрной реформы расселились этнические группы эстонцев, латышей, белорусов. Латыши и белорусы селились, как правило, по соседству или в одних и тех же поселениях. В 1918—1940-е годы латыши и эстонцы, расселившиеся за пределами Эстонии и Латвии, стали по традиционной в нашей печати терминологии национальными группами, а белорусы остались этнической группой. После вхождения Латвии и Эстонии в состав СССР латыши и эстонцы в Приуралье и на Южном Урале, не изменяя своего статуса, вновь стали этническими группами.

Общая схема поведения МЭГ и НГ национальных групп в иноэтнической среде одинакова. Разумеется, могли быть существенные различия в темпах, интенсивности тех или иных этапов развития. НГ, принадлежавшие, как правило, к другим, чем окружающее население, этнолингвистическим и этноконфессиональным системам, устойчиво сохраняли самобытность в культуре. Процессы аккультурации затрагивали в основном хозяйственно-культурную жизнедеятельность, но не духовную культуру. В ассимилятивные процессы НГ вовлекались медленно или эти процессы их вовсе не затрагивали.

На территории Волго-Уральского региона из числа значительных по численности НГ расселились немцы. В Уфимской губернии, например, немцев-колонистов было, по переписи 1897 г., 1082 человека, по учетным сведениям 1912—1913 гг. — около 4 тыс. человек²⁰². Немецкие села располагались гнездом преимущественно в центральной Башкирии, в окружении русских, татарских и башкирских деревень. Если рассматривать немцев во всем Поволжье как некое этническое единство, имевшее тенденцию формироваться в немецкую народность (этнос) в России, что, на мой взгляд, правомерно, то группы немецкого населения в поволжских губерниях (по переписи 1897 г., в Казанской губернии немцев было 1155 человек, в Пермской — 947, в Пензенской — 654, в Самарской — 224 336, в Саратовской — 166 528, в Оренбургской — 5457, в Симбирской — 593, в Уфимской — 1082, а всего в 8 губерниях — 400 752 человека)²⁰³ представляли собой подразделения, составные части этого единства. При таком подходе немцев в Поволжье и Приуралье целесообразно характеризовать как крупную НГ, функционировавшую в далеком отрыве от исконной этнической

территории, на новой Родине в качестве самостоятельной этнической общности Ненцы в Поволжье, будучи выходцами из разных областей Германии и Австрии различаясь в культурно-языковом отношении будучи католиками или лютеранами, консолидировались здесь в этническое единство, создав в процессе адаптации к местным условиям эффективное хозяйство, сохранив самобытность в культуре и приобретя к началу XX в инерцию сложиться в немецкий народ в России. В XX в историческая судьба ненцев в России оказалась сложной, драматичной. Оказавшись на положении МЭГ на разных территориях и в иноэтничном окружении они также пережили этап глубокой аккультурации.

Раздел 4

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИЭО В ЭТИОГЕНЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (О РОЛИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭТНОСА В ЭТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ)

Анализ этнографической структуры ИЭО показывает, что на уровнях таксономически ниже этносов (народов) она во-первых, многообразна и во-вторых иерархична. Внутри различных типов подразделений этносов (ЭГ или Этн.Г) границы признаков, разделяющие их разновидности, условны, подвижны, определяются по доминирующей на данный момент характеристике. С изменением исторических условий одни разновидности ЭГ или Этн.Г могли переходить в другие или же одни и те же ЭГ или Этн.Г могли обладать одновременно признаками различных разновидностей. Так этносословные ЭГ могли трансформироваться в меж-этнически смешанные ЭГ или приобрести тенденцию развиваться в таковые (русское горнозаводское население в XIX в., тептяри в XIX—начале XX в., оренбургские и уральские казаки и др.). Этноконфессиональные группы или их подгруппы могли обрести черты внутриэтнически смешанных ЭГ (восточные марицы-язычники в XVIII—XIX вв., староверческие подгруппы в ЭГ оренбургских казаков в XVIII—XIX вв. чуваш-язычники в Приуралье в составе чувашей-христиан в XIX в. и др.). МЭГ с изменением политических обстоятельств могли выступать как национальные группы (НГ) и т.д.

Если взглянуть на классификацию подразделений этноса с учетом большого масштаба времени и региона в целом, то окажутся относительно условными и подвижными границы между ЭГ и Этн.Г. Они, как видно, могли взаимно трансформироваться. Превращение этнических групп в этнографические было показано на примере образования этнических групп русского населения в XVII—XVIII вв. русское население в Среднем Поволжье и Приуралье было достаточно пестрым по многим признакам. Оно включало группы однопационально-русские, смешанные русско-финно-угорские, конфессиональные (кроме православных — староверов, духоборов, единоверцев, молокан), сословные (государственных крепостных, монастырских, удельных крестьян) и т.д. Другими словами русские составляли в период заселения региона сложную совокупность сословных моноэтнических и смешанных, конфессиональных и иных групп, которые в условиях Среднего Поволжья и Южного Урала стали развиваться в многоэтнической среде. К концу XVIII в. под воздействием всех групп факторов, среди которых наиболее сильным оказался политический фактор формирования Русского централизованного государства, произошла дифференциация этого массива и четко обозначились контуры ЭГ русского народа на Волге и к востоку от нее.

Тенденцию превратиться в МЭГ приобрели зауральские, а также

ток-чуранские, иргиз-канеликские и чижинские башкиры В результате миграции в Западную Сибирь, в Поволжье русских, татар и других народов эти ареалы расселения башкир оказались в полиэтническом окружении, отделенными от материнского этноса, а также от своих ЭГ в первом случае - зауральских башкир от северо-восточных, во втором - ток-чуранских, иргиз-канеликских и чижинских от юго-западных и юго-восточных Однако на рубеже XIX - XX вв это была лишь наметившаяся тенденция, но не активно протекающий процесс В начальные периоды миграции народов Среднего Поволжья в Заволжье и Заволжье, Прикамье, Приуралье, на Южный Урал восточные группы татар (суфинских, тронцких, нишарей), марийцев чувашей, удмуртов, мордву также можно рассматривать как Этно Г При этом татары и, вероятно, чуваша в Заволжье и в Приуралье могли сложиться в крупные этнические группы

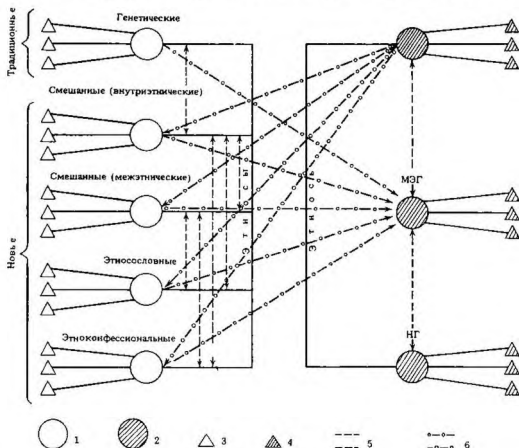
Главным при интерпретации этих процессов является характер происходящей с группой этнической эволюции: развивался ли процесс в направлении глубокой аккумуляции с последующей ассимиляцией в составе других этносов или же группа (или ее часть) сохраняла этничность, оформлялась в ЭГ и участвовала в дальнейшем развитии своего материнского этноса Как было показано, в ИЗО в многообразных вариантах развивались оба процесса - этнотрансформационный и этноэволюционный На начальных этапах движение тюркского и финно-угорского населения в восточном направлении когда переселенцы еще не прошли этапы внутригрупповой консолидации, этнотрансформационные процессы могли преобладать или иметь существенное значение Именно на волне этих процессов немало тюркского и финно-угорского населения вошло в состав тептярей, а также уральских и оренбургских казаков

С превращением территории ИЗО в регион совместного полиэтнического расселения, с ростом численности переселенцев, с восстановлением и укреплением всевозможных связей с этнической территорией и материнским этносом Этно Г развивались в ЭГ в составе соответствующих этносов (суфинские татары, восточные марийцы, тамбовские удмурты, приуральские чуваша, заволжская мордва и др.)

Возможные варианты взаимной трансформации разновидностей ЭГ и Этно Г внутри соответствующих типов и между собой представлены на табл.17 Показанные направления развития ЭГ и Этно Г установлены на материалах ИЗО, но они соответствуют с или, по крайней мере, не противоречат) распространенным в литературе представлениям о тождестве или близости указанных типов образований "Адекватность" значения терминов "этническая", "этнографическая" и "национальная" группа отмечают Ю В Бронлей и В И Козлов Т.А. Жданко, рассматривая "однопорядковые" этнические общности, обозначает их разными терминами: "этнографическая" или "этническая" группа Р Ф Итс подчеркивал сходство "любых" автономно развивающихся образований и называл их ЭГ²⁰⁴ Исторический подход к изучению этнических процессов, на мой взгляд, требует введения уточняющих терминологических обозначений для разных состояний подразделений этноса с учетом возможной смены социально-этнического статуса группы.

Вероятные взаимные трансформации ЭГ, Этно Г и ИГ, пограничный социально-этнический статус многих из них, постоянный процесс их эволюции дают основание исследователям относить те или иные образования к различным видам подразделения этноса Так, довольно часто заволжские, приуральские группы народов Среднего Поволжья (татар, чувашей, марийцев, удмуртов, мордву) в литературе относят не к ЭГ, а к Этно Г Это, очевидно, правомерно, особенно на ранних этапах развития этих групп Положение неясно по мере восстановления и упрочения этнокуль-

Таблица 17 Структура этнографических и этнических групп народов Восточной Уральской ИЗО

1 - этнографические группы, 2 - этнические группы, 3 - подразделения ЭТГ 4 - подразделения Этн.Г. 5 - возможные варианты трансформации разновидностей внутри ЭТГ и Этн.Г. 6 - возможные варианты взаимной трансформации ЭТГ в Этн.Г. и Этн.Г. в ЭТГ

турных связей этих групп с материнским этносом по мере возрастания плотности этих связей Этн.Г. становятся в этих условиях или точнее превращаются в живую активно функционирующую часть этноса, т.е. в ЭТГ.

Этнографическая структура ИЗО на рубеже XIX—XX вв. (см. табл. 15) показывает, что 4 (из 5) разновидностей ЭТГ и все Этн.Г. образовались на территории ИЗО в новое время. Это отражает: а) активность и разнонаправленность этнических процессов в регионе во второй половине XVI—начале XX в. б) значительную роль наряду с этноэволюционными этнотрансформационными (этногенетическими) процессами в) высокую подвижность этнографической структуры этносов ИЗО, особенно на уровне звеньев, таксономически ниже народностей. Надо подчеркнуть, что изучение истории возникновения ЭТГ и Этн.Г., истоков и природы их происхождения, особенностей функционирования, ступеней развития способно дать огромную информацию о направлении, закономерностях и специфике этнокультурных процессов. Таблица также показывает, что

механизм процессов взаимодействия, снесения, взаимопроникновения, доминирующего влияния, ассимиляции и т.д. особенно явно проявляется на уровне подразделений этноса, включая все иерархические ступени последних вплоть до самых малочисленных ячеек (сенья), способных воспроизводить этническую культуру. Об этом свидетельствует анализ табл. 15. Из 120 зафиксированных в ней подразделений этноса 65 являются новообразованиями, так как они возникли или окончательно сложились в XVI—XIX вв.

Направленность и активность контактов на уровне подразделений этноса показаны в табл. 18, составленной на основе данных табл. 15

Таблица 18 Этнокультурная связь народов Волго-Уральской ИЭО

Этнические общности и группы	Этнокультурные связи с народами											Всего
	русские	украинцы	татары	мишари	чуваши	башкиры	марийцы	мордва	удмурты	казахи	калмыки	
Мордва	8	2	6	—	2	1	—	—	—	—	—	19
Марийцы	6	—	6	—	2	3	—	—	—	—	—	17
Удмурты	8	—	6	—	—	3	1	—	—	—	—	18
Чуваши	9	—	6	1	—	1	—	3	—	—	—	20
Казанские татары	3	—	—	2	3	5	3	1	6	1	—	24
Мишари	5	—	6	—	4	4	1	4	—	—	—	24
Кряшены	8	—	—	1	2	3	1	1	1	—	—	17
Тештары	—	—	1	1	3	1	1	—	1	—	—	8
Башкиры	5	1	8	2	1	—	2	1	3	7	4	34
Русские	—	1	4	1	3	4	1	3	1	2	1	21
Украинцы	4	—	4	—	3	2	—	3	—	—	—	16
Всего	56	4	47	8	23	27	10	16	12	10	5	

Табл. 18 отражает развитие этнических и этнокультурных связей в XVII—XIX вв. Построена она на статистической группировке показанных в табл. 15 линий взаимосвязей. Эти линии по масштабу обозначенных связей и их интенсивности, разумеется, не равнозначны. Тем не менее, фиксируя реальность установленных и развивающихся отношений, они отражают общую тенденцию этнических и культурных взаимодействий. В совокупности этнических взаимосвязей народов региона наиболее частыми и активными были контакты с русскими (56), татарами (47), башкирами (27) и чувашами (23). Этнокультурные связи с русскими наиболее активно поддерживали христианизированные этносы — мордва (8), марийцы (6), удмурты (8), чуваш (9), кряшены (8). Среди тюркских народов интенсивными были связи башкир с татарами и мишарями (10) и татар (вместе с мишарями и кряшенами) с башкирами (12). В западной и центральной части региона интенсивными были тюркско-финно-угорские взаимосвязи (у мордвы, марийцев, удмуртов с татарами — 18, у татар, мишарей и кряшен с марийцами, мордвой, удмуртами — суммарно также 18); по мере продвижения на восток у башкир, русских (казаков) проявляются этнокультурные связи с казаками и калмыками.

Интересную информацию дает итоговая графа табл. 18, показывающая круг народов, с которыми взаимодействует данный этнос, и интенсивность взаимосвязей. Наибольший показатель (34) у башкир. Он свидетельствует о сложности этнического окружения и соседства башкир. Достаточно

высок этот показатель и у народов Среднего Поволжья У мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей, казанских татар, инсарей он колеблется в диапазоне 17—24

В то же время было бы неверно полагать, что в этническом составе ИЗО микроструктуры являются единственными и даже главными факторами, определяющими развитие этнических и культурных процессов. Точнее было бы сказать, что в пределах этих микроструктур реализуются механизмы этих процессов (различного свойства и характера). Направления же их развития придает микроструктуры, которые в свою очередь складываются и функционируют под воздействием совокупности естественноисторических социально-исторических и собственно культурных групп факторов.

Какие микроструктуры влияли на этнокультурное поведение микроструктур на многоэтничном пространстве ИЗО? Это, во-первых, рассиотренные в разделе 1 настоящей главы этноареальные системы. В табл. 13 показаны (контурной линией) лингво-этнографические, конфессионально-этнографические и хозяйственно-этнографические группировки тюркского и финно-угорского населения ИЗО. Хозяйственные различия к рубежу XIX—XX вв. проявлялись менее отчетливо, так как оседлое пашенное земледелие (с различными насаждениями и с различной интенсивностью) стало достоянием всех народов края. В то же время хозяйственно-культурная дифференциация населения наряду с этнолингвистической и этноконфессиональной оставалась мощным совокупным фактором, действующим на образование этнографических групп и их подразделений, что нашло достаточно отчетливое отражение в таблице.

Во-вторых, это Восточноевропейская историко-этнографическая провинция. Включение в нее Среднего Поволжья и Южного Урала было связано с появлением и участием в этнических и культурных процессах региона восточнославянского населения. Одновременно это означало затухание по существу, прекращение этнокультурных связей западной части Волго-Уральской ИЗО (в частности, мордвы и марийцев) с Прибалтийской ИЗО. Постепенно ослабли (но не исчезли полностью) этнокультурные связи северной и северо-восточной частей региона (удмуртов, башкир, татар) с Лаво-ско-Печорской или Северной ИЗО (с коми-зырян, пермяками, с европейской и зауральской частью обских угров). Указанные процессы были следствием постепенного возрастания культурного воздействия в

* На состоявшейся в сентябре 1989 г. в г. Уфе научной конференции по проблеме "Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных контактах" (см. тезисы конференции под тем же названием Уфа, 1989. С. 3—234) были выдвинуты идеи об универсальности этнических групп как одного из параметров культурно-исторического развития, или как "реальных образований", возникших в "локальных рамках социально-исторического бытия", когда "продвигавшиеся общественно-экономические формации преломляли свое историческое существование" (Берковский Н. А. Этнические группы как предмет социально-философского объяснения // Этнические и этнографические группы в СССР. С. 14). Такая трактовка действительно подталкивает к необходимости подаять к появлению существа этнических и этнографических групп "в контексте всемирно-исторического процесса" (Там же. С. 14). На материалах народов ИЗО и страны в целом можно наблюдать структурную сложность любого типа этнической общности (племени, народа, нации) весьма различные во времени. Процесс заключается в том, что подразделения этнических общностей постоянно вступают в более сложную структуру, но столь же постоянно возникали новые. И в этом смысле этнос — движение, процесс. Очевидно, подразделения этнических общностей сами по себе являются способом их развития, так как механизмы этнокультурных изменений осуществляются посредством многофункционального этия структур. Подразделения этнических общностей реализуют те программы, которые в силу совокупного действия различных групп факторов формируются на уровне микроэтносов. В зависимости от социально-экономического и социально-политического содержания направленности этия программы микроэтносы и их подразделения могут иметь результатом обогащение, синтез или подавление культурных комплексов. Разработав кратко обрисованного подхода, можно попытаться совершенствовать методические приемы при изучении этнических культур.

регионе (в известных пределах нивелирующего) средневожского, приуральского и уральского русского населения

И наконец, в-третьих — это радикальное изменение политической и вслед за этим этнической ситуации в Нижнем Поволжье, в Волго-Яицком междуречье, т.е. на территории, расположенной между Волго-Уральской ИЗО и Северным Кавказом. Она была постепенно, но довольно плотно заселена русскими (в том числе казакми), калмыками продвигавшимися на запад казакми (Бухеевская Орда), а позже — украинцами, немцами и другими Этн.Г Следствием этого было сокращение, а к рубежу XIX—XX вв. прекращение хозяйственных и этнокультурных связей с Северо-Кавказской ИЗО и с Нижним Поволжьем (с ногайцами, калмыками, народами Северного Кавказа). В то же время не только сохранились, но и активизировались этнокультурные связи казанских и астраханских татар, а нордовские миграции достигли некоторых районов Закавказья

Противоречиво развивались некогда активные контакты региона с народами Западной Сибири. Видно, к середине XVIII в. прекратились или стали эпизодическими контакты синаро-карабулакских башкир с уграми (в основном с хантами), заметно снизилась активность их взаимодействия с западносибирскими татарами. В то же время в XIX в., особенно с пореформенного периода становятся интенсивными хозяйственно-торговые и культурные связи западносибирских татар с казанскими

Со Средней Азией и Казахстаном вплоть до начала XX в. сохранялись и этнические, и культурные связи. Этнические связи (в том числе брачные) между башкирами и татарами (западносибирскими, троичскими, оренбургскими), с одной стороны, казакми, реже с каракалпаками, узбеками — с другой, наиболее активными были в широкой пограничной полосе расселения указанных народов по рекам Тобол, Уй, Урал, Илек и др. Культурные связи к рубежу XIX—XX вв. оставались достаточно активными, однако направление, содержание и характер культурного взаимодействия изменились. Контакты со Средней Азией и Казахстаном затрагивали в регионе татаро-башкирский этнолингвистический ареал, совпадавший в основном с мусульманским конфессионально-этнографическим ареалом. Эти контакты сводились теперь не только и не столько к восприятию Средним Поволжьем и Южным Уралом среднеазиатских атрибутов культуры, сколько к культурно-просветительскому влиянию региона на тюркское население Средней Азии и Казахстана. Центрами этого влияния были Казань, Уфа, Оренбург, Верхнеуральск, Троицк, в которых концентрировались татарская и башкирская интеллигенция, духовные и светские учебные заведения, издательства и типографии.

Таким образом, Волго-Уральская ИЗО воспринимала возрастающее культурное влияние с запада (из Восточноевропейской ИЭ провинции) и в сокращающихся масштабах — с востока, из Средней Азии. При этом в культурном отношении ИЗО, сохраняя своеобразие и самобытность, усилила собственное влияние в восточных направлениях — на Западную Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию.

В целом табл. 15 не является исчерпывающей, но отражает сложность этнической структуры ИЗО, особенности ее исторического формирования, разнообразие факторов, приведших к образованию новых ЭГ и Этн.Г. В сложности этнографической структуры ИЗО надо усматривать противоречивое воздействие генетических и вновь возникших факторов развития; социально-политических изменений и как их следствия масштабных перемещений населения, демографических изменений и перестройки структуры этнографического состава населения ИЗО; устойчивости этнической культуры и преобладания этнокультурного развития с различной плотностью и интенсивностью эта вторая инновационная тенденция нашла

отражение во всех звеньях этнографической структуры ИЗО

Ареальные системы (хозяйственно-культурные, этнолингвистические этноконфессиональные) возникли или сложились в основных очертаниях в эпоху средневековья. В то же время они несли в себе и очень древнюю культурную и языковую информацию восходящую к уральской и алтайской эпохам. Когда Волго-Уральская ИЗО интегрировалась с Восточноевропейской историко-этнографической провинцией, исходящая от провинции и ее подсистем этнокультурная информация охватывала постепенно все новые слои и группы коренного населения ИЗО. На рубеже XIX—XX вв. культурный поток от восточноевропейской провинции становится мощным; он обрел реальную тенденцию стать ведущим фактором в социально-культурном развитии всех народов региона. Однако он не стал и не мог стать таковым в силу специфического сочетания указанных выше двух тенденций. Во всем Волго-Уральском регионе феодальные отношения были отягощены реально функционирующими атрибутами патриархальной эпохи. Капитализм в этнических обществах был развит в целом слабо и породил полуфеодальные формы эксплуатации с высокой степенью личной зависимости наемного работника. Государство проводило "национальную" политику, сопровождая ее обычно открытым или скрытым насилием, используя средства и меры, унижающие достоинство и вызывающие сопротивление народов региона. В контексте этих особенностей социальной ситуации в полной мере и с полной силой проявилась инерционность этнического и культурного развития. Она противоречиво реализовалась в консервации многих традиционных комплексов культуры, особенно религиозных воспринятых массой народа в качестве этнических. Она проявилась также в замедленном освоении европейских культурных ценностей привнесенных в регион в ходе включения ИЗО в Восточноевропейскую провинцию, в усиленных акцентах на национально-освободительные мотивы в социальных движениях, в общественной мысли, в классовой борьбе, в приверженности к многим общинным и патриархальным институтам в приглушенности демократического политического сознания.

Общую схему этнокультурного воздействия от макроструктур к микроструктурам упрощенно можно представить в следующем виде: этнокультурные системы Восточноевропейской провинции → этноареальные системы ИЗО → этносы → ЭГ и Этн.Г → их подразделения → селенно-родственные сообщества → семьи. Этнокультурные изменения могли происходить на всех уровнях. Однако особенно явственно этнокультурные изменения проявляются на микроструктурных уровнях подразделения этноса. Логически такой подход даст возможность выйти на отдельного человека, на этнофора (точнее, этносоциофора), что должно быть целью исследований по этнокультурной проблематике. Этно-

* В составе ИЗО выделяются территориальные "подобласти и небольшие историко-культурные регионы" (Чебоксаров Н.И., Чебоксаров И.А. Народы, расы, культуры. С.216), которые делаются "в конечном счете на этнографические группы" (Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. С.85). Волго-Уральская ИЗО также включает подобную иерархию структур, и об этом выше говорилось. Однако надо иметь в виду, что в этнокультурных взаимодействиях участвуют не собственно провинция, области, подобласти, "небольшие" регионы (т.е. территориальные структуры), а функционирующие в них "факторные" историко-культурные ареалы и системы (хозяйственно-культурные, лингвистические, конфессиональные и др.), и особенно этнические образования, т.е. этносы и их подразделения, — важнейшие звенья взаимодействия в любом историко-культурном ареале. Провинция, области, подобласти, районы, будучи "многофакторными" историко-культурными территориальными образованиями являются скорее результатом, итогом взаимодействия, нежели его субъектом.

социофор как бы фокусирует в своем этнокультурном облике происходящие процессы. Так, из табл. 15 видно, что этносоциофор одновременно мог быть татарин, тептярем, кряшен, оренбургским казаком или башкиром; тептярем оренбургским или уральским казаком или марийцем (аналогично чувашам, удмуртам), тептярем, причем тептярем-христианином, тептярем-мусульманином или тептярем-язычником или русским оренбургским казаком старовером. Естественно, что каждый из указанных статусов (этнический, сословный, конфессиональный), с одной стороны, был отражением реальности, с другой, — фиксируясь и преломляясь в сознании этнофора, развивал эту реальность в определенном направлении, способствуя, например, эволюции сословных и конфессиональных групп населения в ЭГ соответствующих разновидностей.

Сложный результат этнокультурного взаимодействия зафиксирован в таблице и на уровнях ЭГ и их подразделений: это упомянутые мордва-каратаи, мордва-терюхане, удмурты-бесерияне, татары-кряшны, тептяри-татары — удмурты, —марийцы, —чуваша, —башкиры; оренбургские или уральские казаки-русские, —украинцы, —башкиры, —татары, —калмыки и т.д. В этой сложности, в разнообразных и многосторонних этнокультурных пересечениях и заключается целостность Волго-Уральской ИЗО как некоей этнокультурной системы. Это означает, что этнические и культурные явления, развиваясь, охватывали весь регион. Определенные компоненты культуры становились из этнических ареальных, а границы распространения культурных явлений, привнесенных в ходе расширения Восточноевропейской провинции, уходили далеко за пределы ИЗО.

Этнографическая структура, суммированная в табл. 15, сложившаяся в основных очертаниях в XVII в., постоянно воспроизводилась. В то же время структура ИЗО была живой, динамичной системой и ее воспроизводство с каждым поколением людей сопровождалось определенными изменениями. Если применить терминологию общественных наук, расширенно воспроизводилась тенденция к взаимодействию. Имея в виду коррелятивные связи между этносом и его культурой, можно заключить, что наряду с воспроизводством этнической структуры в ИЗО воспроизводился и региональный комплекс культуры, структурно, как показано, также весьма сложной. Определенный слой в этом комплексе (с присутствующей в культуре всех этносов ИЗО) являлся частью общей культуры, свойственной русскому населению Восточноевропейской провинции. Одновременно в нем присутствовал слой региональной культуры, свойственной в той или иной степени культуре турецких и финно-угорских этносов региона и сложившийся до XV—XVI вв. Этнотипы и их части обладали специфическими культурными чертами, восходящими к древности и средневековью. Воспроизводный в ИЗО ареальный комплекс культуры был итогом, сложным результатом и синтезом взаимодействия, движения и развития всех указанных компонентов. Этот итог транслировался в этноареальные (хозяйственно-культурные, этнолингвистические, этноконфессиональные) системы и далее на этносы и их микроструктуры, на уровне которых культурные воздействия реализовывались, как видно из табл. 15 и 18, в самых различных формах. Другими словами, это означало, что ИЗО представляла собой регион, где складывался механизм воспроизводства и поступательного развития этнических и культурных связей.

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С.86

² Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настоящее и будущее. Книга 1 / Под ред. П.П.Семенова. Таш. Шанского. СПб, 1914. Т.5. Урал и Приуралье. Гл.V.

³ Кузовов Р.Г. К вопросу о соотношении этноса и культуры // Развитие языков и культур народов СССР в XIX

азанмиссия и азанмодействия. Уфа, 1976. С.104

⁴ См.: Мокшин Н.Ф. Этническая история мордовского народа. Саранск, 1977. С.109–120, 247–248; Семенов Г.А. Восточные маришцы. Йошкар-Ола, 1975. С.15–20; Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981. С.4 и др.

⁵ Кузеев Р.Г. Этнографические группы башкир в XIX в. и история их формирования // АЭБ. Уфа, 1968. Т.3. С.371–388, Он же. Территориальные комплексы культуры и этнографические группы башкир на рубеже XIX–XX вв. // Из истории Башкирии. УЗ БГУ. Сер.ист.наук. Уфа, 1968. Вып.35. С.188–209.

⁶ Об исторических этапах развития этнических групп в многоэтнической среде см.: Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Малые этнические группы. Основные этапы этнокультурного развития (По материалам СССР) // СЭ. 1985. N 4. С.13–22

⁷ Под редакцией см.: Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Этнические и этнографические группы в СССР. Уфа, 1989. С.1–10.

⁸ Мордва. Историко-этнографические очерки. С.15

⁹ Там же. С.19.

¹⁰ Там же. С.28, 38

¹¹ Там же. С.38, 40.

¹² Мокшин Н.Ф. Этническая история мордовского народа. С.77, 111–115

¹³ Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С.46–117

¹⁴ Там же. С.113.

¹⁵ Там же. С.115, 231

¹⁶ Там же. С.231.

¹⁷ Там же. С.47, 121–280–292

¹⁸ Там же. С.121.

¹⁹ Там же. С.47, 258

²⁰ Там же. С.262.

²¹ Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Очерк этнографии удмуртов. Ижевск, 1984. С.4. Прилож. карта-схема этнических групп удмуртов.

²² Гришкина М.В., Владыкин В.Е. Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С.13–17.

²³ Владыкин В.Е. К вопросу об этнических группах удмуртов // СЭ. 1970, N 3. С.41

²⁴ Атаманов М.Г. Размещение юршудно-родовых групп // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск, 1980. С.89–90

²⁵ Там же. С.90.

²⁶ Гришкина М.В. Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С.102–103.

²⁷ Там же. С.114–115

²⁸ Там же. С.97, 101.

²⁹ Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Очерк этнографии удмуртов. С.4–59. Карта-схема.

³⁰ Атаманов М.Г. Размещение юршудно-родовых групп. С.100

³¹ Владыкин В.Е. Очерк этнической и социально-экономической истории удмуртов. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1969. С.12.

³² Закиев М.З. Из истории татар и татарского языка // Сафуллин Ф.С. Галуллин К.Р. Русско-татарский разговорник. Казань, 1986.

³³ Закиев М.З. Волжские татары... Казань, 1985. С.48

³⁴ Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Очерк этнографии удмуртов. Ижевск, 1984. С.4–5.

³⁵ Семенов В.А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р.Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов. С.62.

³⁶ Гришкина М.В., Владыкин В.Е. Письменные источники по этногенезу удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов. С.25–27.

³⁷ См.: Тепляшина Т.И. О смешении терминов "чуаш" и "бесермян" в письменных источниках // УЗ НИИЯЛИЭ при СМ Чув. АССР. Чебоксары, 1968. Вып.11. С.181.

³⁸ Гришкина М.В. Численность и расселение удмуртов. С.104

³⁹ Гришкина М.В., Владыкин В.Е. Письменные источники... С.30–31

⁴⁰ Атаманов М.Г. Размещение юршудно-родовых групп. С.89–90

⁴¹ Там же. С.90.

⁴² Гришкина М.В. Численность и расселение удмуртов. С.105

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С.105–108. общая численность южных удмуртов в 1716–1717 гг. составляла 15 426 человек (Там же

С.113).

⁴⁵ Там же. С.110–111

- ⁴⁶ Кельмаков В.К. К истории удмуртов правобережья Вятки // Материалы по этногенезу удмуртов. С.128.
- ⁴⁷ Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Очерк этнографии удмуртов. С.4; удмурты расселяются в следующие районы Татарии: Кузнецком (в 27 населенных пунктах), Балтасинском (в 30 н.п.), Мамадышском (в 3 н.п.), Агрызском (в 3 н.п.). Кроме того, несколько удмуртских деревень расположены в соседнем Мари-Турехском районе Марийской республики. См.: Атаманов М.Г. Размещение воршудно-родовых групп. С.101–102. Кельмаков В.К. К истории удмуртов правобережья Вятки. С.128–129
- ⁴⁸ Кельмаков В.К. К истории удмуртов правобережья Вятки. С.143
- ⁴⁹ Там же. С.139–140.
- ⁵⁰ Дмитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Булгария и чуваша. Чебоксары, 1984. С.42–43
- ⁵¹ Чуваша: Этнографические исследования. Чебоксары. 1956. Ч.1. С.75, 77, 340
- ⁵² Там же. С.77.
- ⁵³ Там же. С.75, 340.
- ⁵⁴ Там же. С.340, 342.
- ⁵⁵ Беллицер В.Н. Народная одежда удмуртов. М. 1951. С.100–106
- ⁵⁶ Чуваша... Ч.1. С.75, 77, 342.
- ⁵⁷ Подробно см.: Кузев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С.107–298
- ⁵⁸ Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905. С.10, 36, 96; Чернышев И.Е. Селения Казанского княства в XVI–XVII вв. // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С.284–291.
- ⁵⁹ Атаманов М.Г. Из истории расселения воршудно-родовых групп. С.92–93, 95, 102–103, 105–106, 112, 119
- ⁶⁰ Кузев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.158–161, 516. Карта 4.
- ⁶¹ См. подробно: Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Л. 1925. Ч.2. С.320–327. Прилож. Карта распределения башкир на области по бытовым элементам.
- ⁶² Руденко С.И. Башкиры... С.35–85, 112–243.
- ⁶³ Кузев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.194–289
- ⁶⁴ Там же. С.302, 523. Карта 12
- ⁶⁵ Там же. С.319.
- ⁶⁶ Там же. С.119, 319–320. 518. Карта 13
- ⁶⁷ Там же. С.331, 337.
- ⁶⁸ Там же. С.518. Карта 13.
- ⁶⁹ Там же. С.331, 518. Карта 13
- ⁷⁰ Там же. С.337.
- ⁷¹ Там же. С.519. Карта 14.
- ⁷² Там же. С.338, 518. Карта 13.
- ⁷³ Киселева Д. О звуках с, з и н в их развитии в башкирском, туркменском и якутском языках // УЗ БГУ. Вып.6 Сер. филол. Уфа, 1958. №5; Башшев Т.Г. Башкирские диалекты и их отношение к литературному языку. М., 1955. С.24–64. Максотова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. М. 1976. Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М., 1979.
- ⁷⁴ Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960. С.160.
- ⁷⁵ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С.39. (разрядка моя. –Р.К.)
- ⁷⁶ Халиков А.Х. Происхождение татар... С.129 (разрядка моя. –Р.К.); Он же. Татарский народ и его предки. Казань. 1989. С.142–198.
- ⁷⁷ Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М. 1984. С.8–14. 109–118
- ⁷⁸ Халиков А.Х. Происхождение татар. С.125.
- ⁷⁹ История татарской АССР. Казань, 1968. С.86–87. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.11–13. Халиков А.Х. Происхождение татар... С.125–126; Кузев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа. 1960. С.52, 73
- ⁸⁰ Халиков А.Х. Происхождение татар... С.126.
- ⁸¹ Там же. С.125.
- ⁸² Халиков А.Х. Происхождение татар... С.127 (разрядка моя. –Р.К.)
- ⁸³ Гришкин М.В., Владыкин В.Е. Письменные источники... С.30–32
- ⁸⁴ Захвеев М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986. С.54 и др
- ⁸⁵ См., например: Гарипова Ф.Г. Этнолингвистические пласты в гидронимии Закавказья // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С.30–38.
- ⁸⁶ Халиков А.Х. Происхождение татар... С.129 (разрядка моя. –Р.К.)
- ⁸⁷ Захвеев М.З. Татарский язык // Языки народов СССР: Тюркские языки. М. 1966. С.139
- ⁸⁸ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.39
- ⁸⁹ Там же. С.39–40

- ⁹⁰ Бурганова Н.Б. О формировании татарских говоров Закамья // К формированию татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С.6–9.
- ⁹¹ Бурганова Н.Б. Особенности говора татар южной стороны ТАССР // Материалы по диалектологии татарского языка. Казань, 1955. С.37.
- ⁹² Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.40
- ⁹³ Бурганова Н.Б. О формировании татарских говоров Закамья. С.1–5, 8.
- ⁹⁴ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.44–45; Бурганова Н.Б. Говор ханкаских и глазовских татар // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1962. С.19.
- ⁹⁵ См. обзор литературы Мухамедова Р.Г. Чепецкие татары (Краткий исторический очерк) // Новое в этнографическом исследовании татарского народа. Казань, 1978. С.5–6
- ⁹⁶ Мухамедова Р.Г. Чепецкие татары. С.7–8.
- ⁹⁷ Там же. С.9; по мнению Р.Г. Мухамедовой, под "врсскими татарами" "тесерминами" и "чувашинами" источники возможно, имели в виду не Чепец одно и то же население
- ⁹⁸ Там же. С.15.
- ⁹⁹ Халиков А.Х. Происхождение татар... С.147–148.
- ¹⁰⁰ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.41.
- ¹⁰¹ Пермские татары. Казань, 1983. С.3.
- ¹⁰² Материалы по истории деревень пермских татар / Собр. Ю.Г. Мухаметшиным // Пермские татары. С.155–161
- ¹⁰³ Исхаков Д.М. Из истории изучения формирования тюркоязычного населения Пермского края // Пермские татары. С.7–11.
- ¹⁰⁴ Татары Поволжья и Приуралья. С.44 Мухаметшин Ю.Г. Типы сельских жилищ (Конец XIX–начало XX в.) // Пермские татары. С.90
- ¹⁰⁵ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.43.
- ¹⁰⁶ Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI–первой четверти XIX вв. Томск, 1981. С.33.
- ¹⁰⁷ Юсупов Ф.Ю. Фонетические особенности говора татар Свердловской области // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Казань, 1982. С.69–70.
- ¹⁰⁸ Рамазанова Д.Б. Пермь татарлары сыйлаше лексикалык, кенчыгыш төрләр телләре башка деем моментлары // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С.107.
- ¹⁰⁹ Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар // Пермские татары. С.138–144
- ¹¹⁰ Там же. С.144.
- ¹¹¹ Рамазанова Д.Б. Пермь татарлары сыйлаше... С.107.
- ¹¹² Тумашев Д.Г. Диалекты сибирских татар: Опыт сравнительного исследования. Казань, 1977. С.270
- ¹¹³ Закиев М.З. Из истории татар и татарского языка // Сафиуллин Ф.С., Галиуллин К.Р. Русско-татарский разговорник. Казань, 1985. С.278.
- ¹¹⁴ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.45.
- ¹¹⁵ Халиков А.Х. Происхождение татар... С.146.
- ¹¹⁶ См. обзор литературы Мухамедова Р.Г. Татары мишари. М. 1972. С.11–17 Халиков А.Х. Происхождение татар... С.132–146.
- ¹¹⁷ Мухамедова Р.Г. Татары мишари. С.14
- ¹¹⁸ Там же. С.16–17.
- ¹¹⁹ Халиков А.Х. Происхождение татар... С.132.
- ¹²⁰ Плетнева С.Н. Поволжские земли // Древнерусские княжества X–XIII вв. М. 1975. С.278–279 284–285 295
- ¹²¹ Там же. С.298.
- ¹²² Бурганова Н.Б. Диалекты татарского языка в памятниках древней письменности // Вопросы татарского языка и литературы. Казань, 1969. С.37.
- ¹²³ Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. С.16; Кузев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.228–229
- ¹²⁴ Кузев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.216–217
- ¹²⁵ Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. С.17.
- ¹²⁶ Халиков А.Х. Происхождение татар. С.145–146
- ¹²⁷ Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. С.18.
- ¹²⁸ Там же. С.27, 110, 117, 119–122, 128–131 и др. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.46–47.
- ¹²⁹ Давенкиссон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. (по словам А.Давенкиссона, "страна по левую сторону Волги от Камы до Астрахани.. носят название страны мовгат или ногат". С.169).
- ¹³⁰ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сихаидин А.И. М. Ногайцы: историко-этнографический очерк. Черкесск. 1988

- 131 Татари Среднего Поволжья и Приуралья. С.42. Халиков А.Х. Происхождение татар... С.152.
- 132 Халиков Н.А., Мухаметшин Ю.Г. История формирования оренбургских татар // Всесоюз. сес. по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984 – 1985 годов. Йошкар-Ола, 1986. С.102.
- 133 Там же. С.102 – 103.
- 134 Халиков А.Х. Происхождение татар... С.152, Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.49.
- 135 Мухамедова Р.Г. Основные этнические компоненты в составе татар-мишарей // Тез. докл. итоговой науч. сессии ИЯЛИ за 1970 г. Казань, 1971. С.620.
- 136 Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.49
- 137 Халиков А.Х. Происхождение татар... С.148.
- 138 См.: Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. С.8 – 10, 80
- 139 Дмитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваш. Чебоксары, 1984. С.43
- 140 Фомина В.П. Национальный уклад жизни Поволжья // Психология личности и образ жизни. М., 1987. С.195 – 196; Иванов В.П. Этнокультурные процессы среди этноконфессиональных групп чувашей Среднего Поволжья // Всесоюз. сес. по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. 1984 – 1985 гг. С.16 – 18; Иванов В.П. О тенденциях в этническом самосознании этнолокальных групп чувашей // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах: (Тез. докл.). Уфа, 1989. С.132 – 137; Петров И.Г. Особенности этнокультурного функционирования приуральской этнической группы чувашей // Там же. С.199 – 201
- 141 Столорова Г.Р. Этнодемографические процессы у малых этнических групп в сельских районах Татарской АССР // Там же. С.207 – 209.
- 142 Иванов В.П. Этнокультурные процессы С.16
- 143 Там же. С.17.
- 144 Гришкина М.В. Владыкина В.Е. Письменные источники... С.24.
- 145 Дмитриев В.Д. К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // УЗ ЧувНИИЯЛИЭ Чебоксары 1956. Вып. 14. С.190 – 195
- 146 Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. С.51 – 52.
- 147 Шитова С.Н. Народная одежда башкир // АЭБ. Уфа, 1968. Т.3. С.171 – 173
- 148 Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. С.168 – 173.
- 149 Подробно см.: Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.299 – 375.
- 150 См. подробнее: Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры // АЭБ Уфа 1962 Т.1 С.171 – 202
- 151 Миллер Г.Ф. История Сибири. М., Л., 1937. Т.1. С.197 – 198.
- 152 См.: Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С.281 – 287; С.518. Карта 7 С.521 Карта 10
- 153 Мерасов С. Башкорт пәләрәләр // Башкорт аймагы. Өфө, 1927. N 4. Б.6.
- 154 МИБ. М., Л., 1936. Ч.1. С.88; см. также: Материалы по истории русско-монгольских отношений С.118
- 155 Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры. С.171 – 172.
- 156 Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. С.197 – 198.
- 157 Фехнер М.В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1952. С.52
- 158 Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607 – 1636: Сб. документов М. 1959 С.117 – 119
- 159 Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. С.224, 235.
- 160 Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры. С.174.
- 161 Первая Всесоюзная перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904 Т.28 Оренбургская губерния
- 162 Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры. С.174.
- 163 Там же. С.203, 207, 221, 247, 251, 265.
- 164 Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. М. 1976 С.79 – 85
- 165 Там же. С.13 – 14, 79 – 85, 172 – 176, 214 – 221.
- 166 Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. М., 1981. С.32 – 49
- 167 Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры С.233
- 168 Там же. С.202.
- 169 Там же. С.257; Камалев Р.Х., Шакуров Р.З. Устнопоэтическое и музыкальное творчество башкир Курганской области // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа 1989. С.149
- 170 Надергулов У.Ф. Иргизо-камелмаские башкиры // Этнические и этнографические группы в СССР С.193 – 194
- 171 Козлова К.И. Очерки этнической истории... С.313 – 314
- 172 Там же. С.313 – 316.
- 173 Там же. С.317
- 174 Вершинина В.И. О происхождении прикамских мари по данным языка // Всесоюз. сес. по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984 – 1985 гг. С.79

- 173 Сепеев Г.А. Восточные марийцы. С.15
- 174 Сепеев Г.А. Топонимические и родовые названия восточных марийцев как историко-этнографический источник // Вопросы финно-угроведения Йошкар-Ола. 1970. Вып. 5. С.279
- 175 Там же. С.15.
- 176 Сепеев Г.В. Восточные марийцы. С.19.
- 177 Исламбаев Н.И. Из истории лексикона марийских говоров Башкирии // Вопросы финно-угроведения. Вып. 5. С.41
- 178 Мокшин Н.Ф. Этническая история мордовского народа. С.117–118
- 179 Мордва. Историко-этнографические очерки. С.43.
- 180 Там же. С.83.
- 181 Общая численность мордвы в Заволжье к 1897 г. достигла 330 тыс. человек. см. Мордва. Историко-этнографические очерки. С.43.
- 182 Там же. С.30.
- 183–184 Атаманов М.Г. Размещение вюрхудно-родовых групп. С.89, 100–102.
- 185 Владыкин В.Е., Христюлова Л.С. Очерк этнографии удмуртов (см. карту-схему этнических групп удмуртов).
- 186 Гришкина М.В. Численность и расселение удмуртов. С.120.
- 187 Атаманов М.Г. Из истории расселения вюрхудно-родовых групп удмуртов. С.89–90, 92–93, 95–100, 102–112
- 188 Атаманов М.Г. Размещение вюрхудно-родовых групп. С.100–102; см. СЭ. 1970. N 3.
- 189 Кельмахов В.К. К истории удмуртов правобережья Вятки. С.128.
- 190 Христюлова Л.С., Миничикуметова Т.Л. К изучению удмуртов Башкирии // Этнические и этнографические группы в СССР... С.220.
- 191 Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика: этнонимия, топонимия, антропонимия. Ижевск. 1988. С.108
- 192 Небольсин П. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник РГО. СПб. 1852. Ч.4 кн.2
- С.16
- 193 Белицер В.Н. Народная одежда мордвы // ТИЭ. Нов. сер. М., 1973. Т.101. С.199
- 194 Мокшин Н.Ф. Этническая история мордовского народа. С.115–117; Белицер В.Н. Народная одежда мордвы.
- С.45–46
- 195 Мордва. Историко-этнографические очерки. С.32.
- 196 Мокшин Н.Ф. Этническая история мордовского народа. С.144–146
- 197 Болдеев Н.Ф. Этнические процессы мордвы Заволжья // Этнические и этнографические группы в СССР. С.110
- 198 Там же. С.112–113.
- 199 Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1968. С.382, 481. Кузев Р.Г. Историческая этнография чувашского народа. Уфа, 1978. С.180; Васия К.К. О проблеме творческой взаимосвязи марийского фольклора с фольклором татар и башкир // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1982. С.43.
- 200 Кельмахов В.К. К истории удмуртов правобережья Вятки. С.137–138.
- 201 Там же. С.138–141, Кузев Р.Г. Историческая этнография... С.226–247.
- 202 Козлова К.И. Очерки этнической истории... С.238
- 203 Сепеев Г.А. Восточные марийцы. С.20.
- 204 Мухаметшин Ю.Г. Татары-хрещены. М., 1977. С.21.
- 205 Там же. С.154; Каховский В.Ф. Археология Волжской Булгарии и вопросы этногенеза чувашской народности // Булгары и чувашы. С.72–73
- 206 Бурганова Н.Б. О формировании татарских говоров Закамья // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С.9.
- 207 Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С.51–52
- 208 Небольсин П. Отчет о путешествии. С.21.
- 209 Там же
- 210 Там же. С.21–22
- 211 Там же. С.22.
- 212 Там же. С.21.
- 213 Круковский М.А. Южный Урал. М., 1909. С.261–262.
- 214 Рычков П.И. История Оренбургская. Оренбург, 1896. С.210–212.
- 215 Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбург: Биографо-исторический очерк. Оренбург. 1875. С.246–250
- 216 Стариков Ф.М. Откуда взялись хазяки? Оренбург, 1884. С.149–150.
- 217 Кузев Р.Г. Численность башкир и некоторые вопросы этнической истории // АЭБ. Уфа, 1968. Т.3. С.354–356
- 218 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М. 1963. Т.1. С.457. Примеч. 4
- 219 Кузев Р.Г. Численность башкир... С.349

- 219 Асфандияров А.З. Ведомости башкирских и мишарских хантонных начальников. // Южноуральский археографический сборник. Вып. 2. С. 197.
- 220 Ахметшин Б.Г. Предания о происхождении башкирских тептярей // Вопросы ссср по итогам полевых этнографических исследований. 1980–1981 гг.: Тез. докл. Научн. 1982. С. 61.
- 221 Подробнее см.: Кузеев Р.Г. Численность башкир. С. 384 и др.
- 222 Ахметшин Б.Г. Предания о происхождении башкирских тептярей. С. 61.
- 223 Рычков Н.П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. СПб., 1770. С. 138.
- 224 Небольсин П. Отчет о путешествии. С. 32.
- 225 Шиле. Тептяри // Природа и люди: Иллюстрированный журнал. СПб. 1879. Январь. С. 24.
- 226 Небольсин П. Отчет о путешествии... С. 34.
- 227 Юдашев А.А. Язык тептярей: Автореф. дис. канд. филол. наук. М. 1950.
- 228 Халиков А.Х. Происхождение татар... С. 148.
- 229 Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С. 13.
- 230 Небольсин П. Отчет о путешествии... С. 32 (разрядка моя. — Р.К.).
- 231 Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М. 1981.
- С. 37–38
- 232 Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // АЭБ. Уфа, 1968. Т. III. С. 354–359.
- 233 Шиле. Башкиры: Этнографический очерк // Природа и люди. Март. СПб. 1879. С. 1 (Разрядка моя. — Р.К.).
- 234 Кузеев Р.Г. Численность башкир... С. 347, 355.
- 235 Там же. С. 355–360.
- 236 Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С. 43.
- 237 Кузеев Р.Г. Численность башкир... С. 355; Никольский Н.В. Конспект по истории народов Поволжья. Казань. 1919. С. 9.
- 238 Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. Казань. 1966. С. 74–84 (там же см. библиографию по теме).
- 239 Там же. С. 74–77.
- 240 Там же. С. 76.
- 241 Там же. С. 79–81.
- 242 Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Русское население Поволжья и Приуралья и его роль в этнических и культурно-бытовых процессах народов Волго-Уральского региона // Этнические и этнографические группы в СССР. С. 114 (разрядка моя. — Р.К.).
- 243 Народы мира: Народы Европейской части СССР. М. 1964. Т. 1. С. 148.
- 244 СИЭ. М., 1967. Т. 10. С. 609.
- 245 Там же. 1973. Т. 14. С. 858.
- 246 Стариков Ф.М. Откуда жили казаки? Оренбург, 1884. С. 150–211.
- 247 ГАОО. Копия письма генерал-губернатора. Ф. 6. Оп. 8. Д. 117. Л. 4–5, 26; Ведомость о числе жителей в Оренбургском казачьем войске по переписи населения за 1859 г. Ф. 6. Оп. 8. Д. 221. Л. 158–159.
- 248 ШГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 466. Л. 593–601 об.
- 249 Стариков Ф.М. Откуда жили казаки? С. 210.
- 250 ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 117. Л. 26.
- 251 Там же. Ф. Оренбургского военного губернатора. И-2. Оп. 1. Д. 9255. Л. 100 об.
- 252 История Башкирской АССР: (Учебное пособие для средней школы). Уфа, 1982. С. 27.
- 253 Орлов А.С. Волжские казаки в середине XVIII века. М., 1979. С. 53.
- 254 Мокшин Н.Ф. Этническая история мордовского народа. С. 109; Томилов Н.А. Тюркское население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск, 1981. С. 6; Валиев Ф.Т. Западнотатарские татары. Казань, 1980. С. 42–46; Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. С. 9.
- 255 Чебоксаров Н.Н. Чебоксарова И.Н. Народы, расы, культуры. М., 1971. С. 33–34.
- 256 Дряждю А.Д. Индийцы Вост-Индии: основные тенденции этнического развития: Автореф. дис. докт. ист. наук. М. 1985. С. 34–35.
- 257 Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Малые этнические группы: основные этапы этнокультурного развития (По материалам СССР). // СЭ. 1985. № 4. С. 13–22.
- 258 Губогло М.Н. Современные языковые процессы в СССР. М., 1984. С. 105–106, 114–115 (в настоящее время численность указанных категорий населения определится в 60–65 млн. человек).
- 259 Подробно см.: Арутюнов С.А. Билингвизм и бикультурализм // СЭ. 1978. № 2; Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я., Мокшин Н.Н. Этнографические и этнические группы в новое и новейшее время // Этнические процессы в Башкирии в новое и

новойшее время. Уфа, 1987. С.23–32

²⁵⁷ Бабенко В.А. Опыт картографирования расселения украинских переселенцев в Башкирской АССР // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы*. Уфа, 1985. С.13–14.

²⁵⁸ Бабенко В.А. Этнические процессы у украинских переселенцев Башкирии (Конец XIX–XX в.) // *Исследования по исторической этнографии Башкирии*. Уфа, 1984. С.139–142.

²⁵⁹ Шибанов В.П. Этнический состав населения Европейской части СССР. Л., 1930. С.44–45, табл.16; С.72–73 табл.30 С.76–77, табл.32; С.78–79 табл.33; С.88–89, табл.38; С.92–93, табл.40; С.94–95 табл.41; С.106–107, табл.47

²⁶⁰ Ближнев А.А. Латыши в Башкирской АССР // *Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время*. С.90–94

²⁶¹ Ближнев А.А. Латыши в Башкирской АССР. С.91; есть, видимо, основания считать, что формой сопротивления процессам полной аккультурации и ассимиляции в непосредственной среде являлись резидентские латышские и эстонские. В Башкирии в 1959 г. было 3804 латыша, в 1970 г. – 3500, в настоящее время – около 1000 (Там же. С.90–91).

²⁶² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. СПб., 1904. Т.45; Уфимская губерния. Тетр. I С VII; Фиельдструд Ф.А. Этнический состав населения Привурья. С.18; по данным переписи 1970 г., немцев в Башкирии было 12,1 тыс. человек.

²⁶³ Шибанов В.П. Этнический состав населения.. Табл.16, 30, 32, 33, 38, 40, 41, 47

²⁶⁴ Бромлей Ю.В., Козлов В.И. Этнические процессы как предмет исследования // *Современные этнические процессы в СССР*. М., 1975. С.17; Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С.157–158; Жданов Т.А. Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России // *Современные этнические процессы*.. С.56–58; Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1974. С.44.

²⁶⁵ Кузеев Р.Г., Биббулатов Н.В. Этнические и культурные контакты Казахстана и Башкирии в XVI–XVIII вв. // *Наши вместе: К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России*. Алма-Ата, 1982. С.132.

Г л а в а VI
ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В
ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ
ВО ВТОРОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н.Э. (ДО НАЧАЛА XX В.)

О типологии этнических общностей

Накопленный исторической и этнографической наукой опыт теоретических и конкретно-исторических исследований этнических процессов позволяет перейти к обобщениям, ставящим целью выяснение соотношения этнических процессов и процессов консолидации. Актуальность этой темы особенно очевидна на фоне разнообразия и противоречивости взглядов на формирование народностей и наций. В историографии волго-уральских народов известны концепции: а) о формировании народностей (башкир, марийцев, мордвы) в самые различные эпохи: в IX—X вв. в XI в. в XII—начале XIII в. или в XV—XVI вв. (тех же народов, а также казанских татар, мишарей, чувашей, удмуртов); б) об 'окончательном формировании 'единых народностей на определенную дату, период или эпоху, дальнейшая этническая история рассматривается как развертывание "окончательно" сложившихся этнических свойств; в) о формировании всех или большинства этносов региона до Октябрьской революции в "сельские или "крестьянские буржуазные нации".

Классики науки под термином "нация" подразумевали этнические общности разных эпох. Для обозначения этнической (или этнополитической) общности нового времени они ввели понятие 'капиталистическая нация'. В то же время для того, чтобы характеризовать степень зрелости нации, подчеркнуть специфику ее социально-классовой структуры или обозначить время возникновения национальной общности, они использовали уточняющие термины: "промышленная нация", "торговая нация", "нация лавочников" и, "крестьянская нация", империалистическая нация". Термин "капиталистическая нация" отличал национальную общность буржуазной эпохи от этнических образований предшествующих эпох. Постепенно в общественно-ведческой литературе (особенно советской) термин "нация" закрепился за этнополитическими (и этническими) образованиями нового и новейшего времени.

В начале 1970-х годов возродилась высказанная еще в 1930-е годы точка зрения о том, что между терминами "нация" и "народность" и, следовательно, их социально-этническим содержанием нет принципиальной разницы, что 'грань между категориями народности и нации трудно уловима¹. При этом ссылаются на действительный факт многозначности таких, например, терминов, как английские *nation* и *people*, арабское и распространенное во всем мусульманском мире *millet*, которое одновременно могут означать национальность, "нация", "народ" и т. д.² В 1950—1960-е годы об этнических общностях и терминах, их обозначающих, вносились предложения отказаться от термина "народ", особенно применительно к этносам эпохи капитализма, на том основании, что классики марксизма в разных значениях использовали преимущественно термин "нация", в том числе применительно к этническим образованиям эпохи античности³. Ссылались также на то, что в литературе остаются не до конца ясными типологические различия между народностью и нацией, что в современной европейской (и не только в европейской)

этнологии нет дифференциации между общностями типа "народ и "нация" и т.д. Еще более определенная точка зрения сформулирована о неправомерности типологически необоснованного противопоставления народности и нации в социалистическом обществе¹, которое может явиться "потенциальным источником этнических противоречий, не имеющих под собой реального основания"². Автору этой цитаты М.В.Крюкову представляется настоятельно необходимым отказаться от термина "нации и народности СССР" и употребить нейтральное словосочетание народы Советского Союза³. Разнообразие и противоречивость высказанных взглядов обостряют

* Западная этнология, однако, вовсе не безразлична к дефинициям "нация", "народ". Например: "нация (nation) — большая община людей, объединенных определенной территорией, обычно говорящих на одном языке и имеющих единые, одинаковые, или в те же политические взгляды и устремления" (Oxford advanced learner's dictionary of current English / By A.S.Hornby. Moscow, 1982. P.57. Разрядка моя. — Р.К.); "народ (the people) — люди, объединенные общей культурой, традицией или чувством родства, имеющие обычно общий язык, институты и веру и часто составляющие политически организованную группу" (Webster's new collegiate dictionary Springfield (Mass.), 1977. P.849. Разрядка моя. — Р.К.). В дефинициях этноса также, как правило, присутствует фактор политических целей. Например, по мнению представителя немецкой этносоциологической школы В.Е.Мюльмава, "... этнос является результатом коллективной творческой воли, а не влиянием природы, но с живым политическим действием" (см.: Rohan Csermak G.de. The theory of ethnos to-day. A Critical survey // IX-th international congress of anthropology and ethnological science Chicago, 1973. P.5).

** Действительно, стремление историографии ряда республик непременно постулировать (или аргументировать) тезис о сложении данного этноса до Октябрьской революции в "буржуазную нацию" (неадекватно при этом характеру достигнутой социально-экономической базы) показывает, что в национальных республиках, особенно сейчас, в годы перестройки, безразлично относятся к определению "нация", "народ", "народность". Однако такое испорченное терминологией надо отнести к числу стереотипов сознания, возникших под влиянием иной литературы и недавней практики, из которых порой на самом деле можно было вывести впечатление, что эти термины одновременно означают разнородные этнические общности по уровню культурного развития, неравное положение этносов на некоей культурно-исторической шкале развития национальностей. Сохранившаяся иерархия национально-территориальных образований в СССР питала эти стереотипы. Однако в реальности дело обстоит, на мой взгляд, иначе. Термин "народ" является родовым, генерализирующим обозначением этнических общностей всех эпох (кроме первобытнообщинной). Он использовался применительно к этническим общностям эпохи древности (туркский народ, кыпчакский народ, скифский народ...) и используется применительно к современным нациям (русский народ, английский народ, грузинский народ...). Термин "народность" является производным от термина "народ" и едва ли ему надо придавать особое, специфическое значение. Термин "нация" является понятием видовым и применяется для обозначения этносоциальной общности, достигшей определенной ступени общественного развития. "Нациями" правомерно называть общности, у которых чувства национального единства находят выражение в связях политических в образовании государственности или в готовности к созданию государственных структур, в движении за различные формы материализации своего национального суверенитета в открытости для этнических, культурных и иных контактов. Следовательно "нации" не только, а в ряде случаев и не столько продолжение этнического развития, а этносоциальные образования открытого типа, абсорбирующие в своем составе иноэтнические группы и семьи, не обязательно их ассимилирующие. Для западной этнологии "нация" это, как правило, граждане одного государства, "сограждане", объединенные не только общностью культуры, но и единством социальных устремлений. В этом качестве "нация" выступает фактором, влияющим на ориентацию в межнациональных связях и отношениях. В смысле сказанного термина "нация" является важным инструментом познания. На нынешнем этапе развития исторической науки представляется более целесообразным отказаться от стереотипов иерархических представлений, чем от устоявшейся и полезной для различения понятий терминологии.

*** В упомянутой дискуссии обращают внимание моменты, которые могут свидетельствовать не столь отдаленных позиций участников дискуссии по существенным вопросам. М.В.Крюков убежден в том, что "наибольшую эвристику

необходимость разработки истории и теории региональных этнических процессов как вероятной базы для будущих дискуссий и теоретических обобщений

Теория по национальному вопросу постоянно развивается. На мой взгляд, к числу важных ее достижений надо отнести и обоснование понятий "народ" и "народность", подразумевающих социально-этнические общности эпохи классовых обществ. Конечно, было бы преждевременным считать завершенным теоретическое осмысление этой проблемы. Напротив, сейчас особенно актуально продолжить разработку типологической характеристики социально-этнических общностей, найти возможно точные критерии измерения уровня и интенсивности консолидации этносов на разных территориях и в различные эпохи.

Выдвигались разные принципы, по которым следует различать этнические общности: по историческим этапам формирования этнического самосознания, по характеру связей между членами общности — родовых, территориальных или экономических; по плотности и уровню синхронной и диахронной информации и т. д. Эти принципы могут служить полезным инструментом при исследовании тех или иных конкретно-исторических ситуаций. Однако, когда речь идет об определении обобщающей основы для типологизации этнических общностей, вновь возникает трудности, так как указанные показатели, во-первых, отражают (каждый в отдельности) пусть очень важную, но одну из граней состояния этноса, во-вторых, они не поддаются или почти не поддаются количественному выражению. В то же время все чаще остается в стороне наиболее существенный и, как правило, поддающийся достаточно точному описанию, а во многих случаях и количественной характеристике признак — внутренняя социальная структура этноса.

Принципу различения этносов на основе их социально-классовой структуры в советской историографии уделено немало внимания. Ю. В. Бронлей обосновал реальность такой фундаментальной категории, как ЭСО (этносоциальный организм)². В смысле типологической характеристики этнические

чeskую ценность будут иметь типологии (этнических общностей — Р.К.), основанные на собственно этнических критериях, прежде всего на таком важном признаке, как самосознание этноса (Крюков М.В. Главная задача... С.71—72). Но чем измеряются изменения "в параметрах этнического самосознания?" — задает вопрос В.М.Крюков. Для объяснения выдвигает понятия "этностабилизирующих и этностабилизирующих факторов", которые в первом случае "способствуют возникновению и развитию этнических связей", во-втором — "объективно препятствуют этому процессу" (Там же С.75). В качестве тех, и других факторов могут выступать "особенности политической ситуации", "фундаментальные социальные институты" (Там же С.76), "высокий" или "низкий уровень социальной мобильности" (Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнической общности // СЭ. 1986. N 3. С.66). Причем эти факторы могут быть отнесены не только к конкретной истории отдельных народов, но и к общим закономерностям этнического развития человечества (Там же С.67). Далее М.В.Крюков под углом зрения воздействия этностабилизирующих и этностабилизирующих факторов на эволюцию этнического самосознания рассматривает действие различных формационных признаков и выделяет соответственно "архаические этнические общности", "древние этносы", "средневековые этносы", "современные этносы" и прогнозирует "с победой" новых общественных отношений "пять" этап этнической истории человечества, когда "этническое самосознание уступит место другим формам общественного сознания человечества" (Там же С.67—69). Из этих рассуждений совершенно очевидно, что в основе действия этностабилизирующих и этностабилизирующих факторов лежат эволюционные социально-экономические и политические параметры, хотя сам М.В.Крюков справедливо пишет, что "типы этносов, выделяемые на основе специфических этнических признаков, лишь определенным образом соотносятся с формационной типологией..." (Крюков М.В. Главная задача... С.76. Разрядка моя. — Р.К.). Если отвлечься от терминологических разногласий, наметенных в какой-то части направлений ситуаций в межнациональных отношениях (см., кроме указанных работ: Крюков М.В. Читая Ленина. Размышления этнографа о проблемах теории наших // СЭ. 1989. N 4. С.5—19), а также от недостаточно аргументированных прогнозов относительно этнической истории человечества, разработанных и новые подходы М.В.Крюкова, а также разрабатываемые дискуссии являются, на мой взгляд, дальнейшим развитием теории этноса и этнических процессов.

общностей эту идею с наибольшей последовательностью сформулировал в свое время В.И. Козлов, который предложил отказаться от трехчленной формулы (племя — народ — нация) обозначения этносов (главным образом потому что одними и теми же терминами "народ" нация" обозначаются этнические общности разных общественных формаций) и ввести вместо них описательные термины: этносы с первобытнообщинной и, далее соответственно с рабовладельческой, феодальной, капиталистической, социалистической социальной структурой (с аббревиатурами ЭПС ЭРС ЭФС ЭКС ЭСС).

Как видно, предлагаемая типология самая общая, и поэтому она более опирается на генерализующие формационные признаки чем на конкретно-исторические социально-классовые характеристики. Несмотря на ее видимость логичность, она не бесспорна с двух позиций. С одной стороны, формационная типология излишне схематизирует исторические процессы этнического развития, представляет взаимозависимость последних с социально-экономическими процессами как жестко детерминированные. С другой стороны, во многих регионах мира последовательная смена формаций шла не по классическим образцам Европы. Так в Волго-Уральском регионе хотя и возникли явные атрибуты рабства и даже элементы рабовладельческих отношений, однако рабовладельческий строй как способ производства здесь не утвердился. Развитие капитализма в ИЗО также имело глубокие своеобразия. В то же время в эпоху феодализма этносы вовсе не находились в состоянии постоянной стагнации, они развивались, изменялись, консолидировались, укреплялись или, напротив, ослаблялись, могли абсорбировать иноэтнические группы или сами, целиком или частью раствориться, ассимилироваться в составе другого этноса. Словом этносы и их компоненты находились и находятся в постоянном развитии, что и дало С.М. Широкогову⁹ основание для определения согласно которому этнос — это процесс, регулируемый великим "законом равновесия культуры". Развитие этноса эволюционное на протяжении длительного времени чередовалось с этноконсолидационными вспышками, импульсами которые характеризовались подъемом этнического (национального) самосознания укреплением консолидированности этноса. Эволюционные процессы могли перерастать в этнотрансформационные, в этногенетические, когда в этнических показателях общности накапливались культурные изменения существенные сдвиги. Бесконечная линия этнического и культурного развития не была и не могла быть всегда однолинейной. Она характеризовалась периодическими крутыми изломами этногенетическими вспышками усилением или спадом интенсивности консолидации и т.д.

⁹ По определению С.М. Широкогорова, "этнос является формой, в которой происходит процесс создания, развития и смерти (культурных) элементов, дающих возможность человечеству, как виду, существовать", поэтому "этнография изучает человека во его этнических группировках со стороны проявления его духовных качеств, т.е. изучает его как производителя материальных благ, создателя общества и творца способов миропознания и миропонимания" (Широкогород С.М. Место этнографии среди наук... С.10, 12. Разрядка моя. — Р.К.). Уместно также отметить, что еще в 1922 г. С.М. Широкогород, имея в виду под термином этнос "племя, народность" обращал внимание на то, что под словом "народ" у нас смешиваются два различных понятия: этнос и нация, подчеркивал предпочтительность использования в этнографических исследованиях термина "этнос" так как основная задача этнографии — изучение "человека во его этнических группировках" (там же С.4—5, 12; разрядка моя. — Р.К.). Далее С.М. Широкогород подчеркивает, что "все народы, вне зависимости от их культурности, вне зависимости от развития отдельных областей их знания, должны быть совершенно равны" (там же С.8; разрядка моя. — Р.К.).

Важно подчеркнуть, что все упомянутые изменения с этносом могли происходить и происходили в рамках одной формации. Это историческое движение стимулировалось или сдерживалось великим законом "равновесия культуры. Сбалансированность культуры этносов могла периодически нарушаться под воздействием совокупности факторов. Следовательно, если учитывать: а) протяженность во времени некоторых формаций (например, в России, особенно для народов России — феодализма); б) различные состояния этноса при социально-экономических изменениях в рамках одной формации (когда социальная классовая структура одного и того же этноса приобретает разные выражения); в) региональные особенности конкретно-исторического процесса, т.е. другие слова, дискретность этнического развития как некую закономерность тогда выясняется необходимость более дробной (чем формационные) характеристики исторических этапов развития этнических общностей.

В отличие от других типологизаций этнических общностей формационный принцип не является только этническим, а применим для классификации и любых других исторических общностей. В этом также заключается ее "некоторый недостаток"¹⁰. Чтобы устранить и этот "недостаток", полезно исходить из предпосылки согласно которой генераторами, активными носителями и распространителями идеологии этнического самосознания организаторами и руководителями хозяйственно-территориальных и культурно-информационных связей и т.д. выступают определенные сословия, классы, социальные группы. В этом смысле интенсивность этнического (или национального) самосознания, семейно-родственные, территориальные или хозяйственные связи, различные уровни информационных связей и др. опосредованно отражают состояние сословно-классовой структуры общества, политическую зрелость и социально-культурную активность господствующих социальных слоев, характер и остроту социальных взаимосвязей в обществе.

В целом целесообразно рассматривать этнические процессы и изменчивость этноса исходя из следующих предпосылок.

1. Этнические процессы и процессы консолидации всегда являются по содержанию этносоциальными (а не только собственно этническими). Их развитие в историческом масштабе времени определяется факторами эпохального характера, а в пределах исторической эпохи — уровнем и характером социально-классовой структуры этнического общества. В зависимости от исторической ситуации в консолидационных процессах в определенные периоды доминирующая или важнейшая роль может принадлежать факторам политическим, конфессиональным, этнокультурным и др.

2. Этнические процессы перманентны, не имеют окончательной завершенности, протекают с разной интенсивностью во все эпохи. Они могут иметь восходящее или нисходящее развитие. В ходе исторического развития достигнутые уровни консолидации трансформируются в другие, более высокие или, напротив, нисходящие стадии консолидации с соответствующими качественными изменениями главных параметров этнической общности. В конкретно-исторических условиях народов Волго-Уральского региона указанные параметры (в первую очередь социальные: сословные, классовые) должны поддаваться количественной и качественной характеристике на протяжении всего II тысячелетия и э. при условии комплексного подхода к изучению темы многими смежными дисциплинами.

3. Этнические процессы и импульсы консолидации поддаются изучению и объективной оценке, воспринимаются как целостное историческое явление, если они исследуются не в рамках отдельного этноса, а в системе взаимосвязанных этносов, в границах исторических регионов или историко-этнографических областей (ИЗО).¹¹

4 В этнических процессах всегда с эпохи древности присутствуют противоречивые но составляющие диалектическое единство тенденции к этнической консолидации и межэтнической интеграции. Именно в ходе этого сложного процесса формировались этнические общности разного порядка. С указанной позиции постоянной величины истории являются сами этнонациональные процессы. Этнические же общности подвержены постоянным изменениям. Они эти изменения, малозаметны на протяжении одного-двух поколений но с очевидностью проявляются в масштабе более длительного времени особенно когда в исторический процесс впадают этностимулирующие факторы. Этноинтеграционные процессы могут иметь разный результат в том числе показанные в гл. V интеграцию аккумуляцию ассимиляцию одни этносы маргинальных групп других этносов и т. д. В то же время фундаментальным результатом процессов межэтнической интеграции явилось формирование и сложное развитие историко-этнографических областей, в частности Волго-Уральской ИЗО.

5 Изложенное показывает дискретный характер этнических процессов и этнического развития. Поэтому историческое развитие этносов необходимо рассматривать в аспекте этой закономерности.

Этногенетические процессы на рубеже I и II тысячелетий н.э.

Обратимся к развитию такой этнической общности как народ¹. Реальная картина истории представляет нам формирование и функционирование разных видов народностей² в хронологических рамках феодальной формации. У народов Волго-Уральского региона феодальные отношения всегда были сложнейшим синтезом результатов инманентного общественного развития с привнесенными компонентами социально-экономических структур. Последние были связаны главным образом во II тысячелетии н.э. с обширным этносоциальным миром Азии, Сибири и Северного Кавказа из которого вышли тюркские и тюрко-угорские мигранты в Восточную Европу с образованием и расцветом Волжско-Булгарского феодального государства, с господством Золотой Орды, а затем Казанского Сибирского и Ногайского ханств и наконец с вхождением края в состав Русского государства с его развитой феодальной структурой общественного строя.

¹ Общественный строй народов Волго-Уральской области на протяжении всей эпохи феодализма, особенно с охватом региона в целом, изучен слабо. Относительно типа и уровня социально-экономического развития, достигнутого тюркскими и финно-угорскими этносами в тот или иной исторический период, существуют различные и нередко противоречивые точки зрения. Основной недостаток осуществленных исследований — это преобладание моноэтнического (или локально-территориального) подхода к рассмотрению проблем экономической истории и общественного строя, а также анализ и установление формационных признаков не в рамках общества в целом, а в тех или иных отраслях хозяйства (сельском хозяйстве, промышленности...) или в отдельных сферах общественной жизни. В связи с попыткой обобщенного подхода к этническим процессам в регионе возникает необходимость представить, хотя бы очень схематично, картину эволюции общественного строя народов ИЗО во II тысячелетии н.э. Само собой разумеется, это лишь мое понимание проблемы.

² К народам, входящим в Волго-Уральскую ИЗО, расселившимся в примерно одинаковых природно-географических условиях, прошедшим сходные исторические этапы развития, выработавшим однотипные или близкие черты материальной и духовной культуры, целесообразно подходить при изучении проблем общественного строя как к исторически сложившейся полиэтнической общности. Это означает, что в масштабах всего региона развивались стадильно-сходные формы социально-экономической организации, которые различались в хронологических этапах развития, имели этническую специфику, своеобразия, обусловленные хозяйственно-культурным прошлым (например, оседлым, кочевым, полукочевым образом жизни), но в главных своих характеристиках принадлежали к одной и той же, феодальной общественной формации.

2. Определение феодализма как общественного строя, вынужденное исключительно на монополии феодальной собственности на землю (в форме сословной или государственно-феодальной), в условиях Волго-Уральского региона оказавшись непродуцируемыми. Указанный подход, ориентированный в целях поиска эталона на западноевропейский или российский феодализм, отодвигая начало феодальной эпохи у ряда народов ИЗО на слишком поздний срок или не имея интерпретации известных по источникам реалий общественного строя в русле указанных вариантов феодального строя. Очевидно, является перспективной трактовка феодализма как общественного строя, "основой" которого является личная зависимость, возникающая на основе натурального производства и такого специфического (в докапиталистическую эпоху) средства обращения, средств и продуктов производства как дарообмен (см.: Алаев Л.Б. Формационные черты феодализма в Восток // Народы Азии и Африки, 1987, N 3. С.79—80). В эти качества феодализм как система производственных отношений является антитезой, с одной стороны, первобытнообщинному, с другой — капиталистическому строю. Приведенная трактовка ориентируется на следующую характеристику К.Маркса эпохи средневековья (как западного так и восточного): "Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, и, труда и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму (т.е. фетишизма товарно-рыночных отношений). — Р.К.). Они входят в общественный кругооборот в качестве натуральных служб и натуральных повинностей" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.87; разрядка моя. — Р.К.).

3. Эпоха феодализма в регионе очерчивается рамками: с рубежа I и II тысячелетий н.э. до начала XX в. В ней в зависимости от уровня интенсивности развития основных критериев общественной эволюции, а также особенностей социально-политической истории выделяется ряд периодов:

а) Конец I — начало II тысячелетия н.э. — малоизученный период распада родового строя и генезиса феодальных отношений. Археологи фиксируют в памятниках этого или более раннего периода имущественное расслоение, богатые погребения "вождей", "воинов", т.е. наблюдают процесс образования, видимо, еще тонкого социального слоя людей, которые могли "дарить" больше, чем другие, причем "дарить" и то, что проистекает от наличия власти "защиту" "покровительство", определенный "сан", "ранг", "положение", расширяя круг лично зависимых людей и углубляя эту зависимость.

б) XI—XIII вв. н.э. до монгольского завоевания, — период развития ранних форм феодализма в феодальном государстве (Волжская Булгария) и постепенного расширения процесса на периферию Волго-Уральского региона. В аспекте развития общественного строя период также изучен слабо, хотя в последние десятилетия накоплен новый материал (преимущественно археологический), который в совокупности с ранее известными неэпитативными источниками нуждается в обновленной интерпретации. Это был, очевидно, процесс взаимодействия и синтеза привнесших с юга (Северного Кавказа) и востока (из Центральной и Средней Азии), а также характерных для тюркской степной среды феодальных черт с социальными компонентами, возникшими в ходе распада родового строя и генезиса феодализма местных финно-угорских обществ. Феодальный синтез в условиях Среднего Поволжья не смог преодолеть наследия патриархально-родового строя как пришедших кочевников, так и местных племен, хотя сила и влияние родовых традиций падала (но в эпоху феодализма не достигла нуля) от периферии Волго-Уральского региона к ее центру и территории Волжской Булгарии и ее городам. Поэтому, подчеркивая нюансы в общественном развитии на разных территориях региона, правомерно говорить о феодально-патриархальных отношениях в Волжской Булгарии и патриархально-феодальных — на ее периферии.

в) Период со второй трети XIII в. до середины XVI в. характеризуется установлением в регионе Золотоордынского государства и его преемниками сословным или феодальным социально-экономическим и социально-политическим структурам. В Казанском княстве и Ногайской Орде они получают дальнейшее развитие. На остальных землях региона складываются синкретические формы привнесших и местных форм феодального развития. Здесь взаимодействуют между собой, осуществляли система социально-экономического и социально-политического господства Золотой Орды и образовались в ходе ее распада феодальные князья и системы имманентного феодального развития местных обществ со свойственными им и тем и другим древним (родовым, семейно-родственным, общинным) институтам.

г) Период с середины XVI в. до переформенного времени второй половины XIX в. подразделяется на три этапа (третья половина XVI—XVII в.; XVIII — первая половина XIX в.; переформенное время); каждый из них характеризуется особенностями в феодальном развитии.

На первом этапе атрибуты общественного строя волго-уральских народов, унаследованные от предшествующей эпохи, переживали процесс адаптации к социально-экономической системе Русского государства. Однако, если учесть регион в целом, это был период сохранения местных феодально-патриархальных форм общественной жизни и приспосабливания их социальных функций к нуждам и требованиям феодального Русского государства и феодальной царской администрации. Это нашло отражение в политическом облике социальных перов местных народов. Им принадлежала двойственная роль: они представляли "отечество" перед властью царской России и, напротив, власть царской администрации перед "своим народом", что оказало определенное влияние на их политическую позицию и поведение.

При этом в пограничных регионах Европы и Азии одни и те же этносы в разные эпохи могли входить в разные феодальные системы (присущие разным типам хозяйствования) с соответствующей перестройкой (или эволюцией) внутренней социально-классовой структуры общества. Надо также обратить внимание на слабую аргументированность широко распространенного предвзятия на формирование и развитие народностей как на поступательное развертывание одного и того же "основного" этнического ядра этноса. Факты исторической реальности показывают, что несмотря на длительное существование этнонима его носителями в разные эпохи могут быть и являются компоненты, сильно различающиеся как по происхождению, этническому составу, культуре так и по уровню консолидации.

Применительно к народам Волго-Уральской ИЗО в хронологических рамках генезиса, развития и распада феодализма выделяются несколько крупных но разнохарактерных по результатам этапов этнического развития.

Еще во второй половине и в последние столетия I тысячелетия н.э., в период генезиса раннеклассовых отношений появляются этнонимы современных волго-уральских народов, зафиксированные в западных или восточных нарративных источниках. Это была эпоха формирования союзов (конфедераций) родственных (соплеменных) и неродственных племен порою весьма обширных (печенеги, огузы, позднее кыпчаки и др. в Европейских степях, племена пьяноборской и более поздних культур — в Волжско-Канском регионе). Иногда эту эпоху на мой взгляд, удачно называют плененным периодом в формировании народностей. Структура таких этносов уже тогда была иерархичной. В недрах обширных соплеменностей в силу обычно тех или иных социально-политических обстоятельств складывались более сплоченные локальные соплеменности (союзы конфедераций). Так башкиры в IX в. фиксируются в Приаралье в составе печенежского этнического мира и участвуют в борьбе против карлуков и кыпчаков. К концу I тысячелетия н.э. возникают обособленные общности еще в слабо дифференцированном этническом мире финно-угров, мордва, меря, мурома, черемисы, удмурты. Мы, конечно, мало знаем о социальной структуре этих образований. Однако, судя по немногочисленным аутентичным источникам и более поздним аналогиям, это были изменяющиеся комбинации племен во главе которых стояли племенные вожди — предводители военных дружин. Дружинники имели потенциальные возможности и реальные тенденции войти в состав социальной верхушки общества. В зависимости от политических обстоятельств чаще всего военных, один из племенных вождей становился лидером (предводителем, главой, вождем) всего объединения и тогда на то или иное время уровень сплоченности объединения возрастал.

Очевидно, нет смысла говорить о том, насколько бесконечно многообразными могли быть эти процессы. Из истории Евразийских степей

Второй этап означал глубокую перестройку общественного строя народов ИЗО в направлении его сближения, а иногда и слияния с общественным строем Русского феодального государства. На этом этапе формировались новые и преданные даризму феодальные сословные группы местных народов, служилые категории населения, национальная административно-управленческая бюрократия. В земельные отношения региона широко провозили и утвердились правовые нормы Русского феодального государства. Но и в этот период даже мощная феодальная система России не смогла окончательно подавить наследие и инерцию отношений патриархально-родовой эпохи.

Именно это, а также антинародная политика царизма обусловили особенности третьего этапа, когда в пореформенный период феодальные отношения и феодальные социальные институты вступили в полосу кризиса. В недрах феодальных обществ большинства волго-уральских народов не сформировались потенциальные возможности для достаточно быстрого имманентного развития капитализма. Это задержало окончательное разделение феодальных порядков в общественной жизни финно-угорских и тюркских народов региона, ослабило возможности имманентного капиталистического развития, направив этот процесс по пути "проникновения" капитализма в традиционные социально-экономические структуры местных народов и усилив тем самым многоукладность их общественной жизни.

нашедшей детальное отражение в восточных сарабских, персидских, китайских и др.) источниках, можно заключить, что большинство возникавших комбинаций племен и племенных объединений в процессе миграций и военных столкновений распадалось. Их компоненты (выполняя, в сущности, функции этнографических групп) в новых условиях и в новых комбинациях возникали вновь, появляясь и исчезая на исторической арене. Отдельные из племенных объединений, особенно сильных и удачливых в войне, вбирая в себя многочисленные побежденные и подчиненные племена, превращались в могущественные по тем временам образования, на долгое время стабилизируясь в политическом, следовательно, интегрируясь и в этнокультурном отношении. Соответственно общий этноним таких образований объединял разнородные компоненты, которые одновременно сохраняли и прежние родоплеменные названия. Позднее, во II тысячелетии н.э., они сыграли крупную роль в этногенезе многих современных этносов Евразии. Подобными образованиями можно считать, кроме упомянутых печенегов, огузов и кыпчаков, также болгар, аваров, хазар, финно-угорские племенные образования от Оки на западе до Зауралья на востоке.

Как назвать эти образования, которые уже не являются институтами первобытнообщинного строя и, как полагают многие исследователи, еще не соответствуют современным представлениям о народах как типах этносоциальной общности? В литературе нет недостатка в терминах, которыми предлагается называть этнические объединения или сообщества описанного типа: "союз или "конфедерация" племен, "соплеменность", "улусная общность" (для кочевников Евразии), "неплеменные объединения", "чифдон" (chiefdom) — межплеменные комбинации во главе с вождем в конкретно-исторических условиях Африки и т.д. Все эти термины удачно отражают одну из сторон социальной характеристики объединений раннеклассового периода, но не всю ее совокупность или генерализующую особенность.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, вновь обратимся к определению народности. Из множества дефиниций, на мой взгляд, отличающихся высоким уровнем абстрагирования от конкретно-исторических ситуаций и поэтому наиболее подходит к данному случаю формула И. П. Ценеряна. Он характеризует народность как "исторически сложившуюся из разнородных племен совокупность людей, возникших на базе докапиталистических производственных отношений"¹². Добавим, что формирующаяся или сформировавшаяся народность имела свое имя (этноним), свою территорию (прежде всего в период формирования). С возникновением народности постепенно складывался общий для нее разговорный язык (язык межплеменного общения), хотя племенные диалекты сохранялись. В процессе эволюции этноса развивались единые или сходные черты в культуре и аккумулировались постепенно в этническое самосознание. Однако самосознание в эпоху ранних этнических общностей также было иерархичным: племенным и общетническим, и, видимо, первый еще долго доминировал над вторым или существовал наряду с ним.

"Экономические связи между членами одной народности, — отмечает И. П. Ценерян, — были развиты пока слабо, поэтому говорить о наличии устойчивой экономической общности, как признака народности, не приходится"¹³. Эта часть определения И. П. Ценеряна также не утратила значения для понимания истории ранних народностей, которые из-за отсутствия или крайней неустойчивости экономических связей легко распадалась, сегментировались, особенно под воздействием внешних (экстра-этнических, обычно миграционных) или военных факторов. Особенно это было характерно для кочевников, хотя эту закономерность надо отнести к числу общих. Распад ранних народностей происходил не стихийно, не на уровне семей или мелких групп, а племен или частей. По существу,

происходил отмеченный выше процесс сегментации этнического объединения и входивших в его состав племен. Именно этим объясняется присутствие болгарских (булгарских) печенежских, надыярских, огузских кыпчакских, аварских, асских племен и групп в составе многих народов Евразии¹⁴. Точно так же нарийцы в процессе формирования включили в свой состав сегментированные компоненты пермско-финского и волжско-финского происхождения¹⁵.

Теперь поставим следующий напрашивающийся по логике вопрос: какие из приведенных признаков народности отсутствовали у этнических (или этноплеменных) объединений Волго-Уральского региона конца I тысячелетия н.э.? Ответ достаточно определенный: никакие. Все признаки с той или иной степенью развития, часто в начальной, неразвитой форме но присутствовали в характеристике этих раннесредневековых образований. В дореволюционной отечественной и советской литературе широко использовались и используются термины "племя", "род" применительно к тюркскому, финно-угро-самодийскому населению Евразии на протяжении всего I и II тысячелетий н.э. вплоть до XVII—XVIII вв. Однако благодаря новейшим исследованиям доказано, что эти термины не соответствовали классической реальности родового (первобытнообщинного) общественного строя, что по крайней мере в последних столетиях I тысячелетия н.э. повсюду господствовали частно-семейная собственность и инушественная дифференциация с накоплением богатств в отдельных руках, перерождение института родоплеменных вождей в институт верхнего социального слоя общества, в руках которого постепенно собирались экономическая сила и политическая власть¹⁶. Какие бы родовые "пережитки" или патриархально-общинные реалии не сохранялись в таких обществах их невозможно считать первобытнообщинными. Большинство этих обществ находилось на последней военно-демократической стадии распада первобытнообщинного строя и генезиса социально дифференцированного общества.

Следовательно характеризовать наши этноплеменные объединения можно называть **р а н н и м и н а р о д н о с т я м и**, которые, однако имели иерархическую структуру. Эти общности, включая в свой состав родоплеменные образования разного происхождения сами входили в состав более обширных этнолингвистических объединений, часто видимо полиэтнических (булгарского печенежского финно-угорских племен Прикамья Среднего Поволжья и т.д.).

На разных стадиях развития ранних народностей некоторые исследователи ищут и часто находят в них все признаки и компоненты современных народов (или даже полностью отождествляют их). В этом русле на мой взгляд, находятся стремления отождествить современных нордугу нарийцев удмуртов с племенами упонянутыми в сочинении Иордана (VI в. н.э.) современных башкир с башкирами эпохи Ибн Фадлана (первая четверть XV в.) современных татар или чувашей с волжскими булгарами рубежа I и II тысячелетий н.э. Конечно это были образования, которые находились у истоков этнического становления современных одноименных народов; они в той или иной степени включали основные культурные и языковые признаки современных этносов образовывали этническое ядро формирующихся народов. Однако полное отождествление древних и современных этносов представляется неправомерным. В данном случае мы имеем дело еще с подвижными, изменяющимися образованиями этнический состав и этнокультурная характеристика которых различались иногда существенно. Надо учитывать и то, что под народностями докапиталистических формаций (в частности, феодальной) мы подразумеваем ЭСО с достаточно отчетливой сословно-классовой структурой, которая в этносах конца I тысячелетия н.э., судя по источникам, еще ясно не просматривается.

Поэтому в целях терминологического различения ранних народностей от поздних целесообразно их называть, как и предлагалось в литературе, "племенными народностями", несмотря на парадоксальность этого словосочетания (племня—народность). При этом надо иметь в виду, что этногенетическая кристаллизация древних племен (булгар, башкир, мордвы, марийцев, удмуртов) в определенные общности происходила, судя по археологическим данным, в полиэтнической среде, вновь возникающие общности (например, волжские булгары) сами могли включать еще не вполне ассимилированные племена разного происхождения, не говоря уже о том, что за пределами этих формирующихся общностей на территории региона, особенно в Приуралье, оставалось разноразличное население, еще не захваченное протекавшими здесь процессами этногенеза.

В целом же на рубеже I—II тысячелетий н.э. в ИЗО развивается процесс становления раннеклассовых обществ, который сопровождается мощным этногенетическим импульсом. В результате консолидируются первые этнические общности региона — племенные народности, которые в тех или иных пропорциях и комбинациях включали древние компоненты всех современных народов ИЗО.

Этноэволюционные процессы в XI — XIII вв. (До монгольских завоеваний)

Первые века II тысячелетия н.э. знаменуются в ИЗО этноконсолидационными процессами. Их основой были социально-экономическое развитие в регионе раннеклассовых обществ, сложение и развитие феодального Булгарского государства и синтез по существу разных типов общественного строя: инманентного процесса генезиса феодального строя на основе разложения родового строя в лесных и лесостепных финно-угорских обществах с проявлением уже сложившегося "даннического" феодализма и компонентов феодального строя, дрейфовавших с принятием и утверждением в Булгарах ислама к восточнотираническим вариантам феодализма. Формирование волжско-булгарской народности не было процессом изолированным. В составе и на периферии государства продолжался процесс интеграции в новых сочетаниях компонентов всех этносов региона, которые к началу XIII вв. находились в состоянии замедленной консолидации в средневековые раннеклассовые народности.

В смысле этническом и особенно этноинициальном это были общности, продолжавшие традиции племенных народностей. Однако это развитие в большинстве случаев не было однолинейным: в этническом составе всех народов появились новые компоненты (финно-угорские в тюркских этносах, палеоевропейские и новые сибирские мигранты в финно-угорских), которые и сами по себе были полиэтническими. В социальной и культурной характеристике ощущалось влияние Булгарского государства. В южном соседстве Волго-Уральского региона, в южнорусских и нижневолжских степях также шли процессы этнической консолидации — там формировалась кыпчакско-половецкая племенная народность.

Социально-классовая структура Волго-Уральских этносов этой эпохи была более дифференцированной, чем в предшествующую эпоху. Внутри в первую очередь булгарского общества просматривается формирование феодального сословия¹⁷, а в других этносах — феодализирующейся знати. Однако в связи со слабой источниковой базой общественный строй волго-уральских этносов в домонгольскую эпоху изучен слабо. Но все же есть возможность подчеркнуть достаточно четко фиксируемую тенденцию (средко привлекающую внимание исследователей) к появлению на периферии Булгар-

ского государства этнополитических образований княжеств, ханств. Очевидно, в полиэтническом Булгарском государстве с усилением в нем централизованной власти ростом слабо регламентированных поборов раз-вертывается своеобразное освободительное движение, центробежные поли-тические тенденции, которые вполне соответствовали эпохе становления классовых отношений. Одновременно укреплялось этническое самосознание этнических общностей (племенных народностей) очертания которых сложи-лись еще в предшествующую эпоху, возникло обновленное самосознание этнических групп обретающих тенденцию к самостоятельному развитию.

Однако эти тенденции, так же как и дальнейшее развитие Булгарского государства были прерваны монгольским нашествием и не получили завершения в виде образования в Волго-Уральском регионе самостоятель-ных политических структур на этнической Сили моноэтнической основе. Поэтому, если булгарский этнос рассматриваемой эпохи, сформировавшийся в Булгарском государстве в литературе правомерно называют феодальной или раннефеодальной народностью¹⁸, то мордовский марийский, удмурт-ский этносы продолжали развиваться как племенные народности. Однако по сравнению с предшествующей эпохой их этнический состав существенно изменился за счет новых инкорпораций. Социальная структура и полити-ческая организация башкирского этноса, этнический состав которого особенно усложнился приобрели отчетливые характеристики свойственные раннеклассовому (раннефеодальному) обществу.

Археологические материалы в то же время свидетельствуют что в начале XIII в. в Среднем Поволжье, в Прикавказских землях, в Приуралье и на Южном Урале сохранялась полиэтническая ситуация. Наряду с развитием и усложнением этнического состава формирующихся этнических общностей в регионе расселялись или вновь прибывали разноязычные (тюркские, угор-ские, сарматские, восточноиранские) этнические группы, которые пока лишь вовлекались в процессы этнической интеграции и консолидации. Это означает, что процессы консолидации в этот период захватили прежде всего те этнические образования, которые внутри современных этносов образуют этнографические группы. Эзсы и мокша, луговые и горные марийцы, различные группы булгар — предки чувашей, татар, башкир, древнебашкирские племена и др. выступали как относительно самостоя-тельные, хотя и родственные этнические общности. Они находились в процессе развития и лишь в потенции являлись составными компонентами этносов более позднего времени.

Этногенетические процессы в эпоху Золотой Орды

Период монгольских завоеваний и золотоордынского господства в Вол-го-Уральском регионе (вторая треть XIII — середина XVI в.) с точки зрения политической истории распадается на ряд этапов. В этногенети-ческом и этнокультурном аспектах история этой эпохи суммарно по отно-шению к региону в литературе не рассматривалась. Однако, как упомина-лось, существует точка зрения, не подкрепленная анализом фактического материала, что три с лишним столетия золотоордынского господства явились в аспекте этнических и этнокультурных процессов исключительно эпохой регресса и стагнации. Такая односторонность не отражает всего многообразия происходивших в то время процессов. Монгольское завое-вание, и это убедительно показано в советской историографии, имело тяжелые последствия для Волго-Уральского региона. В XIII в. прекратило существование независимое Булгарское государство. Это означало

снижение интенсивности функционирования мощного фактора этнического развития в Среднем Поволжье и Приуралье. В жизни волго-уральских этносов произошли изменения, которые также отразились на процессах их развития. Волжско-Булгарская народность распалась. Входящие в ее состав этнические и племенные группы к концу XIV — началу XV в. в основной массе покинули территорию Заволжья и расселились на новых землях, отодвинувшись в основном к северу, а также к северо-западу и северо-востоку от бывшей этнической территории Волжской Булгарии.

В социально-политической сфере завоевателями были введены свои порядки (административно-политическая система в форме "дорог", баскаки — чиновники военно-фискальной системы, раздача завоеванных земель в уделы членам и представителям правящей иерархии, создание верной и преданной завоевателям местной социальной верхушки — тарханов, мурз, князей и т. д.), которые в конечном итоге вылились в новый синтез раннефеодальной структуры общественного строя местных народов со структурой так называемого кочевого феодализма. В большей степени это отразилось на общественном строе и образе жизни башкир и татар. Однако в социальной структуре всех народов региона в XIII — XV вв. произошла определенная эволюция. Заключалась она в более четкой поляризации социальных групп, в формировании как у тюркских, так и у финно-угорских народов края (зачастую на основе родоплеменной аристократии) феодального сословия, которое было до поры до времени верным Золотоордынским (позднее Казанским и Ногайским) владетелям. Постепенно усиливаясь, оно переходило в оппозицию к ним. Дифференцированность социальной структуры, естественно, была разной. Наиболее четкие формы они обрели в Среднем Поволжье, в татарском обществе Казанского ханства (XV — первая половина XVI в.) и на Южном Урале в башкирском обществе, которые восприняли и развивали золотоордынские феодальные институты. В то же время влияние феодальной социальной структуры общества было достаточно ощутимо на всей территории Волго-Уральской области.

В аспекте этнических процессов наибольшие последствия в эту эпоху имело разрушение, фактически исчезновение границ (весьма вероятно, и ранее существовавшей нейтральной зоны) между Волго-Уральским регионом и Дешт-и-Кыпчаком. С образованием государства Золотой Орды и укреплением ее внутренней структуры шел процесс формирования золотоордыско-кыпчакской народности, основу которой составляла кыпчакская народность племенной эпохи. Широко известно высказывание Аль-Омари (XIV в.) о том, что завоеватели (монголы) скоро растворились среди кыпчаков, восприняли их язык¹⁹ и все они стали точно кыпчаки как будто бы одного с ними рода. В культурных центрах Золотой Орды шел процесс складывания литературного языка "тюрки" и общетюркской традиции письменной культуры, принявшей впоследствии региональные формы.²⁰ С усилением внутренних противоречий в Золотой Орде, с наступлением в этом государстве периода феодальной раздробленности²¹, ускоренной и усугубленной борьбой Руси за независимость, развертывается миграция кыпчаков на периферии Золотоордынского государства — в Среднее Поволжье и на Южный Урал, Северный Кавказ, в Западную Сибирь, Казахстан, Двуречье, Крым, где один за другим на обломках некогда могущественной империи образуются новые государственные образования: Сибирское, Казахское, Узбекское ханства на востоке, Крымское, Казанское, Астраханское ханства, Ногайская Орда (Большая и Малая) на западе бывшей территории Золотой Орды.²² Еще не вполне сложившаяся золотоордыско-кыпчакская народность перестает существовать. Отколовшиеся от нее этнические родоплеменные группы и объединения (разного происхождения, но кыпчакизированные) отдельными компонентами вливаются в формирующи-

еся этносы, образовав в зависимости от конкретных этноисторических обстоятельств более или менее мощней суперстрат на заключительных стадиях этногенеза многих народов, в том числе казанских и сибирских татар, мишарей, башкир и отчасти чувашей²³. Эти компоненты привнесли в культурное развитие не только татар мишарей, башкир и в определенной степени чувашей но и многих других народов — ногайцев каракалпаков, казахов, узбеков и др. — общие черты, которые сегодня являются предметом сравнительно-исторических исследований.

Эпоха XIV—первой половины XVI в., взятая в целом качественно изменила направление этнических процессов в регионе, которые обрели мощную инерцию развития, получившую продолжение в последующую эпоху. Оно заключалось в сильных кыпчакских включениях в состав татар мишарей и башкир, в становлении чувашского этноса на базе сложного синтеза булгарского (или булгаро-кыпчакского) и древненарийского компонентов при этноязыковом преобладании первого, в консолидации этнографических групп мордовского нарийского и удмуртского этносов, в которых влияние степи возрастало с севера на юг; в активном тюрко-финском этническом и культурном взаимопроникновении и взаимодействии на всем протяжении контактных зон, в начавшихся и в XV—XVI вв. приобретших значительные масштабы восточнославянско-финских взаимодействий; в образовании зон смешанного финно-тюркского и русско-финского расселения. Достигнутая ступень общественного развития, политическая структура в виде государственности или готовность к созданию государственно-политических структур и т.д. дают основание называть казанско-татарский и башкирский этносы характеризуемой эпохи феодальными народностями. Другие этносы региона также сложились в народности феодальной эпохи, однако интенсивность их консолидации не достигла законченности из-за недостаточно четкой оформленности сословно-классовой структуры, отсутствия собственных политических структур в виде государственности, сложности этнографического состава и сохранения родоплеменных, родственных-земляческих делений и т.д.

Сказанное свидетельствует о том, что этнические процессы рассматриваемого этапа были этногенетическими. Они привели к сложению тех этнических свойств, которые и сегодня лежат в основе культурно-языковой характеристики волго-уральских народов. В этом смысле этногенез современных тюркских и финно-угорских народов ИЭО к середине XVI в. завершился. Процесс этот включал происшедшие крупные изменения в этническом составе народов, стабилизацию в главных очертаниях границ этнических территорий, формирование базовых черт этнической культуры. Этническое самосознание скорее всего было сложным. Укрепляющееся общенациональное самосознание сочеталось и еще долго сосуществовало с самосознанием родоплеменным, родственным, этногрупповым и т.д. В процессы консолидации казанско-татарского, мишарского и башкирского этносов вплетаются укрепившая свои позиции исламская религия. Ее роль была сложной. С одной стороны единство мусульманской религии содействовало сплочению различных частей (родоплеменных и этнографических групп) татарского, мишарского и башкирского этносов. С другой стороны мусульманство играло одновременно этноинтегрирующую роль в том смысле, что, насаждая чувство принадлежности к мусульманству, развивая этноконфессиональное самоопределение, оно отодвигало на второй план, иногда размывало этническое самосознание и этническое самоназвание. Еще недавно, в середине XX в., конфессиональное самоопределение («я — мусульманин») нередко доминировало над этническим.

Неразработанным и во многом неясным остается вопрос о времени формирования известных сегодня диалектов тюркских и финно-угорских языков.

Волго-Уральского региона. Взгляды по этому вопросу среди диалектологов различные. Часто высказываются мнения о глубокой древности многих диалектов, как тюркских так и финно-угорских языков. В большинстве случаев правильность этих заключений трудно оценить, так как они не опираются на древние и средневековые тексты из-за их отсутствия. С точки зрения фактов этнической истории может идти речь о древности (или древних истоках) плененных языков но не территориальных диалектов, сложившихся в тех ареалах, в которых они зафиксированы и описаны исследователями в XIX—XX вв.

Формирование современных территориальных диалектов, судя по изложенным в главе IV историко-этнографическим материалам, активно развивалось в регионе в XIII—XVI вв. и завершилось, видимо, позднее, во второй половине XVI—XVII в. Монгольские походы и последовавшие за ними потрясения вызвали, как упоминалось, крупные сдвиги населения, вплоть до смены или существенного изменения этнических территорий практически всех финно-угорских и тюркских этносов. В процессе этих сдвигов и формирования новых или обновленных этнических территорий, новых комбинаций родоплеменных и этнических групп и складывались современные территориальные диалекты. Они возникали на основе стирания различий и стягивания, интеграции родственных племенных, неплеменных, воршудно-родовых, локальных говоров. Сложение диалектов, начиная со второй трети XIII и до середины XVI в., развивалось неравномерно. По мнению некоторых лингвистов, которое подтверждается и археологически, в XIV—XV вв., до и в XVI в. в ряде районов региона продолжала существовать разноязычная ситуация⁴. В районах Приуралья, в северных землях Предкамья и др., кроме татар и башкир, расселялись группы финно-угров, собственно угров и тюркизированных угров, возможно самодийцев в Волжско-Окском междуречье в финно-угорской среде могли расселяться группы тюрков. Указанная ситуация сама по себе говорит о продолжающемся развитии современных территориальных диалектов. Этот процесс продвинулся дальше в рамках Казанской феодальной государственности, где сложился общенародный татарский разговорный язык и шел процесс формирования литературного языка, восходящего к письменно-литературному "тюрки" золотоордынской эпохи или к его поволжско-уральскому варианту. В этот же период на обширной территории расселения башкир теперь уже сравнительно отдаленной от территории Среднего Поволжья, письменно-литературный "тюрки" начинает приобретать специфические национальные черты, связанные с включением в него элементов общенародного башкирского разговорного языка.

Этноэволюционные процессы во второй половине XVI — XVII в.

Этническая история народов СССР, в том числе Волго-Уральского региона, во второй половине XVI в. и в последующие столетия исследована слабо. Отчасти связано это с тем, что в литературе утвердилось мнение о том, что к середине XVI в. формирование многих народов Европейской части России и Средней Азии "окончательно завершилось". Напомню, что в теоретическом аспекте к этническим процессам термин "окончательной завершенности" неприменим²⁵. Конечно, с одной стороны, верно то, что сложную ситуацию XV—первой половины XVI в. надо трактовать как период интенсивно протекавших этногенетических процессов, а акцию присоединения к Русскому государству — как политическое выражение ключевого момента в консолидации современных этносов. Но, с другой сторо-

ны, к середине XVI в продолжали сохраняться разнообразие, пестрота, многослойность в этническом составе населения региона, а также в социально-экономических, социально-политических и культурных реалиях. Дialeктическая противоречивость процесса заключалась, следовательно, в том, что "окончательное завершение" формирования народов ИЗО одновременно явилось началом движения этносов к более высоким ступеням консолидации.

К середине XVI в этническая структура сложившихся народов Волго-Уральской ИЗО еще характеризовалась присутствием племенных или вюршудно-родовых организаций (башкиры, удмурты), существованием транслированных из исторического прошлого территориально-племенных образований (с диалектами и своеобразием в культуре (эрзя и мокша в составе мордвы, луговые и горные нарийцы, чувашы — анатри и вирьял, митары сергачские и тениковские и др.), отсутствием или слабым развитием общего для всего этноса письменного-литературного языка (у финно-угорских этносов и чувашей) или его определенной оторванностью от живого разговорного языка (волжско-уральский "турки" в вариантах старотатарского или старобашкирского письменных языков у татар и башкир), слабым развитием хозяйственно-торговых связей. Социальная структура всех этносов ИЗО в XVI в. была отягощена сословиями и группами, восходящими по своей природе и происхождению к плененному патриархальному прошлому. Очевидно, совокупностью этих особенностей можно объяснить тот факт, что такие крупные политические акции; как присоединение к Русскому государству татар, мордвы, нарийцев, удмуртов, чувашей, башкир произошли не одновременно, в результате какого-то общего акта (например, решения Переяславской Рады 8 января 1654 г. о воссоединении Украины с Россией, договора 10 октября 1731 г. о присоединении Младшего жуза казахов к Русскому государству), а в течение длительного времени, по отдельным территориальным группам или родоплеменным образованиям.

Для этнических процессов важное значение имел характер присоединения народов ИЗО к России. Вопреки утвердившейся в литературе концепции о добровольном присоединении всех или большинства народов (кроме Казани и части казанских татар) к Русскому государству, реальность этого процесса была намного сложнее. Проблема вхождения народов Среднего Поволжья и Южного Урала в состав России нуждается в обновленном исследовании. В этногенетическом аспекте уместно обратить внимание на два момента. Первый из них заключается в том, что к середине XVI в складывается в основных контурах "восточная" политика Русского государства, стратегическая цель которой заключалась в преодолении вооруженным путем сопротивления и политических претензий Казани и присоединение края (Казанского ханства) к России. Формы и методы осуществления этой политики были разными (военными, дипломатическими, колонизационными) и зависели во многом от конкретно-исторической ситуации в частности от реакции народов региона на действия России и ее военных сил.

Второй момент заключается в "политике", исходящей от самих народов ИЗО. Вопрос этот мало изучен: в историографии принято, характеризуя политику казанских правителей противопоставлять ее политике Москвы.

Относительно позиции и политического поведения социальных верхов других народов региона в литературе можно обнаружить лишь разрозненные сведения. Они, видимо, отражают ту реальность, когда реакция народов края на наступательные действия царизма была локальной и во многом взаимосвязанной с формами, способами осуществления Русским государством своих стратегических целей.

Сказанное объясняет то, что на различных территориях региона, на всех стадиях присоединения по отношению к разным народам ИЗО проводилась политика, соответствующая сложившейся конкретной ситуации. Подготовка к казанской войне и собственно завоевание Казани сопровождались военными и карательными акциями не только против татар, но и против марийцев, чувашей, мордвы, удмуртов и башкир. Эти акции, порой очень жестокие, приводили к уничтожению части населения, изгнанию людей с обжитых мест, к крупным этническим миграциям.

Имели место также многочисленные случаи мирного присоединения. Собственно мирно вошли в состав Русского государства большие группы или даже основные компоненты всех народов региона – приокские мишари и мордва, нари и чуваш на Волге, удмурты и татары на Нижней Вятке и на Каме. Однако понятие "мирное" присоединение неадекватно понятию "добровольное" присоединение. "Добровольное" присоединение башкирских племен и племенных объединений к Русскому государству растянулось во времени с 1555 г. (с Западной Башкирии) до конца XVI в. (на западно-сибирской стороне Урала). Его обусловили несколько обстоятельств, упомянутых в гл. IV: падение Казани и новое политическое положение Башкирии в непосредственном соседстве с сильной и динамичной Россией, политические претензии Ногайской Орды на господство в Башкирии и борьба с ней; крайне неблагоприятные природно-географические условия для башкир-кочевников в лесной и горной зонах, ограниченные возможности отгона скота в степи, сильная засуха и необыкновенно крепкие морозы в течение нескольких лет подряд. Это означает, что "добровольное", точнее мирное, присоединение Башкирии к Русскому государству произошло в рамках целей направленных к включению Волго-Уральского региона в состав России. Именно поэтому "мирное" присоединение сопровождалось конфликтами, вооруженными выступлениями башкир, карательными операциями царских войск, особенно, как упоминалось, на северных территориях, близ строгановских земель, где силан Русского государства противостояли совместные или синхронные выступления местных народов – башкир, удмуртов татар вогулов. Столь же неоднозначным по характеру, как военным, так и мирным было вхождение в состав России удмуртов. Этот процесс начался для удмуртов еще в XIV в. и растянулся до XVI в., марийцев мордвы и чувашей.

Какое же влияние эти события оказали на этнические процессы? Совершенно очевидно: весьма противоречивое. С одной стороны, факт мирного вхождения в состав Русского государства многих групп населения региона не только отражал сложившуюся конкретно-историческую ситуацию, но и был показателем идущих процессов консолидации и определенного уровня единства всех социальных слоев этноса или частей этноса при принятии крупных политических решений.

С другой стороны, нет основания и упрощать бесконечное многообразие исторического процесса, чрезвычайную сложность политической ситуации в Среднем Поволжье и на Урале в середине XVI в., упускать из виду непоследовательность действий социальной верхушки волго-уральских этнических обществ, отсутствие у всех этносов, кроме казанских татар, национального государственного образования, а в ряде случаев даже политическую расчлененность и раздробленность народов (башкир между Казанским Сибирским и Ногайским ханствами, удмуртов, мордвы, марийцев частью уже вошедших в состав Русского государства, частью сохранявших относительную самостоятельность, частью находившихся в подчинении казанских ханов) и т.д. С последним обстоятельством был связан немаловажный факт, а именно отсутствие у большинства волго-уральских этносов характерного для складывающейся развитой феодальной

народности единого политического и культурного центра, такого, как Москва у русского народа, Казань у татарского

Необходимо также придать определенное значение политике правительства Ивана Грозного, нацеленной, особенно после взятия Казани и разгрома "антииосовской партии" казанско-крымской коалиции, на раскол народов и на "мирное присоединение восточных земель. Политическая линия Ивана Грозного и его окружения на востоке формировалась под воздействием сложной и опасной для молодой России ситуации на западных (с Ливонией) и южных (с Крымским ханством) границах²⁰. Она, эта политика, была прагматичной и рассчитанной, по крайней мере во второй половине XVI и во многом в XVII в., на сохранение и использование в интересах царской политики традиционных структур (в том числе родоплеменных) и их традиционных функций, прежде всего функций власти

Эта тенденция, будучи по своим последствиям для этнических процессов противоречивой сама по себе, могла вызвать процессы деконсолидации (особенно в периоды политической раздробленности этноса, карательных акций царизма вытеснения той или иной части населения с этнической территории и т. д.), создать угрозу распада этноса или отпадения его части, изменить для этноса в целом или той или иной его группы направление этнокультурного развития. Нередко процессы принимали именно такое направление. Совершенно очевидно, что взятие Казани, разрушение многих политических и социальных структур, выселение из Казани татар не могли на время не затормозить консолидацию казанско-татарского народа. Дестабилизирующими для этнического развития нарийцев, мордвы и других народов были и карательные действия царизма изменения территориальных границ, появление этнических смешанных зон и т. д. Этнокультурные последствия присоединения к России и связанных с ним акций сказывались на развитии народов ИЗО вплоть до начала XX в.

В XVII в. в этнических процессах произошли существенные изменения. Активность этнических процессов вновь обрела консолидационное направление. В качестве доминирующих факторов, ускоряющих консолидационные тенденции, выступили политические события. Отсутствие государственности или других политических организаций объединительного характера у народов ИЗО компенсировалось движением сопротивления вооруженными выступлениями и восстаниями, которые способствовали росту этнического (народностного) самосознания, сближению и сплочению различных частей этносов. По мере вхождения волго-уральских земель и народов в состав России этноконсолидационные тенденции, все более углубляясь, охватили всю территорию и все население региона. В развитии этих тенденций вплоть до конца XVII в. наблюдалась определенная специфика. В связи с этим надо обратить внимание на три момента.

1 Царизм во всех присоединенных или присоединившихся землях вводил новую выработанную исторической практикой России административно-управленческую систему. На протяжении всего периода, с середины XVI до начала XVIII в. она развивалась здесь, так же как и в Российском государстве в целом (воеводства, провинции, губернии, уезды, волости). Во всех высших и средних эшелонах административно-управленческой иерархии стояли представители феодального государства, назначаемые царским правительством или его высшими сановными правителями. На низших ступенях административно-управленческой иерархии должности (волостных, сельских, деревенских старшин, старост...) принадлежали (на основе выборности или наследственной преемственности) местной феодальной или феодально-патриархальной верхушке. Она, с одной стороны, представляла царскую администрацию и в этом качестве выполняла управленческие (в том числе фискальные) функции с другой стороны, будучи, как

правило, приемницей и наследницей старой феодально-патриархальной верхушки обладала в соответствующих этнических обществах значительной властью и влиянием. После присоединения Волго-Уральского региона к Русскому государству представители социальных верхов, привлеченные привилегиями и личными выгодами переходили на службу царизму. Однако в зависимости от политической ситуации, разнаха и накала народных движений и выступлений они могли перейти в оппозицию к московскому правительству и даже вступать на путь вооруженной борьбы с ним.

2 В первые десятилетия после включения волго-уральских земель в состав России царское правительство, озабоченное прежде всего задачами укрепления своей власти и политической стабильности в регионе, не стремилось особенно в восточной части ИЗО, разрушать традиционные социальные структуры местных обществ: общины, общинное, общинно-родовое землевладение или землепользование, сословные группы. . . . Вновь вводились административно-управленческие и фискальные системы приспособлялись к традиционным, местным структурам. Новое управление, таким образом, опиралось на сохраняющиеся и зачастую консервативные патриархально-общинные социальные институты. Этот своеобразный функционализм в управлении регионом в то же время способствовал сохранению и укреплению позиции и влияния феодального сословия местных обществ.

3 Царское правительство хотя и стремилось заручиться поддержкой местных этнических обществ и опереться на феодальную верхушку в то же время осуществляло широкую программу, направленную на создание надежной политической, военной, экономической опоры своей политики в Среднем Поволжье и на Южном Урале. Эта политика воплотилась в строительстве городов, крепостей и крепостных линий, которые постепенно продвигались на восток, в создании служилых категорий населения как из местных народов (прежде всего калмыков), так и из пришедшего русского населения в раздаче земель и в поощрении различных видов и форм русского крестьянского переселения и крестьянского хозяйства. Но эта политика не всегда была ровной, стабильной.

Таким образом, в первые десятилетия, можно сказать, полтора столетия после вхождения Волго-Уральского региона в состав России, изменилась прежде всего социально-политическая обстановка. На низших уровнях сохранились прежние институты общественного строя. Сложилась ситуация, когда возникли, существовали рядом и начали взаимодействовать самые различные социально-экономические, социально-политические и культурные системы. На первых порах это взаимодействие и взаимопроникновение разноукладных систем едва ли были глубокими, скорее всего, это был период формирования предпосылок к такому взаимодействию.

В то же время новая ситуация не препятствовала развитию этноконсолидационных процессов. Относительная политическая стабильность, которая сложилась в регионе в результате падения Казанского ханства, ослабления а затем и признания власти Москвы со стороны Ногайской Орды, строительства крепостных линий и защиты населения от степных вторжений а также сохранение этническими обществами многих традиционных структур и своей культуры создали условия для консолидационных процессов. Процессы эти сопровождались целым рядом противоречивых явлений, которые сегодня в этноисторическом аспекте к сожалению мало изучены. С присоединением к России в силу обрисованных выше особенностей политики царизма у всех народов региона активизировался (или возобновился как у татар) процесс политической консолидации феодального сословия. Он принял у разных народов региона различные формы, но была у него и общая черта: представители местных феодальных слоев периодически собирались для обсуждения "общенародных

проблем или для определенной политической манифестации (перед лицом царского правительства или собственного народа). Источники сообщают например о курултаях (съездах) башкирских старшин. Важно подчеркнуть что в XVI—XVII вв. местные национальные феодальные сословия лидируют в этноконсолидационных процессах. Велика была их роль в формировании и утверждении внутри этнических общностей народностного самосознания. Их активное участие или предводительство в народных восстаниях и движениях сопротивления были выражением этой роли.

Этноконсолидационные процессы в этот период с новой интенсивностью охватили и татар, в расселении которых после взятия Казани произошли серьезные сдвиги, что не могло не отразиться на направлении их развития (в частности, в связи с резким уменьшением городского татарского населения). Однако этноконсолидационные процессы среди казанских татар обладали сильной исторической инерцией. Они не только возобновились но и охватили мишарей, приведя к тому, что самостоятельно развивающиеся казанско-татарская и мишарская народности в этот период складывались в единую волжско-татарскую феодальную народность. Едва ли интеграция казанских татар и мишарей в единую народность завершилась уже в XVII в., однако рассматриваемый этап, действительно стал ключевым в этом процессе.

Этноконсолидационные процессы, активизировавшиеся после вхождения ИЗО в состав России привели к формированию контуров и границ известных сегодня диалектов и говоров турецких и финно-угорских языков региона. Одновременно это был процесс расширения функций разговорных языков, которые в одних случаях складывались, преодолевая или абсорбируя диалектные различия как общенародные (татарский, башкирский, чувашский, удмуртский), в других — как этнотерриториальные (мордовские, нарийские языки). Видимо, именно в этот период со второй половины XVI до конца XVII в., исчезла или заметно упростилась на многих территориях региона унаследованная от исторического прошлого полиэтничная и полиязыковая ситуация. В составе сложившихся этнографических групп растворилось, ассимилировалось еще оставшееся от предшествующей эпохи иноэтничное (сугорское самодийское, финское и возможно другое) население. В ходе массовых сдвигов коренного населения в лесостепные и степные территории, в ранее покинутых районах обновляются и постепенно стабилизируются границы этнических территорий. С конца XVI в. особенно в XVII в. развертываются миграции (преимущественно на восток и юг) коренного населения Среднего Поволжья, но это было уже движение групп, отколовшихся от вполне сложившихся этнических общностей. На новых территориях они, как правило, сохраняли свои культурные и языковые признаки (восточные нарийцы, заволжская мордва, уфимские татары и т.д.). Складывается, таким образом, новая полиэтничная и многоязычная ситуация в расселении турецких и финно-угорских народов, которая в основных контурах сохранялась до середины XIX в.

Такие образцы, консолидационные процессы в Волго-Уральском регионе в конце XVI—XVII вв. характеризуются выдвинутым на первый план политических факторов. Сам процесс присоединения был сложен разнообразен по формам и противоречив по социальным и этнокультурным последствиям. Несмотря на потери (прежде всего людские, а также хозяйственно-экономические), в этногенетическом аспекте общий итог присоединения к России (в ходе борьбы, без сопротивления или добровольно) было видно, накопление опыта участия в народных движениях сопротивления, рост на этой основе народностного самосознания, созревание предпосылок для еще одного этапа консолидационной активности. В новых политических условиях, когда все Среднее Поволжье и Южный Урал оказались в составе

России инерция консолидационных процессов активизировалась дополняясь и ускоряясь системой административно-политических и социально-экономических мер проводившихся Русским феодальным государством. Эти акции сопровождались культурным взаимодействием, освоением народом региона новых хозяйственных и технических навыков, восприятием многих атрибутов материальной культуры. Все это формировало базу для поступательного развития процесса консолидации. В этом новом импульсе этноконсолидационных процессов аккумулировалось одно из прогрессивных последствий присоединения народов Волго-Уральского региона к Русскому государству.

Этнические процессы в XVIII – XIX вв

Применительно к XVIII – первой половине XIX в необходимо обратить внимание на некоторые новые условия развития. Это прежде всего культурное воздействие восточнославянского крестьянского населения на развитие земледельческого хозяйства местных народов (на системы ведения земледелия, набор культивируемых зерновых и, позднее, овощных культур, на сельскохозяйственные орудия и т.д.). В ряде случаев указанное воздействие осуществлялось по старым и привычным каналам влияния – через татарское крестьянство (на башкир, часть чувашей на соседние финно-угорские группы). В административно-управленческой системе на всех ступенях в том числе на самых низших, в течение XVIII – первой половины XIX в (на западе ИЗО раньше, на востоке позже) произошла эволюция к общепринятым в Русском государстве структурам (уезд, волость, сельские общества, деревни), которые навсегда сделали достоянием истории большинство традиционных (родоплеменных, земляческо-родовых, патриархально-родственных и др.) институтов. Повсюду выросли города, которые хотя и были по этническому составу населения исключительно или преимущественно русскими, тем не менее, будучи административно-управленческими, торговыми и культурными центрами, стали местом встреч и определенной активности национальной социальной верхушки и крестьянства. В этом смысле эти города (Уфа, Оренбург, Козьмодемьянск, Чебоксары, Ижевск, тем более Казань) постепенно повышали свою этнообразующую роль, становились средоточием учебных заведений и духовной жизни национальностей. Общественный строй волго-уральских народов в XVIII – первой половине XIX в представлял (в разных пропорциях и вариантах) новый синтез развитого феодализма России (с ее феодально-помещичьей феодально-крепостнической системой) и феодальных отношений народов Среднего Поволжья и Южного Урала с их еще живыми, в том числе и у значительной части татар, патриархальным укладом. Воздействие российского феодализма сказывалось у разных этносов в различной степени, но практически во всех сферах жизни: в области землевладения и землепользования, в способах и формах эксплуатации, в формировании феодальной административно-управленческой бюрократии из лиц местной национальности, в военной службе и связанных с ней обязанностях и привилегиях, в дифференцированности судебной практики и т.д.

Здесь мы вновь подходим к основному вопросу самоорганизации этноса: к его внутренней социальной структуре. В XVIII – первой половине XIX в у волго-уральских народов, несмотря на все сохранившиеся традиционные тернии, особенности и специфические нюансы, перестраивается социально-классовая структура, приближаясь к структуре российского общества. Она не была и не могла быть полностью идентичной хотя бы из-за сохранения реального значения общины и общинной системы земле-

владения и землепользования в Среднем Поволжье, вотчинно-общинной системы в Башкирии и отсутствия или недостаточной развитости частного феодального и крестьянского землеустройства. Однако царизм уже с XVII и тем более в XVIII в повсеместно в регионе отказывается от упомянутого функционализма в управлении волго-уральскими народами. Я имею в виду в частности, отказ царизма от политики использования в этих целях традиционных структур и местной аристократии, родоплеменной знати феодализирующихся сословий, которые вопреки надеждам московского правительства нередко становились руководителями или участниками антиправительственных народных восстаний и выступлений. Царизм берет курс на создание надежной социальной опоры на присоединившихся и в присоединенных территориях. По существу это была политика создания нового феодального сословия, в ряде случаев землевладельцев в том числе и из среды старой аристократии — царевичей, мурз, князей, тарханов, но путем новых пожалований.²⁷ Однако главной опорой становится феодально-бюрократический слой представителей царизма из местной национальности в административно-управленческой системе: волостные, сельские старшины, сотники, кантонные начальники, есаулы (у башкир, тептярей, мишарей), иногда уездные чиновники, военные. Он был наиболее многочисленным и к началу XIX в наиболее преданным царизму социальным слоем местных народов. Этот слой был феодальным постольку, поскольку имел доступ к привилегированному пользованию общинными землями, к распоряжению ими (а по существу, нередко и к узурпации присвоению их под видом "покупки", "аренды" и т.д.), к подавлению личности рядового крестьянина и к эксплуатации его труда, выполнял феодальные функции феодального государства, противостоял как социально-привилегированный слой крестьянству соответствующего этноса.

Характеристика этого слоя важна: в условиях многонационального Русского государства, а в его пределах — многонационального Волго-Уральского региона, для понимания этнических процессов особенно в последующие периоды, на уровне национальной консолидации, существенное значение имели наличие или отсутствие у данного этноса класса феодалов, природа его формирования, социальная структура и состав политической зрелость. Чем сильнее и отчетливее выраженным был феодальный класс у данной народности, тем больше были, особенно на ранних этапах национальной консолидации, потенциальные возможности для политического сплочения и культурной интеграции формирующейся нации. Другими словами, чем выше было осознание национальным феодальным слоем общества своих классовых интересов, тем сильнее было его влияние на этнос в целом, на более интенсивное формирование этнического (народностного) самосознания. Социальный облик и социальная характеристика феодального слоя общества впоследствии сказались на составе буржуазии и интеллигенции соответствующих этносов.

С этой точки зрения состав сформировавшегося к началу и в первой половине XIX в феодального социального слоя народов Волго-Уральского региона был очень противоречив. В нем не было или почти не было социальных групп, сопоставимых по происхождению, экономической мощи (состоянию землеустройства), политической власти с российским дворянством, хотя, конечно, были личности (особенно из среды татар, а также башкир — высоких чинов кантонной системы), которые находились на достаточно высоких ступенях социальной иерархии Русского государства. Вновь созданный феодальный социальный слой, как правило, не имел глубоких "аристократических" корней, хотя в его составе было немало новоявленных "нуворишей". Из этой среды впоследствии почти не было выходцев — крупных промышленников, предпринимателей буржуазного типа. Но из нее

происходили первые национальные интеллигенты XIX в — ученые, поэты, учителя. Наиболее передовой части этой интеллигенции была свойственна демократическая просветительская идеология, сыгравшая крупную роль в усилении консолидационных процессов в регионе, в росте этнического (народностного) самосознания.

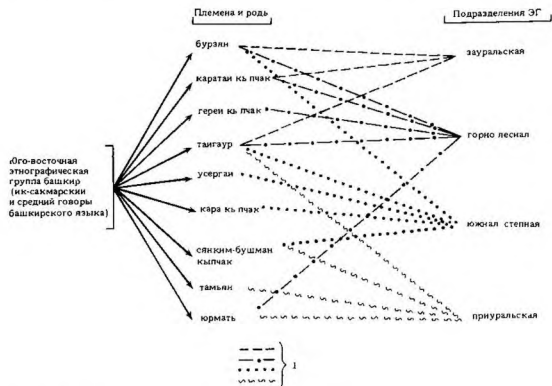
Из приведенной характеристики видно, что феодальный слой волго-уральских народов, сформировавшийся в новом социальном составе сравнительно поздно, не имевший глубоких и масштабных корней в феодальной земельной экономической и политически целиком зависящий от царизма и поэтому выступавший эксплуататором собственных народов, не мог стать и не стал социальной базой для формирования национальной промышленной буржуазии.

В то же время социальные явления, которые здесь характеризуются, свидетельствуют о том, что XVIII век и дореформенный период XIX в были для этносов Среднего Поволжья и Приуралья новым этапом этнической истории. Теперь это были развитые народности со сложившимися хозяйственно-территориальными связями, с формирующимися компонентами экономической общности (более одутимыми и значительными в центре региона, менее — на периферии) с существенно изменившимися социально-классовым составом, внутри которого сложились социально обновленные национальные феодальные слои населения соответствующих обществ, имевших тенденцию в политическом отношении ассоциироваться с господствующими сословиями феодальной России. Эта тенденция и активное стремление к политико-идеологической ассоциированности социальных верхов этнических обществ с господствующими классами царской России были условием и фактором усиления двойного гнета трудящихся различных национальностей Волго-Уральского региона. Уместно также обратить внимание на то, что Крестьянская война 1773 — 1775 гг была последним крупным взрывом протеста и совместного выступления народов региона против феодального и национально-колониального гнета царизма. XIX век почти на всем своем протяжении не знал подобных масштабных выступлений. Одной из причин этого факта является глубокая социально-идеологическая дифференциация этнических обществ, поляризация социальных интересов трудового народа и господствующих верхов, стремление последних к ассоциации с царизмом и господствующими классами России.

Существенные изменения происходят в этнической структуре этносов. В XVIII в завершается сложение на территориальной основе большинства новых этнографических групп и их подразделений. На какое-то время (различное по протяженности для разных этносов) это создало сложную, двойственную структуру этнографических групп, внутри которых переплелись старые генетические и новые территориальные связи. Наряду с формированием территориальных культурных комплексов и территориальных диалектов и говоров сохранялись в реальном значении, в пережитках или лишь в рудиментарных проявлениях плененные организации, свойственные только им черты культуры (чаще всего в женском костюме и украшениях), плененные говоры. Эта двойственность в этнической структуре в разной степени просматривается у всех этносов. Наиболее отчетливо она представлена (видимо, благодаря основательной изученности) у удмуртов и башкир. Двойственность фиксированной источниковыми данными ситуации показана на примере юго-восточной этнографической группы башкир (табл. 19). В ходе этнических процессов во всех сферах общественной жизни возрастала роль территориальных подразделений ЭГ и, напротив, роль плененных образований и их культурно-языковых атрибутов ослаблялась или исчезала вовсе. Аналогичные схемы по ЭГ удмуртов составлены М. Г. Атановым²⁸.

В пореформенный период произошли как качественные, так и количест-

Таблица 19 Образование территориальных подгрупп в составе юго-восточной этнографической группы башкир

1 — интеграция различных комбинаций родоплеменных образований на территориальной основе

венные изменения в социальной структуре волго-уральских этносов. Эти изменения коснулись всех слоев населения. Крестьянство получив право выделить надел (хотя реализация этого права растянулась на многие годы), стремится вступить на путь развития крестьянско-семейного хозяйства. На этом пути оно встречает множество препятствий часто непреодолимых из-за стремления царизма переложить всю тяжесть перестройки переходного периода на плечи крестьян. Феодалный социальный слой народов региона постепенно теряет перед государством юридический статус, хотя по инерции еще сохраняет как экономические, так и политические позиции в деревне. Формируется получившая образование в русских и в возникающих национальных учебных заведениях пореформенная интеллигенция, которая выступает выразителем народных, крестьянских интересов с позиции демократического просветительства²⁹. Эта немногочисленная интеллигенция в 1860—1890-е годы своей деятельностью способствует процессам национальной консолидации.

Однако экономическая основа и социально-классовая структура большинства этносов в пореформенной царской России развивались крайне медленно. Более отчетливо тенденции экономического и социального развития проявились в татарском обществе. Заключались они в растущих связях татарской торговой административно-управленческой и аристокра-

тической верхушки с российским дворянством правящими кругами царизма торговой и промышленной буржуазией России. Следствием этого были втягивание татарского этноса в рыночные связи, усиление татарского купечества и торговых посредников, углубление культурных связей татарского этноса с Россией, с русскими крестьянством. В свою очередь все остальные народы региона — башкиры, чуваш, нарийцы, мордва, удмурты, испытывая влияние общероссийских хозяйственных навыков общероссийского рынка русской культуры, одновременно входили в активные связи с татарским этносом. Интенсивность этих связей была различной — более активной у западных башкир, южных удмуртов, восточных нарийцев, большинства чувашей, мордвы Казанской губернии, менее активной — у северных удмуртов, западной мордвы, восточных башкир. Различия в интенсивности этих связей отражались на состоянии культурно-языковой ситуации в регионе: на распространении татарского языка в качестве языка межнационального общения, на процессах проникновения татарских компонентов культуры в культуру окружающих народов, на степени сохранения у них диалектных членений этнографических групп и архаизмов в социальной жизни.

В целом в этот период все этносы региона вступили в стадию национальной консолидации, однако процесс развивался противоречиво и неравномерно. Основным итогом эволюции в XVII—XIX вв. в этногенетическом аспекте явилась консолидация в ИЗО народов типологически приближившихся (по основным параметрам — хозяйственно-экономическому социально-классовому) к русскому и другим народам России. Верхние социальные слои этнических обществ обрели тенденцию тесно ассоциироваться (порой интегрироваться) с господствующими классами Российской империи. Это ослабляло их роль и влияние в национально-образовательных процессах. Последствия обрисованного процесса тяжелым бременем легли на народные массы этнических обществ, которые подпали под гнет и эксплуатацию, поддерживая своих национальных и российских феодальных верхов, чиновников, купцов, конкурирующих в извлечении доходов из эксплуатации местных народов. К этому надо добавить сохранение реального значения во всех этнических общностях общинных структур. Применительно к раннесредневековой Европе Ф. Энгельс характеризует консервативную роль общины в этноконсолидационных процессах, писал: "Народ растворился в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи"³⁰. Одновременно это означало замедленные процессы проникновения и развития капиталистических отношений в глубокие недра этнических обществ. Очевидно, совокупность этих причин явилась основой снижения консолидационной активности к середине XIX в., которое в регионе сохранялось и в первые десятилетия второй половины столетия.

О процессах национальной консолидации в начале XX в.

Анализ этапов развития народностей в Волго-Уральском регионе и эволюции их социальной структуры во II тысячелетии и э. создают новую основу для характеристики уровня национальной консолидации этносов ИЗО в начале XX в.

Начиная с пореформенного периода капиталистическое развитие захватило постепенно обширнейшие территории России. Все народы Волго-Уральского региона были в тех или иных масштабах вовлечены в буржуазное развитие: каждое или почти каждое крестьянское хозяйство ощущало воздействие товарного обращения всероссийского рынка. С точки зрения

этнонациональных процессов, задача исследований заключается в установлении соотношения двух тенденций в капиталистическом развитии коренных народов края: имманентного (в результате социально-экономического развития собственных производительных сил этноса) и привнесенного (в результате "вливания" или "проникновения" хозяйственно-экономического комплекса развивающейся капиталистической России). Новейшие исследования показывают преобладание, особенно в начальные периоды капиталистического развития России второй тенденции. Промышленное капиталистическое развитие во второй половине XIX — начале XX в., которое захватило Среднее Поволжье и Южный Урал, было связано с общероссийским рынком, а местные народы на всех уровнях их социальной иерархии постепенно, хотя и медленно вовлекались в него. Пролетаризирующееся и пауперизирующееся крестьянство использовалось главным образом на подсобных работах или занималось отходничеством, промышленная буржуазия и промышленный пролетариат (кроме татар) по существу не сложились или были крайне малочисленны³¹. В то же время развитие рыночных отношений нарастающее втягивание отстающих народов в систему общероссийского рынка делали свое дело. Одновременно с разрушением (хотя и не без сопротивления, порой сильного) традиционного феодально-патриархального образа жизни и соответствующей социальной структуры складывалась новая социально-классовая структура, основными составными частями которой были крестьянство, а также мелкая и средняя торговая буржуазия. Это означало, что на смену феодальной народности шла народность капиталистической эпохи, шел процесс формирования национальных связей. В то же время преобладание не имманентного развития капитализма, а "проникновение" капитализма в различные сферы хозяйственной жизни волго-уральских народов обусловили и специфику формирования национальных связей. Те или иные районы региона с финно-угорским или тюркским населением вовлекались в сферы промышленной или торговой деятельности русской или татарской буржуазии. Влияло ли это обстоятельство на этнокультурное развитие коренных народов?

Если взять этносы в целом, это влияние обнаруживалось слабо; оно заметно проявлялось в тех этнических группах, которые расселялись в очагах и зонах интенсивного действия русской или татарской буржуазии. Это обстоятельство в литературе было замечено. Так И.С. Гурвич, обратив внимание на значительную расчлененность через полность расселения поволжско-приуральских народностей, подчеркивает, что "экономические и культурные связи отдельных локальных и этнографических групп мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей с русскими, а также башкир с татарами были более прочными, чем со своими народностями"³². Добавлю, что экономические и культурные (в том числе языковые) связи с татарской нацией развивались не только у "отдельных (северо-западных) групп башкир, но и в центре и восточных частях ИЗО — у южных удмуртов, марийцев (в том числе восточных) чувашей, у всех финно-угорских и тюркских этнографических

* В литературе распространен тезис о том, что в пореформенный период и в начале XX в. все крестьянство местных народов представляло собой мелкобуржуазную массу. С точки зрения товарности крестьянского хозяйства, уровня вовлеченности в рыночные отношения, использования наемного труда, едва ли это определение является точным. В начале XX в. было еще немало крестьянских хозяйств, особенно в отдаленных районах, живших преимущественно ведением натурального хозяйства, трудовыми усилиями семьи, не имеющих сознательно организованного товарного производства, не связанных с рынком или связанных с ним слабо лишь в целях получения денежных средств для уплаты налогов, ценой продажи нередко необходимого продукта.

групп расселявшихся на территории Заванья и Приуралья (см табл.15)

В это время расширились масштабы национально-татарского двуязычия. Развитость экономических и культурных связей с татарской нацией у упомянутых этнических групп не означает отсутствие таковых с русской нацией; напротив, они имели историческую тенденцию расширяться и углубляться. Это выразилось в начале XX в в распространении трехязычия, русский язык в Волго-Уральском регионе начал обретать функции языка межнационального общения. Одновременно появление трехязычия было началом длительного процесса, в ходе которого функции татарского языка среди упомянутых групп сужались, а функции русского языка расширялись.

С А Арутюнов и Н Н Чебоксаров проблему формирования национальных связей рассматривали сквозь призму "культурных инфосвязей". По их мнению к народностям нового времени (т е к буржуазным народностям) относятся те этнические общности, у которых "внутренние инфосвязи слабее чем нити, связывающие каждую из таких общностей с ассоциированной с ней крупной нацией"³³. Конкретный анализ этого заключения применительно к отдельным этносам представлял бы большой интерес, так как культурные инфосвязи являются производным, но весьма важным, хотя и в абсолютном исчислении трудно измеряемым признаком. Едва ли состояние источников дает возможность точно охарактеризовать и измерить у волго-уральских народов соотношение внутренних и внешних инфосвязей в начале XX в. Если к внутренним инфосвязям отнести общеразговорный народный язык, традиционный слой культуры, распространение письменности и грамотности тем более письменно-литературных языков (у татар и башкир), то внутренние связи были достаточно развитыми, хотя по ряду показателей (грамотность, письменно литературный язык) они охватывали лишь часть этноса. В то же время нет сомнения в росте в заметном воздействии на значительные группы финно-угорского населения, а также на чувашей, башкир культурных связей с русской, а также с татарской нациями. В свою очередь татары находились в тесных экономических и культурных связях и контактах с русской нацией. Поэтому татарский этнос в некоторых сферах культуры выступал носителем и проводником русской культуры. Очевидно, силу и интенсивность внешних инфосвязей (сравнительно с внутренними) можно установить путем специального изучения и анализа совокупности письменных (печать, литература и т д) и этнографических источников, относящихся к началу XX в. Судя по результатам процесса, которые проявились позднее и в целом ряде случаев дают о себе знать до сих пор, связи с "ассоциированной" нацией в начале XX в были интенсивными, но, как правило, не у этносов в целом, а у их подразделений. Так, в зонах влияния Нижнего Новгорода, приокских городов, на Выгезде, Вятке преобладали связи с русскими, в Заванье и в Приуралье — с татарами (см табл. 15). На мой взгляд, предварительно можно заключить, что в начале XX в в Волго-Уральской ИЗО в масштабах этносов в целом доминировали внутренние инфосвязи, однако в отдельных районах, этнографических группах усилились, стали приобретать тенденцию превалировать внешние инфосвязи.

Сказанное имеет значение для понимания этнокультурного развития ИЗО в целом. В начале XX в стали более четко проявляться тенденции этнического взаимодействия народов Среднего Поволжья и Южного Урала, их культурного сближения, а в некоторых районах и группах — определенной культурной интеграции на базе широкого распространения и влияния русской, а также татарской культуры. Вплоть до 30-х годов XX в подвижность основной массы коренного населения ИЗО между деревней и городом была слабой, хотя в сельской местности эта подвижность как внутри, так и вне этнических территорий оказалась значительной. Это

последнее обстоятельство в условиях капиталистического развития также стало одной из причин ускорения культурного взаимодействия, сохранения старых и развития новых этнографических групп и их подразделений.

Такие образцы, этнические общности башкир, чувашей, мордвы, нарийцев, удмуртов в начале XX в. формировались в нации. Ряд исследователей считают более правильным указанные состояния характеризовать как этап развития народностей (или буржуазных народностей). Социальная структура этих образований переживала перестройку на основе (и по мере) "проникновения" капитализма.³⁴

Однако эти различия в подходах на мой взгляд, в основном терминологические. Ю. В. Броней совершенно справедливо считал, что народности наравне с нациями "...включены в социальные отношения соответствующих формаций".³⁵ Различие однако заключается в том, что в социальной структуре народностей удельный вес ведущих классов этих формаций (буржуазии и пролетариата — в капиталистической) сравнительно невелик. Преобладающий социальный слой, как и при предшествующих формациях, обычно остается сельское население (чаще всего крестьянство, а иногда и занятые в сельском хозяйстве рабочие).³⁶ В одной из последних работ Ю. В. Броней уточнил аргументацию. Для буржуазных народностей "в условиях капиталистического государства пишет он, "характерно почти полное господство аграрной экономики в них не занятое в промышленности население составляет подавляющее большинство (примерно 90% и более)".³⁷ Приведенные цитаты еще раз свидетельствуют о том, что с точки зрения функционирования этносов этнологи не видят различий между народностью и нацией. Однако они используют эти термины для анализа внутренней социальной структуры этнических общностей как параметра одинаково влияющего на этнокультурное развитие и на этнические процессы.

Преимущественно с сельским составом этнических общностей ("формирующихся наций" или "буржуазных народностей") связана идея о том, что они развивались будучи "ассоциированными" с русской или одновременно с русской и татарской нациями. Эта точка зрения в последнее время в той или иной форме появляется в исследованиях посвященных отдельным народам региона, в частности марийцам, удмуртам, мордве.³⁸ Однако эта идея воспринимается в литературе по-разному. Обычно имеется в виду, что русская или многонациональная буржуазия России, русский или многонациональный пролетариат России выполняют сплачивающую консолидирующую роль по отношению к отстающим в социально-экономическом развитии нациям, тем самым компенсируя отсутствие или малочисленность у этих народов собственной промышленной буржуазии и своего национального промышленного пролетариата. На слабую аргументированность и даже несостоятельность этой точки зрения в свете известного положения о развитии нации "своих производительных сил" обращали внимание многие исследователи.³⁹ Применительно к современным нациям альтернативную точку зрения особенно решительно сформулировал В. П. Шерстобитов. Критикуя концепции, согласно которым многонациональный рабочий класс СССР компенсирует отсутствие или недостаточную численность промышленного рабочего класса ряда наций, он пишет: "Ничего подобного! Формирование рабочего класса — показатель роста зрелости любой нации. Интернационалистическая идеология "своего рабочего класса" обладает (только благодаря прочной языковой коммуникативности) особой силой воздействия на национальное сознание, на обогащение его интернациональным содержанием".⁴⁰ Практика национальных движений показывает, что нации и национальные образования стремятся к всевозможным внешним связям и межатнической интеграции прежде всего на основе собственного развития.

Этот тезис верен по отношению ко всем эпохам. Более того провозглашение "равенства и "равноправного сотрудничества наций стоящих на разных уровнях социально-политического развития как показывает исторический опыт Волго Уральской ИЗО питая межнациональные конфликты и движение национального сопротивления В нашей историографии исследования конфликтов и конфликтных ситуаций в межнациональных отношениях практически вовсе не проводились Сегодня эта проблема нуждается в первоочередной разработке Исследования покажут что в основе этнических конфликтов были и остаются факторы социально-политического характера как правило густо окрашенные этнически

Более обоснованной является идея об "ассоциированных народностях" с точки зрения вовлечения отстающих в социально-экономическом развитии этносов во всероссийский рынок, в котором в зависимости от региона и сфер товарного обращения господствовала русская, иностранная или татарская буржуазия Однако этим определялось во многом и направление этнокультурного развития Напоминание слова К Маркса и Ф Энгельса: "Взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы..."⁴¹ Именно в этом аспекте понимает Н.Ф Мокшин ассоциированность мордовской "буржуазно-народности с русской нацией"⁴² Мордовские, нарийские удмуртские ЭГ их подразделения особенно близ городов промышленных и торговых центров, в начале XX в испытывали заметное воздействие русской культуры и русского языка (См табл. 15) Влияние и проникновение русской культуры сказалось в сущности во всех сферах жизни населения западных и северных районов ИЗО Христианизированность финно-угорских народов чувашей части татар и отдельных групп башкир способствовала развитию этого процесса

Ассоциативные связи ряда этнических и этнографических групп волго-уральских народов с татарской нацией имели особенности. Средний уровень национальной консолидированности самих татар, своеобразие в социальной структуре татарского этноса (преобладание крестьянства географическая разобщенность рабочего класса, отсутствие крупной промышленной буржуазии значительная сила и влияние торговой буржуазии) наложили отпечаток на характер этих связей Сказалось это в том, что татарское культурное влияние проявилось прежде всего в области системы (земледельческого) хозяйствования, в материальной культуре (поселения и жилища одежда, женские украшения), а в духовной культуре — в распространении идеологии демократического просветительства, что было связано с формированием татарского литературного языка, развитием народного просвещения ростом художественной литературы, издательского дела формированием демократически настроенной части татарской национальной интеллигенции⁴³ Особенность заключалась в том что татарская культура, будучи по истокам формирования и по идеологическим основам также крестьянской быстрее и легче воспринималась местным крестьянством особенно тюркоязычным Произведения духовной культуры, которые создавались преимущественно городской татарской и башкирской интеллигенцией и соответственно в разных масштабах — чувашской, мордовской, нарийской, удмуртской интеллигенцией по тематике и идейному содержанию были адресованы национальному крестьянству, т.е. основной массе народа В то же время связи с русской нацией имели следствием восприятие не только русской крестьянской, но и русских городской культуры и образа жизни, включая переводы на языки народов региона произведений классиков русской литературы, писателей-просветителей и революционных демократов, движения демократического просветительства Экономические и культурные связи народов в Волго-

Уральском регионе на рубеже веков и в начале XX в. питают и поддерживают ситуацию многоязычности и поликультурного развития. Было бы неверно представлять эту ситуацию как тенденцию к глубокой и полной культурно-языковой интеграции, которая сопровождалась бы русской или татарской ассимиляцией. Подобные ситуации в пограничных и сильно национально смешанных районах в промышленных и торговых центрах действительно складывались. Однако широко распространенные в дореволюционной литературе выводы и заключения о массовой русификации (в том числе насильственной) или татаризации народов Среднего Поволжья и Приуралья, об "обреченности многих из них на исчезновение", "на вымирание"⁴⁴ сильно преувеличены, точнее — вовсе не обоснованы. Об этом приходится писать так как в современной историографии имеет место некритическое восприятие этих идей с соответствующей интерпретацией этноязыковых и демографических данных XIX — начала XX в. сложная динамика которых имела совсем другое происхождение.⁴⁵

В реальности же это был период, когда по всему региону, тесно взаимодействуя, развивались культуры русского населения, тюркских и финно-угорских народов. На обширной территории ИЗО были очаги преимущественно русской культуры (города горнозаводские и рабочие поселения, районы плотного расселения русского крестьянства), преимущественно татарской культуры (скрупные торгово-ремесленные поселения, районы сплошного или плотного расселения татарских крестьян). Развивались районы преимущественно с башкирским, чувашским, мордовским, марийским, удмуртским населением, устойчиво сохраняющим свою традиционную культуру. Вместе с тем все эти культурные ареалы, находясь в постоянном взаимодействии, создавали динамичную и многообразную целостность Волго-Уральского историко-культурного региона.

Важен и сложен вопрос о характере самосознания у формирующихся наций: этнического (народностного) или национального. Термины "национальное самосознание", "национальная литература", "национальная общественная мысль", тем более "национальный язык" и т. п. давно вошли в обиход в литературе о волго-уральских народах рубежа XIX — XX в. Нет сомнения в том, что в общественном сознании, в том числе в этническом, под влиянием активизации политической жизни произошли сдвиги. Однако в различных социально-классовых группах процесс осознания интересов нации происходил, как известно, по-разному и разными темпами. Там, где имелись промышленная буржуазия и сформировавшийся рабочий класс, национальное самосознание вызревало и оформлялось сравнительно быстро. Медленнее этот процесс протекал у многосложного по социальной структуре крестьянства, из которого и состояло большинство народностей Среднего Поволжья и Южного Урала. В начале XX в. национальное крестьянство, будучи внутренне дифференцированным, не составляло того социального единства, которое имело бы общность социально-политических целей и устремлений. Класс промышленной буржуазии, который бы выдвинул общие национальные цели, удовлетворяющие и захватывающие все или многие социальные группы крестьянства, как известно, также не было. Вот почему невозможно считать, что в начале XX в. национальное самосознание в социальном смысле этого термина у народов Волго-Уральского региона оформилось со всей глубиной и определенностью. Именно по этой причине в сознании массы дореволюционного крестьянства противоречия, как правило, проходили по этническим или конфессиональным границам и интересам. Местная, главным образом прокрестьянская настроенная часть интеллигенции стремилась направить настроение и энергию крестьянства на решение общедемократических целей. Они заключались в требованиях культурной автономии для чувашей, мордвы, марийцев, удмуртов, калмыков.

и других народов в рамках Российской парламентской республики, как это было провозглашено на Первом общем собрании мелких народностей Поволжья", состоявшемся в мае 1917 г. в Казани⁴⁶, или национально-политической автономии для татар и башкир идея которой впервые была провозглашена на I Всероссийском съезде мусульман в Москве⁴⁷.

Между Февральской и Октябрьской революциями включившиеся в борьбу национальная буржуазия и национальная интеллигенция народов Волго-Уральского региона стремились опереться на рост национального самосознания крестьянства чтобы направить борьбу по буржуазно-демократическому пути. Тот исторический факт что национальной буржуазии и национальной интеллигенции это порой удавалось, свидетельствует о незавершенности дифференциации социальных сил наций о значительном потенциале общезначимого единства, о том, что народностное самосознание еще не уступило окончательно место самосознанию национальному что отсутствие или малочисленность рабочего класса сказались на характере и целях движения.

Поворот в характере национально-освободительных движений крестьянства в Волго-Уральском регионе происходил в ходе Октябрьской революции и гражданской войны когда все еще слабо социально-дифференцированное национально-освободительное движение после колебаний неизбежных в эпохи великих потрясений избрало путь своего политического поведения. Под влиянием идей провозглашенных в программных декларациях революции в сферах земельной и национальной политики, идет формирование национального самосознания и складываются соответствующие действия у народов Волго-Уральского региона. Особенность этого процесса заключалась в том что в основе формирующегося национального самосознания (в отличие от этнического народностного) лежало все отчетливее складывающееся понимание общности политических и социальных целей трудового крестьянства всех национальностей, а также общности интересов соответствующих народов. Это были идеалы, которые исповедовала демократически настроенная национальная интеллигенция, возглавлявшая освободительное движение своих народов.

Сказанное означает что процесс трансформации этнического самосознания в социально осмысленное национальное самосознание у народов Среднего Поволжья и Южного Урала (с абсолютным преобладанием в их составе крестьянства) не прошедших в полной мере капиталистической стадии развития был ускорен революционными событиями 1917 г., перерастанием национально-освободительного крестьянского движения в составную часть общенародной борьбы за демократические социальные цели. В то же время форсированное искусственное подталкивание этого процесса в последующие десятилетия (на фоне сталинской "теории обострения классовой борьбы по мере строительства социализма) деформировало историческую сбалансированность соотношения социального и этнического в национальных отношениях нарушило закон равновесия культуры этноса приведя к разрушению этничности, к приглушению этнической и к гипертрофированию социальной линии этносоциального движения.

В целом сочетание стадийного и социально-классового подходов к типологии этнических общностей является достаточно объективным и мобильным индикатором движения данного этноса по шкале истории измерителем уровня и темпов развития народности как по отношению к собственному историческому прошлому так и на данный момент сравнительно с другими народами региона и страны в целом. Опыт показал, что преувеличение уровня социально-экономического развития тех или иных народов также негативно отражается на историческом анализе и обобщающих выводах как и принижение этого уровня. Переоценка, в частности

не оставляет должного и соответствующего объективной исторической реальности простора для прогрессивного развития этнической общности в перспективе

Важно и другое упомянутый подход ориентирует исследования на выявление важнейшей стороны исторического развития, а именно преемственности как в этнической так и в социальной линиях развития этнической общности, предостерегает от проникших в недавние десятилетия в литературу явно преувеличенных представлений о возможности тотальной смены социально-классовой структуры этноса без катастрофического ущерба его культурному развитию, консолидации и дальнейшему социальному продвижению. Дуается, что многим современным национальностям у нас будет нелегко определить предстоящие пути демократического развития, не проанализировав глубоко и адекватно последствия социально-политических катаклизмов недавних десятилетий, дестабилизировавших или разрушивших естественный ход культурно-языковой и социально-политической эволюции. Необходимо понять что поступательное развитие этносов и подъемы (импульсы) консолидации при всей дискретности их протекания резких переходах в новое качественное состояние всегда и неизменно исторически преемственны и опираются на социально-исторический опыт и культурный потенциал накопленный этносом в предшествующую эпоху. И в этой связи видимо, целесообразно отказаться от утвердившегося в дискуссиях 1960-х годов представления о резком разграничении в реальной жизни наций и народностей. Анализ этнического развития народов Среднего Поволжья и Южного Урала показывает, что невозможно определить конкретные хронологические границы как между поздними племенами (соплеменностями) и ранними народностями, так и между народностями периодов позднего средневековья и нациями. Закономерность исторического процесса была таковой, что между основными типами этнической общности были переходные состояния этноса, грань между которыми не всегда можно (да и целесообразно) однозначно очертить.

С точки зрения упомянутой преемственности феодальная народность в территориальном, политическом и культурно-языковом отношениях служила (как показывает исторический опыт Европы, а также история русской нации) основой этническим фундаментом формирующейся нации. В широком историческом смысле нация — продукт не только капитализма, но и предшествующей ей феодальной формации. При этом принципиальное значение имеет социально-классовая структура народности как этнополитической предшественницы нации, характеризовалась ли она полной социальной структурой (в частности наличием зрелого национального феодального сословия), имела ли она политическое оформление в виде национальной государственности и т.д. Созревание социально-классовых и государственно-политических предпосылок нации происходит в течение длительного времени как показывает история — столетий. Эти предпосылки переходят в качественно новые состояния в период разложения феодализма становления и развития рыночных связей. Феодальные народности Среднего Поволжья и Южного Урала не принесли к началу XX в зрелых развитых предпосылок ни в виде полной социально-классовой структуры, ни в виде государственности. Даже татарский этнос который все же сложился в нацию имел на своей этнической территории недостаточно развитую социальную структуру а государственность казанских татар уже давно была достоянием истории. Остальные народы региона также вступили на путь национальной консолидации и успели пройти определенный путь в этом направлении развития. В начале XX в бурный рост национального самосознания наблюдался во всем регионе. Особенно активно протекал этот процесс в Татарии Башкирии Чувашии Национально-освободительное

движение в регионе привело еще до октября 1917 г к провозглашению Башкирской республики. После Октябрьской революции начался этап образования и развития в регионе национально-территориальных образований – округов областей автономных республик. Туркские и финно-угорские народы вступили в третье десятилетие истории XX в столетия с огромной верой и надеждой на социальный прогресс. Всем этническим образованиям Волжско-Уральской ИЗО предстояло пройти большой путь развития, чтобы достигнуть высоких рубежей национальной консолидации, чтобы стать современными нациями. Однако в XX веке движение наций к прогрессу было деформировано, во многом заторможено или вовсе приостановлено разрушением исторически сложившегося социально-классового состава этнических обществ и насаждением новых социально-классовых структур, которые оказались нежизнеспособными в аспекте идеи и целей политического и экономического саморазвития нации, а также прервали многие нити преемственности в этнокультурном развитии.

¹ См.: Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972. С.36; когда автор пишет "Этническое объединение башкирских племен в народность и формирование одноименной нации в современном ее виде...это явление однопорядковое, хотя и не тождественные" (Там же. С.29), он имеет, очевидно, в виду не отсутствие различий между такими этносоциальными общностями, как "племя", "народ", "нация", а подчеркивает преемственность между ними тех или иных этнических свойств. Однако недостаточно четко выраженная мысль исследователя нередко трактуется читателями как отсутствие различий между народностью и нацией, а неточная характеристика автором этих терминов как "однопорядковых" воспринимается как "одинаковых", "однородных".

² Большой англо-русский словарь / Под ред. И.Р.Гальперина. М., 1979 (см., например, nation of shopkeepers – нация лавочников. С.80); Турецко-русский словарь / Под ред. Мустафеева Э.М.-Э., Старостова Л.Н. М., 1977. С.629.

³ См. обзор литературы: Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. С.32–36.

⁴ Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // СЭ. 1986. N 3. С.58–69.

⁵ Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей. С.63. Закljučая дискуссию, М.В.Крюков уточнил свою позицию, предлагая отказаться от "выражения" "нация и народности Советского Союза" "в нашем обиходном словоупотреблении..." (См.: Крюков М.В. Главной задачей по-прежнему остается проникновение в сущность этнических связей // СЭ. 1986. N 5. С.77; разрядка моя –Р.К.).

⁶ См. материалы дискуссии об исторических типах этнических общностей (СЭ. 1986. N 3, 4, 5).

⁷ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С.1337–141 и др.; Он же. Очерки теории этноса. М. 1983. С.79–80 и др.

⁸ Козлов В.И. О классификации этнических общностей // Исследования по общей этнографии. М. 1979. С.15. Он же. От первобытности до современности // СЭ. 1986. N 4. С.67.

⁹ Широкогоров С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток. 1922. С.7.

¹⁰ Козлов В.И. От первобытности до современности. С.67.

¹¹ Кузеев Р.Г. Национальные процессы и социальное развитие. Уфа, 1989. С.10–12.

¹² Цемежи И.П. Нации и национальные отношения в развитии социалистического общества. М. 1979. С.9 (разрядка моя. Р.К.).

¹³ Там же. С.10.

¹⁴ Kuzev R.G. Historical stratification of Generic and tribal names and their role in the ethnogenetic study of Turkic peoples of Eastern Europe, Kazakhstan and Central Asia // The Nomadic alternative. Chicago. 1978. P.157–163.

¹⁵ Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. Гл.2.

¹⁶ См.: Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957. Ч.1, гл.11–111.

¹⁷ Греков Б.Д. Волжские булгары в IX–X вв. // Ист. зап. М., 1945. 14. С.3–37.

¹⁸ Халихов А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С.81.

¹⁹ Тиенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т.1. С.235.

²⁰ Наджиб Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М., 1989. С.244–249.

²¹ Федоров Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. 1966. С.245–246.

²² Сафаргалеев М.Г. Распад Золотой Орды. Сарая, 1960. С.201–272.

²³ См.: Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С.475–481.

²⁴ Немет Д. Венгерские племенные названия у башкир // АЭБ. Уфа, 1971. Т.4. С.260.

²⁵ См.: Першиц А.И. Этнос в равнинно-лассовых оседло-кочевнических общностях // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С.173–174.

²⁶ Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы "Казанской войны" (1545–1549) // Тр Моск гос ист арх и библ. 1954. Т.6. С.187–257.

²⁷ См.: Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, пожалованного башкирам русскими государями // Зап. РАН. СПб., 1864. Кн.2. Прилож.

²⁸ Атаманов М.Г. Из истории расселения першудно родовых групп // Материалы по этногенезу удмуртов Ижевск 1982. С.87–89, 97, 113 и др.

²⁹ См.: Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972. С.186; Халиков А.Х. Происхождение татар Полюжья и Приуралья. Казань, 1978. С.156–158; Очерки истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1965. С.224–228, 234; Чуваши: Этнографическое исследование. Чебоксары, 1956. Ч.1. С.45–47; Селеев Г.А. Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (Середина XIX – начало XX века). Йошкар-Ола, 1975. С.57–61; Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т.1. С.344–345; Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981. С.109–141, 227–293.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.19. С.496.

³¹ Кроме приведенных материалов, см.: Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М. 1978. С.190–192 и след.; Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. С.158; История Татарской АССР (С древнейших времен до наших дней). Казань, 1968. С.207; Чуваши... Ч.1. С.45–50; Очерки истории Мордовской АССР Т.1. Гл. XIX.

³² Гурвич И.С. Современные направления этнических процессов в СССР // СЭ. 1972. N 4. С.25.

³³ Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М., 1972. Вып.2. С.25.

³⁴ Мокшин Н.Ф. Этническая история мордовского народа. Саранск. 1977. С.205–206

³⁵ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. С.296

³⁶ Там же

³⁷ Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М. 1987. С.28

³⁸ Мокшин Н.Ф. Этническая история мордовского народа. С.206.

³⁹ См. подробно: Кузев Р.Г. Социальное и национальное в современных этнонациональных процессах. Уфа, 1990. С.6–10, 14–15.

⁴⁰ Национальные процессы в СССР: Итоги, тенденции, проблемы. Беседа во "круглом столе" // История СССР 1987. N 6. С.102.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.19–20 (разрядка моя. – Р.К.).

⁴² Мокшин Н.Ф. Этническая история мордовского народа. С.206.

⁴³ Хасанов Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977. С.116–141.

⁴⁴ См. об этом: Кузев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С.202–203

⁴⁵ Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. Казань, 1984. Гл.1

⁴⁶ Мокшин Н.Ф. Этническая история мордовского народа. С.156.

⁴⁷ Гиммат Х., Мукарямов М. Советская Татария – детище Октября. Казань. 1967. С.13

НЕПРЕРЫВНОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ИМПУЛЬСЫ КОНСОЛИДАЦИИ

Главный вывод, который следует из всего исследования, заключается в том, что этнос есть сложная система, находящаяся в постоянном развитии. На путях этого развития этнос неменяется в силу действия сложной совокупности естественноисторических и социально-исторических факторов а также в зависимости от накопленного собственного культурного потенциала. Движение этноса внешне всегда или почти всегда имело эволюционный характер. По крайней мере таковым оно субъективно воспринималось членами этнической общности. Но в историческом масштабе времени этноэволюционное развитие чередовалось с импульсами которые сопровождалась этногенетической трансформацией этноса более плотной консолидацией, всплывкой этнического (национального) самосознания и т.д. Само собой разумеется, что импульсами эти активные периоды этнонационального развития можно называть относительно, имея в виду десятилетия необходимые для эволюционного становления этноса исторического его функционирования и достижения состояния зрелости. В конкретно-исторической реальности эти импульсы или этапы активности этнического развития, особенно этногенетические могли продолжаться на протяжении жизни 2-3 поколений, необходимых для существенных изменений многих параметров этноса и прежде всего для культурно-языковой абсорбции новых компонентов этноса глубокого этнического смешения в результате межэтнических браков и т.д. Интенсивность этнического самосознания и консолидации форсированные социально политическими факторами, могла развиться в течение более короткого времени, однако в этих случаях процесс обычно обретал конфликтную форму (движения сопротивления, этноцентризм, межэтнические трения и т.д.).

Во всех случаях периодам активности этнических процессов предшествовал значительно более длительный период эволюционного развития в рамках которого образовывались и накапливались противоречия для возникновения следующего импульса. При историко-этнографическом анализе импульсы консолидации когда они поддаются выявлению служат основой, ядром для периодизации развития этноса или группы этносов что и сделано в предшествующем изложении и показано в табл. 20.

Как видно из табл. 20 первый и третий этапы являются этногенетическими (формирование древних и современных этносов). Следовательно, и это надо подчеркнуть, для народов ИЗО свойственны по крайней мере две фазы этногенетической консолидации. Остальные этапы эволюционно-консолидационные. Здесь, однако, требуется примечание которое заключается в том, что правомерное разделение этнических процессов на этноэволюционные и этнотрансформационные является в большом масштабе времени условным. В любом этноэволюционном процессе содержались элементы развития и исторического действия, которые вели к изменению этноса, в том числе параметров, касающихся основных свойств этнической общности — культуры, языка, этнической территории, соотношения этноса и экологической ниши и, наконец, этнического самосознания. Последнее, т.е. этническое самосознание, могло в течение длительного исторического периода оставаться устойчивым, однако содержание его также менялось, обуславливая большую или меньшую открытость или, напротив закрытость этноса для внешних инфосвязей, общения, культурного обмена и развития.

Таблица 20 Этапы консолидации этносов Волго-Уральской ИЭО

Этапы консолидации	Волго-Уральская ИЭО	Днепровско-Волжская ИЭО
1 Рубеж I и II тысячелетия н.э.	Волжско-булгарская, башкирская, мордовская, марийская, удмуртская племенные народности (формирование древних этносов)	Древнерусская племенная и раннефеодалная народность
2 Первые века II тысячелетия (до монгольских походов в XIII в.)	Волжско-булгарская феодалная, башкирская, мордовская, марийская, удмуртская раннефеодалные народности	Древнерусская феодалная народность
3 С XIII в. (со времени монгольского завоевания) до середины XVI в.	Казанско-татарская, мишарская, башкирская, чувашская, мордовская, марийская, удмуртская феодалные и раннефеодалные народности (формирование современных этносов)	Русская, украинская, белорусская феодалные народности
4 Вторая половина XVI—XVII вв.	Волжско-татарская, башкирская, чувашская, мордовская, марийская, удмуртская феодалные народности	Русская, украинская, белорусская феодалные народности и формирующиеся нации
5 XVIII—XIX вв.	Волжско-татарская, башкирская, чувашская, мордовская, марийская, удмуртская феодалные народности и формирующиеся нации	Русская, украинская, белорусская формирующиеся и сложившиеся нации
6 Начало XX в.	Татарская, башкирская, чувашская, мордовская, марийская, удмуртская формирующиеся и сложившиеся нации	Русская, украинская, белорусская нации

Следовательно, этноэволюционные и этнотрансформационные процессы развивались будучи тесно переплетенными. На протяжении истории этноса или группы этносов периодически преобладала та или иная тенденция — этноэволюционная или этнотрансформационная. Преобладание этнотрансформационных процессов и воспринимается в историческом масштабе времени как этногенетический импульс. Однако нередко складывались ситуации, когда дифференцировать единый и сложный этнический процесс оказывалось невозможным, особенно если эти процессы протекали недавно или еще не завершились. Реальная сущность этнических процессов во всей полноте познаваема лишь с определенной временной дистанции.

В аспекте сказанного этнические процессы всегда в той или иной мере этногенетические и это оправдывает этногенетический подход к пониманию истории. Однако волнообразность, импульсивность протекания этнических процессов требует глубокого знания природы закономерностей этих явлений.

Многие исследователи стремились (и стремятся) определить тенденции и закономерности этнического развития через познание законов становления, развития и механизмов взаимосвязей культур народов. Это вновь напоминает актуальность сложной и все еще до конца непонятой проблемы соотношения этноса и культуры. Едва ли можно считать воплощенной в реальность убежденность С. М. Широкогорова, который в 1922 г. писал, что "культура каждого этноса или группы этносов вне зависимости от степени общего развития того или иного этноса, может быть вероятно выражена некоторым коэффициентом равновесия". "Мы должны надеяться, — продолжал ученый, — что этот шаг по пути к точному величинному определению этнографических феноменов в конце концов поставит этнографию на одну ступень с точными науками".¹

Путь этот оказался длительным и на сегодня незавершенным: на мой взгляд, сказались потерянные во многом для теории 1930—1950-е годы. Однако шаги по пути" к указанной цели сделаны немалые. Как упомина-

лось еще в 1972 г. С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров предложили типологически различать этносы по уровню плотности информационных связей, а также баланса синхронных и диахронных, внутренних и внешних инфосвязей. Соответственно были выделены "первичные" народности периодов древности и средневековья со слабыми или недостаточно развитыми внутризтническими информационными связями и "вторичные" народности нового времени с развитыми. Особенно с появлением письменности: внутризтническими инфосвязями². В многонациональных государствах как "первичные", так и вторичные народности имели более или менее интенсивные ассоциативные внешние связи с господствующим или более развитым этносом. Дальнейшее развитие концепция получила в статье С. А. Арутюнова³, опубликованной в ходе дискуссии по типологии этнических общностей. Нет сомнения, что идея С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова плодотворна, особенно при исследовании проблем развития этноса в новое и новейшее время, обеспеченного источниками, годными для количественного выражения. Однако при исследовании этнической истории в эпохи древности средневековья и попытках периодизации истории развития этноса и его культуры в рамках одной формации возникают трудности, пока непреодолимые. Вероятно, будут разработаны и другие методы исследования закономерностей развития культуры, связанные с поисками точных количественных измерений факторов, воздействующих на культурные и этнические процессы.

Изложенное объясняет целесообразность осуществленного в этой работе обращения к социальным параметрам развития этноса, которые, будучи интегральными в целом, отражают, очевидно, и уровень развитости инфосвязей, так как вновь возникающие сословия, социальные группы, классы были инициаторами и носителями определенных культурных новаций. При этом особенное значение имеет на протяжении всей истории этнического развития полнота или неполнота социальной структуры этноса, количественные характеристики и соотношения различных социальных сил.

С формированием социальных групп этноса (в эпохи феодализма или капитализма) от их экономической мощи и политического влияния, активности и обширности хозяйственно-экономических связей зависели сила и интенсивность внутренних и внешних культурных связей, заимствование и развитие письменности, литературы, научных знаний и т. д. Другими словами, степень экономической и политической зрелости социальных слоев этноса вообще, а господствующей социально-классовой группы в частности во многом предопределяла уровень и интенсивность консолидации народностей. Вот почему для различения разных состояний народностей с надеждой на успех целесообразно использовать два однородных, но различных по масштабности и продолжительности функционирования признака: формационно-стадиальный и социально-классовый. При этом, как показывает конкретный материал Волго-Уральской ИЗО, надо учитывать, что народности не обязательно являются результатом распада, синтеза или однолинейной эволюции этносов первобытнообщинной эпохи. Они могут возникать и в условиях классовых формаций, по существу на любых стадиях мировой истории. С другой стороны, народности не обязательно исчезают вместе с феодальной эпохой. Они могут существовать в условиях последующих формаций. Следовательно, народ (народность) является ос-

² Например, мившари и тейтши, которые с начала XVIII в. до 1926 г. учитывались во всех переписях (в XVIII - XIX вв. - в ревизиях) как самостоятельные этнические образования, при определенных конкретно-исторических обстоятельствах могли слиться и функционировать как самостоятельные этносы.

новым звеном в таксономической иерархии этнических общностей. Народность может просуществовать на протяжении нескольких общественных формаций (кроме первобытнообщинной), однако, как и любой социально-исторический организм на каждом крупном этапе исторического развития имеет специфическую социальную характеристику. Она в конечном итоге и является доминирующей, а с точки зрения понимания процессов общественной жизни — наиболее важной.

Вновь возникающие народы (или новые их состояния) могут формироваться на основе ранее существовавших этнических общностей в ходе синтеза нескольких компонентов или наконец в результате разделения, распада ранее существовавших народностей. Соответственно, процессы образования народностей бывают однолинейными, многолинейными и дивергентными. В Волго-Уральском регионе во II тысячелетии н.э. имели место все указанные варианты этнического развития, однако чаще всего — их комбинации. Когда распалась волжско-булгарская народность и из нее вычленились в разных пропорциях компоненты татарского, чувашского и башкирского этносов, это был пример дивергентного развития. Когда чувашский этнос в процессе дальнейшего формирования явился результатом сращения и синтеза древненарийского и булгарского компонентов, а в сложении башкир и татар существенную роль сыграли кыпчакские и кыпчакизированные группы, это был путь многолинейного развития и этнокультурного синтеза. Видно развитие финно-угорских этносов региона (мордов, мари, удмуртов) во II тысячелетии н.э. можно трактовать в определенном смысле как однолинейное развитие, хотя это не должно заслонять сложности их этногенетического становления.

Накопление материалов и идей позволило ряду исследователей перейти к поискам терминологического обозначения разных состояний народностей. Высказано немало идей, однако устоявшихся общепринятых терминов пока нет. С точки зрения социальных подходов к типологизации народностей интересной представляется развитие идеи о "первичных" и "вторичных" народностях. Признак социальной структуры, как уже отмечено целесообразно сделать главным при классификации этнических общностей одной формации. Именно в этом смысле интерпретировал указанную идею Ю. В. Бронлей. Отметив, что народности различаются в "структурно-генетическом отношении", он выделил народности, "возникшие в условиях раннеклассовых обществ, непосредственно на базе родоплеменных этнических общностей", и народности, сложившиеся на основе уже существовавших общностей этого типа (т.е. тоже народностей или при их участии в этнических процессах). Эти народности названы Ю. В. Бронлеем соответственно "первичными" и "вторичными". Во внутренней структуре первичных народностей весьма ощутимо проступают родоплеменные связи⁴, хотя "производственные отношения" внутри этих этносоциальных общностей имеют уже классовый... характер, а родоплеменные связи находятся исключительно в сфере надстройки⁵.

Смена различных состояний народностей в Волго-Уральском регионе (см. табл. 20) показывает, кажется, в этом процессе некоторые особенности. Важная из них заключается в том, что на одной линии этнического развития могли в разное время последовательно сформироваться однолинейно или многолинейно несколько "первичных" или несколько вторичных народностей, качественно различающихся друг от друга. Так из шести показанных в табл. 20 состояний народностей Волго-Уральского региона первые три для большинства народов первичные, так как в этнической структуре, в общественном строе в социально-классовой характеристике этих этапов развития этносов в разных пропорциях сохранились традиции родоплеменного деления, патриархально-аристократическая

природа социальных верхов, даннические формы феодальной эксплуатации, древние и жесткие формы личной зависимости и т.д. Вторичные народности также различались по социально-классовой характеристике. Для большинства Волго-Уральских этносов вторая половина XVI - XIX в. в социальном смысле была полосой перестройки, адаптации к новым условиям и формам общественной жизни, в ходе которой состояние "вторичной" народности менялось.

При типологизации народностей надо также иметь в виду, что этносы, находясь в рамках многонационального феодального или капиталистического государства, могут в большей или меньшей степени отставать в социально-экономическом развитии (с соответствующим отражением в социально-классовой структуре) от уровня развития основного этноса государства. В рамках отдельного региона социально-экономическое и, следовательно, этноконсолидационное развитие также могло проходить неравномерно. В Волго-Уральском регионе внешне это проявлялось, как показано, в отсутствии или нечеткой дифференцированности у отстающих этносов основных классов соответствующей эпохи. Однако было бы неверно понимать это отставание как абсолютное, с большим разрывом, так как отстающие в социально-экономическом развитии этносы тем не менее вовлекались в хозяйственные, торговые, культурные связи с основным этносом государства или более развитым этносом региона, втягивались, другими словами, в общую систему рыночных политических и культурных связей.

Следовательно образовывалась непрерывность социально-экономического развития как в диахронном, так и в пространственном отношении. В этой непрерывности разрывы между "передовыми" и "отстающими" этносами или их частями были относительными. Характеризовать и терминологически обозначать подобные состояния этносов особенно трудно. Так, феодальная (по доминирующим особенностям социально-классовой структуры) общность могла определенное время функционировать в составе сложившегося капиталистического общества и государства, как это было с Волго-Уральскими этносами во второй половине XIX в. Одновременно они находились в многочисленных связях с русскими, а также с татарскими этносами, и под воздействием этих связей сами трансформировались в буржуазно направленные. Дунаец, что народности, длительное время находившиеся в переходных состояниях (как волго-уральские), целесообразно называть (см. табл. 20) соответственно племенными, "раннефеодальными", "феодальными" а нации - "формирующимися", "сложившимися" и т.п. в зависимости от конкретно-исторической характеристики их социально-классовой структуры. Однако учитывая разные уровни и специфику социально-классового состава народов и наций было бы полезно найти, кроме описательных, специальные термины для обозначения разного их стадийного состояния.

Идея непрерывности этнических процессов имеет, как видно, определенные основания и в синхронно-пространственном отношении. Наглядно это просматривается на примере двух ИЗО: Волго-Уральской и Днепровско-Волжской. Этот малоисследованный аспект развития этносов в субконтинентальном масштабе представляет несомненный интерес. Если бы мы расширили табл. 20 и включили в нее наряду с этносами Волго-Уральской и Днепровско-Волжской ИЗО этнические общности Северокавказской ИЗО, Средней Азии и Казахстана, то обнаружили бы стадийное сходство или близость (но, естественно, не тождество) многих этапов развития. Если же вести речь об этапах консолидации известных нам современных народов указанных регионов, то в широком масштабе исторического времени наиболее важные этапы консолидации (1 - 3 этапы, связанные с формированием основных этнических свойств) совпадали и во времени. Вероятно, в обширной зоне Евразии, включавшей историко-культурные области

(Днепровско-Волжскую, Северокавказскую, Волго-Уральскую Среднеазиатско-Казахстанскую Южно-Западносибирскую) активного взаимодействия различных по происхождению народов, мигрировавших как в широтном, так и в меридиональном направлениях, процессы социально-политического и этнокультурного развития шли взаимосвязанно. Во второй половине и в конце I тысячелетия н.э. наибольшая активность этнических процессов была связана с широтными массовыми миграциями населения и возникновением интенсивных этноконсолидационных очагов в южной части Европейской территории нашей страны (Схазария, Великая Болгария). С конца I — начала II тысячелетия н.э. интенсивные очаги этнических процессов перебегают к северу, в лесостепные территории. Возникает очаг этногенеза древнерусской народности и становления древнерусской государственности. В Волго-Уральском регионе аналогичные процессы были связаны с передвижениями к северу из Предкавказья, Приаралья южнорусских степей тюркских, тюрко-угорских и угорских групп населения и образованием Волжской Булгарии.

Конечно, нельзя понимать сходство этапов консолидации как абсолютное тождество. Напротив, расширенная таблица показала бы достаточно пеструю картину опережение одних, отставание других в этносоциальном развитии в пределах ИЗО, в Восточно-Европейской историко-культурной провинции, в пределах всех перечисленных выше историко-этнографических регионов. Однако обратим внимание на совпадения, так сказать, эпохальные, в большом масштабе времени. Так формирование этнических общностей (племенных народностей) легших в основу многих современных народов от Днепра до Семиречья, происходило во второй половине — конце I тысячелетия н.э. Сложение феодальных народностей с известными нам современными культурно-языковыми свойствами укладывается в диапазоне времени от XIV до XVI в. В пределах указанных столетий естественно, были различия в темпах этноконсолидационных процессов, однако это были постоянно развивавшиеся, динамичные различия, в которых всегда сохранялись определенные соотношения. Другими словами эти различия не были глубокими разрывами в исторически взаимосвязанных процессах. Формирование наций происходит в XIX — XX вв., хотя истоки этого процесса восходят к предшествующим столетиям.

* Нации, возникшие или формировавшиеся в России в конце XIX — первых десятилетиях XX в., были образными, сопоставимыми по типу с буржуазными нациями Центральной и Восточной Европы более ранних эпох — XVIII — начала XIX в. Возникнув на этнической основе, они выдвинули в качестве главных лозунгов своего освободительного движения национально-территориальное (национально-государственное, национально-политическое) самоопределение и право на свободное развитие соответствующих коренных национальностей. Эти тенденции отражали социально-экономическое развитие той эпохи, формирование национальной буржуазии и ее политических целей. Нации этнического типа (языковым или условно так) надо отличать от современных наций, которые, начав формироваться в те же столетия (XVIII — XIX вв.), развиваются в настоящее время на основе фундаментальных принципов прав человека и равенства всех народов. В эры национального самосознания в нашей стране является во многом возрождением тех принципов и идеалов национального движения, которые были характерны для более ранних, так сказать, "этнических" этапов истории формирования наций. Происходит восстановление и дальнейшее развитие стремления наций к самоопределению, т.е. к тем целям, которые оказались в исторической действительности нереализованными, преданными забвению или разрушенными. В этом смысле и с учетом особенностей нашей истории в XX в. нынешнее национально-освободительное движение надо считать закономерным, независимо от того, что различные социальные группы пытаются использовать его в свои цели. В то же время прошлый опыт "дружбы народов" не может быть забыт полностью, особенно в контексте мировых тенденций. Пройдя необходимый этап размежевания, национально-политического возрождения, нация этнического типа непременно вступает (нередко уже вступает) на исторический путь развития современных наций со свойственным им стремлением к экономической и политической интеграции на основе воспринятых всеми принципов полного равенства всех народов и незыблемых прав человека.

Представленный в книге анализ этноисторического опыта как мне кажется, может быть принят во внимание при обдумывании нашего современного состояния и наших перспектив. Страна переживает сложный период внутринациональных и межнациональных процессов. Именно поэтому важно понять исторические тенденции и попытаться заглянуть в будущее. Как бы критически мы не относились к нашему прошлому, надо признать, что движение большинства наций (особенно имеющих национально-территориальную государственность) по пути социально-экономического и культурного развития было после Октябрьской революции заметным. Следовательно, еще более возросла потенциальная возможность к интегративным связям. В послевоенный период с большей очевидностью обнаружилось тенденции к общеевропейской интеграции. Важно подчеркнуть в связи с этим следующее. Исторический опыт формирования и функционирования историко-этнографических областей и провинций, а также современный опыт интегрирующихся регионов мира показывает, что прогнозы классиков науки XIX в. об этнической интернационализации мира, о нарастании в XX в. тенденции к слиянию наций не реализовались. Экономическая интеграция культурное взаимодействие сопровождались в истории и сопровождаются сегодня сохранением и развитием этносов, которые при этом, естественно, вместе со всем миром этническим и социально-политическим окружением структурно изменяются, перестраиваются. На карте мира исчезают старые и появляются новые этнографические и этнические группы и общности. Можно сказать, что зародившиеся еще в древности, получившие развитие в последующие эпохи процессы дифференциации и интеграции приобрели субконтинентальные и континентальные масштабы и становятся глобальными. На этом фоне межнациональные проблемы и конфликты в стране, обнаружившиеся центробежные политические тенденции должны восприниматься как неизбежный этап возрождения или как временные трудности, не имеющие исторической перспективы. Однако эти проблемы, конфликты, тенденции могут сильно и негативно повлиять на историю страны, задержать, отложить реализацию назревших задач демократического переустройства общества. Поэтому я завершаю книгу призывом внимательно вдуматься в опыт истории, который учит народы дружить, объединяться, сближаться, оставаясь в то же время самими собой.

¹ Широкогоров С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922. С.7.

² Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М., 1972. Вып.2. С.23-26.

³ Арутюнов С.А. Классификационное пространство этнической типологии // СЭ 1986 N 4 С.60-64

⁴ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С.284-285.

СОДЕРЖАНИЕ

С п и с о к с о к р а щ е н и й	3
В в е д е н и е Историко-этнографические области Общая характеристика	5
Г л а в а I Этнический состав и численность населения Волго-Уральской ИЭО	
Этнический состав и численность	12
Территория и природно географические условия	14
О целях исследования	17
Г л а в а II Формирование финно-угорского населения региона	
Культурное взаимодействие с индоиранскими племенами лесостепного юга	
Волго-Уральский регион в эпоху распада уральской общности и расселения финно-угорских племен	22
Формирование финно-угорского населения в Волго-Уральском регионе. Этнокультурные контакты с ранними кочевниками лесостепного юга	24
Хозяйство и культура финно угров	30
Об общественном строе населения региона	36
О Волго-Уральско-Северо-Кавказской историко-культурной провинции	37
Г л а в а III. Сложение и развитие Волго-Уральской ИЭО с середины I тысячелетия н.э. до XVI в.	
Финно-угорско-тюркское взаимодействие	
Основные тенденции хозяйственно-культурного развития в регионе	42
О проблеме ранних тюрков на Средней Волге и Южном Урале	43
Раннебулгарский период в сложении региона	52
Булгарский период в истории региона	59
Распад волжско-булгарской этнополитической общности и изменения в расселении населения	67
О роли кыпчакского компонента в этногенезе тюркских народов региона	70
Обсуждение концепций о булгаро чувашской и булгаро-татарской этноязыковой преемственности	81
Финно-угорско-тюркское взаимодействие (XIV — первая половина XVI в.)	85
О формировании этнических территорий в регионе	88
Г л а в а IV Развитие Волго-Уральской ИЭО в XVI — начале XX в.	
Р а з д е л 1 Политические и этнокультурные предпосылки этногенетических процессов нового времени	
Восточные славяне в Волго-Уральском регионе до монгольского нашествия	95
О роли Золотоордынского государства в процессах этногенеза	99
Движение населения в Волго-Уральском регионе в эпоху распада Золотой Орды	102
О взаимоотношениях Казанского ханства и Руси в аспекте этнических проблем	105
Несколько выводов	112
Р а з д е л 2 Этногеографические процессы в Волго-Уральской ИЭО во второй половине XVI-XIX в.	

Этнополитические тенденции	114
Движение населения со второй половины XVI в до начала XVIII в	121
Изменения этнической ситуации на восточных границах региона в XVII-первой половине XVIII в	127
Этнические последствия деятельности Оренбургской экспедиции	134
Внутренние миграции населения в ИЗО в XVIII в	138
Основные направления этносоциальных процессов в регионе в XIX в	143
<i>Р а з д е л 3 Этнодемографические процессы в регионе в XVII-XIX вв</i>	
Общий демографический результат миграционных процессов	147
Особенности расселения и демографического развития восточно-славянских, тюркских и финно-угорских этносов	156
Этнический состав городского и сельского населения	173
<i>Р а з д е л 4 Взаимодействие культур</i>	
Факторы развития этнокультурных процессов	176
О влиянии миграций на взаимодействие культур	191
Изменения и обмен опытом в хозяйстве	192
Жилища, постройки, усадьбы: тенденции развития	197
Женская одежда и украшения: особенности взаимодействия	200
Народное творчество общие черты и самобытность	204
Тюрко-финно-угорское языковое взаимодействие	205
Русское население в процессах взаимодействия	207
Несколько общих наблюдений	209
 <i>Г л а в а V Этнографическая структура населения Волго-Уральской ИЗО в XVI-XIX вв</i>	
<i>Р а з д е л 1 Общие подходы к разработке этнографической структуры региона</i>	
Культурные ареалы и их взаимодействие	222
Подразделения этноса	225
<i>Р а з д е л 2 Этнографические группы в Волго-Уральском регионе</i>	
Генетические ЭГ у финно-угорских народов	229
Генетические ЭГ в составе тюркских народов	234
Территориальные ЭГ (Особенности формирования в Волго-Уральской ИЗО)	247
Территориальные (смешанные внутриэтнические) ЭГ	250
Территориальные (смешанные межэтнические) ЭГ	260
Этноконфессиональные ЭГ	263
Этносословные ЭГ	266
Этнографические группы русского населения	272
Этнографические группы и этнические процессы (Общие наблюдения)	275
<i>Р а з д е л 3 Этнические группы в регионе</i>	
Этническая группа Общая характеристика	281
Малые этнические группы	283
Крупные этнические группы	285
Национальные группы	286
<i>Р а з д е л 4 Этнографическая структура ИЗО в этногенетическом аспекте (О роли подразделений этноса в этнических процессах)</i>	287
 <i>Г л а в а VI Этнические процессы в Волго-Уральской историко-этнографической области во II тысячелетии н.э. (До начала XX в)</i>	
О типологии этнических общностей	301
Этногенетические процессы на рубеже I и II тысячелетий н.э.	306
Этноэволюционные процессы в XI-XIII вв (До монгольских завоеваний)	312

Этногенетические процессы в эпоху Золотой Орды	313
Этноэволюционные процессы во второй половине XVI-XVII в	316
Этнические процессы в XVII-XIX вв	322
О процессах национальной консолидации в начале XX в	326
З а к л ю ч е н и е Непрерывность этнических процессов и им- пульсы консолидации	336

Научное издание

Раиль Гумерович **Кузеев**

Народы Среднего Поволжья и Южного Урала

Утверждено к печати

Институтом истории, языка и литературы

Башкирского научного центра Уральского отделения РАН

Заведующий редакцией З Г Демидова

Редактор издательства Л И Тормозова

Художественный редактор И Д Бочаров

Корректоры М Т Мальцева, Т С Корсакова

Сдано в набор 12 11 91
Подписано к печати 21 05 92
Формат 70х90 1/16
Бумага типографская № 2
Печать офсетная
Усл -печ л 25,7+0,6 вкл
Усл кр -отт 26,6
Уч -изд л 34,1
Тираж 900 экз Зак 3253

•

Российское академическое издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул д 90

1-я типография издательства "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия 12

К 89 КУЗЕЕВ Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Ин-т истории, языка и литературы Башк. науч. центра Ур. отд-ния РАН - М. Наука, 1992 - с. 347
ISBN 5-02-010109-5

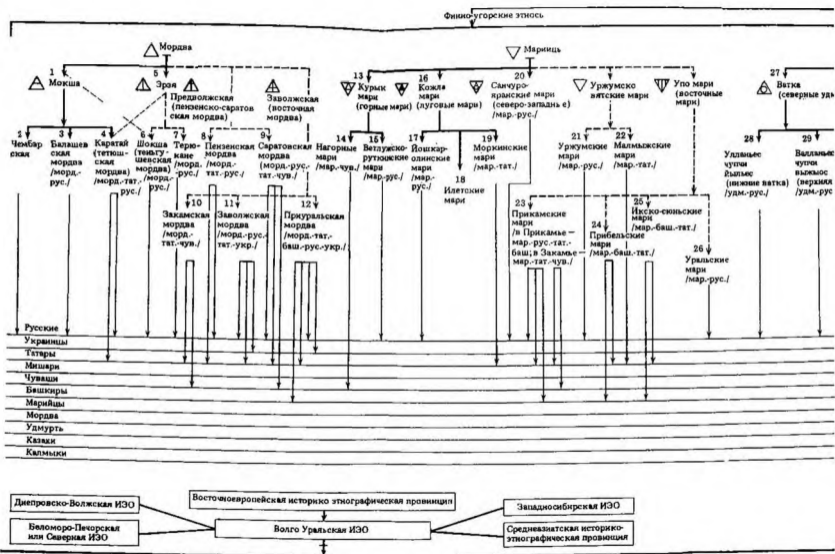
Первая в России книга по этнической истории одного из крупных регионов — Среднего Поволжья и Южного Урала, сложившегося к середине II тысячелетия н.э. в Волго-Уральскую историко-этнографическую область. Основное содержание книги — формирование этнического состава населения и этнокультурные взаимодействия финно-угорских (мордва, мари, удмурты), тюркских (чуваши, татары, башкиры) и восточнославянских народов региона.

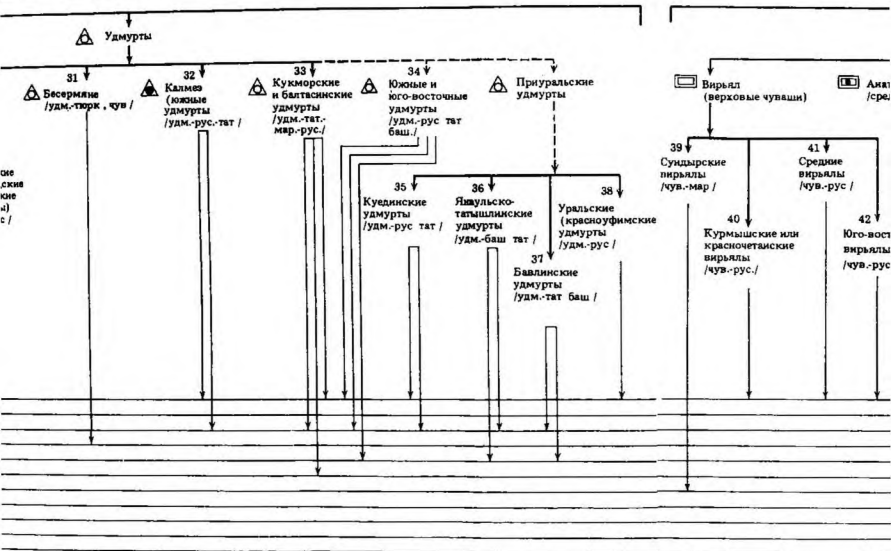
Для этнографов, историков.

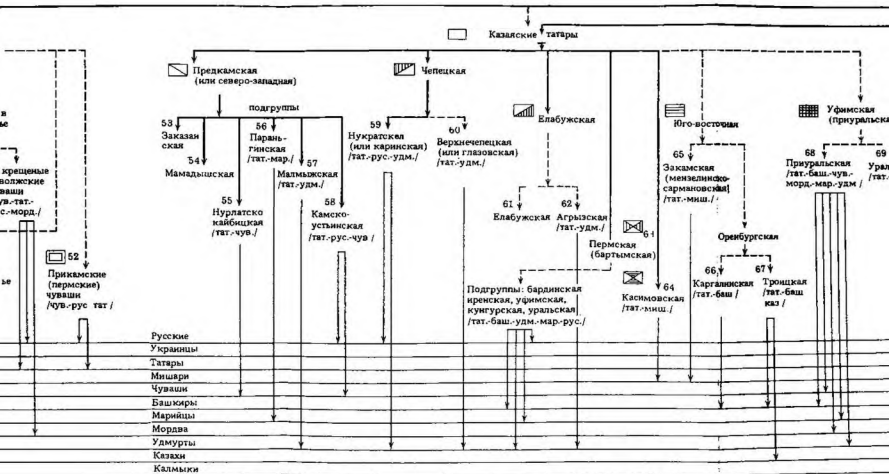
К 0505000000 043 - 92 - II
042(02)-92

ББК 63 5(2)

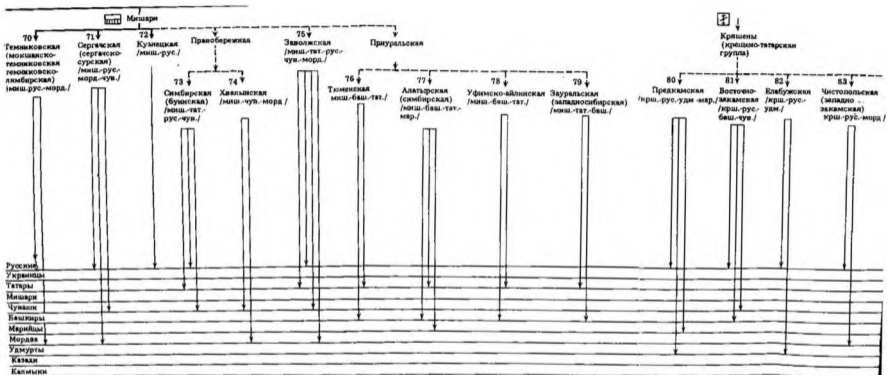
Таблица 15 Этнографический состав населения Волго Уральской ИЗО в XVI - XIX вв.

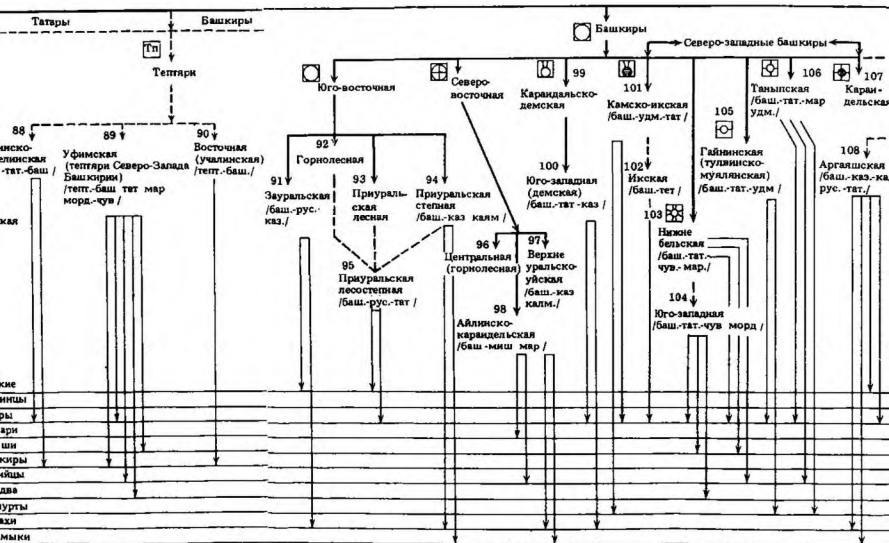

Продолж

1 - генетические (старые) подразделения этноса, 2 - территориальные (новые) подразделения этноса, 3 - межэтнические этнокультурные связи, 4 - направления этнокультурных связей (морд.-рус., морд.-рус.-тат., баш.-тат.-рус.-удм.)

Кузнецов Р.Г.

Русские

○ Украинцы

